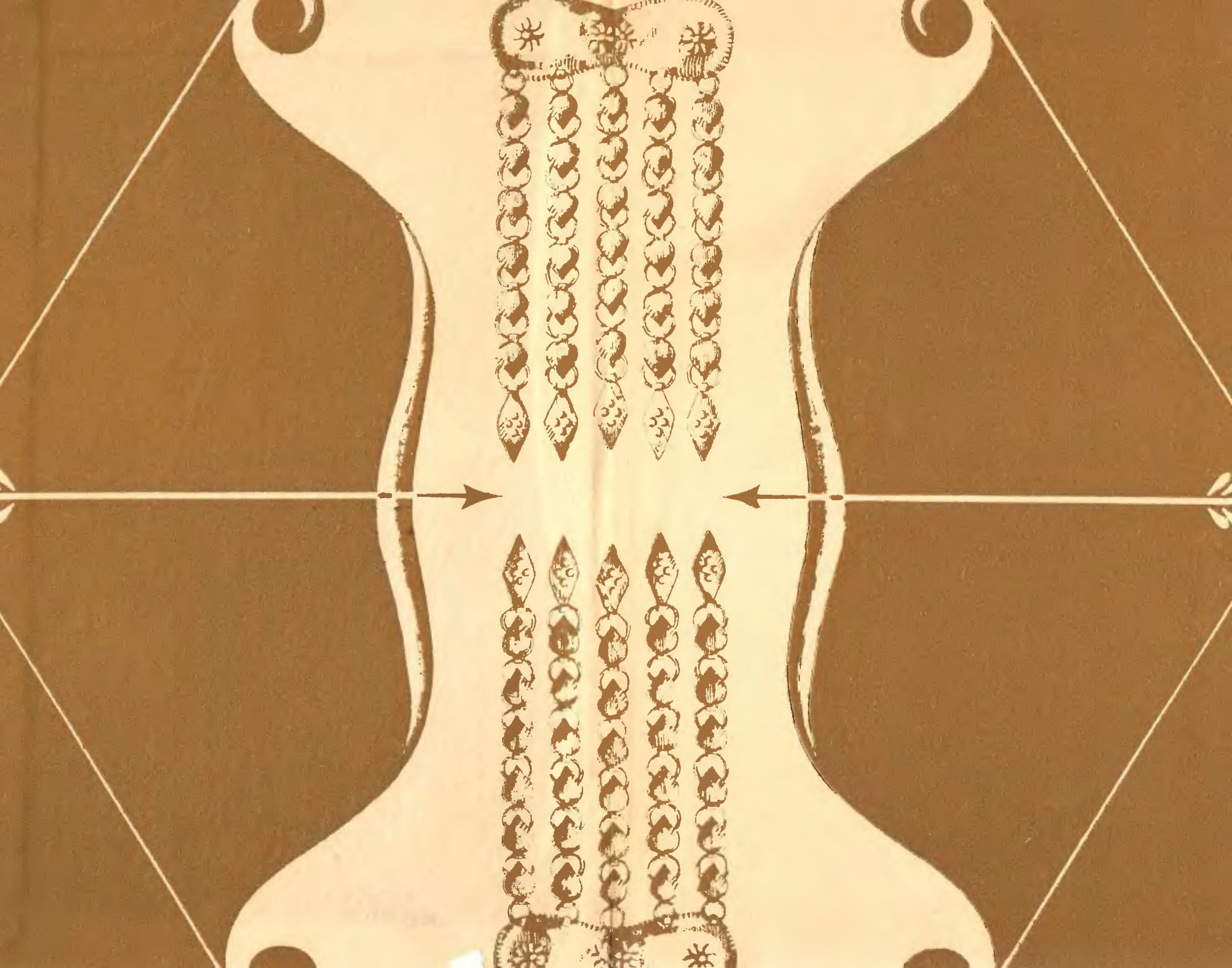

БАШКИРСКОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ЭПОС

БАШКОРТ ХАЛЫК ИЖАДЫ

1 ТОМ

ЭПОС

ӨФӨ
БАШКОРТОСТАН КИТАП НӘШРИӘТЕ
1987

БАШКИРСКОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ТОМ 1

ЭПОС

УФА
БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987

82.3 баш.
Б—33

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. Т. ЗАРИПОВ — главный редактор.
Л. Г. БАРАГ, Р. Ф. БАЙБУЛАТОВ, С. А. ГАЛИН, Р. Г. КУЗЕЕВ,
Ф. А. НАДРШИНА, А. М. СУЛЕЙМАНОВ, З. Г. УРАКСИН,
А. П. ФИЛИППОВ, Г. Б. ХУСАИНОВ

Составитель М. М. Сагитов

комментарии Н. Т. Зарипова, М. М. Сагитова
и А. М. Сулейманова

Ответственный редактор тома Н. Т. ЗАРИПОВ

Б $\frac{4702110000-193}{M121(03)-87}$ 96—87

82.3 баш.

© Башкирское книжное издательство, 1987.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Современное культурное развитие народов СССР ставит перед советской фольклористической наукой многоплановую задачу — исследования фольклорных памятников в их комплексе и исторической связи с конкретными условиями жизни народа, его общественным развитием. Особую актуальность приобретают ныне труды, отражающие закономерности духовного движения народов, их социальные и нравственные устремления, пути и формы их культурного взаимообщения в прошлом и в настоящем.

При этом большое значение придается научному изданию фундаментальных сводов национального фольклора. Целостные многотомные фольклорные собрания — это наиболее массовая и активная форма бытования, обеспечивающая сохранение устно-поэтического наследия народа для современных и будущих поколений. Вместе с тем они представляют систематизированную материальную базу для изучения истории устной литературы данного народа, его многовекового художественного опыта и творческих контактов с другими народами. Но для сравнительного изучения особенно важно издание фольклорных памятников в переводе на русский язык. Благодаря переводу лучшие национальные устно-поэтические произведения входят в общую сокровищницу духовных ценностей народов СССР, становятся достоянием новой социальной общности людей — советского народа. Вместе с тем перевод на русский язык как язык межнационального общения способствует вовлечению фольклорных образцов в международный научный оборот.

Руководствуясь программными установками XXVII съезда КПСС, Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР и Башкирское книжное издательство предприняли издание башкирского фольклорного свода в переводах на русский язык. В подготовке издания принимают участие ученые Башкирского государственного университета, Стерлитамакского госпединститута и Уфимского института искусств.

Издание учитывает как задачи фольклористической науки, так и художественно-эстетические интересы широкого круга читателей. Этим двуединым назначением свода обусловлен принцип отбора цельных и наиболее характерных в историческом и художественном отношении текстов и размещения их таким образом, чтобы каждый том отразил идейно-тематическое богатство представленного жанра в его эволюции.

Основными источниками свода являются восемнадцатитомное собрание башкирского фольклора, выпущенное Башкирским книжным издательством в 1972—1985 гг. на родном языке, и ранее опубликованные произведения в переводе на русский язык. Некоторые тексты представляются в новых записях. Необходимые сведения о вариантах сообщаются в комментариях. Ранее публиковавшиеся переводные тексты печатаются с уточнениями по рукописным источникам.

Перевод осуществляется на основе принципов научной точности, а также художественности, без каких-либо изменений сюжетной структуры произведения, с воспроизведением национального колорита образов, эпизодов, стилистических формул. Жанровая классификация фольклорных произведений соответствует принятым в башкирском своде принципам. Тексты в каждом томе размещаются по тематическим группам в хронологической последовательности (там, где это возможно). Пословицы и загадки — в алфавитном порядке. Последовательность размещения сказочных текстов внутри жанров связана с системой сказочных сюжетных типов по международному указателю Аарне-Томпсона.

Советским песням отводится отдельный том. Другие произведения, созданные в советское время, помещаются в соответствующих их жанру томах.

Все тома снабжены научно-справочным аппаратом: вступительной статьей, комментариями и указателями.

* * *

Свод открывается произведениями героического эпоса. Том составлялся старшим научным сотрудником ИИЯЛ БФ АН СССР, кандидатом филологических наук Мухтаром Муфаззаловичем Сагитовым, погибшим в июне 1986 г. в автомобильной катастрофе. Работа осталась незаконченной. Подготовку тома к изданию завершили Н. Т. Зарипов (вступ. статья и комментарии), А. М. Сулейманов (комментарии) и Г. Р. Шарапова (словарь и указатели).

БАШКИРСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

На Южном Урале и в прилегающих к нему степях, на стыке двух континентов — Европы и Азии — происходило формирование башкирской народности, в котором участвовали разноязычные племена — тюркские, угро-финские, монгольские, иранские. Ведущую роль в этом сложном этно-историческом процессе, протекавшем почти одно тысячелетие на огромной территории от Алтая до Черного моря, играли древние тюркоязычные кочевники. В исследовании, проведенном на обширном сопоставительном материале, Р. Г. Кузеев пришел к выводу о том, что «древнебашкирская общность складывалась в этническом отношении как многосоставное и многоплеменное образование, при ведущем этно-языковом влиянии на формирующийся этнос древнебашкирских племен — выходцев из Южной Сибири и Алтая; в X в. формирование древнебашкирского этноса еще не завершилось, но уже на рубеже IX—X вв. сложилось племенное объединение, послужившее основой для дальнейшего становления башкирского народа и обусловившее в Древней Башкирии новое направление развития культуры, характерное для тюркских кочевников той эпохи»¹.

В этническом процессе Башкирии в XI — начале XIII в. наметилось два потока. Один из них был частью приаральско-уральских перекочевков и захватил современное башкирское Зауралье, а второй являлся продолжением движения древнебашкирских племен с юга, с Нижней Волги и северокавказских степей². Приток кыпчакских и кыпчакизированных кочевников с юга был настолько значительным, что они, как пишет Р. Г. Кузеев, «проникая во все части древнебашкирского этноса, влияли на дальнейшее его формирование и нивелирование этнокультурных признаков»³.

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974, с. 441.

² Там же, с. 453.

³ Там же, с. 461.

В XIII в. Южный Урал, степное Зауралье и Приуралье до Волги — вся эта территория, где шла консолидация башкирских племен, подпала под монгольское владычество, а в I половине XV в. оказалась разделенной между тремя феодальными ханствами — Ногайским, Казанским и Сибирским, возникшими на развалинах Золотоордынского государства. Так более чем на три столетия задержалось сплочение башкирских племен в единую народность. Их объединение произошло позднее. В заключении упомянутой монографии Р. Г. Кузеева сказано об этом ясно и весьма убедительно:

«В XV — первой половине XVI вв. этнические процессы предшествующей эпохи углубляются и признаки, определившиеся кыпчакским этапом этнокультурного развития, постепенно стабилизируются... В XVI в. башкирские племена расселяются на всей территории, которую они занимали вплоть до XIX в. ...В конце XV — первой половине XVI вв. этнические, территориальные, социально-экономические и политические предпосылки, необходимые для завершения формирования башкир в народность, сомкнулись. Обострение башкиро-ногайской борьбы и добровольное присоединение большинства башкирских племен во второй половине XVI в. к России и объединение башкирского этноса в составе единого государства знаменовало собой завершение этнической консолидации башкирского народа»¹.

Весь этот долгий этнический процесс получил своеобразное отражение не только в исторических преданиях, шежере-родословных, другой исторической литературе, но и в эпических сказаниях, которые составляют значительное место в фольклорном наследии башкирского народа.

История башкирской фольклористики освещена в научной литературе достаточно широко². Мы же отметим здесь лишь значительные факты, касающиеся публикации и изучения эпических сказаний.

Значительным явлением в истории башкирской фольклористики было издание в 1812 г. на русском языке популярного в народе эпического сказания «Кузыкурпяс и Маянхылу» (публикуется в настоящем томе). Подготовленная неизвестным в истории русской культуры Тимофеем Беляевым, эта книга явилась, по утверждению

¹ Там же, с. 509.

² Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970, с. 9—21; Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа. XVIII—XIX вв. Уфа, 1973, с. 45—66; Галин С. А., Зарипов Н. Т. Советская фольклористика в Башкирии // В кн.: Фольклористика в Советской Башкирии, вып. I. Уфа, 1974, с. 5—18; Зарипов Н. Т. Фольклористика // В кн.: В научном поиске: К 50-летию Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. Уфа, 1982, с. 145—159.

Л. И. Климовича, «едва ли не самым ранним опытом перевода эпического произведения тюркских народов России на русский язык»¹. Были публикации и других сказаний. Например, сказание «Заятуляк и Хыхылу» было записано и опубликовано до Октябрьской революции четырежды: в 1843 г. — В. И. Далем, в 1858 г. — Л. Суходольским, в 1902 г. — башкирским музыкантом М. Султановым, в 1910 г. — башкирским и татарским писателем-классиком М. Гафури (о вариантах см. в комментариях). В конце XIX в. известный русский музыковед С. Г. Рыбаков опубликовал нотные записи мелодий сказаний о Заятуляке и Хыхылу и Кара-юрге с пересказом их содержания². В конце XIX — начале XX вв. школьным инспектором А. Г. Бессоновым был записан в числе множества башкирских народных сказок вариант сказания «Алпамыша и Барсынхылу», который, однако, был опубликован только в 1941 г. В этот же период выдвигается ряд ученых-просветителей, краеведов-любителей из коренной национальности. Это (кроме названных выше Мансура Султанова и Мажита Гафури) — Мухаметсалим Умутбаев, Фазыл Туйкин, опубликовавшие в своих записях отрывки эпоса «Идукай и Мурадым»³, Файзи Валеев, который в 1916 г. познакомил читателей журнала «Аң» («Сознание») (на татарском языке) с башкирским эпическим сюжетом «Ек Мэргэн» (публикуется в настоящем томе). Однако изучение их не получило тогда систематического научного характера. Но еще в конце XIX в. Г. И. Потанин в статье «Дочь моря в степном эпосе», обратившись к варианту сказания о Заятуляке, опубликованному Л. Суходольским, сопоставлял его с эпическими произведениями других тюркских, а также монгольских народов⁴. Это был первый в научной печати отклик на башкирский народный эпос. Он исходил с позиции «школы заимствования», умалявшей национальную самобытность фольклорных произведений.

Основательное изучение башкирского народного устно-поэтического творчества началось после Великой Октябрьской революции, когда выросли научные кадры, накапливался опыт принципиально нового отношения к фольклору.

Развертывание фольклористических работ в республике связано с Обществом по изучению быта, культуры и истории Башкирии (1922). Рассматривая фольклор как источник языка, истории, этнографии народа, общество развернуло большую работу по сбо-

¹ Климович Л. И. Башкирский эпос «Куз-курпяч» 1812 года в переводе крепостного Тимофея Беляева // В кн.: Народный эпос «Кузыкурпяч и Маянхылу». (Сборник статей). Под редакцией А. Н. Киреева и А. И. Харисова. Уфа, 1964, с. 52.

² Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта // Записки АН, СПб, 1897, т. 2, с. 138, 143.

³ Умутбаев М. Ядкаръ. Казань, 1897; Туйкин Ф. Нардуган. Уфа, 1915.

⁴ Этнографическое обозрение, 1892, № 1—4, с. 38—69.

ру и формированию фольклорных фондов, пропаганде народного творчества. В 20-е годы были записаны и опубликованы интересные варианты сказания «Қарас и Акша», кубайры о батырах и Родине, произведения других жанров, сделаны первые шаги по систематизации и классификации традиционного фольклора.

Интерес к народному творчеству сильно возрос после первого Всесоюзного съезда советских писателей (1934 г.), с трибуны которого Максим Горький призвал собирать и изучать фольклорные произведения. Слова великого писателя нашли живой отклик и в Башкирии. В то время в республике функционировал Институт национальной культуры (создан в 1932 г.), который в 1936 г. реорганизован в Башкирский научно-исследовательский институт языка и литературы (ныне — Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР)¹. В связи с тем, что в институте мало было фольклористов, начиная с 1935 г. устанавливается связь с многочисленными любителями народного творчества — учителями, работниками районных газет, сельских клубов и библиотек и т. д. К записи фольклора привлекаются также студенты вузов и техникумов. Так к 1937—1938 гг. образуется широкая сеть научных корреспондентов института, которая (с известным ослаблением в годы Великой Отечественной войны) существовала до середины 50-х годов. Ими записаны сотни фольклорных произведений (в том числе эпические сказания), которые хранятся ныне в научном архиве Башкирского филиала АН СССР.

Специальные фольклорные экспедиции стали направляться для сбора материала со второй половины 30-х годов, когда в Институт языка и литературы пришли молодые поэты и писатели с высшим филологическим образованием — Салям Галимов, Хай Мухамедьяров, Гайнан Амири и др. В сборе фольклора участвовали тогда и другие башкирские писатели, например: Али Карнай, Баязит Бикбай, Шакир Насыров и др.

В конце 30-х — начале 40-х годов в институте работал неутомимый собиратель башкирского фольклора Мухаметша Бурангулов (1888—1966). Он передал в фонд института свои записи и поэтические обработки эпических сказаний «Урал-батыр», «Акбузат», «Алпамыша», «Қара-юрга», «Идукай и Мурадым», «Юлай и Салават» и много произведений других жанров, большинство из которых он записал еще до Октябрьской революции и в 20-е годы. Он же составил сборник исторических сведений о дореволюционных башкирских сәсәнах с приложением к ним поэтических произведений, в которых утвердившийся в народной памяти сәсән выступает или автором данного кубайра, или его героем². В республи-

¹ Усманов Х. Ф. Институту истории, языка и литературы — 50 лет // В кн.: В научном поиске, с. 8—17.

² Научный архив БФ АН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 445.

канских газетах и журналах впервые опубликованы эпические сказания «Акбузат», «Юлай и Салават», «Идукай и Мурадым».

Вместе с тем в освещении исторического прошлого башкирского народа были допущены тогда серьезные идеологические ошибки. В области фольклористики это выразилось в некритическом отношении к ряду исторических сказаний феодальной эпохи, опубликованных в сборнике «Эпос о богатырях»¹. Эти ошибки были отмечены в Постановлении ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» (январь 1945)². Справедливая партийная критика помогла башкирским деятелям науки и культуры понять, что не все, что есть в фольклоре, народное; при изучении как истории народа в целом, так и его духовного наследия в частности необходимо умение анализировать явления, различать прогрессивные и консервативные тенденции.

С открытием в Уфе Башкирского филиала АН СССР (1951 г.) и Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября (1957 г.) начинается новый этап развития национальной фольклористики, который характеризуется тремя видами научных работ:

а) значительно расширяется сбор устно-поэтических произведений, проведение ежегодных фольклорных экспедиций на новом методическом и техническом уровне входит в плановую систему научных изысканий ИИЯЛ и БГУ;

б) выпускаются большие сборники фольклорных материалов, в том числе трехтомник³, составленный по определенным принципам фольклорной текстологии;

в) появляются первые крупные исследования.

В числе наиболее значительных исследований пятидесятых и шестидесятых годов стоят труды двух башкирских ученых, профессоров А. И. Харисова (1914—1977) и А. Н. Киреева (1912—1984). Это, прежде всего, исследование башкирской народной поэзии А. И. Харисова⁴, в котором впервые был сделан обстоятельный научный обзор традиционных жанров, в том числе эпического сказания «Бабсак и Кусяк» («Кусяк-бий») и кубаиров о Родине.

¹ Батырзар тураһында эпос /Сост. М. Бурангулов. Уфа: Башкнигоиздат, 1943 (на башк. яз.).

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1985, т. 7, с. 539—543.

³ Башкирское народное творчество, т. 1 и 2 /Сост. А. И. Харисов, Уфа: Башкнигоиздат, 1954, 1959; т. 3/ Сост. А. Н. Киреев, Уфа: Башкнигоиздат, 1955 (на башк. яз.).

⁴ Харисов А. И. Башкирская народная поэзия: Дореволюционный период // В жур.: Эдэби Башкортостан, 1952, № 2, с. 36—55; № 3, с. 44—61 (на башк. яз.). Та же работа в качестве вступительной статьи опубликована в 1-м томе названного трехтомного сборника башкирского фольклора.

В 1961 г. на башкирском языке была издана монография А. Н. Киреева (Кирея Мэргэна) «Эпические памятники башкирского народа», которая в несколько новой, уточненной редакции вышла и на русском языке¹. В ней впервые подвергнуты специальному исследованию произведения башкирского народного эпического творчества, многие из которых еще недавно, например, в названном трехтомном сборнике, причислялись к мифам («Урал-батыр»), сказкам («Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», «Алпамыша», «Кузыкурпяс и Маянхылу») или песням («Акхак-кола», «Кара-юрга», «Конгур-буга»). Автору монографии удалось доказать наличие героического эпоса в башкирском фольклорном наследии. Множеством примеров он раскрыл идейно-тематическое содержание и национально-поэтическую специфику жанра, различные формы его художественного выражения, а также особенности современного бытования. Должное внимание обращено здесь также на проблемы возникновения и развития эпических сюжетов, их соотношение как с исторической действительностью, так и с мифологическими воззрениями народа, освещена система образов, показано влияние эпических традиций на другие башкирские фольклорные жанры, например, на исторические песни и баиты.

В 1965 г. Башкирское книжное издательство выпустило еще одну монографию — книгу А. И. Харисова «Литературное наследие башкирского народа. XVIII—XIX вв.» (на башк. яз.; в переводе на рус. яз. — в 1973 г.). В русском варианте этой книги глава о фольклорном наследии значительно расширена за счет поэтического анализа эпических сказаний.

В 60-е годы башкирский народный эпос становится предметом отдельных докладов на всесоюзных научных конференциях и международных конгрессах. Так, с докладами «О жанровых особенностях эпической поэзии башкирского народа» и «Отражение мифологических воззрений в башкирском фольклоре» выступил А. Н. Киреев на VII и VIII Международных конгрессах антропологических и этнографических наук в Москве в 1964 г. и в Токио в 1968 г.² Позднее проявил активность в этом направлении М. М. Сагитов. Его доклады, прочитанные на всесоюзных научных конференциях в 1969 г. в Уфе, в 1977 г. в Якутске, в 1978 г. в Элисте, в 1980 г. в Ташкенте, опубликованы в материалах этих конференций³.

¹ Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа: Башкнигоиздат, 1970.

² Доклады опубликованы отдельной брошюрой под такими же названиями на русском и английском (первый), на русском и немецком (второй) языках в Москве в 1964 и 1968 гг. Второй перепечатан также в сб.: Эпические жанры устного народного творчества. Уфа, 1969, с. 5—18.

³ Сагитов М. М. Отражение консолидации башкирской народности в эпических сказаниях // В кн.: Археология и этнография

Известную роль в разработке некоторых аспектов эпосоведения сыграла Всесоюзная научная сессия, посвященная 150-летию первой публикации эпического сказания о Кузыкурпясе и Маянхылу. В докладах Л. Климовича (Москва), А. Харисова, А. Киреева (Уфа), М. Джолдасбекова (Алма-Ата), Х. Ярмухаметова (Казань), С. Каташа (Горно-Алтайск) освещались вопросы, связанные с генезисом и национальным своеобразием общего для ряда тюркоязычных народов эпического памятника¹.

Таким образом, к концу 60-х годов проделана большая работа и по сбору, и по научному осмыслению собранного фольклорного материала.

Главным итогом последних пятнадцати лет в области башкирской фольклористики является издание на родном языке целостного научного свода «Башкирское народное творчество» в 18 томах, который готовился в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР с участием фольклористов Башгосуниверситета и Стерлитамакского госпединститута, выпуск осуществило Башкирское книжное издательство в 1972—1985 гг. Три тома данного собрания содержат произведения эпической поэзии². В своде проведена новая жанровая классификация башкирского фольклора, более стройная и последовательная, чем когда-либо это делалось. Она стала возможной в результате обобщения накопленного фондового материала, основана на общих критериях, выдвигаемых современной советской наукой о народном творчестве³.

С середины 70-х годов оживилось издание научных и научно-популярных книг башкирского эпоса в русском переводе (библиографическое описание их дается в комментариях к соответствующим текстам). Среди них особое значение имеет однотомник «Башкирский народный эпос», подготовленный совместно с Институтом

Башкирии, 1971, т. 4, с. 278—281; О некоторых общностях мифологических представлений в народном эпосе башкир и алтайцев // В кн.: Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, Изд-во Якутского филиала СО АН СССР, 1978, с. 48—51; О некоторых сходных мотивах и образах в башкирском и калмыцком народном эпосе // В кн.: «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. Элиста, 1978, с. 49—51; Культ птиц в башкирском народном творчестве // В кн.: Литературоведение и история: Тезисы докладов и сообщений. Ташкент: Фан, 1980, с. 80—81.

¹ Материалы сессии опубликованы в упомянутой кн.: Народный эпос «Кузыкурпяс и Маянхылу». Уфа, 1964.

² Башкирское народное творчество: Эпос, кн. 1 и 2 /Сост., вступ. ст. и коммент. М. М. Сагитова, ответ. ред. А. И. Харисов, Уфа, 1972 и 1973; кн. 3 /Сост., вступ. ст. и коммент. Н. Т. Зарипова, ответ. ред. Г. Б. Хусаинов. Уфа, 1982.

³ Зарипов Н. Т. Научный свод башкирского фольклора // В кн.: Башкирский фольклор: Исследования последних лет /Под ред. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова, Уфа: БФ АН СССР, 1986, с. 4—17.

мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР и изданный в 1977 г. в серии «Эпос народов СССР» на языке оригинала и в научном переводе на русский язык. К тому предпослано обстоятельное исследование представленных в нем сказаний «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыхылу», «Акхак-кола», «Караюрга», «Конгур-буга». Оно проведено А. С. Мирбадалевой часто с выходом на «арену» общих эпических традиций тюркоязычных народов. Это дало возможность увидеть не только определенные общности, но и в значительной мере раскрыть и глубинное своеобразие башкирского народного эпоса, его национальную самобытность.

Издание башкирского фольклорного свода и названного академического тома башкирских эпических сказаний содействовало значительной активизации научных сил республики в историко-теоретическом осмыслении как народного творчества в целом, так и эпических произведений в частности. Об этом свидетельствуют учебные пособия¹ и сборники научных работ², освещающие предмет башкирской фольклористики в свете современных достижений, статьи, посвященные актуальным вопросам башкирского эпосоведения³. В числе последних выделяется серия статей Д. Ж. Валеева новизной постановки философских вопросов в изучении башкирского народного эпоса⁴. Заслуживает внимания также моно-

¹ Кирей Мэргэн. Башкирское народное устно-поэтическое творчество: Учебное пособие для филологических факультетов вузов. Уфа, 1981 (на башк. яз.); Галин С. А. Башкирский фольклор: Учебное пособие для студентов вузов, педучилищ и учителей средних школ / (ответ. ред. Э. Ф. Ишбердин. Пермь, 1975 (на башк. яз.).

² Башкирский фольклор: Исследования последних лет. Уфа, 1986.

³ Галин С. А. Поэма о братстве и дружбе [о сказании «Алдар и Зухра»] // В кн. автора: Фольклор и современность. Уфа, 1972, с. 7—38 (на башк. яз.); Рахимкулов М. Г. Башкирская повесть «крепостного грамотея» // В кн. автора: Встречи с Башкирией: От Пушкина до Чехова. Уфа, 1982, с. 138—168; Он же. Башкирская русалка // Там же, с. 181—193; Сагитов М. М. О башкирском народном сказании «Бабсак и Кусяк» // В кн.: Фольклористика в Советской Башкирии, вып. 1, с. 96—111; Он же. Отражение культа коня в башкирском народном творчестве // В кн.: Вопросы башкирской фольклористики / Под ред. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова. Уфа, 1978, с. 20—27; Он же. Культ животных в башкирском фольклоре // В кн.: Исследования по исторической этнографии Башкирии / Ответ. ред. Р. Г. Кузеев, Л. И. Нагаева. Уфа, 1984, с. 74—81.

⁴ Валеев Д. Ж. Особенности отражения действительности в башкирском эпосе «Акбузат» // Фольклор народов РСФСР. Вып. 1. Уфа, 1974, с. 45—51; Элементы философского видения мира в эпическом памятнике «Урал-батыр» // Там же, вып. II. Уфа, 1975, с. 3—11; Моральная проблематика в эпосе «Урал-батыр» // Там же, 1976, с. 3—8; Отражение социальных норм в кубаире «Урал-батыр» // Там же, 1978, с. 20—25; Народный эпос как источник изучения нравственного сознания этноса // Там же, 1983, с. 27—32.

графья М. М. Сагитова об эпических сказаниях с мифологической основой¹.

Итак, в области сбора и изучения башкирского народного эпоса сделано немало. Правомерно полагать, что осуществление настоящего издания не просто расширит круг читателей башкирского фольклора, а выведет его на орбиту широкого сопоставительного изучения.

* * *

В фольклористической науке существуют различные мнения о происхождении героического эпоса. По утверждению советских ученых, он зародился на стадии разложения первобытно-общинного строя на основе мифологических рассказов о мироустройстве, преданий о первых людях, их богатырях, самоотверженно выступавших против злых сил. Решающую роль в становлении героического эпоса сыграл период «военной демократии» («героический век»), когда «происходило расшатывание локальных, родовых, патриархальных связей, создавался известный простор для выделения и активного проявления отдельной личности, что действительно было необходимо для появления образов богатырей»².

Трудно, пожалуй и невозможно, точно указать начало и конец «героического века» в истории башкирского народа. Тем более, если эпос, по справедливому замечанию советских ученых, весьма восприимчив на исторические события, активно впитывает в себя общественную жизнь последующих формаций, отражая стремление народа к новым идеалам, борьбу его за более справедливые формы жизни³. В силу последнего продуктивное развитие эпических традиций башкирского народа охватывает большие хронологические рамки, начиная с эпохи разложения первобытно-общинного строя до зарождения капиталистических отношений в Башкирии. Героические сказания «Урал-батыр», «Акбузат», созданные на основе древних мифологических представлений, и сказание «Юлай и Салават», отражающее антиколониальную и социально-освободительную борьбу, слившуюся в XVIII веке с Крестьянской войной 1773—1775 гг. против крепостничества в России, составляют нижние и верхние границы «эпической эпохи» у башкир. Все героические сюжеты башкирского народного эпоса создавались в пре-

¹ Сагитов М. М. Древние кубаиры / Ответ. ред. Г. Б. Хусаинов. Уфа, 1987 (на башк. яз.).

² Мелетинский Е. М. Народный эпос // В кн.: Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. М., 1964, с. 71.

³ См.: Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958, с. 26; Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970, с. 23.

делах этой хронологической рамки. Так, эпос сопутствовал всей истории башкирского народа вплоть до XIX столетия.

«Эпос — это живое прошлое народа в масштабах героической идеализации, — писал академик В. М. Жирмунский. — Отсюда его научная историческая ценность и в то же время его большое общественное, культурно-воспитательное значение¹.

Для тюркоязычных народов, в том числе и для башкир, характерно, что их историческая память донесла до наших дней многие эпические сказания в живом бытовании. В числе таких «живых» башкирских народных произведений можно назвать «Алпамыша и Барсынхылу», «Кузыкурпяс и Маянхылу», «Заятуляк и Хыхылу», «Кусяк-бий», «Акхак-кола», «Кара-юрга», «Конгур-буга». Этим и объясняется многочисленность их записей в фольклорных фондах республики.

Вместе с тем следует отметить, что в репертуаре башкирских эпических сказаний наряду с сюжетами, отсутствующими в фольклоре других народов («Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыхылу», «Узак-Тузак — последний из рода балабашняков», «Акхак-кола», «Кара-юрга», «Конгур-буга», «Кусяк-бий», «Ек-Мэргэн», «Карас и Акша», «Юлай и Салават»), имеют место сюжеты, общие с эпическим творчеством ряда других тюркоязычных народов. Это: «Алпамыша», «Кузыкурпяс и Маянхылу», «Идукай и Мурадым», «Таргын и Кужак». Широко распространены у башкир также романические дастаны и кисса «Юсуф и Зулейха», «Сайфелмулюк», «Бузьегет», «Тахир и Зухра», появившиеся в тюркском мире как в устной, так и в письменной формах бытования под влиянием восточной поэзии.

Разнообразен репертуар башкирских эпических сказаний как по сюжетному составу и тематике, так и по жанровым разновидностям.

В многотомном научном своде башкирского фольклора для обозначения жанровых разновидностей башкирского народного эпоса принято три термина: кубаир — песнь-прославление (коба — превосходный, славный, йыр — песня); хикаят (хикэйэт) — рассказ, повествование, повесть; кисса (кисса) — рассказ, сказание, история. Имея в общем содержании различную степень историчности, эти понятия достаточно точно отражают жанровые особенности башкирских эпических сказаний. Так, кубаиры о батырах² — это поэтические произведения непременно высокого героического (бо-

¹ Жирмунский В. М. Народный героический эпос. Л., 1962, с. 195.

² В башкирской научной литературе кубаирами называются также традиционные народные стихи о Родине (Тауған ил тураһында кобайырҙар) и афористические стихи дидактического содержания (дидактик кобайырҙар-әйтемдәр).

батырского) содержания. В этом смысле понятие «кубаир» соответствует интернациональному термину «героический эпос» или «героическая песнь». Из перечисленных башкирских сказаний к этой эпической разновидности относятся «Урал-батыр» и «Акбузат», «Идукай и Мурадым», «Юлай и Салават», хотя второе рассказано частично и в прозе.

Заимствованное из арабского языка слово «хикаят» означает устное эпическое повествование о событиях, произошедших якобы в реальной действительности. Во всяком случае претензия на историчность в хикаятах выражается больше и четче, чем в кубаирах. Данный термин более соответствует русскому «сказанию» и употребляется как жанровое обозначение той разновидности эпоса, которая отмечена большей историчностью.

Кисса — тоже арабское слово. В художественной литературе и фольклоре киссой называются любовные (романические) произведения, полные невероятных приключений и драматических ситуаций, часто с трагическим финалом («Сайфелмулюк», «Бузьегет», «Тахир и Зухра»).

Ясно, что отмеченные разновидности взаимодействуют между собой. В отдельных конкретных произведениях можно обнаружить органическое слияние характерных качеств той и другой разновидностей. Примерами этого являются чередование стихов и прозы в повествовании, сочетание высокой героики с социально-бытовыми мотивами, картин национальной действительности со сказочной фантастикой в содержании. О том же собственно свидетельствует изображение чувств чистой любви, характерных для романтических дастанов и кисса. В сказаниях центральные события развиваются не в вымышленном мире, а в обычных условиях патриархально-феодальной действительности («Кара-юрга», «Кузыкурпяс и Маянхылу», «Алдар и Зухра»). Таким образом, признавая определенную условность принятой классификации, мы тем не менее должны констатировать, что в нарастающем художественном совмещении характерных свойств этих разновидностей отражается эволюция башкирского народного эпического творчества, которая связана, в свою очередь, с идейно-эстетическими потребностями исторического развития и соответственным ростом художественного мышления народа.

Анализ традиционного эпического репертуара дает возможность проследить определенную историческую последовательность отражения действительности, а вместе с тем и отмеченную эволюцию самого эпического творчества народа.

Самыми древними эпическими сказаниями башкир являются кубаиры «Урал-батыр» и «Акбузат». Их содержание составляет последовательная борьба героев с демоническими силами ради установления спокойной обеспеченной жизни (байман тормош) для людей. Причем в первом кубаире тема связана с общечело-

веческой проблемой поисков живой воды, чтобы покончить со Смертью (Эжэл), приносящей всему живому гибель.

В «Акбузате» та же тема как бы разделена на две части. Во-первых, Хаубан продолжает героические благодеяния своего прадеда Урал-батыра — уничтожает недобитых им мифических существ-дивов и змеев, уцелевших в небольшом озере Шульгенкуле. Причем эти богатырские подвиги он совершает в связи с героическим сватовством к Нэркэс — дочери подводного царства. Победа богатыря над злыми силами, освобождение им из заточения матери и земных девушек, женитьба на дочери поверженного врага — все это является эталоном героизма на раннем этапе развития богатырского эпоса¹.

Во-вторых, Хаубан ведет борьбу еще и с Масем-ханом, чей образ олицетворяет реального жестокого правителя. Вначале эта борьба связана с мстью героя за убитого Масем-ханом отца. Вообще-то кровная месть — тоже характерная для эпоса тюркоязычных народов тема. Однако в сказании «Акбузат» она, по справедливому замечанию А. С. Мирбадалевой, «приобретает социальное звучание. Герой выступает против Масем-хана, не только руководствуясь личной обидой, но и защищая людей от насилия несправедливого и жестокого хана»². Это подтверждается тем, что Хаубан раздает богатство Масем-хана бедному люду, освобождает семерых родовых батыров, проданных заморскому царю в рабство, которые затем становятся вождями семи башкирских племен. Привнесенные, очевидно, сказителями поздних времен, эти мотивы социальной борьбы определяют демократическое содержание всего сказания, его высокое идейное значение.

Близко по содержанию к «Акбузату» сказание «Заятуляк и Хыхулы»: то же героическое сватовство к дочери хозяина подводного царства, которое, однако, значительно ослаблено отсутствием борьбы со злыми силами вражеского мира. Даже отец Хыхулы (букв.: Водяная красавица), водный царь Асылы-куля, хотя и олицетворяет враждебное мифическое существо («Человеческим духом пахнет. Кто сюда входил?» — спрашивает он, войдя в юрту дочери), но его гнев оказывается не столь страшным бескомпромиссным, как у падишаха Шульгена. Когда Хыхулы показала Заятуляка отцу, и царь увидел «яснолицего красавца егета богатырского сложения», он успокоился, «гнев его улегся», говорится в самом сказании. Зато значительно усилены здесь, во-первых, социальный конфликт между героем и его завистливыми старшими братьями и, во-вторых, чувства взаимной любви Заятуляка и Хыхулы. Первое напоминает отношения между младшим братом-батыром, достигающим поставленной цели, и беспутными старшими

¹ См.: Мирбадалева А. С. Башкирский народный эпос, с. 33.

² Там же, с. 34.

братьями-предателями в богатырских сказках на сюжетные типы «Три царства» (АТ 301А), «Молодильные яблоки» (АТ 551) и др.; второе, равно как и то, что почти во всех вариантах жизнь возлюбленных прерывается трагической их гибелью, сближает данное сказание с романическими дастанами типа «Бузъегет», «Тахир и Зухра».

Общеизвестно, что в зарождении и формировании эпического жанра существенную роль играли мифологические воззрения. Утверждая то, что «предпосылкой греческого искусства является греческая мифология, т. е. природа и сами общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией», К. Маркс тут же уточнил: «Но не любая мифология, т. е. не любая бессознательно-художественная переработка природы (здесь под природой понимается все предметное, следовательно, включая и общество). Египетская мифология никогда не могла бы быть почвой или материнским лоном греческого искусства»¹.

Своеобразием отличаются и мифологические воззрения, отразившиеся в башкирском эпосе. Так, в сказаниях «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыхылу» все события происходят в ином, сказочно-фантастическом мире, где абсолютно необыкновенны не только вражеские силы — дивы, аждахи, змеи и другие демонические существа, но и противоборствующие им герои-богатыри, которые обладают сверхчеловеческой силой и способностями.

Особый интерес представляет отражение в этих сказаниях мифологического мирозерцания, согласно которому весь мир состоит из трех ярусов — небесного, земного и подземного или подводного. Подобное же «слоение» мира встречается в эпосе и сказках целого ряда тюркских и монгольских народов. В кубаире «Урал-батыр» небожителями изображены верховный бог или царь Самрау со своим семейством, птицы, крылатые кони Акбузат и Сарат (Нарат — желтый конь). Кояш (Солнце) и Ай (Луна) являются женами Самрау. У бога-царя две дочери: Хумай от жены Кояш и Айхылу от жены Ай. Ему подвластны все птицы и крылатые кони. Небожители являются бессмертными. На земле же живут люди и прочие смертные, а подземный или подводный мир населен враждебными не только к людям, но и к небожителям духами-чудовищами. Небожители же, в отличие от подземных существ, доброжелательно относятся к людям: активно вмешиваясь в их жизнь, создают условия и блага для них. Божественные девушки Хумай и Айхылу выходят замуж за земных богатырей. Иногда небожители сами нуждаются в помощи людей.

Например, Урал-батыр выручает из беды Хумай и Айхылу — дочерей Самрау.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 737.

Примечательно, что жизнь небесных существ уподоблена жизнедеятельности земных людей. Характерной особенностью «древне-башкирского» мирозерцания можно считать мифологические представления о звездах и созвездиях, как об оставшихся на небесах животных и зверях. Какими бы невероятными чертами ни были наделены сами небожители и подводные существа, поразительно красивы их дочери Хумай и Айхылу, Нэркэс и Хыхылу. В их портретной характеристике фантастические качества сливаются с реалистическими представлениями о прекрасном: черные брови взлет, ямочки на щеках, длинные ресницы, черные глаза, черные, как шелк, косы и т. д.

В сказаниях обнаруживается целый ряд этиологических представлений. Например, Урал-батыр воздвигает горы из останков истребленных им дивов и драконов; его сыновья Яик, Идель, Нугуш и Сакмар рассекают алмазным мечом Урал-батыра горы и дают начало рекам, названным их именами; Хаубан превращает царя Шульгена в черепаху, а дивов и драконов — в пиявок, тритонов и летучих мышей. К этим же представлениям следует отнести обратимость персонажей. Например: дочь подводного царя Нэркэс принимает вид золотой утки; земной батыр — сын Иделя, переметнувшийся в стан врагов, — становится двенадцатиглавым дивом Каккахой; дочери Хумай превращаются в лебедей и певчих птиц и т. д.

С точки зрения тех же народных представлений знаменательно превращение костей самих героев в благородные камни и металлы, которыми в самом деле богаты недры Урал-тау.

В сказаниях «Акбузат», «Заятуляк и Хыхылу» отразились также древние верования башкир о «хозяине воды» (Һыу эйәһе). Характерно, что подводный мир представляется, с одной стороны, как безмерно богатое царство, откуда при определенных условиях может выйти на землю бесчисленное количество скота, но, с другой стороны, подводные твари во главе с их царем питают вражду к людям. В трактовке образа падишаха Шульген-куля, например, ярко проступают черты, характерные историческим царям-тиранам: он такой же коварный и жестокий угнетатель народа, каким является земной Масем-хан. «Озеро, в котором живет Шульген, образовалось из слез, пролитых людьми, — говорится в сказании. — Дворцы в озере построены из костей убитых людей; сады, что дворец окружают, цветы, что украшают дворцы, кровью орошены».

Центральное место в эпическом повествовании отводится изображению богатырских подвигов. В образе любого эпического героя воплощаются высокие нравственные черты богатырского характера: честность и бескорыстность, справедливость и гуманизм, неотступная целеустремленность и неимоверная физическая сила. Связанные с народным идеалом, эти черты выражаются в каждом

конкретном образе в той форме, которая соответствует уровню народного художественного мышления на данной стадии эпического творчества. Так, Урал-батыр хотя и является человеческим сыном, но обладает титанической силой: в единоборстве побеждает огромного свирепого быка и четырех чудовищных богатырей падишаха-тирана Катила, уничтожает змеиное царство Кахкахи, а затем и царство дивов Азраки. Все это сближает Урал-батыра со сказочными богатырями-змееборцами.

Но врагами Урал-батыра являются не только чудовищные мифические существа, олицетворяющие собой стихийные силы, но и его родной брат Шульген, перешедший во вражеский стан не столько по своей слабости, сколько по своенравию с малых лет, по тщеславию. Похитив волшебный посох, с его помощью он пытается затопить землю водой. Урал же, теперь с участием подросших сыновей, отвоевывает пядь за пядью суши для людей. Наконец остается лишь небольшое озеро, в котором и прячется Шульген.

Так, в отличие от своего честолюбивого брата, Урал предстает абсолютно бескорыстным батыром: все подвиги он совершает во имя счастливого благополучия людей. И живую воду он искал и нашел, преодолевая столь большие трудности, не ради личного бессмертия. Ни капли не испил он ее сам, а опрыснул ею все вокруг, и увядшая природа зазеленела и стала бессмертной. Акбузат спустился с неба не один, а с огромным табуном лошадей, Хумай привела несметное количество птиц, и бык царя Катила, потерпевший в свое время от Урал-батыра позорное поражение, пригнал стадо коров. Так отвоеванная Урал-батыром земля стала вечно живым, благодатным краем, носящим имя героя-богатыря:

Что ни день, что ни месяц, Урал
Все живое в себя вбирал.

Необычна и смерть героя. Когда уцелевшие вместе с Шульгеном дивы и змеи снова начали вредить людям, Урал-батыр делает последний, самоотверженный шаг: выпивает всю воду озера. Проникнув в желудок богатыря, дивы-змеи разъедают его сердце, все нутро.

Бесстрашный защитник народа погибает, но вместе с ним гибнет и вся змеиная тварь. Так, жертвуя собой во имя процветания жизни на Земле, Урал-батыр обретает бессмертие.

Неувядаемое общечеловеческое значение кубaira «Урал-батыр» и величайшая мудрость его создателей в том и заключаются, что бессмертие человека не в бесконечном долголетии, а в его добрых деяниях на благо всего мира, на благо народа. Тем более убедительно звучит эта идея из уст того древнего старца, который ис-

пытал бесконечные муки бессмертия, испив воды из живого родника:

То, что на земле остается,
Чем все лучшее создается,
Сада краса и благоухание —
Это добро и благодеяние.
До неба возвысится — благодеяние,
В воде не утонет — благодеяние,
Останется в памяти — благодеяние.
Оно — голова всех дел,
Для всех живущих на свете людей
Пребудет как мира высший удел.

Сопоставляя Урал-батыра с Гильгамешом — героем одноименного древнего вавилонского эпоса, который искал бессмертие для себя или для своего друга, — А. А. Петросян открыла очень важные исторические своеобразия этих сказаний, отделенных друг от друга тысячелетиями: «Образ Гильгамеша — обобщенное выражение процесса выделения личности из коллектива, ее самоутверждения. Образ Урал-батыра отображает другой этап развития человеческой истории, когда личность, индивидуум обретает силу в коллективе, в заботах о его судьбе»¹.

Сказания «Акбузат», «Заятуляк и Хыхылу» имеют высокое воспитательное значение, особенно в том смысле, что их герои — как Хаубан, так и Заятуляк — проявляют исключительную преданность родной стране, своему народу. Каким бы прекрасным и богатым ни казался подводный мир, они не хотят оставаться там. Трогательно передана тоска героя по родной стороне в сказании о Заятуляке. И Хаубан, и Заятуляк настойчивы в своем желании вернуться на землю потому, что они глубоко чувствуют свое богатырское призвание избавить людей от всяких злых сил, в том числе и от жестоких ханов-угнетателей. С этим собственно связана благодарная любовь народа к своим бесстрашным защитникам. Ясно выражена эта народная любовь в ответе Хаубана на угрозу Нэркэс:

Знаю: мой край, что зовется Урал,
Одного не оставит меня!

В башкирском фольклоре имеется целый цикл уникальных эпических произведений о священных животных, о появлении первых лошадей и коров: «Акхак-кола», «Қара-юрға», «Қонгур-буга». Сюжетные параллели по опубликованным материалам не встречаются в фольклоре других тюркских народов.

¹ Петросян А. А. История народа и его эпос. М.: Наука, 1982, с. 34.

Приручение людьми лошадей и других животных связано с переходом от родового к классовому общественному строю, дало человечеству более надежный источник материальных благ, имело огромное значение в истории цивилизации. Но образы этих животных связаны с древними верованиями, представлениями. Из них наиболее полно разработан образ боевого коня, наделенного даром человеческой речи, мифическими чертами и способностью к перевоплощениям.

У башкир в нескольких версиях бытуют устные произведения, повествующие о том, как лошади пришли к людям. В сказании «Урал-батыр», как уже говорилось, богатырский конь Акбузат спускается с неба на землю после гибели своего батыра и пригоняет с собой небесных коней. В сказаниях «Акбузат», «Заятуляк и Хухухулу», «Акхак-кола» и в некоторых легендах и преданиях повторяются мифологические представления о выходе коней из подводного мира. Мотив добывания коней, обитающих на дне озера или моря, имеет широкое распространение в фольклоре тюрко-монгольских народов¹.

Бытование различных версий сюжета о появлении на Урале первых лошадей, возможно, связано со сложностью этнического состава башкирского народа.

В эпических сказаниях «Акхак-кола», «Қара-юрға», «Қонғур-буга» события происходят у озера Шульген, на побережье Каспийского моря и на Южном Урале. В отличие от других эпических сказаний здесь обозначенные животные являются не помощниками героя, а главными действующими лицами. Так, Қара-юрға похищает для своего хозяина девушку из соседнего племени. Этот мотив сохранен во всех записях. В варианте, записанном И. В. Салтыковым в 1928 г., тот же конь выступает даже соперником своего хозяина-батыра: по просьбе хозяина похищает красавицу девушку, но потом отказывается отдать ему девушку и скачет с ней через горы и моря. Қара-юрға долетает до дальнего острова и начинает с ней жить². В сказании «Акхак-кола» выражается мысль, что нанесение обиды священному коню, неуважение влечет за собой тяжелую кару — смерть хозяину. В этих произведениях сохранились следы поклонения коню, священным животным.

Народный быт, нравы и обычаи, древние верования поэтично описываются в сказаниях животного цикла. Но особый интерес представляет кубаир «Қонғур-буга». В нем с большой любовью и теплотой рассказывается о женщине-сказительнице, воспевается величественная природа Урала.

¹ Гордлевский В. А. Сочинения. М., 1962, т. 3, с. 321—322; Турсунов Е. Д. Генезис казахской бытовой сказки. Алма-Ата, 1973, с. 43—44; Сказки и предания Башкирии в новых записях на русском языке / Под ред. Л. Г. Барага. Уфа, 1975, № 18, 26.

² Научный архив, ф. 3, оп. 61, д. 25, с. 33—34.

Другой исторический этап, — а именно: эпоху разложения родового строя и раннего феодализма — отражают сказания «Алпамыша», «Узак-Тузак — последний из рода балабашняков», «Кузыкурпяс и Маянхылу», «Алдар и Зухра», «Кусяк-бий». Характерная идейно-тематическая особенность этих произведений в том, что все они ратуют за объединение разрозненных племен, зовут к единению, чтобы совместными усилиями защитить и отстоять независимость общей родины от иноземных захватчиков.

В общем для ряда тюркоязычных народов сказания «Алпамыша («Алпамыс») повествуется о героическом сватовстве батыра к деве-богатырке, что сближает это сказание с богатырской сказкой. Но здесь героическое сватовство значительно осложнено пленением богатыря враждебным Будяр (Буляр)-ханом, чей образ несет на себе черты феодальной эпохи. Также в общем для башкир, казахов, татар и горно-алтайцев сказания «Кузыкурпяс и Маянхылу» конфликтную основу сюжета составляют социальные мотивы, которые приводят не просто к расторжению брачного союза между двумя родами, а к трагической гибели молодых сердец, связанных обычаем бракосочетания еще до их рождения. В повествовании же о богатырской девушке Зухре и степном батыре Алдаре мотивы любви и брачные состязания перемежаются с богатырскими проявлениями героев как в защите рода от нападений злых духов и соседних племен, так и в повседневной хозяйственной деятельности кочевников-скотоводов.

Исторической памятью-исповедью являются сказания в стихах «Узак-Тузак — последний из рода балабашняков» и «Кусяк-бий». Историческая основа этих произведений заслуживает специального исследования. А пока следует сказать о том, что в сказании с символическим названием «Узак-Тузак — последний из рода балабашняков» повествуется о трагической судьбе древних кочевников-печенегов (башняков), обитавших у реки Калки и в Приазовье.

Печенеги были тюркоязычными, но неоднородными по составу племенами. С печенежско-огузским миром тесно связано происхождение башкирских племен айле, туркмен, кудей и др.¹ Не случайно, что данное сказание записано именно от представителей айлинского племени.

В сказании центральное место отведено повествованию о трагическом исходе борьбы башняков с жестокими чужеземными захватчиками — балаусанами, пришедшими с востока, под которыми, по-видимому, подразумеваются кипчаки-половцы. Известно, что, теснимые с Востока огузами-тюрками и половцами, печенеги в се-

¹ См.: Кузеев Р. Г. Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности // В кн.: Археология и этнография Башкирии. I. 4. Уфа, 1971, с. 237—238.

редине XI в. отошли к Карпатам и Дунаю. Возможно, небольшая часть (малые печенеги — балабэшнэктэр) ушла на северо-восток. Путь, по которому шли балабашняки на Урал, и описывается в сказании.

Осуждая межплеменные распри и захватнические войны, сказание «Узак-Тузак — последний из рода балабашняков» поднимает идею мирной жизни между народами. Более того, оно проникнуто идеей гармоничной жизни людей и природы, которая вся, и живая, и неживая, представляется одухотворенной. Оставшись один после смерти родителей, Узак-Тузак с почтением обращается к реке, лесу, лесным зверям, даже к камню — у всех просит совета как ему быть, как найти ер-су («землю-воду») — «наследство отца» и пару себе для жизни. В этих обращениях мы видим не просто некие остатки анимистических представлений, а живую связь человека с родной землей, которая недвусмысленно выражена в заключительных строках сказания:

Плоть земли и воды — человек.
Люди с землею одно — навек...

Собственно эта мысль о вечности Земли и человеческой жизни на ней роднит данное сказание с кубаиром «Урал-батыр», не говоря уже о том, что образы стариков Янбирде и Янбики — родителей Урал-батыра и Янузака и Уралбики — родителей Узак-Тузака, которые по смыслу их имен толкуются одинаково как зачинатели человеческого рода на Урале.

В сказании «Кусяк-бий» отражаются также военные столкновения кочевых племен, а именно: продолжительная кровная вражда между самыми древними и крупными племенами бурзян (бөрйән) и кыпсак (кыпсак). Казалось бы, приходя с кровной мстью (карымта) к убийце отца Каракулумбету, Кусяк-бий поступает справедливо в полном соответствии с издавна сложившимся обычаем. Но и в данном сказании не только не одобряется его поступок, — напротив, все произведение пронизано осуждением кровной мести, как обычая грабежа, выгодного только для племенной знати. Естественно, в тех условиях, когда создавалось данное сказание, сэсэнны еще не были единодушны в интерпретации отложившихся в народной памяти сюжетных мотивов: во-первых, над ними сильно довлело родоплеменное сознание, вследствие чего каждый старался представить благородным батыра своего рода (отсюда две версии сказания); во-вторых, какими бы гуманистическими воззрениями ни руководствовались сэсэнны в своем творчестве, они не могли раскрыть истинные причины исторически установившейся вражды, которая в продолжении веков подогревалась феодальной аристократией. Но сказители оказались единодушными в осуждении этой бесконечной межродовой вражды и искренне радовались тому, что ей был положен конец тогда, когда башкирские племена

добровольно вошли в состав Русского государства. Последняя строфа, в которой с глубоким удовлетворением констатируется этот исторический акт, сыгравший в судьбе башкирского народа решающую роль, выражает жизнеутверждающую силу дружбы между народами. Таким образом, в этих сказаниях мифология и сказочная фантастика почти целиком уступают место реалистическим картинам широкой народной жизни патриархально-феодальной эпохи. Имеют связь со сказочной фантастикой лишь такие персонажи, как Мяскай — старуха прорицательница и Дю-пярий, т. е. див («Кузыкурпяс и Маянхылу»), гуси-лебеди, к которым обращается Алпамыша за помощью, и чудовищный Лев (тигр, дракон и т. п.), пожирающий скот и людей, на охоту за которым съезжаются батыры-вожди четырех родов по зову Масем-хана в сказании «Кусяк-бий». В сказаниях «Кузыкурпяс и Маянхылу», «Алдар и Зухра», «Кусяк-бий», в отличие от мифологического эпоса, реально проступают быт, обычаи, верования, традиции кочевого хозяйства, празднества, спортивные состязания. Движущими силами являются могучие и духом, и телом герои обоего пола, в образе которых народ воплощал свои идеалы.

Важно отметить, что народы испокон веков ненавидели захватнические войны, презирали тщеславных, кровожадных завоевателей мира. Отражение именно такого всеобщего народного презрения мы видим в той стихотворной части белаяевской версии сказания о Кузыкурпясе, где с гневом упоминаются имена Искандера (Александра Македонского), Батый-хана, Аксак-Тимера (Тамерлана), которые, «проливая кровь невинную, упоили ею землю их; приносили плач и жалобы в осиротевшие семейства их». Жестоким, кровожадным правителям-тиранам сказание противопоставляет удалых народных батыров, которые «на чужую кровь не жадные, не ходят в страны дальние, не носят туда пламени и не проливают безвинную кровь...» Таких-то батыров — выразителей народных интересов — и прославляют навеки башкирские эпические сказания «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыхылу», а также «Алпамыша», «Кузыкурпяс и Маянхылу», «Алдар и Зухра».

Но недостаточно видеть в эпических сказаниях лишь поступательное историческое движение; было бы не совсем верно воспринимать их героев лишь как рупор каких-то назревших идей и тенденций. Почти все они в большей или меньшей степени насыщены глубоким лиризмом, мотивами любви и верности, преданности друг другу. В «Алдаре и Зухре», и особенно в «Кузыкурпясе и Маянхылу», тема любви превалирует над всеми другими. Более того, все героические поступки, невероятные подвиги Кузыкурпяса совершаются во имя любви, беспредельной преданности своему великому и единственному чувству. Так что, тут можно с полным правом утверждать, что в этих образах народ поэтическим языком выразил свое трепетное отношение к святому чув-

ству, воспел свои возвышенные духовные идеалы. И в этом смысле названные сказания имеют огромное идейно-художественное значение.

Носители высокой народной морали, эти герои — духовно одаренные натуры. Они прекрасно поют, импровизируют, играют на музыкальных инструментах. Это касается и могучего богатыря Алпамыши и его невесты Барсынхылу. Девушка песней обращается к своим родителям, ибо только так может в полной мере выразить свое нежное чувство к батыру. В свою очередь, и Алпамыша нередко прибегает к песне или обращается к музыкальному инструменту (кураю, домбре), чтобы излить свою радость или печаль.

В анализируемых сказаниях особое внимание обращают на себя образы героинь — Барсынхылу и Зухры. Их роднит одна необычная для женщин черта: та и другая обладают огромной физической силой, а потому желают выйти замуж за того батыра, который одержит победу в определенных состязаниях с ней. Образ девушки-богатырки и брачные состязания женихов с ней имеют место как в героическом эпосе, так и в богатырской сказке многих народов¹.

Но Барсынхылу и Зухра относятся к разным историческим эпохам. Образ первой создан на основе сказочно-гиперболизированных представлений о богатырской деве. Барсынхылу — обобщенно вымышленная богатырка. Столь же фантастично и состязание с ней джигитов-богатырей: она катит с горы огромный камень, а батыр-жених должен поймать и отбросить его обратно на гору. Это удастся только Алпамыше. Такую борьбу женихов с невестой-богатыршей исследователи считают «наиболее архаической формой брачных состязаний», она «восходит к бытовым отношениям эпохи матриархата»². Придерживаясь этой же точки зрения, А. Н. Киреев утверждал, что «схватка Барсынхылу с Алпамышой является образным воплощением борьбы между патриархатом и матриархатом, показывающим, что система матриархата не сходила со сцены без сопротивления»³.

Образ Зухры рисуется реалистично. Героиня обладает мужественным характером в силу воспитания в особых условиях. Раскрывая секреты своего неженского нрава, Зухра рассказывает: «Я не помогала матери моей в доении кобылиц, ни в делании корота, а иголку с веретеном и в руки не брала. С рассветом дня вставала я, опоясывала саблю и лук со стрелами, садилась на лучшего коня и пускалась в степь, объезжая стада отца моего, и защищала

¹ См.: Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. М.: ГИХЛ, 1947, с. 81—84.

² Там же, с. 82.

³ Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос, с. 39.

их от нападения лютых зверей, а сие и приохотило меня к звероловству. Мать моя часто меня журила, что я не свое дело делаю, отцу же моему, напротив, сие было приятно. Он не имел сына, называл меня всегда своим батыром и потворствовал мне в моей страсти, позволяя выбирать из резвых своих коней, и подарил лучшее оружие...» (Вечер X).

Охота на зверей, в том числе схватка Зухры с белым медведем, спортивные состязания на народных празднествах — все это воспринимается как реалистические картины народного национального быта в условиях кочевого образа жизни.

В настоящем томе представлено еще одно сказание — «Ек-Мэргэн», небольшое по объему, но сложное по идейному содержанию. По всему видно, что оно создано западными башкирами, оказавшимися под гнетом Казанского ханства. В сказании большое значение придается избавлению народа от ханского насилия, от уплаты ему непомерного ясака (дани). Но произведение не только об этом.

Батыр — это мужественный, сильный человек, одерживающий победу не только на традиционных состязаниях, а, что более важно, и в борьбе с вражеской силой. Последнее выдвинуло батыров в ранг военных предводителей и привело к тому, что в условиях классового общества они постепенно трансформировались в привелигированное сословие¹, становились нередко биями и, сколотив вокруг себя дружину из преданных джигитов-нукеров, организовывали набеги на соседние народы или племена.

Сюжет сказания «Ек-Мэргэн» четко делится на три части. В первой повествуется как-раз о таких «батырах», которые занимаются грабежом чужих родов и в конце концов сами же (и отец — «знаменитый бий», и девять его сыновей, и вся их многочисленная семейная община во главе со старухой Тугызак) терпят полный разгром со стороны пришедших с барымтой, т. е. узаконенным феодальной верхушкой правом мести за учиненный разбой. (Случайно остается в живых лишь грудной ребенок девятой невестки.) Рассказывая о трагической гибели рода Тугызак-эбей, сказители проводят народную мысль о том, кто с мечом пойдет, тот от меча и погибель свою найдет. Осуждением «кулачного права» «Ек-Мэргэн» сближается со сказаниями о Мамае-хане, погибающем тоже от меча мстителей², и о Кусяк-бие, отомстившем Каракулумбет-бию за его коварное убийство Бабсак-бия.

Во второй части сказания «Ек-Мэргэн» обращают на себя три момента: выживание грудного ребенка без родительского при-

¹ См.: Валеев Д. Ж. Особенности отражения действительности в башкирском эпосе «Акбузат» // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1974, с. 46.

² Башкирское народное творчество: Эпос, кн. 3, с. 44—45.

смотра; наречение его именем во сне; наконец, то, что потерпевший поражение герой добровольно сдается ханскому войску в плен.

Какими бы сказочно-фантастическими ни казались первые два эпизода, они не противоречат эпическим традициям. Выживание двухлетнего младенца в диких условиях — это, с точки зрения народных сказителей, «убедительное доказательство» выносливости малыша — будущего эпического героя, его необыкновенности от рождения. Это напоминает заброшенных детей в сказках и эпосе многих народов, кому предопределено занять престол, убив ненавистного царя (короля, султана, падишаха, хана). К типу нежеланных детей относится и Кусяк-бий, рожденный вопреки всем предпринятым контрмерам Каракулумбета будто для того только, чтобы отомстить за отца. Подобное же предназначено и Ек-Мэргэну. Это подтверждается словами отца, приснившегося ему там, на месте развалин родного очага, куда он, еще безымянный, но необыкновенно сильный юноша, набрел и заснул глубоким сном: «Ты знал, сынок, где укладываться на ночь, батыр, рожденный на голову проклятого врага...» В конце напутствия отец нарекает сына именем Ег (в письме — Ек), что означает хороший, добрый, благородный. Древность имени с символическим смыслом свидетельствует о древности эпического сюжета.

Добыв боевого коня-аргамака, богатырские лук и стрелы, Ек-Мэргэн отправляется, как указал отец во сне, на запад, и, собрав вокруг себя войско из удальцов, избавляет народ от уплаты дани казанскому хану. Это — центральная тема сказания, более значительная, чем кровная месть, которая, однако, завершается полным поражением эпического героя. Исторически это можно понять. Но такое не совсем согласуется с эпическими традициями.

Это противоречие усугубляется в заключительной части сказания: плененному герою хан дарует свободу за то, что тот оказал ему услугу, которую не смог оказать ни один человек во всем Казанском ханстве. То, что Ек-Мэргэн, выстрелив из лука, сбивает указанные ханом три пера с крыла лебедя, чтобы красивая птица опустилась на озеро, — это, конечно, своеобразный подвиг. Но получение свободы таким путем — для эпического батыра простым делом — нельзя рассматривать иначе, как отражение нереальных чаяний народа, подавленного многовековой ханской тиранией, ожиданий, которые укоренились в феодальную эпоху с господствовавшей религино-аристократической идеологией непротивления злу, покорного служения господам.

Несмотря на эти противоречия, «Ек-Мэргэн» является весьма ценным народным произведением, примыкающим к серии башкирских эпических сказаний «Идукай и Мурадым», «Мэргэн и Маянхылу», «Мамай-хан хикаяте» и др., в которых отразилась многовековая борьба народа против золотоордынских ханов.

Творцами и хранителями башкирского эпоса издавна были народные сказители — сэсэн. Само понятие «сэсэн» непременно ассоциируется в сознании башкир с высокими духовными качествами человека, а затем уже — с импровизаторским талантом и поэтической находчивостью, острословием и справедливостью суждений и поступков. Потому искусство сээнов издревле пользовалось особым уважением народа; однажды сказанное ими поэтическое слово передавалось из поколения в поколение как ценный завет.

«Наиболее зрелым импровизаторское искусство становится в пору развития эпических традиций устно-поэтического творчества народа»¹. В становлении и шлифовке поэтических форм башкирского фольклора и в дальнейшем обогащении, канонизации и приближении устно-поэтических традиций к новым эстетическим потребностям общественного развития участвовали многие сэсэн. Но не только о древних и средневековых, но даже и о сээсах XVIII и XIX столетий письменные документы до нас не дошли. Память о наиболее значительных из них сохранилась лишь в изустной поэзии. Так через фольклорные произведения стали нам известны имена легендарных сээнов средневековья Хабрау-йырау и Ерэнсэ-сэсэна, общих для башкир, казахов, ногайцев, каракалпаков.

Главным образом также по фольклорным источникам мы знаем Кубагуша и Акмурзу (XVI в.) и сээнов последующих поколений: Караса, Махмута (Пеший Махмут), Баика (Баик Айдар), Килдеша и др. Среди сээнов XIX и начала XX столетий выделялись Ишмухамет Мырзакаев, Габит Аргынбаев, Хамит Альмухаметов, Гатиятулла Биккужин².

О сказительском искусстве башкирских сээнов прошлого некоторые представления можно почерпнуть из путевых записок русского ученого XVIII века, академика И. И. Лепехина, возглавившего академические экспедиции по Поволжью и Уралу в 1768—1772 гг. Ученый-натуралист специально не занимался сбором фольклорных произведений, но оставил очень ценные описания своих

¹ Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос, с. 49

² О сээсах см.: Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос, с. 48—62; Зарипов Н. Т. Образы сээнов в башкирской эпической поэзии // В кн.: Фольклористика в Советской Башкирии. Вып. 1, с. 83—95; Сагитов М. М. Башкирские сказители и их репертуар // В кн.: Башкирский народный эпос. М.: Наука, 1977, с. 484—492; Хусайнов Г. Б. Йырау һәм сэсэндэр // В кн.: Он же. Заман. Әзәбиәт. Әзип: Башкорт әзәбиәте тарихы, теорияһы һәм мәсьәләләре. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1978, 43—61 бб.; Быуаттар тауышы. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1984, 67—80, 123—137 бб.

встреч с местными жителями, в том числе и с башкирами на Южном Урале. Особенно большое значение для фольклористов имеет описание встречи с башкирским сказителем-певцом, манеры исполнения им героической песни про «славные дела своих предков, которых они батырами называют»: «Певун припевал не только все их жизни достопамятное, но голосом и телодвижениями выражал все их действия, как они увещали своих товарищей, как вступали в бой, как поражали противников, как обремененные ранами ослабевали и выпускали дух. Все сие так живо выражал старик, что многие из собеседников плакали. Но вдруг печаль переменялась на радость, как старик, взявший на себя веселый вид, запел песню, называемую «Карай юрга» (карий иноходец). Песня сия у них за самую веселую почитается»¹.

Сказительское мастерство башкирские сэсэн перенимали друг у друга. От старых умудренных опытом сказителей постигали искусство молодые. Например, известный сэсэн Габит Аргынбаев в молодости обучался у сэсэна Ишмухамета Мырзакаева. И усвоил почти весь его эпический репертуар, манеру исполнения кубаиров. Габит-сэсэн, в свою очередь, был наставником молодого сэсэна Мухаметши Бурангулова. Иногда сказительское мастерство передавалось от отца к сыну. Например, сэсэн Сабирьян Мухаметкулов перенял от своего отца Мухаметзакира Мухаметкулова весь его репертуар. Этим собственно и объясняется традиционность эпического повествования, сохранение во многих сказаниях архаических мотивов, общих стилистических формул, поэтических средств изображения. Но вместе с тем каждое поколение сказителей вносило в эпическое повествование нечто «свое», что обуславливалось эстетическими и другими общественными потребностями исторического развития, нередко оказывалось и под влиянием господствующей идеологии общества.

«Личной» обработке эпические сюжеты подвергались больше при письменном их изложении, нежели при устном повествовании. И, конечно, не случайно. Ведь письменным изложением могли заниматься образованные люди, получившие определенное воспитание в схоластических школах мусульманского толка. Они вносили в фольклорный текст не только особенности письменного языка, например, общепринятые арабизмы и фарсизмы, литературно-стилистические обороты и формулы, но и нередко героические сюжеты трактовали с точки зрения мусульманской идеологии, пропагандируя «чудесные возможности» ислама. Особенно обширные наслоения исламистских идей мы видим в сказаниях «Куз-Курпяч», «Алдар и Зухра», переведенных на русский язык в начале XIX в.

¹ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства. Ч. 2. Продолжение дневных записок... в 1770 году. СПб., 1802, с. 113—114.

с письменных текстов. Религиозное влияние сказалось не только на словесной оболочке, а проникло и в образную систему этих сказаний, привело к значительным изменениям социально-нравственного облика персонажей. Например, традиционный седой старик (аксакал), выполняющий в других сказаниях и сказках обычно функции помощника-советчика и дарителя волшебных средств, превращен здесь в авлию, т. е. божьего посланника, чья помощь героям каждый раз преподносится как чудесное покровительство пророка Магомета правоверным. Даже Дью-пярий или Пярий, способные ко всякому чародейству, воплощают здесь не традиционные демонические силы, а представляют злых духов, враждебных прежде всего магометанству. Победы героев в борьбе со злыми духами воспринимаются не столько богатырскими подвигами, сколько выражением колдовской помощи авлии. Все это заметно снижает эстетическое значение образов.

Весьма противоречиво выглядит образ Мяскай. Характерная более для башкирских сказок, где Мяскай чаще всего является старухой кровопийцей, в сказании «Куз-Курпяч» она предстает в несвойственных ей функциях. В других вариантах она отсутствует. Ей, пятисотлетней деве — высочайше набожной старушке, болеющей перед культом Магомета, отданы функции не только ясновидицы, но и политического комментатора исторических событий, которые она демонстрирует на своей волшебной доске. Мяскай, которая сидит на своей красной сафьяновой подушке, перебирая четки как мусульманская эбей, вдруг начинает «говорить, если уж не устами самой императрицы, то, во всяком случае, как верная царскому трону фрейлина. Эта новая — сученая и вощеная — нить в сказании довольно ощутима. «Сучение» здесь, по видимому, следует отнести большей частью к деятельности кураиста, записавшего эпос, а «вощение» — целиком заботам переводчика Беляева. В результате эта нить мысли и политического взгляда приобрела такую крепость и «практичность», словно она протянулась прямо из Петербурга, из царского двора. Постепенное превращение России в «тюрьму народов» Мяскай рассматривает как правое, священное дело, а восстания башкир, равно как и народно-освободительное движение в стране в целом, расценивает как изуверство тех, кто «извращен во нравах» «по наветам коварных и злобных дью-пяриев». Справедливому движению возмущенных народных масс, направленному против жестокого социального и колониального гнета, Мяскай противопоставляет русскую монархию во главе с «милостивым» царем, которого она сравнивает с солнцем»¹.

¹ Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа, с. 96—97.

Ясно, здесь устами Мяскай говорит переводчик башкирской повести Т. Беляев. «Все будущее в очарованных видах», показанное на волшебном экране (для Беляева оно — известное прошлое!), не имеет значения ни для развития эпического сюжета, ни для раскрытия героических характеров. Оно привнесено в сюжет с явным намерением переводчика сочетать «старый материал» «с темами самой жгучей современности». М. Рахимкулов прав: «В издании, рассчитанном на русского читателя, это имело особый смысл: должно было утвердить соотечественников в мысли о незыблемости и справедливости существующего строя»¹.

В башкирских сказаниях, как и во многих эпических жанрах других тюркских народов, стихи обычно чередуются с прозой. Прозаическая часть рассказывается, а стихотворная поется без сопровождения музыкального инструмента. Напевы довольно разнообразны. За некоторыми произведениями закрепились определенные мелодии. Например, такие эпические сказания, как «Заятуляк и Хыхулу», «Акхак-кола», «Кара-юрга», «Конгур-буга», имеют собственные напевы.

Однако большая часть эпических произведений не имеет определенной мелодии. Видимо, сэсэн при исполнении их использовали один или несколько излюбленных мотивов, которые не были прикреплены к определенным сюжетам.

Тирадный стих, эпическая нагнетаемость действия наложили печать на мелодии сказаний, которые отличаются нарастающей динамикой ритма.

Форма стиха башкирских сказаний в некотором отношении напоминает казахский жыр, алтайский кай, каракалпакские дастаны. В метрике и форме стиха наблюдается довольно большое разнообразие. Встречаются в эпических поэмах семи- и восьмисложные, девяти-, одиннадцати- и двенадцатисложные метры. Например, сказание «Заятуляк и Хыхулу», а также некоторые варианты «Акхак-кола» в основном имеют девятисложный стих. Однако значительно шире используются семи- и восьмисложные стихи, объединенные в строфы, число строк в которых может колебаться от 2 до 48 и более. Семисложный метр тюркского стиха акад. Ф. Корш считал древней формой, «достоянием пратурецкого племени», подтверждал это примерами из древнетюркских письменных памятников².

Одиннадцатисложные четверостишия, рифмующиеся по принципу *ааба* («Кусяк-бий»), вошли в фольклорный быт под влиянием восточной письменной поэзии.

¹ Рахимкулов М. Г. Встречи с Башкирией, с. 150; Любовь моя — Башкирия. Уфа, 1985, с. 298.

² Ф. Корш. Древнейший народный стих турецких племен. СПб., 1909, с. 15.

В многострочной строфе главная мысль обычно заключена в первых или в последних строках. Остальные стихи дополняют, уточняют эту мысль. Например:

Среди шестидесяти лошадей
Исчезли шесть горячих коней:
Нет пестрого, которого подпругой не охватишь,
Нет саврасого, для которого подхвостник короток,
Нет вороного, чьи ноги, как у ласточки,
Нет серого с голубиной грудью,
Нет мухортого со светлой полоской на лбу,
Нет солового со звездочкой на лбу, говорят.
(«Акхак-кола»)

Наиболее излюбленна у сэсэнов перекрестная рифма. Часто встречается рифмовка типа *ааба*, *аабб*.

В семисложном стихе важную роль играет цезура, которая приходится на четвертый слог и делит строку на два ритмических звена:

Егет һүзөң / һүз булһын,
Һиңә антым / бирәйем,
Үзөңде алып / илемә,
Атам торған / еремә,
Кан-яу асмай / арала,
Һокланғанһың / бирәйем.

А в одиннадцатисложном стихе цезура приходится на четвертый и седьмой слоги и делит строку на три ритмических звена:

Кулына ул / алмас кылыс / тотоп алды,
Ике һаба / кымыззы / йотоп алды;
Кыззы ташлап / Көлөмбәт / сыккан ине,
Сыскан тоткан / бесәйзәй тотоп алды.
(«Кусяк-бий»)

В башкирских эпических сказаниях большое место занимает диалог, который имеет стихотворную форму и несет художественно-эмоциональную нагрузку.

Башкирский народный эпос и по сей день исполняется народными сэсэнами и пользуется большой популярностью. Эпические сказания, созданные гением и талантом народа в далеком прошлом, и сегодня волнуют наших современников, повествуя о благородных чувствах, стремлениях и делах народных героев-батыров, боровшихся за счастье людей.

Н. Т. Зарипов, М. М. Сагитов.

УРАЛ-БАТЫР

О том, как жили старик Янбирде и старуха Янбика¹; о том, как старший их сын Шульген не сдержал наказа отца, не внял словам матери; как дочь царя Самрау по имени Хумай оказалась у них в плену

В древнюю пору, давным-давно
Было, говорят, место одно,
Куда никто не ступал ногой
(И на целом свете никто
Не знал, не ведал о суше той).
С четырех сторон обступала
Это место морская вода.
С незапамятных пор проживала
Там семейная чета:
Старик по имени Янбирде
С Янбикою, старухой своей.
Куда б они не желали пойти,
Не было преград на их пути.
Как на земле оказались той,
Где мать, отец их, где край родной,
Говорят, они сами забыли.
Так иль нет, в стороне морской
Жизни семя они заронили.

Двое детей родились у них,
Двое сыновей удалых.
Шульгеном старшего нарекли,
Уралом младшего нарекли.
Так и жили они вчетвером,
Не видя людей, в местечке глухом.
Своего не имели скота,
Не обзаводились добром,

Даже не вешали котла
Над полыхающим костром;
Не знали, что такое болезни,
Смерть была им неизвестна;
Полагали: для всех на свете
Сами они являются смертью².
На охоту коней не седлали,
Лука и стрел еще не знали,
Приручили и держали
Льва-арслана, чтоб их возил,
Сокола, чтобы пернатых бил,
Пиявку, чтоб кровь животных сосала,
Щуку, чтоб рыбу для них хватала.
С древности тот обычай дошел
И навеки с ними остался,
Янбирде ли его завел:
Когда зверь-самец попадался,
Старики его убивали,
Голову его поедали,
Шульгену же и Уралу,
А также льву-арслану,
Соколу и прожорливой щуке
Остальное поесть бросали.
Когда ж самку зверя они убивали,
Для пищи лишь сердце ее вырезали.
Ну а черных пиявок болотных
В травоядных вонзали животных,
Чтобы из выцеженной крови
Себе напиток изготовить.
Малолетним детям своим,
Что охотой не промышляли,
Пить кровь, есть голову или сердце
Строго-настрого запрещали³.

Росли сыновья день за днем,
Крепли и телом, и умом.
Вот и двенадцать Шульгену стало,
Десять уже было Уралу.
— Сяду на льва, — молвил один,
— Сокола пущу, — сказал другой.
Оба брата — Шульген и Урал —
Приставали к отцу. И сказал
Янбирде, потеряв покой:
— Оба для нас вы родные дети,
Радость единственная на свете.
Ваши зубы еще не сменились,

Ваши мускулы не укрепились,
Рано в руки сукмар вам брать,
Рано сокола в высь запускать,
Не вышел час вам на льва садиться.
Ешьте то, что я вам уделю,
Делайте то, что я вам велю;
Чтобы ездить верхом научиться,
И оленя вам хватит пока.
На залетную стаю птиц
Можете кобчика запустить;
Если жажда охватит вас,
Можете воды ключевой испить.
Но кровь, что в раковины налита,
Пусть не коснется вашего рта».

Так по несколько раз подряд
Наставлял он их, говорят,
Запрещая им вновь и вновь
Цедить из раковины кровь.

И вот в один из погожих дней
Старик со старухой своей
На охоту пошли вдвоем,
Оставив жилище на сыновей.
Немало времени миновало,
Как старики на охоту ушли,
И два брата — Шульген с Уралом —
Разговор о еде повели.
Шульген раздумывать долго не стал,
Хоть о запрете отцовском он знал:
С тою раковиной не шутить,
Ни за что из нее не пить,
Все ж уговаривать брата стал,
Всячески его подстрекал:
«Если б охота на зверей
В душу не вливала бы радость,
Если пить кровь для взрослых людей
Не представляло какую-то сладость,
Мать и отец без сна и покоя,
Дома оставив нас с тобою,
На охоте бы не бродили.
Так зря не будем время терять,
Раковину поскорей откроем,
Выпьем по капельке, чтобы узнать
Крови вкус — что это такое».

У р а л:

«Пусть та кровь и очень сладка,
Я не сделаю и глотка,
Пока не вырасту я егетом,
Пока не узнаю причину запрета,
Пока не пройду по белому свету
И не уверюсь, что на свете
Больше нет и в помине Смерти,
Сукмаром никого не ударю,
Никакой не убью я твари,
Высосанной пиявкой крови
Пить не стану я — вот мое слово!»

Ш у л ь г е н:

«О том, что Смерть не сильнее людей,
Что до нас не добратся ей,
Что не найти ей нас никогда,
Повторял нам отец всегда.
«Мы сами Смерть для твари любой», —
Не устает отец говорить.
Что же случилось вдруг с тобой,
Что боишься крови испить?»

У р а л:

«В расторопности, быстроте,
В силе, росте иль красоте,
В осторожности и терпенье,
В чуткости каждого движенья
Днем ли, ночью ли — каждый час —
Лев, сохатый или барс,
Дикий медведь или зверь любой —
Неужели слабее нас?
Лапы, копыта ль о камни бьют,
Шерсть ли свою о колючки рвут, —
Все же не стонут и не хромают,
В зной одежду свою не снимают,
В стужу шубу не надевают.
Если на добычу метнутся,
То не сукмаром уж замахнутся;
На охоте не знают хлопот,
Каждый собственной силой живет;
Оружие их — только зубы да когти,
Каждый сноровкой берет своей,
Тот удачлив из них, кто сильней,
Тот добычлив, кто половчей.

Если же ноги им затянуть,
Нож занести, чтоб в горло воткнуть, —
Звери, живущие в этих местах,
Что наводят всеобщий страх, —
Лев ли это, иль барс лесной,
Словом, хищник сильный и злой, —
Не заплачет ли сам тотчас,
В смятенье и ужасе глядя на нас?
Иль не видят они в человеке
Врага, что зовется Смертью-злодейкой?
Коль друг на друга их натравить,
Щуку на плотву напустить,
На суслика — хорька,
На зайца — лису,
Не возвысится ли, как Смерть,
Над слабым — более сильный зверь?
Скажи, не мы ли здесь вчетвером
В глазах животных и птиц — злодеи?
Не мы ли гибель повсюду сеем,
Страх на всех наводя кругом?
Не мы ли тех, кто Смерти боится, —
Рыбу, что в глубь озер стремится,
В зарослях поющую птицу —
Ловим и головы отрезаем,
Сердце вспарываем и съедаем,
Тварью ничтожною их считаем?
Не мы ли это вчетвером,
Обычай гибельный насаждая,
Здесь посеяли смерть кругом?
Если когти в сукмар превратив,
В хищного сокола дух обратив,
Звери эти в гневе большом,
Когда-нибудь в порыве одном
Задумают захватить наш дом, —
Смерть, что лютой злобой полна,
Смерть, что нашим глазам не видна,
Пред нашими не взойдет ли глазами,
Не расправится ли и с нами?»
Услыхав такие слова,
Шульген задумался было сперва,
Но решил он все же потом
Вновь упорствовать на своем.
Кровь отпил, и, боясь расплаты,
Задумал Уралу закрыть он рот:
И заставил поклясться брата,
Что отцу тот не донесет.

С богатой добычей вернулись домой
Старик со старухой, говорят.
По обычаю, всей семьей
Распотрошили дичь, говорят.
И пред обильною едой
Уселись, довольные собой.
И, призадумавшись, сказал
Долго хранивший молчанье Урал:
«Отец, вот эту самую дичь,
Хоть от тебя скрывалась она,
Хоть бежала, страха полна,
Ты сумел на охоте настичь,
В горло нож ей сумел вонзить;
Не случится ль и с нами такое —
Существо не найдется ль живое,
Чтобы в схватке нас победить?»

Я н б и р д е:

«Тем, кому суждено умереть,
Мы несем неизбежную смерть.
Куда б от нас они не сбегали —
В горную высь иль лесные дали, —
Беглецов все равно мы найдем,
Горло им перережем ножом.
Нету здесь существа такого,
Кто б человека мог победить живого,
Над головой нож занести,
Не было Смерти от века здесь,
Чтоб нам смертельный удар нанести.
Там, где некогда мы родились,
Где предки свою коротали жизнь,
Смерть еще могла обитать —
Там, в расцвете жизни своей
Множество умирало людей.
Див однажды туда пришел.
Видно, был на людей он зол —
Убивал их и пожирал;
И покрыла всю землю вода,
Суша скрылась под ней навсегда⁴.
В живых оставшиеся тогда
Разбрелись по земле кто куда.
Не осталось для Смерти дела.
Решив, что всех она одолела,
Не подумав о тех, видать,
Кто успел от нее сбежать;

От ее неусыпной стражи
И мы сбежали с матерью вашей.
Край наш пуст был. Нога человека
Не ступала сюда от века.
Потому-то в этих местах
Не одолевал нас пред Смертью страх.
Было мало здесь дичи, зверья
В дни, когда мы в эти края
Забрели. В озерцах и топи
Проступали размытые тропы».

У р а л:

«Отец, если за Смертью пойти,
Можно ли будет ее найти?
Если ж удастся настичь, скажи,
Можно ли голову ей размозжить?»

Я н б и р д е:

«Смерть коварна. Она ни разу
Открыто не являлась людскому глазу.
Невидимкой та тварь живет —
Никто не знает, когда нападет.
Есть тут только одна возможность:
В царстве дивов, на дальней земле,
Протекает Живой родник.
Выпьет кто из него — и вмиг
Обессмертит себя, говорят,
Смерть отступится, говорят».

Поведав такое о Смерти и насытившись едой, старик вытащил раковину, чтобы испить крови. Увидев, что содержимое раковины убавилось, Янбирде стал допытываться у сыновей, кто из них выпил кровь. Шульген стал изворачиваться: мол, никто к той крови не прикасался. Старик Янбирде взял палку и начал поочередно колотить своих сыновей. Из жалости к брату продолжал молчать и Урал, а Шульген, не выдержав, признался отцу в своей вине. Когда старик опять начал бить Шульгена, Урал схватил руку отца и сказал ему такие слова:

«Отец, одумайся, посмотри
На палку ту, что в руке твоей,
По ней глазами пробеги:
Была молода она средь ветвей.
Нынче остругана она,
Вся побита, повреждена,

В палку голую превращена,
С треском сломится — лишь согни.
Ты на палку, отец, взгляни:
Пока ту ветвь не срубил ты в бору,
Росла она, шелестя на ветру,
Трепетала юной листвою
На стволе вербы молодой.
Птичья стая, пчелиный рой
На ту ветку дружно садились;
Птицы звонко на ней веселились,
Гнезда вили на ней весной.
Может, избранной ветка была,
Жизнь беззаботную вела;
Как младенец, что грудь сосет,
Через корни ствола она
Влагу вбирала из речного дна.
Ты от корней ее отдрал,
Все листочки ее оборвал;
Стала палкой теперь она,
Стала, как сокол, что птицу сбивает,
Стала, как щука, что рыб пожирает,
Стала пиявкой, что кровь сосет,
Стала собакой, что кость грызет, —
Не такую ли стала она,
Не насильницей стала ль она?
И со лба отеревши пот,
Не приготовился ль ты теперь
В доме своем, где заперта дверь,
Увидеть ту, что Смертью зовется,
Про которую ты сказал,
Мол, увидеть уж не придется?
Не потому ли, скажи, на сына
Ты замахнулся этой дубиной?
Иль на себе мы должны опять
Силу Смерти злой испытать?
Если сегодня брата убьешь,
Завтра в меня вонзишь свой нож,
Если останешься одиноким,
Сделаешься стариком глубоким,
В три погибели станешь сгибаться,
На льва не в силах будешь забраться,
В лесу охотиться, дичью питаться,
На зверя сокола запускать,
Корм охотничьим птицам давать, —
И твой лев, и собака твоя
Не помрут ли от голода тут,

Тоской глаза их не затекут?
Отчаявшийся от голода лев,
Впав на привязи в страшный гнев,
Не сорвется ль, остервенев,
Самого не сомнет ли тебя,
Не разорвет ли тебя на куски,
Не откинет ли прочь от себя?
Не увидишь ли облик свой
В Смерти, представшей перед тобой
В миг последний гибельный свой?

Услышав такие слова, старик Янбирде перестал бить Шульгена. «Смерть может явиться и невидимкой; наверное, это она и пришла, вот меня и искушает. Не может быть, чтобы никто не видел своими глазами Смерть. Надо расспросить зверей и птиц», — подумал он и созвал лесное население.

Обращаясь к собравшимся зверям и птицам, Урал сказал так:

«Злодейку, по прозванию Смерть,
Мы всегда узнавать должны.
Обычай сильных слабого есть —
Мы отвергнуть навек должны.
Если друг друга переберем,
По имени каждого назовем,
То каждый укажет на тех, кто здесь
Кровь не пьет и мясо не ест,
Кто слез не проливает ничьих,
Одни из них кормят себя корнями,
Другие — листьями и стеблями.
Так и живут, никому не вредят,
Только детишек своих плодят,
А те попадают в хищную пасть —
Знает об этом каждый из нас.
Смерть совсем не чужда таким:
Пьющие кровь, рвущие мясо —
Врагами навек останутся им.
Обычай хищные прекратим:
Тогда одинокой останется Смерть —
Вместе смерти ее предадим!
Но словам воспротивились тем
Хищники, и с ними Шульген,
Начался между ними спор,
Неразбериха, шум и раздор.

В о р о н:

«Я нисколечко не боюсь
Встретить Смерть — от нее не таюсь.
Только с тем, чтобы Смерть убить,
Никогда я не соглашусь.
Хоть я стар, но от этого дела —
Пусть наперекор всем, но уклонюсь.
И потому говорю вам смело:
Если сильные на слабых
Вдруг охотиться перестанут,
Иль всякого, кто рожден на свет,
Отныне обходить будет Смерть;
Если осенью в строгие сроки
Не выпадут заморозки, а деревья,
Изменив законам природы,
Не сбросят листву на зимнее время, —
Есть ли прок в том живым на земле?
Коль зайцу подобно каждый зверек
В год дважды иль трижды станет плодиться,
И, объедая все по ночам,
Зелени после себя не оставит,
Что останется прочим зверям —
В поисках пищи бродить по полям?
Если целые стаи пернатых —
Уток, гусей и журавлей —
Водную гладь собою покроют,
Будут в светлой воде плескаться;
Если, решив, что текут впустую,
Реки вдруг течь перестанут:
Мол, зачем размывать берега?
Если, сочтя, что порядок такой
Есть незыблемый мира обычай,
Птицы не будут давать нам покой;
Если, примеру следуя птичьему,
Бить родники перестанут свободно,
Если протухнут земные воды,
Что мы станем делать тогда?
Откуда пища живым и вода?
Бывало, рискуя головой,
Понапрасну вступал я в бой;
Хоть голод и нужду испытал,
Терпел лишения и страдал,
Все же, если в три дня хоть раз
Не поклюю у падали глаз,
Если чью-то кровь не поплюю,

Мяса кусочек хотя б не вкушу,
Жизнь не жизнь мне на этом свете,
Уволить меня потому прошу
От поисков и наказания Смерти».

С о р о к а :

«Тварь, которая Смерти боится,
Будет встречи с ней избегать.
Если надобно ей плодиться,
Станет укромное место искать».

И с сорочьими теми словами
Все — и тигр, и леопард,
Лев могучий, волк и барсук,
И зубастая, жадная щука —
Согласились, говорят.
Ведь птицы, что сюда по весне летят,—
Гуси, утки, журавли,
Дрофы, рябчики, тетерева —
Только и мечтают о том,
Чтобы птенцов выводить, и потом
Научить их вольно летать.
Но пред этим надо искать
Гнезда по чащобам лесным,
Жи́ра набираться самим.
Лишь косули и с ними олени,
Да еще бурощекий заяц,
На длинные ноги свои уповая,
Безответными оставались.
Еще воробей, дрозд и скворец,
Трясогузка, ворона и галка,
Поживившиеся червячками,
Словно подавившись словами,
В стороне ото всех отмолчались.

Сказала кукушка: «Я гнезд не имею,
Я детишек своих не лелею.
Пусть тот, кто в детях души не чает,
Кто их холит и величает,
Как захочет, так и живет,
Норы роет и гнезда вьет».
Каждый по-своему рассуждал,
По-своему думал-гадал,
Так, к единству и не придя,
Немного времени погодя,
Разошлись они, говорят.

Сник после этого старик,
Выходить на охоту один
Стал бояться, и вовсе отвык.
Как-то четверо — всей семьей —
На охоту ранней порой
Вместе отправились они.
Много дичи набив лесной,
Воротились к лачуге своей.
Средь добычи — птиц и зверей —
Была лебедушка... И когда
Вдруг нависла над ней беда:
Чтобы на мясо ее искромсать,
Стал старик оттачивать нож,
Пробрала лебедушку дрожь,
Стала просить она, умолять:
«Летела я, чтобы мир посмотреть;
Не земное создание я,
У меня есть страна своя,
Не бездомная я сирота.
Когда на земле не было никого,
Никто не касался ногами ее,
Нельзя было друга себе найти,
Подругу на жизненном пути,
Мой отец — повелитель птиц —
Всюду пару искал себе,
Но не было такой на земле.
Чтобы равную отыскать,
Ринулся отец к небесам,
Встретил Солнце с Луною там,
Всей душою их полюбил⁵.
Родилось у него двое детей.
Ни я с сестрою сводной своей,
Ни отец наш болезней не знали,
Смерти власть мы не признавали.
Отец мой поныне властвует там.
Я с мольбой обращаюсь к вам:
Отпустите же вы меня,
Ворочусь я в родные края.
Если ж съедите меня, все равно
Стать мне пищею не суждено —
Лягу внутри у вас камнем я.
Водою из Живого ручья
В детстве тело мое омыла
Солнце-Кояш — мать моя,
Светом бессмертья меня озарила.
Отпустите же вы меня.

Мой отец под землею даже
Меня отыщет и вас накажет.
Дочь я царя, чье имя Самрау,
А зовут меня Хумай⁶;
Если волосы разовью,
Лучами златыми всю землю залью.
Утром я тороплю зарю,
Ночью свет я луне дарю.
Отпустите же вы меня,
Ворочусь я в родные края,
Путь к Живому роднику
Указать я вам смогу».

Услышав такие слова, Янбирде и Янбика стали держать совет с детьми. Шульген был за то, чтобы съесть птицу. Урал — за то, чтобы ее отпустить. Из-за этого они затеяли между собой ссору. Урал забрал птицу, чтобы она не досталась Шульгену, отнес ее в сторону. «Не печалься! Вот поем сейчас малость и сам отнесу тебя к матери и отцу», — сказал он ей и подсел к своим родителям.

Когда все принялись за еду, птица взмахнула здоровым крылом — и выпали из него три пера; когда она смочила их кровью из сломанного крыла, явились три лебедя и унесли ее с собой. Старики Янбирде и Янбика очень сожалели о том, что не смогли узнать, где находится Живой родник.

Старик тут же велел Шульгену и Уралу отправляться вслед за ними, отыскать Живой родник. Если на пути встретится Смерть, отрубить ей голову и возвратиться домой. Посадив двух сыновей на двух львов, проводил он их в путь.

О том, как прославился Урал, разгромив и уничтожив царя Катила, и даровал людям свободу

Урал со старшим братом вдвоем,
Считая дни, месяцы, годы,
Где через черный бурелом,
Где через горы, а где бродом —
Двигались вместе одним путем;
Ехали так, и в один из дней
Там, где проворный бежит ручей,
Повстречали они старика
С белой бородой⁷ до земли.
Посох большой тот держал в руках.
Братья к старику подошли,
Почтительно поздоровались с ним.

Приветствием ответил он им.
Куда и откуда идут они,
Старец расспрашивать стал у них,
Обо всем — куда, почему —
Рассказали братья ему.
Впал в задумчивость тот. Потом
По бороде провел рукой
И, указав на распутье дорог,
Разговор повел такой:
«Перед вами лежат два пути:
Налево пойдете — вас впереди
Смех, веселье беспечное ждут.
Там, забот и вражды не зная,
В полном согласии живут:
Волки и овцы на вольных лугах,
Лисицы и куры в густых лесах,
Птицу Самрау всем сердцем чтут,
Не едят мясо, кровь не пьют —
Смерти дорогу не дают.
Вот такая там есть страна⁸.
На добро отвечать добром —
Обычай в краю благодатном том.
А направо пойдешь — вдоль дороги всей
Только слезы и плач людей.
Жестокости и скорби полна
Та горемычная сторона.
Царь коварный Қатил в ней правит,
Кровь живую пьет у людей.
Всюду увидишь там груды костей —
Вот что ждет, коль пойдешь направо».

И рассказ такой услышав,
Обычаи здешние разузнав,
Двое братьев — Шульген и Урал —
Жребий бросили меж собой,
Каждый участи лучшей желал.
И жребий братьям выпал такой:
Младшему — налево идти,
Старшему — направо идти.
Каждый сам сделал выбор свой.
Но Шульген не согласен был:
— Про старшинство ты мое забыл!
Знай же: налево я пойду, —
Стал настаивать он на своем.
И правым Урал пошел путем.
Шульген отправился левым путем.

Правой Урал поехал дорогой.
Была она и трудной, и долгой;
Много рек он переходил,
Много гор он перевалил,
Покуда не добрался до склона
Горы, поднявшейся до небосвода.
Там старуху он повстречал:
Рубцами и шрамами испещрена,
Кровью запекшейся обагрена
У старухи была спина;
Кожа висела на ней клоками,
Словно изодранная волками;
Чернели ее обнаженные ноги,
Как у кур, ворошащих мусор;
Точно трава, что стужей убита,
Желтизной ее щеки покрыты;
Как у коры, что лишилась сока,
Мясо на бедрах ее иссохло.
Точно наросты на дереве старом,
Выступали буграми суставы.
Рядом со старухой Урал
Красивую девушку увидал.
На солнце сильно она загорела,
Волны волос укрывали тело;
Словно выточена из ствола
Ясеня, была стройна.
Страха иль стеснения полна,
Пряталась за старухой она.
Как у насытившейся дичью птицы,
Грудь ее выпуклою была.
Глаза были дивно хороши,
Как озеро, блестящее сквозь камыши.
Вся она нежна и чиста,
Тонок, как у пчелы, ее стан.
К ним-то и подошел Урал.
«Вы не пугайтесь меня, — сказал, —
Издалека я сюда пришел.
Был мой путь и крут, и тяжел;
Когда покидал я родительский дом,
Был еще я совсем юнцом;
Знайте: людей я не обижаю,
Их жилища не разрушаю.
Смерть-злодейку хочу отыскать,
Хочу я смерти ее предать.
Подойдите поближе ко мне,
Расскажите о вашей стране.

Тогда приблизились мать и дочь,
Не в силах волнения превозмочь.
К небу старуха глаза возвела
И такой разговор повела:
«Вижу, идешь ты издалека
С думой, глубокою, как река.
Ах, егет, если б знал ты о том,
Куда дорога тебя привела,
Какие черные дела
Наш царь творит во дворце своем!
Тех, кто про болезни не знал,
Кто смерти собственной и не ждал —
Женщин, девушек и мужчин
(Стар иль млад, отец или сын), —
Велит вязать по рукам и ногам,
Лучших из них для дворца отбирает;
Раз в году народ собирает
К царским хоромам на майдан.
Ну, а дочка Катила-царя
Выбирает себе жениха.
Девушек царь выбирает сам.
Тех, что остаются потом,
Приближенные падишаха
В собственный забирают дом.
Остальным — место в мире ином:
Девушки смерть находят на дне
Озера. А егеты — в огне.
В честь себя и отца своего,
В честь приближенных своих,
В честь дня рождения своего,
В честь Тэнгри раз в году
В жертву людей приносит Катил.
Десятерых я имела детей —
Мать несчастная средь матерей.
Сожгли из них у меня четверых,
Утопили в воде пятерых.
Мой старик того не стерпел,
Горе такое снести не сумел,
И, не ведая, что творит,
Не боясь, что будет убит,
В ярости позабыв о страхе,
Бросился на людей падишаха.
И несчастного в тот же день
Прямо перед глазами моими
Закопали живьем в могилу.
Осталась при мне лишь младшая дочь.

Рады бы и ее уволочь,
Оторвать от матери чадо,
Поглумиться были бы рады,
Только в лес я сбежала с ней.
И таких, как я, матерей,
Беглецов много бродит здесь —
Горемычных скрывает лес.
Добр ты, по всему, сынок,
Знаешь цену тяжких дорог,
Потому дам тебе совет:
Возвращайся скорее домой,
Уходи из земли нашей злой!»

«Через реки и через горы
Шел сюда я не дни, а годы.
Много разных дорог прошел;
Если Смерть не найду я тут,
Ту, что черной бедой зовут,
Если ей голову не размозжу,
Мир от Смерти не освобожу,
Мне Уралом не зваться вовек!» —
И, такие слова сказав,
Попрощался с ними Урал,
На льва своего вскочил, и стремглав
Во дворец, где жил царь Катил,
Лев его поскакал что есть сил.
Так проехал Урал немало,
И такое пред ним предстало:
Словно от матери одной,
Все обличия одного —
Все нагие, унылой толпой
Друг за другом люди стоят,
Каждый ни мертвый, ни живой,
Выстроились за рядом ряд.
Мужчины от женщин отделены.
Кто противится хоть слегка,
Тех прислужники тычут в бока.
Не жалеют своих кнутов —
Бьют нарушивших стройность рядов.
К ним-то и подъехал Урал.
Только взглядом успел обвести
Площадь, как в шагах тридцати
Он другую толпу увидал.
Там, проливая горючие слезы,
Под криками, полными угрозы,
Онемевшие от испуга,

Жестами объясняясь друг с другом,
Стояли, к сердцу прижав детей,
Толпы отцов и матерей.
К ним скорее Урал поспешил.
«Что происходит тут?» — спросил,
Рассказал о цели своей.
Тому, что Урал им говорил,
С жадностью внимала толпа.
Выступил старик и к Уралу
Обратился с такими словами:
«Все обличье твое, егет,
Разговор твой и гордый вид
И что едешь на льве верхом,
Яснее ясного говорит
О том, что ты из чужих краев.
В нашем царстве свой у нас царь.
Средь прислужников — свой главарь.
Люди самых разных родов
В этой толпе, нет которой конца.
Каждый год в день рожденья царя,
В честь его матери и отца,
В честь колодца, чьею водой
Ребенком омывали царя,
Он приносит в жертву людей.
Утвердился обычай сей.
У владыки есть Черный Ворон —
Он со знамени смотрит гордо⁹.
Ворону набивают утробу
Каждый год в этот день особый.
Видишь хищных птиц? Сюда
Прилетели они неспроста.
На холме расселись они —
Знают: будет для них еда.
Когда в колодец бросят, и там
Девушки, захлебнувшись, умрут,
Извлекут их тела, по холмам
Воронам на съеденье швырнут.
Вот эти связанные егеты
Приведены изо всех родов.
Дочь царя ежегодно тут
Выбирает из них одного;
А затем царь Катил рабов
Отбирает для дворца своего.
А затем уж дворцовая знать
Жертву для Тэнгри начнет выбирать...

Не успел старик договорить,
Гостю горе свое излить,
Как на троне золотом
Появилась царская дочка —
Четыре раба под каждым углом
Держали трон ее важно и прочно.
Ну, а следом за этим троном
Шел один из приближенных.
Вот дошли до толпы, говорят:
«Стройте прямо, держите ряд!
Или не видите — царская дочь?!
Что ваши лица темны как ночь?» —
Крикнул один из них, говорят.
Тех, кто строй людской нарушал,
Плетью хлестали, говорят.
Вот царевна сошла на майдан,
Медленно прошла по рядам,
Где среди прочих мужчин и Урал
В ожиданьи немом стоял.
От ряда к ряду шла дочь царя,
Но искала избранника зря.
Наконец она подошла
Туда, где безмолвно Урал стоял,
Глаза свои на него подняла
И взгляд царевны оттаивать стал.
Яблоко в руки дала ему¹⁰,
А прислужнику одному
Без промедления приказала
Во дворец проводить Урала.
Вновь неспешно села на трон —
Тут же рабами был поднят он.
Ко дворцу его понесли,
Высоко оторвав от земли.
— Дочь царя избрала любовь,
Будет жених у царевны вновь! —
Среди прислужников шум и гам,
Гул и ропот по всем рядам.
Оттеснили собравшихся прочь.
Кто-то сказал: «Ко дворцу иди,
Ждет тебя там царская дочь,
Счастье ждет тебя впереди».
Потом какой-то молодец
Взялся его проводить во дворец.
«Ты стал нашим зятем!» — льстиво кричал
И хлопал дружески по плечам.
Но Урал с ним не согласился,

К царской дочери не явился.
«Я с обычаями не знаком.
Посмотрю, что будет потом,
Ну а там, может быть, пойду,
Если написано на роду», —
Слуге спокойно ответил Урал.
Сброд дворцовый в ответ зароптал.
К дочери царской помчались рабы,
Расшибая в усердии лбы.
Царь тоже себя не заставил ждать:
Его окружала ближайшая знать;
А четыре царских батыра
Путь пробивали властителю мира.
На дивном троне, несомом рабами,
Ехал сам владыка Катил.
Как взбешенный верблюд, он был,
Как кровожадный хищник, он был.
Кровью глаза его замутились,
Веки тяжкие отвалились,
В гневе злобен и неукротим,
Страх внушал он всем видом своим.
Хребет, как у жирного кабана,
Ноги толстые, как у слона,
С отвратительным животом,
Подобным саба́-бурдюку с кумысом.
И в испуге пред ним народ
До земли свою голову гнет.
Обошел всех владыка гневный,
Отбирая в рабы молодых,
Одних — для работы повседневной,
Для жертвоприношения — других.
Обойдя весь передний ряд,
К другим он перешел, говорят.
Стал тут девушек выбирать,
К красавице одной подошел, говорят.
Прислужника к себе подозвал,
— Зубы осмотри, — произнес.
Проливая потоки слез,
Прикрывая лицо рукой,
Замерла девушка перед бедой.
Руку ее отвел Катил,
Грудь девическую схватил,
Стан и бедра ее ощупал,
По талии похлопал грубо
И сказал: «Для дворца сойдет.
Пусть других моя челядь берет.

Сколько нужно — столько берите,
Никто на вас не будет в обиде».
Приближенным своим повелел:
«Других в честь матери моей,
В честь колодца, водою чьей
Меня омывали, принесите в жертву!»
Так промолвил он, зубы ощерив.

А тем временем дочь царя
Появилась и на Урала
Раздраженно и гневно напала:
«Выбрала я тебя, молодец, —
Почему ж не пришел во дворец?
Яблоком дала тебе знать,
Что ты должен мне мужем стать.
Слову ты моему не внял.
Перед слугами и рабами
Опозорил, в краску вогнал».
Дочери слова услышав,
Царь Катил с трона сошел:
«Из какого ты рода, егет,
Что опозорил дочь на весь свет?»
И поспешным шагом к нему
Подошел, роняя слюну.
Подойдя, продолжал, браня:
«Эй, егет, или ты про меня,
Про то, что зовусь Катилом я,
Про то, что в этой стране моей
Я не то, чтобы только людей,
Но и птиц, насекомых, зверей,
Даже тех, кто лежит в земле, —
Всех держу под пятой своей,
Разве не ведаешь ты, злодей?
Если выбрала дочь тебя,
Что стоишь, свою жизнь губя?»

«Я еще такого царя
И обычаев таких,
Чтоб резали так людей живых,
И не видел, и не слышал,
Хоть и много земель повидал.
Я Смерть-злодейку по свету ищу,
За всех смертных ей отомщу;
Ваших порядков я не боюсь,
Смерти коварной не страшусь;
Если Смерть нагрянет сюда,

Если с нею придет беда,
Если захочет напуститься
Не только на человека — на птицу,
Я не буду стоять в стороне —
Убить ее предназначено мне!
Вот посмотрю на обычай твой —
Смысл в нем добрый или же злой,
Мыслями своими тогда
Поделюсь откровенно с тобой».
Дерзость такую услышав,
И узнав, что Урал тут — чужой,
Приближенные всей толпой,
Злым обласканные Катиллом,
Видя, что тот для дочери милой
Чужака хочет мужем взять,
Черной завистью стали вскипать.
Гнева царь Катил не сдержал,
Так своей дочери сказал:
«Не томись-ка тут понапрасну,
Выбирая такого глупца.
Не поводи на такого и глазом,
Лучше иди в покои дворца», —
Так поучал свою дочку он.
«Тех, кто на жертву обречен,
Не заставляйте ждать, — приказал. —
Девушек утопите в воде,
Егетов сожгите в огне,
Парня этого, заковав,
Приведите потом ко мне!»

Так четверем батырам велев,
На трон взошел он, смирив гнев.
Кинулись было царские слуги
Исполнять высочайший указ —
Девушек в воду бросить тотчас,
А мужчин в огонь покидать,
Лишь только бросились слуги на них
И стали люди рыдать и стенать,
Выступил вперед Урал
И такие слова сказал:
«Из дома я вышел, чтобы убить
Смерть, не видимую для глаз.
Чтоб от нее людей защитить,
Чтобы от кровопийцы-батши,
От людоедов-дивов спасти,
Чтобы Живой источник найти,

Мертвых его водой оживить —
Вот для этого я в пути!
Когда я вижу, что злая Смерть
На сородичей руку заносит, —
Всякий, кто имя батыра носит,
Может ли молча на это смотреть?
Злодеям батыр уступит ли путь,
Их устрашится ль когда-нибудь?
Эй, отойдите прочь, рабы!
Царь, сойди с золотой арбы!
Руки развяжите парням,
Девушек оставьте их матерям!»

Царь, услышав такие слова,
Кровью налился, багровым стал,
На батыров своих взглянул:
«Если сам себе смерти он ищет,
Точно хлеба — бродяга-нищий,
Смерти лицо покажите ему,
Пусть запомнит мою страну!» —
Царь свирепо отдал приказ.
Четыре батыра явились тотчас.
Шерстью медвежьей покрыты они,
Ростом батыры дивам сродни.
Сказали: «Будешь бороться иль биться?
Выбирай, чтоб потом не казниться!»

«Подумайте-ка сначала о том,
Как бы вам не погибнуть самим!
Зверя посильнее себя
Отыщите-ка вы, друзья!» —
Так с издевкой Урал произнес.
Хохотали батыры до слез:
«Значит, батыра тебя сильней
Не было и нет на земле?»
Вместе со всеми и царь Катил
Злобным хохотом исходил.
Нужных слов он не находил,
В черной ярости проговорил:
«Крови жаждет душа его.
Приведите быка моего,
Опору и мощь моего дворца,
Пусть он примерно накажет глупца!
Вы же, батыры, не троньте его».

Услышав слова царя своего,
От страха весь народ задрожал —

Жалость у всех егет вызывал.
— Ох, пропадет, пропадет егет! —
Говорили, плача навзрыд.
А тут и дочь Катила стоит:
«О, отец, во имя любви
Без причины его не губи!
Не ты ль позволил по воле своей
Жениха выбирать себе?
Этого парня я избрала,
Нареченным его назвала.
Из-за тебя не смогла я с ним
Поговорить как с мужем своим.
Умоляю: во имя любви
Жениха моего не губи!» —
Так молила она отца.
На молящие те глаза
За слезой набегала слеза.
Но отец не стал ее слушать,
Не смягчил свою черную душу.
Исполинский явился бык,
Скреб он землю, копытами бил,
Слюну свою ядовитую лил.
Подошел к Уралу тотчас,
Не сводя с него страшных глаз,
И, слегка поведя головой,
Рык из глотки исторг громовой:
«На землю не стану тебя кидать.
Буду сушить тебя на рогах,
Пока ты не превратишься в прах
И не станешь по ветру пылью летать».
«И я тоже тебя губить
Вовсе не собираюсь, бычок.
Чтоб на землю тебя свалить,
Тратить силы не стану, бычок.
Знай, нет существа на земле,
Кто бы был человека сильнеей.
Не только ты — все потомки твои
Станут отныне рабами людей».

Слыша обидные те слова,
Бык со злостью вострепнулся
И стремглав на Урала метнулся,
Чтобы вскинуть его на рога.
И сейчас же его Урал
Схватил за рога и крепко сжал;
Как тут бык ни пыхтел, ни старался,

Как ни бился, ни вырывался,
Освободиться сил не нашел —
По колени в землю ушел.
От жестоких потуг у быка
Из пасти черная кровь потекла.
Верхний зуб его отлетел,
Обессилел бык, ослабел,
Изнемог — устоять не сумел.

Увидав такое, Катил
И все, кто рядом с Катилом был,
В изумленье пришли, говорят,
Каждый замер, страхом объят.
Урал от слов не отрекся своих,
Быка свирепого оставил в живых:
Вывернув ему рога,
Увязшего вытащил из земли.
У быка все четыре копыта
Раздвоились тогда, говорят,
Были песком и грязью забиты,
Кровью затекли, говорят.

У р а л:

«Рога, которые я согнул,
Кривыми останутся навсегда.
Пасть, из которой вылетел зуб,
С прорехой останется навсегда.
Надвое треснувшие копыта
Не зарастут — пребудут такими.
И у детей твоих копыта
Навеки останутся двойными» ¹¹.

— Нападайте со всех сторон! —
Катил батырам знак подает.
Те метнулись тотчас вперед:
«Если от рук наших смерть найдешь,
В какую яму твой труп забросить?
Если случится, что не умрешь,
В какую страну твое тело забросить? —
Так один из четверых
Уралу с издевкою сказал.
Но тот не испугался их.
На великанов этих Урал
Ринулся, разгораясь огнем:
«Подходите все вчетвером!

Силу батыра, что ищет Смерти,
На себе, батыры, проверьте.
Если умру я в ваших руках,
Тело бросьте льву моему;
Коль хватит сил меня одолеть,
Закиньте к живому роднику.
Если ж в руки мои угодите,
Мотыльками в небо взлетите.
Закинуть вас куда и кому?
Когда дивов я искрошу,
Воду живую захвачу
И по пути поверну сюда,
Где, скажите, я отыщу
В муку превращенные ваши тела,
Душонки пустые, что мать вам дала?»

Слова Урала вызвали смех.
«Коль тебя хватит на нас на всех,
Если сможешь нас победить,
На спину каждого уложить,
Если смерть от тебя найдем,
Можешь нас бросить перед царем», —
Так с насмешкой они отвечали
И затем на Урала напали,
Насмерть схватились с ним, говорят.
Одного тут Урал схватил
И в царя швырнул что есть сил;
Остальных же троих заодно
Перед всеми растер в толочно.
Затряслась земля от того —
И царь, и вся прислуга его,
Как и четыре великана,
Пылью рассеялись над майданом.
Матери, исходившие плачем,
Отцы, что горем были охвачены,
Дети, связанные по рукам,
Все это видели, говорят.
Шум повсюду поднялся и гам.
К Уралу сбежались все, говорят.

Ко дворцу подъехал Урал,
Весь народ у дворца собрал.
Тем, кто спрятался или сбежал,
Возвращаться домой приказал.
Выбрав старшего среди остальных,
Лишь собрался покинуть их,

Как в движенье пришел круг людской,
Стали рядить все и судить.
Выступил из толпы старик,
Стал такие слова говорить:
«Егетом истинным ты оказался,
Ничьих угроз не испугался.
Сердце великое у тебя,
Сила могучая у тебя;
Нас жалеючи и любя,
Ты явился сюда, батыр!
Та, что вызвала гнев царя,
Та, что столкнула с ним тебя,
И тем самым спасла всех нас
На годы долгие — не на час —
Наша царская дочь была.
Нам счастье и волю добыла она.
Вспыхнув нежным к тебе огнем,
На спор пошла со своим отцом;
В жены ее ты возьми, егет,
Оставайся с нами, егет!»

Услыхав такие слова,
Видя, что едина молва,
Решил жениться на ней Урал.
В жены царскую дочь он взял,
Погостить тут решил, говорят.

О том, как Урал спас Заркума от смерти, как они вдвоем явились к отцу Заркума, царю Кахкахе; как Урал проник в потайной дворец; о том, как женился он на Гулистан

По прошествии нескольких дней
После пышной свадьбы своей
Отправился дальше Урал, говорят,
Много вод одолел, говорят;
Проезжая дорогой крутой,
У подножья скалы одной
Он со льва сойти поспешил,
Отдохнуть на траве решил.
Вдруг услышал шипенье змеи.
Уши наостривши свои,
Тут же на ноги он вскочил
И, осматриваясь, застыл:
Неподалеку под горой
Увидел в ложбинке небольшой

Змея величины такой,
Что заслони́л бы и льва собой,
Сто шагов будет змей длиной.
Этот огромного роста змей
Оленя рогатого схватил,
Гибким телом его обвил,
Так, вступив в жестокую схватку,
Боролись твари те без оглядки.
Вот вконец олень изнемог,
Устоять против змея не мог,
Фыркнул и повалился с ног;
И едва он лишился сил,
В пасть змеиную угодил.

Подбегает к нему Урал.
Змей храпит и валит хвостом
Кусты, деревья на месте том.
Увернулся Урал, изловчился,
За хвост чудовища ухватился
И затем повелел ему властно
Выпустить оленя из пасти.
Змей ни слова в ответ не сказал —
Только жертву свою жевал.
Всю ее захвативши в пасть,
Проглотить старался не раз.
Но рогами олень застрял,
Змею поперек горла встал.
Змей рога те сломать пытался,
Но хрипел лишь и задыхался,
Оземь оленя бил, но никак
Не в силах был разломать рога.
Постепенно, утратив пыл,
Змей на землю упал без сил:
Продавил бы — внутри застревает,
Выбросил бы — пасть не пускает.
И когда совсем изнемог,
Понял, что не сумеет вовек
От рогов избавиться тех.
Головою покорно склонился
И к Уралу оборотился:
«Эй, егет, я тебе пригожусь,
Лишь не дай, чтоб издох я тут.
Сыном я Қажкахе прихожусь
И Заркумом меня зовут.
Если поможешь мне, я смогу
Отплатить — не останусь в долгу.

Если скажешь: будь спутником мне, —
Я с тобой пойду по стране.
Драгоценных захочешь камней —
Во дворец со мною пойдешь,
Сколько хочешь добра возьмешь,
Будешь желанным из гостей,
Первым среди дворцовых людей», —
Так сказал он Уралу с мольбой.
И ответ получил такой:
«Беднягу, что зла не чинил никогда,
Не причинившему боль никому,
Не проливавшего кровь никогда,
Ты Смерти предал — врагу моему.
Так раскрой свою тайну без лжи,
По порядку все расскажи.
Мне подарки твои не нужны.
Из страны я ушел своей,
Чтоб избавить от Смерти людей,
Тех, что оленю, может, сродни
Тем, что беззащитны они».

З а р к у м:

«Ай, егет мой, не обессудь,
Я открою, в чем дела суть:
Вдали отсюда, в той стороне,
В необъятной птичьей стране,
Есть царь по имени Самрау.
От Солнца дочь его рождена —
Вся красы небесной полна.
Сватался я, но за меня
Ее не отдали — мол, ты же змея!¹²
Тогда обратился я к отцу,
Дни и ночи его молил,
«Отец, сосватай ее, — говорил, —
А не отдаст — объяви войну,
Спали дотла всю птичью страну».
«Иди на охоту, — отец сказал,
Змеиную кожу надеть приказал,
Двенадцатирогого оленя
Схвати и съешь сегодня, — сказал. —
Если сумеешь его проглотить,
В разных обликах будешь жить;
Будешь красавцем среди людей,
Первым егетом среди парней,
В царство птичье потом пойдешь,

Одну из двух дочерей Самрау
В жены непременно возьмешь».
Сегодня я на охоте был,
Едва оленя не проглотил,
Но видишь — на большее нету сил.
Застряли в пасти его рога —
Не проглочу я их никогда,
Погубил я себя навсегда.
Пожалей ты меня, егет,
Мне в несчастьи помоги,
Рога оленьи обломи;
Вместе к отцу моему пойдем,
Что захочешь, то и возьмем.
Не проси богатств у него.
Красавицу предлагать начнет —
Пусть будет сердце твое, как лед.
И кораллы, и жемчуга
Перед тобою рассыплет отец —
И ими не обольщай ты себя.
И так промолвит он наконец:
«Таких, чтоб жемчуга не любили,
Пред золотом головы не клонили,
Красавиц нежных не признавали,
На этом свете сыщешь едва ли.
Я тоже не видел, не слыхал,
А стал искать бы — не отыскал.
Нечего больше тебе мне сказать.
Ответь лишь: что за услугу твою
От меня ты хотел бы принять?»
С тем обратится к тебе отец.
Так запомни: пусть он с себя
Прежде драконову кожу смахнет,
Птичий вынув затем язык,
Переложит его в твой рот.
Отец мой станет тебя пугать,
На черный камень станет плевать —
Камень расплавится от плевка
И растечется, как река.
Если же плюнет он на горы,
Те лишатся земной опоры,
Озером растекутся вокруг,
Водой затопят окрестный луг,
Не будет озеру края, конца —
Все от плевка моего отца.
Но и того не пугайся ты,
Только язык его требуй ты.

Когда ж поцелуешь его язык,
Отец смягчится мой в тот же миг
И к тебе обратится опять:
Что, мол, захочешь, то можешь забрать.
Ты ответишь: «В стране царя
На добро отвечают добром,
Разумей же, прошу о чем.
В том, что любишь, мне не откажешь,
Вещь любимую мне подаришь».
Коль с набалдашником жемчужным
Жезл отдаст он, его возьмешь.
Станет тебе он верным оружием:
Если в воду вдруг попадешь, —
Не утонешь, не пропадешь.
А в огонь угодишь — не сгоришь.
Невидимкой захочешь стать, —
Никто не сможет тебя разглядеть;
Если ж искать тебя станет враг,
Не отыщет уже никак».

Тайны дивов узнав, Урал
Вмиг оленьи рога обломал.
Даже глазом моргнуть не успел —
Змей егетом красивым стал.

Резкий свист тут раздался в тиши
И егетов он оглушил.
Изменился в лице Заркум,
Будто вдруг помутился ум.

— Что случилось? — спросил Урал.
Тот в ответ ничего не сказал.
Думал в страхе думу свою:
«Отец проведал тайну мою,
Все узнал, что я здесь говорил,
Что дворцовые тайны открыл.
Если егет останется жив,
Отпущу его, не проглотив,
Гневом отцовское сердце вскипит,
Мне измену едва ли простит.
А проглотить его нет уже сил.
Я бы просто его задушил,
Да хвост петлей свернуть не могу.
Если к отцу его приведу,
Если к ногам его упаду,
Может быть, отведу беду...» —
Так про себя размышлял Заркум.

Но Уралу коварных дум
Не раскрыл: сказал, мол, меня
Кличет отец, за задержку браня.

«Егет, со мною теперь пойдем,
Будешь ты моим кунаком,
Увидишь отца моего,
Жезл выпросишь у него», —
Так к Уралу он обратился.
И с Заркумом тот согласился.
«На царство змеиное посмотрю,
Двери в тайны его отворю,
Если на добро ответит злом,
Встретят враждебно в краю чужом —
Как поступить, решать буду сам я.
Егет не бросается словами,
Всегда он правым путем идет —
Пусть хоть к гибели тот приведет.
Удаль свою до конца испытаю
В том краю, где враги обитают,
Коль уж задумал Смерть убить,
Изрубить ее, испепелить», —
Так Урал сказал сам себе
И доверил свой путь судьбе.

«Буду жив — ворочусь назад,
Встретиться вновь с тобой буду рад.
А не вернусь — не очень-то жди,
На чужбине жизнь не веди,
А по пройденному пути
Ты в сторонку свою иди.
От меня передай поклон», —
К верному льву обратился он,
В лоб его поцеловал.
И с Заркумом ушел Урал.

Вот идут они, говорят,
Много верст прошли, говорят.
Вдруг глыбой черною на пути
Туча вздыбилась впереди.
Как зарница, из многих огней
Что-то разгорается в ней.
«Что там такое? — спросил Урал, —
Гор подобных я не видал».
«Не гора это, а змей,
Верный страж дворцовых дверей», —
Так Заркум отвечал ему.

К чудищу подступились тому,
И увидел Урал тогда
У огромной железной ограды
Девятиглавого страшного гада.
Клубком свернувшись, тот змей лежал,
Покои царские оберегал.
Первым Заркум подошел к нему,
К девятиглавому горбуну.
— Ключ принеси! — приказал ему.
Свистнул тут пронзительно змей —
Казалось, рухнула грудa камней.
Это четыре шестиглавых гада
Волочили ключ громадный.
И вот этот-то самый ключ
Грохотал, будто глыба с круч.
Тем ключом открыли дворец.
— Проходи сюда, молодец,
Я же отца пока извещу
И сюда его приведу», —
С тем Урала он запер там
И убрался куда-то сам.

Очень скоро возле дворца
И большие, и мелюзга —
Змеев закипела толпа.
Урал прислушиваться к ним стал.
Одиннадцатиглавый змей сказал:
«Мой черед человека сожрать,
Двенадцатиголовым стать¹³,
Ведь самым близким визирем
Падишаха я должен стать».
Девятиглавый же змей изрек:
«Нет уж! Человек этот смог
Вырвать тайну у сына царя —
Клятву дал ему царский сынок
Тайны здешние все открыть.
Должен царь его проглотить,
Иначе я его проглочу —
Всем ведь ясно: лишь мне по плечу
В голове все тайны хранить.
Но не станет царь его есть:
Раз тот спас его сына и честь,
Если царь даже съест его,
Не вырастет голова у него».

Гады исчезли после тех слов.
Змей, имеющий девять голов,

Урал-батыра сожрать был готов.
Подполз к воротам он, говорят,
Принял девичий вид, говорят,
И Урал-батыра тогда
Приворожить он решил.
Но объятия лишь раскрыл,
Как его руки Урал схватил,
Стиснул так, что из пальцев кровь
Так и брызнула, говорят.
Не вынеся боли, огнем
Спалить Урала хотел змей-юха.
Но тот за глотку его схватил,
В гневе и ярости проговорил:
«Ведь владеешь тайнами ты,
Гóловы отращиваешь себе;
Все царские тайны Кахкахи,
Знаю, заключены в тебе».

И, услышав такие слова,
Удивился безмерно змей:
«Я вижу, ты провидец и бог, —
Догадаться о том я не мог.
Думал я, что ты человек,
Потому и шепнул царю:
«Сын твой одному из людей,
Кто для нас лютый враг и злодей,
Все секреты твои раскрыл».

С тем на землю упал он вмиг
И к ногам Урала приник,
Перегнулся всем телом, однако,
Что-то почуяв, уже без страха
Крикнул громко, как только мог:
«Нет, нет, ты — не бог!
От тебя человеком пахнуло,
Чутье меня не обмануло!
Сыну царя ты язык развязал,
Все секреты дворца разузнал
И сюда явился потом», —
Взвился вверх он одним прыжком,
Пасть разинув, шипел, говорят,
В огне спалить угрожал, говорят.
Не смутило и это Урала,
Ударил он змея по голове,
И у змея из той головы
Связка ключей со звоном упала.

Из восьми же голов других
Вышло восемь батыров живых.
«Все людьми мы когда-то были,
Богатырями смелыми слыли.
Змей проклятый нас проглотил,
Голову тем себе прирастил;
Сердце змея ты распори,
Обнаружишь там ключ золотой,
Дворец секретов им отвори,
Все, что хочешь, то и бери», —
Сказали спасенные богатыри.

Сердце змея Урал раскрыл,
Дворец секретов ключом отворил,
Красавицу за дверцей нашел:
Вся украшена жемчугами,
Парчой укутана и шелками,
Но только с пожелтевшим лицом...
Там же, внутри, увидел он трон,
Жезл жемчужный увидел он.
«Жезл возьми с собою в дорогу», —
Батыры ему посоветовали хором.

В это время двери дворца
Настежь белый змей распахнул.
Гнев его так и этак гнул:
«Кто сюда проникнуть посмел,
Кто мой посох забрать посмел,
Не доступный ни для кого?»

На Урала кинулся змей,
Чтоб проглотить его поскорей;
Но батыр его вдвое согнул
И на землю потом швырнул;
И такие сказал слова:
«Я, батыр, на своем пути,
Смерть-убийцу хочу найти.
А тех, кто замыслил ее спасти,
Могу с лица земли я смести.
Если имя мое Урал,
Если от человека мой род,
Знай, что в этом мире я тот,
Кто рожден защищать людей.
Счастья желаю земле я всей;
Тот же, кто людям враг и злодей,
Примет смерть от руки моей.

Если царь ты, отдай приказ:
Пусть все змеи сойдутся тотчас;
Те, в которых люди сидят,
Пусть свои головы склонят —
Разрублю я их все подряд,
На волю пленников отпущу;
Всем драконам злобным и змеям,
Кто несчастье и горе сеет,
За коварство их отомщу!»

И такие слова услыхав,
Подчинился змей, говорят.
«Раз уж жезл от меня ушел,
Видно, сила твоя», — сказал.
Змеев всех созвать приказал.
Собрались тут все, говорят.
Головы, выросшие за счет людей,
Снес Урал саблей своей.
Из голов тех люди сошли,
Распахнули двери дворцов,
Всех, кто в подземелье томился,
Освободили от оков.

«А теперь ты сына найди
И сюда его приведи», —
Так Урал царю приказал.
На свободу вышел народ.
И вместе со всеми девушка та
Чистый увидела небосвод.

Все к спасителю заспешили,
Тесным кольцом его окружили:
«Помощь, что Тенгри не посылал,
Сын земной, ты нам оказал.
От злодеев и землю, и нас
Богатырской рукою спас.
Как тебя нам благодарить,
Чем, скажи, нам тебя одарить?
Назвали б: Тэнгри, да ты человек,
Как восславить тебя навек?»

«Слава и почести мне не нужны;
Лишь тот зовется батыром страны,
Чьи помыслы людям посвящены.
Ваша радость — она и моя,
Вы ж воспримите мою, как свою.

Всех людей мы здесь соберем
И устроим великий пир,
Одного из вас на пиру
Старейшиной рода изберем».

Был тут мужчина, некий Алгыр,
Что против змеев восставал,
С ними много лет воевал.
Его-то главным и сделал Урал.
У Алгыра был верный друг,
У друга дочь Гулистан была,
В рабынях у Кахкахи жила.
Все, кто у дворца собрались,
В одном решении сошлись:
Девушку вот эту самую
За спасителя выдать замуж.
Принял Урал предложенье людей.
Только со свадьбою своею
Решил немного повременить.
Задумал сперва Азраку сразить,
Прежде чем пир отпраздновать свой.

Самый почтенный к толпе людской
Обратился с речью такой:
«Во все времена для страны родной
Был свойствен великих батыров приход.
Поколенья пройдут чередой,
Новое поколение придет.
И, хоть слава твоя пребудет,
Все же сила из рук отойдет.
Вечной останется лишь страна,
Вновь ее сила возрастет,
И отточится снова стрела.
От батыра батыр родится,
Лук возьмет по примеру отца
И с коварным врагом станет биться.
И этому не будет конца.
Поколенья таких сыновей
Всесильным будет в стране своей.
В девушке этой — отцовская кровь,
От матери — молоко и любовь.
Будет тебя достойна она —
Красавица, верная жена...»
Слова такие старик сказал.
И внял его уговорам Урал,
На Гулистан жениться решил,

Отовсюду народ собрал
И пир большой провести поспешил.

О том, как Шульген попался на хитрость царя дивов Азраки; как отправился в страну птиц Самрау; как Хумай заперла его в подземелье дворца

Шульген, что направо зашагал,
Еще одного старика повстречал;
О том, что ищет в этих краях,
О том, что еще одного старика
Встретил до этого в здешних местах,—
Обо всем ему рассказал.
И в ответ обо всем откровенно,
Ничего не скрывая, старик
Тайну свою поведал Шульгену:
«Тот, кто встретился прежде вам,
Младшим братом приходится мне.
Мы родились с ним в одной стране.
Дряхл и немощен он на вид,
Весь морщинами покрыт,
Изможден — только кожа да кости,
Кое-как свое тело носит.
А теперь на меня взгляни —
Не егету ли я сродни?
Коль младшим братом его назову,
Скажешь: бредит старик наяву.
А секрет тут таков, егет:
Стар ли, млад ли, — разницы нет —
Все сородичи в нашем краю
Чтят родословную свою,
Все — как от матери одной.
Были верны мы клятве такой:
Вовек не грабить свою страну,
Кровь человеческую не проливать,
Тугую не заводить мошну,
Не прятать, в землю не зарывать
Богатства страны своей родной,
Поровну все и на всех делить,
Если что-то сумел добыть,
Счастье—лишь правом своим не считать,
Обездоленных не обижать;
Не считать прокаженной ту мать,
Что девочку на свет родила,
В воду детей ее не бросать —
Такая клятва у нас была.

Брат мой клятву ту не берег:
Всех, кого пересилить мог,
Разорял или избивал,
Грабил нещадно и убивал.
Обычай стал создавать он сам,
Смерть причислил к своим друзьям,
Чтоб легче рвать из общей казны.
Потому-то его из страны,
Где мы были на свет рождены,
Люди, поднявшись заодно,
На чужбину изгнали давно.
И теперь он, как зверь в ночи,
Жизнь скитальческую влачит,
В мире не нужный никому;
Одряхленье и смерть потому
Раньше других подкрались к нему».

Такое старик рассказал ему.
Все Шульген постарался понять,
Старика расспрашивать стал,
Как землю заветную ту отыскать,
Глазами своими ее повидать.

Годы шел он, а может, и век,
Множество гор одолел и рек,
Там, где мрак его настигал,
На ночь делал Шульген привал.
Однажды, свое обнажая дно,
Схлынуло озеро. Все оно
Камышами окружено.
Лилия там огромна была —
Как дерево тиковое цвела.
Под водою — песчаное дно.
Утки, лебеди, дикие гуси
В озере плавают заодно.
Рыбы плещутся неустанно —
Щуки, окуни и сазаны.
Никто друг друга тут не боится —
Вволю плещется и резвится.
Остановился Шульген, и потом
Вырвал волос у льва рывком,
Сплел петлю тугую, и вот
Он в тальник прибрежный идет,
Чтоб удилице срезать себе.
А там в ветвях соловей поет.
А вокруг того соловья
Вяхири стройным рядком сидят.

Здесь же ястреб, грач и сова
Мирно расселись за рядом ряд.
Дальше взглядом скользнув своим,
Видит: у подножья горы
В общем кругу сошлись одним
Лисы, куры и глухари.

Остановился Шульген пред зверьем,
Вспомнил сказанное стариком;
«Должен вначале к царю я пойти,
Тайны дворцовые разузнать,
И уж потом на обратном пути
Дичи для себя настрелять», —
Так Шульген про себя решил.
Вмиг на льва своего забрался,
Что есть мочи к царю помчался.

По дороге, когда не ждал,
Он Заркума встретил случайно —
От Урала бежал тот отчаянно.
Заркум Шульгена расспрашивать стал.
Когда Шульген все рассказал,
Сыном назвался тот Азраки,
Так Шульгену Заркум соврал,
Клятвенно ему обещал
Вместе поехать к Азраке,
Получить от него дары,
И на склоне крутой горы
Из родника Живого испить,
Чтобы жизнь бесконечно длить.
Шульген Заркуму поверил во всем,
Решил пойти с ним одним путем.
Много дорог они прошли...
И вот однажды черное что-то,
Возвышаясь до небосвода,
Перед взором открылось вдали —
Гора или туча — попробуй, пойми.
Если горой назовешь — кипит,
Облаком назовешь — гремит...
Растерялся Шульген, содрогнулся,
В страхе к спутнику обернулся;
Так ответил ему Заркум:
«Тот, кто неба горбóм достает, —
Просто стражник возле дворца.
Тот, кто навстречу нам идет, —
Самый главный среди дивов отца.

Остановимся тут на дороге;
Ты меня подожди немного —
Подойду я к его порогу,
Скажу, что гость пожаловал к нам,
И тогда нас проводит он сам».

С тем Шульгена оставив там,
К диву главному подскочил:
Мол, меня и дружка моего
Пусть к царю проведут, попросил.
Все сразу понял див, говорят,
Дал царю намек, говорят;
Тот велел с почетом гостей
Встретить, двух подать им коней.

Вышел див к ним большой, говорят,
И Заркума с Шульгеном тут же
Во дворец повел, говорят.
Когда ко дворцу они подошли,
Вновь с Шульгеном Заркум расстался,
Чтоб обо всем царю сообщить...
И Шульген вновь один остался.

Заркум вошел к владыке дворца.
Тут-то около Азраки
Своего он увидел отца.
Азрака вместе с Кажкахой
Про Урала тою порой
Разговор вели меж собой,
Споря в растерянности и гадая,
Как поступить с батыром не зная.
Пришли дивы-сынсы ¹⁴ сюда,
И так промолвил старший из них:
«О, владыка! Помнишь, когда
Только родился Урал-батыр,
Дивы, что в небесах пролетали,
Один за другим на землю упали?
Когда похитить хотели дитя,
Убить хотели его, шутя,
Оно в упор взглянуло на них —
И разум у дивов смутился вмиг.
Когда ребенок хотел их поймать,
Они, не в силах страха унять,
Рухнули наземь, как горный обвал.
А ребенок на ноги встал,
Близко к нашей стране подошел,

Мыслью одной: «Воду возьму» —
Так Живой родник напугал,
Что в нем убавилась сразу вода.
Об этом тебе мы сказали тогда.
Ты пригорюнился: вот, мол, беда,
Выход надо теперь искать,
Иль новое горе нагрянет опять;
Человека нам надо найти,
Чтоб с его помощью войти
В доверие к царю Самрау,
У него Акбузата отнять.

Азрака на это в ответ:
«Чтоб Акбузатом завладеть,
Дикий нрав его укротить,
А не удастся если — убить,
Семерых дивов я посылал,
Даже место им указал,
Где белый конь тот в небе укрыт;
Стали преследовать дивы коня —
Бежал от них он, как от огня;
Так поймать его и не смогли.
К великой досаде дивы мои
Назад не вернулись из звездных стран,
Опозоренными остались,
В небе в созвездии «Етеган»¹⁵
Навеки полымем расплескались.
Решил я, чтоб горечь в душе унять,
Рыжего коня у Самрау отнять.
Самрау дочь от Луны имел —
Я и ее похитить велел.
Хоть дочь его в плену у меня,
Рыжего нет поныне коня,
До сих пор не явился к нам.
Потому говорю я вам:
Как зиме надобен белый снег,
Так нам нужен теперь человек,
Чтобы Хумай любой ценой
Смог бы приворожить собой;
Чтобы его полюбила она,
Чтоб Акбузата с алмазным мечом
Вместе с собой подарила она.
Тогда, угодив ему во всем, —
Отдав любую красотку ему,
Подарив любую страну,
Душу мы его обретем,

Урал-батыра тогда побьем.
Нам тогда от людей земных
Помех не будет никаких.
Будем делать, что захотим,
Все приберем к рукам своим!»
Так промолвил царь Азрака,
Раздувая свои бока.

Очередь Заркума настала.
Отвесил царю он земной поклон
И произнес: «Я брата Урала
С собой привел. Ждет поблизости он».
Про то, как обвел его, рассказал,
Тем одобренье царя снискал.

Шульгена провели во дворец,
Прямо к Азраке подвели.
Тот любезно принял его,
У трона усадил своего,
Заркума сыном назвал своим,
Кахкаху — другом дорогим.
И вот — нет гостя почетней Шульгена —
Яства пред ним появились мгновенно,
Богатства всюду его окружают,
Девушки танцами ублажают,
Все красавицы как на подбор —
Сердце греют и тешат взор,
Можно голову потерять!
Но даже среди таких — одна,
Как среди звезд ночных луна,
Сияет так, что слепит глаза —
Взгляд оторвать от нее нельзя.
Тонок стан ее, взор глубок;
Родинка на ее щеке
Нежно темнеет, как цветок.
Айхылу — имя девушки той.
Не видел Шульген красавиц светлей,
Страсти вспыхнувшей не сдержал —
О горячей любви своей.
Заркуму сразу же рассказал.
Тот сестрою ее назвал,
Замуж за него обещал;
Так Шульгена разыгрывал он.
И, восторгом вконец упоен,
К Заркуму доверьем проникся Шульген.
Лестью взял Заркум его в плен:

Все отцу, мол, сейчас расскажу,
Верой-правдой тебе послужу.

И Азрака медлить не стал,
На высокую гору Кут-тау
Громким свистом дивов созвал.
Привести Айхылу велел,
Отвел в укромное место ее,
О том, что когда-то украли ее,
Никому говорить не велел,
Так красавице он сказал:
«Коль делать не станешь, как я приказал,
Голову оторвав, сожру,
В пламени кости твои сожгу!»

И от слов тех испуг немой
Душу пронзил ее, как иглой.
Шульген объявлен был женихом.
Справили свадебный пир потом;
Рада была Айхылу... Она
И впрямь была в него влюблена.
И любовью ее усыплен,
Жизнью дворцовой опьянен,
Счастьем Шульген предался сполна.

Как-то царь речь повел о том,
Как Хумай — дочь Самрау — отыскать,
Как ее завладеть конем
Акбузатом и чудным мечом:
«Кто алмазный тот меч возьмет, —
На весь мир прославится тот,
Первым батыром прослывет,
Всех своей власти подчинит», —
Егетам Азрака говорит.
Так и этак он толковал,
Шульгена на подлый шаг подбивал.
И Шульген, словам его вняв,
Про чудо-красу Хумай услышав,
И узнав, к тому же, что тут
Дива ему в дорогу дадут,
Тотчас решил отправиться в путь,
Царевной завладеть как-нибудь.

Меж собой сговорившись о том,
Брат Урала с Заркумом вдвоем,
На быстрого дива усевшись верхом,
В страну Самрау отправились в путь,

Не оборачиваясь назад.
Не успели и глазом моргнуть,
Цели достигли они, говорят.
Вот приятели с дива сошли,
Разговор меж собой повели;
Все обсудили они подробно.
Когда подвернулся случай удобный,
Заркум про Урала упомянул,
Спутника вновь своего надул:
«Есть страна за большой горой,
Которой правит змей-аждаха.
Царя того зовут Кахкаха;
Есть у царя того под рукой
Жезл особенный: колдовской —
Против врага он станет огнем,
Если надобно — станет водой,
Бурю вызовет или гром;
Тихо и мирно в краю было том,
Да неизвестный батыр объявился,
Никто не знает, как ухитрился —
Выкрал иль как-то иначе сумел, —
Но жезлом волшебным тем овладел;
Владыку законного прогнал,
К рукам всю страну его прибрал,
Урал-батыром себя назвал,
Стал царем там батыр Урал», —
Так поведал Заркум, говорят.
С одной стороны Шульген был рад
Тому, что жив Урал — его брат;
Только мысль, что тот верх возьмет,
В богатырстве его обойдет,
Скажет: по странам, где я бродил,
Первым батыром признан был;
Что всюду будут его хвалить,
Дома будут его возносить, —
Сердце завистью заливало,
Злобой Шульген проникся к Уралу.
«Если на Акбузата вскочу,
Меч алмазный, подобный лучу,
Разом над головой взмечу,
Всех сомну я и растопчу!»
Рассуждал между тем Заркум:
«Хоть и едет он вместе со мной,
Хоть мне стал он как брат родной,
Все же не я, а он на Хумай
Женится, как ни плачь, ни рыдай,

Акбузата себе заберет,
Значит, и нас возьмет в оборот.
Буду пока с ним вместе шагать,
Храбрость его испытаю, стать.
А когда Урала убью,
Жезл отцу верну опять,
Волю тогда исполню свою», —
Так Заркум продолжал рассуждать.
Вот они добрались до цели,
На дворец царя поглядели,
И видят: перед самым дворцом
Полным-полно лебедей кругом.
Одна из птиц, заметив их,
От подруг отделилась своих,
От стаи в сторонку отошла
И как будто подругам своим
Потаенный знак подала.
Моргнуть не успели прибывшие глазом,
Расступилась вся стая разом.
Ну а птица, что отделилась,
Взглянула на них—как сделала милость.
Когда про Хумай ее спрашивать стали,
«Нет ее», — ответ услышали.
Больше спутники ни о чем
Расспросить ее не успели —
Свершилось чудо на месте том:
Птицы, что снегом лебяжьим белели,
Вмиг свои шубы сбросили птичьи
И в девичьем предстали обличье.

Шульген восхищенно на них глядел;
От красоты одной онемел.
Сколько б он по земле ни бродил,
Не видел подобной, не находил!
Лицо сияло ее, как луна;
Нежно набухавшая грудь
И округла была, и полна.
И казалось, что все кругом —
И подруги в платьях своих,
И все, что окружало их, —
Озарялось ее красотой,
Ее целомудренной чистотой;
Будто весь мир пред девушкой той
Голову низко к земле клонил.
«Видно, это и есть Хумай», —
Шульген с восторгом сообразил.

Не выдала девушка видом своим,
Что подозренья исполнена к ним.
Не угадали б друзья никогда,
Что поджидает их здесь беда.

Средь прочих красивейшая вдруг
От своих отделилась подруг,
И, как матка пчелиного роя,
Обратилась к ним с речью такою:
— Вижу, прошли не один вы край,
Узнали про девушку Хумай,
Отыскали ее наконец.
Так пройдите же во дворец.
Скоро явится к вам она, —
И, приветливости полна,
В покои дворца пригласила их,
Но скрыла имя свое от них.

Прошли они во дворец тотчас,
Важностью мнимой своей кичась,
Расселись по почетным местам.

За минутою шла минута.
Вдруг туман все вокруг окутал
И приятели чувств лишились.
Гул прошел, прокатился гром,
И потом земля расступилась
И Заркум с Шульгеном вдвоем
Провалились вдруг, говорят.
Стали ощупывать каждый угол,
Отыскать стараясь друг друга;
Не знали, что предпринять от испуга.
Когда ж наконец в себя пришли,
Когда все стены-углы обошли,
Обшарили яму от края до края,
Что случилось, не понимая,
Ужас их сковал, говорят.
Заркум сменил наружность свою —
Снова превратился в змею
И стал ползать в поисках щели,
Чтобы выбраться из подземелья.

Мысли его Хумай разгадала
(Дивов немало она повидала!),
Одну из подруг подозвав, приказала:
Яму с гостями водой залить,

До краев ее затопить;
Барахтаться вынудила, нырять,
Снова и снова выход искать.
Заркум водяной обернулся крысой,
В подземелье смрадном забился,
Рвался вперед и кидался вспять.
Тут Хумай над Шульгеном склонилась
И такие слова проронила:
«Что, провалившись в черную яму,
Страх в своем сердце, злодей, ощутил?
Или припомнил миг тот самый,
Когда свой нож на меня точил?
За прежний мой страх получи ответ,
Запомнишь надолго меня, егет!
Слезы людские проливавшее,
Жизни губившее, зло источавшее,
Пусть сердце твое от черной тоски
Разорвется здесь на куски!
Пусть добро возродится в нем,
Жизнь возродится, чтобы любить
Все живое в мире земном!
Пусть сердце — доброе и молодое —
Разумом будет владеть твоим.
Пока же кровью кипит оно злою,
В могиле своей оставайся живым!
Считать врагами научишься змей,
Станешь с умом выбирать друзей,
Будешь дорогой верной идти
С теми, с кем тебе по пути,
Жизненный путь пройдешь ты такой,
Чтоб в памяти остаться людской!» —
Слова такие сказавши, она
Удалилась, презренья полна.

О том, как Урал пришел во дворец Хумай; как, выполняя условие царевны — отыскать Живой родник, нашел сестру Хумай Айхылу и привез во дворец

Служанка Хумай известила о том,
Что некий батыр явился в их дом.
Хумай сразу же узнала
В неизвестном егете Урала,
Но об этом ему не сказала.
А он и думать о том не мог,
Что это к Хумай привел его Рок.

К батыру приблизилась она,
Красоты безмерной полна:
Необъятная, как водопад,
Сбросишь вниз — упадет до пят,
Монетами унизана вся
Ниспадающая коса;
Черных глаз обжигающий взор
Сквозь ресницы смотрит в упор;
Над глазами парящие брови
Улыбаются с любовью.
А упругая грудь налитая,
Словно волна речная, играет;
Стан ее тонкий, как у пчелы,
Своей подвижностью удивляет;
Голос будто давно знаком —
Переливается серебром;
Увидев девушку, что весела,
Дружеский разговор повела,
Что и ответить Урал не знал.
О том, что это и есть Хумай,
Все не догадывался Урал.

Недолго девушка так стояла —
Ласковым жестом в свой дворец
Пригласила она Урала.
Пройдя во дворец, ласковым словом
Всем Урал пожелал здоровья.
О том, что слышал, где побывал,
Что по пути сюда испытал,
Рассказал подробно Урал.
Взглянула девушка на него,
Смекнула, что привело его:
«Судя по всему, мой батыр,
Из далеких ты стран пришел.
Видно, долог был путь и тяжел.
Не скрывай же: чем смогу,
Тем в делах твоих помогу».

У р а л:

«Знаю о том, что есть пять стран:
В одной из них родился я сам,
Две из них осмотрел по пути;
Чтобы две другие найти,
Шел с надеждою я в груди.
Где я только не побывал,

Кого я только не повидал, —
Всюду один себя важным считает,
Другой пред ним голову склоняет,
Сильный слабого попирает.
Есть на свете злодейка Смерть —
Нельзя простым ее глазом узреть,
Беспощадна и зла ее плеть.
Очень трудно ее одолеть.
От трудов она отрывает,
У родителей, не щадя,
Драгоценных детей отбирает.
Не имеет она друзей,
Сеет страх средь людей и зверей;
Хочу местию я ей воздать,
Отыскать хочу и убить,
Страну от Смерти освободить.
Во время охоты от птицы одной,
Что попалась в сети живой,
Мне такое услышать пришлось:
Может, мол, и у вас человек
От Смерти избавиться навек».

Х у м а й:

«Для того чтобы не умирать,
Трупом в черной земле не сгнивать,
Живой родник в земле той бежит,
Которую не видел никто, —
Царю дивов она принадлежит.
Но перед тем, как тебе помочь
Воду живую взять из ручья,
Есть условие и у меня:
Куда бы тебе не пришлось пойти,
Легкого не ищи пути!
Батыр, прошедший владение змея,
Легкий путь уступивший брату,
Сам отыскать себе путь сумеет.
Если такую птицу найдешь,
Какой не отыщешь в нашей стране,
О какой не слышал никто;
Птицу, что вобрала в себя
Тона и краски всех прочих птиц, —
Коль птицу такую мне принесешь,
Помощь я окажу тебе,
Из Живого ручья зачерпнешь,
Что захочешь, то и найдешь».

У р а л:

«Сюда пришел я издалека,
Чтобы увидеть добро и зло,
Чтобы Смерть отыскать и убить,
Всех людей от нее защитить,
Чтобы покой внести в этот мир, —
Таков я, вышедший в путь батыр.
Для тебя я птицу найду,
От тебя я помощь приму,
Но только позволь и мне в ответ
Поставить условие: примешь иль нет?
Не в чем золото мне увозить,
Некого жемчугом мне одарить,
Создан я лишь добро творить;
Кроме Смерти, некому мне
За человечьи страдания мстить.
Чтобы исполнить волю людей,
Чтоб против Смерти идти верней,
Чтоб сокрушить ее до конца
И радость влить в людские сердца;
Чтобы во время страшной войны,
Когда ступлю на защиту страны,
Дать прошу я подарок такой,
Чтоб был соратником в битве любой,
Чтобы от тех, кто кровавые слезы
Проливает, отвел я угрозу, —
Дар, скажи мне, тот будет какой,
Чтоб мне отбыть со спокойной душой?»

Х у м а й:

«Акбуз-тулпара тебе я дам:
Коня того не спалить огням,
В воду ль упадет — не утонет,
Ураганы его не догонят;
Кроме хозяина самого,
Другом не признает никого.
Если топнет — скалы ломает,
Море ржанием рассекает,
Все лишенья разделит с тобой;
Рожденный и выросший в небесах,
Не имевший потомства в наших краях,
Его тысячу лет подряд
Дивы Азраки не могут поймать.
Тулпара того подарила мне мать.
Избраннику своему я должна
Преподнести в подарок коня.

Дам тебе я алмазный меч,
Который ржавчина не берет,
Который мощь ничья не согнет,
Никакой огонь не сожжет,
Станет водою он против вод,
Всех чудовищ на этом свете
В страх вгоняет, подобно Смерти,
Будто бы овец, распугнет.

Рад словам ее был Урал.
Чтоб девичье исполнить желанье,
За птицей отправиться слово дал.
Несколько дней у Хумай он жил,
Во дворце ее дивном гостил;
Себя ж она так и не назвала,
О том, что заперт в подвале Шульген,
Взятый вместе с Заркумом в плен,
Не сказала ему; а он
Догадаться не мог о том.

Урал спозаранок с постели встал,
Лицо водою омыл Урал,
С девушкою за одним столом
Поел неспешно, набрался сил.
Жезл волшебный в коня превратил,
Много дней с коня не сходил;
Потом приехал на место одно,
Что было горами окружено;
Там ни ворон и ни сорока
Души живой не видели сроду;
Где никогда человек не бывал,
Ни див какой-нибудь и ни джин
О том месте не подозревал;
Скалы здесь — как верблюжьи горбы;
А на вершину посмотришь горы —
Выше туч уходит вершина;
Воплощеньем земной красоты
Возвышалась она недвижимо.
Рассекая громаду туч,
Урал взошел на вершину ту,
Мир с высоты оглядел, говорят,
Свет какой-то заметил потом,
Переливавшийся звездным огнем,
Двинулся в направлении том.
Огляделся, добравшись до цели:
Озеро, поросшее камышом,

Неподалеку увидал:
Вместо камешков — серебром
Дно было устлано и берега;
Цветы стояли, не колыхаясь,
Словно дети, в воде купаясь.
Озера гладь слепила глаза,
Отражая в себе небеса.
Там вода на ветру не рябит,
А от солнечных лучей
Жемчугом дорогим блестит.
Стаи самых различных птиц
На том озере собрались;
Среди них выделил Урал
Птицу одну — вобрала она
В себя все краски и тона.
Незаметно для птицы он
К ней подкрался; со всех сторон
Так и этак осматривать стал,
Своим жезлом заколдовал,
Подумал: «Уж не птицу ли эту
Хумай велела искать по свету?»
Ну а птица страха не знала,
От человека не уплывала,
Приближаться к Уралу стала.
Не зная обычаев, батыр
Бросился сломя голову к ней,
Но рванулась она от него,
Стараясь упорхнуть поскорей.
Устремился за нею Урал,
Изловчившись, птицу поймал.
Тут она и загоревала,
Решив, что в руки врага попала.
И, когда ее крепко держа,
Выбрался он из камыша,
Чуя, что нависла беда,
Заговорила птица тогда:
«Кто ты — див или человек,
Не ступавший сюда вовек?»

Человечьи слова услышав,
В изумленье пришел Урал.
Когда озеро он миновал,
На лужайке, у родника,
Птицу он расспрашивать стал —
Про то, чья родом и как зовут.
Птица насторожилась тут,

И затем, взглянув на Урала,
Так она ему отвечала:
«Закрой глаза, мой егет, не смотри,
Руки прочь от меня убери».
На миг задумался Урал,
Так и этак прикидывать стал,
Такие жезлу слова прошептал:
«Если вдруг улетит — ты за ней
Соколом воспарись поскорей.
Ну, а если в воду нырнет,
Щукой метнешься в пучину вод!»
И отпустил с тем птицу Урал.

«Теперь, егет мой, глаза открой,
О чем говорить желаешь со мной?»
Глаза свои открыл Урал
И чудо пред собой увидал:
Красавица — тонких бровей размах,
Мягкие ямочки на щеках.
А на левой щеке темнеет
Родинка — нету которой нежнее.
Туго заплетенные в косы
Вдоль ее щек, горевших, как розы,
Словно черные ручейки,
Ниспадают, тонки и легки,
Волосы, украшенные тесьмой.
Сквозь ресницы редкой длины
Глаза сверкающие видны;
Тают ямочки на щеках,
Блещет улыбка на губах;
Очертанья ж ее груди
Готовы любого с ума свести.

Начала так она говорить:
«Ай, егет мой, скажи, какой
Тебя сюда привело судьбой?
Какая вина за тобою есть,
Что ты вдруг оказался здесь?»
Ай, егет мой! Скажу тебе:
Улыбка моя и мое выражение,
Все, что я думаю о тебе, —
Доверия моего отражение.
Доныне не приходилось мне
Видеть егетов таких и во сне.
Не чаяла повстречать человека
Здесь, где и див не бывал от века..

Сила во мне такая была,
Чтобы уйти рыбою в воду,
Взвиться звездою к небосводу, —
И сохранила б тогда я свободу.
Но при виде тебя желанье
Стаяло, как под ветром туча;
Все дороги, что вдаль уходят,
Тропками попадали с кручи;
Все отошло далеко от глаз —
Будто все испарилось враз.
Девочкой я когда-то была,
Баловницей дома слыла;
Див проклятый выкрал меня;
Там отдана была замуж я.
Муж мой тоже егетом был,
Да недолго со мною жил —
Неожиданно вдруг исчез
Из тех навек ненавистных мест.
Убежала от дива я,
Усмиряя на сердце грусть;
Если снова к отцу вернусь,
Туда, где родина моя,
Боюсь, что див войною придет,
Землю отца силой возьмет.
Боюсь, что горе я принесу
И стране своей, и отцу.
Обернуться решила я птицей
Такой, что людям и не приснится,
Такой, каких на земле не бывает;
К этому озеру я прилетела,
Которое никто никогда не найдет,
Никто к которому не забредет».
И услышав такие слова,
Тайну девушки он узнал.
Сам тоже таиться не стал.
Только о том, что ищет птицу
По просьбе царевны, умолчал.
Так про себя он рассуждал:
«Знать, судьбой я удачи лишен —
Птицу, ради которой шел,
И тут, видно, я отыскать не смог.
И решил не жалеть он ног,
Весь мир обойти из края в край,
Но только исполнить желанье Хумай.
«Егет, послушай слово мое!
Тебе открыла я сердце свое,

Айхылу меня в наших краях
Звали все. Мой отец — падишах,
А Луна — мне небесная мать.
Чтоб нареченному подарить,
Есть у меня рыжий конь — Харысай:
Воды захочешь — к ней путь найдет,
В бой с тобою, как друг, пойдет.
Так послушай меня, егет,
Сам решай, соглашаться иль нет:
Птицу, которую ищешь ты,
В этих краях тебе не найти.
Весь мир в полете отец охватил,
В небе над землею парил,
Во всех ее краях побывал,
Всяких-разных птиц повидал,
Поедем в царство отца моего,
Добравшись туда, увидим его,
Птицу ту, что нужна тебе,
Мы отыщем в нашей стране.
Если от дива меня спасешь,
Отец богатством тебя одарит.
Если ровней меня сочтешь,
Для жизни страну мою изберешь,
Вместе мы с тобой заживем,
Будут там и очаг, и дом,
Жизнь счастливую мы поведем».

«Ах, красавица ты моя,
Дары не приму никакие я,
Не поеду в твою страну,
Жизнь счастливую там не начну.
Если птица и вправду ты,
Коль стала на время девушкой ты,
Я тебя заберу домой,
Во дворец, что известен лишь мне,
Мы прибудем вместе с тобой.
Там поведаешь обо всем,
Скажешь о желанье своем:
Пожелаешь — птицею станешь,
Пожелаешь — девушкой станешь;
Если обидят тебя невниманьем,
Не исполнят твой желанья,
Сам за тебя я заступлюсь,
Вновь с тобою сюда вернусь», —
И закончил Урал на том.
С ним и девушка согласилась.

По тому, как говорил он,
Она доброту его оценила.
В птичью шубу свою облачилась,
На жезл уселись они вдвоем,
Горные цепи перелетели,
Даже глазом моргнуть не успели,
Как во дворце оказались Самрау.
Девушки с радостными лицами
Горячо обнимали птицу,
Восклидая: «Ах, Айхылу!»
И, видя такую встречу, Урал
Удивляться не переставал.
Шубу скинула Айхылу:
«Проходи же, егет, не стой.
Дворец, открытый передо мной,
Также и для тебя открыт.
Нас с тобою он породнит», —
Так Уралу она говорит.
Что оставалось Уралу? Он
Был растерян и удивлен.
Целуя девушку и обнимая,
Обратилась к нему Хумай:
«Ай, егет ты, вай, егет,
Видно, преград для батыра нет:
Ту, что приходится мне сестрой,
Отыскав, ты привез домой,
От коварных дивов увез...»
И вконец смущенный Урал
Нерешительно произнес:
«В озере, где я птицу поймал,
Дивов никаких не видал.
В дороге трудностей никаких
Я не видел, не испытал.
Как, скажи, ты узнать могла,
Что меня в тех краях будет ждать,
В птичьей шубе твоя сестра
Будет плавать там и нырять?»
Тут Хумай и сама удивилась,
К Айхылу она обратилась:
«Как же див не узнал того,
Что сбежала ты от него?»
И тогда Айхылу поняла,
Что не знает Хумай ни о чем,
Что в неведеньи тут жила.
Рассказала она о том,
Как покинула мужнин дом,

Убежав от коварного дива,
Спряталась в камышах залива.
И о том еще рассказала,
Как Урал ее отыскал,
Как ему в руки она попала;
О том, что никто в отцовском дворце
Про это не ведал и не слышал.

Хумай, услышав ее рассказ,
Перед Уралом на этот раз
Не стала скрывать, что она — Хумай;
Что с тех пор она знает Урала,
Как в их сети однажды попала.
Затем позвала она отца
На свою половину дворца.
В радости царь Самрау прибежал,
Дочь Айхылу к груди прижал,
И, роняя счастливые слезы,
Дочери стал задавать вопросы.
Обо всем рассказала та
От начала и до конца;
С волнением выслушал ее царь
С растроганным выраженьем лица,
И напоследок произнес,
Не скрывая счастливых слез:
«О том, что Айхылу возвратилась,
Что от дивов она укрылась,
Ни единой душе на свете
Не говорите — держите в секрете.
Див узнает — начнет войну,
Нападет на мою страну;
Видите, как извелась Айхылу
От всех пережитых бед.
Ее исцелит лишь матери свет.
Пусть она к матери Луне
Полетит и наш передаст привет.
А понадобится — позовем...» —
Речь свою он закончил на том.
Со своей стороны, во всем
Дочери согласились с отцом.
Айхылу всего несколько дней
В доме родительском отдыхала,
На глазах она расцветала.
А затем отец и сестра
Вызвали рыжего скакуна,
Которого в дар Айхылу
Преподнесла мать Луна.

И в одну из темных ночей
Айхылу проводили к ней.

О том, как царь Самрау согласился выдать замуж за Урала Хумай, отдать ему в подарок коня Акбузата и булатный меч; о том, как встретились братья Шульген и Урал, как старший брат оказался коварным и злым человеком, как он осрамился на майдане, созванном царевной Хумай, как Урал удивил всех собравшихся на майдане

Так во дворце у Самрау Урал
Гостем желанным пребывал.

Вот однажды в рассветный час,
Пролежав, не смыкая глаз,
Он Хумай негромко позвал
И такие слова сказал:
«Когда еще мальчишкой я был,
Когда тебя отец подстрелил,
Когда гибельную петлю
Наложили на шею твою,
Когда ты страхом объята была, —
Или впрямь говорить могла,
Или в испуге речь обрела,
Но сказала: мол, есть такой
На свете родник с живою водой.
С тех пор охвачен я мыслью одной:
Смерть проклятую отыскать,
Навек ее из страны изгнать,
Чтоб земля могла вечно жить,
Воду из родника зачерпнуть,
Землю той водой напоить, —
С тем и вышли мы с братом в путь.
Но расстаться нам вышел срок
На скрещении двух дорог.
Пошел налево мой старший брат.
Направо пошел я, грустью объят.
Так разделили дороги нас
В тот роковой, тот прощальный час.
Бродил по свету я много лет,
Много радостей видел и бед.
Памятуя слово твое,
Я приехал в царство твое.
Отыскал, как видишь, тебя,
В твой дворец я вошел, любя,

И завел разговор с тобой,
Привязав льва пред вашей стеной.
Велела сестру ты родную найти
И сюда ее привезти,
Вновь напомнила мне о том
(Говоря о подарке своем),
Что от Смерти избавиться можно.
Намекнула потом осторожно,
Что подаришь мне что-то. Я жду:
Дар какой ты имела в виду?»
И, в батыра Хумай влюблена,
Устремилась к отцу. Там она,
Страсти и смятенья полна,
Тайну сердца открыла ему,
Отцу державному своему.

«Любишь — душу не изводи,
Замуж за него выходи,
Акбузата ему подари,
Счастье и радость познай в любви;
Батыру такому же, как Урал,
Благородной матерью стань;
Во имя Урал-батыра ты
На волю брата его отпусти,
Всю страну позови на пир,
Пусть восславится там батыр,
Пусть никто не будет забыт,
Каждый будет доволен и сыт», —
Такие отец ей сказал слова.
И послушна Хумай была —
Шульгена выпустила она.
Вся на свадьбу сошлась страна.

Встретившись с Шульгеном, Урал
Радости своей не скрывал.
Видя брата перед собой,
Счастливым был он встрече такой;
Обо всем, что видел в пути,
Шульгену подробно рассказал.

Брата слушая своего,
Шульген по-своему рассуждал:
«Может так прославиться он,
Что будет надо всеми вознесен,
Домой вернется, гордости полн.
Именем будет кичиться своим,
Я ж окажусь ничтожным пред ним».

Мыслями был он такими томим.
И поэтому перед Уралом
Ничего говорить не стал он —
Скрыл и то, что с Заркумом знаком,
Что в яме сидели они вдвоем;
С целью какой явились сюда,
Тоже не признался тогда.
Зато надумал он брата убить,
Славой его себя наделить,
Хумай прекрасную в жены взять,
Акбузата затем оседлать
И меч алмазный себе забрать.

То, что Шульген постоянно был зол,
Что бродил он угрюмый, как вол,
Что подозрительно всех озирал,
Урал всерьез не принимал.
«Оттого, что он в плен попал,
Неудобно ему теперь», —
Рассуждал про себя Урал.

Однажды брата он увидал —
Тот проходил и мрачный, и злой,
Брови вытянуты тетивой, —
Обратился к нему Урал:
«Батыры, на львах своих восседая,
От бед друг друга оберегая,
Дружбой спаянные всегда,
Не расстанутся никогда.
Если в бою заодно они, кто
Устоит перед силой той?
Против огня она будет водой,
Против врага вознесется горой;
Ради других ляжет костью —
Попробуй силу такую сломить!
Не переведутся батыры вовек,
Пока на свете жив человек.
Батыр без лестницы в небо взойдет,
Земную глубь без ключа отомкнет,
Знают: добрые руки дадут
Воду. А подлые — только яд», —
Так старшему молвил младший брат.

А недоверчивая Хумай,
Не понимая, что происходит,
За братьями продолжала следить.
Их отношений не понимая,

Подходила к ним иногда —
Замолкали они тогда.
На вопросы не отвечали,
Только хмурились и молчали.
Едва батыра Хумай увидала,
Оценила отвагу Урала,
Благородство его оценила,
Всею душою его полюбила.
На нем свой выбор остановила.
Видя злобу старшего брата,
Свободе его не была она рада.
То, что они без конца говорили,
Раскаленными оба были,
То, что сердито Шульген надувался,
Настораживало Хумай.
И когда спать улегся Урал
(Он по пятеро суток спал),
Очень странно Шульген себя вел,
Взор был темен его и зол.
И решила царевна не спать —
Сон батыра оберегать.
Шульгена отдельно уложила,
Тем своего батыра спасла,
Подлый удар от него отвела.

Ш у л ь г е н:

«Во многих землях ты побывал,
Много всякого повидал,
В богатырстве силу обрел
И сюда вот теперь пришел.
Оказался в стране Самрау,
Словно в собственный дом вступил.
Что же дальше делать решил?
Кажется мне, ты не видишь пути,
По которому надо идти.
Давай против Самрау войной пойдём,
Акбузата его отберем,
Один из нас жезл волшебный возьмет,
Сядет на Акбузата другой —
Устоит ли кто против силы такой?
Станем мы во главе страны —
Всех кругом покорить мы должны;
Станем могучими царями!
Дай ты мне свой жезл колдовской —
Ввергну эту страну я в пламя;
Я царевну, что красотой

Всех пленяет, в плен захвачу,
На коня ее гордо вскочу.
Не забудь: ведь я брат твой родной —
Раздели свою славу со мной!»

У р а л:

«Знай, Шульген: они никогда
Людям не причиняли вреда,
Кровь ничью они не проливали,
Других врагами не считали.
Лучше отправимся мы вдвоем
В царство дивов и их побьем.
Всех, кто в страшных муках томится,
На свободу вернем из темницы.
Захочешь ли девушку отобрать,
Иль Акбузата захочешь взять,
Бери, если девушка согласится,
Если конь с твоей властью смирится.
Из-за девушки воевать,
Смерти дорогу открывать —
Не будут ли это злодейством считать?
Можно ли в отчий край возвратиться
С кровавым именем убийцы?
Азраку мы должны победить,
Водою Живого родника
Род человеческий окропить.
И тогда всех людей на земле
Сможем в бессмертных мы превратить».

Слыша это, Шульген замолк,
Взяв наконец мысли брата в толк.
Однажды в укромном месте, когда
Время Хумай коротала одна,
К ней неслышно Шульген подошел,
Руку ей положил на плечо,
Сладкозвучно и горячо
С нею речь о любви повел:
«Добрые и злые дела
Возвращаются к их творцу», —
Ты когда-то давно изрекла.
Черных помыслов между нами,
Пиров, где топят друг друга в крови,
Не будет — во имя нашей любви.
Слово есть у меня к тебе:
Вместе с братом выросли мы
Там, где воды лишь и холмы;

Сердца наши в дружбе закалены.
Если выслушаешь, скажу,
Тайну заветную разглашу
И со страстью и нетерпеньем
Твоего слова я буду ждать.
А отвергнешь мое предложение,
Не сможешь ответа ясного дать,
Буду вынужден для решения
Я другие пути искать.
Лишь пришел во дворец я твой,
Был пленен твоей красотой,
Вмиг душой ты моей овладела,
Хоть на меня и не поглядела.
То ли меня ты тогда не узнала,
(Лицо ли мое тебе что сказало)
И тебя это испугало,
Или испытывала меня,
Как испытывают коня,
Иль, быть может, приход Урала
Стал причиной, что в подземелье
Ты меня заточить велела.
Снова увидев твой светлый лик,
Обо всем позабыл я вмиг.
«Не может лучше красавицы быть,
Век ищи — не найдешь такую, —
Думал я, любя и тоскуя,
подавляя сердечный крик.
Пожелаешь — и будем вместе.
Прикажи — на тебе женюсь.
Ну, а станешь противиться если,
В одиночестве удалюсь».

Х у м а й:

«Егет, я выслушала тебя,
Тайные помыслы твои
Безошибочно поняла.
Дочь я лучшего из царей,
Старшая из дочерей.
Мечты исполнятся все твои,
Созову я большой майдан,
Твою удаль увижу там,
Акбузат сам выбора ждет,
Только равного изберет.
Конь в подарок мне матерью дан,
Кликну — явится на майдан.
Коль батыр ты — сразу поймет.

Если из ножен вырвешь меч,
Притороченный к луке седла,
Вскинешь его над собой, тогда
Будешь признан батыром ты,
Перейдет тебе конь навсегда.
Я отцу моему скажу,
Что, мол, замуж выхожу». —
Так сказала Хумай в ответ.
Тем ответом он был согрет.

Вот царевна майдан созвала,
Акбузата к себе призвала;
С громом в небесной глубине,
Вызвав бурю по всей земле,
Глыбы камней круша на горах,
Всех ввергая в смертельный страх,
Вдруг возник, будто сам собой,
Словно с неба летящей звездой,
Акбузат в мир сошел земной.
Подойдя послушно к Хумай,
Голову склонил, говорят.
Успокоился Акбузат.

Весь майдан восторгом объят:
На коне чудесном седло,
Ну а к луке седла того
Приторочен алмазный меч;
Лита из золота лука седла,
Недоуздок на нем золотой;
Уши — два шила над головой,
Грива развевается гордо,
Вздёрнута точеная морда,
Зубы — как дольки чеснока,
Грудь соколиная, узки бока,
Крут и легок в копытах он,
Медью отливают глаза,
Шея тонкая, как змея;
Двойная макушка, впалые щеки,
Словно вытянутые — ноги,
Веки — как у дикого беркута;
Ступает, вздёрнув голову кверху,
Землю хвостом метет на ходу,
Уши ножницами раздвигает,
Танцует на месте, кося глазами;
Как у волка, быстрая кровь,
Так и пылает пара зрачков.

Дрожит под ногами его земля,
Пена стекает из пасти, бела,
А помчится, вспорхнув, как птица, —
Только следом пыль закружится;
Любого, кто повстречается с ним,
Поражает величием своим —
Вот таким был дивный тот конь,
Слетевший вниз, как небесный огонь.

И Хумай коня обласкала,
И такие слова сказала:
«Как звезда, ты на небе жил,
Свято честью своей дорожил.
Тех батыров сбросил с седла,
В ком не людская кровь текла.

Батыров моих наперечет
Знаешь ты — им узду не давал,
Достойными себя не считал;
Ну а сам для меня батыра
Тоже искать по свету не стал.
Вот два батыра, что здесь сошлись,
Прихода твоего заждались.
Сочтешь ли своим того, кто пригож,
По богатству ли изберешь,
Только один в твоей судьбе
Станет избранником, другом тебе,
Так же, как нареченным мне».

А к б у з а т:

«Не принесет мне славу красивый,
На мою не взберется он спину,
Я признаю лишь отвагу и силу.
Когда грозой набухает туча,
Когда рванет ураган могучий,
Все ж не смиряется птиц порыв,
А перекасти-поле, найдя обрыв,
Дальше летит, бурю опережая.
Я ж помчусь — Смерть сбежит, завывая,
Камень на месте не улежит,
Волна взволнуется и закипит —
Рыба с ума сойдет под водой;
А по Каф-тау ударю ногой —
Разлетится она толчком.
Кровожадные твари кругом
До единого смерть найдут,

Благодетели их спасут.
К луке золотого седла
Меч приторочен подобьем крыла.
Долгие годы солнце его
Калило жаром огня своего,
И потому никакое пламя
Меч тот алмазный вовек не расплавит.
Ничто не может его раздробить,
Лезвие прочное притупить.
Если батыр, вступающий в спор,
Не забросит превыше гор
Тяжесть в семьдесят батманов,
Затем тремя пальцами не поймает,
Пусть батыром себя не зовет, —
Меч алмазный он не возьмет.
Коль силачом он не будет таким,
Другом достойным не будет моим;
Всадник такой усидит ли в седле,
Если я поскачу по земле?
Кто хочет имя батыра иметь,
Кто мною желает завладеть,
Пусть испытанье такое пройдет —
Тогда и в руки меня возьмет!»
И все, кто слышал слова Акбузата,
К подножью большой горы пошли,
Ровно в семьдесят батманов
Исполинский камень нашли.
Вывернуть из земли хотели,
Целый месяц кряхтели, потели,
Вытягивали его целый год —
Камень не поддавался тот.
Хумай на Шульгена поглядела:
«А ну-ка, подними!» — повелела.
Шульген к камню тому подошел,
Стал ощупывать с разных сторон,
Понял, что камень очень тяжел,
Так напрягся, что по колени
В землю, там где стоял, ушел.
Месяц тужился, говорят,
Год весь тужился, говорят,
Толкал обеими руками —
Только с места не двигался камень;
Окончательно изнемог,
Повалился бессильно с ног.
Посмотрела Хумай на Урала,
«Ну, теперь ты, батыр», — сказала;

К камню Урал подошел, говорят.
Был огорчен и наполнен стыдом,
Ибо был посрамлен его брат.
По камню стукнул он кулаком,
Из земли его вырвал рывком,
И затем тот камень схватил,
В небо синее запустил —
Точно выстреленный, тот взмыл
И в небесном пространстве исчез.
Все засмотрелись в глубь небес.
Каждый падения камня ждал.
Было утро — полдень настал,
А потом — час закатный пал.
Наконец в небе шум раздался —
Это камень назад возвращался.
В страхе, что он, упав, прибьет,
Горьким плачем зашелся народ:
«Ах, не дай беде разразиться,
Камню на головы наши свалиться!» —
Так Урала народ умолял.
Руку одну подставил Урал,
Камень падающий поймал.
«В какой стороне Азрака?» — спросил,
И когда ему показали,
В сторону страны Азраки
Камень что есть сил запустил.
Люди, собравшиеся толпой,
Переглянулись между собой,
Стали строить догадки: куда, мол,
Приземлится запущенный камень?
После этого Акбузат
Голову перед ним склонил:
«Покориться тебе я рад», —
Он как будто бы говорил.
Расступился тут народ —
Выступил царь Самрау вперед,
Руку богатырю протянул,
Зятем быть своим предложил.
Зазывалы тут всех собрали,
Свадьбу сказочную сыграли,
И, благодарности полны,
Просили: «Будь батыром страны!»

За этим всем и Шульген наблюдал,
Видел, как был восславлен Урал,

Вынести такого не мог,
Завистью черною истек.
И Урал его пожалел,
С Хумай по душам поговорил,
Отцу ее все как есть объяснил;
Совет они стали держать втроем,
Отозвать Айхылу решили потом,
Вновь на свадьбу собрать народ,
Выдать замуж ее за Шульгена,
Решили, чтоб успокоился тот.
И согласился с тем Самрау,
Дочери благословение дал,
Устроить пир большой приказал.

Когда свадьба Хумай и Урала
Шла, веселье было и смех,
Внезапно вся земля задрожала,
Напугав и встревожив всех.
Синее небо над головой
Покрылось огненной пеленой.
Люди вскинули вверх глаза,
Засмотрелись на небеса,
Стали растерянно думать-гадать,
В чем причина старались понять, —
Никто не мог ничего сказать;
Когда стояли так, в страхе немом,
Думая: может быть, это — див?
Когда стояли, в страхе застыв,
С неба что-то, огнем полыхая,
Стало падать, плача, стеная;
Все стояли, рты пораскрыв.
И тот дымный клубок огня,
Что стремительно вниз слетал,
Изловчившись, поймал Урал.
Клок огня, что с небес спускался,
Девушкой Айхылу оказался.
Когда возвращалась она назад,
Ее огонь объял, говорят.
Каждый рассказу ее ужаснулся:
«Когда ваш камень к небу взметнулся,
Я с небес на него смотрела
И уж только потом разглядела,
А тот камень через моря
Далеко-далеко уходил,
Прямо на землю Азраки-царя
Раскаленным комком угодил.

Землю надвое он разбил.
Вздыбился огонь высоко
И меня собой охватил
Так, что я потеряла память.
Очнувшись, стала сбивать я пламя,
С трудом добралась до своей страны».

Все тут были поражены.
Осознал Шульген наконец,
Что Азрака ему солгал,
Уверив, что он — Айхылу отец,
Когда-то замуж ее отдал.
Девушка, что с небес сошла,
Той самой невестой его была.
«То, что когда-то мне див говорил,
То, что на дочке своей женил, —
С начала и до конца — все сплошь,
Оказывается, хитрость и ложь», —
Про себя подумал Шульген.
И соврал он и сам: мол, в плен
Я попал и сбежал вот к вам.
Поверила Айхылу тем словам.
Видя, что снова Шульген предстал
Вместе с дивом, который не раз
Выйти замуж ее умолял,
Хумай встревожилась тотчас,
Дух сомненья ее объял.
Самрау же про себя был рад:
Два батыра — оба зятя.
Будет опорой мне каждый брат,
Жить в спокойствии буду я.

О том, как похитив волшебный жезл и с его помощью вызвав бурю и наводнение, Шульген вознамерился уничтожить людей, как сбежал вместе с Заркумом к царю дивов Азраке; о том, как Урал убил Азраку и прочих дивов, как создал из их искромсанных тел горные хребты

Когда Хумай во дворец возвратилась,
Вниз к Заркуму она спустилась;
Вмиг померк для Шульгена свет:
Вдруг Заркум откроет секрет?
Много ему сулит это бед.
Думать стал Шульген и гадать,
Выхода из тупика искать;

Жезл волшебный похитить решил,
Перевернуть все кверху дном,
Оседлать Акбузата потом,
Захватить с собою Хумай,
К Азраке уехать, в тот край,
Чтоб вернуться сюда войной.
С черной думою об измене
У брата чуть ли не на коленях
Стал просить: «Дай и мне обрести
Славу; позволь к Азраке пойти
И страной его завладеть».

«Лучше вместе на дивов пойдем,
Сокрушим злодеев вдвоем», —
От души предложил Урал.
Но Шульген противиться стал.
Жезл тогда ему отдал Урал.

Пока с Заркумом Хумай говорила,
Из подземелья потом выходила,
Обо всем Шульген разузнал
И жезл волшебный к рукам прибрал.
Затем Хумай не дожидаясь,
С Айхылу своей не встречаясь,
Ничего не сказав Самрау,
От дворцовых людей в стороне
Ударил жезлом он по земле,
Всю ее затопил водой,
В ужас вверх Шульген род людской.
Перемену увидев такую,
В рыбу Заркум превратился большую,
Вмиг Хумай живьем проглотил
И в подводный зарылся ил.

Когда свершилось черное дело,
Солнце на небе потемнело,
Акбузату сигнал дало —
И нырнул Акбузат на дно;
Помрачнело море, вскипело,
И все поняли, в чем тут дело.
Исчезновенье Хумай увидав,
Море вмиг перекрыл Акбузат.
В западню Заркума загнав,
Вынудил Хумай отпустить.
Все же вновь сумел тот словчить —
Незаметно ушел под водой.

Хумай во дворец вернулась живой;
Догадался Урал о том,
Что брат родной оказался врагом.

Когда вода постепенно сошла,
Когда Шульген, полон яда и зла,
Понял, что сила жезла слаба,
Чтобы против коня устоять,
То с Заркумом пошел опять
К Азраке спасенья искать.
Обо всем Азраке рассказал.
Не в силах дрожи в теле унять,
Азрака всех дивов созвал;
Шульгена, Заркума и Кахкаху,
Несколько дивов, что были в славе,
Во главе своих войск поставил;
Вынес затем приказ такой:
Затопить всю землю водой,
Небеса заволочь огнем,
Чтоб не было жизни ни ночью ни днем.
Чтоб птицы по небу не летали,
Люди по земле не ступали.

И пришла на землю беда:
Всю ее затопила вода.
А над нею — красным-красно —
Пламя до небес доросло.
Трудно стало птицам летать,
Трудно стало людям дышать,
Всюду крики пошли и стоны;
Множество зверей и птиц,
Убежав из страны драконов,
В месте потайном собрались.
К Уралу пришли они с мольбой.
Урал не дрогнул перед бедой,
Перед огненной пеленой.
Живо на Акбузата вскочил,
Меч алмазный тотчас схватил,
Дивам коварным в тот же миг
Войну смертельную объявил.

Месяц Урал, говорят, воевал,
Год, говорят, воевал Урал,
Пламени разгореться не дал;
Люди, смастерив себе плот,
Не погибли в пучине вод;

Бился Урал-батыр всем на диво,
Уничтожал безжалостно дивов,
Многих сразил могучей рукой;
Кромсал их с ненавистью такой,
Что там, где бился он с их ордой,
Туши поднимались горой
Над окровавленной водой.
Воду Акбузат рассекал —
Следом путь земной возникал.
И по тверди, восставший из вод,
Выбирался спасенный народ.

Дни напролет воевал Урал,
Ночи без сна воевал Урал.
Когда он битвой охвачен был,
Когда врагов косяками крошил,
Азрака ему повстречался —
И схлестнулись они вдвоем.
Остервенело каждый сражался,
Нанося удары мечом;
Каждый из последних сил
Удары страшные наносил.
Когда Азрака бил своим мечом,
В небесах раздавался гром;
Когда на Урала огонь напускал,
Водный простор вокруг закипал;
Был по-звериному он жесток,
Но выбить из седла Урала не мог;
Силу духа Урал не терял;
Ловко занес он алмазный меч —
Снес им голову главного дива с плеч,
На куски его искромсал.
В воду меч Азраки упал —
Кажется, весь мир задрожал;
Так убил Азраку Урал.
Огромное, страшное тело его
Надвое водный простор рассекло;
На месте том поднялась гора,
Чтоб могли туда люди забраться,
Отдохнуть и силы набраться.
А Урал поскакал вперед;
Конь его резал пучину вод.
Там, где скакал он, верной опорой
Поднимались высокие горы,
Которые никакая вода
Затопить не могла никогда;

Каждый горам возникавшим был рад—
На них взбирался и стар, и млад.

**О том, как пришли к Урал-батыру его сыновья:
Яик — от дочери царя Катила, Нугуш — от Гулистан.
Идель — от Хумай, сын Шульгена Сакмар, рожденный
от дочери Луны — Айхылу; как они стали ему верными
спутниками в пути, неустрашимыми соратниками в бит-
ве и победили коварных драконов; о том, что произошло
между Уралом и Шульгеном**

Много лет Урал воевал,
Дивов во множестве уничтожал.
Горы рождались одна за другой —
Под могучей его рукой.
Дети, родившиеся на свет,
Когда вступил он в жестокий бой,
Могли теперь мчаться во весь опор,
За Уралом-отцом вослед,
По хребтам и вершинам гор.
Четыре молодца, говорят,
Готовя себя к большим сраженьям,
На четырех тулпарах в ряд
При богатырском снаряженьи
Ехали путем отца, говорят.
Друг от друга не отставая,
След Урала в горах не теряя,
Прибыли к нему, говорят,
Приветствовали его, говорят.

П е р в ы й:

«Сын я дочери царя Катила,
От тебя рожденный егет.
На коня я сел в восемь лет
И объездил почти весь свет.
В месте одном я кровь увидал —
Ее не впитывала земля,
Даже ворон ее не клевал,
Даже звери ее пугались,
Во все стороны разбегались.
Матери я о том рассказал,
Просил ее тайну крови открыть.
Ничего не сказала мать,
Только села и стала рыдать,
И не знал я, что ей сказать.

Был растерян я, удручен,
Не зная, что значат те слезы и стон;
По стране я много бродил,
Много людей встречал по пути —
И стариков, и молодых,
О тайне крови спрашивал их.
Не объяснил мне толком никто,
Только одно говорили про то:
«Отец твой — как Тенгри-бог для нас,
Всех от страшной участи спас,
Честь его мы в сердцах храним,
Тайну матери свято чтим.
Ты у отца могущество взял,
Грудь своей матери ты сосал,
Для обоих ты — общий сын.
И если так твоя хочет мать,
Сам постарайся все понять».

Услышав такое, я в дом воротился,
Снова к матери обратился;
Вновь сказать она не пожелала,
Тайну свою от меня скрывала;
Сел тогда я, стал слезы лить —
Но все не хотела она говорить,
Спать уложила меня потом,
Стала баюкать меня шепотком.
И тогда я решил притвориться,
Что уснул. А сам сквозь ресницы
Следил за нею. И вот она,
Решив, что я уж во власти сна,
Моего бдения не замечая,
Слезы горячие роняя,
Склонила голову надо мной,
Зашептала полночной порой:
«Ушел Урал мой и с тем пропал;
Видно, уже не вернется он.
Сын подрос, коня оседлал —
Но об этом не знает он.
Родился таким же, как и отец,
Бесстрашным, словно с парой сердец;
Кровь же злую отца моего
И поныне земля не впитала.
С тех пор, как дитя ее увидало,
Вконец покинул его покой.
Батыр успокоится ли такой?
Как теперь я с ним поступлю,

Тайну открою? Как стерплю?
Если скажу — он тайну узнает,
Голову в том краю потеряет,
Поедет разыскивать отца,
Одну меня бросит в стенах дворца», —
Сидя так, моя мать причитала.
Поднялся я, когда светало,
Туда завернул, где та кровь трепетала,
Все вокруг нее я бродил,
«Эх ты, кровь, ты кровь! —

говорил, —

Тебя отец, оказалось, пролил!
Когда отец мой сюда ступил,
Ты, выходит, с ним воевала.
Не потому ли ты не остывала,
Что рука батыра тебя проливала?
Еще оттого, что ты грязна,
Ворон не пьет, не вбирает земля,
Лоснясь, лежишь ты, гнилью дыша,
Мукой исходит твоя душа...»
Только такое успел я сказать,
Кровавое озеро стало вскипать.
Когда кипящая капля упала
На белый камень, ушедший в грязь,
Слизь каменистая задрожала
И прямо из грязи речь полилась:
«Мы четыре батыра-раба
Дедушки твоего Катила.
Бились против отца твоего,
Но кровь царя нас в яд превратила.
Даже земля нашу кровь не пьет,
Солнца луч ее не берет.
Воронов выпить ее умоляем —
Они же в ответ: мол, нет, не желаем.
Мучится наша душа и страдает.
Поди к Уралу, отцу своему,
Всю нашу боль поведай ему:
Пусть снизойдет, нашу кровь оживит,
Пусть в достойных богатырей
Вновь из крови нас превратит».
Услышав такое, я тайну узнал,
Матери обо всем рассказал.
Недолго она раздумывать стала,
Молча в сторону гор зашагала,
Воронов всех вокруг собрала
И, проводив одного куда-то,

Каждодневно его ждала,
С гор своего не спускала взгляда.
Однажды, не помню, в какую пору,
Шумно назад воротился ворон,
Воду в клюве своем принес —
Была та вода прозрачнее слез;
Мать плеснула на кровь водой —
Четверо встали из крови той.
Тогда сказала батырам мать:
«Позор за отца моего принять
Вам пришлось. Вы кровью алели.
Станьте ж друзьями Уралу на деле —
Всех друзей моего отца
Уничтожьте теперь до конца;
Вместе с сыном моим ищите
Урала по белому свету всему,
Хоть под землей его найдите,
Мой привет передайте ему».
Взяв четверых батыров с собой,
Осознав, кто отец мой родной,
Что я — Яик — рожден был тобой,
Издавека я приехал к тебе,
Чтобы товарищем быть в беде,
Чтобы помощь тебе оказать,
Чтобы рядом с тобой воевать.
Пояс потуже я повязал,
Что есть мочи к тебе прискакал».

В т о р о й:

«Мать мою зовут Гулистан.
Когда мне исполнилось шесть лет,
Змей с Шульгеном из дальних стран
Принесли нам множество бед.
Нашу страну разорить пришли,
В ужас всех людей привели,
В горе покинули мы страну;
Думала о тебе моя мать,
Не переставала горевать.
Когда мы собирались ко сну
И мать в постели лежала больной,
Дивы напали на нашу страну,
Землю всю затопили водой;
Детям и седым старикам —
Всем плоты я изготавлял,
Рассаживал их по плотам,
Сам против змей воевал.

Видя, что мы не сдаемся им,
Что тонуть в воде не хотим,
Что не боюсь я воды и огня,
Стал Заркум напротив меня,
В ярости замахнулся мечом.
Но удара я ждать не стал —
Сам в ответ я нанес удар.
Ни в чем ему я не уступал.
Заркумом бешенство овладело —
Помощь дивов к нему подоспела;
Дивы бросились на меня —
Но отбивался достойно я!
От Заркума и дивов его
Не оставил я ничего.
Не считаясь с болезнью своей,
Мать ко мне подошла поскорей,
Увлажнились глаза слезами.
Так она мне тогда сказала:
«Сын! Отец твой Урал-батыр.
От него ты пришел в этот мир:
Нугуш-батыром на свет родился,
В богатырстве с отцом породнился.
Садись на коня, мое дитя!» —
Так напутствовала меня мать
И тулпара мне подарила,
Верной дороге меня научила,
Вышла на войну провожать.

Т р е т и й:

«Имя матери моей Хумай,
В небо высоко взлетая, она
Слушает что-то, не ведая сна:
«Эй, Урал мой, чем занят ты?
Я плачу, неведенья полна;
Дивы и змеи вместе сошлись,
Воедино переплелись,
Землю море покрыло сплошь —
Как его ты переплывешь?
Как ты дивов, что крови хотят,
Всех одолеешь и перебьешь?» —
Так она свою скорбь изливала,
С горькой жалобой причитала.
На меня однажды взглянула,
Глубоко и скорбно вздохнула:
«Коль ты раньше б, мой сын, родился,
На коня б своего садился,

Отцу, что в сражении изнемог,
Верной опорой стать бы мог», —
Говорила, меня обнимая,
И беззвучно рыдая сама;
За младенца меня принимая,
Тайну не открывала она.
Когда ночью мы с ней не спали,
В нашу дверь колотить вдруг стали —
Разлетелась вдребезги дверь.
Див вошел — отвратительный зверь,
Руку к матери он протянул:
«Не того ль, кто войну раздул,
Вверх ногами все перевернул,
Кто утесы в горах ломал
И камнями в дивов кидал, —
Не того ль ты жена — Хумай?
Ты ему Акбузата дала,
Ты счастливою с ним была,
Меч алмазный вручила ему,
Смерти дивов тем предала!
Голову я тебе отрублю,
Вдоволь крови твоей попью
И в огонь твое брошу тело,
Чтоб обуглилось все и сгорело!
Пусть твой муж от вести такой
Потеряет и сон, и покой!»
С тем на мать набросился он.
Увидев меня, остановился:
«Не второй ли это Урал? —
Про себя пробормотал. —
Не от него ли сын родился?»
Так и замерла в страхе мать,
Даже слова не в силах сказать.
Сердце женское оборвалось,
Помутились глаза от слез.
Я ж, ребенком себя не считая,
Гневом яростным закипая,
На злодея напал того.
Одна голова его выдувала пламя,
Другая яд источала губами;
То он меня гнул, то я его.
В руках моих не было ничего.
Но жестоко я с ним сражался,
В силе диву не уступил,
Наземь с грохотом повалил,
Так его мерзкую глотку сжал,

Что из пасти вдруг кровь пошла.
Потом подмял его под себя.
Застонал див, бессильно хрипя.
Под ударом последним он
Вопль издал и жалобный стон,
А потом и дух испустил.
Кровью весь дворец затопил,
Мать, по пояс пройдя в крови,
Подала мне испить воды,
Счастьем лик материнский светился:
«От батыра батыр родился!
Стал героем ты, как отец.
Хоть тело детское у тебя,
Хоть сердце юное у тебя,
Вышел из тебя молодец.
Отец в одиночестве битву ведет,
Душу его тоска гнетет;
Пусть тяжело не будет ему одному,
Пусть враг не сломит волю его,
Иди и будь спутником ему,
Опорой в сраженьях будь для него», —
Так ко мне обратилась мать.
И вышел в путь я, тебя искать;
Я — твой сын, Идель меня звать,
Пришел, чтобы вместе с тобой воевать».

Ч е т в е р т ы й:

«Мать мою зовут Айхылу.
Отца моего звали Шульген —
Он приходится братом тебе.
Черный путь он выбрал себе,
Много крови людской пролил,
Врагом человечества прослыл,
Из-за него исстрадалась мать.
Пожелтела, воску подстать.
Как-то меня к себе призвала
И такой рассказ повела:
«Знай: от Луны я рождена,
Что озаряет ночную мглу.
Мать любила очень меня;
Когда я стала жертвой Шульгена,
Потускнела она мгновенно,
Вся печалью серой покрылась,
Темной думою замутилась;
Каждый день ее меркнет взор,
Слабнут лучи, что мой видят позор;

Раньше соперницей солнца была —
Теперь его свет вбирает сама.
Отец мой тоже позор испытал —
Затем, что жертвой обмана стал,
И, видно, горем объятый весь,
Ныне вовсе куда-то исчез.
Дам тебе рыжего я коня,
Предназначенного для жениха;
Поскорей на него взбирайся,
Вместе с Иделем в путь отправляйся
И по следам батыра Урала
Скачи вперед», — мне она сказала,
«Будь Сакмаром», — сказала она,
Не жалеть себя наказала,
Сыном быть твоим приказала».

Урал выслушал всех подряд,
Насладился он их речами.
Был он невыразимо рад
Тому, что собственными глазами
Увидеть егетов ему привелось.
Радость великую он вкусил.
Полный новой отваги и сил,
Вновь забрался он на коня;
В окружении своих сыновей,
Продолжал против дивов войну,
Очищая от них страну.
Месяц сражались они, говорят,
Год сражались они, говорят.
В одном из жестоких боев Урал
На Кажкаху наконец напал,
Вспенив море, барахтался он,
Испускал крик истошный и стон,
Вопль его разносился, как гром.
Из кусков его тела потом
Сложили еще одну гору;
Дивам и Шульгену на горе
Надвое море разделила гора.
Шульген тут голову потерял,
Что делать, как поступить, не знал.
Оставшихся на его стороне
Всех до единого собрал;
И тогда против выживших дивов
Битву снова начал Урал.
Когда жестокие битвы шли,
Когда, бурля и пеной вскипая,

Клокотала вода морская,
Брата своего Урал
Неожиданно повстречал.
Братья схлестнулись между собой.
Разгорелся упорный бой.
Жезлом Шульген на него замахнулся,
Хотел Урала огнем спалить,
Колдовством его жизни лишить.
Только Урал не растерялся,
Тут же вынув алмазный меч,
Нанес удар сокрушительный встречь;
Гнев его стократно возрос —
Жезл тот вдребезги он разнес.
Что после этого началось! —
Грянул гром, стало озером море.
Дивы, оставшиеся без воды,
Испытали великое горе.
Урал же Шульгена выловил вскоре.

Акбузат и четыре батыра
Продолжали дивов громить.
Шульген со всеми гадами мира
Брата не смог своего победить.
Пыл последний его пропал —
Он с седла на землю упал.
Тут Сакмар на отца метнулся
И мечом своим замахнулся;
Но трогать его Урал запретил —
Сакмар неохотно меч опустил.
Урал людей к тому месту собрал;
Так пред всеми Шульген предстал.

«С детства коварным злодеем ты рос,
Кровь запретную выпивал,
Словом родителей пренебрегал.
Злоба правила лишь тобой,
Всею черной твоею судьбой;
С дивами плавал в крови людской,
Землю всю затопил водой,
Выжег огненной пеленой;
Только с дивами был знаком,
Людям стал ненавистным врагом,
В камень сердце свое превратил,
Отчий лик ты навек забыл.
В дороге другом тебе я был:
Выбрал девушку ты — я не перечил,

Выбрал коня — я не противоречил;
Славу в мире хотел найти —
Я не стал поперек пути.
Жезл вложил я в руки твои —
Ты к насилью вернулся опять.
Кровь хотелось тебе проливать;
Страну в великий разор ты вверг,
Многих людей в воде утопил,
Сам подчиниться дивам решил,
Верой-правдой им служил,
Кровь человечесью дал пролить,
Царя благородного чистую дочь,
Греющий жизнь его нежный цветок,
Выдать я за тебя помог,
Надеясь, что сердце твое уймется;
Ждал я, пока не вышел срок.
Только слова ты не сдержал,
Так на честный путь и не встал,
Слову отцовскому не внял,
Материнский завет растоптал,
Всю страну затопил водой;
Чтобы сородичей кровь пролить,
Дивов злобных привел с собой,
На людей их повел войной,
Твердь земную, что ровной была,
В ямы и бездны желал превратить.
Зло добротой сокрушено —
Никогда не вернется оно!
Понял ли ты теперь, что зло
Будет побеждено добром?
Понял ли ты, что человек
Будет выше дивов во всем?
Отныне туши тварей твоих
Станут землей для существ живых.
Отныне войско Кахкахи
Будет войском без рук, без ног.
Коль, землю целуя, слово не дашь,
Голову перед людьми склонив,
Клятву священную не дашь,
Коль не признаешь, что слезы людей —
Лишь на совести черной твоей,
И, повстречавшись с нашим отцом,
Не расскажешь ему обо всем,
Голову тебе отрублю,
В муку-толокно ее сотру,
Вымарав тело твое в крови,

На горе из телес Азраки,
Что называется Яман-тау,
Так и быть, похороню;
В черную скалу тебя превращу,
К которой живая душа не придет —
Ни через месяц, ни через год;
Не помянет никто добром,
Трава не взойдет на месте том;
От солнца потрескаешься ты,
Для змей, что ползают средь темноты,
Для коршунов, замышляющих зло,
Для стервятников, что на земле
Добычу высматривают себе,
Станешь прибежищем ночью и днем —
Вот такую ты станешь скалой!» —
Вынес Урал приговор такой.

Шульген неподвижно ему внимал.
Боясь, что брат его впрямь убьет,
От перепуга весь дрожал.
И вот, заикаясь, он слово дает:
«Создано черным колдовством
Озеро это — источник зла.
Лицо свое я умою в нем,
Чтоб со своим распрощаться злом;
Чтобы коварства вовек не творить,
Черных дел вовек не чинить,
Буду всегда и всюду с тобой.
Дорожить буду дружбой людской,
Тем постараюсь славу добыть,
Чтобы верно стране служить;
Урал, дай след твой поцеловать,
Братом позволь тебя назвать,
Вместе жизнью одною жить,
Мать свою и отца повидать,
Слово клятвенное дать!»

«Кровь запеклась на твоём лице —
Не отмоешь в озерной воде.
Захлебнулось сердце в крови —
Не вернешь его к правоте;
Сквозь воду прошедшие и огонь,
Люди уже не поверят тебе;
К ним ты черную злобу питал,
Камнем проклятия ты стал,
Только огнем и был для них ты.

Семена блага и доброты
С рожденья покинули тебя;
Пока ядовитое сердце твое
Смягчится — камень скорее растает,
Доброту оно не познает,
Все святое оно распинает.
Если хочешь людей полюбить,
Если вместе с ними в стране
Отныне хочешь батыром быть,
То считай злодеями тех,
Кто врагами стал для людей,
Кровь врагов тех в озеро слей
И омой лицо свое в ней.
Против людей ты дивов водил,
Кровь людскую нещадно лил,
Злодейство за славу почитал,
Доброту за позор принимал;
И в гордыне своей теперь
Мечешься, как разъяренный зверь.
Пусть почерневшая кровь твоя
Напоминаньем о прошлой судьбе
Будет сердце твое сжимать,
Тело болью одолевать;
Пусть скверная кровь, что в тебе течет,
Иссохнув, красный цвет обретет.
Тогда человеком станешь опять,
С нами останешься в нашей стране,
Будешь батыром на войне», —
Так заключил Урал свою речь.
Гора у Шульгена упала с плеч.
Шульген стал Урала снова просить,
Землю слезами пред ним кропить:
«Лев, на котором я ездил верхом,
Дважды споткнулся подо мной.
Дважды его я ударил так,
Что брызнула кровь из него струей;
Потом и в третий раз он споткнулся —
Ко мне в смятении обернулся:
Мол, не споткнусь я в пути опять!
И припустился снова бежать.
Я тоже больше его не бил,
Не бранил его, не колотил.
Так Шульген, что тебе был брат,
Промахнулся два раза подряд,
Вселил в твое сердце горе и гнев,
Ведь я и есть — спотыкавшийся лев;

В третий раз мне уйти позволь,
Лик почерневший я свой отмою,
С обеленным лицом пред тобою
Я предстану и, землю целуя,
Стану равным среди людей,
Стану жить я в стране твоей».

Урал решил его просьбе внять,
В последний раз его испытать:
«Коль, честь потеряв, муж с дороги собьется,
Все утратит он в жизни своей;
Коль зло затаит он против людей,
Ночью светлый день обернется.
Тому, чья душа истекает злобой,
День будет мраком глаза затмевать;
Будет он ночью охотиться, чтобы
Птиц, ослепших во тьме, подбивать.
Если ночь для людей настанет,
Она тебе покажется днем.
Сородичей ты убивал непрестанно,
Черную славу обрел на том.
Лучше дивов, что были врагами
Нам, у тебя не бывало друзей.
Не полагал ты, что и ночами
Засияет луна для людей.
Когда же погаснет луна, не знал ты,
Что вспыхнет ярчайшее из светил;
Своими глазами теперь увидал ты,
Что этот свет наконец наступил.
Для тебя же и дивов зловещих
Черная ночь наступила навечно.
Море, где плавали дивы толпой,
Обернулось навек землей,
Азрака, царь проклятый твой,
Обернулся навек горой.
От злодея и девушки чистой
Родился Сакмар — богатырь неистовый.
Коль наконец понять ты сумеешь,
Что радость утраченную обрели
Мужчины, которых терзали змеи,
Девушки, что в плену их желтели, —
Красавицы дивные нашей земли.
Знай наконец, что, вот так сражаясь
С вечною злобой против людей,
Их безжалостно уничтожая,
Ты будешь проклят до скончания дней.

Если поймешь наконец все это,
Если с коварством расстанешься ты,
Если из тьмы повернешься к свету,
Коль силы найдешь поучиться добру
У льва своего, что споткнулся в пути,—
Еще раз исполню я волю твою.
Во имя чести отца моего,
Памяти матери моей,
Последний раз испытаю тебя,
Последний раз внемлю просьбе твоей».

О том, что сказал старик, изнемогающий от невозможности умереть; как Урал-батыр набрал в рот воды из Живого родника, но не сделал и глотка — опрыснул тою водой землю вокруг себя, и вся она ожила

Отпустив Шульгена, Урал
Так собравшимся людям сказал:
«Смерть, что зрима была для глаз,
Выгнали мы из страны своей.
Дивов, что пили кровь из нас,
Сделали твердью горных цепей.
Воду Живого родника,
Зачерпнув, принесем сюда —
Пусть всем достанется та вода.
От Смерти же, что скрыта от глаз,
От болезней, что точат нас,
От болей и мук, гнетущих от века,
Человеческий род спасем,
Бессмертным сделаем человека —
Радость в каждое сердце внесем!»
Когда вот так говорил Урал,
Старик какой-то приковылял,
Тяжко вздыхал он, горько стонал,
Смерть-спасительницу призывал.
До предела иссохшее тело
Все, казалось, в суставах скрипело.
Так он долго на свете жил,
Что отца и мать позабыл.
Так обратился к народу он:
«Пережил много я поколений,
Много разных прошел владений,
Был свидетелем тех времен,
Когда мы не знали родства и имен,
Не боялся никто ничего,
Дитя не знало отца своего;

Видел, как люди вместе селились,
Как по парам они сходились.
Сильное племя слабое грабило,
Змеи и дивы считали, что вправе
Безжалостно на людей нападать,
Одних пожирать, чтоб за их счет
Наращивать число своих голов,
Остальных — обращать в рабов;
Вел кичливо себя их род,
В страхе держали дивы народ,
Проливали потоки слез —
В такое время егетом я рос.
Что значит Смерть, я тогда не знал,
Сирот обиженных не замечал;
Когда прибирали к рукам своим
Пленников дивы одного за другим,
Смерть пред глазами моими предстала;
Но знал я: день счастливый придет
И когда-нибудь мой народ
Родит на свет такого батыра,
Который на змей, кишащих по миру,
Беспощадной войной пойдет;
Что люди, чьи очи мутны от слез,
С улыбкой поднимутся в полный рост,
Полной грудью вздохнут наконец,
Счастливо заживут наконец —
Такого часа пред смертью я ждал;
Чтоб Смерти душу не отдать,
Чтоб праздник тот самому увидеть,
К роднику живому припал.
Смерть я часто и раньше встречал,
Грозно дышала она на меня,
К самой глотке нож подносила,
Саблю не раз на меня точила,
Не раз ломала она меня,
Но одолеть меня не могла,
Взять мою душу не в силах была,
Плоть в моем теле убить не могла.
Со Смертью на равных я сражался.
Праздника вот наконец дождался,
Потому и пришел сюда;
Мой привет примите, друзья.
Вот счастливые лица людей
Вижу сквозь сумрак своих очей,
Человеческого существа
Я богатырство и мощь постиг.

Теперь без страха могу умереть —
Горы, что ты из дивов воздвиг,
Эта каменистая твердь,
Могут обителью стать для людей,
Приютить и птиц, и зверей,
На любой из воздвигнутых гор
Они для жизни найдут простор.
Будет потомство людей умножаться,
Слезы забыв, оно станет смеяться,
Обживется и счастье найдет,
Прошрое в песнях своих воспоет.
Понял я, что на земле этой вечной
Будет вечен и род человечесий.
Явился спасителем ты для людей,
Стал для них ты светом очей,
Первым среди батыров ты стал,
Против зловещих сил восстал,
Достоин того, чтоб тебя воспели
Все грядущие поколенья.
Чтоб ты счастье стране добыл,
Твой отец тебе жизнь подарил,
Молоко тебе мать дала;
Душа твоя твердой к врагам была,
А к друзьям — и добра, и светла —
Таким батыром взрастили тебя,
Посадили на верного льва.
С той, чья душа нежностью полна,
С красавицей, что солнцу подобна,
С волшебницей, чей прекрасен стан, —
С Хумай тебе встретиться было дано,
Акбузата оседлать суждено,
Несравненного коня,
Что пламенем вспыхнул против огня,
Против воды вскипел водой,
Против ветра вознесся горой,
На врагов метнулся войной, —
С ним на дивов ты поспешил,
Воду морскую иссушил.
Счастьем всю землю наделил,
А стране благоденствие дал —
Таким батыром тебя я узнал.
Сам же я вот таким предстал:
Трепещет душа моя, как мотылек,
Крови во мне — на один глоток.
Суставы и кости вконец раздробились,
Только тело не развалилось,

Помутился рассудок мой,
Жить больше не в силах жизнью такой,
Пытался Смерть я к себе призвать,
Ей хотел я себя отдать,
Но душу мою она не взяла,
Слова такие произнесла:
«Из Живого ты пил родника,
Неподвластен мне стал на века,
Душу твою не смогу я убить,
В мертвеца тебя превратить;
Обессилешь, но будешь жить,
Мукой бессмертия исходить,
Сгнившее тело черви источат,
Но умереть оно не захочет.
Из мира этого ты не уйдешь,
От страданий с ума сойдешь».
Таким, егет, я пришел к тебе,
Все поведал я о себе,
Постарайся меня понять,
Есть у меня, что тебе сказать:
Горький мой опыт дней прожитых
Поможет от бед избавить других.
Желая вечно на свете жить,
Неподвластными Смерти быть,
Власть ее принять не желая,
Не пейте из Родника Живого!
Мир — это благоухающий сад,
А существа, живущие там,
Подобны растениям и цветам
Одни тот сад засоряют собою,
Другие растут, восхищая красою,
Разные краски и уют
Саду растения те придают.
То, что Смертию мы зовем,
Прозвища злые кому даем, —
Вечности нетленный закон,
Мир от гнильи очищает он,
От больных и увядших трав
Навсегда очищает он.
Освежает он жизни сад.
Не желайте же вечными быть,
Из Родника Живого испить!
То, что на земле остается,
Чем все лучшее создается,
Сада краса и благоухание —
Это добро и благодеяние.

В огне не сгорит — благодеяние,
В воде не утонет — благодеяние,
До неба возвысится — благодеяние,
Останется в памяти — благодеяние,
Оно — голова всех дел,
Для всех живущих на свете людей
Пребудет как мира высший удел».

И слова старика услышав,
Смысл глубокий их осознав,
Вместе со всеми людьми Урал
В дорогу дальнюю зашагал.

И вот перед ними Родник Живой —
Рот наполнил Урал водой,
На стежку, что проложил он сам,
На горы, что поднял к небесам,
Прыснул тою водой, говорят:
«Пусть зеленеют голые чащи,
Пусть цвет бессмертия обретут,
Пусть птицы щебечут звонче и слаще,
Пусть люди веселые песни поют!
Пусть враг бежит из нашего края,
Черной завистью истекая!
Пусть эту землю любит народ,
Пусть садом прекрасным она расцветет,
Пусть сердце врагов красотой изведет!» —
Так Урал громогласно изрек.

Там, куда брызги воды полетели,
Разом выросли сосны и ели;
В стужу любую цвет не теряющая,
В жару любую не засыхающая,
Неуязвимая для насекомых,
Для червей и жуков ползучих,
Распустилась зеленая хвоя
И навечно осталась такою.

До Шульгена дошла та весть.
«Отныне у меня защитница есть,
Которая будет людей хватать,
Убивать и со света сживать.
Моя защитница — это Смерть.
Нет преград теперь перед ней,
Будет мне помогать она
Нешадно уничтожать людей», —
Так про себя подумал Шульген.

Змей и дивов он всех собрал,
Обо всем, что знал, рассказал,
Строго-настрого наказал:
Людам ни капли воды не давать,
Власть Урала не признавать.

Дни и месяцы миновали,
Люди жилье себе сооружали,
В гости друг к дружке ходили,
Полной чашей веселье пили,
Сватали за женихов невест.
Был спокоен и счастлив любой.
Среди тех беспокойных мест
Установились мир и покой.

О том, как в гневе на злодеяния дивов Урал выпил озеро, где они прятались; как проникшие в его нутро змеи изгрызли сердце батыра; о том, что сказал Урал-батыр перед своей смертью; о том, как расселились люди на склонах Урал-тау, как там же расплодились звери, животные и птицы, как им не стало хватать воды; как образовались реки Идель, Сакмар, Нугуш, Яик; как люди зажили в благополучии, забыв о прошлом лихе и бедствиях

Но вот опять был нарушен покой:
Девушек, шедших за водой,
Мужчин, идущих лесной тропой,
Дивы стали подстерегать
И у самой воды глотать;
Выпивали их кровь, говорят,
Вырывали сердца, говорят.
Змеи выползали из щелей,
Жаляли нещадно людей.
Всех их снова ужас объял,
Каждый пред гадами трепетал;
Вновь к Уралу толпой пришли,
Сквозь слезы о дивах заговорили.
И решил он народ сплотить,
Дивов злых до конца истребить;
Только те об этом прознали,
Из воды вылезать перестали.
Долго Урал размышлять не стал,
Иделю, Нугушу, Яику,
Сакмару и другим батырам —
Войском своим управлять наказал;
Меч алмазный вырвал потом,

Акбузата оседлал,
Вызывая и шум, и гром,
На Акбузате помчался он,
Бурю на земле поднимал,
Волны из воды исторгал;
К озеру дивов прискакал:
«Выпью озеро это сполна,
Иссушу до самого дна,
От дивов, оставшихся в живых,
Кто людям жить на земле не дает,
От шульгенов и гадов других
Навсегда избавлю народ!»

Стал он озеро выпивать —
Начала в нем вода клокотать;
Дивы испуганно загалдели —
Спрятаться от батыра хотели,
Только пил все Урал и пил,
И див за дивом в него входил.
Много их в нем скопилось внутри,
Зубы у каждого остры,
Грызли они его сердце и душу.
Озеро выплеснул он назад;
Дивов, выскакивающих наружу,
Всех убивали батыры подряд.
Не в силах на ногах устоять,
Не в силах больше воевать,
Урал на месте том же упал.
Народ повалил тут за валом вал.
«Он счастьем народа был до конца!» —
Осиротевший народ рыдал.

У р а л:

«Своими глазами видели все вы,
Как дивы в мое проникали чрево,
И каждый сердце мое терзал,
Внутренности на части рвал.
Вот что, народ мой, тебе я скажу:
В омутах и озерах глубоких
Будут дивы таиться и впредь,
Будут пытаться они ненароком
Душой и телом людей завладеть,
Будут мстить каждый день, каждый час,
Всюду преследовать будут вас,
Чтоб вашей смертью смыть свой позор;

Не пейте воду из этих озер —
Только болезни от них и мор,
Воду их обходите стороной,
Пусть потеряют злодеи покой.
Против дивов я начал войну,
Очистив озера от них,
Страну
Помог народу вновь обрести;
От тех, кто вел себя как злодей,
Я стремился избавить людей;
Опорой в пути мне был Акбузат,
Опорой в борьбе — мой славный булат;
Земля родная была мне, как мать,
Надеждой и верой она мне была,
Коль нужно мне войско было собрать —
Достойных богатырей дала;
Бывало, успехом своим упоен,
Совета не спрашивал я у других,
Собственным все решал я умом,
Меня лишь вините в ошибках моих!
Слушайте, дети, вам говорю,
Слушай, страна моя, тебе говорю:
И львом храбрейшим будучи мира,
С рожденья имея имя батыра,
Все же, страну свою не обойдя,
Вброд ее горе и кровь не пройдя,
Сердце свое нельзя закалить;
Чтоб заодно с врагами не быть,
Без совета дела не вершите!
Дети, словам моим внимайте:
На земле, очищенной мною,
Людам добудьте счастье земное;
Будьте мудрыми на войне.
Чтобы славу добыть стране,
Сами стремитесь батырами стать;
Старших умеете почитать,
Их советом не пренебрегайте,
Но и тех, кто младше, не забывайте —
Вам растить их и поднимать.
Коль в чьи-то глаза угодила соринка,
Которая может их сделать слепыми,
Станьте ресницами глаза для них вы,
Сор тот смахните руками своими.
Акбузат мой, алмазный меч
Тому перейдут в моей стране,
Кто, богатырски держась в седле,

• УРАЛ-БАТЫР •

«АКБУЗАТ»

На этом яростном скакуне
Сечь врагов будет на войне;
Тому же, кто на путь предательства ступит,
Меч этот будет вовек недоступен.
Сыны! Матерям передайте своим:
Пусть за все Урала простят,
Пусть каждая скажет: «Был он мужем моим».
А всем вам вместе напомним о том:
Пусть станет добро лишь вашим конем,
Пусть имя будет вам — человек,
Злу не давайте дорогу вовек,
Пусть мир и добро пребудут вовек!»
Слова те напутственные сказал
И скончался батыр Урал.
Скорбь унять не имея сил,
Голову низко народ склонил.

Звезда падучая мглу прорвала —
Для Хумай она весть принесла;
Хумай надела птичий наряд
И прилетела сюда, говорят,
И губы мертвого Урала,
Говорят, она поцеловала:
«Ай, Урал ты мой, Урал,
К тебе живому я не успела,
Не слыхала, что ты сказал,
Душу утешить не сумела.
В юности встретила тебя,
В радости сбросила птичий наряд,
Девушкой обернулась я;
Когда со змеями ты воевал,
Когда дорогу добру открывал —
На моем Акбузате верхом,
В руке с моим алмазным мечом,
Самой счастливой я в мире была;
Застать в живых тебя не смогла.
Ты губы мои не поцеловал.
Не знаю, что бы ты мне сказал.
Как без тебя я буду жить?
Кем буду в жизни дорожить?
Кто сможет взор мой заморозить?
Хоть имя есть — Хумай — у меня,
Хоть люди знают, что женщина я,
Я птичью шубу уже не сниму,
Облик, в который можно влюбиться,
Больше никогда не приму.

Батыра такого уже не найду,
Матерью батыра стать не смогу.
Птицею жизнь я буду вести,
Яички бесплодные буду нести;
Дитя родится — птицею будет,
Цвета белого оно будет,
Как самые чистые мысли твои.
Что для тебя я сделать смогу?
У дороги, где ты скакал,
На горной гряде, что ты создавал,
Вырыв могилу, похороню,
Навек тебя в сердце своем сохраню.
Путь великий, где ты скакал,
Не зальет никакая вода;
Горы, которые ты создавал,
Примут в свои объятия тебя,
Будут прах твой вечно хранить,
Будут вечно на свете жить.
Когда-то море ты здесь осушал,
Самым первым батыром стал,
На берегу страну основал;
Отныне, в объятиях могучей горы,
Будешь светочем ты страны,
Будешь светлой душой для людей,
И мертвый, будешь живых ты живей,
Еще прославленной будешь ты,
Немеркнущим золотом будешь ты;
Человечий возвысив род,
Слава твоя на земле живет!»

И, такие слова сказав,
Похоронила его в горах,
Улетела она, говорят,
Решив не возвращаться назад.

Дорога Урала — великие горы,
Могила Урала — высокие горы,
Название приняли то же — Урал.

По истечении долгих лет
Загрустила она по Уралу,
Вдоль дороги, что он проложил,
Махая крыльями, пролетала,
Опустилась на гору-скалу,
Думая об Урале, грустила.

Позднее вывела там птенцов,
Белых лебедей расплодила.
И об этом узнали все.
Говоря: «Это птица Хумай»,
Лебедей за родных принимали,
Охотиться на них запрещали;
Не ловить благородных птиц
Между собой договорились —
Оттого птицы те расплодились.
Поэтому мясо лебедей
Навеки запретно для людей.

Много громов с тех пор отгремело,
Один за другим года пронеслись.
И вновь Хумай сюда прилетела,
А потом животных и птиц
За собой она привела:
Дескать, здесь благодатна земля,
На Урал возвратилась вновь;
Храня к ней привязанность и любовь,
Пришли-прилетели вереницей
Звери, животные и птицы.
Узнав, что все твари сошлись туда,
Что там никому не грозит беда,
Бык Катила племя свое,
Которому отроду был вожаком,
На отроги Уральских гор,
Туда, где благодатен простор,
Привел, чтоб вместе со всеми жить,
Голову перед людьми склонить.
Акбузат по странам бродил,
Лошадиный род единил,
Во главе табунов сам шел,
Всех затем он сюда привел ¹⁶.
Когда обжились и с раздольями свыклись,
Здесь и лошади расплодились.
Каждый день и месяц Урал
Все живое в себя вбирал.
Дни прихода птиц и зверей
С тех пор и стали для людей
Названием месяцев и годов —
Стал подсчет их с тех пор таков ¹⁷.

После того как умер Урал
И в землю прах его превратился,
Могила вдруг его засияла;

Люди, что видели свет небывалый,
К могиле его сходились толпой,
Каждый землю трогал рукой,
Славя землю могилы той.
Постепенно на месте том
Золото залегло пластом.

Расплодились звери и птицы.
Не стало хватать воды, чтоб напиться
(Не пил из озер никто из людей).
Тогда к Иделю и Яику,
Нугуш-батыру и Сакмару,
Собравшись вместе, люди пришли
Со всех сторон уральской земли,
И, не в силах печали скрыть,
Стали спрашивать, как им быть.
Идель тогда в задумчивость впал,
Меч отцовский молча достал,
На Акбузата верного сел
Отовсюду народ собрал:
«Пока в воде, какую мы пьем,
Пока на земле, где все мы живем,
Злобные силы еще таятся,
Людам не обрести покоя —
Будут они своей тени бояться.
Против Шульгена войну откроем,
Избавим страну от врагов навсегда,
Будет тогда у людей вода,
Мир и покой придут навсегда».

Едва успел он слова те сказать,
Как Хумай появилась опять,
И так сказала ему Хумай:
«Егет, что от батыра рожден,
Будет ли робостью сокрушен?
Кто мог знать, что мужчина придет,
Который дорогу в море проложит,
Горы из поверженных дивов сложит,
Всю морскую воду иссушит,
Людей расселит на созданной суше?
Ни у кого, кто на свете живет,
Мыслей подобных не возникало;
Хоть остался лишь прах от Урала,
Все же меч его — он с тобой,
Акбузат — всегда под рукой;
Отец твой из дивов горы возвел,

Дороги остались там, где он шел,
Воду очистил от злых сил,
Страну воедино объединил,
Так, умирая, он завещал:
«Не надо воду из озера пить,
Жизнь свою понапрасну губить», —
Так перед смертью он сказал.
Если с Шульгеном войну начнешь,
Если даже его разобьешь,
Другой в озерах не станет вода;
Как материнское молоко,
Не вспоит страну никогда!»

Идель, услышав эти слова,
Задумался, сошел с седла,
Меч, который оставил Урал,
В руки могучие он взял,
На высокую гору взошел
И такие слова сказал:
«В руках отцовских алмазный меч
Мог змей и дивов-драконов сечь;
От Урала пришедший в мир,
Достоин ли имя носить — батыр,
Кто мужчиной меня назовет,
Если жаждой страдает народ
Без воды, без живительных рек?» —
Так промолвил Идель, и вот
Гору мечом он алмазным сечет;
Воды, белые, как серебро,
Заструились тотчас с горы,
Прохладные понесли дары.
Им путь преградила гора Яман-тау,
Которую когда-то Урал
Из туши Азраки создал;
Вновь размахнулся Идель что есть сил
И гору напололам разрубил.
Дальше устремилась река;
Гора, на которой Идель стоял,
Там, где весело он скакал,
Откуда, выбилась та река,
Название приняла — Иремель.
Клин горы, запрудившей реку,
Там, где Идель ее разрубил,
Кырыкты называться стал.
Иделем добытая вода
Название реки «Идель» приняла навсегда.

Каждый пил, воде этой рад;
И, следя за ее теченьем,
Счастья исполненный и волненья,
Песню такую пел, говорят:
«Иделем вырубленная река,
По долинам сухим потекла,
Сладка Идель и горька она,
Высушит всю твою печаль
И кровавые слезы до дна.

Пел песни народ о счастье и мире,
О славном сыне Урала-батыра,
Сладка Идель и горька она,
Высушит всю твою печаль
И кровавые слезы до дна ⁸¹.

Все в один голос его прославляли.
Высохли слезы, исчезли печали.

На берегах Идели-реки
Стал всюду расселяться народ,
Разводить там домашний скот;
Разрасталось число людей,
Становилось им все тесней,
Не хватать им стало земель,
Все сужалась река Идель.
Потом батыры вместе сошлись;
Батыры Яик, Нугуш и Сакмар
На поиски новых рек разбрелись.
Подобно Иделю, каждый из них
Мечом рубили земную твердь.
Три реки, из глубин земных
Вырвавшись, в стороны растеклись.
Четыре батыра народ пригласили,
На каждого из четырех поделили.
На долинах четырех рек
Стали строить они жилье,
Расселились там навек.
Батыров тех четырех имена
Четыре реки затем получили ¹⁹;
Во всех поколениях, во все времена
В сердцах потомков батыры те жили.

АКБУЗАТ

Давным-давно, говорят, это было. Когда умер отец, а мать исчезла куда-то, мальчик пяти-шести лет по имени Хаубан остался совсем один. Не в силах выполнять тяжелую работу, жил тем, что ходил из дома к дому, вымаливая милостыню; так подаяннем и существовал.

Однажды вышел Хаубан в поле. Шел он и радовался каждому роднику, словно озеру, кваканью лягушек, как свадебному гомону, а дикому луку и кислому щавелю — как праздничному угощению. Шел он так, и слышит звуки курая; направился в ту сторону, откуда они доносились. Пробираясь через трясины и топи, вышел, говорят, на долину реки Агидель. Там повстречал старика Тараула¹, что пас коров у Иргиз-бия². Тараул расспросил мальчика про житье-бытье, и Хаубан все как есть, от иголки до нитки, поведал ему о себе, начиная со смерти отца и кончая исчезновением матери. Выслушав рассказ Хаубана, старик проникся к мальчику сочувствием и жалостью, вздохнул глубоко и произнес:

— Дитя мое, и моя жизнь не сладка. А увижу таких, как ты, и сердце кровью обливается.

Долго сидел он молча, а потом стал неспешно готовить снасти.

— Пойдем, дитя мое, вон к тому озеру, может, поймем на петлю щуку.

Сказав так, он взял в одну руку снасти, в другую — кремневое ружье, и они вместе направились к озеру.

По дороге Тараул делился своими горестями:

— Жена у бия жадная, на целый день дает одну чашку кислого молока да головку курута. Разве этим сыт будешь? Вот и приходится стрелять птиц, ловить щук да на ночь закидывать переметы на сома. Если не позаботишься о себе, трудно прожить, дитя мое.

Мальчик шел рядом и все поглядывал на кремневку³.

— Эх, олатай, — не выдержал он наконец, — было бы у меня такое ружье, я бы тоже научился стрелять птиц и не ходил бы голодный.

Тараул ему:

— Так бы оно и было...

А сам подумал: «Неужели мальчик узнал оружие, когда-то принадлежавшее его отцу?»

— Дитя мое, отец твой был добрым охотником, очень метким стрелком. Помню, было у него хорошее кремневое ружье. Где оно теперь — кто знает.

— Да, у него была кремневка. Люди мне говорили, что, когда умер отец, моей матери не на что было купить даже холстину на саван. И она поменяла ружье на холст.

Старик Тараул вытер слезы и ответил так:

— Если у нее не было савана, она могла похоронить его, завернув в старье. Но, видно, решила похоронить по всем подобающим обычаям. Что было делать, ведь он был ей верным спутником, прожил с ней долгую жизнь.

Хаубан сказал:

— Ах, дедушка, что о том говорить! Что было, то было. Говорят, после смерти отца бедная мать не могла даже на седьмой или сороковой день поминки по нему справить⁴, и она пошла просить у людей помощи да так и не вернулась, пропала. Я тогда маленьким был и потому не знаю, как все происходило. Раз уж отца не стало, то хотя бы кремневка его осталась. Я бы тогда не бродил вот так, не зная, как быть и чем заняться. Научился бы охотиться на зверей и птиц.

Услышав от мальчика такие слова, старик долго шел молча, о чем-то размышлял. Потом остановился вдруг, как человек, решившийся на что-то.

— Дитя мое, мне уже шестьдесят. Еще столько же мне не прожить. А ты еще мал, незачем тебе маяться по свету. На, отдаю тебе эту кремневку — храни как память. Никому не говори, у кого взял, — такое ружье одно на весь Урал. — И с теми словами отдал ружье Хаубану. От радости тот не знал, что и делать, долго, рассказывают, благодарил старика Тараула. Поймали они на петлю щуку в озере, сварили ее, поели и прилегли отдохнуть под прибрежным кустом. А когда день уже клонился к вечеру, попрощались и разошлись в разные стороны.

День за днем, месяц за месяцем, год за годом подрастал Хаубан, достиг семнадцати-восемнадцати лет и стал охотиться с кремневкой, подаренной стариком Тараулом.

Однажды шел он берегом озера и видит: золотая утка плавает. Не задумываясь, прицелился он и подстрелил ее. Потом подплыл и стал подводить утку к берегу. И тут утка заговорила человеческим голосом:

Егет мой, дичь, что подбита тобой,
Вовсе не утка — дочь я царя
Шульгена. Здесь ночью порой
Резвилась, плавала я;
Царь безмерно любит меня.
Умоляю тебя, егет,
Меня с водою не разлучай,
Душу хрупкую, как у мотылька,
Этой радости не лишай.
Что захочешь — возьмешь с лихвой,
Не чини лишь зло надо мной.
Скота ль пожелаешь — в тот же час
Его отец мой тебе отдаст.

Услыхав те слова, Хаубан подплыл ближе к берегу, до того места, где можно было дно достать, и остановился в растерянности, не зная, что ответить. А так как утка продолжала его умолять, он стал ей объяснять свое положение:

И мать, и отец всю жизнь свою
Нищими были в родном краю.
Их теперь на земле уже нет.
Я голодаю с младенческих лет —
Что я мог знать, кроме горя и бед?
Куда деваться сироте?
Рос, рожденный в недобрый час,
В унижении и нищете.
Вот сегодня мне в первый раз
Посчастливилось дичь добыть,
Так отпущу ли тебя сейчас,
Хоть и стремишься ты уплыть?

Утка ответила ему так:

— Дворец, высотой с гору Иремель,
Золота полон и дивных камней;
В несметных пасутся табунах
Кони самых разных мастей.
Батыров, дыханием одним
Способных горы разворотить,
Чьи шеи мечу не перерубить,
Заставил себе одному служить —
Мой отец, благородный царь.
Есть любимый конь у отца —
Всех табунов живая краса;
Всех сокровищ дороже он,
Нет лучше друга в беде, чем он.

Огонь добудет, коль нет огня,
Нет воды — проси у коня,
Одолеть надо бездну вод —
Словно птица, перенесет.
Как белоснежный шелк, его грива
С легким сероватым отливом;
Ноги тонкие, словно шило,
Вдеты в чаши круглых копыт;
Уши — словно две камышинки,
Медью каждый зрачок горит;
Узок в теле, в холке высок,
Как щука, взрезает любой поток,
Морда ястреба, ветер в ноздрах,
Двойные резцы в коренных зубах,
Нижняя челюсть заострена,
Челки по обе стороны лба —
Вот каким одарю конем.
Тогда ты на Урале своем,
Я же — в царстве своем родном
Жизнь счастливую поведем.

Выслушал Хаубан эти слова и ответил так:

— Сладкоречьем обманут не раз
Оставался один я, бывало.
В чудесный не верю я твой рассказ —
Лучше б меня ты им не прельщала.

Утка ему ответила:

Это я-то — дочь царя —
Стану обманывать тебя?
Пожалев богатства свои,
Смерть найду ль от твоей земли?
Озеро — это родной мой дом;
Птицей златою живу я в нем.
Стоит солнцу взойти, и тогда
Выбираюсь снова сюда.
Если возьмешь меня с собой,
Жизни сразу же я лишусь;
А к себе понесешь домой —
В пищу негодную превращусь.
Есть у тебя лишь два пути —
Один из них ты должен избрать.
Если ж выбор не сделаешь ты,
Будешь потом себя проклинять.
Отпусти же, егет, меня, а сам,
Не оглядываясь, уходи.

Разномастными табунами
Выйдут лошади — ты их подожди!
Стадо недоенных коров
Выйдет на берег без телят,
Отары блеющих овец
Вслед за' коровами запылят.
Рассекая озерную гладь,
Вызвав бурю над всей землей,
Выйдет царь табунов Акбузат
За' многомастной скотиною той.
Если холку его погладишь,
Он с тобою заговорит,
Все благие пожеланья
Он исполнит твои, егет.
Плетка подвешена к ободку
Позолоченного седла;
Из кожи болгарской сплетены
Позолоченные удила.
Вместе накрепко скреплены
На коне подпруга и потник,
Чтоб не упали со спины,
Подогнаны надежно и плотно.
При виде молодой травы
К ней, не спросясь тебя, уйдет.
Подпалишь волос — на этот зов⁵
В мгновение ока к тебе придет.
Коль даже исчезнет весь твой скот,
Останется Акбузат с тобой,
Будет другом' в беде любой,
Соратником будет в битве крутой.
А теперь, егет, отпусти,
Дам своим я должный наказ.
Знай: лишь только в царстве воды
Может счастливо жить Нэркэс.

Хаубан на это сказал так:

Красавица, выслушал я тебя.
Вот что я скажу от себя:
А не лучше ль, если вдвоем
Акбузата мы подождем?
Скажешь: тяжело, мол, от жары —
Я водой наполню сарык.
От горячего солнца храня,
В том сарыке я спрячу тебя.
Если правду сказала ты,
Отпустить я тебя готов,

Быть счастливой в царстве воды
Пожелать я тебе готов.

На это утка ответила:

Пока я в озеро не погружусь,
Пока отцу не покажусь,
На зов мой с этой тверди земной
Не поднимется на берег скот.
А возьмешь ты меня с собой,
Пользы не будет тебе никакой,
Во мне красоту найдет ли твой взгляд,
Если на мне мой птичий наряд?
Обнять захочешь меня — и что ж? —
Комочек серый в объятых найдешь.
На земле потеряю я цвет,
Перестану красавицей быть.
Ты, рожденный землею, егет,
Будешь вечно лишь землю любить.
А водяная дева — она
Из пламени и лучей создана.
Солнце греть тебя будет; меня —
Как масло, растопит жаром огня.
Даже капля моя одна
Землю ядом иссушит до дна.

Внимательно выслушал Хаубан эти слова и поверил утке, отпустил ее, а сам, как она велела, пошел прочь от озера, не оглядываясь назад.

Отошел он немного, и вот слышит за спиной ржание многочисленных лошадей, мычание коров, блеяние овец. Потом вдруг подул сильный ветер, буря поднялась. Тяжко стало идти Хаубану. Растерялся он, не зная, что делать, как поступить. В конце концов, не выдержал, оглянулся. Смотрит, и глазам своим не верит: всю степь табуны покрыли, застлали стада и отары; а из воды все продолжали и продолжали выходить кони, коровы и овцы. Когда Хаубан оглянулся, Акбузат только-только высунул из воды шею. Увидев, что егет оглянулся, белогривый конь вновь скрылся в озере. И все табуны, стада и отары, топча и давя друг друга, тоже ушли в воду.

И утихла свирепая буря. Вернулся к берегу Хаубан и сел на землю. Кругом были тишина и покой.

С горестным чувством пришел Хаубан на яйляу, видит — кибитки и юрты все перевернуты. Люди — старые и молодые, девушки, юноши и подростки — вместе все собрались: чуду дивятся. К ним, опираясь на пал-

ку, перекинув через плечо свой длинный кнут, подошел, говорят, старик Тараул и произнес:

— Разметал ветер мое стадо по всей степи. Искал я его, искал, не нашел, вот и к вам завернул.

А тут и Хаубан подоспел. Послушал он пересуды стариков и говорит:

— Дедушка, что это была за буря? Такой никто и не слыхивал, и не видывал никогда.

И старик ему ответил так:

— Сынок, на свете много тайн. Такой бури на веку моем не было, только от дедов я о ней и слышал. Говорили так: когда-то весь мир водою был затоплен. В наших местах не было ни людей, ни зверей, и не проступили еще даже Уральские горы; жили здесь дивы, и правил водяной падишах Шульген. Вот тогда появился батыр по имени Урал, и пошел он на страшных дивов да злого падишаха войной. Там, где проходил его конь Акбузат, вырастали горы Уральские; там, где дивов уничтожал, воды высыхали и выступали горные хребты. Видит водяной царь: не одолеть ему могучего батыра, отыскал в озере бездонный омут, да и нырнул в него. Сказывают, нет в том озере дна, слилось оно с подземным морем. Потому-то и не смог Урал-батыр достать водяного падишаха, которого звали Шульгеном. Потому и озеро стали называть Шульген. А когда Урал умер, Шульген велел похитить его тулпара Акбузата. Когда же не стало и сыновей Урала, вовсе осмелел Шульген и начал время от времени выезжать из своего омута на Акбузате. Рассказывали, когда Акбузат вспоминал своего бывшего хозяина и славных его сыновей-батыров и, встрепенувшись, бил крылами, тогда поднималась буря, да такая, что и горам не устоять. Вот и думаю я: уж не крылья ли того коня подняли и ныне такой ураган?

Тут Хаубан окончательно убедился в том, что девушка-утка говорила ему правду. Однако ни старику Тараулу, ни кому другому ни о чем рассказывать не стал, боясь, как бы не подумали, что это именно он, бестолковый, во всем виноват.

Когда старик умолк и собирался уйти, Хаубан его остановил.

— Дедушка, скажи, кто ты такой?

Тот рассказал о себе, и Хаубан вспомнил: это был Тараул! И спросил он старика:

— А меня ты не узнаешь?

— Нет, сынок, что-то не припомню. Плохи стали

мои глаза, — вздохнул тот. Но, приглядевшись внимательнее, продолжал: — По виду, вроде бы похож на ир-егета, уж не отпрыск ли ты Сура-батыра?

Тогда Хаубан назвал себя и напомнил о том, что Тараул подарил ему свое кремневое ружье. Старик в слезах обнял Хаубана.

— Ах, сынок ты мой! Сура-батыр был настоящим львом. При нем водяной царь не смел и ступить на сушу... А цела ли кремневка?

— Цела, дедушка, я берегу ее пуще самого себя. Вот она, — ответил Хаубан, показывая старинное ружье.

Старик бережно взял его в руки, поцеловал и снова вернул Хаубану.

— Сын мой, когда я дарил тебе эту кремневку, ты был еще ребенком. И потому скрыл я от тебя одну тайну. Ружье это принадлежало твоему отцу. Память, оставшаяся от сыновей Урал-батыра. Водяной царь Шульген только его и боится. Храни же его вечно и никому о нем не говори.

Простились они, и пошел старик своей дорогой. О золотой утке Хаубан так ничего и не сказал ни старику, ни другим людям.

Долго после этого подкарауливал Хаубан золотую утку. Месяцы прошли, годы. Хаубан не раз ночевал на берегу озера, но желанную птицу так и не увидел. Настреляв дичи, он приносил старику Тараулу и все молчал про заветную золотую утку. И вот однажды — слово за слово — попросил Хаубан старика рассказать ему о владыке озера.

Вот что тот поведал:

— Я не знаю человека, который бы собственными глазами видел Шульгена-батшу, выходящего из своего озера. Встретил я как-то на берегу женщину. Она и говорит: «Приметила я, что на четырнадцатые сутки каждого месяца, в полнолуние, не иначе как дочери джинов появляются на озере в одеянии голубей, играют и плещутся». И еще добавила: мол, в прежние времена тоже такое рассказывали.

— Что это за женщина? — спросил Хаубан.

— Говорят, присматривала за детьми Масем-хана, — отвечал старик Тараул. — Сказывала: когда дочь хана пошла купаться к этому озеру, меня послали за ней присматривать. Вдруг в мгновение ока девушка куда-то исчезла. Хан узнал об этом и велел мне идти обратно и не возвращаться домой без его дочери —

лучше у озера умереть, но не отходить от него ни на шаг. С тех пор, мол, хожу тут, изнемогаю от голода. — Так рассказала мне тогда та женщина, обливаясь кровавыми слезами. С тех пор прошло много лет.

Хаубан хорошо запомнил все, что сказал ему старик Тараул. Расставшись с ним, он стал ждать четырнадцатой ночи месяца. Когда она наступила, он пошел на берег озера. Ночь была безоблачная, тихая, ничто не нарушало этой тишины. Какое-то время егет лежал притаившись. Подполз Хаубан ближе, взгляделся: вовсе не утка, а сидит на золотом троне какая-то девушка, волосы расчесывает, а вокруг нее летают, резвясь, сизые голуби. Незаметно подкрался Хаубан и схватил девушку за волосы, накрутил их на руку. Не выпуская косу, сказал:

— Красавица сыграла шутку —
Предстала девой, а не уткой.

Девушка та оказалась дочерью водяного царя. Обратилась она к Хаубану:

— Как сумел ты меня опять
В час полуночный отыскать?
Ведь столько стражников за мной
Следили, храня в ночи мой покой.
Отпусти мои косы, пожалуйста,
Видишь, делом я занята!
Улетели голубки мои —
Злую весть домой понесли:
Узнает отец проделки твои —
Не сносить тебе головы!

Хаубан на это ответил:

— Красавица, имя свое открой,
С любовью буду произносить.
Не лучше ль вместе уйти со мной,
Чтобы семьей одною зажить?

И вот какие слова услышал он от девушки:

— Ах, егет мой, прошу не шуми,
Любопытство свое уйми,
Даже домой вернувшись, молчи
Про то, что с тобою виделись мы.
Не буду равною я тебе —
Не пытайся жениться на мне;
Не принуждай меня жить с тобой,
Не отрывай от воды родной:

Не будет мне ровней егет земной —
Мне, что соткана из лучей;
Девушкам, что во дворцах росли,
Не пристало жить средь людей.
Слов не трать понапрасну, егет!
Если весть до отца дойдет,
В пыль страну он твою обратит,
Истребит человеческий род.

Услышав это, так сказал Хаубан девушке:

— Я тебя так долго искал,
Полнолуния каждого ждал.
Не отпущу я тебя опять,
Хоть будешь потоки слез проливать.
Знай, егетом не зря я зовусь,
Угроз отца твоего не боюсь.
Не дрогнут от угроз хвастуна
Сердце батыра, его страна.
Коль даже битву отец твой начнет,
Не стану в страхе пятиться я.
Знаю: мой край, что зовется Урал,
Одного не оставит меня!

Услыхав такие слова, задумалась девушка. «Что это за егет, который не испугался даже могущества и славы моего отца?» — дивилась она. Потом сказала Хаубану такие слова:

— Так себя превозносишь ты,
Словно горные рубишь хребты.
Если б знал ты дивов отца,
Стерегищих покои дворца!
В прошлый раз табуны лошадей,
Мой егет, я тебе отдала.
Лучшего из отцовских коней —
Акбузата наверх подняла.
Выбираясь, лошади ржали,
Овцы блеяли, коровы мычали,
Слившись вместе, из бездны вод
Шли степенно, как ханский скот.
А за всеми с пронзительным ржаньем,
Торопясь с тобой на свиданье,
Акбузат копытами бил.
Гладь озерную рассекая,
Табуны и стада подгоняя,
Надежной опорой для всех он был.
От бури, которую вызвал он,

Содрогнулсѧ весь Урал-тау;
И, когда не устояв,
Упал на спину ты, молодец,
Акбузат, от досады заржав,
Вновь вернулся к нам во дворец.
Кто такой ты, чтоб угрожать
Падишаху, чье имя Шульген?
Он тулпара сумел оседлать,
Он всех дивов сумел собрать,
Он всех тварей в своих руках
Держит, вечный внушая страх.

На это Хаубан ответил:

Если здесь твой отец собрал
Всех пярив и дивов подряд,
Если ветра неистовый шквал
Может вызвать его Акбузат,
Знай, что сердце не задрожит
У меня как осиновый лист!
Коль див двенадцатиглавый твой
Битвою против нас пойдет,
Если край мой кровью зальет, —
Все ж я отца твоего не побоюсь,
От цели своей не отступлюсь!
Некогда от батыра Суры
Тоже батыром родился я.
Защищать сирот от врага
Перед всеми поклялся я.
Ты, красавица, не возносись,
Что глубоко у озера дно,
Что отец твой — владыка вод —
Собрал драконов всех заодно.
Если слезы уральских сирот
Разольются — озерам быть;
Если могилы батыров разрыть —
От горючего праха их
Раскаленным пустыням быть.
Где, привыкшая жить в воде,
Ты обитель найдешь себе?
Коль озеро Шульгена иссохнет, тогда
Дивам двуглавым придет беда —
Бездонные омуты где им найти?
Жить спокойно с дивами тут
Твоему отцу не дадут:
Вдаль растянувшийся мой Урал,
Идель, бегущая среди скал,

Чистые воды несущий Яик —
Не позволят им мирно жить,
Злодеянья свои чинить.

Услыхав от Хаубана такие слова, испугалась девушка и ответила ему так:

— Пусть по-твоему будет, егет!
Клятву такую тебе я дам:
Возьму тебя я в свою страну —
Отец-падишах проживает там;
Чем воевать меж собою нам,
Что пожелаешь, то и отдам.
Во дворце золотом постелю
Перины пуховые тебе.
Попроси лишь — и подарю
Все, что пожелаешь, тебе.
По стране походишь моей,
Осмотришь дворец в красе его всей,
Коль полюблюсь — Нэркэс назови,
Сколько захочешь, у нас живи.
А не по сердцу станет у нас,
Уйти захочешь в урочный час,
Станешь томиться нашим дворцом,
Девушкой Нэркэс, ее красотой,
На Акбузата сядешь верхом,
Увлеченный земною мечтой,
На Урал унесешься свой.

Из слов девушки Хаубан узнал, что зовут ее Нэркэс. Чтобы убедиться в том, что она слова своего не нарушит, он заставил ее поклясться еще раз. Потом Нэркэс велела ему закрыть глаза, затем открыть, и Хаубан увидел себя в золотом дворце.

Несколько дней подряд гостил, говорят, егет в том чудном дворце. Прекрасные девушки угощали его, пели ему песни. Но не мог Хаубан ни есть, ни пить. Видела Нэркэс: грустит Хаубан, покоя себе не находит; пошла к отцу и рассказала ему все — от начала и до конца. И говорила она ему так:

— С детства обителью было мне
Озеро, что зовется Шульген.
Я беспечно в нем жила,
Забот не ведая, жизнь вела.

До своих восемнадцати лет
Охотников многих встречала я,
Многие целились в меня,
Но даже самый меткий стрелок
Попасть стрелою в меня не мог.
Коль шубой уточки золотой
Укрывалась я над водой,
Ни один сокол меня не мог
Высмотреть. Даже ветерок,
Чтоб мои волосы обласкать,
Сквозь черноголовый камыш
Не мог прохода себе отыскать.
Не моглимышь или выдра узнать,
Где мой тайный находится плес.
Но случиться беде привелось:
Ранили меня, когда уткой была;
Когда меня ласкала волна
В лунных лучах, поймали меня.
На земле бы я умерла —
Слово давши, себя спасла —
Честью твоею клятву дала:
До кровопролитья не доводить.
Обещала егету отдать
Все, что может он пожелать.
Нашим другом, пойми, отец,
Он вошел ко мне во дворец.
Связана клятвой с ним я большой,
И верна той клятве душой —
Молви слово свое без обид,
Что достойно щедрой души:
Батыр-мэргэн пред тобой стоит,
Честь по заслугам ему окажи.
То, что батыру по душе,
Преподнеси ему. А нет,
Если скупость затмит тебе свет,
В его страну уйду я к нему.

Услышав от дочери такие слова, удивился поначалу падишах, затем надолго задумался. И размышлял он над тем, как избавиться от нежданного гостя. Наконец сказал такие слова:

— Эта прогулка твоя, видать,
Оказалась не в добрый час.
Никто в стране не рождался у нас,
Чтобы в царскую дочь стрелять.

Чтоб косы златые увидеть твои,
Очи сверкающие твои, —
Подобных отчаянных людей
Не рождалось от матерей.
Стóбит егета убить твоего,
На куски его искрошить,
И мы избавимся от него;
Тогда на тех берегах опять
Никто не станет тебе досаждать,
Не найдется души такой,
Чтобы метить в тебя стрелой.

Услышав такие слова, девушка решила смягчить суровое сердце отца и сказала ему так:

— Отец мой, он явился сюда
Потому что словам моим внял.
Он за утку прїнял меня,
Когда из лука в меня стрелял.
А во второй раз отыскав,
Нежно руками меня обвил.
До сих пор этих рук тепло
Позабыть у меня нет сил.
Если прольется батыра кровь,
Скорчится в судорогах тело мое;
От его нежных и ласковых слов
Разорвется сердце мое.
Молю, на жизнь его не посягай, —
За него отомстит Урал.
Карымту объявит Урал —
Обращаюсь к тебе с мольбой:
На престол он не метит твой.
Тот, кто золото просит иль скот,
Разве тем на престол посягнет?
Если за дочь ты меня признаешь,
Кровь батыра вовек не прольешь;
Беззащитного гостя убив,
Славу дурную себе наживешь.
Акбузата егету отдай,
Удальство его испытай:
Если сможет коня удержать,
Пусть на Урал уезжает, в свой край.

Услышав мольбы дочери своей, вновь надолго задумался падишах. Потом собрал своих ближайших визирей, пригласил двенадцатиглавого дива по имени Кахкаха и попросил у него совета. И такой совет дал ему Кахкаха:

— Если коня заберет человек,
Ты мѳщи своей лишишься навек.
Без такого коня тотчас
Ты потеряешь царскую власть.
Твой одноглавый аждаха
Бусинкой станет для Хаубана;
Твой двуглавый аждаха
Мешочком лишь станет для Хаубана.
Твой трехглавый аждаха
Ему покажется турсуком;
Қахкаха же, что служит царю,
Ему покажется барсуком.
Владыка, вот мой тебе совет:
Много девушек здесь земных;
Даже краше Нэркэс среди них —
Дочь Масем-хана. С ней гостя к утру
Сведи — он коня позабудет,
Жадно бросив тебе: «Беру!» —
Всю жизнь влюбленным в нее пребудет.

Царю понравился совет Қахкахи, и он решил на-
править Хаубана вместе с дочерью во дворец, где про-
живали похищенные земные девушки.

Подводный падишах подозвал к себе Нэркэс и ска-
зал ей такие слова:

— Желанья да сбудутся твои:
Все, что хочет егет, отдам.
Чтобы честь твою не ронять,
Пусть наши богатства осмотрит сам.
Поведи его во дворец,
Дворцовых девушек покажи,
Пусть утешится молодѳц,
Утолит всю жажду души.

Повинуясь воле отца, Нэркэс показала Хаубану все
дворцы, потом прошли они через сад и остановились
еще перед одним чудесным золотым дворцом. И так
сказала царевна своему земному гостю:

— Егет мой, в том золотом дворце —
Славный тулпар наш Акбузат.
Увидев тебя, он призывно заржет,
Прежде воздух втянув ноздрями;
Ты же в упор на него гляди.
К тебе подойдет он, встав на дыбы,
Но ты не робей — продолжай стоять.
Если захочет лягнуть ногой,

Ты по крупу его погладь;
Ушами запрядает — ты ему
Улыбнись — мол, батыр я земной.
Когда приблизится он к тебе —
Ты его погладь по спине.
Вырви из гривы три волоска,
На руку намотай себе;
Два других волоска — из хвоста —
На ногу намотаешь себе.

И, сказав так, Нэркэс открыла, говорят, ворота дворца и впустила Хаубана к Акбузату.

Увидев Хаубана, Акбузат поднялся на дыбы и, втянув воздух, заржал пронзительно.

Но не дрогнул егет, не испугался, только внимательно взглянул прямо в отливающие медью глаза Акбузата, и тот, мотая головой, отошел в сторону и начал злобно бить землю передними копытами. Услышав их удары, дивы пришли к нему на помощь. Акбузат с яростью подскочил к Хаубану, замотал головой и хотел ударить его передними ногами. Но Хаубан и тут не испугался — смело шагнул навстречу коню. Не добившись желаемого, повернулся Акбузат, чтобы лягнуть его задними ногами, но Хаубан ласково потрепал его по крупу. Прижав уши, Акбузат хотел было прыгнуть на батыра, но тот, взглянув прямо в глаза коню, промолвил:

— Объездил не одного жеребца
Я, Хаубан, чья страна — Урал.
Коней, что не любят батыров, я
Резал и мясо их съедал.
Нэркэс, что неуязвима для стрел,
Я, меткий мэргэн, подбить сумел;
Страну Урал, человечесий кров
Я, Хаубан, берегу от врагов!

И тогда Акбузат присмирел, говорят.

Видя такое, дивы стали один за другим выползать из дворца. Познав богатырство Хаубана и оставшись с ним наедине, Акбузат подошел к нему и склонил голову, говорят. Увидев это, Хаубан поверил всему, что говорила ему Нэркэс. Когда он выдернул волоски из гривы и хвоста коня, тот сказал ему так:

— Если ты земной батыр,
Если зовут Хаубаном тебя,

То я среди табунов — тулпар,
Средь лошадей самый первый я.
Если меч ты в руки возьмешь,
Грива придаст тебе смелость и мощь;
Прискачу при зове одном,
Буду в битвах верным конем.

Сказал так Акбузат и, признав Хаубана батыром, стал к нему ласкаться, прядая ушами. Хаубан потрепал коня по спине и вышел из дворца.

Нэркэс ждала его и, увидев егета целым и невредимым, молча улыбнулась, всем видом своим обнаруживая радость. Потом она пригласила его в тот дворец, где жили земные девушки. У ворот дворца она поучала его так, говорят:

— Много девушек тут земных,
Много красавиц среди них.
Начнешь красавицу выбирать —
Не сможешь перед одной устоять:
С ямочками на обеих щеках,
Брови черные — тонкой дугой;
Сквозь завесу длинных ресниц
Взор блеснет ее озорной;
Как у сокола, выгнута грудь,
Косы заплетены узлом;
Зубы, жемчугами горя,
Сквозь улыбку нежно сквозят, —
Такая девушка будет там.
В стане тонкая, как пчела;
Нет прекрасней ее чела.
Звать ту девушку Айхылу;
Дочка Масем-хана, она
С Урала когда-то похищена.
Коль полюбится, у отца
Попроси ее — он отдаст.
На Урал ее увезешь,
К отцу Масем-хану поведешь,
Зятем станешь, почет обретешь.
Но про то, егет, не забудь,
Что секрет в этом есть большой:
Только выйдешь ты из дворца,
Так появится пред тобой
Женщина старая — убыр-карсык;
Будет всяко тебя ублажать,
Будет всяко тебе угождать:
Ты не давай ей коснуться руки,

Обтереть не давай ноги.
Если сделаешь, как скажу,
Выйдешь к озерному камышу,
Волос, что из хвоста, подпали —
И, гриву светлую распластав,
Акбузат прискачет к тебе —
Уводи и его к себе.

Услышав от девушки такие слова, удивился Хаубан и, взглянув на свою спутницу, ответил ей так:

— Тайну, что и отцу не скажут,
Ты открыла, красавица, мне.
Что свято хранят в твоей стране,
Ты, красавица, вверила мне.
Может, друга во мне признав,
Ты решила мне все сказать?
Иль любимым желая признать,
Так хотела меня испытать?
Не утаивая ничего,
Скажи откровенно слово свое!
А если я люблю тебя,
Что тогда мне пошлет судьба?
Лучезарна луна оттого,
Что солнце ласкает ее чело;
В поцелуе нуждается ли цветок,
Если он под солнцем цветет?
Думаю, так же и Айхылу:
Улыбка ее потому нежна
И душа потому светла,
Что подобна луне она.

Услышав это, задумалась Нэркэс, а потом сказала так:

— Егет, последнее слово к тебе:
Не буду твоей я, ты это знай.
Батыру, живущему на земле,
Отец свою дочь не отдаст... Прощай!
Есть у меня любимый жених,
Равный мне, храбрый среди других.
Тайну умеет он хранить —
В этом смог он меня убедить.
Его не покину никогда,
Имени не скажу никому —
Имя любимого навсегда
К сердцу привязано моему.

Ни единым словом не стал возражать ей Хаубан, и Нэркэс отпустила его во дворец, где проживали земные девушки.

Вошел батыр в покои дворца, окинул находившихся в нем взглядом, о здоровье справился. Среди прочих выделялась своей несравненной красотой девушка по имени Айхылу. Подошла она к Хаубану и такие слова промолвила:

— Все в тебе говорит, мой егет,
Что явился ты с тверди земной.
Как, все преграды преодолев,
Угодил в этот край чужой?
Бросив девушек озорных,
Которыми славен наш Урал,
Зачем нашел нас, полуживых,
Тех, кто телом и ликом вял?
Не иссохло ль озеро Шульген,
Батшу не тронул ли смерти тлен?
Иль от обилья пролитых слез
Море по миру разлилось?
Перевелись ли богатыри
На Урале моем родном,
Чтобы в седлах с мечом в руке
С кровожадным сразиться врагом?
Иль они превратились в рыб?
Молодые ль батыры пришли,
Что, купаясь в отцовской крови,
В молоке стонущих матерей
Львиное сердце обрели?
Научились дивов свергать,
Шульген-озеро переплывать?
С Урала ль, что в горе изнемог,
Такие сюда явились мужи,
Достойные материнских сердец,
Отцовской достойные души?

На эти слова Айхылу Хаубан ответил так:

— В озерах, где лягушки урчат,
Может ли батыр утонуть?
Тот же, кто брюхо набить лишь рад,
Кто ночью храпит в полную грудь,
Кто смешит на Урале льстиво
Девушек, без того смешливых,
Кто в безобидных пташек стреляет
И ими всех потом угощает,

Кто на коне красуется том,
На котором даже младенец
Без боязни проскачет верхом,
Кто, вспоров кирэгэ, похищает
Девушек и потом их ласкает,
Кто, забравшись подальше в лес,
Тайком от всех запекает песнь.
Разве такого парня народ
Добрым батыром своим назовет?
Когда красавицы Уральских гор
Томятся во дворце под водой,
Стонут в оковах, объаты тоской, —
Будет ли сыном Урала тот,
Кто те оковы с них не сорвет?

Услышав эти слова Хаубана, все девушки, обливаясь горючими слезами, окружили его тесным кольцом. Жалея невольниц, Хаубан и сам заплакал, стараясь не показывать своих слез. Потом Хаубан простился с девушками и вышел из дворца.

Едва переступил он за порог, подступилась к нему какая-то старуха и сказала так:

— Видно, ты настоящий егет,
Если на Шульген-озере был,
Утку златую подстрелил,
В царский дворец потом явился,
Здесьней царевне полюбился.
Только есть у нее жених —
Не полюбит она других.
Я тебя хитрости научу:
На руку мою положи свою —
И могущество обретешь,
Царство подводное разобьешь,
Разнесешь дворец жениха
И невесту себе заберешь —
Дай лишь ногу поцеловать
И силу смогу я тебе передать.

Не подавая ей руки, задумался Хаубан. Долго думал-гадал он, где же тут правда: в словах Нэркэс или в том, что сказала старуха. Потом решил пойти к Айхылу, чтобы спросить у нее про старуху, но не смог открыть ворота дворца. И все же он сделал так, как обещал Нэркэс — ни руки, ни ноги его не коснулась старуха. Видя, что егет собирается уйти, сказала ему старуха такие слова:

— Егет, батыр ты, я погляжу,
Но непонятлив — так я сужу.
С красавицей сравниваешь меня,
Что золотом обвешена вся,
Жемчугами украшена вся;
Чьих ресниц не коснулась слеза,
Кого ни ветер не бил, ни дождь,
Кто не ведал бед никаких,
Кто не считается с честью других,
Чьих слез много она пролила
И радость от этого нашла;
Кто с ярким солнцем равняет себя,
Кто с черной землей равняет тебя.
Иль думаешь, просто так мои щеки,
Что алыми были, теперь иссохли?
Хоть и зорки глаза у тебя,
Но душа, погляжу, слепа.
Та, что ест из жемчужного блюда,
Спит в пуховой мягкой постели,
Дни напролет среди цветов резвится, —
Разве может со мной сравниться?
Коль мне поверишь — все счастье твое,
А не поверишь — лишь часть его.

Долго думал Хаубан над этими словами, потом по-
дошел к старухе и начал ее расспрашивать:

— Бабушка, изможденный твой вид
О горьких страданиях говорит.
Слова, что от самого сердца идут,
За душу человека берут.
Одинок я в этой стране.
Мать, свою тайну поведай мне!

И старуха сказала Хаубану:

— Мужчине лукавому тайну открыть —
Взять на душу грех и глупой прослыть.
Трусливому себя доверять —
Голову под топор подставлять.
Если к руке я твоей прикоснусь,
Сердце мое все расскажет тебе.
Если к ногам я твоим прикоснусь,
Вся тайна раскроется тебе.
Должна я молчать. Коль скажу — в тот же
миг
Падишах мне отрежет язык.

В раздумье и нерешительности стоял Хаубан, не зная, что предпринять. Но тут показалась Нэркэс, увидев которую, старуха отошла в сторону. Подойдя к Хаубану, Нэркэс сказала так:

— Пойдем, егет, не опоздай,
О том, что сказала я, не забывай!
Отец давно тебя ожидает,
На царском троне своем восседаю.
Когда он место предложит тебе,
Справа ты от него садись.
Когда питье предложит тебе,
Левой рукой за чашку берись.
Еду же двумя руками прими,
Коль нож подаст — правой возьми.
Зорко взглянет он на тебя
И ласково улыбнется тотчас —
Ты же не улыбайся в ответ,
Только правый прищурь свой глаз.
Будет сидеть он, руки сложив,
Вытянет правую ногу притом;
Ты же как ни в чем не бывало
Лежи себе, развалясь устало.
Когда он в руки возьмет клинок,
Води в зубах себе ковырялом.
Руку протянет — откинись чуток;
Дворец задрожит — ты не пугайся,
Лежи спокойно и улыбайся.
Если сделаешь, как сказала,
То и ты, и Айхылу
Окажетесь на земле Урала.

И Хаубан с ней согласился, но спросил, перебив Нэркэс:

— Открой мне, красавица,
В чем тут секрет:
Обычай ли это
Иль чей-то завет?

Услышав такой вопрос, переменилась Нэркэс в лице, пристально взглянула на Хаубана и, обняв, поцеловала его в губы. Слезы заструились из ее глаз, говорят.

Тут сон нашел на Хаубана, глаза он открыл от солнечных лучей, но не увидел перед собой ни Нэркэс, ни дворцов, говорят. Не было ли все это простым наваждением, подумал он. Огляделся он по сторонам и увидел

неподалеку от себя на берегу озера Акбузата, прядящего ушами. А увидев возле него сидящую на траве Айхылу, удивился еще больше. «Наверное, Нэркэс обиделась на меня и не повела меня к своему отцу. Но как оказались здесь Акбузат и эта девушка? Ведь не вызывал я коня, подпалив волос!» Пока он думал так в растерянности, подошел к Хаубану Акбузат и сказал так:

— Если бы Нэркэс не расспрашивал ты,
Был бы уже в царском дворце,
Стал бы властителем всей воды,
Убив царя. И в твоём лице
Царь новый предстал бы в этом краю;
С Нэркэс бы справил свадьбу свою.
Стоило руку старухе подать —
В ней свою опознал бы мать.
А дал бы ногу поцеловать —
Тайну смерти узнал бы отца.
А с красавицей Айхылу
Разлучился бы навсегда.

Сильно подивился тому Хаубан. Не понимая, в чем тут дело, стал расспрашивать о том Акбузата. Тот объяснил ему так, говорят:

— Коль муж ты, способный на мне усидеть,
К любым напастям готовым будь,
Куда б ни пошел ты, запомни впредь:
Не будь разиней — бдительным будь!
Не слишком надейся, что сердце той,
Которую любишь, будет всегда
Настежь распахнуто перед тобой.
Остынет к тебе и станет чужой,
Настрадаешься вдоволь тогда.

Услыхав такие слова Акбузата, сильно опечалилась Айхылу, но ни егету, ни коню не подала виду, говорят. Поправив поводья, Хаубан вскочил на Акбузата и подзвал к себе Айхылу. Так вдвоем отправились они ко дворцу Масем-хана. Когда приблизились ко дворцу хана, спросил Хаубан у девушки: «Вместе войдем или врозь?»

И Айхылу так ответила, говорят:

— Ах, егет, я в смятении вся,
Своим не могу поверить глазам —
Неужели на воле я?
Можно ль поверить — подумай сам!

Что и ответить, не знаю, тебе
На вопрос, что мне задал ты.
Мнится мне: хоть чуть-чуть отойду —
И опять попаду в беду,
Вновь возьмет меня враг в полон.
Если скажу: «Вместе пойдем», —
Боюсь, во дворце у нас примут тебя
За злодея, что похитил меня.

На эти слова Хаубан ответил так:

— Пока голова у меня цела,
Враг никакой не похитит тебя.
Коль вместе к отцу твоему подойдем,
Разве вину он усмотрит в том?
Но все же сначала иди ты одна —
Ему обо всем рассказать ты должна.
Пусть сам услышит он все от тебя,
Сам решает, кто друг, кто враг.
Коль хватит смелости у него,
Пусть призовет свою страну
И Шульгену объявит войну.
Я же позднее приеду сюда
(Лишь только узнаю решение отца,
Когда батыров он соберет),
Чтоб с барымтою идти в поход.

И тогда Айхылу решила одна возвращаться во дворец своего отца. Хаубан провез ее на тулпаре через горы, леса, через страшные реки и озера. Сам он остался с Акбузатом. Едва начал он договариваться с конем о времени и месте встречи, как тот угадал мысли батыра и исчез, говорят. Удивленный Хаубан хотел было подпалить волос и вызвать коня, как тот сам появился откуда-то, неся в пасти своей старую одежду. Хаубан облачился в ту одежду, отпустил Акбузата и отправился в страну Масем-хана вслед за Айхылу.

Когда Хаубан добрался до яйляу Масем-хана, народ там — будто муравейник. Собравшись группами, люди что-то жарко обсуждали. Хаубан подошел к толпе, справился о здоровье, а себя назвал путником. Послушал, о чем говорят люди, и узнал, что самая большая новость здесь — возвращение дочери хана. Тогда он направился ко дворцу, где тоже толпились люди. В это время из дворца вышла женщина средних лет и все кинулись к ней, чтобы расспросить о ханской дочери. А та ничего не стала рассказывать, только рукой

махнула: «Потом сами узнаете, не буду рассказывать!» и, протиснувшись сквозь толпу, пошла домой. Хаубан проследил, в какой дом вошла та женщина, и последовал за ней. Та не спеша стала спрашивать Хаубана, кто он такой и откуда явился. Хаубан назвал себя путником и попросил у женщины разрешения заночевать в ее доме. «Раз пришел прямо сюда, ночуй. Куда же идти постороннему человеку?» — ответила женщина.

Едва Хаубан успел раздеться, как появились девушки и женщины, старики и старухи и засыпали хозяйку вопросами:

«Видела Айхылу? Похудела ли она? Не спросила, где она пропадала все это время?»

Хозяйка на это отвечала:

— Видела Айхылу, только поздороваться и смогла. А расспросить ни о чем не успела.

Тут девушки стали допытываться:

— Почему не расспросила? Нужно было узнать, что с ней приключилось.

На это хозяйка отвечала:

— Да я и начала было спрашивать, а она сказала: «Оставь, енгеи! Даже сама не верю, что возвратилась. Пока не пройдет два дня, ничего рассказывать не стану», — вот я и не стала настаивать. Зато слышала, как хан говорил приближенным: «Слава аллаху! Благодаря молитвам и жертвоприношениям, сотворенным мною, при помощи незримых сил спаслась моя девочка. Оказывается, похитил ее царь Шульген!»

В это время один старик, понурив голову, произнес:

— Ну, значит, все хорошо. А я уж подумал: не остался ли какой отпрыск от Сура-батыра и не взял ли Айхылу из мести за убийство отца. А раз спаслась, то лишь радоваться надобно. А то ведь Масем-хан поклялся уничтожить род Сура-батыра до седьмого колена.

— Неужели наш хан ищет еще кого-то из рода Сура-батыра? — возмутилась хозяйка. — Ведь кажется, уже поубивал всех, даже жену его, что скиталась в лесу в поисках лица, и ту схватил и в Шульген-озере утопил. Неужели хану и этого мало?

Тут заговорила еще одна женщина:

— И не говорите! Не случилось бы ничего, если бы жена Сура-батыра сама не сплошала — не призналась во всем, встретившись с Масем-ханом.

Потом тот же старик сказал:

— Ничего-то вы не знаете. А я, когда бросали ее в воду, в сторонке стоял и все своими глазами видел.

Тут женщины, сказав: «Говорим то, что сами слышали», — разговор тот прекратили.

Молча прислушивавшийся к разговору Хаубан задумался: «Неужели моего отца и мать убил Масем-хан?»

И решил он спросить старика, сколько же всего было Сура-батыров — один или два?

Старик ему ответил так:

— Братец, Сура-батыр, который был славен в народе и берег его честь, был один. Ни на Урале, ни вдали от Урала я не слышал о другом человеке, который бы носил это имя. Когда топили в озере его жену, слышал я, как она, бедняжка, умоляла: «Сердце мое — дитя мое — сиротой остается. Оттого душа моя изнывает. Убили вы моего мужа, а я, за дитя страдая, клятву дала, что не скажу ему об этом: мол, от болезни умер. Так пощадите же меня!» Но не знал хан пощады и повелел бросить ее тело в озеро. А узнав о ребенке, решил убить и его, да только отыскать не смог. Никто не знал, что за дитя осталось от Сура-батыра — девочка или мальчик.

Хаубан еще больше удивился, решил узнать все до конца.

— Дедушка, а мне приходилось слышать, будто батыров по имени Сура было двое. Рассказывают, когда умер батыр, жена его выменяла кремневку на саван, чтобы достойно схоронить мужа. Не было у нее ничего, чтобы справить поминки, и пошла она по стране скитаться да так и пропала.

— Нет, сын мой, — сказал старик, — все произошло так, как я говорил. А то, что она кремневку на саван променяла, — пустой разговор, придуманный для того, чтобы хан ее не потребовал. Только жена батыра знала о том, у кого осталась эта кремневка.

— Но почему же хан не взял ружье, когда убил батыра?

— Конечно, он сразу бы его забрал, да не знал, у кого батыр его оставил. А дело было так. Сура-батыр вернулся с охоты сильно уставший, решил лечь отдохнуть, а ружье свое отдал старику Тараулу, с которым часто охотился вместе. А тут Масем-хан с Акбулатбием появились, увидели спящего батыра и убили его. Потом стал Масем-хан думать: как быть? «Если тело бросить в воду, народ узнает и в гневе на нас с Акбу-

«ЗАЯТУЛЯК И ХЫУХЫЛУ»

«АЛПАМЫША»

латом набросится. Лучше заставить его жену пустить слух, будто муж ее от болезни скончался». Так и сделали.

Старик покачал головой и воскликнул:

— Ай, Сура-батыр! Каким человеком был! Многие годы воевал с Масем-ханом, не отдавал ему Урала. При нем мужчины нашего края рыбой в воде плавали, птицами в лесах пели. Да вот нет нашего Сура-батыра в живых.

Хаубан подумал: «Неужели та старуха, что повстречалась мне в озере, моя мать?»

Не довольствуясь тем, что услышал в этом ауле о своем отце и матери, Хаубан побывал в окрестных деревнях, всюду расспрашивая о своих родителях, и все люди говорили одно и то же.

Он хотел походить еще и по другим аулам, но тут узнал, что Масем-хан разослал весть о свадебном пире, и вернулся в яйляу хана. Вернулся он и видит: бии, аксакалы, их сыновья, мурзы гарцуют на аргамаках, на резвых рысаках; видит скакунов, которых прогуливают под уздцы. Словом, ханский яйляу заполнен народом. Кроме знати собралось множество бедного люда. На краю майдана стояли бедняки батыры, у которых не было ни шубы, ни коня; на другом краю — женщины, девушки, старухи и дети. А в центре майдана — жены Масем-хана, три его дочери и зятя. Собравшиеся возле них аксакалы и бии стояли в ожидании начала праздника.

Борцы, ловко накрутив на руки кушаки, ходили взад и вперед, волнуясь, устрашая других своей силой. Певцы, пробуя голоса, пили сырые яйца. Кураисты увлажняли водой свои кураи; всадники водили своих скакунов вокруг майдана.

Подошел к майдану и Хаубан, внимательно осмотрел всех собравшихся. Айхылу почему-то не было возле хана. Вдруг народ притих — это в окружении множества девушек появилась Айхылу. Все юноши подтянулись, приосанились, не спускают глаз с ее прекрасного лица.

Масем-хан вышел на середину майдана и сказал так:

— Собрал майдан во славу страны я,
Радости полон ныне большой:
Дивом похищенная дочь моя
Милостью божьей вернулась домой,

Как в кадир-тюн, я всею душой
Ликованьем великим объят.
Дал аллаху обет: в честь того,
Что дочь моя воротилась назад,
Тот, кто престол мой впредь защитит,
Кто Шульгену за все отомстит,
Кто голову дива, убив, принесет,
В жены тот мою дочь возьмет.

Услышав такое, пригорюнились батыры, не смея произнести ни слова. Лишь один Акбулат-бий вышел вперед и, глядя на Айхылу, проговорил:

— Айхылу моя, расскажи
Нам про все, что случилось с тобой,
Пусть батыры, что здесь собрались,
Узнают, как ты осталась живой.

И Айхылу рассказала ему такое:

— Как-то поехала я на прогулку
На караковом рысаке.
Были со мной мои подруги —
Вместе мы ехали налегке.
Мы резвились, как малыши,
Смеялись и пели мы от души,
На лужайке возле Шульгена
Собирали цветы мы. Мгновенно
Прыгнуло что-то прямо на нас.
Медведем назвать — гребнем шерсть,
Волком назвать — крупней раз в шесть.
Вдруг ко мне оно подскочило,
Лапой страшной меня обхватило,
И внезапно от страха тогда
Я лишилась последних сил.
Помертвело тело мое,
Потеряла сознание я.
А когда вновь очнулась я,
Вижу: девушки возле меня,
Похищенные, как и я:
Стоят, от страха онемев,
От неожиданности оторопев,
Желтые лица у них, как медь, —
Без слез невозможно на них смотреть,
Оторваны все от родной земли...
Мы разговор меж собой повели,
Стали спрашивать кто и откуда,
Старуха к нам подошла потом

С изможденным и скорбным лицом.
Позабыв про горе свое,
Собрались мы вокруг нее.
Каждую она расспросила —
Кто из какой похищен страны.
Каждая о своем роде-племени
Рассказать мы были должны.
А затем старуха сама
Стала рассказывать про себя:
— Мой муж на Урале был знаменит,
Самый прославленный был джигит.
По одному имени его
Все вы знать должны про него.
(Про убийцу его промолчу в этот раз —
Будет горько одной из вас).
Не уступавший ханам батыр
Сура—таким его знал весь степной мир.
Если из лука он стрелял,
То уж точно в цель попадал.
Но однажды тяжелым сном
Он уснул в ковыле степном;
В той степи отыскал его враг
Спящего непробудным сном.
И пронзил стрелой его так,
Что тот подняться не смог потом.
Клятву меня заставили дать,
Что я буду про то молчать.
А теперь самое меня
В воду бросили, не щадя.
Зверь какой-то меня проглотил,
Пасть его так была велика,
Что ни ранил меня, не убил.
А в себя я пришла — и меня
Изрыгнул он наружу, сказав:
«Пришла, куда надо. Теперь выходи —
Другого нет у тебя пути.
Когда жив был еще твой муж,
На меня как-то поднял он нож;
Стал молить я его: «Пощади!..»
Слыша стон из моей груди,
Пожалел он меня, спрятал нож.
«С детства, видно, ты в рабстве рос,
Без отца и матери... Что ж,
Отвечай же мне, где твой дом?
Что в обличье таится твоём?» —
Так сказал он. И хоть с тех пор

Каккахой я зовусь, я не вор.
Я у Шульгена первый батыр,
И боится меня весь мир.
По велению падишаха
Рыскаю я по белому свету.
Все предо мной трясутся от страха,
Предчувствуя неизбежность смерти.
Но после встречи с твоим отцом
Понял я: даже очень голодный —
Несчастливого я никогда не съем.
Вот оказалась ты в этой стране.
Знай, что в озерной глубине
Долго тебе придется прожить.
Слезы, что людьми проливались,
Год за годом вместе стекались,
Так вот озеро это из слез
Постепенно здесь собралось.
Владеющий тронем падишах
От рождения бием был.
Из костей сгубленных им людей
Эти дворцы свои сложил.
Все сады этой страны,
Украшающие их цветы
Кровью живою орошены».
Чудище так сказало тогда...
Эту страшную повесть нам
Рассказала старуха та.
Зверь, укравший ее живьем,
Как я узнала уже потом,
И меня утащил на дно.
А потом к нам пришел джигит,
Неустрасим и смел его вид,
«Я с Урала», — он нам сказал.
Когда осматривал наш дворец,
Он меня среди других увидал.
Потом же, когда удалился он,
Внезапно смежил мои веки сон.
Проснувшись, взглядом вокруг повела,
Показалось, что в поле лежу;
Вскочила на ноги и кругом
Долго глядела, не веря глазам:
Погруженный в синий туман,
В клочья изодрав облака,
Предо мною — сам Урал-тау.
Словно зрачками сквозь ресницы,
В меня нацелясь насмешкой злою,

Сквозь камыш черноголовый —
Лежит Шульген-озеро предо мною.
Травы на раздольных лугах
Утопают в ярких цветах.
Птичий гомон в чаще лесной
Слуха коснулся моего.
Мягкий ветерок надо мной,
Волосы растрепав, пробежал.
Вспыхнула счастьем моя душа,
Сердце так и забилося в груди.
Увидев, что какой-то егет
В задумчивости в сторонке сидит,
Решила к нему я подойти.
Был красив он и статен на вид,
Светел и прекрасен лицом.
А затем я узнала в нем
Егета, что во дворец приходил.
Усмиряя свой жаркий пыл,
Акбузат стоял перед ним:
Плетка подвешена к ободку
Позолоченного седла;
Из кожи болгарской сплетены
Позолоченные удила;
В жемчугах весь чепрак роскошный
С кожей тисненою по краям,
С застежками из оленьей кожи;
Горят серебряные стремяна,
Из золота — лука его седла,
Сердоликом украшена;
Куржын приторочен к тому седлу.
На коне нагрудник белый,
По краям сафьяном отделан;
На крупе возлегает подхвостник,
Недоуздук сплетен из шелка,
Удила двойные в уздечке,
К луке прикреплены поводья;
Жесткая шерсть, а грива крутая,
Как у щуки, спина худая,
Заячьи ноги, гладкие ребра,
Копыта круглые, острая морда,
Уши — камыш, широкие ноздри,
Грудь соколиная, зрачки, как из меди,
Челки по обе стороны лба,
Шея длинная, как у петуха,
Нижняя челюсть заострена,
Нижняя отвисает губа —

Вот какой у коня был вид.
С ним разговаривал егет,
И конь советы давал ему,
Как другу верному своему.
Тот егет мне на помощь пришел,
На мне жениться не обещал он,
На честь мою не покушался.
К дому дорогу мне указал,
Звала я его, но он отказался.

В изумлении выслушали рассказ девушки все собравшиеся, а потом заговорили разом, стали кричать: — Это, наверное, был святой Хызыр⁶, не иначе! По силам ли такое простому человеку!

Тогда Масем-хан сказал так:

— Вот тебе яблоко, дочь моя:
Пусть сердце батыра себе изберет.
И, кто условие примет мое,
Из рук твоих яблоко тот возьмет;
Кто старуху, которую видела ты,
Из Шульген-озера приведет.

И с тем послал свою дочь к батырам, что были на майдане.

Обошла Айхылу всех батыров, но ни один из них не осмелился взять яблоко из ее рук. После этого Масем-хан сказал: «Даю вам подумать ровно сутки», — и всем велел расходиться по домам.

Хаубан дождался, когда народ разойдется, пошел на край майдана и, подпалив там волос, призвал к себе Акбузата. Прискакал верный конь, и велел ему Хаубан привести старуху со дна озера. Акбузат сказал:

— Без боя у Шульгена ничего не возьмешь.

Тогда батыр сел на Акбузата и отправился к озеру Шульгена-падишаха. Услышав стук конских копыт, дивы в озере подняли шум и гам. Сказал Акбузат:

— Это дочь падишаха хотела вместе со своей охраной выйти из озера, но, почуяв нас, ушла обратно вниз. Я переплыву озеро от берега до берега, а ты отсекай мечом воду. Там, где мы проскачем, образуется суша, которая перекроет озеро; разделится оно на мелкие части, после чего, не выдержав, появится дочь падишаха. Она отдаст тебе все, что ты потребуешь. Только смотри, сиди в седле крепко да сильнее руби мечом!

Хаубан сделал так, как сказал Акбузат. Когда озеро было разделено на мелкие части, вынырнула, не

выдержав, из озера Нэркэс и с мольбой обратилась к Хаубану:

— Ай, егет мой, с целью какой
Ты явился сюда войной?
Щедрую я к тебе была,
Акбузата тебе дала,
Ты ж мое озеро рассек на куски,
На ничтожные островки,
Как лапшу, его разрубил,
Мне дорогу преградил.
Разлучив отца с Кахкахой,
Наедине его оставил с собой.
Коль обмелеет подводный мой дом,
Что я стану делать тогда?
Песком покроется наше дно,
Илом затянется оно,
Нечисть разведется кругом:
И мы, как лягушки, тут заживем!
Ракушки раздолье себе найдут.
Требуй, что хочешь! Только меня
Не губи, молю я тебя!

И Хаубан так ответил ей, говорят:

— Слезами озеро ваше полно́,
Не уйду, пока не заглохнет оно.
Прегражу я путь родникам,
Выбивающимся из-под земли;
Не позволю, чтобы они
К вам безнаказанно текли.
Всех чудовищ страшней твой отец,
Но ждет его бесславный конец.
Кахкаха ж — это сын земной,
Потом он уйдет со мной.
Ты ж, красавица, — дочь воды,
В водных глубинах родилась —
Не причиню я тебе беды.
Воротившись, скажи отцу:
Пусть на себя корону взвалив,
С нее драгоценностей не обронив,
Ею спину укроет свою,
Черепухой погрузится в грязь,
Панцирем узорным гордясь.
Также Кахкахе передай:
Хватит ему на дне лежать,
С суши жертвы себе поджидать,
Пусть не предается, жирея, сну,

Пусть девушек не держит в плену,
Пусть уродливой славой своей
Не пугает отныне людей!
Пусть дивов выводит, что погрязли во зле,
Дивов, что в воду сбежали с земли.
Пусть продолбит пещеру в скале,
Куда б даже змеи вползти не могли.
Пусть живет там мой конь Акбузат;
Под озером топким своим Қажкаха
Пусть шныряет подобно кротам слепым.
Пусть нору проложит под землей;
Когда Қажкаха завершит все дела,
Пусть тварью станет Қажкаха —
Мышью летучей с дряблою кожей,
С тонкими и слабыми лапками;
Пусть будет бояться
Солнца — всегда от него скрываться.
Дивы — от века враги людей —
Лишатся пусть рук и ног навсегда;
Жильем пусть им станет камыш и вода,
С палец пусть ростом станут они,
Пиявками черными пусть станут они.
Спокойным озеро станет твое,
Жильем для многих станет оно;
Живущие тут — счастливыми парами
Будут привольную жизнь вести.
Невольницы — и молодые, и старые —
Пусть выйдут на волю и будут в чести.
Старуха, чей лик изморщился весь,
Пусть тоже не останется здесь:
Пусть воздухом, слаще которого нет,
Подышит вволю на старости лет.

Молча выслушала Нэркэс эти слова и потом направилась к своему отцу.

Сойдя с коня, Хаубан собрался было ждать, как вдруг увидел прямо перед собой ту самую старуху. Хотел с ней поговорить, но Акбузат его остановил, говорят.

Потом Хаубан в одно мгновение доставил старуху на майдан и отпустил там своего коня. Сам же вошел в юрту, где останавливался на ночлег.

Рано утром встали люди и принялись за свои обычные дела. Женщины подоили коров и проводили скотину на пастбище.

Когда солнце поднялось на длину копья, возвратился домой табун лошадей. Привязав жеребят, женщины подоили кобылиц. А потом весь народ пришел на майдан, и Масем-хан снова повторил свое условие: тому, кто вызволит старуху из озера, он отдаст в жены свою дочь. Снова стояли батыры молча, потупив взоры.

Но тут старуха сама вышла вперед и сказала так:
— Хан мой, не заставляй батыров спасать меня, сам аллах вызволил меня оттуда.

Удивились люди, подвели старуху к девушке. Айхылу узнала старуху и радостно к ней подбежала. Хан тут же подозвал палача и тихо, чтобы не слышали люди, велел отрубить голову старухе. Повел палач старуху, и, видя это, люди зашумели, стали просить, чтобы дали ей слово молвить, о себе рассказать. Но хан не дал своего разрешения. Тогда Хаубан, одетый бедняком, встал перед ханом и сказал так:

— Ах, позволь же, великий хан,
Этой старухе поведать нам
О себе. Кто же старую спас,
Сам поведу я потом рассказ.

Масем-хан на это сказал:

— Святых шейхов всей страны
Прошлой ночью велел я созвать.
Попросили аллаха мы
Милость высшую оказать —
Из озера старую извлечь.
И услышал аллах нашу речь.
Он приказал святому Хызыру
Спасти старуху из подводного мира.
Шейхи сказали слово свое:
«Пусть пред народом, что ею забыт,
Про помощь аллаха не говорит.
Пусть забудет о прошлом она,
Во дворец будет сведена,
Там лучшие яства ей подадут,
А потом опять отведут
На Шульген-озеро ее.

Старуха повиновалась словам хана и последовала было за палачом, но Хаубан остановил ее и, подойдя к хану, сказал так:

— Слышал я, о великий хан,
Что жил на свете один батыр.

Звали батыра того Сура.
Ханам он неподвластен был,
Вольно и независимо жил.
И вот однажды Сура-батыр,
Как всегда, на охоту пошел,
И под родной не вернулся полог⁷.
Тут уснул он глубоким сном.
Хан Масем же на месте том
В грудь батыра стрелу вонзил.
А жена батыра потом
Вдруг исчезла, покинув дом.
Сын Хаубан скитался по свету,
Пока старика Тараула не встретил.
И тот кремневку ему подарил.
Едва ружье получил Хаубан,
Дни и ночи охотиться стал,
«Метким» именоваться стал;
И в отваге, и в богатырстве
Батыров Яика⁸ и Суру,
Тукляса⁹ вместе с Алмасом¹⁰ — всех
В скором времени превзошел.
Непобедимого дотоль Шульгена
В одночасье он сокрушил.
Акбузата, что в озере жил,
Девушек, похищенных с земли,
Всех из плена освободил;
Старуху вывел на землю батыр,
А вовсе не святой ваш Хызыр.
На Шульгена, что таился на дне,
Прошлой ночью пошел он войной,
Воду рассек могучей рукой,
На части порвал ее, как тряпье.
Вырубить для Акбузата жильё
В скалах — дивам он приказал,
Похожее на падишаха дворец¹¹,
Шульгена в черепаху он превратил,
Биев, что грабили край родной,
Уничтожил могучей рукой.
Сегодня вновь на верном коне
Бьется с врагами он до конца.
Чтоб за своего отомстить отца,
Чтоб карымтой на врага пойти,
На убийцу отца своего
Собирается он пойти!

Масем-хан подозвал к себе Хаубана и сказал ему:

— Если слова твои не подтвердятся, велю отрубить тебе голову!

И Хаубан дал согласие.

Пока люди Масем-хана рассаживались на коней, Хаубан отошел в сторонку и, подпалив волос, призвал Акбузата; потом облачился в боевые доспехи, сел на коня и въехал на майдан. «Кто это? Что за человек?»— слышались в толпе удивленные голоса. Едва Хаубан появился на майдане, Айхылу и старуха сразу же признали в нем егета, который их спас, обняли его ноги, вдетые в стремяна, и восклицали: «Это он, тот егет!» Хаубан сошел с коня, обнял старуху; затем снова вскочил в седло и, подъехав к хану, сказал ему такие слова:

— Глядя в лицо тебе, Масем-хан,
Вопрос один желаю задать:
Была ли причина у тебя
Мечь к Суре-батыру питать?
Ведь батыр этот — не Шульген,
Дочь твою захвативший в плен.
Если, не утаив ничего,
Мне всю правду откроешь ты,
Тайну сердца моего
Взамен своей получишь ты.

Масем-хан ответил на это так:

— Чтобы кровь Суры проливать,
Не было причин у меня.
Шульген потому на меня так зол,
Что в озеро яд я когда-то влил,
Посягнул на его престол,
Камыши его подпалил.

Тогда Хаубан сказал Масем-хану:

— Сиротой мне остаться пришлось,
Много пролил я горьких слез,
Но при этом я — тот батыр,
Что земной повидал вес мир;
И даже то, что есть под землей.
И закон у меня такой:
На медведя, что улы ворошит,
Задирает живьем коров,
На волка, что пожирает овец,
На лису, что хвост распустив,

Птиц домашних потрошит, —
На тех, чей разбой безобиден и прост,
Кто для прокорма лишь чинит зло, —
Никогда я на этих зверей
Не поднимал свое ружье.
Отроги Урала я объезжал,
Врага ненавистного искал,
Кровь проливавшего без карымты;
Кто, батыров в стране перебив,
Вдовами оставлял их жен,
Не жалел малых детей —
Сиротами край наш полн;
Кто слабым девушкам руки связав,
Бросал их в глубины озерных вод,
Кто заливает кровью страну
И людоедом в ней живет;
Кто, растоптав честь прочих родов
И, возвеличив собственный род,
Злодеем-насильником живет;
Кто отнимал у людей весь скот,
Кто языка лишал народ, —
Тот, двуногий, с круглой башкой,
Тот, заслуживающий стрелу,
Ставший людям кровным врагом, —
Враг, которого я отыскал,
За кем охочусь, чтоб подстрелить, —
Стоящий передо мной Масем-хан!
Вот один из таких врагов,
Отраву бросивший в воду, зверь,
У всех, кто поблизости живет,
Истребивший скотину, зверь.
Вот он, волк, что разбоем жил!
Медведь, проливший без карымты
Невинную кровь батыра Суры!
Див, который погубил:
Батыра Идели — Кыпсака,
Батыра Иремели — Катая,
Батыра Яика — Тукляса,
Батыра Тора — Тамьяна;
Батыра степей — Ирендыка,
Юрматы — что жил на Нугуше,
Батыра Табына — на Узяне ¹² —
Таков кровожадный этот див!
На Акбузата вскочив верхом,
За честь батыров приехал я биться,
Местью за смерть отца расплатиться!

Тому, кто мужчин в рабов обратил,
Кто их жен во вдов превратил,
К злодею по имени Масем
От тех, кто и обижен, и гол,
С кровной местию я пришел!

Так сказал Хаубан и отсек голову хану, говорят. Людей, живших при Масем-хане рабами, он освободил. Видя силу и отвагу Хаубана, все подошли к нему, говорят, стали рассказывать ему о своих бедах и горестях. Так говорили ему люди:

«Ай, егет, арслан страны,
Из рук хана, что столько лет
Нас своими рабами держал,
Вырвал ты нас теперь на свет!
Были мужи и в нашей стране,
Достойные быть друзьями тебе,
Из страны Масем-хан их изгнал,
Сделал несчастными их жен.
Если ты их домой вернешь,
Будешь всеми в стране любим;
Кровавые слезы сирот сотрешь, —
Будешь для всех отцом родным!»

Подробно расспросив обо всем, Хаубан дал слово вернуть всех изгнанных батыров и отправился на их поиски. Ехал он, ехал, видит большую птицу; подъехал к ней и понял, что она не может летать. Подняла птица голову и человеческим голосом заговорила:

— Спокойно сидела я на вершине горы, а Масем-хан мимо проезжал; при виде меня кони его испугались. И тогда злой хан велел подстрелить меня и подрезать крылья. Долго лежала я, не в силах подняться на ноги. И хотя со временем раны мои зажили, но крылья стали непригодными для полета. Вот и сижу здесь в горьких думах. Птенцы мои от голода извелись. Помоги мне, добрый батыр, помажь раны мои пеной из губ твоего коня, и исцелятся мои крылья.

Хаубан смазал ей крылья пеной изо рта Акбузата, и они зажили, говорят¹³. Тогда сказала птица:

— Егет, чем отплатить тебе за твою доброту и помощь? Какую услугу тебе оказать? Всю жизнь я была птицей горемычной, терпела муки от Масем-хана и дивов Шульгена, птенцов своих не смогла вырастить. А ведь я не простая птица: становлюсь конем тому, кто коня не имеет, у кого спутника нет, — тому добрым спутником стану.

— Какую же помощь ты можешь мне оказать? — спросил Хаубан.

Птица ответила:

— Не только за свое исцеление помогу тебе, но и за тех соловьев, которых ты освободил из царства Шульгена, пленных девушек в его дворце. Тем самым ты преумножил число певчих птиц на моем Урале.

— Откуда тебе об этом известно? — спросил Хаубан.

Птица сказала:

— Пленные девушки во дворце Шульгена — мои дети. Они вернулись и принесли мне эту радостную весть.

Удивился Хаубан:

— Ты — птица, а они были девушками. Как же так?

— А я ведь, егет, когда-то была женщиной, да потом в птицу превратилась.

Хаубан попросил ее рассказать обо всем подробно. И вот что он услышал:

— Раньше в этих местах жил один только водяной батша. С ним бились Урал-батыр и его сыновья Идель, Сакмар, Нугуш и Яик. Кругом была сплошная вода, и батыры воевали, плавая в той воде на своих конях. Там, где проходил Урал-батыр, поднимались горы. Ведь Уральские горы — это и есть дорога Урал-батыра. Страна подводного владыки разделилась на две части. Где падали убитые им дивы, там скалы поднимались. Чем меньше становилось воды, тем меньше становилось войско водяного батши. И настало наконец время, когда пристанищем его стали лишь мелкие лужи да озеро под названием Шульген. Оно сливалось с подземными водами, и батыры не могли высушить его до дна. Там и остался жить царь водяной. А горы в честь батыра называли — Урал. Я была женой Урал-батыра. Зовут меня Хумай. После ухода мужа на войну осталась я с невестками в своей стороне. Потом сыновья возвратились и забрали своих жен, а я осталась, решив отправиться за ними позднее. Но сыновья вернулись, чтобы выследить Шульгена-батшу, да так здесь и обосновались. Шульген-батша по-прежнему враждовал с моим мужем. И тогда, посоветовавшись с сыновьями, муж решил выпить всю воду из этого озера: тогда оно обмелеет и падишаху некуда будет деваться. Когда Урал стал пить воду, узнал об этом Шульген-падишах и повелел своим дивам войти к нему вовнутрь. Дивы растерзали ему сердце. Перед смертью муж сказал сыновьям:

«Там, где осталось войско Шульгена, не пейте воду. Найдите себе источник в другом месте». И сыновья прорубили землю, открыв новые реки. Идель, Яик, Нугуш и Сакмар — и есть те самые реки, рожденные моими сыновьями.

— Скажи-ка, а как ты стала птицей?

Хумай ответила:

— Когда мы отправляемся в дальнюю дорогу, то превращаемся в птиц. И невестки мои тоже. По возвращении их целуют мужья и они снова становятся женщинами. Пока я летела, муж мой умер, поэтому я не смогла принять прежнее обличье — птицею осталась. Сыновья мои обзавелись детьми и умерли от старости. Акбузат, на котором ты сидишь, был конем моего мужа Урала. После его смерти коня похитил Шульген. Один из сыновей Идель-батыра пошел войной против Шульгена, чтобы отбить Акбузата. Придя в его царство, он влюбился в его дочь и, чтобы овладеть ею, стал визирем Шульгена. Но тот не отдал ему дочь и в насмешку назвал его Кахкахой, заставив похищать с суши самых красивых девушек.

От других сыновей Иделя осталось семь батыров, а от рода того сына, которого называли Кахкахой, остался один-единственный сын по имени Масем. Он-то и ограбил страну и стал ханом. Семь батыров пошли на него войной. Но он им сказал: «Давайте лучше мириться!» и позвал к себе в гости. А потом спойл их, связал по рукам и ногам и продал в рабство заморскому батше. И ты, егет, сейчас за ними едешь. А рассказали мне об этом мои дочери, которых ты освободил. Хочешь, я доставлю тебя туда быстрее твоего коня и там ты без боя освободишь своих родичей? А если на Акбузате отправишься, будет у тебя большая битва.

Внимательно выслушал Хаубан птицу, надолго задумался и наконец решил:

— Лучше возвращайся-ка ты к своим детям. И хотя вы будете жить в птичьем облике, вас никто не тронет, не станет стрелять, никто не нарушит вашего счастья.

Так сказал он ей и отправился в дальний путь.

Долго ехал он, пока не добрался наконец до страны заморского батши. И началась битва с дворцовой охраной. Видя, что Хаубан берет верх, царь заморский бежал из своего дворца, собрал по всей стране новое войско и сам вышел на битву. Но Акбузат поднял крыльями такую бурю, что все войны попадали на зем-

лю. Хаубан же схватил падишаха и убил его вместе с биями. И тогда все побросали оружие.

Так Хаубан освободил семерых батыров; вернувшись домой, устроил пир, и семь батыров в борьбе победили всех остальных богатырей, собравшихся на праздник. Хаубан поставил тех семерых батыров во главе семи родов. Потом запретил людям стрелять в лебедей — потомков Хумай. А дочери Масем-хана Айхылу разрешил выбрать себе жениха.

Она выбрала Кыпсак-батыра.

После праздника затосковал Хаубан и поехал к Шульген-озеру, чтобы вызвать Нэркэс. Услышав его зов, вышла Нэркэс из воды. И сказал ей Хаубан такие слова:

— Когда скитался я сиротой,
Помнишь — повстречался с тобой?
Из уст твоих верный услышал совет.
Ты мне подарок дала дорогой;
Акбузата взяв у тебя,
Освободил я край родной,
И тем счастье свое обрел.
Вот я снова к тебе пришел,
Чтобы твое желанье узнать,
Слово выслушать твое,
Что на душе у тебя, понять.

Услышав эти слова, Нэркэс какое-то время не могла произнести ни слова. Потом стала говорить:

— Хоть я девушка, но родилась
Даже иных мужчин сильней.
На Уральской этой земле
Многих видела богатырей.
Яика, деда твоего,
В схватке одолела я.
Хоть я с виду кажусь молодой,
Сама я возраст забыла свой.
Дочь подводного царя,
На землю и не ступала я,
Пищи не потребляла земной,
Потому-то век долог мой.
Когда я лик открывала свой,
Солнце пряталось от стыда;
Если кто-то захочет со мной
Посоперничать, — и тогда
Лишь лицо я открою свое,
Слепнет сразу соперник мой,

Опозоренный навсегда.

Тебе же перечить не стала я —

К тебе душа потянулась моя.

Когда тебя коснулся мой взор,

Стала я вдруг сама не своя.

Но не сказала тебе ни о чем,

Стала ждать, что будет потом.

Если ровней меня сочтешь,

Я готова твоею быть,

На Урале твоём родном

Век свой мирно с тобой прожить.

Так сказала Нэркэс и, открыв лицо, с улыбкой взглянула на Хаубана. И, узрев красоту девушки, замер в восхищении егет. Когда Хаубан предложил ей стать женой, Нэркэс повелела всем стадам своего отца выбираться из озера. И тогда оттуда вышли табуны саврасых лошадей, покрывая собой всю землю. Хаубан раздал их беднякам, не имевшим ни лошади, ни одежды. Сам же вместе с Нэркэс отправился на Акбузате в свою страну, говорят.

ЗАЯТУЛЯК И ХЫУХЫЛУ

Много-много лет назад, говорят, на землях, что между Асылыкулем и рекою Дим располагаются, проживал хан по имени Самар, прославившийся далеко вокруг своим богатством и могуществом. И любил тот хан всякие игры и развлечения, охоту на птиц и зверей. И имел он двух жен. От первой было у него шестеро детей. А от второй, молодой жены, родился только один светлицы и красивый мальчик, которого нарекли Заятуляком. Он был не только красив на вид, но и наделен с детства огромной силой. Если во время игр или баловства возникала ссора или драка, он быстро утихомиривал своих сверстников.

Выросли дети, в кости окрепли.

Однажды Самар-хан пригласил сыновей в свою двенадцатикрылую юрту и сказал им такие слова:

— Дети мои, вы теперь стали взрослыми, пора вам стрелять из луков, скакать верхом на коне, охотиться с ловчей птицей, выказывать свое умение и сноровку. Сейчас подите к табуну лошадей и выберите себе коня по душе. Какой из них обернется на звон вашей уздеч-

ки, того и берите. Для того чтобы охотиться на птиц и всякую дичь, возьмите на каждого по одной быстрой ловчей птице. Чья птица на охоте кого подобьет, то мне принесете.

Семеро сыновей Самар-хана по одному подходили к табуну и звенели уздечками. На шестерых, что родились от старшей жены, обернулись шесть отменных жеребцов-дуненов, которые стоять на одном месте не могли.

Когда уздечкой звякнул Заятуляк, на звон обернулся белый конь, не успевший даже облить.

Когда выбирали ловчих птиц, шестерым братьям, говорят, достались беркуты, соколы и ястребы. А Заятуляку завистливые братья отдали белую сову: тебе, мол, и такая сойдет.

Семеро сыновей Самар-хана, оседлав семерых лошадей, оглянувшись на них, посадили птиц на луку седел и выехали на охоту. Стоило Заятуляку сесть на нелинявшего коня, как тот вмиг обернулся белым тулпаром.

При виде такого чудесного превращения зависть охватила шестерых братьев.

Когда достигли долины, куда ничья нога еще не ступала, охотники заметили журавлей, диких гусей и уток, поднявшихся с ближнего озера. Шестеро братьев одновременно запустили своих беркутов и соколов. Но ни один из них не смог достичь той высоты, чтобы бить журавля или дикого гуся. А принесли они своим хозяевам мышей да сусликов, подобрав их с земли. Глядь, а птицы, которых они считали беркутами, соколами или ястребами, на самом деле оказались или филинами и сарычами, или обычными луговыми лунями.

Стыдно стало братьям, и зависть тяжелая на них нашла.

Запустил Заятуляк свою белую сову, которую подсунули ему братья, взвилась она высоко в небо, точно пущенная стрела, и стала носиться там белой зарницей да сбивать журавлей, диких гусей и уток.

Таким образом:

Самар-хана шесть сыновей
Добыли сусликов и мышей,
А сын по имени Заятуляк
Добыл гогочущих гусей,
Добыл курлычащих журавлей,
Уток, которых нету вкусней.

Очень раздосадованы были братья Заятуляка, завистью кипели к седьмому сводному брату, видя, что его белая сова на деле оказалась соколом и подбила такое множество птиц.

Заятуляк вернулся с охоты с богатой добычей.

Воротившись домой, шестеро братьев, сгорая от стыда, бросили к ногам отца добытых ими мышей и сусликов.

Увидев это, гневно нахмурился Самар-хан.

Когда же Заятуляк положил перед ним своих журавлей и диких гусей, лицо его просветлело. В радости одарил он Заятуляка поясом, украшенным драгоценными камнями. А шестеро его братьев были опозорены.

На другой день семеро сыновей хана опять отправились на охоту. На этот раз братья решили выпустить ловчих птиц на диких зверей. Добравшись до озерных и речных мест, приступили они к охоте. Увидев лисиц и волков, все семеро выпустили своих охотничьих птиц.

Самар-хана шесть сыновей
Добыли, говорят, шесть мышей.
А сын по имени Заятуляк
Волка с кровавой пастью поймал,
Неуклюжего и косолапого,
Бурого медведя поймал;
Поймал лису, чье ухо мечено,
Разнаряженную, как женщина,
У озера он ее отыскал.

Вновь удачливой оказалась охота Заятуляка, а его братья опять воротились без добычи.

На этот раз за принесенную дичь Самар-хан одарил Заятуляка луком и стрелами, а шестеро сыновей опять были опозорены. Заятуляк же обрел громкую славу.

Самар-хан решил еще раз испытать сыновей, устроив скачки. Братья Заятуляка сговорились между собой: «Во время скачек сделаем вид, будто на отдых остановились, а сами вобьем гвозди в копыта его тулпара; когда конь его захромает и останется позади, то Заятуляк тоже опозорится и растеряет обретенную славу».

На другой день дети Самар-хана выехали на скачки. Когда половина пути была преодолена, самый старший из братьев обратился к остальным: «Давайте сделаем небольшой отдых и уж потом продолжим состязания».

Все с ним согласились и, отойдя в сторону от дороги, отпустили своих лошадей, а сами улеглись на траву отдыхать.

Пока Заятуляк спал, двое его старших братьев вбили гвозди в копыта его коня.

После короткого отдыха братья быстро взобрались на своих лошадей и продолжили скачки. И только у Заятуляка захромал конь и отстал от других. И тогда белый тулпар обратился к хозяину с такими словами: «Ступи сильнее на стремяна и изо всех сил ударь меня камчой по бокам, чтобы оттуда кровь брызнула».

Стоило Заятуляку ударить коня слева и справа, как из его боков брызнула кровь, и в то же самое время из копыт его со звоном посыпались вбитые гвозди. Расправив белые крылья, тулпар стрелой понесся вперед. Оставив позади шестерых братьев, которые к тому времени ушли далеко вперед, Заятуляк победил и на скачках.

Шестеро братьев на самых резвых аргамаках не смогли одолеть захудалого дунена Заятуляка и снова вынуждены были примириться с позором. А Заятуляк был признан победителем и назван первым батыром.

Вот сошлись вместе его завистливые братья и сговорились между собой: «Надо во что бы то ни стало избавиться от Туляка. Пока он жив, не будет нам ни почета, ни спокойствия! Убьем его сегодня же ночью!»

Но коварный их замысел не осуществился. Белый тулпар сказал Заятуляку: «Твои братья хотят этой ночью тебя убить. Едва сгустятся сумерки, я подойду к юрте, ты ударишь меня по обоим бокам, и мы исчезнем с глаз долой».

Когда затянулись сумерки и в них стали вязнуть глаза, шестеро братьев стали подбираться к юрте, где спал Заятуляк. А тот живо вскочил на белого тулпара и исчез из яйляу. Братья попытались было его догнать, но куда там! — за белым конем невозможно было угнаться, и они отстали.

А Заятуляк на полном скаку добрался до берегов Асылыкуля и остановился у Карагас-горы. Посадив белого сокола на луку седла, он пустил тулпара пастись на лугу, а сам, несмотря на темень ночи, долго стоял, дивясь красоте сиявшего во мгле озера.

Вдруг он с изумлением заметил неподалеку светлую игру лучей. Заятуляк осторожно приблизился к тому месту, где переливались загадочные лучи, а подойдя, глазам своим не поверил: у самого озера на плоском

камне сидела водяная дева, распустив свои волосы длинной в шестьдесят локтей и расчесывая их золотым гребнем. Она-то и была причиной того, что на глади озера играли и переливались те лучи. Не в силах опомниться, стоял так егет, пораженный красотой девушки, потом незаметно схватил ее мягкие как шелк волосы длиной в шестьдесят локтей. И как ни старалась водяная дева вырваться из рук егета, ничего из этого не получилось.

Поняв, что рука у егета крепка и ей из нее не вырваться, стала она его молить:

— Эй, сын земли! Пожалуйста, отпусти меня. Я — дочь озера, лишишь меня воды — погубишь и меня, и себя.

Но как она его ни упрашивала, Заятуляк не отпускал водяную деву. Он сразу же полюбил ее и говорил ей такие слова:

— По звездам путь определяя,
Я к тебе, красавица, скакал.
Имени я твоего не знаю,
Назови его мне, чтобы знал.
Будем мы, красавица, с тобою
Вместе жить единою семьею.

Девушка на это:

— Не шуми, егет пригожий!
Хыхухылу меня зовут.
Я тебе не ровня... Что же
Говорить с тобой нам тут?
Создана я из лучей —
Мне ли жить среди людей?
Жить ли деве лучевой
С егетом земли одной семьей?
С уговором приставая,
Ты не мучь меня, родной.
Если мой отец узнает,
На тебя пойдет войной.

Но даже эти слова не воздействовали на Заятуляка. И тогда Хыхухылу решила в последний раз напугать егета:

— Ах, егет, душа простая,
К верной гибели идешь.
Красавицей меня считая,
Головы ты не снесешь.
Есть тулпар — твоя опора —
И его лишишься ты.

Белый сокол — друг простора —
И его лишишься ты.

Заятуляк в ответ:

— Готов я сокола лишиться,
Того, что бьет любую птицу:
Длинношеих журавлей,
Утку быструю — сурегей,
Лисицу с родинкой на ушах,
Волка с кровью чужой на клыках
И злобой яростной в глазах, —
Жить готов я и под водой,
Только б не разлучаться с тобой!

С тулпаром белым расстанусь я,
Которого ветер не догоняет,
Который все заранее знает;
Жить готов я и под водой,
Только б не разлучаться с тобой!

Но Хыхылу никак не хотела с этим соглашаться и старалась любым способом избавиться от непрошеного гостя.

Хыхылу:

— Ах ты, горе мое — Туляк!
Хочешь, дам я тебе буляк:
Пряжка и гребень золотой —
Позавидует им любой.
Не могу я с тобою быть,
Не могу я тебя любить.
Не стремись во глубины вод —
Под водой тебя гибель ждет.

Но Заятуляк не желал принять подарок и так говорил Хыхылу:

— От матери я своей отрекусь,
Что девять месяцев меня
Во тьме ночей и при свете дня
Носила во чреве, как тяжкий груз.
Грудью своей кормила меня...
Мне с тобою бы только быть!
И отца я готов забыть,
Что остался, сына кляня.
Я под воду с тобой спущусь,
Жизни из-за тебя лишусь!

И только после этого смягчилось сердце водяной девы. — Егет, сожми свои губы, закрой глаза и крепко ухватись за мои волосы: мы с тобой нырнем на дно озера! — промолвила она.

Так вот и погрузились они в глубину.

Когда, оказавшись на дне озера Асылыкуль, Заятуляк открыл глаза, он увидел совершенно иной, сказочный мир: на привольных просторах пасутся бесчетные табуны лошадей, в звонко журчащих источниках резвятся золотые рыбки, в водных глубинах плавают утки, лебеди, дикие гуси.

Девушка провела Заятуляка в белоснежную войлочную юрту, установленную посередине долины, и сказала так:

— Егет мой, ты добился своего: теперь я твоя, а ты мой!

— Но будет ли с этим согласен твой отец? — спросил Заятуляк.

Во время этого разговора у входа остановился отец Хыхылу в черном одеянии, на вороном коне, на луке седла которого сидел черный сокол.

Хыхылу быстренько спрятала Заятуляка.

Войдя в юрту, отец произнес:

— Человеческим духом пахнет. Кто сюда входил?

Хыхылу ему отвечала:

— Сам на сушу выбираешься и приносишь оттуда человеческий запах, а потом ко мне пристаешь.

Девушка какое-то время прятала Заятуляка от родителей. Но однажды отец прознал про то, что егет живет, скрываясь в юрте его дочери, и тайна раскрылась. Хыхылу вынуждена была обо всем рассказать своим родителям. Она не стала скрывать своей любви к земному егету и своего желания жить вместе с ним.

Услышав такое, разгневался водяной царь: озеро начало клокотать, вода вышла из берегов и затопила все окрест¹.

Хыхылу показала Заятуляка отцу.

Увидев ясноликого красавца егета богатырского сложения, успокоился царь Асылыкуля, улегся его гнев.

— Ладно, дочка, видно, суждено тебе выйти замуж за земного егета. Я согласен. Пусть Заятуляк живет здесь в счастье и благополучии. Если по земле затоскуете и станете туда стремиться, придет беда. Если покинете подводное царство и выберетесь на сушу, то погибнете оба, — сказал он.

Однако, несмотря на то, что Заятуляк жил в счастье и благополучии вместе со своей возлюбленной Хыхулу, которой не было равной в красоте, все же стал он вскоре тосковать по родине, по земной жизни. И тоска эта желтизной выступила на лице.

— Заятуляк, что с тобой творится? Почему ты печалишься? — спрашивает как-то Хыхулу.

— Тоскую по родине, оттого и печалюсь, — отвечает Заятуляк.

Хыхулу хотелось хоть как-то облегчить участь Заятуляка, рассеять его тоску. Она подарила ему маленькое зеркальце, чтобы в минуту душевной невзгоды глядеть в него, видеть родную землю и утешаться этим видением.

Взглянул Заятуляк в зеркальце и видит: на вершине Карагас-горы, что на южном берегу Асылыкуля, стоит его белый тулпар и дожидается своего хозяина. На луке его седла печально сидит белый сокол. Говорят, что именно белый тулпар съел всю траву на вершине Карагас-горы и стала она после этого голой и неприглядной. Конь и сокол засмотрелись на то место, куда нырнул их хозяин, да так и застыли в ожидании его появления.

Видение это переполнило душу Заятуляка смятением, бусинки слез выкатились у него из глаз. Еще острее стала его тоска.

Видя, что на глазах желтеет и горем исходит их зять, призадумались родители Хыхулу.

Однажды водяной царь обратился к Заятуляку:

— Егет, есть у тебя река, из которой ты пьешь воду? ² Есть собственная земля, где живешь?

— Родная земля моя — гора Балкантау, вода, которую я пью, — река Дим. Многие другие воды и земли подчиняются Балкантау. Вот по этим местам и тоскую я.

— Хорошо, — ответил царь. — К завтрашнему дню Балкантау будет у твоей юрты.

И велел он своим джинам за одну ночь найти и перенести гору Балкантау к белоснежной юрте. Но джины не могли отыскать Балкантау и перетащили, обхватив железным обручем, другую гору.

Вышел поутру Заятуляк из своей юрты и видит какую-то гору. Но, перенесенная сюда джинами и пярями, эта гора не могла его утешить. Дело в том, что она вовсе не была его родной Балкантау — совершенно чужая гора возвышалась перед ним. Понимая это, сказал он так:

Гора, которую перенесли,
Уподобив горе другой,
Обручем вырвали из земли, —
Вовсе даже не Балкантау.
Высится Балкантау в небесах,
Бродит лань на ее камнях.
Склон у Балкантау таков:
Множество на том склоне сурков;
Быстроглазы, уши вразлет —
Много на Балкантау волков;
Косолапых и неуклюжих —
Много медведей на Балкантау;
Разнаряженных по девичьи —
Много лисиц на Балкантау;
Много места для гнезд птичьих,
Множество стай на Балкантау;
Подобных промасленным ремешкам
Змей во множестве на Балкантау;
Подобных бархатистым коврам
Лесов во множестве на Балкантау;
Перепулав с другой горой,
Вы эту принесли с собой,
Железным обручем обхватив, —
Но это не моя гора Балкантау!

Видя, как печалится и тоскою исходит Заятуляк, водяной царь сказал ему так:

— Заятуляк, ты сын земли и вряд ли сможешь жить без нее. Силой задерживать я тебя не стану. Возвращайся на Балкантау и живите там. Хыхухулу последует за тобой: не муж ходит за женой, а жена — за мужем. Возьми из моего табуна лучшего коня-тулпара. Выделю тебе скотину, чтобы ты мог вести там свое хозяйство. Выбравшись из Асылыкуля, иди прямо на Балкантау, не оборачиваясь назад.

Сел Заятуляк на Акбузата, посадил перед собой Хыхухулу, простился с ее отцом и выехал из Асылыкуля. Выбравшись из озера, он напрямиком направился в сторону Балкантау.

И слышит он за собой сплошной шум и гам. Как из кипящего котла, выходят из озера косяки лошадей, пронзительно ржут жеребята и матери жеребцы, копыта сотрясают землю. Не удержавшись, оглянулся он назад и видит: непрерывным потоком выбираются из Асылыкуля лошади с мышинными серыми спинами.

Стоило Заятуляку обернуться — лошади, не успев-

шие на берег ступить, снова стали погружаться в воду, а те, что вышли на сушу, потянулись за тулпаром Акбузатом.

Заятуляк и Хыхылу взяли с собой белого тулпара и белого сокола, которые отощали, стали желтыми в ожидании своего хозяина, и зажили на своем Балкантау. Заятуляк ходил на охоту, играл на курае.

Справа у меня опора —
Балкантау — моя гора,
Слева у меня опора —
Хыхылу — моя жена, —

пел Заятуляк.

Но не могли они жить долго в благополучии и веселье.

Однажды чуткая Хыхылу услышала топот конских копыт со стороны реки Дим. Зоркие глаза ее различили пыльное облако, поднимающееся в небо. Она сказала Заятуляку:

— Твои сородичи скачут сюда, вздымая пыльные тучи. Тревога вошла в мое сердце — наверное, едут сюда не напрасно.

— Пусть едут, я им живым не дамся — выйду им навстречу с мечом и копьем в руках, — ответил Заятуляк и начал готовить свое оружие.

— Не поднимай руку на своих сородичей, не проливай их крови, может быть, они несут тебе какую-нибудь важную весть, выслушай их сперва. Если же увезут тебя силой, вернешься через сорок дней. А теперь я спрячусь, чтобы не показываться им на глаза, — сказала Хыхылу, и Заятуляк ее послушался.

Через некоторое время конное войско Самар-хана подступило к Балкантау. Предводитель воинства подошел к Заятуляку и сказал такие слова:

— Прошлой ночью умер Самар-хан. Шесть твоих братьев дерутся между собой за трон. В стране нет покоя. Народ желает, чтобы ханом был ты. Пожалуйста, не отвергай его желания! Мы приехали за тобой.

«За сорок дней успею вернуться за Хыхылу», — решил Заятуляк и отправился вместе с воинством в ханский дворец.

Сородичи встретили его с великим почетом, провозгласили его своим ханом. Шестеро же братьев в междоусобной борьбе поубивали друг друга.

Заятуляк установил мир в стране. Он прислушивался к советам сородичей, время от времени собирал биев

и аксакалов для большого разговора, принимал иноземных послов.

Выборы молодого хана превратились в большой праздник, который длился много дней подряд. На майдане боролись батыры, шли состязания по стрельбе из лука, в скачках; сээны, певцы, кураисты соперничали друг с другом в мастерстве исполнения.

В то время, как Заятуляк был погружен в мирские дела, Хыхухулу в печальном одиночестве дожидалась своего возлюбленного. От невозможности жить без своего Асылыкуля, без Заятуляка стала она чахнуть и желтеть. И, тоскуя по Заятуляку, пела она так:

— Утром встану ль — повсюду мгла,
Горы синие не видны.
Дни, что с милым я провела, —
Точно промелькнувшие сны.
Слышен в поле уздечки звон —
Там тулпар с жеребенком своим.
Гнет ли веки тяжелый сон —
Вновь ты перед взором моим.

Погруженный в хлопоты и заботы жизни, Заятуляк не заметил наступления намеченного срока. Опомнившись наконец, он решил: «Привезу-ка я Хыхухулу, избавлю ее от одиночества!»

Вскочив на самого лучшего скакуна, Заятуляк помчался на Балкантау, желая успеть туда во что бы то ни стало точно к сроку.

Когда Заятуляк добрался до Балкантау, пошел уже сорок первый день и его возлюбленная была мертва. Заятуляк не мог перенести эту беду. Копьем вырыл он могилу на Балкантау, опустил туда тело Хыхухулу, заколол себя булатным копьем и, бездыханный, упал рядом с любимой.

Люди, выехавшие на поиски Заятуляка, лишь через много дней отыскали их тела в одной могиле.

С тех пор Балкантау, где покоится прах благородного батыра Заятуляка и красавицы Хыхухулу, стала священным местом придемских башкир.

АКХАК-КОЛА

Сказывают, жила у одного хозяина кобыла благородных кровей. И была она из породы лошадей, что

Однажды, когда в доме хозяина проходила свадьба, вырвалась Акхак-кола к табуну и увела его в каменные горы.

Когда невестки ушли за водой,
А свекрови тешились ворожкой,
Когда егеты на скачках скакали,
Когда стрелки из луков стреляли,
Когда на пирах богачи пировали,
Когда пастухи овец выгоняли,
Когда служанки узор вышивали,
Знатные жены красу наводили,
А те, что попроще, — пищу варили;
Когда кумыс взбивали рабыни,
Когда тот кумыс попивали бии,
Когда шумело-гудело застолье,
Из косяка, покрывавшего поле,
Шесть лошадей, отделившись, ушли,
Полтабуна за собой увели.

Когда люди пришли к табуну, стали искать пропавших лошадей, но нигде не могли их отыскать.

Шестьдесят ушли лошадей,
Семьдесят ушли лошадей,
В числе шестидесяти лошадей
Не было шести горячих коней:
Пестрого, которого не обхватишь подпругой,
Саврасого, для которого короток подхвостник,
Вороного, чьи ноги, как у ласточки,
Сивого, чья грудь, как у голубя,
Мухортого с белой полоской на лбу,
Солового со звездой на лбу.

Среди семидесяти лошадей
Пропали норовистых семь коней:
Рыжий с мохнатой гривой, как пламя,
Дунэн с впалыми боками,
Иноходец, не знавшийся с уздой,
С круглыми копытами гнедой,
Чалый, чья холка торчит, как ком,
Кунан, чьи уши — кверху торчком,
Кобыла с распущенным хвостом.
В числе шестидесяти лошадей
Меченых шесть исчезли коней;
В числе семидесяти лошадей
С надрезанными ушами ушли семь коней;

Акхак-кола — глава табунов,
Что по земле свою гриву волочит,
Тоже куда-то сбежала на волю —
Нет ни в хлеве ее, ни в поле.

Хозяин вместе с рабом Карагулом вышел в погоню за убежавшими лошадьми.

Рыжего он скакуна оседлал,
Широкий халат на себя надел,
Во весь опор потом поскакал,
За скрывшимся табуном полетел.
Рядом с ним находился раб —
С затертым воротом Карагул —
На иноходце черном верхом,
Худая и драная шуба на нем.

Ехали они так, пока не добрались до какого-то дома. Остановились здесь, чтоб напиться воды. Вышла из дому красивая девушка:

— Эй, байский сын, байский сын,
С коня сошел бы ты, байский сын,
Что за напасть или беда
Привели господина сюда?

Заколебался хозяин, не зная, сходить ему с коня или нет. Тогда девушка опять заговорила:

— Эй, байский сын, байский сын,
С коня сошел бы, байский сын,
Самый лучший кумыс на свете
Рабыни живо тебе нацедят,
Лучший кумыс рабыни собьют;
Выпей его ты, байский сын!
Рабыни поставят тебе шатер,
Рабыни постелят тебе ковер,
Пушистую положат перину
Для ночлега байскому сыну,
Только останься, байский сын!

На это егет ответил так:

— Пусть просит служанка — с коня не сойду,
Кумыс нальет она — я не попью,
Поставит шатер она — я не войду,
Перину постелит — не упаду.

Потом девушка пожелала ему доброго пути и проводила в дорогу, научила, как ехать:

— Прямо поедешь — за день доедешь,
В обход поедешь — месяц проедешь.

А едет все едет себе вперед, и это видит во сне Акхак-кола. И рассказывает об этом другим лошадям:

— Прошлой ночью я видела сон,
Вертел большой я видела в нем,
Край вертела был охвачен огнем —
Что же за смысл в сновиденье моем?

Лошади поняли, что сон ее не к добру:

— Коль прошлой ночью ты видела сон,
Коль вертел большой видела в нем,
Коль с края был он охвачен огнем, —
То на голову свою, старая кляча!
Это ты нас сбила с пути,
Подговорила, принудив уйти,
На свою голову, старая кляча!

Между тем хозяин и его раб к ним приблизились.
Обеспокоенные лошади бросились к Акхак-коле:

— Едет, гляди-ка, байский сын,
Едет, торопится байский сын,
И раб его вместе с ним —
С затертым воротом Карагул.
Что нам делать теперь, скажи,
Куда теперь от них убежим?
Это ты нас сбила с пути
Подговорила, принудив уйти!

Тогда Акхак-кола сказала так:

— Вижу я, едет байский сын,
Вижу я, мчится байский сын.
В халате распаханном несется
На огненно-рыжем иноходце
Прямо сюда во весь опор —
Батыр, на нас устремивши взор.
Он из лука метко стреляет —
Наши бока стрелой пробивает;
В его сторону не бегите,
Моему совету внемлите.
Вон едет байский сын,
Скачет сюда байский сын,
И раб его рядом с ним,
Тот, кого зовут Карагул, —
На иноходце вороном,
Ветхая, драная шуба на нем,

Чьи-то объедки он доедает,
Слабо натягивает тетиву —
Бока нам стрелюю не пробивает.
В его сторону вы подавайтесь,
Мой совет, друзья, выполняйте!

Так они и решили поступить, да только не успели: подъехали всадники и стали их теснить. Тогда лошади снова окружили Акхак-колу, сказали ей:

— Спереди холм преградил нам путь,
Сзади — враг, и нельзя повернуть;
С одной стороны разлилась река,
С другой стороны теснят берега;
Это ты нас сбила с пути,
Подговорила, принудив уйти!
Как должны мы теперь поступать?
Куда посоветуешь нам поскакать?

Как и в прошлый раз, Акхак-кола велела скакать в сторону раба Карагула, а не байского сына. И тогда лошади с топотом пронеслись мимо раба.

Байский сын стал преследовать Акхак-колу, говоря ей так:

— Это ведь ты их сбила с пути,
Подговорила, заставив уйти, —
Сбитых с толку, вновь собери,
Разбежавшихся, вместе сведи!

Но Акхак-кола на это отвечала:

— И весной ты едешь на мне,
Осенью тоже едешь на мне,
К колу привязываешь меня,
Плетью хлещешь всю, браня.
И весной спину я гну,
Черный пот свой на землю лью;
От кола голого проку нет,
На ребрах моих уже мяса нет.

Байский сын стал уговаривать лошадь возвратиться домой, но Акхак-кола не соглашалась.

Потом Акхак-кола сказала так:

— Возвратимся, если не будешь над нами издеваться.

И байский сын обещал никогда не касаться ее плетью.

Акхак-кола не очень-то ему поверила и сказала так:

— Съешь землю и поклянись!

И хозяин поклялся, съев сырую землю.

Когда присмирившие лошади повернули было домой, обозленный хозяин нарушил клятву и выстрелил в Акхак-колу. Стрела вошла ей возле хвоста и вылетела в ухо.

Тогда Акхак-кола напоследок успела лягнуть своего жестокосердного хозяина, и тот тут же умер, потому что нарушил клятву.

КАРА-ЮРГА

В стародавние времена проживал на берегах Сакмара охотник по имени Кусярбай. Была у него одна-единственная кобыла, которая жеребилась на стороне, скрытно от людских глаз. Потому и жеребята ее редко когда выживали: то волк их съест, то еще какая напасть случится. А так как другие кобылы приносили по нескольку жеребят, то их хозяева быстро богатели. Все это очень огорчало Кусярбая. К тому же, подрос его сын Абляй и стал надоедать просьбами да упреками:

— Если бы у меня был конь, выезжал бы я на охоту, как другие парни...

Когда вышла из-под снега черная земля, и кобыле пришло время жеребиться, отец позвал к себе сына и сказал ему такие слова:

— Сынок, приходит пора плодиться нашей кобыле. Не спускай с нее глаз. Если жеребчик будет, подарю его тебе. Сам будешь его выхаживать, а потом — на охоту выезжать.

Абляй был батыром и метким стрелком. Ничего не боясь и не опасаясь, стал он неотступно следовать за кобылой. Заметив, что она то и дело отбивается от табуна, обратился он к отцу:

— Отец, вымя кобылы налилось молоком. Не позднее, чем сегодня, должна ожеребиться. Дай мне своего коня, я буду ее караулить.

Когда Кусярбай дал ему своего коня, Абляй выехал следом за кобылой. А та, говорят, ушла от табуна, добрела до подножья горы и там принесла вороненой масти жеребенка.

Тот не стал беспомощно барахтаться на земле, как это делают новорожденные жеребята; не дожидаясь, когда его оближет мать и высохнет тело на ветру, стал всю резвиться и скакать взад и вперед. А волк, сле-

дивший за тем, как жеребится кобыла, стал заигрывать с жеребенком и внезапно схватил его за заднюю ногу. Ни Абляй, ни кобыла не успели и глазом моргнуть.

Услышав стон жеребенка, кобыла издала пронзительное ржание. Когда Абляй подскочил к жеребенку, точно пущенная из лука стрела, волк успел уже убежать, оставив свою жертву. Но он все же успел отхватить от задней его ляжки кусок мяса.

Однако жеребенок не умер от той раны, выжил и вырос.

Если родители Абляя радовались этому, то сам Абляй был невесел, зная, что из такого жеребенка никогда не получится доброго коня и что он никогда не будет пригоден для охоты и боевых походов.

Отец его всячески успокаивал:

— Не кручинься, сынок, говорят, что мужчину, выжившего после семи сражений, чума не берет; коня, выжившего после волка, ветер не обойдет. Пусть только подрастет — отменный будет скакун.

После этого прошло несколько лет.

Абляй обрел в округе славу первого егета — и в красоте, и в охотничьем удалстве. Подросшего коня своего, иноходца, он назвал Кара-юргой. И этот самый его Кара-юрга прославился как первый среди иноходцев.

В один из пригожих летних дней Абляй как-то сказал отцу, что хочется ему поехать по стране, на мир посмотреть, мужскую удаль и силу испытать:

— Только ль на свете Сакмар-река?
Только ли ее берега?..
Кроме зайца и рыжей лисицы,
Что на косогоре резвится,
Кроме волка, что ест жеребят,
Звери другие есть, говорят.
Кроме нашей земли, есть земли
По долинам Яика, Идели;
Есть горы Урала без конца и края,
Где соколов мужи запускают,
Где бьют медведей они и напевы
Выводят пленительные на курае.
Позволь поехать мне в те края,
Там земли другие увижу я,
Иль мужем желающий стать джигит
На одном лишь месте сидит?

Услышав такую просьбу, отец не стал противиться.

Оседлав своего иноходца, Абляй отправился в дальний путь.

Много вод он преодолел, на многих яйляу ночевал, много лесов, гор и рек пересек, пока наконец не добрался до кочевки Масем-бая, который богат был и знатен в верховьях Агидели.

Остановившись у запыленной коновязи неподалеку от юрты гостей, он не стал здороваться, как обычно принято, а сразу подергал за веревку, которой приезжие извещают ночью о своем прибытии. Масем-бая в это время не было — уехал куда-то в гости. Поэтому никто из мужчин не вышел из юрты почтить и встретить гостя.

В это время дочь Масем-бая Мактымхылу, пользуясь отъездом родителей, собрала своих подруг в пустую юрту. Заметив приезд гостя, Мактымхылу вышла за порог и, увидев возле коновязи Абляя, гарцующего на Кара-юрге, который нетерпеливо перебирал стройными ногами, ступая пять раз вместо одного, застыла на месте в удивлении.

Заметив среди суetyащихся девушек ту, что выделялась среди других, как матка в пчелином рое, своими светящимися черными глазами, длинными косами и гибким станом, Абляй тоже потерял дар речи.

Мактымхылу была бойка на язык и решительна нравом, и потому, недолго думая, повела такую речь:

— В пене пасть твоего коня —
Видно, соль он привык лизать,
Полы одежд твоих закруглены —
Вижу, ты, по всему, степняк.
Если б к отцу приехал ты,
Звучал бы приветственно голос твой.
Если бы в род наш приехал ты,
Клич бы выкрикнул родовой.
Едет это, сказала б я,
Из чужого стана жених,
Только разве на склоне дня
От невесты уйдет жених?
И мешок твой как будто пуст —
В нем не виден подарков груз.
Сказала б: брошен невестой своей,
Возвращаешься ты домой,
Но на лучшем среди коней
Не полюбится ль парень любой?

По тому, как дернул петлю,
Думала: девушку выбираешь,
Коль дернул веревку ночную ты,
Но разве для этого приезжают
Парни засветло — до темноты?
Сказала бы: путник... Только он
Разве минует множество юрт,
Чтобы остановиться тут?

А б л я й:

По обличью твоему
Дочь достойная ты отца.
Твое вниманье к коню моему,
Верь, лишь радуется молодца.
Но не сватаюсь я к тебе,
Чтоб к отцу твоему идти,
Кровной мести я не ищу,
Чтоб вели на яйляу пути.
Не бежал я с земли своей,
Чтоб бродягою где-то быть.
Не последний я из людей,
Чтоб ночью девушек сторожить.

Д е в у ш к и:

Ах, егет, одежда твоя
Говорит нам, что ты чужак.
Разговор выдает тебя,
Что пришел ты не просто так.
Имя просим свое назвать —
Нет в том странного ничего,
Коль приехал к нам издалека,
В пот вогнав коня своего.

А б л я й:

По Уралу я много бродил,
Видел, сколько хватает глаз.
Реку Идель переходил
По дороге я много раз.
Много раз я испил воды
Из рук девушек озорных,
Что порхали, как мотыльки...
Красавицу вышел я искать,
Которая б и птицу могла
Своей песнею затмевать;
Ту, что славит солнце на небе,
По ночам рождает луну.

Чья мелодия соловьиная
Держит душу мужчин в плену.

М а к т ы м х ы л у:

Егет, укрощавший диких коней,
Оленей бивший стрелой своей,
Должен имя назвать свое,
Если его не стыдится он.
Имя отца своего назвать,
Коль не подкидыш безродный он.

А б л я й:

Нет такого отца у меня,
Чтоб богатством прославлен был.
Нет такой матери у меня,
Чей язык острословен был.
А называют меня Абляй,
С берегов Сакмара я сам,
Дарит верный мне с детства кураи
Напевы дивные землякам.
И на майдане, и в седле
Я батыр на своей земле.

М а к т ы м х ы л у:

Ай, егет мой, известно нам,
Что земля твоя далека;
Что кураист и батыр ты сам —
Молва о том течет, как река.
Проходи же, будь гостем, егет,
Пока в гостях отец мой и мать.
Повеселимся, пока их нет,
Пока покой здесь и благодать.

Д е в у ш к и:

Ай, егет наш, ты так летел,
Что скакун под тобой вспотел.
Будь же гостем, коль с дальних стран
Ты приехать к нам захотел.

Видя, как искренне обращаются к нему девушки, Абляй послушно сошел с коня. Он гостил здесь, веселя и забавляя девушек, проделывая перед ними разные чудеса верхом на коне; в играх и хороводах проводил он вечера, гулял с Мактымхылу на привольных лугах и полянах.

Абляй скрывал свою любовь к девушке, хотя любовь та прямо-таки рвалась наружу. Он понимал, что у него нет калыма, чтобы заплатить за такую красавицу.

Прошло несколько дней, и Абляй стал собираться домой. Желая узнать чувства егета и решив преподнести ему подарок, Мактымхылу спела так:

Пояс вышила тебе я как раз,
Дай, твой стан опояшу им.
Соткала я узорный палас,
Дай, твой путь застелю я им.

Д е в у ш к и:

Приготовив покрепче медовку,
Будем ждать мы свадебных дней.
На бараньем жиру сготовим
Сдобу всякую повкусней.
И в знак сговора пристегнем
Пояс, вышитый серебром.

А б л я й:

Оставив Сакмар мой, пришел на Урал,
Из рук ваших пил я полною чашей.
Песни пел, на курае играл,
Дни коротая в игрищах ваших.
Напиток, которым поили меня,
Блаженство дарил мне и наслажденье.
Любил я, любовь свою в сердце храня,
Но ваши дары не дают утешенья.

Так пел Абляй, влюбленный в Мактымхылу. Однако, покидая яйляу ее отца, он так и не сказал ей ни единого слова о своей любви.

И когда возвратился домой, все чудилась ему красота Мактымхылу, слышались ее задушевные песни, прелесть красноречия. В дороге приходилось ему слышать про то, что баи предлагали за нее целые табуны лошадей, стада коров, и все же не могли удовлетворить требований Масем-бая. Подавленный и угнетенный тем, что у него нет скота для калыма, шел Абляй в задумчивости, не зная, что предпринять.

Спустя какое-то время после отъезда, вернулся из гостей Масем-бай. Не успел он как следует оглядеться, а уж Нугуш-бай прислал своих сватов, прося Мактымхылу за своего сына. Сваты, как того и требовал Масем-бай, согласились отдать несколько табунов лошадей разной масти за девушку.

Прослышав про это, Мактымхылу стала искать возможность еще хотя бы разочек увидеть Абляя. Она обратилась за советом к своей самой близкой тетке. И на-

чали они вдвоем думать и гадать. Наконец пришли к мнению: «Если украсть у Абляя его иноходца Кара-юргу, он не сможет не прийти следом за ним!» Тогда они стали искать человека, который мог бы увести Кара-юргу, пока не остановили выбор на человеке по имени Мукаш, заплатив ему за услугу много скота.

Немало кочевков прошел Мукаш, множество рек преодолел, пока не вышел на юрту Абляя. Рядом с ней был привязан Кара-юрга¹. В ночной час Мукаш отвязал поводья и увел коня с собой.

Почувствовав неладное, на лай яйляуских собак проснулся Абляй; вскочив с постели, он выбежал из юрты. Коня уже не было. Заметался Абляй туда-сюда, растерянно прислушиваясь к тишине. И вдруг до слуха его откуда-то издалека донеслось ржание Кара-юрги. Абляй разбудил своего друга и побежал к табуну, чтобы скакать в погоню за угонщиком — в ту сторону, откуда доносилось ржание его коня.

Пока Абляй вместе со своим другом добрался до табуна, пока вылавливал лошадь, стало светать; когда они оседлали наконец коней и расспросили прохожих о человеке, выкравшем иноходца, солнце успело подняться на высоту копья.

Захватив с собой двух самых близких друзей, Абляй отправился на поиски Кара-юрги. По дороге он спрашивал о нем встречных и поперечных.

Они ехали по лесным отрогам Урала. Горный спуск привел их к журчащему по камням ручью. Здесь решили они передохнуть и покормить лошадей. Подъехав к раскидистому дубу, росшему на поляне возле ручья, они хотели привязать в тени своих лошадей, но вдруг увидели под дубом свежерытую яму. Это заставило их, не задерживаясь здесь, продолжить путь дальше.

Выехав на перекресток трех дорог, друзья решили разъехаться в разные стороны, чтобы потом встретиться у того ручья под раскидистым дубом. Абляй, говорят, поехал по средней дороге.

Много земель проехал он, множество рек преодолел, прежде чем набрел на какой-то аул. Узнав, что здесь должен быть большой праздник, решил там присутствовать.

Пока бродил он в людской толпе, много восторгов успел наслушаться о новом иноходце Мактымхылу. Сразу же догадавшись, что это и есть Кара-юрга, Абляй покинул аул и напрямик помчался на яйляу Масама.

Когда он проезжал по лесной дороге, конь его, как бы почуяв что-то неладное, пронзительно заржал. Издалека ему ответила другая лошадь. Абляй повернул в ту сторону и видит: Мактымхылу едет на Кара-юрге вместе со своими подругами на гуляние. Увидев Абляя, девушка стала насмешливо напевать:

Эй, егет мой, вай егет,
Откуда взялся ты, егет?
Если свататься боишься,
Что явился к нам чуть свет?

Не обращая внимания на Мактымхылу и ее подруг, запел Абляй, с укоризной глядя на своего иноходца:

Айт, Кара-юрга,
Вайт, Кара-юрга,
Гриву черную узором
Заплету я, юрга,
Из-за какой жестокой цели
Изменил мне, юрга?

Мактымхылу от имени иноходца:

Ай, егет мой, вай, егет,
Знаю: на меня ты зол,
Все ж ушел я из Сакмара,
Я к Идель-реке пришел.
Ай, егет мой, ты отстал,
Думу девушки не знал.
Увлечен своей охотой,
Ты красавицу проспал.

Пестрых в мире нет коней,
Сонных в мире нет парней,
Холостых возя, едва ли
Конь становится быстрее.

Агидель бежит в тиши,
Девушки здесь хороши.
А сидящая на мне —
Свет-краса моей души.

А б л я й:

Через горы я перевалил,
Много речек я переходил.
Домой поедем, Кара-юрга,
Если дом тебе прежний мил.

Конокрадка ль будет мила,
Коль увела у меня коня?
Та, что скрылась, коня похитив,
Ровней будет ли для меня?

Ах, сладка вода Агидели,
В берегах своих, как в колыбели.
И все же девушки здешних мест
Воровки сущие, в самом деле!

Так пропел Абляй и, повернувшись, ускакал обратной дорогой.

Когда его стала одолевать жажда, он обернулся назад и видит, что девушки скачут следом за ним. Тогда он пустил своего коня еще быстрее. Через некоторое время он снова повернулся назад и увидел, что только Кара-юрга с Мактымхылу продолжает неотступно следовать за ним. Лошади под другими девушками выбились из сил и намного отстали.

Тогда Абляй пустил своего коня во весь опор.

Видя, что Мактымхылу на Кара-юрге ничуть от него не отстает, он остановил свою лошадь у родника, где условился встретиться с друзьями, спешился.

Между тем подъехала Мактымхылу, далеко оторвавшаяся от подруг, и остановилась, не сходя с иноходца.

Абляй обошел Кара-юргу со всех сторон, внимательно к нему приглядываясь, и видит: удила его в кровавой пене, а глаза черной кровью заплыли. Когда он понял, что Кара-юрга сам примчался за ним, не подчиняясь воле девушки, он ничего не сказал Мактымхылу, взял платочек и стал вытирать окровавленные удила. При этом ласково трепал коня по шее и напевал так:

Не мог даже сокол тебя догнать —
Так кто же смог тебя оседлать?
Как, чужим подчинившись, ты
Славу свою дал запятнать?

От тулпара рожден ты был,
Конем моим любимым ты слыл.
Лишив покоя меня, сбежал —
Изменником коварным мне стал.
Найдешь ли коня, как Кара-юрга? —
Не даст он узду надеть на себя.
Коль снять позволит ее чужим,
Кто тогда посчитается с ним?

После этого обратился он к девушке:

Сойди на землю! Своей рукой
Умою лицо твое чистой водой.
Пока не отъехала далеко,
Сердце, красавица, мне открой!

М а к т ы м х ы л у:

Конь достойный — Кара-юрга,
Его хозяин — Абляй-батыр.
Я же шутить надумала с ним —
Ох и глупая же я, Мактым!

Если я на Урале росла,
Не сойду никогда с седла.
Если любишь, то от души
Это слово любви скажи!

Иноходец привез меня —
Так что, благодари коня.
Мнимой смелостью не кичись,
Своего иноходца браня.

А б л я й:

Ай, Кара-юрга,
Вай, Кара-юрга,
Ты позволь поцеловать
Ту, что в седле твоём, юрга!

Ай, Кара-юрга,
Вай, Кара-юрга,
Избранницу сердца моего
Отпусти же скорей, юрга!

М а к т ы м х ы л у:

Ай, Кара-юрга,
Вай, Кара-юрга,
Непослушный удилам, ты
Умчал меня, юрга.

Ускакал со мною вместе,
Сил лишить меня хотел.
Дорожа хозяйской честью,
Сбить с пути меня сумел.

Выехали мы с тобой,
Чтоб потешиться игрой.

Оказалось, ты имел
Хитрый умысел и злой.

На Урале я росла,
Баловницей там была —
Все позору предала!
Ведь уральский я цветок.
На меня снег-иней лег.
Знай, что ты, Кара-юрга,
В тот позор меня завлек!

Сказала она, уязвленная и оскорбленная тем, что так легко взял ее егет. И еще более потому — что встретил он ее с неприветливым лицом. И от всего этого она горько заплакала.

Абляй же, говорят, пожалел ее и поделился с ней своими мыслями:

Соколиха ты гор Урала,
Растил невинной тебя твой край.
За тобой охотиться стал я —
Тот, кого называют Абляй.

В пот вогнав коня, прискакал я,
О тебе собирая молву.
О калыме ли думать стану,
Если милой тебя назову?

При тебе растерялся вдруг я,
Лик увидев светлей луны.
Я не знал, что твои подруги
В твою тайну посвящены.

Я коня повернул налево,
Чтоб вдали одному побыть,
Но не мог я прекрасную деву
Даже в доме своем забыть.

Любым мужчиной будешь любима,
Понапрасну слезы не лей.
Скажут: приехал, мол, без калыма —
О калыме том не жалея.

Не признал бы тебя иноходец,
Если б чудной ты не была.
Не сидела б в седле сегодня,
Коль была бы мче не мила.

В свои мелодии погружая,
Урал красивой тебя взрастил.
Возле Сакмара играл на курае
Твой егет, что тебя полюбил.

За калым брать девушку в жены
Красило ль мужчину когда?
В богатстве отец мой Масему не ровня,
Не те табуны у него и стада.
Нет у меня для калыма скота.
Вот поэтому иноходец
Нас с тобою привез сюда.

Если руку егет подает, —
Должна ли девушка слезы лить?
Если души любовь сведет, —
Может ли войско их разделить?

Свое последнее слово скажи!
Вовек бы отец тебя не отдал.
Слишком он тобой дорожит,
Чтобы мстить за тебя не стал.

Колени, Кара-юрга, преклони —
Жестким стало седло твое.
Устала Мактым от своей страны —
Ласкою утешим ее.

Кара-юрга подогнул ноги, как верблюд, и Мактым-хылу сошла на землю. Протянув Абляю сердоликовое кольцо, сказала ему такие слова:

Мой егет! Этот дар принимая,
Знай: то память о встрече с тобой.
Ведь тебя приманила сама я,
Хитрой прикинувшись лисой.

Для отца честь всего дороже —
Этой обиды он не снесет.
Но разлучить нас с тобой не сможет,
Если даже поднимет весь род.

Волосы заплетаю в пять кос я,
Но владеть могу и мечом.
Пусть отец мой шлет мне угрозы —
Не будет преградой он на пути моем!

Услыхав из уст ее такие слова, Абляй обнял девушку и, оставив лошадей остывать после скачки, сел с ней отдыхать на зеленой полянке. Затем, не дожидаясь двух своих друзей, с которыми условился здесь встретиться, и еще оставив на берегу тамгу Кара-юрги, — мол, поехал домой, — отправился он в обратный путь вместе с невестой.

Приехав на родину Абляя, справили они свадьбу и повели совместную жизнь.

Однажды вместе с батырами своего рода неожиданно-негаданно нагрянул Масем-бай, окружил со всех сторон яйляу Кусярбая и потребовал к себе Мактымхылу. Сам же с коня сходить не стал. Кусярбай прислал к нему людей и пригласил на яйляу, но Масем не принял приглашения.

Тогда Абляй сел на серого коня, посадил Мактымхылу на Кара-юргу, и вместе они выехали навстречу Масему.

Увидев свою дочь, вскипел Масем злобой и гневом и сказал ей такие слова:

Еще и ростом не вышла ты,
А уже от отца отреклась.
Честь отцовскую растоптав,
Честь Урала втоптала в грязь.
Бросив чистый воздух Урала,
Ты в степные края ускакала,
Опозорила весь мой род —
Кто позор наш теперь сотрет?
Тебя обманули или похитили?
Если похитили — назад заберу.
Если нет — больше не жить тебе,
На этом месте тебя застрелю!

Масем-бай наложил стрелу на тетиву своего лука и стал перед дочерью, дожидаясь от нее ответа.

Мактымхылу видела, каким гневом и злобою кипит ее отец, и все же держалась спокойно и уверенно и отвечала ему с достоинством:

Зря стрелять не станет мужчина,
Как мальчишка в пустой игре.
Зверя выследив на охоте,
Не оставит его в норе.

Никогда настоящий мужчина
Ссору просто так не начнет.

Прежде не выяснив причину,
С тайной мезтью к чужим не придет.

Ах, отец мой! Урал родной
Растит достойных себе мужей.
Не растит твой Урал родной
Тем мужам не покорных коней.

Стрелу свою отведи, отец.
Выслушай слово мое, наконец:
Не ищи виноватых среди нас,
Лучше выслушай мой рассказ.

Кара-юрга — прославленный конь,
Кровь тулпара в нем и огонь;
Он украл меня — не Абляй,
Если сможешь — в коня стреляй!

Но, несмотря на то, что она подробно рассказала, как похитил ее лихой иноходец, отец так ей и не поверил.

Заметив это недоверие, Абляй промолвил, глядя в упор на Масема:

— Увези Мактымхылу, посадив на Кара-юргу. Только пусть никто не берет его за узду. Юрга довезет ее до Сакмара, но переходить на другую сторону не станет, повернет обратно. Если сумеете перевезти свою дочь за Сакмар, я не стану вас преследовать.

Масем согласился с этим условием, увез дочь, посадив ее на иноходца.

Когда день стал клониться к вечеру, все обратили взоры в ту сторону, где густо клубилась пыль, и увидели, как со стороны Сакмара несется Кара-юрга с Мактымхылу на спине. Когда Мактымхылу добралась до яйляу, то немного спустя подъехал сюда и Масем вместе со своими людьми.

Абляй вышел им навстречу, а Масем подошел к своей дочери:

Чем играть с привой коня,
Лучше б с чертом играла ты!
Чем пререкаться тут с отцом,
Лучше б в доме моем умерла!

Исчерпал проклятий слова я,
Хочешь — свадьбу справим твою?
А не хочешь — дорога степная
Увезет нас в сторонку свою.

М а к т ы м х ы л у:

Отец! Хоть сам ты мужчина славный,
Но не научился мужчин узнавать.
Не мог разглядеть ты под шубою старой
В егете степном богатырскую стать.
Тот, кто страшится упрямых коней,
Тот, кто последний среди смелых парней,
Кто не заменит отца своего,
Не защитит свой род от врагов,
Тот, кто не сам выбирает невест,
Тот, кто ославлен за трусость окрест,
Мужем не будет мне никогда!

Услышав такие слова дочери, Масем повернулся к Абляю и произнес:

— Увидели славу твою и сноровку: вырос егетом и коня подстать себе вырастил. Если конь издохнет, сможешь ли сам прокормиться, «дым пускать?» Покажи нам свое удалство!

И стал Абляй перед всем народом показывать все, на что был способен: играючи ездил на коне, боролся, стрелял из лука, пел песни и играл на курае, и всех тем безмерно поразил. И тогда Масем согласился быть его гостем, прошел в юрту Абляя.

В это время приехал сын Нугуш-бая, который согласился отдать калым за Мактымхылу, назначенный Масем-баем: табуны разномастных лошадей, и поднял крик и шум, требуя от Масема его дочь:

Сколько положено числом,
Столько есть лошадей у меня.
Коров, покрывающих все кругом, —
Стада бесчетные есть у меня.

Если нужен богатый калым, —
Я любой заплатить готов.
Коль к свадьбе нужно резать кобыл, —
У меня их пять косяков.

Семь родов на земле моей,
Все они свою долю внесут.
Коль юрта невесте нужна моей, —
У меня восемь белых юрт.

Услышав эти слова, Масем ничего не мог сказать сыну Нугуш-бая, посмотрел выжидающе на Мактымхылу:

— Не стесняйся, слово скажи,
Будем вместе держать совет.
Если слова твои от души, —
Сама жениху и дашь свой ответ.

М а к т ы м х ы л у:

Пустынны Сакмара берега —
Им вовеки ль такими быть?
Не считайте, что сын бедняка
Не сумеет добро добыть.

Не считайте, что не уплывет
Счастье из рук байских сынков —
Их Мактым себе не изберет,
Не подарит свою любовь.

Коль за Нугуша выдашь силком,
Не думай: противиться, мол, не начнет,
Что в могиле, во мраке земном,
Места себе она не найдет.
За калым не продамся я,
Коль предо мной недостойный егет.
В объятья его не отдамся я,
Если сердечной любви к нему нет!

Когда Масем-бай решил отдать свою дочь за Абляя, сын Нугуша со своими батырами с позором уехал к себе домой.

Устроили большой пир, и Абляй с Мактымхылу, славя Кара-юргу, который был причиной их встречи, пели ему так:

Хайт, Кара-юрга,
Вайт, Кара-юрга!
Круглые твои копыта
Подкуем мы, юрга,
Гриву, что ветрам открыта,
Заплетем мы, юрга!

И весь народ им подпевал.

КОНГУР-БУГА

На южных башкир напали враги. На помощь им от северных башкир во главе войска прибыл Минэй-батыр. Он яростно сражался с врагами, напавшими на стра-

ну, — хунскими тюрками¹, и своим богатырством изумил всех. За мужество, которое проявил он в той битве, башкиры этого края решили выдать за него замуж Тандысу, считавшуюся первой красавицей этих мест. Родители Тандысы проводили дочь в дом жениха, дав ей в приданое бурую корову².

Прихватив с собою ту корову, Минэй и Тандыса пошли по низовьям и сыртам Урала на север, на родину батыра. Они полюбили друг друга и начали жить в счастии и согласии. У них родились красивые и крепкие дети.

Бурая корова каждый год приносила разномастных телят, даря потомству тот или иной цвет. Отелилась она семь раз и оставила свет. Оставшаяся от нее седьмая телка тоже семикратно отелилась и тоже издохла.

Так прошло около шестидесяти трех лет.

Шесть коров от каждой коровы хозяин отдавал людям, и так расплодилось это потомство.

Седьмая телочка от седьмого потомства всем видом своим и нравом необыкновенно походил на самую первую бурую корову. Ее тоже стали называть Конгур-буга. Когда ей пришла пора телиться, она принесла двух невиданных и неслыханных досель в животном мире телят. Одна телочка была бурого цвета, другой же — пестрый бычок. После этого Конгур-буга стала беспокойной, мычала и редела, а иногда не возвращалась с пастбища, подолгу где-то пропадая.

Однажды Конгур-буга исчезла вместе со своими телятами. «Кабы вместе с ними не ушло мое счастье», — опечаленно думала Тандыса. Она обошла все окрестные горы и леса, добралась до урочища Бисуры³, названного так по имени матери дивов, но скотину свою так и не смогла отыскать. Нигде не найдя следов, подумала про себя: «Погоди-ка, видно, неспроста это Конгур-буга была такой беспокойной», — и направилась к дороге, по которой когда-то в юности пришла сюда невесткой. Вдруг увидела она следы копыт, кучки навоза, пучки шерсти на коре шершавой березы, где чесалась ее скотина. «Ага, моя скотинушка, оказывается, направилась на мою родину. Уж на что животные, и те не забывают родную землю», — подумала она и пошла по их следам. Свои переживания вкладывала она в песню:

От поисков болят и ноют ноги
На перевалах, в чащах и лугах.

Но сколько б не смотрела на дороги,
Не отыщу скотину я никак.
Конгур-буга, хау-хау,
Ты, буренка, хау-хау...
Не стихает в сердце пламя,
Облила ваш след слезами,
У судьбы молила я,
Вам вослед взывала я,
Думала, медведь задрал
Или вор какой украл.
Конгур-буга, хау-хау,
Телки мои, зап-зап-зау,
Хау-хау-хау,
Хау-хау-хау!

Тандыса была безмерно рада тому, что напала на след своей скотины. «Или мои стенания дошли до Тэнгри, и он внял моим мольбам?» — подумала она.

И скорбь, и боль, что на сердце моем,
По следу вашему уходят в дали.
Или мольба, что в голосе моем,
Дошла до неба в час моей печали?
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Ты, буренка, хау-хау-хау!
Сердце чужало мое,
Что уйдете вы домой,
Счастье мне еще дано —
Я найду вас все равно.
Этот путь, что вдаль ведет,
В дом отцовский приведет.
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Телки мои, зап-зап-зау!

И когда шла из отчего дома в страну Минэя, и когда блуждала в поисках своей скотины, Тандыса немела от изумления и восторга, глядя на нескончаемо изгибающиеся отроги Урала. Смотрела она на эти отроги и сырты, на далекие долины, затянутые синим дымком, и тянула про себя песню:

Через хребты великого Урала
Дорогу пролагала я в рассвет.
Избила ноги я на перевалах,
Шагая за скотинушкой вослед.
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Буренушка, хау-хау-хау.

Кто, скажи, шагать привык
Через горы напрямик?
Без скотины мне нельзя
Повернуть теперь назад.
Иль за вами мне идти,
Чтоб настигнуть по пути?
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Буренушка, зап-зап-зау!

В те времена на великом Урале водилось несметное множество хищников, и одиноким путникам было опасно отправляться в путь. Тандыса шла по острым камням и скалистым склонам Уральских гор. Ноги ее были изрезаны и исколоты. Не в силах превозмочь боль, она время от времени начинала поглаживать их и растирать. А затем, напевая песню, продолжала свой путь:

Дорога за отвалами Урала —
Остроконечный и крутой кремень.
Породист скот мой! Там красу вбирал он,
Куда стремлюсь за ним я каждый день.
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Буренушка, хау-хау-хау!
Буду связывать тебя
И кормить — браня, любя,
Молоко твое взбивать,
Жизнь с тобою коротать.
Клятву я дала: тебя
Никогда не обижать.
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Телки мои, зап-зап-зау!

Скотина Тандысы идет, не сходя и не сбиваясь с одной и той же каменистой дороги, словно знает: свернет в сторону — собьется с пути. По ходу поедают верхушки трав, растущих вдоль дороги. А пить захотят — утоляют жажду только из чистых родников и речек, в заводях. Чтобы не заблудиться, траву они щиплют по правую сторону от нее, а воду пьют — по левую сторону, потому что представляют, что с ними может случиться. И такой их сообразительности опять же дивилась Тандыса:

Цветы обрывая, по вике идешь,
И, нюхая землю, свой путь познаешь,
И в жажду росу огнеоковую лижешь,
Тоскуешь, но голову гордо несешь.

Конгур-буга, хау-хау-хау,
Буренушка, хау-хау-хау.
Все обнюхиваешь ты,
Щиплешь травы и цветы,
Бросив стойбище свое,
Ты идешь через хребты.
Только шаг не ускоряй,
Утомиться мне не дай.
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Телки мои, зап-зап-зау!

Когда Тандыса проходила вдоль скалистой горы, дорогу ей перебежала куница. Через некоторое время куница взобралась на дерево и поскакала с одного ствола на другой, резвясь и играя. «Если куница переходит тебе дорогу, это к добру», — вспомнилось Тандысе.

Ах, не твой ли мех, куница,
Греет в стужу нас зимой?
Гор Уральских вереница
Всходит к небу над землей.
Ах, Урал ты мой, Урал,
Я гляжу на гребни скал.
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Буренушка, хау-хау-хау.

С этого времени Тандыса стала слагать песни каждому зверю, каждой птице, всякой твари, которая встречалась ей на пути.

Паром дыша и жвачку жуя,
Лоси стадами на взгорьях играют;
Вышла в дорогу и вижу я:
Ты, мой Урал, подобен раю!
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Буренушка, зап-зап-зау!

Время от времени Тандыса оглядывалась по сторонам. На вершине высоких гор виден ослепительно белый снег. Впереди — необозримо-темный лес. «Чего только нету в том лесу!» — думала она с восторгом.

Когда Тандыса первый раз шагала с батыром Минэем по Уралу, он показался ей совсем тихим и неопасным. Ехали они так, и вот однажды перед ними пробежала чернобурая лисица серебряного отлива. Минэй тут же подстрелил лисицу, показав свою удивительную меткость.

Когда утром Тандыса продолжила свой путь, стала она вспоминать о прошлом и напевать о Минэе, который когда-то разгромил врагов, напавших на южных башкир:

Знает семьдесят хитростей разных
В серебре черно-буром лиса.
Коль батыры есть, враг не опасен —
Он напасть не посмеет, друзья!
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Буренушка, хау-хау-хау.
У Урала сыновей не счесть,
Что страну не отдадут врагам.
Очень много неприступных мест —
Враг найдет свою погибель там.
Пусть же укрепляется Урал,
Чтобы враг пред ним сраженный пал.
Буренушка, хау-хау-хау,
Телки мои, зап-зап-зау!

Тандыса перебралась через звонко бегущий ручей и пошла по склону противоположной горы. Неожиданно перед ней метнулась косуля и пропала с глаз долой. Тандыса застыла на месте, пораженная ее красотой и стремительностью.

Шла Тандыса, шла, и вот еда, которую она прихватила с собой в узелке, кончилась. Она двигалась голодная, готовая проглотить все сколько-нибудь съедобное, что подвернется на пути.

Всю поляну обложил борщевник,
После благодатного дождя.
Не хотела — заблудилась все же,
За скотиной резвою идя.
Ах, скотина увела меня,
Я иду за ней в изнеможении.
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Буренушка, хау-хау-хау!
Тише, беглецы, шагайте,
Утомили вы меня.
То бегу вослед за вами,
То шагаю, вас кляня.
Буренушка, хау-хау-хау,
Телки мои, зап-зап-зау!

Тандыса пожевала хрустящие листья борщевника и только-только прорастающие его корешки и почувствовала некоторую сытость. Она прошла через берез-

няк, растущий там и сям, через редкий строй лиственниц и толстых осин, миновала сосновый бор и вышла на лесную опушку. Там она увидела самку кулана, которая, не ведая страха, широко расставив ноги, кормила жеребенка.

Ростом и красотой наделен
На Урале растущий кулан.
Скот, что из мест родных уведен,
Возвращается в прежний свой стан, —

так утешала она себя, а потом закричала пронзительным голосом, который так и разорвал тишину:

Конгур-буга, хау-хау-хау,
Буренушка, хау-хау-хау!

Пошел теплый дождь и умыл бурую землю, которая только что обнажилась из-под снега и лежала, дыша паром. Тандыса вспомнила слова матери: «Мой голову первым весенним дождем — ляйсаном — никогда не будешь болеть». И она пошла дальше, несмотря на усталость и ломоту во всем теле.

После этого Тандыса прошла много дорог, сильно проголодалась. Тут она заметила пчелиный рой, летающий со звонким гудением. Присмотревшись к дереву, она заметила, что из дупла, пробитого дятлом, вылетают пчелы. Она полезла на дерево, схватившись за высоко торчащий сук, но тот вдруг обломился. Из-под него потек по стволу густой мед.

Отец и мать рассказывали Тандысе, что в стародавние времена происходили жестокие битвы за Урал; что захватчики, проникающие внутрь Урала, грабили народ, насильствовали девушек и женщин, угоняли с собой отнятый скот. Она представила себе, как батыры вступали в смертельную схватку с врагом, защищая родной очаг, и запела так:

Лапы веток сосны распластали,
Украшая склоны древних гор.
Не жалея жизни, проливали
Кровь свою батыры с давних пор.
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Буренушка, хау-хау-хау.
Вместительны такие ножны,
Что богатырский меч хранить должны.
Тот славой быть увенчан должен,
Кто защищает честь родной страны.

Есть издавна в стране закон:
Мужей на битву призывает он,
Буренушка, хау-хау-хау,
Телки мои, зап-зап-зау!

Несмотря на усталость ног и рук, ломоту во всем теле, Тандыса продолжала идти вперед.

Спустившись по пологому склону горы, увидела она мелкий ручеек, который звонко журчал на каменистом дне. Прыгая с камня на камень, перебралась она на другой берег. Поднявшись на небольшой холм, увидела впереди высокие синие вершины гор, которые упирались в самое небо. Удивляясь нагромождению огромных камней, каждый из которых был величиной с копну, вспомнила она слова отца: «Каждые пятьдесят-сто лет Урал-батыр накладывал один камень на другой».

Потом она шла по многоярусным отвесным теснинам, вышла на равнинное место, со всех сторон окруженное необъятными вершинами гор. «Здесь, наверное, отдыхали воины», — решила она, карабкаясь на крутой склон и опускаясь с него снова. Пробираясь сквозь нагромождения камней, почти упирающихся друг в друга, перешла она через прозрачный ручей и поднялась на холм в надежде найти там плоды и ягоды. На противоположном взгорье увидела она вздымающиеся над землей каменные громады и круглые валуны. «Уж не могилы ли это наших предков? — подумала она. — И не их ли волосы — эти белые ковыли, растущие там и тут?» И, глядя на порхающих над теми ковылями серых птах, на торчащие из-под земли плоские камни, стала припоминать кубаир, который слышала еще от отца:

На Урал поднимался свой,
Изготовясь перед бедой,
В землю упираясь ногой,
Подпирая скалы рукой,
А когда, во гневе к врагам,
На коне, как ветер, скакал,
Акбузата всю горяча,
Не жалея в бою меча,
Беспощадно врагов разил,
Криком страх на врагов наводил,
Во все стороны он махал
Тем мечом, что в руках сжимал.
В схватке был он неукротим,
В скачке можно ль поспеть за ним?

С диким воплем: «Гони! Гони!»
Бил нещадно врагов страны.
Их за глотку хватая в бою,
Ненависть изливал свою.
Силу в храбрости черпал он,
Из врагов исторгая стон,
Прочь их замертво он кидал,
Сил и мужества их лишал,
И десятками их сметал,
Прочь десятками он их гнал,
Прочь и сотнями их он гнал.
О, мужчина! Муж-богатырь,
Рубящий врагов богатырь,
Бился ты, не жалея себя, —
Вся в народе слава твоя;
Вспоминая о ней, говорю,
Говорю это я, говорю;
Себя не жалея, кровь проливал,
Стиснув зубы, врагов кромсал,
Окружал их со всех сторон
И нещадно уничтожал.
Грудь свою расправив скалой,
Возвышался грозной горой,
В битве был он страшен и зол;
Той дорогой, что враг пришел,
Из страны своей его гнал,
За Иртыш-реку отметал,
Отгонял его, отгонял.

Тандыса шла по равнинной местности, поросшей редкими деревцами, и потом снова оказалась в объятиях гор. Пройдя невысокие края, поднялась наверх и вышла к каменистым сопкам, где росла дикая гречиха. В юности она вместе с подружками свозила на лошади снопы гречихи домой. Однажды караковый иноходец не дал поводья и понес Тандысу. Она растеряла все снопы собранной гречихи. «Без гречихи стыдно будет возвращаться», — подумала она и стала собирать дикую гречиху; затем вскочила на своего каракового иноходца и поскакала вслед за подружками.

Тандыса очень утомилась, ноги ее болезненно ныли, суставы ломило.

Стал накрапывать дождь, который вскоре усилился. Вдали клубились густые тучи. Сверкала молния, и, сотрясая землю, гремел гром.

Только Тандыса вступила в лиственную чащу, как

сразу же хлынул сильный ливень. Неудержимо полыхнула молния, и зарокотал гром. К тому же, огненная молния стала свертываться клубком и носиться вокруг Тандысы. В страхе бежала она от нее, а огненный шар продолжал преследовать. Перепуганная женщина заметила камень, похожий на шапку, прижалась к нему, зажмурилась, и сразу же дождь стал ослабевать, гроза утихла. Потом дождь и вовсе прекратился, молния улеглась, и лес, и все пространство вокруг наполнились покоем и тишиной.

Когда пали сумерки, Тандыса стала искать место для ночлега. Она забралась на скалу, пологую с одной стороны и крутую — с другой, и легла спать на поросший мхом ступенчатый камень. На случай, если появится медведь, выбрала удобный выход для бегства: под скалой росла сосна.

И в самом деле: на рассвете появился медведь. Тандыса бросилась к той самой сосне и стала на нее карабкаться. Медведь полез за нею следом. Дерево не выдержало такой тяжести и с треском обрушилось на землю. Тандыса успела зацепиться за соседнюю высокую сосну, уселась там на сросстке ветвей и так спаслась.

Тандыса опять блаженно уснула.

Теплые лучи алого солнца разбудили ее. С его восходом странница отправилась в дальнейший путь.

На лужайке, где сутились перепелки, она поела спелые ягоды. Вспомнилось ей, как она плясала с девушками и егетами, играя «Перепелок», повторила про себя песенку, которую егет поет девушке:

Не дам сокола запустить,
Перепелку не дам забить,
Возьму и украду я тебя,
Если будешь меня томить.

Взору ее предстала большая река, которая, извинаясь, текла вдоль дороги, по которой она шла:

Вон, Зилаир, наверное, река.
Я камень захвачу для оселка.
Когда бы мне до родины добраться,
Я счастье обрела бы на века.
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Хау-хау-хау! Зап-зап-зау!

Отец Тандысы Улькар был ученым человеком, который лет двенадцать или тринадцать учился в Тегеране на лекаря. Он готовил из уральских трав различные

снадобья, лечил ими людей, возвращал им здоровье. Он входил в круг тегеранских поэтов, сам был склонен к поэзии и слыл сэсэном. Тандыса думала: «Если доберусь до дому, отец излечит мне израненные ступни, ободраные колени и лицо, приложив к ним листья подорожника и смазав красно-бурым настоем из пушистых листьев».

И сложила об этом песню:

Пока есть ремень — муж не умрет,
Девясил есть — конь не умрет.
От ноющей боли лекарство —
Муравьиное масло;
От хвори, болезни каждой
Средство найдется однажды.
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Буренушка, хау-хау-хау!

Израненные кремнево-острыми камнями, чилигой, ободранные о коряги и пни, истрескавшиеся и побитые ноги Тандысы были невыносимо. Она шла, раздумывая, как успокоить боль, и набрела вдруг на два муравейника, один — с котел, другой — с копну величиной. Здесь она нашла муравьиное масло, натерла им ноги, дождалась, пока масло впитается в кожу ног. Боль прошла, ноги зажили и перестали ныть. Она словно бы отдохнула и резво зашагала дальше.

Шла она, шла, пока не вышла на край лесной опушки. Присев под березой, она притронулась к стеблю цветка и повернула к себе, с удивлением подумав: «Может быть, роза тоже заблудилась, вроде меня?»

Цветок начал раскрываться, раздвигаясь и увеличиваясь, пока не стал большим, как войлочная шапка, и вдруг заговорил тоненьким детским голоском:

Путь далек у тебя, я знаю,
От усталости ты изнываешь,
Не надолго остановись,
Отдохни и сил наберись!
Дочь отважная ты страны,
Дочь красивая ты страны.

Раздались звуки курая, которые взволновали и всколыхнули ее душу. И певучий тот голос, и песня, и сама мелодия лились между ветвей раскидистой березы. Но в мелодию эту внезапно ворвался с противоположного горного хребта могучий топот копыт, от

которого задрожала вся земля; и над Уралом раскатился неслыханный доселе голос:

Эти горы, свет излучающие,
Из недр земли поднимающиеся, —
Пристанище рода моего,
Страны моей опора и торжество.

Обернувшись на этот голос, Тандыса увидела батыра, ехавшего к Уралу на Акбузате, держа в руке меч и уходя головой за облака. «Наверное, это дух Уралбатыра, чтобы враг не ступил на него ногой, не грабил и не разорял народ. Оказывается, это правда», — подумала Тандыса, вспоминая рассказы дедов. Она до тех пор провожала взглядом это необыкновенное видение, пока оно не скрылось с глаз. Вспомнив слова стариков: «Если спать на кладбище, с тобой ничего не случится», — решила ночевать здесь, поняв, что находится на кладбище предков.

Увидев отца и мать в рассветных сновидениях, она обрадовалась, поднялась с просветленной душой; расправила плечи, подвигала руками и отправилась дальше.

В то давнее время, когда Минэй и Тандыса направились в дом жениха, ведя с собой стельную корову, подаренную стариком Улькаром и матерью Тандысы — старухой Ухэбикой, прежде всего на песчаных просторах этого края увидели они бурундука и тушканчика. Тогда, лаская взглядом Минэя, Тандыса сложила свою первую песню об Урале и его батырах:

Тушканчик и бурундук веселятся
На косогоре окрест.
Боясь даже тени батыра Минэя,
Бежали враги с этих мест.

И, нежно поглаживая бурую корову, она впервые произнесла нежные слова:

Конгур-буга, хау-хау-хау,
Буренушка, хау-хау-хау!

Смотрела по сторонам и напевала:

Будет дом родной спокоен,
Коль батыр отважный есть.
Не нагрянет враг с войною —
Сохраним его мы честь.

О, Минэй, мой смелый батыр!
Страну защищающий богатырь, ау,
Дом свой защищающий богатырь!

Тандыса прошла через обрывистые скалы, крутые откосы и хребты, миновала камни, величиной с большой стог на ровной поляне, буераки и рвы, солнечные лужайки и темные чащи. После этого каменные, ребристые скалы Урала остались позади, и лишь иногда встречались остроконечные невысокие горы.

Тандыса вошла в лес, где росли приземистые осины, дуб, липа, ильм и клен. «Кажется, давно уже я прошла то место, которое означает середину Урала. Не приближаюсь ли я к его концу?» — подумала она.

Затем она вышла на какую-то маленькую речушку, затем обогнула горный мыс, поднялась на крутояр и сразу же наткнулась на волка, сидящего прямо на дороге, выгнув спину и разинув пасть. От неожиданности она сильно напугалась. Отодрав гладкий сук лиственницы, росшей перед ней, и схватив в другую руку сосновую палку, она смело шагнула навстречу хищнику. Стоило зверю, оцетинившись, броситься на нее, как она сунула палку в его пасть. Суком лиственницы она ударила его по макушке. Волк исчез в придорожных зарослях.

Тандыса шла по бесконечно длинной дороге, истомленная и изнывающая от боли и мучений, пока наконец не заметила, что здешние горы и реки стали похожи на те, что были в ее родной сторонке. Повеселевшая, пошла она, распевая песни, и вдруг потеряла след своей скотины. Кинулась туда-сюда в поисках следов, но так и не смогла их отыскать. Она спустилась на пологий бережок речки, которая текла, изгибаясь, и решила переспать на берегу речной излуки. Привыкшая находить ночлег среди скал и камней, Тандыса не сразу привыкла к ровным берегам реки.

Когда солнце уже собиралось заходить, она вышла на отмель реки и прямо с берега поймала хариусов и форелей, что кишмя кишели в воде, разожгла костер, испекла их и съела.

Три дня кряду искала она, крича полным голосом, Конгур-бугу, которая сбежала с двумя телятами, и каждый раз по вечерам возвращалась на одно и то же место. Через три дня, когда она встала со сна, на ближнее дерево села ворона и стала каркать. Собрались сороки и затрещали в зарослях. При виде сорок

Тандыса подумала, что эти священные птицы принесли ей добрую весть. И это ее успокоило.

Наутро четвертого дня Тандыса решила идти к югу. Она наткнулась на какое-то озеро, откуда с шумом взлетели кряквы.

В озерах утку-крякву, коль дано,
Егет-охотник метко подбивает.
Коль человеку в жизни суждено,
Он много мук и горя испытает, —

пропела она, и голос ее отозвался вдалеке.

Перейдя вброд небольшую речушку, она увидела на стволе лиственницы шерсть скотины и повернула в ту сторону.

Цветочек белый и цветок фиалки
Между собою разговор ведут.
Хоть далека я, но душою жаркой
Я с вами разговариваю тут.

Звонкий голос заполнил лес, ударился о камни скал и вернулся обратно эхом. Этот голос услышала и ее скотина за горным перевалом и пошла в сторону хозяйки. Вот подбежала Конгур-буга вместе с телятами, и Тандыса в слезах обнимала их и ласкала, как родных детей. А потом животные вновь пошли быстрым шагом вперед. Тандыса последовала за ними. Скотина ушла вперед и дожидалась ее возле старенькой юрты. Подошла туда и Тандыса. Встречь вышла старая, согбенная старушка. Тандыса увидела родинку на лбу старушки и растерянно уставилась на нее, с трудом узнавая мать. Вышел из юрты столетний старик, в котором Тандыса по виду признала отца, назвала им себя. «Правда это или ложь?» — повторяли старики, дотрагиваясь до нее рукой и пристально приглядываясь к своей дочери.

Тандыса обняла родителей, прижала их к своей груди и запела:

Матушка моя, подойди,
Не удивляйся, отец!
Радость теснится в груди —
Ах, насмотрюсь, наконец!
В тоске я вся пожелтела,
От слез своих постарела —
В теле одна лишь усталость.
Видно, души моей суть,

Больно теснящая грудь,
Пища моя — здесь осталась.
С вами недолго мне быть —
Десять детей моих дома,
Как на подбор все... Они
В груди моей каменным комом.

Тандысу встретили с радостью. Отец с матерью старались угостить дочку лучшим, что у них было. Поев и попив, Тандыса успокоилась и сказала:

Теперь утешилась я,
Спокойна скотина моя.

Видя, как изнемогла дочь, много недель шагая из далеких мест, как обессилела она и исхудала, старуха Ухэ сказала ей: «Дитя мое, ты утомилась, ложись мне на колени», — и положила перед собой подушку. «Ложись на колени», — упрашивала она.

Отец Тандысы старик Улькар стал натирать потрескавшиеся, израненные ноги курдючным жиром барана. Тандыса не заметила, как погрузилась в сладкий сон. На нее капнула одна-единственная слеза матери. То была слеза первой ночи супружества матери и отца, в их далекой молодости. Потом из глаз матери капнули еще две горячие слезы. То были слезы разлуки матери с дочерью. Они словно бы прожгли лицо Тандысы, и она проснулась, вздрогнув. Увидев отца и мать, радостно улыбнулась им и, положив голову на колени матери, опять уснула сладким сном.

Проспав день и две ночи, она наконец проснулась. В ее честь устроили угощение, развлечение да веселье.

Сказавши скотине: «Вы тоже гости наши дорогие», — дали полизать соли.

Сам старейшина рода протянул Тандысе чашу, полную кумыса, и сказал: «Пей вместо молока матери, дочь моя». Тандыса взяла чашу и запела, покачиваясь:

Нам завтра выходить в дорогу —
Хребты раскроют настежь дверь.
Моей скотине, слава богу,
Не будет страшен хищный зверь.

Она поклялась перед всем народом до самой смерти не забывать родную землю, отца своего и мать.

Ели-пили, предавались веселью, праздновали возвращение любимой дочери в отчий дом.

Но вдруг опечалилась Тандыса и пропела такую песню:

Ешьте, пейте! Ведь от угощенья
Дом еще не скудел... В час беды,
Все пустым обращается тщаньем —
И глотка не проглотишь воды.

Наутро собрался народ, чтобы проводить ее в дорогу. Старейшины рода произнесли напутственные слова, а родители — свой завет-аманат.

Самая старая в роду старуха запела, глядя на Тандысу и ее родителей:

Этот скот не забыл свою землю,
Нам добро он и благо несет.
И любви, и тоски нашей семя —
То дитя, что под сердцем живет.
Девять месяцев носит во чреве,
Терпит боль, родовые мученья,
Кормит долго грудным молоком,
Глаз своих называет зрачком,
Жизнью делится с малым дитем —
Это мать — знайте вы,
Знайте, знайте же вы!

М а т ь:

Дитя мое, сердце, свет моих глаз,
Прощай, не увидимся больше вовек.
Встречей судьба одарила вдруг нас,
Вновь расстаемся — теперь уж навек.
Конгур-буга — опора в беде,
Пришла к нам узнать о житье и бытье.
Дочь Тандыса, баловница моя,
Свет моих глаз ты, с душой соловья,
Мать порадовала с отцом,
В старости навестивши их дом.
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Буренушка, хау-хау-хау!

О т е ц:

Счастье многим принесла домам
Та корова, что отдал я вам.
Мелкий скот на этот раз в избытке
Дам я, чьи раздвоены копыта.
Конгур-буга! Ты — скотина моя:
Зять мой и внуки в далеких краях —

Туда и шагайте, не отставая,
Путь попрямее в горах выбирая,
Целыми к ним доберитесь, и там
Наш передайте последний салям.

Глава рода пропел:

От старейшин нашего рода
Минэй-зятю доспехи передай,
Каждому сыну — для битв и охоты —
Лук и стрелы от нас передай.
Перстень и расшитый налобник
Каждой дочери передай.
Не то, что люди, но и скотина
Возвращается в край родной,
Телок своих ведя за собой,
Веревку волоча за спиной.
Для умных — пример,
Нужный для размышленья,
А непонятливым — лишь осуждение.
Конгур-буга, скотинка моя,
И вы, телятки, подите сюда:
Знак достатка и счастья вашего —
Мы на шею теленка привяжем.
На барана с улитковым рогом,
Подвесим узелочек приплода.
Овце двурогой твоей пожелаем
Без счета плодиться и без края.
Пусть козлы твои с козами вместе
Много дают и пуха, и шерсти,
Пусть всю расплодятся они,
Наполнив пространства горных теснин,
Пусть стада баранов твоих и овец
Жир обретают в ребрах и вес.
Пусть их минует хворь и беда,
Пусть не берет их падеж никогда!
Да будешь ты счастлива и сыта
И счастье войдет в тебя навсегда!

Последней вышла вдова брата Тандысы, убитого на войне с хуннскими тюрками, старуха Гюльхылу, которой вверяла в девичестве сердечные тайны Тандыса, и которая повидала на своем веку много горя:

Течет, крутые горы огибая,
Сакмар-река звенящею струей.
На память песню о родимом крае
Я пропою — запомни ты ее.

Тандыса ей отвечала:

Мохак-река мелка, неглубока,
По пояс — глубины ее пределы.
Как стрепет, что пронзает облака,
Навек с родной земли я улетела.

Выйдя в путь, Тандыса перевалила через четыре или пять горных хребтов, покормила скотину на лужайке, богатой сочной травой и напоила чистой водой. Отдохнув немного, она собралась было в дальнейший путь, как появилось двенадцать верховых девушек и егетов, остановились перед ней:

— Бабушка Тандыса, — сказали они, — мать ваша умерла, похороните ее.

С тех пор, как Тандыса покинула родительский дом, она шла, ни разу не оглядываясь назад, боясь, что родительские добрые пожелания исчезнут, и страдания станут преследовать ее. И теперь, не оглядываясь назад, глядя только вперед, сказала она так:

— Дети мои, слушайте меня и запоминайте, чтобы слово в слово передать то, что я скажу. Пусть мою мать похоронят на этом месте, на обочине дороги. Каждый прохожий или проезжий будет поминать ее добром.

Старуху Ухэбику похоронили там, куда указала ее дочь, — на обочине дороги. Тандыса простилась с прахом своей матери и пошла со своей скотиной дальше. Люди провожали ее в пути. Тандыса свернула на кладбище своих предков. Пришедшие с ней люди уселись на землю. Тандыса просталась с прахом своих предков.

Потом она вышла на дорогу, по которой сюда добиралась, и много дней шла так и шла по Уралу. Недели и месяцы миновали. А она все шла, и вот вдалеке за-синела в верховьях Идели гора Иремель.

То, что мы видим и чего нет краше —
Исток Идели — гора Иремель:
Покойно было при уходе нашем —
В спокойствии ль страна моя теперь?

Мы давно уже ушли,
Думы сердце изожгли,
Все волнуется в груди,
Извелась я в пути;
Конгур-буга,

Телочка,
Буренушка, хау-хау-хау,
Следуйте скорей за мной,
Возвращаемся домой.

Двигались они по Уралу, шли по высоким хребтам, видневшимся издалека. Когда они поднялись на самый высокий из них и немного отдохнули, Тандыса промолвила так:

Цепочки гор, хребты и седловины,
Ущелья — вы уральских гор краса.
На них деревья кронами большими
Как будто подпирают небеса.
Конгур-буга, хау-хау-хау,
Буренушка, хау-хау-хау,
В путь, скотинушка, вперед,
Сыты вы, нас путь зовет,
Ты, буренка, хау-хау-хау,
Дружно следуйте за мной,
Козы мои, кэз-кэз-кэз,
Ягнятушки, бэр-бэр-бэр!
До своих дойдем вот-вот,
Впереди нас радость ждет!

Немалый путь они прошли.
На восток и запад от Урала виднелись великие горы.

Вон впереди синеет Алатау —
Взирайте на него, коль хватит глаз.
Вон Иремель-гора глядит сюда,
Плывя неторопливо мимо нас.
Конгур-буга, скотинушка моя,
Вы вдосталь насмотрелись на нее,
Запомните все это навсегда,
Немало прошагаем мы еще.
Чуть правее остался Курташ,
А в сторонке — Ряз и Кагыташ,
Ирендык и Кыркты — к югу от нас,
Гора Сахра — северней нас;
Много я прошла дорог,
Не жалея своих ног,
Конгур-буга, буренушка,
Хау-хау-хау,
Теляточки, зап-зап-зау,
Козляточки, кэз-кэз, кэз,
Ягнятушки, бэр-бэр-бэр!

Глядя на Тимерказык-звезду, на звезды Сарат, Бузат, Етеган, Улькар, Аркысак-Торкысак, Тандыса определяла направление, выверяла, вымеряла, до какой горы добралась.

Старик Минэй вместе с сыновьями и дочерьми радостно встретили Тандысу, вернувшуюся вместе со скотом. В честь ее благополучного возвращения устроили большой пир.

Дорогу, по которой с севера на юг пришел бежавший скот, завещанный для приплода, стали называть «Дорогой Конгур-буги».

Сказывают, с тех пор бурый скот стал считаться священным, а бурая масть — благородной.

АЛПАМЫША

В стародавние времена жили, сказывают, по соседству Айляр-хан и Аккубьяк-хан. Были они друзьями, вместе выезжали на охоту, сообща проводили байги — скачки на лошадях, состязания поэтов-сэсэнов и борцов-батыров, развлекались вместе и веселились. Но не было у них детей, и это печалило их душу.

И вот однажды восьмидесятилетняя жена девяностолетнего Аккубьяка родила сына. А вскоре еще и дочь. Исполнилось желание Аккубьяк-хана, успокоилось его сердце.

Не обошло счастье и Айляр-хана: его восьмидесятилетняя жена родила дочь-красавицу. Лицо ее было подобно солнцу и луне. Радости Айляр-хана не было предела. Разослав гонцов туда, куда доскачет конь, и письма, куда дойдет весточка, устроил он большой туй. Сказывают, дали дочери Айляр-хана имя Барсынхылу.

Сын Аккубьяка оказался на редкость живым и бойким мальчиком. За день он рос, как за месяц, а за месяц — как за целый год. В однодневном возрасте стал он на ноги, а в двухдневном — вышел на улицу, начал бегать и резвиться вместе с другими мальчишками, играть с ними в городки. Дивясь такому чуду, велел Аккубьяк позвать к себе своего самого главного ясновидца-хынсы. Тот сказал: «Не удивляйтесь тому, что ребенок так быстро растет. Из него получится могучий алып. Назовем же его Алпамыша!»

Девочке, родившейся вслед за Алпамышей, дали имя Карлугас.

Недолго радовался Аккубьяк-хан на своих детей: вскоре он заболел и умер.

Шли годы. Алпамыша рос крепким и могучим егетом. По всей округе снискал он себе славу истинного батыра: ступит на землю — вода пробьется, на камень присядет — камень под ним крошится, а в гору упрется — гора рушится под его рукой. А то, что он был еще и удачливым охотником, метким стрелком и искусным кураистом, еще больше укрепило его славу.

Что касается дочери Айляр-хана, то она росла умной и прилежной девушкой, с детских лет слыла богатыршей и в борьбе посрамила многих мужчин-батыров. Не было числа женихам, засылавшим сватов к несравненной красавице Барсынхылу. У коновязного столба Айляр-хана не переводились лошади тонцов-сватов. Даже живший за тридевять земель Будяр-хан прислал своих сватов, прося ее за своего сына. Но Айляр-хан объявил сватам: «Противу воли дочери своей ни за кого замуж ее не отдам!» И сваты уезжали ни с чем.

Дни за днями проходили, пришел срок Барсынхылу выбирать себе спутника жизни. Печаль вошла в ее сердце. Барсынхылу тосковала по егету, который жил в ее мечтах. Желтизной проступила та тоска на ее лице. Девушка часто садилась на аргамака, подаренного ей отцом, и разъезжала по горам и лесам, но не могла унять печаль своего сердца.

Однажды сноха, увидев ее в тоске, сказала так:

Желтизной лицо твое шокрыто,
Грусть-тоской глаза твои повиты,
Барсынхылу, красавица, скажи:
Кто вошел в тайник твоей души?
Кем пленилось сердце молодое,
Что случилось, мне скажи, с тобою?

Барсынхылу ей в ответ:

Не тревожь, оставь меня, енгей,
Ты печаль пойми мою, енгей.
Светлый лик покрылся желтизною,
Очи затянулись грусть-тоскою,
Дни и ночи сердце мое ноет,
Снадобье, енгей, мне одолжи,
Чтоб смогла унять я боль души.

И тогда, поняв в чем дело, проницательная сноха сказала так:

Подругой души тебе буду, красавица,
Сердечную тайну открой мне, красавица.

Барсынхылу отвечает:

Истому мужчине подобает
На тулпаре верном восседать.
О батыре девушка мечтает,
Чтоб его возлюбленною стать.

С н о х а:

Много есть в стране богатырей,
Славящихся красотой и статью.
Кто же для красавицы моей
Избранным до самой смерти станет?

Б а р с ы н х ы л у:

Тот, кто батыром рождается,
Будет крылатым, как птица.
Тетиву натянет — сгибается лук,
Сердце зайдет под собственный стук.
Ступит — не выдержит камень,
Сядет — обрушатся скалы,
Горы — упершись — развалит;
Он в сердце родину носит,
Врагов, словно лев, устрашает...

Нужно дыханье кураю,
Нужно, чтобы в теле батыра
Мощь клокотала, играя.

Прелесть озер — в камышах,
Слава батыра — душа,
Что преисполнена чести —
Пусть он всегда будет честен!
Тот, чье имя джигит,
Словом своим дорожит;
Прав он всегда, прямодушен,
Правда — его оружие.

Ездит всадник по стране.
Смельчак украшает страну —
Батыром такого зову я,
Ровней себе восприму я.
Пусть он к Барсын подойдет
И на борьбу позовет —
Сердце тому я отдам,

Кто меня в схватке осилит,
Бросив с размаха к ногам.

Айляр-хану донесли о том, что Барсынхылу хочет по своему выбору выйти замуж. Он пригласил к себе дочь и напомнил о том, что нельзя нарушать древний обычай. Но Барсынхылу стояла на своем: «Не пойду ни за хана, ни за батшу-царя, пойду только за того, кто одолеет меня в борьбе!»

И Айляр-хан не имел силы перечить дочери.

Барсынхылу собрала большой майдан и велела повсеместно известить о своем решении выйти замуж за того егета, который ее поборет. Узнав о том, богатыри разных родов устремились в страну Айляр-хана, надеясь победить Барсынхылу и взять ее в жены. А Барсынхылу вместе с ближайшими подругами забралась на вершину высокой горы, раскинула там шатер и стала там жить. Каждого егета, выходявшего с ней на поединок, она бросала в воздух. Так опозорились посланцы многих стран и родов, побежденные девушкой-богатыршей.

Прослышав про это, Алпамыша обратился к своей матери:

— Я одолею эту девушку и привезу ее сюда, дай мне свое благословение.

А мать ему:

Не ходи, сынок мой, не ходи:
У курайсы там вырвана рука,
А у борца поломана спина,
Не ходи, сынок мой, не ходи!

А л п а м ы ш а :

На майдан к Барсынхылу,
Матушка, я поеду,
Привезу ее домой,
Одержав над ней победу.

И он стал умолять свою мать, пока сердце ее не смягчилось и не благословила она его в дорогу.

Алпамыша стал просить ее дать ему коня.

«В табуне моем нет лошади, которая могла бы удерживать тебя на себе. Когда-то дала я почтенному Колтобе огромного стригунка Колъеряна, поди к нему, попроси», — посоветовала она сыну.

Сестра Карлугас свила ему шелковый аркан в шестьдесят аршинов длиной. Алпамыша отправился к Колтобе и сказал так:

Колтоба-агай, Колтоба-агай,
Коня Колъеряна дай мне, агай,
Целую степь саврасых коней,
Полное поле гнедых лошадей
Дам взамен я тебе, агай.

К о л т о б а:

Целая степь саврасых коней,
Полное поле гнедых лошадей
Пусть тебе остаются, братец.
Рыжего коня, вожака лошадей,
Не отдам я тебе, мой братец.

А л п а м ы ш а:

Колтоба-агай, Колтоба-агай,
Коня Колъеряна дай мне, агай,
Родившая меня старая мать,
Сестра Карлугас, что брату под стать,
Пусть будет тебе, Колтоба-агай!

Услышав такие слова, Колтоба вскрикнул от радости. Он велел Алпамыше выловить из табуна рыжего коня по кличке Колъерян.

Алпамыша отправился ловить коня арканом, который свила ему Карлугас. Стоило ему подойти к табуну и поймать рыжего коня, как тот стал метаться из стороны в сторону, сшибая и сминая деревья, как траву, и бросая Алпамышу то в небо, то оземь. Долго они бросались так, пока Алпамыша не накинул на коня поводья с уздой. Сел Алпамыша на того коня, подъехал к входу колтобаевой юрты и сказал так:

Колтоба-агай, Колтоба-агай,
Руку дай ты мне, руку дай,
Свое согласие тоже дай.

Колтоба подал ему руку.

Алпамыша сжал ее так, что она затрещала. Не выдержав, тот застонал:

Алла! Рука трещит в твоей горсти,
Душа моя вон!.. Браток, отпусти!..

Но Алпамыша еще сильнее сжал его руку.

К о л т о б а:

Рука моя трещит в твоей горсти.
Алла, мой братец! Руку отпусти!
Целые степи саврасых коней,

Полное поле гнедых лошадей,
Твоих коров большие стада,
Твоих овец густые стада,
Старая мать, что тебя родила,
Сестра Карлугас, что тебе мила,
Тебе пусть останутся навсегда!

Так отрекся Колтоба от своей цены за коня Кольеряна.

Только после этого отправился Алпамыша в страну Айляр-хана.

Ехал он, ехал и вот видит на вершине высокой горы подбоченившуюся Барсынхылу, ожидающую батыров на схватку. С подножья той горы крикнул он девушке:

— Или спустишься со своей горы и поедешь со мной по доброй воле, или я увезу тебя, победив в борьбе!

— Ах, так? Ну попробуй же, победи! — крикнула в ответ Барсынхылу и столкнула на Алпамышу камень величиной с мельничный жернов. Катится тот камень, сотрясая землю, и уши грохотом своим раздирая, а Алпамыша сам навстречу бежит да как лнет тот камень ногой — так что камень обратно на гору покатился да и снес ее вершину, на которой стояла Барсынхылу. Девушке едва удалось спастись. Тогда со злостью скатила она на Алпамышу камень с дом величиной. И вновь побежал на него Алпамыша и пинком отправил его назад. На обратном пути камень снес половину горы, так что Барсынхылу с трудом удалось удержаться на другой ее половине.

Алпамыша поднялся к Барсынхылу и предложил ей бороться. И начался между ними поединок. Алпамыша подбросил Барсынхылу в небо и, чтобы она не разбилась, поймал ее, не дав ей упасть на землю. Тогда девушка склонила перед ним голову, сказавши:

— Я твоя, ты — мой.

Алпамыша и Барсынхылу довольно долго жили в шатре на вершине горы. Только забеременев, решила Барсынхылу познакомить Алпамышу со своими родителями. Тот посадил ее на Кольеряна и поскакал к Айляр-хану. Барсынхылу ввела Алпамышу в двенадцатикрылую белую юрту отца и напела ему так:

Вставай, отец, вставай, отец,
Вставши, пояс затяни, отец, затяни, отец!
Жениха я в дом привела с собой,
Руку ему протяни, отец, протяни, отец!
Сырты, полные пегих кобыл,

Долы, полные рыжих кобыл,
Подари, отец, подари, отец!

Айляр-хан ей в ответ:

— Уходи! Нет у меня ни дочери, чтобы выдавать замуж, ни зятя нет у меня!

Тогда Барсынхылу сквозь слезы напела матери:

Вставай, матушка, вставай, матушка,
На слезы мои взгляни, матушка, взгляни, матушка,
Жениха я к вам привела с собой,
Руку ему протяни, матушка, протяни, матушка!
Сырты, полные пегих кобыл,
Долы, полные рыжих кобыл,
Подари, матушка, подари, матушка!

Тогда мать Барсынхылу обратилась к мужу:

— Дадим ли плакать единственной дочери? Встань и протяни руку зятю!

Нехотя поднялся со своего места Айляр-хан и подал руку Алпамыше. А затем он устроил своей дочери и зятю такой свадебный пир, какого даже аксакалы не видели и предки не знали.

Алпамыша увез Барсынхылу в свои края, и зажили они, деля поровну радость и горе.

Однажды гонец известил о приближении войск Будяр-хана. Отчаявшись заполучить Барсынхылу для сына своего через сватов, решил он добыть ее войной.

Алпамыша сел на своего аргамака, пристегнул свой алмазный меч, захватил лук да стрелы, попрощался с матерью, отцом, сестрой и с женой своей Барсынхылу и отправился на битву.

Между тем Будяр-хан приближался с огромным войском, покрывшим всю землю. Принялся Алпамыша громить вражеское войско алмазным своим мечом. Три дня и три ночи продолжалась битва, пока Будяр-хан не дрогнул и не отступил. Не успел батыр сколько-нибудь отдохнуть да сил набраться, как Будяр-хан скопил новое войско и опять двинулся на страну Айляр-хана. Вскипая гневом, набросился Алпамыша на врагов. Разгорелась жестокая битва. Кровь лилась рекой. Разбитое и рассеянное войско Будяр-хана бежало кто куда.

Алпамыша разнуздал своего коня Колъеряна, отпустил его пастись, а сам улегся спать. А спал он не больше, не меньше, как шесть дней и шесть ночей. Стоило ему погрузиться в сон — тут как тут явились лазутчики Будяр-хана. Сколько ни ржал, ни фыркал

Колъерян, желая разбудить своего хозяина, тот спал как убитый. Лазутчики быстренько донесли Будяр-хану о том, что Алпамыша спит как мертвый. Будяр-хан собрал остатки своего войска, скрутил Алпамышу стальными цепями, взвалил на огромную арбу и увез в свое ханство. Там он велел опустить Алпамышу в глубокую яму-зندان, а Колъеряна поместить в каменный сарай.

Наконец проснулся Алпамыша и видит: руки-ноги его скованы, тело стальными цепями скручено, а сам он лежит в глубоком темном зиндане. И никак не освободиться от сковавших его цепей, тем более, выбраться из глубокой ямы. Долго мучился он, прежде чем освободил свои руки.

Чтобы Алпамыша не умер от голода, Будяр-хан велел опустить в яму козу и воз сена — пусть себе сосет козье молоко! Тем и поддерживал Алпамыша свое существование.

Однажды Алпамыша лежал на спине, глядя в небо и что-то про себя напевая. Вдруг увидел он стаю диких гусей и сказал так:

Дикий гусь мой, дикий гусь мой,
Приди ко мне, приди, гусь мой,
Письмо напишу на крыле твоём,
Унеси ты его жене моей
В край родной мой, родимый дом!

Гуси ему отвечали так:

И на озерах ты нас истреблял,
И на поле ты в нас стрелял,
Так и лежи там, так и лежи там!

Сказали они так и пролетели мимо.

Отстав от других, летел еще один гусь. Алпамыша и ему пропел:

Дикий гусь мой, дикий гусь мой,
Письмо напишу на крыле твоём,
Унеси ты его жене моей,
В край родной мой, родимый дом!

Услышав его голос, гусь с гоготом опустился прямо в глубокую яму зиндана, распластав свои крылья. Алпамыша разрезал свою руку и кровью своей написал письмо на оперенье гуся. «Лети на мою родину, увидишь там двенадцатикрылую белую юрту, когда долетишь до нее, сбрось свое исписанное перо», — сказал он птице.

Дикий гусь долетел до яйляу Алпамыши и стал над ним кружить. Откуда ни возьмись из белой двенадцатикрылой юрты выбежал мальчик и прицелился в него из лука. Испугался гусь и обронил письмо. А этот мальчик был сыном Алпамыши, родившимся в его отсутствие, и звали его Айдар.

Гусиное перо с написанным на нем письмом упало не рядом с двенадцатикрылой юртой, а, трепыхаясь, унеслось к черной юрте Колтобы, где и опустилось на землю. Колтоба прочитал письмо и сразу обо всем догадался. Но никому ничего не сказал о своей догадке.

Встревоженный долгим отсутствием Алпамыши, Айляр-хан отправил на его поиски своих гонцов. Долго мотались по свету те гонцы, пока не набрели на перебитое войско Будяр-хана. Также увидели они под деревом роговой лук Алпамыши шириной в два аршина, тетиву которого никто, кроме него самого, не мог натянуть; стрелы с алмазными наконечниками, и все это привезли домой.

Гонцы объявили о смерти Алпамыши. Барсынхылу им не поверила и решила ждать мужа до конца.

Пользуясь отсутствием хозяина, Колтоба завладел всем его добром, а Карлугас сделал своей служанкой. Барсынхылу же решил взять себе в жены. Без конца подсылал он к ней сватов, но Барсынхылу все не давала своего согласия. Чтобы затянуть срок свадьбы, она пошла на хитрость: «Чья стрела, выпущенная из лука Алпамыши, пройдет сквозь золотое кольцо, тому быть моим мужем!» Она-то ведь знала, что никто не сможет натянуть тетиву из рогового лука.

Пусть же Барсынхылу хитрит всяко, стараясь отсрочить день свадьбы, а мы вернемся к Алпамыше.

Не получив ответа на свое письмо, Алпамыша сильно опечалился. Обычно за голенищем сапога носил он курай, на котором время от времени наигрывал печальные мелодии.

У Будяр-хана было три дочери. Однажды они слышали звуки курая и пришли к зиндану. Заглянули они в яму и видят там егета несравненной красоты и силы. Сидит тот егет и играет на курае. Увидел Алпамыша наверху девушек и перестал играть.

Д е в у ш к и:

Алпамыша, ты на нас взглянул бы,
На курае опять заиграл бы,

Две-три песенки нам подарил бы,
Дочерей ханских развеселил бы!

Но Алпамыша не играет, заставляет их себя упрашивать. «Не могу для вас с чувством и с толком сыграть: ноги мои закованы, с голоду сам помираю, нету сил веселить вашу душу!» — говорит он им.

В этот день девушки вернулись домой, не сумев ничем помочь Алпамыше.

Младшая дочь хана тайком похитила из сундука своего отца множество золотых монет, наняла на них людей, велев им сделать подкоп в зиндан Алпамыши. Каждый день стала она приходить к нему тем подземным путем. И каждый раз приносила Алпамыше поесть и попить. Постепенно Алпамыша окреп и налился силой. Однажды он сказал ханской дочери: «Если хочешь избавить меня от этих оков, принеси мне мой алмазный меч с золотой рукояткой, который хранится в сундуке твоего отца. Пока не будет того меча, я ничего не смогу сделать с этими целями».

Девушка принесла ему меч. С помощью того меча Алпамыша освободился от цепей. Освободившись, он еще пятнадцать дней пролежал в своем зиндане, потому что те цепи слишком глубоко врезались в его тело, нанеся тяжелые раны.

Когда раны исцелились, ханская дочь его спросила: — Как можно тебе помочь выбраться из этой ямы? Алпамыша ей отвечает:

— Ты этого сделать не сможешь. Я дам тебе свой носовой платок. В каменном сарае находится мой конь Қолъерян. У входа в этот сарай ты подожги мой платок. Если Қолъерян выберется, он обязательно вызовет меня отсюда.

И с теми словами он отдал девушке свой носовой платок. Та взяла платок и подпалила его перед каменным сараем, где томился конь Алпамыши. Қолъерян по запаху догадался о том, что хозяин его жив, и весь так и встрепенулся. Передними копытами вдребезги разнес он железные ворота сарая и ринулся к зиндану. Шея Қолъеряна была обвита шелковым арканом в шестьдесят сажений, свитым Қарлугас. Дочь хана с одного конца привязала его к коню, а другой конец опустила в яму зиндана. Алпамыша по шелковому аркану выбрался наверх, взял в руки алмазный меч, сел на Қолъеряна и поехал прямо ко дворцу хана. Перед входом во дворец он закричал громозым голосом: «Эй, Будяр-

хан, за коварства твои снес бы я тебе голову, но во имя трех твоих великодушных дочерей дарую тебе жизнь!»

Затем он уехал на свою родину.

По дороге встретился табун лошадей, который показался ему знакомым.

— Чей это табун? — спросил он у пастуха.

— Раньше принадлежал Алпамыше, а теперь — Колтобе, — ответил пастух.

— Кто тебе больше по душе — Алпамыша или Колтоба? — спросил опять Алпамыша.

— Колтоба больше по душе, — ответил пастух. — Раньше, когда Алпамыша был ханом, Колтоба был главным табунщиком, а я — простым пастухом. После смерти Алпамыши Колтоба стал ханом, а я — главным табунщиком.

Алпамыша одним щелчком убил пастуха и поехал дальше. Едет он, едет, и встречается ему стадо коров.

— Чье это стадо? — спрашивает Алпамыша.

— Это стадо Колтобы-хана, — отвечает пастух, свивая веревку.

— А для чего вьешь веревку?

— Если Алпамыша победит Колтобу, он повесит его на этой веревке. Если Колтоба победит Алпамышу, тоже повесит его на этой же веревке, — отвечает пастух.

Этого тоже убил одним щелчком Алпамыша и поехал дальше.

И вот встречается ему мальчик, который пас стадо овец. В одной руке мальчик держал жирную толстую кишку, а в другой — кусок курдючного сала, попеременно откусывая от них.

— Разве кто-нибудь справляет сегодня свадебный пир? — спрашивает Алпамыша. Мальчик ему отвечает:

— На яйляу идет большая байга: тот, кто прострелит насквозь золотое кольцо Барсынхылу, возьмет ее в жены. К этому празднику Колтоба велел зарезать самых жирных лошадей и овец Алпамыши. Вот и на мою долю перепало.

Так отвечал тот мальчик, а на глаза его навернулись слезы. Алпамыша пригляделся к мальчику и по виду его догадался, что перед ним его родной сын. Однако он не подал виду, что узнал его, только попросил его рваную, латанную-перелатанную одежду, а ему отдал свою. Так и появился он на майдане Барсынхылу в облике пастуха. А тут разные стрелки всю стар-

лись пробить насквозь золотое кольцо, висевшее высоко над землей. Но никто из них не мог как следует натянуть тетиву рогового лука в два размаха рук.

Алпамыша пробился сквозь толпу, подошел к трону, на котором важно восседал Колтоба, и сказал:

— Колтоба-агай, позволь и мне попробовать выстрелить из лука.

— Прочь, прочь, оборванец! Егеты куда удалее тебя не смогли этого сделать, — отмахнулся от него Колтоба. Алпамыша еще несколько раз попросил о том же, прежде чем Колтоба разрешил ему участвовать в споре мэргэнов.

Алпамыша даже заплакал, увидев лук свой и стрелы, а сам все приговаривал, чтобы люди ничего не заметили: «Хай, лук мой и стрелы, доставшиеся мне от отца!» Затем он легко поднял свой лук и выстрелил в сторону кольца. Золотое кольцо зазвенело и упало на землю, расколовшись надвое. И тогда Колтоба признал в пастухе-оборванце Алпамышу.

Зажат корок у меня в ладони —

Где ремесло мое прошлое — кони?..

— так воскликнул он и побежал в сторону табуна. Второй стрелой Алпамыша убил убегающего Колтобу. Наблюдавшие за всем этим Карлугас и Барсынхылу побежали к нему, стали его обнимать и лить слезы. Тут подоспел и сын Алпамыши Айдар, облаченный в одежду отца. Радости Алпамыши не было предела. «Я не вижу тут только свою мать», — произнес он.

А его мать решила, что Барсынхылу устроила скачки-байгу и собирается выходить замуж. Поэтому она рассердилась на свою невестку и заперлась дома. Барсынхылу вместе с Алпамышей пришли к ее дому:

— Свекровь, открой дверь!

— Уходи отсюда! Грессишь против мужа, не буду с тобой разговаривать! — отвечает ей свекровь.

Тогда Барсынхылу напела так:

Вставай свекровь, вставай, свекровь,
Затяни-ка свой пояс, свекровь,
Алпамыша, краса страны, твоя любовь,
Возвратился — взгляни, свекровь!

Услышав такое, свекровь Барсынхылу распахнула дверь.

Алпамыша поздоровался с матерью. По случаю возвращения батыра на родину, устроили пир, продолжав-

шийся три дня и три ночи. На раздольном майдане устроили большие лошадиные скачки, а в малых скачках состязались стригунки; спорили между собой в мастерстве сэсэн-певцы, мерились в силе да ловкости батыры, бодались лбами мальчишки, стоя на четвереньках. На скачках победил Қолъерян, в борьбе верх взял Алпамыша, а в бодании мальчишек первенствовал сын Алпамыши Айдар.

После возвращения Алпамыши в стране установились мир и справедливость, и народ, говорят, стал жить вольготно и свободно.

УЗАК-ТУЗАК — ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОДА БАЛАБАШНЯКОВ

Во времена, что древнее древнего, давнее давнего, жил, говорят, на свете старик по имени Янузак со старухой по имени Уралбика. Эти двое стали последней семьей рода Балабашняков. В стародавние времена башняки обитали между морем Азак и рекой Қалкой, занимаясь скотоводством.

Вдосталь терпели башняки и от биев олобашняков¹, и от великого бия, потому и жили в горести и бездолье.

Да что там! Они и не такую напасть снесли бы, да объявилось со стороны солнечного восхода племя грабителей-балауса², которое славилось не только грабительством и грабежом, но и жестокостью, злым нравом, дикой воинственностью. Полчища балаусанов, тьмою тьмуцею покрывшие всю степь, до основания разнесли валы башняков, захватили их владения. Балабашняков множество истребили. Оставшиеся в живых собрались вместе и решили бежать из этой земли, объятый черным горем.

Только куда бежать-то?

Стали совет держать, спорить да рядить, и вспомнили о прародине, о которой с такой любовью рассказывали отцы их и деды. Те вспоминали про нее каждый раз, когда возникали в жизни трудности и невзгоды. Старые люди до небес возносили хвалу земле по названию Урал: там, когда башняки передвигались со стороны Алатау к Азовскому морю, они летовали. И вот теперь аксакалы наперебой расхваливали те места.

По их рассказам Урал состоял из четырех хребтов, а на каждом хребте — своя главная вершина, служив-

шая надёжным щитом от нападения врагов. Вершины этих гор были густо покрыты горелым лесом, непроходимым лежняком. Словом, возвышались нерукотворные преграды из дерева и камня. И на Урале том нет ни здешних ветров прогорклых по весне и осени, ни летних суховеев и зимних вьюг. Холода там покрепче, но тамощные леса укрывают от них что тебе овчина. И, говорят, обитают там мажары. Но разве они дадут нам жить рядом с собой?

— Эй-й-й! Ведь вода и суша там общие, хватит их и мажарам, и нам тоже, только душу надо иметь широкую!

Если горе придет — не одно:
Пятикратно на голову свалится! —

не так ли сказывают в народе?

Пока переправившись через Идиль добирались до Каралыка и Иргиза, наповал косила балабашняков черная холера-джут. От целого народа остались-то всего Янузак и Уралбика. А дети их померли в младенческом возрасте. Горько сетовали старики на свою судьбу и жалобно молили небеса:

Да станет он — последний плод —
Тем, кто наш род живой продолжит!
Дай близнецов! Один умрет —
Так выживет другой, быть может.

Они очень мечтали о близнецах, молили о них небо, и потому вдвойне копили да наживали добро.

Старик мастерил из дерева две люльки, старуха ткала две холстинки-пеленки.

Муж по вечерам напевал:

И рук ведь пара у меня,
Пусть и детишек будет пара.

И жена ему подпевала:

Грудей же пара у меня,
Двух ребятишек дай мне, старой!

Если что есть мочи ударить по земле, и камень к копыту пристанет. Если сердце зарыдает, то и из незрячих глаз слезы выкатятся. Если неистово молить, исполнятся самые сокровенные желания. Вот так и получилось: однажды возьми и родись на свет тот, кого так жаждала старуха и старик желал. Уж как тут она разошлась, расхлопоталась да забегала — не передать;

да и старик индюком заходил, хоть не близнецы родились, а явился на свет лишь один ребенок. Два имени были приготовлены стариками: Узак и Тузак. Решил отец назвать сына Узаком: мол, будет мне напарником на охоте да помощником в доме, в делах хозяйственных. А другое имя — Тузак — старуха в сердце себе вложила, чтобы от одного звучания его Улем отпрянула; чтобы жил ее сыночек припеваючи, не зная горя и невзгод.

Так обрело дитя два имени сразу: Узак и Тузак. Хоть рос он не по дням и часам, но все же креп и мужал за двоих — Узака и Тузака. Всем обликом своим, всею статью походил на отца. И от матери лучшие свойства перенял. Ноги, говорят, были у него стройные, как у горного тура или оленя, неутомимые, как у коня-тулпара; пальцы цепкие, как когти беркута, руки гибкие — тигриные, грудь, — львиная, в поясе был тонок, как оса, шея — в целый обхват, ступни мощные, нос хищный, уши, как у кулана, чуткие, — вот таким уродился этот удалец. Когда звали его «Узак», откликался: «А!». Когда звали его «Тузак», тоже отвечал: «А!». Дело какое-нибудь поручали, — он отвечал: «Ага!». «Дай!» — говорили ему, отвечал: «На!». Уж таким ладным да проворным, да отзывчивым был.

Только через большие горькие испытания приходит к человеку счастье. Вот и Узак испытал много невзгод, прежде чем счастье избрал. В начале его жизненного пути покинула этот мир мать-старуха, как соколиха соколенка оберегавшая его от лиха и напасти. Вскоре отдал всевышнему душу и старик-отец. Перед кончиной призвал он к себе Узака. Тот спал поодаль, морща нос, глотая слезы, стекавшие по трепещущим лепесткам его ноздрей. Янузак сказал:

Не слезами гонят беду,
А могуществом трезвых дум.

И обратился к сыну своему с таким прощальным напутствием:

Велико твое горе, сынок,
Крепко стой на ногах, сынок.
Бог не создал лишь нас одних,
Нам подобных много других —
Много в мире и зла, и бед.
Не слезами их гонят, нет! —

Побеждает их мысли свет.
Что такое отец и мать,
Потеряв их лишь, можно понять.
Отец — справа опора твоя,
Мать — слева опора твоя,
А вместе — сердце они бытия.
Нежность матери — ясный день,
Что и солнце дарит, и тень;
Мать потерять — тысячу бед познать.
И стар, и млад это должен понять.
Чувство отцовское — суховей,
Проникает до самых костей.
Жгуч и резок, но нету нужней
Ветра того, что силу дает,
Что сердце радостью обдает.
А для рук он — могучий оплот.
Жесткий ветер!.. Но для ума
Он бальзам и отрада сама.
Благодать он вносит в дома.
Без наставлений учит всему
Сына отец — и труду, и уму.
Не в поцелуе — любовь отца —
Он вводит в жизнь своего молодца.
Только в едином труде неустанном
Отец и сын похожими станут.
Отец не от трудностей оградит —
От легкомыслия отвратит.
Не от невзгод его отведет,
Но от многих ошибок спасет.
Нежность матери — сто лекарств,
От ста болезней спасенье даст.
Вызволит из беды всегда,
«Мой сын!» — наяву и во сне твердя.
Тяжело, коль отец умрет.
Мать умрет — тяжелей во сто крат.
Мать вторую никто не найдет —
Нет ужаснее в мире утрат!
Материнская нежность — в глазах,
В сердце затаена — у отца.
Чтоб сердце и душу отца познать,
Самому отцом надо стать!
Как полынь, та любовь горька,
Сила целебная в ней велика.
Не безродным приходит добро —
Сын отца добывает его.
Остаются от матери память и сердце,

От отца остается наследство.
Наследье мое — земля-вода —
Остается тебе навсегда.
Не быть тебе одиноким, Узак,
Ищи — и тебе отыщется ровня:
Кто парой живет, тот честь не уронит,
Будет мирным его очаг.

Старик, желая еще что-то вымолвить, открыл было рот, но сердце его остановилось, закрылись глаза.

Неподалеку от крутояра, над рекой, на возвышенном месте рядом с могилой матери вырыл Узак могилу и похоронил отца головой к истоку реки.

Вот и остался Узак в глубинах Урала один-одиношенек, последний из оскудевшего рода балабашняков. Защемила, наполнилась тоскою его душа.

Что мне делать теперь одному,
Как мне дальше жить, не пойму,
Где избранницу отыскать?
Пищу для себя добывать?
Вокруг меня — семь сторон чужих —
Как смогу разобраться в них?
Как счастливую дверь отворю,
Верный ключ для нее подберу?

Перестав, наконец, стонать да слезы ронять, задумался, говорят, Узак:

— Погоди, — сказал он самому себе, — отец поведал мне, что в наследие от него остается сила — Земля-Вода. Так не поможет ли мне эта сила? И что это такое? Как ее отыскать?.. И еще мне велел отец найти себе ровню, «жить парой». А где ее найти?

В думах таких спустился он к берегу реки, держа в руках лук и стрелы, и обратился к реке:

Река, река, ты подскажи,
В моем горе подсоби!
Куда бежишь, струясь волной,
Не ты ли будешь Землей-Водой?

И ответила река:

Да, это я, но и не я —
Попробуй, меня раздели!
Не ты один лишь мучишь себя
В поисках воды и земли.
Воды мне не жаль, коль хочешь пить.
О прочем не стану я говорить.

Если не слеп, то увидишь сам —
Душе прикажешь верить глазам.
Полно голáвлей в водах моих,
Щук зубастых не меньше в них.
В отмелях пескарей полно,
В омутах сом уходит на дно,
Хариусы на стремнинах кишат,
В заводях мирных сазáны лежат,
Утки крикают в камышах,
В зарослях там же чирки шуршат.
Знай секреты — и твой улов!
Сколько звезд, столько в мире слов,
Столько выдр во мне и бобров.
И ондатры пушистые тут
Без числа и счета живут.
Только даром ничто не дается,
Сил все требует и труда, —
Тогда счастье тебе улыбнется,
Другом станет Земля-Вода.

После этого Узак пошел прочь, и попался ему на глаза заяц. Обратился к нему Узак:

Заяц, заяц, подкажи,
В моем горе подсоби!
Куда скачешь тропой лесной,
Не ты ль будешь Землей-Водой?

Заяц Длинное ухо отвечал ему наспех, впопыхах:

Если уши есть у зверей,
Я — лишь кончики тех ушей.
Пол-ума у меня в ушах,
Пол-ума у меня в ногах.
Коль землю вода зальет через край,
Ты на лодке меня спасай.
Дай нам вольно на свете жить,
Не желая нас истребить, —
Будешь столько шкурок иметь,
Сколько нужно, чтоб шапки шить.
Расплодимся — тебе же любо:
Будет тебе добрая шуба!
Я всего лишь лесная тварь,
Лес дремучий — мой государь.
Так что у леса спрашивай ты
Ответы на вопросы свои!

И когда Узак, вняв советам зайца и приняв их душою, наострил было уши — наполнили их шум и гам леса, будто войско какое походом пошло.

Лес, о лес, ты подскажи,
В горе моем подсоби!
Что шумишь над головой?
Не ты ли будешь Землей-Водой?

Еще раз грозно прошумел лес своей кроной и завел песнь:

Я — частица воды и земли,
Часть другая — степь, ковыли.
Дам сруб — от хлада буранных дней,
Хлев я дам для скотины твоей.
Нужен дом — будет дар от меня.
Бревна нужны — грузи на коня.
Станешь мерзнуть — и в пасть огня
Кинешь дрова — тоже дар от меня.
От медведей моих тебе — тулуп.
В лесу выстругивай стрелы и лук.
Если лося сумеешь добыть,
Тебе зимою голодным не быть.
В чаще ильм растет для саней,
Рябина — утеха для малых детей.
Нужна лучина — так есть сосна,
Хоть всю ночь с ней сиди без сна!
Для желобов осину руби,
Только лишнего не губи.
Лиса тебе будет для воротника —
Лишь пусть бережливой будет рука.
Вдоволь всего на просторах лесных.
Только голодных там нет и больных.
Обойди же владенья мои,
Своими глазами все огляди!

Говорят, так Узак и поступил: пошел вдоль опушки, потом в лесные дебри забрался. И каждая живая тварь, каждое растение давали ему советы, своим умом-разумом с ним делились. У медведя научился силу копить, дикий мед в сотах находить, полезные и целебные плоды от вредных отличать; у мухи — мелкую живность ловить; цветок шиповника подсказал ему, как следует вылавливать щурят и подлещиков. Выучив лесной язык, Узак побрел по горному ущелью. И там холодный камень, громоздящийся на скале, обратился к нему с такими словами:

Узак-Тузак, дальше не ходи,
Золотой у терпения корень,
Не торопись, Узак, погоди!

Узак ему:

Камень холодный! Поднимись,
Тайной своею поделись.
Тебя спросить я пришел сюда:
Не ты ли будешь Земля-Вода?

Затрещал, зазвенел холодный камень, заговорил
опять:

Я — их часть. Никуда не спешу.
Наверху, как видишь, лежу.
Обитаю весь век я здесь,
И для всех на виду я весь.
То в прязи, то в снегу лежу,
То на зябком ветру дрожу.
В стужу холоден я, в жару —
Сам, как пламя живое, горю.
Тому, кто может огонь высекать,
Могу тепло очага я дать.
Только алое солнце взойдет,
Взглядом своим меня обоймет;
Ни стужей не устрашишь, ни огнем —
Строй из меня добротный дом!
Можешь пищу готовить в огне,
Остужать ее и потом
Подавать опять же во мне.
Коль Узак ты, товарищем будь,
Коль Тузак ты, — горе забудь!
Как камень, твердым ты быть умей,
Стрелы свои запускай точней.
Ну, а если не надо стрелять —
Учись, как я, за всем наблюдать:
Близко чувство мне горных высот —
Для орлов и приют и оплот.
Над стихией стужи, огня —
Себя уверенно чувствую я.

Обойдя и своими глазами оглядев землю и воду, вслушавшись в дыхание каждого камня, восприняв всей душой напев каждого дерева, вняв советам каждой твари, даже поучения мухи усвоив, Узак отыскал-таки Землю-Воду, которая была во много раз мудрее материнской, сильнее отцовской. Тогда он проникся мудростью и силой Земли-Воды и запел:

Земля-вода — ты не сердца ль стук?
Земля-Вода — моей жизни круг.
Ты — наследье отца моего,
Мощь и опора мира всего;
Ты — опора моей души —
Никому тебя не сокрушить.
Мне и безвестной ровне моей,
Которую ищу среди людей, —
Ей и мне на Земле-Воде
Жизни свет воссияет везде!

А потом в те края, где Узак обитал, где добро Тузак наживал, то ли со стороны моря Азак, то ли со стороны моря Казак, объявились люди неведомого ему племени. Он, знавший теперь тайны Земли-Воды, ведавший ее целительные свойства и таившуюся в ней силу, нашел, говорят, в том роду-племени и близких сердцу друзей, и душевных сотрапезников, и подобных себе ценителей песни, и невесту-ровню себе нашел. Счастливый Узак запел:

Землей-Водой человек рожден,
С ними — одно единое он.
Вкус воде дает человек,
Мертво без него течение рек.
Люди в землю вдыхают тепло,
Срослись судьбою они давно,
И потому — во всем заодно!

КУЗЫКУРПЯС И МАЯНХЫЛУ

(Кунашакская версия)

В стародавние времена жили на свете два хана, и звали их Кусяр и Кусмяс. Были они большими друзьями, ходили друг к другу в гости, вместе выезжали на охоту, запуская там ловчих птиц и забивая лисиц.

И на этот раз, как обычно, Кусяр-хан и Кусмяс-хан проводили время на охоте. Один день и другой день охотились они вместе — и ни единая птица, ни единая дичь не попалась им на глаза. На третий день вышли они на развилку двух дорог. Одна из них уходила направо, а другая — налево. Кусяр-хан поехал направо, а Кусмяс-хан — налево. Немало проездив так, встретились они вновь. Спрашивает Кусяр-хан:

— Ну, Кусмяс-хан, что ты там увидел?

Тот отвечает:

— Встретилась мне олениха. Взял я свой лук, собираясь в нее выстрелить, а она распрямилась и встала передо мной в полный рост, аж молоко из вымени потекло¹. Пожалел я олениху и не стал стрелять... Ну, а ты что видел, Кусяр-хан?

Тот ему в ответ:

— Я тоже видел олениху. Вынул лук, собираясь ее подстрелить. А она тоже вся распрямилась и встала в полный рост — молоко из вымени потекло. Пожалел я ее и не стал стрелять.

— Как ты думаешь, что все это означает? — спросил Кусмяс-хан у Кусяр-хана.

Кусяр-хан предположил так:

— Жена моя на сносях оставалась. Думаю, она родила ребенка.

— И моя жена осталась на сносях, — говорит Кусмяс-хан. — И я предполагаю то же самое.

И они там же сговорились между собой: «Если оправдаются наши предположения и у одного из нас родится сын, а у другого — девочка, породнимся между собой».

Вернувшись домой, ханы убедились в правоте своих предположений: жена Кусмяса родила мальчика, а жена Кусяра — девочку. Оба они очень обрадовались рождению детей и решили им дать имена. Разослав письма и гонцов туда, куда может конь доехать и письмо добраться, созвали они множество гостей и устроили большой пир в честь наречения детей. Перед всем народом Кусмяс-хан назвал своего сына Кузыкурпясом, а Кусяр-хан свою дочь — Маянхылу. Объявили они и о том, что решили вступить в кумовство.

Кузыкурпяс и Маянхылу стали расти да подрастать, подобные луне и солнцу. Не было человека, который не восхищался бы их красотой. В детстве они все время были рядом, играли вместе.

Как-то заболел и слег отец Кузыкурпяса. Призвали всех знахарей и лекарей округа, велели вылечить и выходить хана, но никто из них не смог помочь ему. Не нашлось таких средств и снадобий, чтобы исцелить хворь больного хана. Так он и умер. Осиротел Кузыкурпяс, только мать у него и осталась. Большую часть времени проводил он на улице, играя с мальчишками. Хоть и был он мал годами, но в единоборстве не уступал никому. А если обижали его ненароком, он мог

отнять у мальчишек бабки или городки и унести домой. Но потом непременно возвращал отобранные игрушки.

Дурной слух стал распространяться о Кузыкурпясе, и это огорчало Кусяр-хана. Ему не нравилось, что будущий жених Маянхылу был не только сиротой, но и рос своенравным, драчливым мальчуганом.

Как-то хан обратился к жене с такими словами:

— Ну, женушка, как ты думаешь: если мы отдадим за Курпяса свою единственную дочь, не будет ли это позором и для нее, и для нас? Может, оставим эту землю и уедем за семь горных хребтов, семь долин и семь морей?

И согласилась с ним жена.

Немного времени прошло, откочевали они куда глаза глядят, захватив с собой стада и табуны своего скота — ржущих лошадей, мычащих коров да блеющих овец.

Много времени с тех пор миновало, достиг Кузыкурпяс семнадцати лет. И не стало окрест никого, кто бы мог ему противостоять в силе и ловкости.

Однажды то ли в драке, то ли в борьбе задел он невзначай единственного сына какой-то старухи, и тот упал, потеряв сознание. Кузыкурпяс поднял его на руки и отнес к старухе, а та стала бранить Кузыкурпяса, приговаривая при этом:

— Если бы ты был настоящим егетом, то будущая твоя невеста тебя не бросила бы!

Услышав такие слова, похолодел Кузыкурпяс, и в жар его бросило. Дело в том, что до сих пор он не знал, что Маянхылу его нареченная. Сгорая от любопытства, стал он допытываться у старухи:

— Скажи, что за девушка меня бросила? Почему ты не скажешь, бабушка?

— Иди домой и спроси у своей матери, — отвечает старуха.

— Если бы она хотела, то уже сказала бы. Я спрошу, а она не ответит — что мне тогда делать?

— Если не станет отвечать, я научу одной хитрости, — говорит старуха. — Вели матери нажарить курмас из пшеницы. Если она подаст тебе курмас в ложке, не бери — пусть подает в горстях. Тогда ты сожмешь ее руки и спросишь: «Кто моя нареченная девушка, которая должна стать моей женой? Почему она уехала, бросив меня?» И тогда она не сможет не сказать.

Кузыкурпяс вернулся к матери и спросил у нее:

— Кто моя нареченная? Почему она меня бросила?

— Что ты еще придумал, сынок?— отвечает мать.— Никакой нареченной девушки у тебя нет, и никто тебя не бросал.

И тогда Кузыкурпяс сказал умоляюще:

— Матушка, очень мне захотелось отведать курмаса, не пожарила бы ты мне?

Мать приготовила курмас и в ложке подала его сыну.

— Не подавай мне в ложке, подай в горстях, — заупрямился Кузыкурпяс.

Когда мать взяла горячий курмас в ладони, Кузыкурпяс сжал их в своих руках и спросил: «Кто та девушка, что должна стать моей невестой? Почему она меня бросила?» Не выдержав жара припекающего руки курмаса, мать призналась: «Девушка, что должна была тебе стать женой, — дочь Кусяр-хана Маянхылу. Чтобы не отдать ее за тебя, Кусяр-хан давно уже откочевал за семь горных хребтов и долин и за семь морей».

Одолеваемый желанием во что бы то ни стало отыскать Маянхылу, Кузыкурпяс пришел к той самой старухе за советом, и дала старуха такой совет:

— Среди множества ваших лошадей есть Кук-тулпар, на котором отец твой выезжал на охоту. Постарайся его поймать. В обеденную пору ваши лошади спускаются к водопою, а Кук-тулпар впереди всех ходит. Вылови его короком и отправляйся куда глаза глядят.

Чтобы выловить тулпара, Кузыкурпяс отправился к реке, где бродили оставшиеся от отца лошади. В предобеденную пору он взял в руки корок и притаился у тропинки, по которой лошади спускаются к водопою.

И вот табун за табуном стали спускаться лошади по крутой тропинке к водопою. Первый табун прошел, второй прошел. А впереди третьего табуна идет Кук-тулпар. Но, не доходя до того места, где притаился Кузыкурпяс, он вздыбил свой хвост и гриву, и, всхрапывая, неожиданно повернул обратно. В третий раз он решил промчаться мимо галопом, но Кузыкурпяс успел накинуть корок на его шею. Кук-тулпар трижды подкинул Кузыкурпяса в воздух и трижды ударил оземь, но ничего не смог с ним сделать.

Тогда Кук-тулпар обрел дар речи и сказал так: «Теперь я твой, что повелишь, то и исполню».

Когда Кузыкурпяс поведал о своем желании, Кук-тулпар произнес такие слова: «Разрежь мою спину и

вынь оттуда седло с золотой лукой, секиру, серебряное зеркало, шапку из песка, которую твой отец надевал, выезжая на охоту, его пояс-камар, украшенный серебряными узорами, а меня заведи в самое глубокое место в этой реке. Когда заживут изрезанные места моей спины, выведешь меня на берег».

Кузыкурпяс разрезал спину Кук-тулпара и одну за другой вынул оттуда вещи, принадлежавшие отцу, а коня завел в самое глубокое место реки. Когда у того зажили раны, он вывел его на берег.

Выбравшись из воды, Кук-тулпар сказал Кузыкурпясу: «Твоя мать будет против того, чтобы ты поехал искать Маянхылу за семью горами, семью долами и семью морями. Чтобы не отпустить тебя, она станет напевать тебе так:

Останутся бессчетные твои стада,
Что с ними станешь делать, сынок?

Что станешь делать, сынок?

Непроходимые встанут леса,
Как сквозь них ты пройдешь, сынок?

Как пройдешь, сынок?

Неоглядные лягут моря,
Как ты переплывешь их, сынок?

Переплывешь их, сынок?

Чудовище-волк нападет — тот, что укусит семь раз,
проглотит один раз,

Как от него ты сбежишь, сынок?

Как сбежишь, сынок?

А ты в ответ напой матери так:

Если останутся здесь стада,
Одна лошадь умножится до пяти, матушка,
Умножится до пяти, матушка.

Коль непроходимые встанут леса,
Секира отца рассечет их, матушка,
Рассечет их, матушка.

Коль неоглядные лягут моря,
Серебряное зеркало отца поможет, матушка,
Выручит, матушка.

Если чудовище-волк нападет, —
Тот, что семь раз кусает, один раз глотает,
Кук-тулпар отца спасет меня, матушка,
Спасет меня, матушка.

Затем Кузыкурпяс сел на своего тулпара, поехал домой и сказал матери о своем желании ехать на поис-

ки Маянхылу. И тогда его мать стала напевать точно такими словами, какие предсказывал конь. И в ответ Кузыкурпяс пропел так, как научил его Кук-тулпар. Стоило Кузыкурпясу тряхнуть поводьями, как Кук-тулпар его тут же унес, говорят.

Эх, понесся, эх, помчался, сказывают, Кузыкурпяс, пока, наконец, не добрался до края непроглядно-черного леса. Кук-тулпар обрел дар речи и сказал так:

— Брось секиру своего отца!

Стоило Кузыкурпясу бросить секиру своего отца, как посередине непроходимого леса образовалась прямая дорога. Кузыкурпяс поднял секиру и ветром промчался по той прямой дороге.

Эх, несется, эх, мчится Кузыкурпяс, и вот добирается он до берегов необъятного моря.

Кук-тулпар вновь заговорил человеческим языком: — Брось серебряное зеркало своего отца!

Стоило Кузыкурпясу бросить серебряное зеркало своего отца, как через необъятное море перекинулся гибкий-прегибкий стеклянный мост. Кузыкурпяс поднял зеркало и мигом пронесся на своем Кук-тулпаре по тому гибкому-прегибкому стеклянному мосту.

Перебравшись по тому мосту, перекинутому через море, эх, понесся, сказывают, Кузыкурпяс, эх, помчался, пока не добрался до подножья какой-то горы. Смотрит — с противоположной стороны выходят ему навстречу, раскрыв свои пасти и оскалив клыки, семь волков «семь раз откушу, один раз проглочу»². Обрел Кук-тулпар дар речи:

— Ударь кнутом по моему правому ребру, чтобы из левого ребра кровь брызнула, а сам зажмурь глаза!

Ударил Кузыкурпяс по правому ребру коня, так что из левого ребра его кровь брызнула, а сам глаза зажмурил³. И в это время Кук-тулпар ветром пронесся мимо волков. Тогда Кук-тулпар и говорит:

— А теперь открой глаза и обернись назад.

Открыл глаза Кузыкурпяс и обернулся назад, а там, на только что поднявшейся горе, распустив свои волосы, стоит его мать.

С вершины той горы прокричала она вослед:

— Сынок, сколько преград создала я на твоём пути — волосы свои сделала черным лесом, слезы свои — морем, семь блох — семью волками — все ты преодолел, оказался батыром. Счастливо тебе добратся и воротиться назад!⁴

Кузыкурпяс, говорят, вновь поскакал вперед.

Ехал он, ехал. пока не добрался до того места, где путники останавливались на ночлег. Кузыкурпяс сошел с коня, поворошил золу в потухшем костре, и нашел там спекшуюся углем пресную лепешку. Оказывается, то была лепешка, которую зарыла Маянхылу: «Если Кузыкурпяс поедет меня искать, съест по дороге».

Отведал Кузыкурпяс той лепешки и подумал: «Долго же придется мне ехать». Проехав немного, он опять наткнулся на стоянку путников и в остывшей золе костра обнаружил еще одну лепешку. Одна ее половина сгорела, а другая была цела. Поехал Кузыкурпяс дальше, добрался до третьей стоянки путников и нашел в золе недавно испеченную, свежей желтизны, лепешку. Увидев ее, Кузыкурпяс обрадовался: «Значит, ехать осталось немного».

Скоро впереди показался табун лошадей. Когда Кузыкурпяс приблизился к нему, заговорил Кук-тулпар: «Вырви у меня три волоска, а самого отпусти. Если стану тебе нужен, подпали три волоска и я окажусь возле тебя»⁵.

Вырвал Кузыкурпяс три волоска и отпустил Кук-тулпара. Сам же подошел к табуну и поздоровался со стариком-пастухом.

Спрашивает у него старый пастух:

— Что ты тут бродишь, куда направляешься, сынок?

— Мне бы какую-нибудь работу, дедушка. Кто твой бай? Не примет ли меня в работники?

Отвечает ему пастух:

— Эге, у нашего Кусяр-хана люди никогда не лишние. Заночуй сегодня здесь. Не зарезав лошади и не угостив, гостя мы не отпускаем.

Заночевал Кузыкурпяс, отведав конины, а утром собрался в дальнейший путь. На прощанье старик, что пас лошадей, сказал ему так:

— Сынок, на пути твоём встретятся два озера, разделенные между собой узкой тропинкой. Нрав у тех озер таков: когда проходящий человек дойдет до середины, они смыкаются и проглатывают человека. Поэтому, когда ты доберешься до озер, перелей воду одного из них в другое. Только тогда ты можешь пройти⁶.

Простившись со стариком, Кузыкурпяс подпалил три волоска, и Кук-тулпар мгновенно оказался возле него. Егет вскочил на коня и, примчавшись к тем озерам, о которых говорил ему старик, перелил воду одного из них в другое. И тогда озеро заговорило чело-

веческим языком: «Большое спасибо тебе, егёт. Семь лет мучились мы в разлуке, не в силах были соединиться друг с другом, ты нам помог. Пусть и тебе суждено будет соединиться с Маянхылу».

Кузыкурпяс вскочил на Кук-тулпара и поехал дальше по узкой тропинке.

Ехал он, ехал, пока не добрался до стада коров. Опять вырвал он у Кук-тулпара три волоска, а самого отпустил на волю. Подходит он к пастуху, а тот спрашивает:

— Ну, сынок, с чем приехал? Куда путь держишь?

— Дедушка, хотел я в работники наняться, — отвечает Кузыкурпяс. — Не найдется ли в вашем ханстве для меня работа?

Старик-пастух ему говорит:

— Ай, у нашего Кусяр-хана работники завсегда нужны. Заночуй здесь, мы для приезжих режем одну корову. Погостишь, а завтра отправишься дальше.

Заночевал Кузыкурпяс и у этого пастуха, а наутро тронулся в путь. При расставании старик-пастух сказал:

— Впереди встретится тебе еще один пастух, что пасет овец. Ты там тоже сделай остановку, сынок.

Кузыкурпяс подпалил три волоска, вскочил на Кук-тулпара и к вечеру доехал до пастуха, что пас овец.

— Чьи это овцы? — спросил он у пастуха.

Старик-пастух ему отвечает:

— Это овцы Кусяр-хана. А ты сам куда путь держишь, сынок?

— Хочу в работники наняться, дедушка. Вашему хану человек не нужен?

— Разве будет кто лишним нашему Кусяр-хану? Оставайся здесь ночевать, мы приезжому режем барана, гостем будешь. Отсюда до Кусяр-хана недалеко, завтра с утра поедешь.

Кузыкурпяс внял его словам и остался ночевать. Во время их разговора какая-то овца отделилась от стада и убежала куда-то. Говорят, старик-пастух и Кузыкурпяс даже заметить не успели, куда она исчезла.

А та овца прибежала к сандау Кусяр-хана, прошла через сад к дому Маянхылу и стала напевать возле ее окна:

Суенсе, Маян, суенсе, Маян,
Подол, рукава подбери, Маян,
Кузыкурпяс сам идет сюда,
Кузыкурпяс сам идет сюда!..

А Маянхылу ее бранит: «Ах, проклятая, что ты болтаешь? Уходи отсюда!» и гонит прочь ту овцу. А та вернулась обратно и завела ту же песню:

Суенсе, Маян, суенсе, Маян,
Одежду свою подбери, Маян,
Кузыкурпяс сам идет сюда,
Кузыкурпяс сам идет сюда!..

«Не болтай пустое!» — крикнула Маянхылу и опять прогнала овцу. Но та вернулась и в третий раз и стала напевать еще громче:

Суенсе, Маян, суенсе, Маян,
Одежду свою подбери, Маян,
Кузыкурпяс сам идет сюда,
Кузыкурпяс сам идет сюда!..

Сильно разгневалась Маянхылу, выбежала из дому и закричала: «Что ты мелешь пустое да в рану соль подсыпашь, нож тебе в душу!» Она взмахнула ножом, а нож возьми да и задень курдюк овцы, разрезав его надвое.

Вот с тех пор, говорят, и остались рассеченными овечьи курдюки.

Кузыкурпяс заночевал у пастуха овец, утром сел на своего Кук-тулпара и отправился в дальнейший путь. При расставании пастух сказал ему:

— Теперь тебе ехать недолго. Впереди будет сандау хана; работников он отбирает себе сам, так что ты прямо к нему и иди.

Когда Кузыкурпяс добрался до сандау Кусяр-хана, было еще рано. Кузыкурпяс вырвал у тулпара три волоска и отпустил его на свободу.

Кузыкурпяса встретил один из слуг Кусяр-хана, которого прозвали Плешивоголовым Карагулом.

— Ну, егет, какое у тебя дело до нашего хана? — спросил он.

— Да вот, хотел знать, не примет ли меня хан к себе в работники? — отвечает Кузыкурпяс.

Карагул бегло оглядел Кузыкурпяса и сказал:

— Нашему хану люди всегда нужны, да только погоди малость, он пошел молиться.

Ожидая появления Кусяр-хана, Кузыкурпяс осматривался по сторонам, стараясь определить, где находится Маянхылу, но понять что-либо здесь было трудно.

Кусяр-хан пригласил Кузыкурпяса к себе и стал спрашивать:

— Ты, егет, оказывается, хочешь наняться в работники, что умеешь делать?

— А по мне любая работа, — отвечает Кузыкурпяс, — я все умею делать, мой хан.

— Вообще-то, мне нужен один табунщик, — говорит Кусяр-хан. — Только есть у меня одно условие: я приму в табунщики только того, кто сумеет взнуздать кобылу, что уже три года остается яловой в табуне, и сумеет на нее сесть.

Кузыкурпяс согласился с тем условием.

После этого они решили поехать к табуну лошадей. Кусяр-хан дал Кузыкурпясу захудалого дунэна, а сам сел на самого лучшего коня. Ехали они вместе, пока дорога не развела их в разные стороны. Кусяр-хан обернулся к Кузыкурпясу и говорит:

— Дорога, что уходит направо, — короткая, а та, что уходит налево, — круговая. Ты по какой поедешь?

— Мне все равно, — отвечает Кузыкурпяс. — Пусть я поеду по круговой.

Кусяр-хан поехал по прямой дороге, а Кузыкурпяс — по круговой. Немного проехав, Кузыкурпяс вынул из кармана три волоска, подпалил их, и пред ним предстал Кук-тулпар. Затем Кузыкурпяс положил худого дунэна поперек на Кук-тулпара и в мгновение ока добрался до табуна Кусяр-хана; мало того, по пути он успел настрелять всякой птицы. Возле табуна он опять отпустил своего тулпара, пересел на дунэна и стал поджидать Кусяр-хана.

Лишь много времени спустя приехал Кусяр-хан. На одежде его не было чистого места — все в пыли и грязи. Дело в том, что он до приезда егета собирался поесть и попить, а затем выспаться, и потому скакал что есть мочи, не разбирая дороги.

— Идем, мой хан, очень уж ты задержался в дороге, — встретил его Кузыкурпяс. — Даже птичий бульон, что я тебе приготовил, стал остывать.

У Кусяр-хана глаза округлились от изумления. Подошел он к костру и видит, что там варится полный казан супа из мяса дикой птицы.

Стараясь не подать виду, Кусяр-хан как ни в чем не бывало поел птичьего мяса.

— А теперь ты вылови вон ту кобылу, что три года ходит яловой, накинь узду, приведи и завяжи здесь, — обратился он к Кузыкурпясу, показывая на лошадь, носившуюся среди табуна, вздыбив гриву.

«КУЗЫКУРПЯС И МАЯНХЫЛУ»

«КУЗ-КУРПЯЧ»

«Хорошо, мой хан», — ответил Кузыкурпяс, взял корок и стал загонять ту кобылу. Немного времени прошло, набросил он корок на шею лошади. Когда яловая кобыла стала брыкаться и взвиваться на дыбы, Кузыкурпяс сердито дернул корок, да и оторвал ей голову.

— Ах, егет, погубил ты мою яловую кобылу! — закричал Кусяр-хан. — Ну ладно, да будет впрок эта потеря. В таком случае, приведи сюда кобылу, которая уже шесть лет ходит яловой в табуне.

Когда Кузыкурпяс наложил корок, кобыла, шесть лет ходившая яловой в табуне, тоже стала брыкаться и вставать на дыбы. Стоило Кузыкурпясу сильнее дернуть корок, как и у этой кобылы оборвалась шея.

Поразился Кусяр-хан столь невероятной силе Кузыкурпяса.

— Егет, ты погубил лучших моих кобыл, оборвав им шею, да будет впрок и эта потеря. Есть у меня еще одна кобыла, которая уже девять лет ходит яловой. Поймай и сядь на нее. Только, ради бога, будь осторожней, не погуби ее, — сказал он.

Кузыкурпяс моментально поймал кобылу, что девять лет ходила яловой, сел на нее и загнал до черного пота. Затем подвел к Кусяр-хану и привязал ее перед ним.

— Егет, я согласен принять тебя табунщиком, — сказал хан. — Будешь пасти вот этих лошадей. — И он показал на множество табунов лошадей, покрывших всю степь.

Кузыкурпяс остался пасти в степи лошадей, а Кусяр-хан отправился в свой сандау.

Вернувшись домой, Кусяр-хан с изумлением поведал о егете, обладающем невероятной силой. Слушавшая его Маянхылу подумала про себя: «Неужели существуют егеты еще сильнее Кузыкурпяса?»

Маянхылу жила одна в отдельной юрте. За ее окном росли разные фруктовые деревья и пели всякие певчие птицы. Маянхылу коротала время у того окна, любясь деревьями, слушая пение птиц и думая о Кузыкурпясе.

Немало времени прошло с тех пор, как Кузыкурпяс стал работать у Кусяр-хана. Но он все никак не мог увидеть Маянхылу, потому что всегда был в степи, среди лошадей.

Вот, говорят, и осень настала, дожди пошли вперемешку со снегом. Кусяр-хан повелел весь скот пригнать к своему сандау и загнал их в загон. Промозглые хо-

лодные пошли деньки, и потому было решено накрыть жеребят лыковыми попонами. В такие дни одних лишь пастухов для ухода за скотиной не доставало, и потому на помощь к ним приходила и Маянхылу.

В один из таких дождливых и ветреных дней Маянхылу торопливо повязывала попоны на жеребят, а кто-то шел сзади и срезал эти попоны. Почувствовав, что это неспроста, Маянхылу спросила: «Кто там балуется?», и когда незаметно обернулась в ту сторону, то увидела перед собой Кузыкурпяса. Вмиг позабылись и лошади, и жеребята, и показалось, что и ветер стих вместе с дождем и снегом. Егет и девушка так и застыли на месте, не отрывая глаз друг от друга. Кроме того, что один сказал: «Маянхылу!», а другая «Кузыкурпяс!..», — никто ничего не мог произнести.

Сколько-то времени простояли они так, глядя друг на друга, не в силах вымолвить и слова, а потом очень долго сидели в укромном месте, прижавшись друг к другу и позабыв обо всем на свете, как пара воркующих голубков. О чем говорили эти двое, прикипевшие сердцем друг к другу, слышала жена плешивоголового Карагула, что была осторожнее сороки и хитрее лисы. Затем, добавив от себя и исказив смысл слов, которые произносили влюбленные в душевном порыве, рассказала она обо всем мужу, а Карагул Плешивоголовый, еще более приукрасив ее рассказ, довел его, в свою очередь, до Кусяр-хана.

— Теперь дочка твоя уже не девушка! К тому же сама собирается бежать вместе с тем пастухом, — сказал он хану.

Пока обескураженный такой новостью Кусяр-хан сидел, почесывая затылок, Карагул заговорил:

— Если не станешь возражать, я придумал одну хитрость.

— Ну, какая еще хитрость? — спросил хан.

— Мой хан, если подумаешь как следует, то и сам поймешь, что, не убив Кузыкурпяса, ты от него не избавишься. А без хитрости тут не обойтись. А почему? Да потому что силой его не одолеть — он сильнее всех нас. Пользуясь своей силой, он может увезти не только Маянхылу, но и ограбить тебя и угнать весь твой скот. Он не остановится перед тем, чтобы отомстить тебе за то, что ты еще в ранней юности разлучил его со своей дочерью и уехал в другие края. Да, он непременно это сделает...

— Так что же тогда нужно делать? — прервал Кусяр-хан Карагула Плешивоголового.

— Для этого нужно провести ложный свадебный пир, — сказал Карагул. — Под видом того, что выдаешь замуж Маянхылу за Кузыкурпяса, надо созвать гостей и устроить свадебный туй. Тут и напоить Кузыкурпяса балом допьяна. Потом надо вызвать его на пляску. Спьяна его начнет покачивать. Вот тогда следует его увести в сторону: мол, пусть протрезвеет, а там и прикончить, ударив по голове... Другого способа избавиться от Кузыкурпяса нет, мой хан.

Всю осень и всю зиму думал об этом Кусяр-хан, и весной, наконец, согласился со словами Карагула.

Однажды, разослав гонцов и письма во все стороны, куда конь доезжает и письма доходят, созвал он множество гостей, якобы на свадебный пир Кузыкурпяса и Маянхылу.

А Кузыкурпяс и Маянхылу, говорят, чувствовали, что этот туй невзаправдашний. Поэтому они сговорились в самый разгар туя сесть на тулпара и бежать. «Может быть, Кук-тулпар найдет какой-нибудь выход?» — подумал Кузыкурпяс и, подпалив три волоска, призвал его к себе. Кук-тулпар молвил человеческим голосом: «Егет мой, тебя хотят напоить на пиру, а потом вывести и убить. Ты не должен опьянеть. Для этого намотай на свой палец один из волосков наподобие перстня, и, прежде чем выпить, взболтни разок тем пальцем напиток. А станешь меня вызывать — подпали тот волосок вместе с двумя другими».

Кузыкурпяс решил сделать в точности так, как посоветовал ему Кук-тулпар.

И вот начался, говорят, свадебный пир — со скачками коней и состязаниями борцов и бегунов. Скоро подали и бал, начали пить. Кузыкурпясу тоже то и дело подают выпивку, а он взболтнет его разок пальцем, повязанным волоском, да и выпьет. Ему и в голову не приходит, чтобы опьянеть и свалиться.

Видя это, опечалились Кусяр-хан и Карагул. Известись от ожидания. Плешивый тут и крикни:

— Жениха просим разок сплясать!

Кузыкурпяс не стал противиться, в пляс пустился. Не успел он доплясать, как пошла отплясывать Маянхылу. Стоило Кузыкурпясу подпалить волоски, как Кук-тулпар тут же предстал прямо посередине майдана. Егет и девушка вскочили на него и были таковы.

Но почему-то бег Кук-тулпара был медленнее обычного, и сидеть на его спине было очень неудобно. Поэтому гнавшийся за ними Карагул очень скоро их настиг, взмахнул саблей, и та звонко полоснула по крупу тулпара. Тот споткнулся, пошел кособоча, и Маянхылу слетела с него на землю. После этого Кук-тулпар внезапно откинулся в сторону и исчез с глаз долой.

Плешивый Карагул посадил Маянхылу на своего коня и увез в сандау Кусяр-хана. А Кук-тулпар, скрывшись от преследователей, вывез Кузыкурпьяса к какому-то озеру. Кузыкурпьяс сошел с тулпара и спросил: «Что все это значит?»

Кук-тулпар ответил человеческим языком: «Что ты на меня смотришь? Погляди лучше на свой палец!»

Кузыкурпьяс взглянул на свой палец и сразу же вспомнил: в спешке во время пира он подпалил только два волоса, а третий остался замотанным на пальце. Вот почему Кук-тулпар скакал медленнее обычного и ехать на нем было так неудобно, и не знавший до этого никаких преград Кук-тулпар стал вдруг хромать и спотыкаться.

Кузыкурпьяс очень огорчился и готов был отрезать свой палец. Но уже ничего нельзя было поправить.

Когда Кузыкурпьяс сидел так, убитый горем, Кук-тулпар вновь обрел дар речи и еще больше увеличил его горе, сказавши: «Мои раны излечатся не раньше, чем через три дня. Заведи меня на три дня в это озеро».

Кузыкурпьяс завел Кук-тулпара в озеро, а сам уселся под кудрявым тополем, называемым Сук-тиряк, который рос на берегу того озера. Скоро на верхушку тополя села ворона. Кузыкурпьяс обратился к ней:

— Ворона, опустишь ко мне, у меня к тебе есть дело.

А ворона в ответ:

— Кар-рк, кар-рк, если ты околеешь, будет мне одна ложка крови, — с тем и улетела.

После того, как улетела ворона, на ее место села сорока.

Кузыкурпьяс говорит:

— Сорока, сорока, спустись ко мне, у меня к тебе дело.

А сорока в ответ:

— Шыкыр-шыкыр, если ты умрешь, будет мне одна ложка твоей крови. — С тем она и улетела.

Затем на тополь уселся воробей. Кузыкурпьяс обратился и к нему:

— Воробушек, опустишь ко мне, у меня к тебе есть дело.

Воробей тотчас спорхнул вниз.

— Слушаю тебя, что за дело?

Написав что-то на листочке, Кузыкурпяс привязал его к ножке воробья.

— Отнеси, пожалуйста, этот листочек Маянхылу, — сказал он, и воробей тут же улетел.

А Маянхылу, говорят, в глубокой печали сидела у открытого окна, не зная, где Кузыкурпяс.

В это время тот самый воробей сел на ближайшее дерево и защебетал — сут-сут. Дивясь тому, что так радостно распелась эта птаха, посмотрела на нее внимательнее Маянхылу и увидела, что к ножке птички привязан листочек. Допев свою песню, птица впорхнула в комнату и села на плечо Маянхылу.

Маянхылу прочитала письмо и узнала, где и в каком положении находится Кузыкурпяс. Затем она и сама написала письмецо и привязала его к ножке воробья. Потом, подумав: «Съест, если очень сильно проголодается», — прицепила еще шесть штук баурхака.

Так воробей стал перелетным слугой и начал три-четыре раза в день летать между Кузыкурпясом и Маянхылу.

На третий день разлуки с раннего утра в комнату Маянхылу вошла жена Карагула Плешивого, положила на колени себе ее голову и стала осматривать. Маянхылу заснула на ее коленях. В это время в открытое окно влетел тот самый воробей и сел на плечо Маянхылу. «Наверное, эта пташка от Кузыкурпяса», — решила про себя жена Карагула Плешивого, что была осторожнее сороки и хитрее лисы. Она схватила птичку и стала спрашивать, выщипывая из нее перышки один за другим: «Где Кузыкурпяс? Говори, пока я не вынула из тебя душу!» Рвет она, рвет перышки птички, а та молчит, даже не пикнет. Окаянная эта женщина рвала до тех пор, пока на теле воробья не остался последний пушок. Женщина, что была осторожнее сороки и хитрее лисы, вырвала и последний пушок, и тогда птичка пропищала дважды «Сук-сук...» и испустила дух.

Маянхылу проснулась на этот писк «сук-сук» и крикнула в отчаянии:

— Что ты сделала с птичкой!

Тогда жена Карагула Плешивого выбежала во двор и закричала на весь сандау:

— Оказывается, Кузыкурпяс скрывается у дерева Сук-тиряка, поезжайте туда!

Едва услышав те слова, самые верные люди Кусяр-хана вскочили на своих коней и помчались на берег озера, где рос Сук-тиряк.

Первыми к Кузыкурпясу, говорят, поскакали два брата Маянхылу.

Один из братьев занес было саблю над Кузыкурпясом, но тот с необычайной ловкостью вывернул ему руку, забрал саблю и разломил ее пополам. Затем он подал ему шапку из песка, оставшуюся от отца: мол, пусть будет тебе от меня подарок.

Поняв, что связываться с Кузыкурпясом бесполезно, другой брат Маянхылу сам отдал ему свою саблю. Кузыкурпяс и ему вручил от себя подарок — секиру, оставшуюся от отца. Наконец, отдал он и серебряное зеркало: передайте Маянхылу как память обо мне.

«Оказывается, он очень славный человек», — подумали братья Маянхылу, сели на своих коней и отправились домой.

К концу дня истекал срок излечения ран Кук-тулпара, который стоял погруженный в воды озера. В ожидании этого Кузыкурпяс накинул на себя выдровую шубу, оставшуюся от отца, затянулся серебряным поясом и улегся под тополем, намереваясь немного вздремнуть. Там он и уснул. Дело в том, что в думах о Маянхылу он всю ночь до самого рассвета даже глаз не сомкнул.

Второй брат Маянхылу вручил сестре серебряное зеркало, которое Кузыкурпяс отдал как память о себе. Маянхылу страшно тому обрадовалась, долго благодарила брата, а потом взглянула в зеркало и, вскрикнув: «Ах, погубил моего Кузыкурпяса!» — упала без чувств.

Дело в том, что в зеркале все было видно: Карагул незаметно подкрался к тополю, под которым спал дремлющий Кузыкурпяс, убил его ножом и теперь снимал с него серебряный пояс и выдровую шубу. Возле тополя никого нет, полная тишина. И только на макушке тополя сидят сорока и ворона, не в силах дожидаться, когда же уйдет Карагул Плешивоголовый.

Придя в себя, Маянхылу побежала к отцу и рассказала ему об этом ужасном деле. Затем, даже не дожидаясь его ответа, вскочила на коня и помчалась туда, где лежало тело Кузыкурпяса. Следом за ней выехали сам Кусяр-хан вместе с двумя сыновьями.

Все было так, как привиделось в зеркале: под раскидистым тополем лежало распластанное тело убитого Кузыкурпьяса. Только что выбравшийся из озера, исцелив раны, Кук-тулпар уныло стоял возле него, низко опустив голову и роняя слезы из печальных своих глаз. Держа в руках серебряный пояс и выдровую шубу Кузыкурпьяса, Карагул Плешивоголовый никак не мог сесть на своего коня — только пытался это сделать, как Кук-тулпар хватал его каждый раз зубами за ногу и стягивал обратно на землю.

Маянхылу упала на грудь Кузыкурпьяса и стала плакать. Она плакала так долго, что вспухли глаза.

А Карагул Плешивоголовый думал про себя: «Я своего добился, теперь ты от меня далеко не уйдешь, недолго осталось ждать того дня, когда ты станешь мне молодой женой, кроме той, что осторожнее сороки, хитрее лисы».

Прискакавший следом за дочерью Кусяр-хан стал ее утешать:

— Не надо так горевать и изводить себя, доченька! Что случилось, то случилось, найдутся егеты лучше Кузыкурпьяса...

Из страны в страну стану я ходить, мое дитя,
Странником вечным, скитальцем стану, мое дитя,
Отыщу егета и приведу сюда, мое дитя, —

пропел он затем. Маянхылу же пропела в ответ так:

Хоть из страны в страну станешь ходить, отец,
Хоть странником вечным станешь, отец,
Благородного егета, как Кузыкурпьяс,
Не отыщешь, отец. А если и приведешь, —
Не будет таким он, как Кузыкурпьяс, отец.
У тополя, растущего у озера Сук,
Широкими листья не будут.
Кого бы ты не отыскал, отец,
Равным Кузыкурпьясу не будет.

Затем Маянхылу обратилась к Плешивоголовому Карагулу:

— Очень уж горло мое пересохло, подал бы водицы из озера.

«Ага, сама первой заговорила, значит, дело должно пойти на лад», — подумал про себя Карагул. Чтобы угодить Маянхылу, он подошел к краю озера и только наклонился, чтобы зачерпнуть воды, как воскликнула

Маянхылу: «А это вот — месть за Кузыкурпяса!» — и вонзила нож в его спину.

Затем Маянхылу вернулась к тополю, вынула из-за пазухи приготовленный для Кузыкурпяса вышитый носовой платок, написала на нем кровью Кузыкурпяса «Кузыкурпяс» и своею кровью — «Маянхылу» и вложила тот платок в карман выдровой шубы убитого Кузыкурпяса. Затем она привязала к седлу Кук-тулпара серебряный пояс и выдровую шубу Кузыкурпяса, а потом туда же прицепила его саблю. Когда все было готово, она вынула из кармана Кузыкурпяса три волоска, приладила их к гриве Кук-тулпара и ласково его потрепала по холке. После этого Кук-тулпар мгновенно исчез — умчался на отроги Уральских гор, к дому, где жила мать Кузыкурпяса.

Пока Кусяр-хан, двое его сыновей, собравшийся здесь народ стояли остолбенело, глядя то на Кук-тулпара, то на лежащего под тополем мертвого Кузыкурпяса, то на неподвижного Карагула на берегу озера, и не знали, что предпринять, Маянхылу подошла к кудрявому тополю Сук-тиряку, пронзила ножом свое сердце и упала на грудь Кузыкурпяса.

Так, говорят, окончилась жизнь Кузыкурпяса и Маянхылу, страстно любивших друг друга и не нашедших совместного счастья.

Кузыкурпяса и Маянхылу похоронили в одной могиле, на берегу большого озера, под раскидистым тополем.

На могиле Кузыкурпяса и Маянхылу выросли две яблоньки, а на могиле Карагула Плешивоголового вырос репейник. Он перекинулся через озеро и обвился вокруг яблонь, выросших на могиле Кузыкурпяса и Маянхылу. В ветреные дни, когда начинали трястись яблони, репейник терзал качающиеся яблоки, выжимал из них кровавый сок. Из того кровавого сока, что вытек из яблок, вылупились две птицы и свили два гнезда на верхушке яблонь. Из обвившей те яблони колючки вышли две вороны и стали разорять гнезда на яблонях. Тогда две яблоко-птицы рассердились на колючек-ворон и заклевали их до смерти.

Сказывают, что теперешние лебеди произошли как раз от тех яблоко-птиц.

КУЗ-КУРПЯЧ

башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на русский в долинах гор Рифейских, 1809 года.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Живучи между башкирцами, случилось мне прочесть на их языке рукопись под названием «Куз-Курпяч, башкирская повесть», из которой многие песни слышал я прежде от курайчев¹. Новость заглавия, особый образ мыслей и выражений, частью обычаи их, тут помещенные, а более всего простота их нравов и бескорыстие показались мне любопытными и заставили меня перевести ее на русский язык.

Неизвестно, когда она писана: но из приношения сочинителя, которое также при переводе помещаю, видно, что она собрана из песен и из устных преданий поэтом-историком башкирским курайчем. В нем он говорит, что писал сию сказку в угодность одной особы, любившей башкирцев, которую он называет сыном Осмиродца².

Не всякому, может быть, известен башкирский народ, даже и по названию своему, а особливо по древним своим нравам и обычаям, в которых ныне и сами башкирцы не узнают себя. Почему и надеюсь, что перевод мой найдет хотя немногих любителей отечественной древности, которые пожелают прочесть оный. Но удалось ли мне сделать таким перевод, каков подлинник, оставляю на рассуждение читателей.

ПРИНОШЕНИЕ КУРАЙЧИ СЫНУ ОСМИРОДЦА

Принять не устыдися
Немногие листы!
В них нет ни подлой лести,
Ни низкие хвалы.

Твоей забавы ради
Я повесть написал,
Чтоб ты, любя башкирцев,
В свободный час читал.

Мне радостней весны³.

Изустные преданья
От прадедов собрав,
Двух батырей деянья
Писанью предал я.

Их нравы простодушны
Не кистью малевал;
Невинность обнаженну
Без замыслов писал.

Курайчам подражая,
Где надобно, гудел;
Башкирцам угождая,
В иных местах шутил.

Отцом твоим любимый
Описывал народ:
Он другом был народа,
Народ его любил.

И большей изъяснити
Не мог ему любви,
К семи родам причисля,
Осьмым его назвать.

Да будет он блаженным
В селениях аллы;
Тебе же дар довлеет
Великого патши.

Да радуешься сердцем
В преклонных ты летах;
Сыны в благих наследят
Да деду и отцу!

Три батыра молодые
На родине своей,
Как крины сильны в поле;
Красуясь цветут,

Родителю в утеху,
На верный долг падше;
Отечеству в защиту,
На славу, честь себе.

Твои на пастве кони
Играют, вверх хвосты;
На ветер вскинув гривы,
И скачут, как олень.

Да будет тучно стадо
На пожити твоей,
И множась плодовито,
Каймак дает и сыр;

И юницы молодые,

А час один тобою,
Усердием моим,
Приятно проведенный
Упитаны тельцы
С друзьями на джиине
Тебе да будут в снесь;
И семя хлебородно,
Доверенно земле,
Безвредно прозябая,
Воздаст сторичный плод.
Пчела да не престанет
Пускать тебе рои,
И соты с сладким медом
Забрушенны носить.

Часть I

При вершинах реки Иртыш жил почтеннейший в роде башкирском муж, именовавшийся Карабаем. Башкирцы, видя одного его кочующего, присоединились к нему несколькими кибитками.

Карабай имел у себя множество скота и старался прочих своих товарищей приохотить к скотоводству, которое все богатство их составляло. Он имел трех жен, но ни от одной из них не было детей; и это весьма его печалило, иногда, собравшись с жителями своего коша⁴, ездил в степь киргизскую⁵ ловить и бить зверей. Удачные их поездки и счастливые добычи сделали Карабая страстным охотником до звериной ловли. Полагаясь на доброту коня своего, часто удалялся он от своих товарищей и с большею против них добычею возвращался в аул свой.

В один день, как они были на охоте, нечаянно напал на них араслан. Сей свирепый зверь, никогда невиданный сими охотниками, принудил их всех от бою с ним укрыться. Один только Карабай стоял, не трогаясь с места. Он призывает свое мужество, вынимает из тула кибирь-стрелу и, наложив ее на лук, его натягивает. Араслан, бия себя хвостом по бокам и поднимая страшную гриву, идет тихим шагом к батыру, дабы, приближась, одним прыжком на него кинуться. Но Карабай, предупредив его, пускает стрелу, которая, пробив на вылет гортань его, положила мертвого на землю. Кара-

бай, брося лук свой, кинулся к араслану и, подняв глаза к небу, приносил благодарение всевышнему. Пока он находился в сем смирении, подъехали к нему его товарищи и, удивляясь толикой смелости, наименовали его батыром. С этого самого времени он всегда имел сие название.

После столь счастливого звероловства возвратились они в аул, где Карабай-батыр не замедлил сделать для жителей джиин. Сперва принес он от чистого сердца в снедь бедным лучшую кобылицу из косяков своих и с усердным молением благодарил аллу и пророка его за помощь в убиении араслана. К тому присовокупил еще смиренное прошение, дабы Магомет, сжалясь над его бесчадием, ходатайствовал перед всевышним о даровании ему сына. Когда все насытились пищею, то составили из себя круг. Престарелые сели, а молодые начали бороться и стрелять из луков; потом скакали на конях и друг друга стаскивали с оных. В таком веселии провели весь этот день. На закате солнечном начали уже расходиться, благодаря хозяина за угощение; но нечаянный приезд незнакомого аксакала их остановил. Гости, прекратя шум, желали знать причину его приезда. Карабай ласково приветствовал сего незнакомца и старался его угостить. Между тем любопытные Карабаевы соотчичи, тихо меж собою переговаривая, ждали услышать что-нибудь новое. Но наступившая ночь отняла у них сие удовольствие, и они с прискорбием возвратились в свои кибитки. Карабай, оставшись один с почтенным своим гостем, начал разговаривать с ним о посторонних вещах, а потом ввел его в кибитку, где на приготовленную постелю, покрытую богатыми коврами, просил старца сесть и успокоиться от пути, не спрашивая о причине его приезда. На другой день, лишь солнце начало появляться из-за вершины горы Караташ⁶, незнакомый пробуждается от сна, и, встав с постели, рассказывает о причине приезда своего сими словами: «Карабай! Усердное твое моление ходатайством Магомета, покровителя нашего закона, достигло всевышнего. Я прислан от пророка возвестить тебе, что родится тебе сын от жены твоей Алтыши». По сих словах старец исчез из глаз Карабая. Удивление последнего было чрезмерно: он почел сие небесным предзнаменованием и с радостью ожидал счастливого тому события. Вскоре потом младшая из жен его сделалась беременной. Тогда он вторично накормил бедных в изъявление своей благодарности.

Между тем слух, распространившийся по всем башкирским и киргизским аулам о льве, убитом Карабаем, о явившемся ему старце и беременности жены его, возбудил желание в лучших батырах с ним познакомиться. Более всех желал его видеть и с ним подружиться киргизский батыр Сарабай; желание его исполнилось. Он нашел Карабая на ловле, отделившегося от своих товарищей и при озере Каз-Куле отдыхающего от трудов звериной ловли. Сарабай, увидя нечаянно иштыка⁷ в степях своих, подумал, что сей едет на баранту. А как он был батыр крутого нрава, то закричал Карабаю грубым и повелительным голосом: «Сейчас отдайся мне пленником или готовься принять смерть от руки моей!» И в ту же минуту натянул лук и наметил в него стрелу. Карабай, не меньше смелый и решительный, вмиг вскочил на коня своего и, взяв в одну руку лук, другою наложил четыре стрелы вдруг, и готов был отразить своего противника. Между тем Сарабай, видя иштыка, приготавливающегося к обороне, вскричал: «Прежде нежели вышибу тебя из седла, скажи мне свое имя!» «Я Карабай», — гордо отвечает другой. Услышав сие, киргизец вдруг соскакивает с коня своего и, к удивлению Карабая, бежит к нему, обнимает его колена и дает знать о своем желании, которое заставило его всюду ездить, дабы, с ним увидясь, подружиться. После взаимных ласк и разговоров Сарабай пригласил Карабая к себе в аул, дабы укрепить с ним дружбу, на что Карабай охотно согласился и поехал в аул Сарабаев. Дети его, видя отца, возвратившегося с незнакомым иштыком, догадывались, что это должен быть Карабай-батыр, в чем и не обманулись, и отец их подтвердил им то же. Они приняли его со всею почтительностью, какая бывает у народа киргизского: старший взял коня за узду, другой и третий, вынув ногу из стремени, приняли Карабая с коня; двое, взяв под руки, провожали его к кибитке отца своего, который, с другими двумя сыновьями встретя его, посадил на подушку, ковром покрытую.

Сарабай, залуча в аул к себе желанного гостя, старался угостить его со всевозможным усердием, не жалея заколоть скота для приготовления джиина, на который созвал из всех окрестных аулов батырей и наездников, чтоб познакомить их с победителем араслана. Тут все до последнего пресыщены были мясом и кумысом; потом завели степные свои игры: борьбу, стрельяние из луков и скачку на конях. Таким образом

продолжался трехдневный пир, данный Сарабаем для друга своего. По истечении сего времени все гости разъехались, благодаря хозяина за джиин и прославляя храбрость Карабаеву; потом и друзья начали прощаться. Нетерпеливый Карабай торопился домой, дабы успокоить семейство свое и товарищей, бывших с ним на ловле, которые, долго искав его в степи, возвратились в аул, не зная того, что он, подружась с Сарабаем, уехал к нему в кош.

Киргизский батыр, прощаясь с своим другом, подарил ему двух лучших аргамаков и велел их вести Яланбаю, младшему из сынов своих. По шестидневном пути приехали они в аул Карабаев, упокоили семейство его и обрадовали жителей, которые, видя товарищей его одних возвратившихся, в превеликой были печали. Как скоро известились они, что Карабай возвратился в провожании незнакомого кыр-казака, то пошли с торопливостью к кибиткам его. Радость их привела в удивление сына Сарабаева и заставила думать, сколь Карабай был любим и почитаем в своем ауле. Батыр уведомил их о сем приехавшем с ним человеке и показал им подаренных ему отцом его аргамаков. Потом рассказал о встрече своей с Сарабаем, об его угощении, и что он сына своего послал провожать его. Карабай, угостя Яланбая, при отъезде его отдал другу своего двумя лучшими аргамаками. Одного оседлал старинным азиатской работы убором; на седло положил кафтан с шапкою и покрыл все двумя богатыми коврами; другого навьючил путевыми припасами: кумысом, курутом и маслом. Сверх того подарил Яланбаю лук со стрелами. При прощании просил его по приезде в аул свой сказать Сарабаю, что он нетерпеливо желает его видеть у себя гостем; а время сунара, который бывает по первому снегу, назначил для свидания при известном озере Каз-куле. Яланбай, благодаря Карабая за угощение и подарки, поехал в путь свой и через несколько дней приехал к отцу своему, перекочевавшему тогда на другое место.

Яланбай по приезде своем уведомил Сарабая и вручил посланные ему от Карабая подарки. Сарабай, получа дружеские от Карабая знаки, почувствовал большую радость и нетерпеливо ожидал назначенного для их свидания времени.

Уже день сей наступил, и в коше Сарабаевом еще все покоилось. Не слышно было ни лаяния псов, ни ржания коней, ни мычания волов и блеяния овец; но

Сарабай уже пробуждается, вскакивает с постели и спешит к кибиткам сыновей, покоящихся на коврах в объятиях жен своих. С рассветом дня возбуждает их от сна и раздает им свои приказания. Одному приказывает пригнать в стан табуны; другому, отдавая в руки корок, велит ловить лучших коней; третьему седлать их богатыми уборами; четвертому взять лучшую, белыми кошмами покрытую, кибитку, дабы в ней принять своего друга; пятому приготовить путевые припасы; двух же старших оставляет дома для хозяйства.

Как скоро все было исполнено, то Сарабай отправился в путь с детьми своими. По двухдневной езде, прибыли они к условленному месту, потому что ради поспешности на дороге не ловили зверей, хотя их довольно им попадалось. Карабай, с своей стороны, также старался в назначенный день приехать на то место. На дороге застигли его сильная буря и дождь и принудили его с товарищами поставить кибитку и дожидаться хорошей погоды. Между тем Сарабай уже был на месте, и медленность Карабаева приводила его в недоумение. На другой день после полудня он намеревался уже оставить место сие и возвратиться в свой аул; но усмотренная сыном его Каланбаем вдали пыль остановила их. Пыль время от времени к ним приближалась, и они увидели наконец выезжающего из оной Карабая с товарищами. Сарабай, обрадовавшись, спешит к нему навстречу и обнимает его. День сей провели они в дружеских разговорах и веселостях, заставляя молодых людей, с ними приехавших, одних бороться и стрелять из луков, других играть на кураях и петь приличные свиданию их песни. На другой день, проснувшись, положили они ехать на ловлю зверей, разделясь на артели. В сей день имели они большую удачу, а случившееся происшествие укрепило более дружбу двух батырей. Сарабай, удаляясь от всех, ехал один мимо камышей и нечаянно встретился с юлбарсом необычайной величины. Зверь кинулся на него. Батыр не устранился от бою и ударил его копьем, но не попал ему в зев, а пробил переднюю лопатку. Зверь, рассвирепев от раны, ударяет лапой по копы, коего древко лопается вдребезги. Обезоруженный батыр соскакивает с коня. Зверь в ярости, не различая коня от всадника, бросается на первого и терзает его. Батыр, пользуясь своим случаем, выхватывает острую свою саблю, с силою ударяет зверя по спине и делает глубокую рану; от чего зверь, рассвирепев более и оставив коня уже растер-

занного, с клубящеюся из челюстей пеной, с кровью смешанною, кидается на друга Карабаева. Сарабай поражает его саблею в отверстие зев, но проворный зверь едва почувствовал прикосновение острия, стиснув саблю зубами, изломал ее в мелкие куски и оставил в руке у батыра один обломок. Мгновенно кинулся на него и острыми своими зубами и лапами хотел растерзать его; но как Сарабай был в кольчуге, то зверь не мог его глубоко ранить, а только превосходством силы привел батыра в такое изнеможение, что он едва держался на ногах и с последним усилием отбивался от него, держа еще в руке остаток изломанной сабли и нанося оным ему удары, кои были, однако, слабы и не вредили зверю. Сей бой окончился бы непременно смертию батыра, если бы счастливый случай не привел на место сие устранившегося от товарищей своих друга его Карабая. Сей, видя его опасность, соскакивает с коня, дабы вернее поразить зверя. Со скоростью вихря бросается на него, одним ударом отделяет ему правую лапу, уже схватившую киргизского батыра за шею. Зверь бросает свою добычу и обращается на Карабая; но вмиг упадает к ногам его от сильного удара в голову. Как ни тверд был череп зверя, но сила руки Карабаевой и острота сабли разделили его надвое.

Изумленный и обрадованный Сарабай долго стоял неподвижно. Потом, хотя еще силы его столько были истощены, что всякий бы другой на его месте пал от изнурения, он, подняв руки к небу, произнес краткую молитву. Когда же он сел на траву, то Карабай, окончив бой, кинулся к нему на шею. «Как я счастлив, друг мой, — сказал он Сарабаю, — что подоспел помочь тебе убить зверя». «Не помог, — отвечал ему друг его, — но изнеможенного избавил от лап и челюстей его, готовых растерзать меня. Тебе одному принадлежит честь в убиении зверя. Конь мой был растерзан, я обезоружен. Бог послал тебя к избавлению моему». Карабай с своей стороны приписывал ему похвалы, говоря, что он уже ослабил силы зверя, нанеши много ему ударов и во многих местах его ранив. Они наговорили друг другу много подобных похвал, а может быть, их не кончили бы долго, если бы не помешали им дети Сарабаевы и товарищи Карабаевы. Дети, увидя в слабом положении отца, сняли с него кольчугу и платье, осмотрели раны и, омывая их чистою водою, нашли неопасными. Карабай дал одного из своих заводных коней под Сарабая; и таким образом поехали обратно в свой стан. Дорогою

киргизский батыр рассказывал детям своим об опасном бое своем с юлбарсом, примолвя: «Без сильной руки друга моего не сидеть бы мне на коне и не видать бы мне ни жен, ни вас, детей моих. Матери бы ваши овдовели, а вы бы остались сиротами. Итак, дети мои, постарайтесь ему заплатить тем же!» Сарабай, хотя батыр, но человек: теперь видим его благодарным, а после он забудет сделанную ему Карабаем услугу.

Приехав к стану, сошли они с утомленных коней своих и, расседлав их, каждый своему дал выпить чашку кумысу для подкрепления от усталости; а потом, стреножа, пустили их на мягкую траву близ озера Казкуля. Дети Сарабаевы и товарищи друга его из убитых ими зверей и птиц начали готовить пищу, подправляя оную крутом и маслом, а батыры вошли в богатую Сарабаеву кибитку. Там, сидя и разговаривая меж собой, располагали, как в следующие дни ловить зверей. Между тем добрый позыв на пищу выманивает их из кибитки к кипящим котлам с мясами. Мясной запах от стелющегося пара еще боле возбуждает оный и делает батырей и товарищей их нетерпеливыми. В это время видят они во весь опор скачущего к ним человека, и все закричали: «Иштяк! Иштяк!» Как скоро незнакомый приблизился к ним на расстояние пущенной из лука стрелы, то Карабай узнает в нем пастуха своего, Карамана. «Что за вести?» — громко закричал он. «Суенче, — отвечал пастух, — младшая из жен твоих, Алтыша, родила тебе сына благополучно». Обрадованный Карабай обнимает друга своего и товарищей, благодарит пастуха за радостную весть и дарит ему лучшего коня своего.

Между тем на раскинутых коврах чаши были расставлены и горячие мяса в них разложены. Товарищи Карабаевы точили ножи острые: крошить для двух друзей бишбармак. Впервые же головы в знак почтения подносили батырам. Не забыли пригласить на обед и приехавшего с добрыми вестями пастуха Карабаева. Насытившись пищею и напившись кумысу, башкирский батыр начал говорить киргизскому: «Друг мой! Сколько ни весело мне быть с тобою на звериной ловле, но сердцу радостнее видеть родившегося сына, обещанного мне великим пророком. Ты уже отец, и потому, надеюсь, не воспротивишься моему отъезду». Сарабай, имея семь сынов, не столь охотно желал расстаться с победителем араслана; но, видя решимость его, принужден был согласиться.

Уже в обеих артелях лошади были оседланы, кибитки, котлы и чаши на лошадей навьючены, как вдруг видят скачущего к ним пастуха Сарабаева, который, подъехав, извещает своего хозяина, что любимая из жен его родила ему прекрасную дочь. Сарабай, бросясь от радости на шею друга своего, вскричал: «Друг мой и избавитель! Прими дочь мою в невесту сыну твоему!» Сим словом друзья обнялись и ударили по рукам при всех своих товарищах. Посем вторично простились и разъехались, давши друг другу обещание как можно скорее опять видеться.

Карабай, желая скорее увидеть сына, оставил позади себя всех товарищей и, не давая отдыха коню своему, на другой же день прискакал в аул свой, до которого обыкновенно езды было на шесть дней. Карабай-батыр, смелый в опасностях, миролюбивый и тихий в товариществе, показал, что не чужд был и нежности чадолюбия. С сим новым для него чувством, войдя в кибитку, увидел новорожденного на руках родившей, сказал: «Салям»⁸ и остановился: сердце в нем забилося от радости. Жена его, удивясь сему приветствию, которое никогда женщинам не делалось, спросила, кому он говорит это? «Новоприезжему батыру, сыну моему новорожденному», — отвечал Карабай и, опомнясь, бросился к ним и прижал обоих к своей груди; обнимал жену и ласкал сына, попеременно называя их любезными именами, какие в те времена простоты башкирской были у сего народа в употреблении. Потом когда восторг его радости немного утишился, призвав муллу, в смиренности и чистоте сердца принес моление всевышнему и благодарение великому его пророку, по закону которого, сделав сыну обрезание, наименовал его Куз-Курпячем.

С другой стороны, Сарабай поспешил в аул свой увидеть новорожденную дочь. Но как он не хотел оставить сыновей своих с вьючными лошадьми, то приехал уже на пятый день и нашел родившую благополучно и, принеся жертву благодарности, дал новорожденной имя Баяны. С того времени друзья вместе ловили зверей и часто друг друга навещали в аулах, а возвратившись к себе, с удовольствием рассказывали в семействах своих о проворстве и ловкости Куз-Курпяча и о красоте и рукоделии Баяны.

В один день Карабай с товарищами своими вздумал навестить друга своего Сарабая. Подъезжая к аулу его, видит, что толпа наездников другой неприязненной ему орды оный грабит и весь скот отгоняет; сам Сара-

бай, изнемогший от ран и усталости, слабо защищается против лучшего из наездников, батыра Сагазака. Карабай с досадою и мщением спешит на помощь к своему другу; направя копьё, столь сильно ударил Сагазака, что пробил его навывлет и вон из седла вышиб. Наездники, подоспев на помощь к своему батыру, хотели его защитить, но вскоре почувствовали тягость руки Карабаевой. Он, брося копьё, выхватил саблю свою и с такою силою и проворством рубил ею, что многих положил на месте, а оставшихся принудил спасаться бегством. Разогнав сию толпу, пустился с товарищами своими в погоню за остальными наездниками, гнавшими скот Сарабаев, кои, видя многих своих товарищей и лучшего батыра погибших, не смели ожидать на себя нападения и, оставя скот, ускакали. Карабай, не видя больше врагов Сарабаевых, заворотил весь скот и велел его гнать в аул, а сам спешил подкрепить и успокоить израненного и утомленного друга своего, которого нашел без памяти на траве, лежащего между телами убитых жен его и двух сыновей. Первое его старание было осмотреть раны Сарабаевы, которые, хотя не были смертельны, но многочисленны. Он тотчас омыл их водою; и как он знал силу и свойство целительных трав, то, набрав их, приложил к ранам и искусно их перевязал, отчего Сарабай вскоре почувствовался и, дружественно поглядев на него, сказал: «Друг мой и избавитель, ты вторично спас жизнь мою и жизнь всего мне любезного, ты вновь даровал оную женам и детям моим, ты возвратил похищенное мое имущество и ты подкрепляешь, наконец, изъязвленное тело мое целительными травами». Добрый и честный Карабай, не слушая слов его и не отвечая на красноречивую похвалу его, радовался от всего сердца, что имел случай избавить его от опасности. Башкирцы по природе своей больше добры и честны, хотя менее красноречивы, нежели киргизцы.

Сарабаю со дня на день становилось легче. Друг его пробыл у него десять дней и, видя, что здоровье его поправилось, простясь с ним, возвратился с товарищами в свой аул. Семейство Карабаево и жители встретили его с обыкновенной радостью; и он, последуя общему своему народу обыкновению, должен был рассказать им происшествие, случившееся с Сарабаем-батыром, его другом, которое доставило Карабаю еще большее от единоплеменников уважение и любовь. И так победитель араслана, наслаждаясь семейственным удо-

вольствием, радовался, смотря на своего сына, который время от времени возрастая, подавал великую о себе надежду. Иногда, занимаясь отроческими его играми, заставлял его со сверстниками бороться. Куз-Курпяч был их всех ухватливее и проворнее и каждого легко борол. Если он чувствовал поединщика сильнее себя, тогда брал на уловку; иногда, подверняя бедро или подставляя колено, ронял его, или же, упавая навзничь, через себя перекидывал. Но когда находил борца с равной себе силой и не мог одолеть его, то, упав на одно колено и подверняя под него плечами, через голову свою клал пластом и больно убивал; но кто хотя мало был слабее, того поднимал на воздух и, несколько раз обернув вокруг головы своей, бросал на землю. После борьбы Карабай заставлял сына своего стрелять из лука, но уже не из детского, ибо Куз-Курпяч из отцовского лука вытягивал свободно стрелу до копья, толстые дубы насквозь пробивал, птиц на лету, а зверей на бегу побивал. Из сих застреленных птиц и молодых диких коз мать его Алтыша приготавлила ему завтрак, коим он угощал отца своего Карабая. Куз-Курпяч и в верховой езде был смел и проворен. Садился на коней необъезженных и делал их столь смиренными и послушными, что и сами наездники тому удивлялись. Такие батырские Куз-Курпяча потехи радовали сердце Карабая, который в полном удовольствии, не ведая, приближался к своему аджаль и нафяке⁹; между тем как сын его приходил в возмужалость и не отставал от отца своего ездить на звериную ловлю.

В один день, возвращаясь с ловли, Карабай с сыном своим вздумали осмотреть мимоездом пасущиеся по степи табуны свои. Подъезжая к косяку лучшего своего аргамака, видят, что все кобылы его бегут, а сам он, расвирепевши, со скоростью гонит косяк свой и непрестанно то задними ногами ударяет в воздух, то, обратившись назад и встав на задние ноги, передними копытами бьет по ветру, то, прижав уши, с громким храпом и визгом грызет землю острым своим зубом. Карабай и сын его, видя сие явление, но не зная оному причины, весьма удивлялись. Как сие происходило подле небольшого, но густого кустарника, то сын Карабаев и бросился осмотреть его, не найдется ли тут чего необыкновенного, что так устрашает табуны их. Подъехав к кустарнику, видит с другой стороны выбегающего из оногo необычайной величины страшного и безобразного зверя. Стан его был дугою, на нем рыжая шерсть была

космата и местами свалена, на превеликой голове его хлопали длинные уши, между коими белые глаза едва были приметны. Куз-Курпяч, рассмотрев сие животное, выскакал на небольшой пригорок и сделал на коне своем несколько кругов, подавая тем весть отцу своему, что он нашел желаемую причину их удивления, а сам поскакал за зверем, чтоб не потерять его из виду. Карабай, приметив сей маяк, пустился сам вслед за ним. Догнав сына, скачущего с запальчивостью за чудовищем и пускающего в него стрелы, приказывает ему быть хладнокровнее, дабы вернее поражать зверя; но оба батыра, расстреляв свои колчаны, удивились, что стрелы их не уязвляли зверя, а отскакивали от него, как легкие вещества от твердых тел. Между тем чудовище прибегает к высокой и утесистой горе и в небольшую расселину, при подошве горы находящуюся, от них скрывается. Батыры, прискакав к расселине и видя, что не только в оную на коне въехать, но ниже пешком войти невозможно, не знают, что делать. В сей их нерешимости является им престарелый муж. Платье на нем было длинное, зеленого цвета, на голове имел он большую белую чалму, а в руке держал длинную трость выше головы своей. Мужественный его и от лет несколько согбенный стан, поседевшая и расчесанная борода, смиренное лицо и набожный вид произвели в батырах к нему благоговение. По чертам его Карабай признает в нем того старца, который предсказал ему о рождении сына, хотя он был тогда в другом виде и платье. Звероловы, сошед с коней, с почтением подошли к нему. Старец, подав им салям, начал петь:

Вотще пускаете вы стрелы свои:
Не победить нам непобедимого,
Не поразить неуязвляема.
Сие чудовище не дикой зверь,
Но злой и лютый Дью-пяри,
Магомета ненавидящий
И закон его почитающих.

Батыры, удивившись, молчали и, прижав руки к персям своим, преклонили выи; а авлия, переменя напев, продолжал:

Он живет по конец земли,
За семью морями глубокими
И песками сыпучими,
За семью горами высокими

И лесами дремучими,
За семью пропастьми подземными.
Он узнал от злых духов,
От своих помощников,
Что пророк наш тебя милует
За усердное твое моление,
Даровавши сына батыра,
Наделил конями добрыми.
Клялся Дью-пяри товарищам,
Призывая ад в свидетели,
Погубить могучих батырей,
Отогнать к себе добрых коней.

Батыры оробели от слышанного ими и пали на колени. Авлия, видя их смирение, замолчал на несколько времени; потом, разглаживая седую свою бороду, окончил речь свою следующей песней:

Но Магомет меня к вам посылает,
Чтобы от люта врага сохранить,
Имя пророче во веки прославить,
Дью-пяри злого навек погубить.
Трудно вам будет его одолети:
Луки слабеют и стрелы не ранят,
Копья не колят, а сабли не рубят.
Все же возможно его умертвить:
Есть под пятой его правой ноги
Место смертельное, — тут порази!

Авлия, пропев последний стих громче и протяжнее прочих, исчез, а батыры в удивлении и радости, не переменив положения своего, с сердечным чувством благодарили заступника своего Магомета за столь явную помощь; и еще не кончили благодарных молитв своих, как вдруг повалил из расселины густой, подобный облаку, туман, расстилаясь по земле и восходя наверх, скрыл гору от глаз батырей. Мгновенно потом как бы некое горючее вещество вспыхнуло и претворилось в огненное, из которого выезжает к ним на превеликом африканском тигре Дью-пяри в виде человека, покрытого стальной кольчугой и держащего в руках ужасной величины чугунную палицу. Голосом, подобным грому, от коего гора и вся окрестность ее поколебалась, произнес сии слова: «Дерзновенные мусульмане! Подлые рабы ненавистнейшего врага моего Магомета! Как осмелились вы поднять руку на сильнейшего под солнцем Дью-пярия, повелевающего духами и стихиями, распо-

лагающего по воле своей участью смертных и обладающего всем, что есть в поднебесной? Пощажу ли вас, недостойных моего помилования, и оставлю без наказания?» Между тем батыры были уже на конях; и хотя от виденных ими явлений и слышанных слов Дью-пярия содрогнулись, но не оробели. Молодой батыр, не отвечая ничего, первый направляет в него копьё свое, несется во всю прыть конскую и ударяет прямо в грудь Дью-пярия. От сего удара копьё в щелы ломается; Карабаев сын на коне проносится, а Дью-пяри насмехается: и хохот его раздался по всем окрестным горам. Карабай, не стерпя насмешек Пяриевых, наносят ему удар в бок копьём своим. Копьё расщепилось, Пяри зашатался, но скоро оправился. Карабай, выхватя саблю, несется вторично на Дью-пяри; но сей, расsvирелев от удара копейного, поднимает ужасную свою палицу и с шумом, буре подобным, опускает ее на батыра. Старый, но еще проворный Карабай от удара увернулся и наотмашь сильно ударил саблею Пярия. Сабля показала доботу свою, пустила искры по кольчуге Пяриевой и, как соль, рассыпалась, а палица Пяриева упадает на крестец коня Карабаева и разделяет его надвое; но батыр успел соскочить с него на ноги. Карабай, испытав все роды сражения и потеряв коня и все оружие, не знает, что делать.

В сем месте рассказчик башкирской повести остановился, приглашая слушателей к большему вниманию сими словами:

О, друзья мои любезные!
Неразлучные товарищи,
Вы отважны, сильны батыри
И удалые наездники!
Вы послушайте моих речей!
Их мне сказывал мой дедушка;
А он знал от своей бабушки,
Что во всех наших семи родах,
Ни во всех ордах у кыр-казак
Не бывало таких батырей.
А вы, смелые, удалые!
По тропе, ими проложенной,
Поезжайте, не сбиваячись!..

Потом рассказчик продолжает повесть свою явственным напевом и оканчивает бой батырей следующим образом:

Как в то время Карабаев сын
Без коня был и без стрел своих,
То брал в руки саблю острую
И с последним сим оружием
Несся он на злого Дью-пяри.
Тот, узрев молодого батыря,
Поднимает свою палицу,
Чтоб одним ударом оного
Поразить коня и всадника;
И лишь только опустил ее —
Вмиг проворный Куз-Курпяч,
Увернясь, ударил саблею
Сильно по плечу Дью-пярия.
Онемела рука злобная
Пала палица боевая;
Но и сабля Куз-Курпячева
От удара разлетелась.
Старый батыр подоспел тотчас,
Схватив палицу Пяриеву,
Оглушил в висок чудовище.
От того удара сильного
Закачался тигр и злой Пяри;
Прислонясь к луке седла своего,
Свесил руки, как езжалу плеть.
Молодой батыр догадливый
Не забыл приказу авлии;
И, не дав пройти беспамятству,
Чародея люта злобного,
Он хватает поперек спины,
Отделяет от седла его,
Приподнявши к себе на бедро,
Ударяет крепко о землю.
Застонала мать сыра земля
От того удара тяжкого;
Заскрипел зубами злой Пяри,
Что не мог сгубить двух батырей.
Куз-Курпяч к нему бросается,
И, не дав ему опомниться,
Длинный нож схватил с бедра своей,
Обнажает ногу правую,
Открывает место гибельно
И разит со всею силою ¹⁰.

* * *

Закричал Пяри ужасным голосом,
Испуская злобный дух из тела вон.

Потекла ручьем из раны черна кровь;
Закипела, как смола в котле кипит.
Он кричал, как львы кричат в темных лесах;
Засвистал, как змей свистит в крутых горах;
Застонал, как рыба-кит в синих морях;
Завывал, как буйный ветер в пустых дебрях.

Таков был конец злейшего Дью-пяри и самого ненавистнейшего Магомету и его мусульманам, — продолжал рассказчик повести.

Батыри, видя врага своего погибшего, принесли благодарение Магомету и, боясь, чтоб из сего злого существа не возродилось еще злейшее¹¹, со всевозможною скоростью нарубили оставшимся у них ножом дров и, сложив большой костер, сожгли на оном чародея и лепел его на ветру развеяли.

По исполнении сего Карабай с помощью сына своего вырыл большую яму, в которую положила доброго коня своего и вместе с ним обломки оружия своего, горько плакал и приговаривал, что впредь не надеется иметь ни товарища столь верного, ни оружия такого крепкого. Сделав над оными большой мар, обыкновенный памятник степных народов, решились они возвратиться в свой аул. Но как у обоих батырей была только одна лошадь, и та весьма ослабела от бывших трудов, то сын радовался сему случаю, что мог оказать отцу своему услугу. Степные жители за высочайшую поставляли добродетель почитать и повиноваться родителям, уважать и следовать советам престарелых. Куз-Курпяч, не дожидаясь приказания отцовского, подвел ему коня своего, прося одного на нем ехать. «А я, — примолвил, — будучи менее утомлен от бою и тверже тебя ногами, пойду пеш». И таким образом возвращались в аул свой.

Между тем пастухи аула Карабаева, осматривая табуны хозяев своих, стоя на горе издалека, видели бьющихся батырей с Дью-пярием, но, от страха не смея дожидаться окончания боя и почтя батырей погибшими, испуганные прискакали к себе в кош и рассказали виденное ими жителям, которые, почитая отца и любя сына, в смертельном находились страхе. Знали они, что Дью-пярия никакими человеческими силами одолеть было не можно. Любовь к батырям побуждала их спешить к ним на помощь, а страх лютости чародеевой удерживал их на месте. В сей нерешимости увидели они вдали верхом едущего человека, а другого подле него

идущего пешком, и по мере приближения их, всматриваясь, узнали вскоре Карабая и сына его. В тот миг сидевшие на конях поскакали, а пешие побежали к ним навстречу, обнимали их, изъявляя свою радость, что видят их спасшихся от чародея. Когда же узнали от батырей, что он уже истреблен ими, то еще в большую пришли радость и удивление, благодарили Магомета, проклинали чародея, превозносили смелость и мужество своих батырей и непрерывно расспрашивали их о бое с Дью-пярием, ибо каждый хотел знать о том подробно. Утруженный Карабай просил их дать ему время отдохнуть в своей кибитке, а потом, принеся общее моление за ниспосланную ему помощь, обещал рассказать подробно все происшествие и кончить веселым пиром, который намерен был дать всему аулу.

Поутру знамение магометово¹², окруженное звездами, еще освещало тот путь¹³, по которому некогда Магомет проезжал на златорогом овне; любопытные соотчичи Карабаевы уже собрались к его кибиткам и ожидали в тишине его пробуждения. Появилось солнце, и уже высоко взошло; но Карабай еще спит не пробуждаясь, а собравшийся народ сидит и ждет в молчании. Уже стада и табуны конские, укрываясь от полдневных лучей, начали собираться в реке на пригоны свои, в то время батыр Карабай пробуждается и выходит к товарищам с сыном своим. Увидя их, все от радости закричали: «Салям!» Добрый Карабай, обрадованный их усердием, принимает всех ласково и рассказывает им подробно о явившемся авлие и его наставлениях, о превращении чародея, о его смерти и, наконец, о сожжении. После того приносили все общее и единодушное моление покровителю своему Магомету за спасение доброго Карабая и сына его. Истребитель злого Пярия, как старший и почтеннейший в ауле своем, сидел и молился подле муллы на разостланной коже побежденного им еще в молодости араслана; и сию кожу ни в каких других случаях, кроме молитвенных обрядов, он не употреблял. За победителем араслана сидели все престарелые, а за теми уже возмужалые и молодые люди. Окончив моление, встали и вновь изъявили свою радость о спасении Карабая и сына его от злого Дью-пярия. Куз-Курпяча наименовали тут смелым батыром, и от того времени под сим названием он известен был во всех степных ордах.

По сем батыры, разделя весь народ своего аула на два круга, начали угощать его пищею, приготовленною

из двух четырехлетних кобылиц¹⁴. В первом сидели престарелые с возмужалыми. В нем на разостланных коврах стояли большие чаши с вареными мясами и целые сабы, наполненные кумысом. Другой круг составляли юноши и малолетние, посаженные на белых кошмах, коим в таком же количестве подавали мясо и кумыс. В первом круге сидевших Карабай угощал сам, а в последнем — сын его Куз-Курпяч. По окончании обеда, когда все мяса были поедены и сабы с кумысом опорожнены, гости, встав, благодарили хозяина за сытый пир: остаток же дня провели в борьбе и конской скачке, играли на кураях и пели песни, изображающие истребление чародея и смелость их хозяев-батырей. Вот одна из таких песен:

О кураи вы доброгласные,
Громки, звонки протяженные!
Вы, курайчи, про все ведущи!
Надувайте их свободнее,
Припевайте голосистее!
Вам известны бытия времен,
И вы знаете всех батырей
По делам их и по имени.
Вы взойдите на высокий холм
И там сядьте под столетний дуб,
Вы поведайте нам истину
От начала и до сих времен!..
Встарь бывали ханы-батыри:
Искандер, Батый, Тимер-аксак
Собирали рать несметную,
Воевали страны чуждые,
Побивали сопротивных им;
Проливая кровь невинную,
Упоили ею землю их;
Возвращались с добычею,
Потерявши там друзей своих;
Приносили плач и жалобы
В осиротевшие семейства их
И о тех-то идет батырях
Память по свету недобрая.
Наши батыри удалые,
На чужую кровь не жадные,
Не ходили в страны дальние,
Не носили туда пламени,
И не пролили безвинну кровь
Для добычи столь неправедной:

Истребили с света белого
Врага лютого и злобного;
Избавляясь от опасности,
Всех избавили от пагубы,
Наши батыры удалые,
Звероловством занимаяся,
Никому вреда не делают.
Карабай... батыр приветливый,
На пиры для нас податливый,
У него все кони добрые,
У него скотина жирная,
Жены молоды, услужливы,
Сын удалой и послушливой,
И об них-то пойдет по свету
Слава многая и добрая.

Так веселились батыры и уже с наступлением ночи разошлись по кибиткам своим.

В следующие дни Карабай с сыном своим отдыхали; но, имея большую и единственную охоту к звероловству, приготавливали между тем себе новое оружие: луки, стрелы, копья и сабли; потому что все оружие и коня потеряли они, как известно, на бою с Дью-пярием. Когда приготовили себе коней и все нужное, то, соединясь с товарищами, поехали добывать зверей гораздо далее прежнего, в киргизские степи. Три дня звероловствовали они удачно, делясь на малые артели и поодиночке, а к ночи приезжали на стан и всегда с добычею. На четвертый день выехали поутру рано. Карабай, устранившись от сына своего и товарищей, напал на дикую козу, которая с невероятною скоростью побежала по кренистым и утесистым горам, перепрыгивая глубокие стремнины. Карабай, которого аджаль и нафяка велик к неминуемому пределу, всюду скакал за козою, не спуская ее с глаз и не рассматривая опасности мест. В то время брат истребленного им и сыном его Дью-пярия, непрестанно помышляющий о мщении и пагубе Карабая, видя его по столь опасным местам скачущего, употребил сей случай для исполнения коварного и злого своего намерения. Не смея напасть на него явною силой, он прибегнул к коварству, превратился в беркута и поднялся высоко над головой Карабая, который, догоняя козу, скакал вниз по крутой горе с натянутым луком; потом, поджав крылья и выпустив острые когти, с шумом и чрезмерною скоростью пустился вниз и, ударив Карабая, не предвидевшего сего умысла, опрокинул

его и с конем в пропасть, у основания горы находившуюся. Батыр, разбившись, без чувств упал в оную; кровь текла у него из ушей, рта и носа; а добрый конь его, ударившись головой о камень, недохнул ни разу. Лютый чародей кидается на батыра, как хищный ястреб на робкого зайца; и терзает его, бесчувственного, острыми когтями и носом, приговаривая человеческим голосом: «Ненавистный роду пярив род мусульманский! Прими достойную казнь за погубление сильнейшего в подсолнечной Дью-пярив. С таким или еще большим мучением погублю твоего сына и истреблю проклятое ваше семя. Где теперь заступник твой Магомет? Пусть придет сюда и освободит тебя от когтей моих!» Мучительные терзания привели Карабая в чувство, и, по словам, произнесенным беркутом, он узнал, что это был чародей и брат убитого им Дью-пярив. Призвав мыслью в помощь Магомета, вскочил он на ноги, и, собрав последние силы и мужество, схватил его за обе лапы и столь крепко ударил о камень, что все кости у чародея затрещали. Ободренный сим, Карабай, наступив ногою на шею чародея, а руками держа его лапы, столь сильно дернул за оные, что оторвал ему голову, сам же без чувств повалился на землю и испустил дух.

Тогда в третий раз явился авлия Куз-Курпячу, искавшему отца своего, и сказал: «Остановись, Куз-Курпяч, и не ищи по полям отца своего! Уже аждааль его исполнилась и нафьяка кончилась. Поезжай в сии утесистые горы: там ты найдешь его тело, которое на высоком месте похорони с честью!» Потом, рассказав ему о битве Карабаевой с злым духом, о коварстве сего последнего и о мужестве первого, прибавил: «Карабай, отец твой был истинный мусульманин и любимый Магометом; и последний вздох свой он посвятил ему на службу, поразя злейшего врага его. За сие и за добродетельную жизнь призывает его пророк в обетованный правоверным рай, где среди прекрасных гурий будет он наслаждаться вечным блаженством. Подражай его добродетелям и равномерную получишь награду». Выговоря сие, авлия исчез. Смелый в опасностях батыр теперь подобно робкому и испуганному зайцу поскакал в горы к означенному месту, где нашел бездыханного отца своего; соскочил с коня и, бросясь на окровавленное тело его, горько плакал и обвинял себя в незначительности об нем за то, что от него отлучился.

Между тем товарищи его, видевшие издалека скакавшего Куз-Курпяча в горы, пустились вслед за ним

и когда, прискакав, увидели Карабая мертвого, то покинулись все с коней на тело его и, обнимая оное, горько плакали, называя его отцом своим, а себя осиротевшими детьми его. Выслушав сына его о битве Карабаевой с чародеем, проклинали Пярия и, не мешкая, сделали костер, сожгли мерзкий труп его и прах по ветру развеяли. Тело же Карабаево, омывши чистою водою, вынесли на плечах своих на вершину высокой горы и там по завещанию авлия, похороня его, положили с ним, по обычаю своему, все его и свои оружия и насыпали высокий мар в память добродетельного мужа и сильного батыра; и от того времени бугор сей называется Кара-тау. Затем сделали скачку на конях вокруг мара, означая тем последнее с Карабаем звероловство и прощанье и, поклонясь могиле его, печальные поехали в кош свой. Между тем один из звероловов, искавший долго Карабая, уехал в аул, в надежде там его найти, и рассказал всем жителям, что Карабай, один от них устранившись, до сей поры не возвращался и что все товарищи найти его не могут. Сею вестью столько они встревожились, что тотчас бросились на коней, чтоб ехать отыскивать его по степям киргизским. Жена его, Алтыша, как умалишенная, побежала в ту сторону, откуда приехал товарищ Карабаев. Увидевши вдали едущих звероловов, она обрадовалась; но когда по мере их приближения распознала коней и хозяев и не увидела между ними ни коня Карабаева, ни его самого, то, горько плача, приговаривала:

Я не вижу коня доброго,
Карабаева товарища.
Его поступь горделивая
До земли не дотыкалася;
Его шея, как у лебедя,
Будто вокруг пальца обогнута.
Я не вижу Карабая тут,
С моим сердцем неразлучного,
Смела батыря, наездника.
Он осанкой молодецкою,
Сановитостью и мужеством
Отличался от товарищей.

Между тем товарищи приближались к аулу, и Алтыша, не дав им сойти с коней, вопрошает:

Где отец твой — Карабай-батыр?
Где мой муж? Где мой сердечный друг?

Вы, удалые наездники,
Карабаевы товарищи!
Вы поведайте мне истину:
Где остался ваш старейшина?

Тогда Куз-Курпяч и товарищи побросались с лошадей своих и, прижав руки к груди своей, рыдая, рассказали ей о кончине Карабаевой. Затрепетало сердце у Алтыши, задрожали все суставы ее, подогнулись ноги, и она упала без памяти на землю. В сем положении Куз-Курпяч с товарищами отнесли ее на руках в кибитку, где она, очувствовавшись, горько начала плакать, приговаривая:

Я заранее слышала
О невзгоде Карабаевой:
Мне недаром по прошедшу ночь
Нехороший сон привиделся;
Что мой батырь на степи лежит,
Ни кумысу пить не хочет он
И ни круту он не кушает;
Окружен зверями лютыми,
Он не может отразити их.
Разогнулся лук тугой его,
Порвалася тетива на нем,
Преломилась калена стрела;
На стреле, копьё железо ржавеет.

О ты, солнце мое красное!
Зачем рано закатилось?
И во веки не покажешься,
Не увидишь моих горьких слез,
Не услышишь стону тяжкого,
Не осветишь жизни мрачныя.

Я теперь, как птица робкая,
От ловца в силки поймана,
Разлученная с теплым гнездом,
Потерявшая птенцов своих,
В клетку темную посаженная,
Не клюет, не пьет печальная;
Так и я, осиротевшая,
Сижу дома, как прикована,
Не могу глядеть на вольный свет,
Ничего нельзя ни пить, ни есть,
Запеклись уста кровию,
И гортань моя вся высохла;
Прерывается дыхание,
Во груди моей спираясь,

Сердце замерло от горести,
И из глаз слезы не катятся.

Изо всех птиц лебедь белая
Больше свычна со дружкой своим,
Вдруг лишася бела лебедя,
Пораженного стрелой ловца,
Она плавает по заводям
С молодым своим лебязичем,
Выкликает его жалобно;
Но не слыша больше отзыву,
С грусти бьется и терзается.

Так и я, как лебедь белая,
Лишась друга к сердцу близкого,
Остаюсь вдовою горькою
С сиротою, младым батырем.
Не найду себе я радости,
Не дождуся гостя жданного,
Не увижу друга верного,
Не услышу об нем весточки.

Куз-Курпяч, оставшись один с матерью, старался утешать ее, уверяя в совершенном к ней своем почтении и послушании и говоря, что отец его был человек добродетельный и истинный мусульманин, и, по словам авлии, Магомет поместил его в светлом месте обещанного правоверным рая. Усладив таким образом несколько горесть ее, предложил ей о приуготовлении по отце своем поминок; но Алтыша напомнила ему, что наперед надобно послать ильчев (так называются послы) в аул к другу его Сарабаю с известием о кончине Карабаевой, и чтоб напомнили ему об обещанной невесте и просили его к Куз-Курпячу для совершения по друге его поминок. Куз-Курпяч, сколь ни был печален о потере отца своего, почувствовал радость от слов матери. Он любил уже Баяну; не потому, чтобы когда-нибудь ее видел, но потому что отец его всегда пред ним хвалил ее, называл красавицею и рукодельною и нередко привозил от Сарабая подарки Баяниной работы, как то: тюбетейки, ергачные окладки и седельные наметы. Сии подарки казались Куз-Курпячу превосходнее персидских, и он почитал их лучшим украшением своей кибитки. Получа приказание от матери, в ту же минуту побежал к товарищам, бывшим с отцом его в ауле киргизского батыра и упросил их ехать туда послами. Согласясь на сие, они запаслись всем нужным для дороги и на другой день отправились в путь свой,

«АЛДАР И ЗУХРА»

• КУСЯК-БИИ

оставя Куз-Курпяча в сладкой надежде, что привезут с собой будущего его тестя, у которого он, угостя его наперед, как полный хозяин, надеялся испросить подтверждение на свадьбу, а потом и совершить оную вскоре.

Между тем в ауле Сарабаевом происходило совсем противное. Слава об убиении при озере Казкуле, несправедливо присвоенная Сарабаевом, разнеслась по всем ордам киргизским и приобрела ему знакомство двух ханов и многих из лучших родов батырей, а красота Баяны, его дочери, и умноженное удачною барантою богатство заставили многих искать его родства. Но Сарабай, гордясь таковыми преимуществами, отказал в оном всем батырям, а уговорился с одним отдаленной орды ханом выдать дочь свою Баяну за сына его Султана Ай-кару. Уже от хана приехали к нему с дарами ильчи просить его, чтобы он по условию с ханом перенес кочевье свое к реке Кара-су, где по свидании жениха с невестою при всех с обеих сторон родственниках надлежало совершить свадьбу. В сие-то самое время приезжают в аул Сарабаев ильчи от Куз-Курпяча и весьма удивляются, узнавши, что Баяна уже просвата на за Султана Ай-кару. Но, зная крепкую дружбу батырей и неперемное их намерение соединить детей своих, не хотели по доброте своего сердца тому верить и думали склонить Сарабая на свою сторону напоминанием ему о друге его и данном ему произвольно слове. Но они в том обманулись. Гордый Сарабай по многократной их просьбе едва допустил их к себе в кибитку. Когда они вошли к нему, Сарабай с детьми хана, сидя на коврах между предстоящими его ильчами, гордо посмотрев на них, спросил: какое бы иштякам могло быть до него дело? На вопрос его ильчи ответствовали следующее: «Мы присланы к тебе от Алтыши, вдовы Карабаевой и Куз-Курпяча, сына его, известить тебя, что друга твоего и избавителя не стало на свете. Печальная вдова его и сын, а твой назначенный зять, просят тебя с детьми твоими навестить их, осиротевших, и общие по друге твоем сделать поминки; притом подтвердить данное тобою слово, выдать Баяну, дочь твою за Куз-Курпяча, сына твоего друга; а если ничто тебе не воспрепятствует, то после поминок совершить и свадьбу». Ильчи умолкли, а неблагодарный Сарабай, с презрением взглянул на них, сказал: «В сию минуту поезжайте из моего коша и скажите пославшим вас, что батыр Сарабай не только ехать к презренным иш-

тякам, но и знать их не хочет, а тем еще меньше вступать с ними в родство. Да и как они могли думать, чтоб дочь Сарабая-батыра была выдана за иштыка тогда, как она уже сосватана за Султана Ай-кару?» Удивленные ильчи, зная твердую дружбу к нему Карабая, который не раз спасал его жизнь и имущество, не хотели верить словам Сарабаевым. Забыть дружбу, отказаться от слова и вместо благодарности за полученное добро оказать презрение к благодетелю — они почитали за невозможное; но свирепый Сарабай подтвердил слова свои угрозами и, ни минуты не мешкав, велел им выехать из кочевья своего; а сам через несколько дней перекочевал на устье реки Аму-Дарьи, приближаясь к условленному с ханом урочищу на реке Кара, впадающей в Арал-дингиз.

Ильчи Куз-Курпячевы, негодуя на неблагодарного Сарабая, возвратились в аул свой и рассказали пославшим их все бывшее в коше Сарабаевом. Алтыша, многожды слыхавшая от мужа своего о кыр-казаках, что они нетверды в дружбе, неверны в слове и горды противу иштыков, нимало сему не удивилась и советовала сыну своему забыть неблагодарного Сарабая и дочь его, обещая высватать за него лучшую невесту в других ордах. Но молодой и чувствительный Куз-Курпяч думал совсем тому противное. Привыкши с детских лет слышать похвалы о красоте Баяны и почитать ее своею, не столь равнодушно, как мать его, принял отказ Сарабаев. Но из повиновения к матери и не хотя умножить печаль ее, согласился наружно с ее мнением. В самое же то время принял твердое намерение ехать к Сарабаю и увести Баяну, если будет на то ее согласие. — Добродушные семиродцы! ¹⁵ Любовь к красоте и вас так же сильно тревожит, как и те народы, кои славятся познанием всего подсолнечного. Куз-Курпяч никогда бы не сказал того матери своей, чего у него на сердце не было; но любовь к Баяне учит его и мать обманывать.

Вдова Карабаева, давно желающая сделать поминки по муже своем, посылает сына сзывать на оные всех жителей своего аула. Они, собравшись на лучших конях своих около кибиток ее, поехали в сопровождении муллы и Куз-Курпяча к могиле Карабаевой, до которой не доехав на выстрел пущенной стрелы, остановились лицом на полдень, потом, оставив коней, пешие пошли к могиле. Тут мулла, сев на кожу арасланову, употреблявшуюся некогда при молении Карабаем, и посадя

подле себя Куз-Курпяча, начал читать молитвы из алкорана. Прочие с благоговением слушали и усердно молились о Карабае, которого все любили и за добродетельное житие почитали избранным. Оконча моление и поклонясь могиле его, пошли к своим коням, дабы облегчить их и приготовить к скачке. У них такое было обыкновение, чтобы на поминках делать все те потехи, которые умерший любил в своей жизни. Куз-Курпяч, как бы по приказанию отца своего, расстановил вокруг могилы его семь ставок, одну от другой неподалеку, в награду состязующихся на конях. В 1-й стоял у коновязи чубарый аргамак; во 2-й была железная кольчуга; в 3-й — конский убор с серебряною насечкой; в 4-й — лук со стрелами; в 5-й — сабля с оправленною серебром рукоятью; в 6-й — копье с камышовым древком и крепкою оправой; в 7-й — калта лучшей киргизской работы. Вся сия ратная сбруя повешена была на длинных шестах, дабы состязующимся виднее была их награда. Куз-Курпяч, учредя сие, повестил всему собранию, что резвых коней всадники получают награду на могиле Карабаевой. Отъехав от оных на четверть дня обыкновенной езды и став впереди на два выстрела сайдачных, подал знак к скачке, а сам пустился вперед, дабы видеть, кому какая ставка принадлежать будет. Тогда все, как вихрь, пустились к могиле Карабаевой с визгом и криком. Первый из всех выдается Алдар на белом коне. Все за ним, подобно струне, вытягиваются. Доскакав первый рубежа, принимает он в награду чубарого аргамака из рук равнолетнего друга своего Куз-Курпяча. За сим родственник его Иш-кары, только за два прыжка конских отставший от него, достигает второй ставки и срывает с длинного шеста кольчугу. Затем поседевший Аралбай, неразлучный товарищ Карабаев, отставший только головою коня своего, берет конский убор с насечкою. Позади сих трех на выстрел сайдачный несутся на игренях конях Бурюбай и Кучербай, два брата родные, звероловы и наездники. Коня их одной матери, скачут ухо об ухо; но Бурюбай умножает удары коню и сугубит визг свой; конь высовывается, и Бурюбай успевает схватить с шеста четвертую ставку, лук со стрелами. В самый тот миг и Кучербай срывает саблю с оправленною рукоятью. За сим аксакал Муйняк, современный отцу Карабаеву и уже давно оставивший степные свои потехи и звероловство, желая почтить память Карабаеву, скачет на вороном коне, берет в свою очередь шестую ставку — копье с камышовым древком и не могши

удержать рьяного коня своего, пронесется весьма далеко за рубеж.

Потом молодой и проворный сын его Байджигит взял последнюю ставку, калту, оставив за собою кучу скачущих в беспорядке и без надежды получить награды. Сим образом кончилась скачка в память Карабая. По сему Куз-Курпяч определил еще награды для борцов. Первую составлял кармазинный кафтан; вторую — шелковый персидский кушак; третью — тибетейка, шитая марьяном и бобром обложенная; четвертую — зимняя шапка, черной лисой подбитая; пятую и последнюю — кожа большого юлбарса. Борьба же башкирская происходит следующим образом.

Борец, одолевший противника своего, выходит на другого, а потом и на третьего и, поборя оных, получает первую награду. Но после двух удачных подвигов, не успевши в третьем, лишается награды; и противнику его тогда предлежит для получения оной совершить три удачных подвига. Сим образом продолжается борьба до тех пор, пока разберутся все ставки.

Все собравшиеся, сошед с коней, сделали из сбя большой круг и присели. Куз-Курпяч вынес на середину сказанные ставки, объявил, что достойнейшие единоборцы получают их в награду за свои подвиги. Тогда выходит на середину круга великорослый Буркутбай; ослабив кушак свой, присел, ожидая противоборца. По малом времени, встав из круговины, подходит к нему широкоплечий Джигилбай и хватается за него жилистыми своими руками. Друг друга поворачивают, друг друга сжимают и тем испытывают свои силы. Буркутбай, чувствуя противника своего себе под силу, подвертывается и чрез бедро свое ударяет его о землю, и первый совершает подвиг. Побежденный уходит в толпу; победитель остается на месте и ожидает другого. Является молодой и ухватливый Тулькубай, схватывается с Буркутбаем и, употребляя все усилие и уловку, повергается на землю и побежденный уходит; а победивший ожидает последнего сопротивника, дабы, одолев его, получить кармазинный кафтан. Народ избирает могучего и плотного Батыркула и выставляет его на борьбу с Буркутбаем; но он противится и не выходит на поприще, как бы боясь остаться побежденным, в самом же деле хотел показать свою скромность. Наконец после многих отговорок приближается с потупленными глазами и смиренною осанкой, но со смелостью батыра берется за кушак Буркутбаев. Сопро-

тивники, схватясь, ходят в малых кругах, друг друга испытывают и равную слышат в себе силу. Если один хочет взять на уловку, другой в тот же миг, предупреждая оную, противопоставляет ей преграду. И таким образом спорили столь долго, что сырое мясо, пущенное в котел, на огне стоящий, легко могло бы свариться. Уже слабели силы их, онемели руки и ноги и истощались все ухватки и хитрости, но ни малейшего один над другим не мог взять верху. Тогда Куз-Курпяч и старейшины велели им разойтись и присудили две ставки — кармазинный кафтан и шелковый кушак отдать в награду за сей подвиг.

По сем выходит Алдар, равнолетний друг Куз-Курпячев, с проворным Байджигитом, сыном Муйняковым, получившим последнюю ставку на скачке. Схватываются и со всем усилием стараются одолеть друг друга. Каких ни употребили с обеих сторон ухваток и приемов, бывши одинаково к борьбе искусны и одинаково проворны. Наконец Куз-Курпячев друг исплошил сына Муйнякова, сделав прием, что хочет взять его на бедро, и в тот миг, как сей брал против того свои меры, Алдар пал на одно колено и, перекинув через себя Байджигита, заставил из круга удалиться. Вместо сего берется за кушак Алдаров наездник Бурюбай, получивший на скачке в награду лук со стрелами. Видевши, что предшественник преодолен был хитростью, надеялся он подобною ж хитростью и сам побороть Алдара; но в том обманулся. Друг Куз-Курпячев заметил его умысел и, не дав ему к себе подобраться, сильно посунул его от себя, в мгновенье упер головою в грудь, а коленом под живот и, приподняв на плечо к себе, ударил спиною о землю, а сам остался в кругу и присел отдыхать. Но Кучербай, родной брат Бурюбаев, не долго дал ему отдыхать; подходит к нему скоро, за кушак берется смело, сжимает его крепко и, быв гораздо сильнее Алдара, свободно повертывает во все стороны утомленного. Алдар, зная в борьбе все ухватки и приемы, давал сопротивнику своему волю приподнимать себя, дабы тем его немного обессилить, а самому между тем перевести дух. Потом, исплоша его, вдруг пал навзничь и через себя столь больно ударил затылком Кучербая, что отшиб у него память, а сам, вскоча при похвале всего народа, вторичную из рук друга своего получает награду — тюбетейку, шитую марьяном и бобром обложенную. За сими выходит на поприще средолетний борец, сильный и крепкий Куслубай, и,

ста́в твёрдою но́гою, вы́зывает к себе на единоборство. Никто не дерзает вступить с ним в оное, ибо все знают крепость сил его. После многих переменных выборов от народа выходит из круговины Арсланбай, одинаких с ним лет и мужества, но не столько в борьбе поворотливый. Берутся за кушаки и борются: друг друга теснят, один другого силятся поднять, но не могут отделить от земли; и только пот течет по зардевшим их лицам и всем членам. Кулюбай, негодуя на столь упорное сопротивление, решается последнюю употребить уловку и, закинув руку через плечо Арасланбая, прижал голову к себе под мышку столько крепко, что отнял от него всю силу и, схватя поперек, поднял вверх ногами и положил его спиною к себе на голову. А чтоб показать больше в борьбе сей молодечества, несколько раз обернулся кругом и кинул его на землю, а сам остался на ногах, как будто ничего не делал. Зрители удивились ловкости и силе Кулюбайевой и определили за один сей подвиг отдать в награду четвертую ставку — зимнюю шапку, черной лисой подбитую, ибо знали все, что никто из находящихся тут одолеть его не может.

Кулюбай, хотя получил награду, но, видя, что еще не было состязания об одной ставке, именно юлбарсовой коже, не выходит из круга и ждет себе противоборца. Тогда старейшины и весь народ единогласно присудили, чтобы Куз-Курпяч почтил память родителя своего и кончил борьбу с Кулюбаем. Сей молодой батыр со скромностью от того отговаривался, но приневоленный гласом народным выходит на середину и хватается за Кулюбая, который, зная ловкость его и силу, превосходящую молодые лета его, внутренне начал раскаиваться в своей дерзости, но не мог уже от того отказаться. И так берется за его кушак, и оба начинают сперва делать опыты сил своих. Средолетний батыр всей силой жмет под бока младшего, у которого пот из всех членов и слезы из глаз выступили. Но и он в свою очередь столь сильно стеснил обеими руками бока Кулюбая, что у сего последнего сперлось дыхание, и он кряхтел, подобно как скрипит дуб, бурею исторгаемый. По таковым обоесторонним попыткам борцы узнают друг друга. Куз-Курпяч первый сделал прием: подхватя его к себе на грудь, отделил от земли и начал вертеть; но сей поджал ноги и тем приподнять себя выше не дал свободы противнику, который и принужден был опять поставить его на ноги. Кулюбай лишь толь-

ко коснулся земли, то подвернулся плечом под грудь Куз-Курпяча и потащил его на себя, что ударить через плечо о землю. Казалось, что Карабаев сын исплошился и уже терял равновесие; но вмиг, отставя назад ноги, столь сильно на себя его потянул, что вздернул его спиною к себе на голову и назад перекинул и тем кончил борьбу на могиле у отца своего.

Все зрители от удивления и радости вскочили на ноги, и похваляя проворство в борьбе молодого батыра, поднесли в награду его подвига юлбарсову кожу: но он принять ее отказался, говоря, что она не принадлежит ему; потому что сим преимуществом над Куслюбаем он почитал себя обязанным больше случаю, нежели своим силам и умению; и потому что ставил награды для состязающихся в честь памяти Карабаевой; а сам довольно награжден уже и тем, что был сын столь любимого и всеми почитаемого родителя. Но если бы позволено ему было располагать сею последнею ставкой, то бы он присудил отдать ее Арасланбаю, хотя побежденному Куслюбаем, но достойному награды.

Народ, еще больше восхищенный его скромностью и почтением к праху родительскому, похвалял сына и благословлял отца, первому единодушно желал преуспевать в добродетели, а последнему наслаждаться райским блаженством; и все одобрили мнение Куз-Курпячево, чтоб Арасланбаю, хотя побежденному, но достойному награды, отдать юлбарсову кожу. Карабаев сын благодарил их почтительно за сие снисхождение и за совершение подвигов в память Карабаеву и предложил им возвратиться в аул и ширшеством окончить поминки. Немедля все посели на коней и поехали прямо к кибиткам Куз-Курпячевым, где Алтыша, вдова Карабаева, все приготовя, их встретила и начала угощать со всевозможным усердием, зная, что каждый из ее гостей был Карабаю ближний друг его, товарищ, собеседник, не щадила ни мяса, ни кумысу. Гости, насытясь пищею, благодарили за усердие хозяйку и разошлись по своим кибиткам, Куз-Курпяч, оставшись один с матерью, рассказал ей о потехах батырских, по желанию ее на могиле Карабаевой совершенных. Алтыша, отдав последний долг праху мужа своего, пролила слезы, но слезы удовольствия, слезы сердцу приятные; потом делала наставление сыну своему, чтобы он по примеру отца своего, живя честно и добродетельно, заслужил от соотечественников своих такую же, как и отец его, любовь в жизни и почтение по смерти. Куз-Курпяч, не-

престанно занятый мыслью о Баяне, помышлял о способах ее отыскивать, но, любя мать свою, не хотел без воли ее предпринять сего. Через несколько дней начал с великою ласкою испрашивать на то ее позволения, представляя, что он непременно долгом почитает исполнить волю родителя и жениться на дочери Сарабаевой; и как сия обязанность не дает ему покою, так еще более любя Баяну, он жить без нее не может. Алтыша удивилась словам его, с такою решимостью произнесенным, ибо думала, что после отказа Сарабаева он забыл совсем Баяну. Но, видя твердо принятое им намерение, начала уговаривать его, чтобы оставил оное. Сначала представила ему опасности, которые в таких отдаленных местах могли произойти от неприязни Сарабаевой. Потом напомнила ему об обязанности детей к родителям, которую Магомет в алкоране своем предписывает. К сему прибавила: «Если ты пребудешь непреклонен и от меня отлучишься, то знай, что за болезнь мою, подъятую в рождении твоём, томительная грусть иссосет сердце твое. Молоко мое, питавшее тебя в младенчестве, будет теснить грудь твою. За слезы мои остановит тебя в пути твоём волнующийся Куз-Яшляр¹⁶ и не допустит через себя переплыть. И, наконец, каждую ночь во сне твоём самая тень Карабаева, которой ты угождать желаешь, укорять тебя будет, что оставил осиротевшую мать свою в печали». От слов Алтышиных прослезился Куз-Курпяч, на тот раз забыл Баяну и обещался матери своей оставить сие намерение; но, отошед от нее, забыл обещание и опять возвратился мыслью к Баяне.

В сем брании чувств молодой батыр не знал, что делать. Почтение к матери удерживало его на родине своей, а страсть к Баяне гнала его искать ее повсюду. По долгом размышлении последняя взяла верх и заставила решиться молодого батыра уехать от матери тайно. В сем намерении попросился у ней для ловли зверей с другом своим Алдаром, который не знал его умысла. Мать, не подозревая также его в том, отпустила охотно, снабдив изобильно дорожными припасами. Куз-Курпяч, выбрав из своих табунов резвого и надежного коня, назвал его Юлдуз-юлаучи и, простясь с матерью, поехал с другом своим прямо к озеру Казкулю, где некогда бывал стан отца его с Сарабаем. Остановясь тут кормить коней своих, Куз-Курпяч начал товарищу своему говорить следующее:

«Алдар! мы добрые друзья с детства, но не тверда

и не надежна еще дружба, опытами не доказанная. Теперь есть к тому случай, от которого зависит спокойствие твоего Куз-Курпяча. Но прежде, нежели о том узнаешь, я требую от тебя клятвы, что ни в чем не будешь мне прекословить, а исполнишь только то, о чем я просить буду». Алдар, зная доброе сердце друга, уверен был, что он не потребует от него ничего несправедливого или бесчестного, и без запинки поклялся ему в точности исполнить все, что он ему не прикажет. Куз-Курпяч продолжал: «Ты знаешь, что отец мой хотел женить меня на Баяне, дочери Сарабаевой, который дал ему дружеское и, следовательно, верное слово. Обнадежась сим, отец мой приучил меня с детства называть Баяну своею. Я любил Баяну, а Баяна любила меня; хотя мы никогда друг друга не видали. Сия привычка, происшедшая от дружбы и согласия родителей наших, обратилась наконец в мою собственную и уже непреодолимую страсть. Но вероломный Сарабай по смерти отца моего забыл его дружбу и презрел меня. Его обстоятельства переменились, но мое сердце осталось то же. Он не хочет выдать за меня Баяну, а я не могу без нее жить... Итак, мой друг! Еду искать Баяну и найду. Если она по принуждению отца своего выходит за Султана Ай-кару, то согласится на побег со мной, и мне нетрудно будет свою ношу увезти с собой; но когда, забыв меня, на сие не согласится, тогда презрю ее и возвращусь к вам вскоре. До сей поры рассказывал тебе только о моем намерении и обстоятельствах, но услуга, ожидаемая мною от твоей дружбы, есть следующая: ты знаешь, мой друг, горячую любовь ко мне моей матери и мое к ней почтение. Она никогда не согласилась бы отпустить меня, особливо одного, в отдаленную и неизвестную сторону. И потому я вздумал уехать, не сказавшись ей. Тебя же прошу возвратиться назад, сказать ей все, что от меня слышал, занять при ней мое место, иметь ту же заботливость и усердие, коим сын обязан матери, а более утешать ее в печали, от моего отъезда произойти могущей. Представляй непреодолимую страсть мою к Баяне и обязанность исполнить волю родительскую; тем уменьшай в глазах ее мой проступок и обнадеживай ее скорым моим возвращением». Алдар, не предвидевший его намерения, раскаивался в произнесенной клятве. Он любил Куз-Курпяча от всего сердца, не хотел с ним расстаться и просил для безопасности взять и его с собой; но жених Баяны, по праву взятой клятвы, заставил его молчать

и себе повиноваться, примолвя: «Я один люблю Баяну, один хочу достать ее; постороннюю же помощь вменяю себе в малодушие». И так друзья со слезами простились и разъехались.

Дорогой Алдар рассуждал, каким образом лучше исполнить поручение своего друга и не опечалить вдруг матери его. Долго ломал себе голову, но ничего не выдумал. Не привыкший к вымыслам башкирец не мог отступить от правды и сказать другое, нежели что было. Возвратясь в аул, он пошел к Алтыше и рассказал ей слово в слово, что сын ее приказывал. Вдова Карабаева с твердостью выслушала весть сию и казалась спокойною, просила Алдара заступить место сына ее и управлять хозяйством. Но природа скоро потом отозвалась в душе ее. Мать, может быть, навсегда расставшаяся с сыном своим, начала горько плакать, приговаривая:

Ты, кочевье мое красное!
Претворилось ты в пустую степь;
Не с кем думы мне подумати,
Не с кем слова мне промолвити.
Проложу тропу широкою
К могиле Карабаевой,
Понесу туда тоску свою
И ему о ней поведаю,
О мой верный незабвенный друг!
С твоей жизнью все кончилось,
Миновались мои ясны дни.
Ты унес с собой все радости,
Мне оставил одни горести.
Не в утеху мне и милый сын:
Не простясь с родною матерью,
Он поехал в орду дальнюю,
За добычею сердечною;
Он сманити хочет девицу
Себе в дружку вековечную.

О мой верный незабвенный друг!
Ты не слышишь моей жалобы,
Позабыл вдову печальную,
Райских гурий утешаючи.

Как кукушка непоседная,
Изо всех птиц горемычная,
Не вьет теплого гнезда себе,
Не сидит сама над яйцами,
Не выводит молодых птенцов;
Оттого кукует жалобно

Половину лета теплого;
Так вдова осиротевшая,
Всех подруг своих несчастнее,
Из печальных всех печальнее,
В горе с утра и до вечера
По степям брожу безмолвная.
Я лишилась мужа батыря,
Разлучилась с сыном ласковым,
И невесть, когда увижуся.

Похудели кони добрые
Без присмотра Куз-Курпячева,
Все коровы в табунах моих
Присушили молоко свое;
Их загрузило вымя полное,
И нельзя теперь доить их;
А бараны длинношерстные,
На пригонах не бываючи,
Растрепали волну белую.

От печали столько горькие
До свиданья с сыном ласковым
Зарекись не разводиться огня.
Пусть котлы стоят заржавленные:
Не варить в них мяса жирного;
Пусть ножи лежат притупленные:
Не крошить мне ими бишбармак.
Не пойду теперь коров доить
И не стану каймаку варить,
Да и крут больше не надобен.
Нет посуды масло вспахтывать.
Все кадушки порассохлись,
Все мутовки поломались.
Все цедилки запылились.

Я не стану и кобыл доить,
Мне кумысу делать не к чему,
Подавати его некому.
Самой в горе пить не хочется.

Сими и подобными мыслями занималась Алтыша в горести своей; между тем сын ее продолжал путь свой по степям киргизским к аулу Сарабаеву. Скоро доехал он до места, где было прежде его кочевье, но как удивился, не нашел там не только Сарабая с семейством, но ниже кого-либо постороннего, от кого бы он мог узнать, в какую сторону и место перекочевал он. Два дня ездил во все стороны почти без отдыха вокруг кочевья, оставленного Сарабаем, но без пользы. На тре-

тий намеревался еще продолжить свой поиск; но внезапно остановил его явившийся ему авлия, говоря: «Сын Карабаев! Ты теряешь время, думая найти здесь Сарабая. Он кочует теперь при устье Аму-Дарьи и оттуда по условию с ханом переедет скоро для совершения свадьбы на Кара-су. Тебе надобно ускорить свою езду и получить Баяну, свою суженую. Путь сей далек и тем более труден, что оставшиеся братья истребленных вами Дью-пяриев поклялись погубить тебя и не замедлят приступить к исполнению своего намерения; но будь, сын мой, неустрашим и тверд и уповай на помощь Магометову. Что до меня, то уже аджаль моя исполнилась и нафяка кончилась, и я не могу больше быть тебе полезным. К пособию же твоему могу сделать только то, чтоб поручить тебя доброй Мяскай, живущей на пятнадцать дней езды отсюда на полдень, которая подаст тебе наставление в твоём поиске. Меня же, отходящего насладиться райским блаженством и получить там обетованных правоверным светлых дев, похорони по заповеди Магомета, лицом на полдень». Со словом сим упал и испустил дух. Батыр удивлялся скоропостижной смерти авлия и, почитая для себя небесною милостию доставленный ему случай похоронить вдохновенного, с благоговением и точностью исполнил его приказание и, поклонясь могиле его, поехал на полдень искать Мяскай. На пути попадалось много ему зверей плотоядных и лаком питающихся. Первых убивал он по охоте к звериному промыслу¹⁷, а в последних стрелял из лука или, догнав на коне своем, убивал их плетью для забавы и употреблял себе иногда в пищу, ибо домовый запас его уже весь изошел. Когда останавливался кормить своего доброго Юлдуз-юлауча, тогда, освежевав, разнимал на части застреленного им оленя, козу или зайца и, разведя огонь, жарил на шешлыке, обливая часто тузлуком, чтоб мясо не пригорало. Таким образом приготовля себе ужин, с добрым аппетитом ел довольно и спал крепко до самого рассвета, подстилая под бока седельный потник, а под голову подкладывая с седла подушку. Ложась же спать, для безопасности держал подле себя саблю, а перед собою клал плеть прямо на полдень, дабы не сбиться с пути, показанного ему авлием. По сему-то указателю, ставши поутру, без ошибки узнавал полдень и выезжал с места. В пятнадцатый день приехал он к неприступным горам, расположенным в виде четырехугольника, которого каждый бок длиною был на пять или на шесть пере-

стрелов. Карабаев сын удивился чудному сцеплению гор и поворотил вправо около оных в объезд. Проехав полночный, западный и полдневный бок, ни малейшего не приметил проезда сквозь горы. Все они как будто слились в одну, только верхи их, облаков касающиеся, разделялись наподобие шаров. Батыр располагался ехать далее, не думая нимало о том, что находилось между сими горами; но по некоему тайному предчувствию захотел объехать и восточную сторону, и только поворотил на оную, как увидел реку, втекающую в отверстие, между гор находящееся. По берегам реки в два ряда росли деревья, столь правильно между собою расположенные, что батыру тотчас пришла мысль, что они искусными руками человеческими были рассажены. Тут увидел он табуны коней и стада коров и овец; на мягкой мураве пасущихся, и конь его непрестанно наклонялся щипать оную. Подъехав к устью реки ни малейшей не нашел тропы для проезда, ибо она с шумом быстро втекала между двух утесов, отвесно стоявших. Смелый батыр не долго рассуждал о проезде своем. Ослабя подпруги седельные у коня своего, пустился вплавь по течению реки и, проплыв между гор расстояние на брошенный искусною и сильною рукою камень, увидел пространную равнину и реку, разлившуюся по одной наподобие большого круглого озера, по которому плавали разнородные птицы. Батыр, по горло обмоченный, едва успел выплыть с конем на берег, как все виденные им птицы закричали необыкновенно громко, от чего конь его, испугавшись, начал прыгать на дыбы. Батыр, усмирив его, повел за собою по равнине и увидел вдали расставленную кибитку белыми, как снег, кошмами покрытую. Ужасной величины пес бежал прямо на него с отверстою пастью и налившимися кровью глазами. Батыр, выхватя свою саблю, уже готовился его поразить. Но пес, на пять шагов до него не добежав, остановился и, поглядев в глаза, начал ласкаться, как к своему хозяину, и вмиг, оборотясь, побежал назад к кибитке. Батыр догадывался, что тут жила Мяская, хотя авлия и не назначил точно ее местопребывания. Он увидел опять того пса, у входа кибитки стоящего и к нему ласкающегося. Почтя сие добрым признаком, выговорил: «Роксад!» и смело вошел в кибитку. Мяская сидела на красной сафьянной подушке, положенной на разостланном персидском ковре. Вид ее не был суров, и хотя она казалась стара, но еще довольно свежа. Волосы ее переплетены были мелкими косичками в знак

того, что она была дева. Платье на ней было белое; в руках держала она четки и, перебирая их, произносила таинственные слова. Батыр, вошед, спросил ее о здоровье, а она, взглянув на него, сказала: «Благодарю великого пророка, что привел в смиренное мое жилище сына Карабаева. Сядь и успокойся!» По сем кликнула своего Чултук-куша (это было имя ее пса) и произнесла таинственные три слова: Силкин, Итым, Силкин¹⁸. Пес вышел на средину кибитки и, став на разостланный ковер, поднял дыбом шерсть свою, начал отряхаться, и из шерсти его посыпалась белая пшеница. Мяскай, вставши, собрала ее и положила в котел, потом налила чистой водою и, приправя все маслом и крутом, сварила курмак¹⁹ и наставила перед гостем своим молочной пици, каймаку пресного и заквашенного, также и катыку кислого, который, разведя чистой водою, сделала айран и, налив его и кумысу в большие чаши, просила гостя своего пить и есть, извиняясь, что лучшей пици не может предложить ему, ибо по ее званию запрещается ей употреблять мясо. Потом расспрашивала его об отце его, прибавя: «Я слыхала много о нем похвального от единоплеменников своих и, не знаяши его, весьма много почитала, ибо он и сам от чистого сердца любил всякого мусульманина: по склонности своей часто угощал их пищею, по бескорыстию помогал им имуществом своим и по любви к человечеству не оставлял их советами, а по мягкосердию миролюбиво жил с ними. Таковые свойства служат признаком истинного мусульманина, достойного именоваться батыром, каковых я во всю мою пятисотлетнюю жизнь между своими единоплеменниками не знала и даже никогда о таких не слыхала. Многим дают название батырей, но ни один из них не имеет потребных к тому добродетелей. Вся слава их в обманах, гордости, корыстолюбии и барантах. По сему-то их навыку и батыр Сарабай презрел тебя, как иштяка, от гордости, отказал тебе от дочери своей по неблагодарности, а просватал ее за ханского сына по корыстолюбию. Тебе же, сын мой, предопределено следовать по путям отца твоего, сравниться в славе с ним, но не превзойти его в добродетелях. Потомство вас обоих, яко своих родоначальников, до поздних времен прославлять будет. Курайчи из рода в род воспоют похвальные ваши деяния. Народ с радостным сердцем послушает их и будет им соревновать. Никогда не умолкнет о вас сладчайшая беседа аксакалов, ни одна мать не вскормит дитя свое без того, чтоб,

лаская его, не уподобить батыру Карабаю; ни один отец, сажая на коня своего сына, не преминет сказать ему: таким-то образом управлял конем батыр Карабай! Или, вручая лук: так-то принимался за лук Куз-Курпяч! Всякому батыру и наезднику, сделавшему что-либо похвальное, лучшею будет наградою, когда его деяние применят к какому-нибудь деянию Карабаеву. Такова-то, мой сын, добродетельная жизнь, действующая и на позднее потомство! А чтоб все сие ведать тебе яснее, великий наш пророк повелел мне показать тебе все будущее в очарованных видах».

Мяскяй повела с собой батыра к пещере, в горе находящейся, которая затворена была медною дверью и заперта тремя стальными замками. Она выговорила три слова: замки тотчас поспали, и дверь с ужасным скрипом отворилась. Вошед в притвор, оставила тут батыра, а сама, отворив другую дверь, пошла далее и оную за собой захлопнула. Вскоре вышла переодетая в длинное черное платье, под покрывалом такого же цвета. В одной руке держала четки, а в другой курильницу с благовониями. Окуря пять раз притвор и батыра, завязала ему глаза и, взяв за руку, повела во внутренность пещеры. Там заставила его произнести несколько невразумительных слов и развязала глаза. Карабаев сын пришел в священный ужас, увидев необыкновенное для глаз его зрелище. В сию пещеру не входил солнечный свет; но освещена она была осьмью светильниками, на своде пещеры в два ряда висевшими. Против них в стене вделана была четырехугольная равносторонняя доска, по краям обложенная марьяном и жемчугом. Каждый бок ее был с лишком на три шага. Доска сия была столь гладка, что испускала от себя блеск, а всего удивительнее для батыра было то, что горящие светильники и все, находящееся в пещере, за доской показывалось, и он видел там Мяскяй и себя самого. Если он стоял прямо, то и там видел себя прямо стоящим, а когда наклонялся, ходил или поворачивался, то и за доскою видел то же, и как бы во всем сам себя передразнивал. Много удивлялся он вещи, в первый раз им видимой. Мяскяй тому улыбалась и поставила его среди пещеры, лицом против доски, потом, наполнив медную чашу чистою водою, поставила ее подле батыра, по сем, обошед его трехкратно и подняв руки кверху, произнесла что-то непонятное. Вдруг ударил гром, потряслась гора и пещера, таинственная вода в чаше начала колебаться, и батыр, не могши устоять

на ногах, пал на колени. Вскоре все утихло, и Мяскай, подошед к батыру, говорила: «Сын мой! Успокойся и смотри примечательнее в сию очарованную доску; на все, что там увидишь, я дам тебе истолкование; но страшись оглянуться назад: в то мгновение, как оглянешься, расступится земля, и ты сквозь нее провалишься и погибнешь навеки». Мяскай отступила назад в самый темный и отдаленный угол, а батыр увидел в очарованной доске прекраснейшую девицу, приятно на него смотрящую. От сего привидения сердце начало биться в сыне Карабаевом; душа готовилась из него вылететь и переселиться в оное, а для чего, он сам того не ведал. Много чувствовал, но ничего не понимал, желал, но сам не знал чего. В таком волнении неведомых ему чувствований пребыл он довольно долгое время, наконец кинулся и хотел обнять девицу; но очарованная доска не допустила его, и он, забывшись, едва не обратился спросить Мяскай о сем привидении. Но она, приметя его намерение, закричала: «Стой, дерзновенный! И не оглядывайся: уже пропасть готова пожрать тебя. Ты хочешь спросить о девице, тебе явившейся. Это — Баяна, твоя суженая; душа ее столь же прекрасна, как и лицо, тобою виденное». Сколь ни велика была сила очарованной доски, но явившееся в ней привидение гораздо сильнее очаровало чувства батыра, и чем больше он смотрел на него, тем сильнее билось в нем сердце; но жестокая Мяскай, не дав ему насытить зрения своего, произнесла одно слово, и привидение исчезло. Вместо его увидел он на коне молодого и прекрасного батыра, с ног до головы вооруженного. «Это — сын твой, батыр Барлыбай, имеющий родиться от Баяны, будущей жены твоей! Он достоин будет отца своего и деда. Смотри на стоящих за ним в кольчугах семерых сынов его, кои именуются: Бурзян, Усярган, Тамьян, Кыпчак, Бушмас, Кара-Кыпчак и Тенгаур²⁰. От них произойдут семь колен башкирских и именуются по сим родоначальникам. Смотри по сторонам на размножившееся их потомство». Куз-Курпяч с полным душевным удовольствием рассматривал как отец семейства все сии явления. Наконец, приметив нечто непонятное, спросил: «Что за смятение столь многочисленного и вооруженного народа? Я вижу повсюду страх, и мне кажется, что там на звероловстве приготавлиются к обороне от свирепых арасланов и кровожаждущих юлбарсов». — «Сын мой! — отвечала Мяскай. — Потомки твои приготавливаются к войне». — «К войне! — вскри-

чал батыр. — О! этого чудовища я еще не видывал. Оно должно быть лютее всех арасланов и юлбарсов, когда на него такое множество народа собирается». Мяская улыбнулась простоте молодого батыра и сказала: «Добрый Карабаев сын! Надобно тебя вразумить, что такое война и от каких причин происходит.

Искони судьбами вышнего предопределено в размножившихся потомках твоих престать безначалью и им поработиться власти одного сильнейшего в свете хана. Они по наветам коварных и злобных дью-пяриев, оставив обычаи отцов своих, начнут развращаться во нравах. От того произойдет своеволие, от сего родится беспорядок, а за сим неминуемо последуют раздор и несогласие. По сим-то причинам великий Магомет, пекущийся о благе мусульман своих, предположит поработить их единовластием белого хана²¹. Сей великий завоеватель, расширяя границы свои на полдень до устья реки Раа, впадающей в Ак-дингиз, достигнет и на востоке до берегов рек Иртыша и Яика, где потомство твое обитать будет. Как ничто силе его противостоять не может, то и народ башкирский покорится его оружию». — «И так потомство мое под единовластием белых ханов будет благополучно?» — «Так устраивал великий наш пророк; но седьмиродцы не скоро еще вкусят оное мирное житие, им обетованное. Злобные чародеи покусятся, хотя без успеха, еще пять крат на их истребление или, по крайней мере, будут стараться учинять их злополучными. Они, коварные, не смея восстать явно, начнут тайно рассеивать в них раздоры: от чего сии столько обуяют, что вознамерятся поднять оружие против белых ханов (и сие-то называется война), дабы успехами ононого отложиться от их подданства (это есть причина войны). Вот тебе, сын мой, изъяснение сего неистового чудовища, пожирающего потомков твоих и неведомого доселе в мирных ваших аулах.

Смотри теперь на начинщиков оных мятежей, сих четырех батырей, во всеоружии сидящих на конях. Они появятся один после другого чрез многие годы и будут иметь отличный ум и мужество. Первый, которого ты видишь на игренем коне и в кольчуге, есть предприимчивый батыр Карасакал. Он возмутит единокорцев своих против белого хана, долженствующего обладать тогда урусами. Многие сделают нападение на белых воинов, и многое истребление последует единокорцам твоим, но кто постоит против силы их? Карасакал по

многих неудачных ошибках признает со своими товарищами опять власть белого хана.

Второй подле него — неустрашимый батыр Акай, весьма крепкий и сильный, подымлет оружие против великого и первого падиши — батыра урусов. Сей чудеса явит своею саблею, отнятой им на баранте от киргизского батыра Саракула. Но сия чудесная сабля в крепкой руке Акаевой не возможет отразить воинов падиши-батыра.

Третий за ним — мужественный Кильмак. Белый конь под ним произойдет от породы сильного твоего Юлдуз-юлаучи и горской кобылицы. Он силою своею превзойдет юлбарсов и резвостью упредит ветры, а всадник примером мужества своего возбудит единоплеменников своих к сильным нападениям на воинов вдовствующей падиши урусов; но кто против бога и белой падиши? Батыр Кильмак и все его товарищи смирятся и преклонят пред ней колена.

Четвертый, во всеоружии сидящий на чубаром аргаме, — смелый и мужественный Батырша. Он с одним родом своим, происшедшим от Бурзяна, восстанет против белой падиши-девицы, имеющей владеть тогда урусамы. Прочие же шесть родов пребудут в мире, ибо злые духи не возмогут поколебать их верности; и по многих неудачах бурзянцы падут, урусы восторжествуют и покорят их падише своей, коя благость дарует им милость и прощение.

Теперь смотри, мой сын, на пятое и последнее возмущение башкирцев, которое имеет последовать во время владения вдовствующей падиши, великою наименованной²³. В обширных ее владениях возродится изуверство, к которому и сей мятеж приобщится²⁴. Но умом и делами великая не благоволит буйство укрощать силою, а противопоставит оному кротость и милосердие. Сим, обезоружив мятежников, приведет в повиновение и водворит мир и тишину в державе своей. И оттоле злобные дью-пяри не дерзнут более возмущать спокойствие сынов твоих.

Смотри теперь на белых воинов, собравшихся против наших батырей!» Карабаев сын взглянул на них и содрогнулся, ибо увидел народ совсем ему неведомый. Одинакое на всех одеяние, одинакое у всех вооружение, стройность конных и пеших рядов и чинный оных ход премного его удивили. Долго рассматривал и примечал он все, находившееся в строях урусов, и, наконец, спросил, к чему потребны виденные им медные и кругло

обделанные столбы, на двух вертящихся кругах²⁵ везомые. — «О сын мой! — вздохнувши отвечала Мяскай. — Это пагубные огнедышащие жерла! В них кладут черную пыль и несколько чугунных шаров, и едва коснется к сей пыли огонь — мгновенно с молнией и громом изрыгают они из себя гибельный снаряд и смертельно поражают вдруг по сотне и более батырей, и нет в свете ни единого, могущего перенести удар его». Батыр вздохнул тяжко, и слезы покатались по лицу его. Потом спросил: «Кто изобрел вредоносную черную пыль?» — «Злое исчадие истребленных вами дью-пяриев. Они клялись погубить весь род Карабаев и клятву сию положили на все свое коварное племя.

Но се время, с коего возникает благоденствие твоего рода! Благоговей пред сим достопочтенным мурзою, присланным от своей падиши-девицы властелином всего полдневного края. Смотри, как сей ученик и воспитанник падиши-батыра, езда по пустым берегам Яика до неизмеримого Ак-дингиза, обозревает места и оные измеряет; созидает грады и населяет жилища, совсем нашим не подобные; ограждает оные укреплениями от наездников кыр-казаков, поставляет отряды и маяки для безопасности урусов. Здесь ты видишь его в пыли и поте трудящегося в созидании, а там сидящего за столом и дающего всем разноверцам суд и правду. И нельзя верить, чтоб все видеть, все делать и всем распоряжаться мог один; но плодовитый и неутомимый ум его успевает везде; изобретает, творит и созидает²⁶.

Посмотри на сей величественный, им созданный град, окруженный рвом и неприступною каменною стеною! Смотри, как, красуясь, возвышаются златоверхие храмы бога урусов им воздвигнутые. Смотри на башни, на гостиницы, на дома их, из твердых камней и толстых дерев построенные. Смотри по другую сторону Яика, на сей обширный и едва пределы имеющий Караван-Сарай, и на стечение в нем столь многочисленного разных племен народа. Там кыр-казаки променивают скот свой урусам, а здесь сарты — товары земли своей²⁷. Попечительный хозяин все предвидел, все придумал, все устроил. Он тем падише своей и соотечественникам великую доставит пользу. Он-то первый оснует надежду на твоих соплеменниках в охранении полдневного края от набегов наездников кыр-казаков. Он начнет в семиродцах вводить порядок, разделяя их на волости, тысячи, сотни и проч. Тем прекратит их раздоры, от безначалия происходящие. Он возлюбит простоту их

нравов и возвеселится духом о достоянии их, и не будет на земле равного его благосердию, разве Магометово».

Батыр, преклоня колена и прижав руки к персям своим, смотрел с почтением на благодетеля потомков своих.

«Сколь много вижу я еще, благодетельная Мяскай, — с живостью вскричал батыр, — добрых и дружелюбных людей, едущих по аулам и кочевьям потомков моих и раздающих им подарки. Набожный вид их кажется истинных мусульман. Они повязывают чалмы, делают частые омовения, читают алкоран и поучают неведущих потомков моих заповедям Магометовым». — «Нет, мой добрый Куз-Курпяч! — отвечала Мяскай. — Ты много обманываешься, рассуждая таким образом о сих друзьях соплеменников твоих. Сии люди подобны вкрадывающимся змеям, уязвляющим потомков твоих, оставляющим свой яд в умах их неизлечимым». — «О мать! Прости меня, — возразил батыр, — что невероятно мне кажутся слова твои. Возможно ль мусульманам, исповедующим единого аллу и закон его пророка, быть таковыми? Я, увидя их, почел за авлиев». — «Не удивительно, мой сын, — отвечала Мяскай, — они по виду своему и потомкам твоим таковыми казаться будут. Но их алла — корысть, вера их — обман, их закон — в одних наружных обрядах, а отнюдь не в совести. Но слушай об их происхождении, свойствах, промыслах и рассуждай!

Это небольшая кучка состоит из К **** 28, покорившихся белому хану, о котором я уже тебе повествовала. Они придут поселиться на берегах реки С **** 29, впадающей в Яик, в правление полднемным краем виденного тобой властелина, создающего грады по реке Яику. Сии переселенцы, построив себе жилища, подобные жилищам урусов, начнут производить мену с кырказаками в том обширном Караван-Сарае ³⁰, который я тебе показывала. Но, не довольствуясь прибытком от оной, обратит завистливый взор свой на тучные стада сынов твоих. Они рассыплются, как хищные волки, по всем аулам и кочевьям их, изочтут имущество каждого, и тот, кто более скота иметь будет, более и приятни от них увидит. С дружеским видом начнут прельщать глаза их видимыми тобою, ничего не стоящими безделками, поставляя их в высокую цену и променявая на лучший башкирский скот и коней. Сим введут неизвестное до того зло, называемое надобностью. А дабы приобрести себе большую доверенность от доб-

родушных твоих потомков, они, делая частые омовения, примут на себя набожный вид и будут читать, будучи сами невежды, алкоран аравийским напевом, делая на оный кривые толки... Сим произведут второе зло, называемое суесвятством, которое заставит их предаться учению письмян и познанию толка Магометова. А через то, разлеясь телом, пренебрегут скотоводство и забудут батырские свои потехи и звероловство. Таким образом, седмиродцы, более и более знакомясь с друзьями своими и наставниками, ежегодно променивая табуны свои и добытых зверей на нарядные кафтаны, кушайки, тюбетейки и проч., увидят возникающее третье, самое лютое и до того неведомое зло, именуемое бедностью, ибо потомки твои, храня обычай отцов своих, довольны были тем, что имели, и потому не ведали еще оной. Теперь нарядных кафтанов у них появится много, но табуны и стада их перейдут в руки друзей их. На сии-то прибитки сии последние воздвигнут огромные мечети, на коих знамение Магометово облаков касаться будет. Но алла не водворится в них и отвратит лицо свое, и возгнушается жертвами, приносимыми ему лихоимством».

«Познает ли потомство мое, наконец, корыстолюбивую дружбу наставников своих?» — спросил батыр. — «Познает, но весьма поздно, — отвечала Мяскай, — тогда, как уже лютое зло — бедность — во всех аулах свирепствовать будет».

Батыр сокрушался сердцем о бедствующим своим потомкам и паче о том, что они, расслабляясь телом, усыпят древнее свое мужество и оставят батырские свои потехи и звероловство. Ибо в те времена (прибавляет рассказчик) сие почиталось у башкирцев за высшее достоинство. — «Успокойся, сын мой! — сказала Мяскай. — Я покажу тебе, что однородцы твои получают первое свое мужество и силу». Потом закрыла ему глаза рукой, проговорила неизвестные слова и, отняв руку, спросила его: «Что ты видишь?» — «Я вижу, — отвечал он, — солнце во всей красоте его». — «А еще что? Смотри пристальнее!» — «Вижу из одного выходящего батыра, высокого станом и прекрасного лицом. На главе его венец, на плечах длинная епанча золотого цвета, а прочая одежда его белизною подобна снегу; на бедре его висит меч, а в правой руке держит он неизвестное мне оружие, которым указывает на страну, нами обитаемую. О мать моя! Что еще вижу? Однородцы, велением его, как от глубокого сна, возбуждаются,

собираясь в полчища. Оружие на них блистает, да и самые кони их производят ржание, как бы на брань готовящиеся, и в большем устройстве, нежели в каком и прежде мне показывала; полчище за полчищем уходят и скрываются от глаз моих. Скажи мне, всеведущая Мяскай! Что все сие значит? К чему показала ты мне солнце? Кто сей небесный житель? Ибо на земле подобного батыра найти не можно. Скажи и о прочем, мною виденном!» — «Любопытство твое, сын мой, — отвечала ему Мяскай, — тем охотнее удовольствую, что кончина знанию моему приближается. Солнце показала я тебе для того, что оно греет, живет и питает вселенную. Подобно ему сей величественный муж, которого ты видишь, щедрит и милует полсвета своих владений. Он есть белый падиша урусов, ваших всех и многих других племен, в его владении живущих. Оружием, которое видишь в правой руке его, он не поражает, он успокаивает и падших восстанавливает. Приметил ли ты? Когда он простер его на страну вашу, то все твои однородцы воспрянули и, соединясь в стройные полчища, пошли к нему на службу противу врагов его». — «Возвратятся ли они с победою?» — спросил нетерпеливый Куз-Курпяч. — «Некоторые из батырей, — отвечала она, — отличатся заслугами, будут награждены от великого падиши, возвратятся в кочевье свое и поживут счастливо под его державою».

Батыр бросился на колени перед сим видением, не веря, чтоб столь благий сердцем и величественный видом мог быть земной, а не небесный житель. Пока он был в сем благоговейном положении, вдруг ударил гром, потряслась гора и пещера, чаша с таинственною водою опрокинулась, очарованная доска, упав на пол, вся разбилась. Мяскай лежала без памяти, и сам батыр не мог устоять на ногах.

Спустя немного, все успокоилось, Мяскай опаматовалась и, немедля вышед из пещеры, говорила батыру: «Совершилось, мой сын, и я довольна, что показала тебе счастливую участь потомков твоих. Вседействующий предопределил, чтоб сим последним видением знание мое кончилось и очарованная доска истребилась. И от того времени злые чародеи не дерзнут возмущать спокойствия потомков твоих. Теперь пора тебе спешать к Сарабаю. Будь осторожен и тверд противу коварств пяривых и, несомненно, уповай на помощь Магометову. Рассуждая честно, поступай справедливо; и тогда превозможешь все прелятствия и получишь Бая-

ну, свою суженую. Справедливость всегда преодолевает злобу». Батыр, приняв сии наставления, простился с Мяскай и поехал от нее тем же путем, хотя с большим трудом противу прежнего, ибо должен был плыть противу течения реки, но с обыкновенною своею смелостью и проворством и, выплыв между гор, продолжал свой путь, по совету Мяскай, между полднем и западом.

Между тем злобные пярй, не могши ничего предпринять противу Куз-Курпяча, когда он находился в жилище Мяскай (ибо очаровательная сила доброй Мяскай превозмогала силу злобных пярйев), обрадовались, увидя его из оногo выехавшего, и надеялись без труда погубить истребителя их братьев, почему на третий день и сделали к тому приступ. Батыр, едучи путем своим, рассуждал о явлениях, у Мяскай им виденных, и прекрасная Баяна, поселившись в душе его, из ума не выходила, как вдруг конь его начал беситься, прыгать на дыбы, храпеть и бить передними и задними ногами. Карабаев сын, не видя никого, удивился непостоянству коня своего и несколько раз ударил его плетью, правя на предпринятый путь; но конь, не слушая его и закусив удила, тащил его совсем в противную сторону. В сие время начал опускаться густой туман и, растилаясь по земле, скрыл от глаз его горы и все окрестные места, так что батыр, не видя пред собою дороги и не могши укротить рассердившегося Юлдуз-юлаучи, принужден был остановиться и сойти с него. Но как удивился он, увидев, что тело его было изранено, так что мягкие места, как волчьими зубами, были выхвачаны. Таковое приключение весьма опечалило батыра и потому, что он, как наездник, доброго коня ценил выше всего своего имущества, любил его и почитал надежным в пути товарищем; и потому не меньше, чем вы все, мои слушатели (примолвил рассказчик), сами знаете, сколь продолжительно кажется то время, когда едешь за сердечною добычею. Тогда самый добрый и резвый конь кажется туп и ленив. Если он идет добрым шагом, то сбиваем его на рысь; сего недовольно: мы принуждаем его скакать; и того еще мало: мы хотим, чтобы он летел быстрее птицы; а если бы и сие возможно было, то и тогда бы мы довольны не были, ибо невозможно, друзья мои, быть так скору, как стремится наше сердце. А Куз-Курпяч остался пеш в такое время, когда и сердце и обстоятельства торопили его поспешать к Баяне, чтоб она также не исчезла от него, как в очарованной Мяскаевой пещере.

Весь круг слушателей, захохотал во всю мочь от сих слов, и каждый сидевшему подле себя пересказывал собственные свои случаи, при женитьбе бывшие, так что рассказчику дали время отдохнуть и привести на память продолжение повести. Когда же все довольно наговорились, то мало-помалу голоса начали утихать, как с варевом котлы на сильном огне клокочущие утихают, по мере того как огонь под ними уменьшается. Тогда все, одоббив веселые слова рассказчика, киванием голов своих и вторичным смехом дали ему знать, что рассуждение его справедливо, и все единогласно закричали: «Смярдясь! Смярдясь!»

Карабаев сын, наученный отцом своим знанию целительных трав, лишь только дал разойтись туману, не мешкая пошел оных отыскивать; но едва подался несколько шагов вперед, как увидел по всем местам глубоко изрытые рвы, хитро прикрытые мелкими древесными ветвями и травой застланные. Батыр, рассматривая рвы и осторожно снимая ветви, их прикрывающие, крайне удивился, увидев, что на дне оных сплошь наставлены были острые дубовые тычины вышиною в полдревка копейного. Смелый батыр содрогнулся, вспомня, что всей силой коня своего направлял прямо на сии рвы. Причитая спасение свое покровительству Магомета, догадывался (как и в самом деле было), что это были коварные замыслы злобных чародеев, о коих ему и Мяскай предсказывала. Они, злобные, не смея восстать на него явною силою, умыслили ископать сии рвы во всех местах, по пути его лежащих. Чародейством своим напустили густой туман и, быв сами невидимы, терзали коня его, дабы он, взбесясь, попал в который-нибудь из сих рвов с своим всадником; но вещей Юлдуз-юлаучи, предчувствуя свою и хозяина своего гибель, а может быть, и видя терзающих его пярив (ибо конский глаз никакое колдовство очаровать не может)³¹, давал себя на терзание и тем спас свою и батыреву жизнь.

Куз-Курляч, нарвав целительных трав, положил оные в чистую брюховицу застреленной им козы и, наполнив водою, завязал крепко, потом, вырыв небольшую яму и положа в оную брюховицу, засыпал на поллоктя землею и разложил над нею огонь. Таким образом, травы, бывшие под огнем до половины дня, довольно уварились, и батыр начал оные прикладывать к свежим ранам коня своего. От сего к вечеру же сделалось ему легче, и раны начали затягиваться, а на

другой день он уже и готов был служить своему хозяину.

Нетерпеливый жених Баяны лишь дал поравняться солнцу с вершиною дерева, уже был на коне и пустился в путь, объезжая рвы, на пагубу его ископанные. Долго рассуждал он о сем происшествии и не понимал, как можно изобрести столь пагубную хитрость. Добродушный Карабаев сын не способен был не только предупредить оные или противопоставить что-либо сим коварствам, но даже и не понимал того, чтоб можно было погубить человека тайно, а не явною силою. Ибо, возрастая под присмотром отца своего Карабая, он не слышал иного себе в наставлении, как почитать бога, любить ближнего, врагам отмщать мужеством и оружием; а рассуждая о сем нового рода сражении, от отца своего не слыханном, холодный пот выступал на теле его. Тогда он опытом познал, что легче нападать на свирепых арасланов, чем защищаться против злобных вымыслов дью-пяриев.

Следующие потом шесть дней ехал он беспрепятственно и успешно. На седьмой день, в то время, когда тень от коня его была только в половину величины его, подъезжал он к густому лесу, где надеялся себе и коню своему сыскать отдохновение. Вдруг увидел множество поднимающихся на воздух беркутов, держащих в лапах своих по превеликому камню; в то же время услышал в лесу громкое рычанье и вой, происходящий от свирепых зверей, которые шли большим стадом прямо на батыра. Он удивился столь многому числу лесных и воздушных неприятелей, вместе собравшихся; но не оробел, увидев их, а начал приготавливаться к обороне. По счастью, росли тут, отделившиеся от лесу, толстые и ветвистые три дуба рядом. Батыр соскочил с коня, остановился под ними, взял в руки лук, наложил стрелу и ожидал неприятелей. Впереди шел ужасной величины белый медведь. Батыр, наждав его, пустил стрелу с такою меткостью и силою, что оная чрез отверстие медведя зев прошла навывлет; но медведь не упал, а только, завертясь, несколько шагов отбежал назад. В тот миг все звери, окружа его, начали лизать его рану. Батыр, удивясь столь странному между зверями пособию, досадовал на себя, думая, что слабо пустил стрелу, ибо не видал на звере ни одной капли крови.

В то время вьющиеся над головой его беркуты со страшным и отвратительным криком начали из когтей своих выбрасывать камни, дабы оными поразить баты-

ра и коня его; и он не спасся бы от сих воздушных неприятелей, если б не защищали его густые ветви дерев, под которыми он стоял. Однако ж камни с высоты летели с силою и при падении своем по несколько сучков от дерев отламывали, так что напоследок ветви становились очень редки. Между тем звери, отдаля раненого медведя, завывали и закричали так громко и дико, что батыр содрогнулся и начал терять бодрость, а несчастный случай, коня его постигший, казалось, довершал его уныние и погибель. Крепкий его Юлдуз-юлаучи, перенеся глубокие раны, от дью-пяриев нанесенные, не мог вытерпеть крику, злобным чародейством произведенного, и, испугавшись, бросился из-под дерев в сторону. В тот миг два превеликие беркута, поджав крылья, пали на него и, подхватя его острыми своими когтями, поднялись на воздух и скрылись в лесу, так что изумленный батыр не мог подать ему никакой помощи. Когда-то Куз-Курпяч; как от сна пробудившийся, презря опасность, на земле и в воздухе ему угрожающую, с саблею в руках пустился прямо на зверей, устрашающих его вытьем своим. Странные башкирские батыры, — прибавил рассказчик, — тогда только были робки, когда видели в опасности друзей своих, товарищей или иное что любимое, а собственную опасность презирали, и чем более она увеличивалась, тем более возрастала их отважность, которую не теряли они до последнего издыхания.

Звери, видя батыра от робкости перешедшего ко мщению, поворотились к нему кургузыми задами (ибо ни у одного из них не было хвоста), разбежались по лесу и подняли громкий хохот, который лесным отголоском еще больше увеличивался. Тогда-то батыр узнал, что это были враги его, злобные чародеи, которые, не могши сделать ему вреда, погубили коня его, а батыра, видя в досаде о потере оногo, хохотаньем своим в большее приводили негодование. Раздраженный Куз-Курпяч, держа в руках саблю, не переставал бегать по лесу и их отыскивать, но без успеха: злые все разбежались. Обильные в злобе и коварстве обыкновенно бывают робки и малодушны. Наконец батыр так утомился, что, запнувшись, упал и уже не мог встать, а лежал, прислонясь к дереву, столько, что со скачки пришедший конь мог бы выстояться и высохнуть от поту. В продолжение всего времени услышал он карканье ворон и хотел узнать тому причину. Подойдя к тому месту, откуда оно происходило, объят был жалостью и печалью;

Горячие слезы покатались по щекам его. Он увидел доброго коня своего, на части растерзанного и хищным воронам на пищу преданного. Долго тужил он о нем, но пособить было нечем; вырыл глубокую яму и, собрав все его разбросанные по сторонам части, положил в оную и вместе с ним зарыл седельный убор и оружие, кроме сабли своей. Сию, положа в ножны, заплакав, сказал: «Ты мне остался один друг и товарищ. Прости, мой добрый конь! Я никогда тебя не забуду». И пошел пеш по пути своему.

Три или четыре дня шел он день и ночь, нигде почти не отдыхая; в пятый подошел к небольшой, но быстрой реке, по берегу коей превеликий рос камыш. Увидевши ее, он обрадовался, полагая, что это должна быть Кара-су, при которой кочует Сарабай-батыр, ибо встречал те точно урочища, о коих Мяскай делала ему замечания. Утомясь от пятидневного пути, хотел он отдохнуть подле реки; почерпнул воды, выпил и с надежностью сказал: «Когда я нашел реку Кара-су, то найду и Сарабая; а когда напился уже воды из нее, то и Баяна будет моя»³². Восхитясь сей мыслью и представя в уме своем прекрасную Баяну, виденную им в очарованной пещере, забыл о своей усталости и, как от долгого сна пробужденный, вскочил с места и пустился бегом по течению реки. Но две ноги не долго могли служить ему. Он остановился и пошел тихим шагом; а с переменным ходом переменились и мысли его. Тяжко вздохнувши, вскричал он: «О мой друг, мой добрый конь Юлдуз-юлаучи! Ты меня оставил в такое время, когда наиболее мне нужен; не пожалел бы и отдать все свои табуны и стада, чтоб тебя оживить; с тобой несомненно достал бы я Баяну; а по сердцу жена и по мысли конь для башкирца всего дороже. Возможно ль мне скоро пешему, рассуждал он, отыскать кочевье Сарабаево? А если и отыщу, то как явлюсь в изодранном азыме, босоногий, без коня, без оружия к гордому и корыстолюбивому Сарабаю? С другой стороны, почему мне знать, что Баяна предпочтет меня Султану Ай-кару, ханскому сыну, отличившемуся, может быть, при глазах ее силою в батырских потехах, в звероловстве против свирепых арасланов и юлбарсов или же оказавшему проворство овладеть конем и оружием; а я не знамый, в глазах Баяны и отца ее презренный иштяк, не могу ей ничего обещать, кроме сердца моего и побега».

Неустршимый победитель чародеев, который со славою прошел среди их ухищрений и мужественно едино-

борствовал с свирепыми зверями, побеждается теперь и робеет от слабой девицы, не имеющей иного оружия и силы, кроме светлых очей и румяных щек. Но если б он мысленно, друзья мои (рассуждал рассказчик, обращая слова к слушателям), представил сию красоту в старости, что бы он увидел тогда? Я не скажу вам больше ни слова, разумные старейшины, ибо вы все сами знаете, а только думаю, что тогда бы от сей красоты, которую теперь ценит выше своей жизни, столь же скоро желал удалиться, как теперь к ней приближается. Но в молодости башкирцам не predetermined рассуждать подобным сему образом. Рассказчик замолчал, чтоб узнать, какое в слушателях произведет действие сие рассуждение. — Обыкновенное. — Во всю мочь все захохотали; а потом один говорил, что жена его с начала замужества своего казалась ему прекрасною; но время от времени, рассматривая ее хорошенько, показалась она ему совсем не таковою, так что он принужден был сосватать и, заплатя калым, взять другую. Иному жена его казалась красавицею тогда, как имела бодягой выкрашенные щеки, и белою глиной или иным чем, не знаю, намазанное лицо; но когда видел ее в естественном виде, тогда и глядеть на нее не хотелось, и он, оставив ее, сосватал другую, благодаря Магомета за позволение. Третий говорил, что он смолоду любил жену свою более всех лошадей своих; но как она делалась старше, а он рассудительнее, то удивился, что так глупо рассуждал о женщинах и менял на них лошадей своих. Таковы разговоры продолжались более времени, нежели сколько нужно, чтоб закис влитый в сабу кумыс. Когда же оные начали становиться реже, тогда рассказчик продолжал:

Карабаев сын, перешед от радостных к печальным размышлениям, продолжал тихим шагом путь свой по течению реки. Вскоре услышал он за камышом небольшой шум, и чем ближе подходил к нему, тем громче оный становился. Батыр бежит с поспешностью на оный и видит за камышом на гладкой равнине превеликого араслана, нападающего на киргизского батыра и приведшего уже его в крайнее изнеможение. Киргизец держал в руках саблю, но, обессилев, не мог владеть ею; а зверь лишь умножал свои силы и бодрость; он, растерзав коня его, готов был то же сделать и со всадником. Оставалось батыру спасение только в двух его добрых собаках, кои проворством своим останавливали стремление араслана и до него не допускали, но зверь

и тех ловорно и столь сильно ударил, что обеих вдруг перервал и, рассвирепевши, бросился на батыра, едва на ногах державшегося, ударил его о землю и острыми своими когтями рвал на нем кольчугу. Башкирский батыр, видя происходящее, ускоряет бег свой, дабы подать помощь незнакомому, и подоспев, ударяет сильно зверя саблею по морде и отделяет от головы толстые его губы с частью острых зубов. Зверь затряс головою и начал мордою тереться о землю, потом со всею яростью бросился на батыра; но сей, предупредя его, вторым ударом наотмашь отрубил обе передние лапы, и тем в совершенное привел его бездействие, а третьим лишил и жизни. Оставя его, торопился подать помощь лежащему без чувств и едва дыхание переводящему незнакомцу. Осмотрев хорошенько, нашел, что он не был ранен, а только весь измят. Немедля бросился к реке, почерпнул в свою тубетейку воды и начал его опрыскивать; спустя немного киргизец взглянул и опять закрыл глаза. Жених прекрасной Баяны сначала радовался, что нашел человека, который скажет ему о кочевье Сарабаевом; но, видя его умирающего, лишился сей надежды, и тем больше досадовал, что не в состоянии был ему помочь. И хотя он знал силу некоторых целительных трав, от ран помогающих, но в сем случае они были бесполезны. По многим размышлениям вздумал купать его в реке и, положив к себе на плечи, понес к берегу. Сей страшный способ лечения, с добрым намерением задуманный, послужил больному в облегчение, а целителю его в большую радость, ибо добрые радуются, когда видят в добре другого, а больше, когда оно добро могут сами другим делать. Башкирский батыр, положив кырмака на берег, принялся раздевать и удивился, увидев, что он начал глядеть и руками шевелить. По сему он догадался, что больной приходил в движение от двух причин: что опрыскивал его водою и нес на себе. И потому опять принялся за те же способы, именно: почерпнул воды и начал его опрыскивать, потом, подняв опять к себе на плечи, понес на первое место к убитому араслану. Тогда-то он крайне обрадовался, увидев, что больной его сел и ему сказал: «Добродушный и неустрашимый батыр! Ты спас жизнь мою от свирепого зверя и возвращаешь родителю, мною почитаемому, и сестре, любящей меня больше всех братьев своих. Если б мог я располагать ее рукою, то б она тебе была наградой, с придачею коня, резвостию равняющегося ветрам. Но, почитая тебя за иштыка и стран-

ника, не могу надеяться, чтоб отец мой на сие согласился, хотя он весьма почитает мужество и силу, твоей подобную». — «Кто твой отец? Кто ты, сестра твоя и какой твой род?» — спросил Куз-Курпяч. — «Отец мой — батыр Сарабай, — отвечал киргизец, — я называюсь Барлыбай, сестра — Баяна, а род наш одним из лучших кыр-казацких почитается». — «Ты брат Баяны!» — вскричал он и закусил язык, думая, что, произнеся имя Баяны, уже тайна его открылась. Кто любит, тот бывает скрытен и недоверчив даже до того, что желал бы склонность свою утаить и от самого себя, если б то возможно было. По сему-то, впрочем, откровенный Карабаев сын не хотел верить того незнакомцу, что было у него на уме и в сердце. — «Где теперь отец твой Сарабай?» — «В кочевье своем, на два дня езды отсюда. Я не знаю, кто ты, откуда и куда идешь, — примолвил кыр-казак, — но прошу тебя, великодушный батыр! Не оставь меня здесь столь слабого и, избавя от одного, не предай другим зверям на растерзание». — Батыр согласился нести его на себе в кочевье Сарабаево, сколько по добродушию своему, а более по склонности своей к Баяне, ибо все, что принадлежало ей или только имя ее произносило, сердцу его становилось любезным. Он, отвязав подпруги седельные, положил их к себе на плечи и, посадя на них Барлыбая, понес в кочевье к отцу его. Идучи таким образом, Куз-Курпяч не скучал своею ношею, но паче радовался, что, подав помощь Барлыбаю, имел право на благодарность отца и сестры его, и чрез то надеялся к ним приблизиться. Барлыбай же обнадеживал его в вечной своей благодарности и, как бедного странника, обещал наделить скотом и одеждою и согласить отца своего, чтоб допустил его кочевать с собой вместе. Башкирский батыр, который назвал себя Жилкичи, сим обещанием был весьма доволен, удивлялся, что нашел благодарного кыр-казака и радовался, что будет иметь друга, а может быть, и помощника в своем предприятии. Со всем тем не смел и тогда сказать ему ни о прямом своем намерении, ни о роде своем в имени, боясь, чтоб неиспытанный друг не изменил ему. Посему Жилкичи (так я впредь называть буду Куз-Курпяча) на все обещания кыр-казака сказал побашкирски коротко: «Хорошо, Барлыбай! Мы это вперед увидим» — и продолжал свой путь, или лучше, нести на себе киргизца. На третий день пришли они в кочевье Сарабаево, где, кроме Сарабая и дочери его, никого не было, ибо все разосланы были отыскивать

Барлыбая, отъехавшего от них на звероловство только на один день, а пробывшего пятеро суток. Можно представить себе, сколь приятно было отцу увидеть сына и сестре брата, более всех ими любимого, а потому и рассудить, что избавитель его и ношеносец получил от обоих полную благодарность.

Если неодушевленный призрак Баяны в пещере Мяскаевой видом своим возмущил чувства сына Карабаева, то каков он был тогда, как увидел ее пред собою в подлиннике? Она имела прямой и высокий стан, круглое белое лицо, алые щеки, быстрый взор, полные груди и трогательный сердце голос, которым она благодарила его за избавление любимого ее брата. О! как ты смешон показался тогда, бедный Куз-Курпяч! Тебе бы послушать моего совета и мысленно снять прекрасную оболочку младости, тебя прельщавшую, вообразя оную в старости; но ты меня не понял или не хотел поверить; раскрывал мысленно заразы, стократ еще прелестнее виденных тобою; а оттого и пришел ты в такое онемение, что не мог выговорить ни одного слова, ниже сделать какое движение, а стоял как вкопанный; посему-то Сарабай и Баяна почли тебя слабоумным. Но когда уже Барлыбай рассказал им о мужестве и силе его, тогда они, переменив свои мысли и оказав ему уважение, вторично изъявили свою благодарность. А между тем и Жилкичи, успокоив дрожащее свое сердце и приучившись несколько смотреть на Баяну равнодушной, на приветствие их отвечал кратко и прямодушно, что услугу сию Барлыбаю оказал случайно, но не отказался бы сделать оную и с намерением семейству Сарабаеву, если б то понадобилось.

Сарабай возвратившимся сыновьям своим от поиска брата их приказывает для Жилкичи и Барлыбая сделать джиин, на который созваны были многие из его родственников. Наевшись довольно мяса и напившись кумысу, начали похваляться молодечеством и удалством своим. Каждый рассказывал происшествия, на звероловстве или барантах с ним случившиеся. Батыр Сарабай долго слушал их разговоры и, наконец, с гордостью усмехнувшись столь мелким происшествиям, начал хвалиться и показывать кожу убитого им некогда юлбарса, приплетя к тому длинную повесть о его свирепости и силе, о своем проворстве и неустрашимости, а напоследок и о победе; об истинном же победителе Карабае и не упомянул; потом, возвыся голос, сказал: «Покажи нам, сын мой Барлыбай, кожу убитого тобою

араслана; мы померяем ее с юлбарсовою, и по величине их узнаем, кто из нас с тобою имел больше мужества и силы победить их». Барлыбай, покрасневшись, отвечал, что сия честь не ему, но Жилкичи принадлежит. — «Ты глупо и смешно рассуждаешь, — возразил Сарабай. — Не ты ли первый напал и начал бой со зверем, а потому и честь победы тебе принадлежит, Жилкичи только помог тебе несколько окончить оную». Барлыбай, зная упрямый и горячий нрав отца своего, не смел долее с ним спорить и принес львиную кожу. Ее сместили с юлбарсовою и нашли, что она была длиннее сей последней на целый локоть. Сарабаю досадно было, что убитый сыном его зверь был длиннее, почему и большую похвалу отдали Барлыбаю. Жилкичи с своей стороны не обижался тем, что Сарабай отчуждал его от победы араслана; он сам того не хотел, но весьма оскорблялся самохвальством его, ибо ему известно было, что юлбарс был убит отцом его Карабаем. Но при сем случае замолчал и не хотел обнаружить хвастовства своего хозяина.

На другой день Барлыбай выпросил у отца своего позволение избавителя своего наградить скотом и одеждой, так как он ему обещал. Сарабай, на сие согласясь, и жить ему в семье своей позволил, полагая, что такой смелый молодец может быть хорошим товарищем в барантах и защитником его кочевья. Барлыбай благодарил отца своего за сие снисхождение и поспешал оное исполнить; но весьма удивился, что Жилкичи не хотел ничего от него принять, кроме обещанного резвого коня с седельным убором и азяма, вместо своего изорванного. Рассуждая о столь редком между киргизцев бескорыстии, Барлыбай почувствовал большую к другу своему любовь. «Скажи мне, друг мой, — спросил он потом, — каким случаем зашел ты в столь отдаленную от родины твоей сторону?» Жилкичи, всегда ожидавший сего вопроса, давно уже приготовил следующую сказку:

«Отец мой кочевал с небольшим числом родственников своих особо по реке Сакмар, впадающей в Яик. В один день утомленные возвратились мы со звероловства и спали очень крепко. Вдруг напали на нас в большом количестве кыр-казаки и все наши табуны и стада отогнали. Мы пустились за ними и, догнав, начали драку; но как их приходило до десяти на одного, то они всех наших перекололи, а меня и брата моего, раненых, с завязанными глазами, повезли с собой. Я не знаю,

что хотели они с нами сделать; но по десятидневном путешествии остановились они у одного аула, где праздновали свадьбу. Похитители наши тут все напились кумысу и заснули. В сие время я развязался, выбрал лучшего коня, взял саблю и пустился скакать и сам не знаю куда. Таким образом ехал я пятнадцать дней. Коня своего лишился я недалеко отсюда. Он пасся ночью на лугу. Вдруг выбежал из камыша свирепый юлбарс и, растерзав его, унес в камыши, так что я не мог найти и седла его. После того, идучи пешком, в третий день увидел я тебя, бьющегося с арасланом, и имел счастливый случай тебе помочь», — Барлыбай, выслушав сие, бросился его обнимать, обещаясь быть вечным ему другом.

Жилкичи, столь удачно втершись в семью Сарабаеву, часто видал Баяну и с ней разговаривал; а иногда удавалось ему ей прислуживать. Когда она с женами братьев своих ходила доить кобыл, то он помогал ей оных ловить, а Баяна исподтишка нередко на него поглядывала. Высокий его рост и мужественный вид весьма ей нравились. Все шло хорошо, но боязливый Жилкичи не смел сказать Баяне о своем намерении, дабы не получить отказа. Он не знал еще, склонность или отвращение имела она к жениху своему Ай-кару. И потому старался узнать от друга своего Барлыбая, который, будучи любим ею, совершенно знал расположение сердца ее и сказал ему, что она Султана Ай-кару ненавидит, потому что он мал ростом, хром и горбат, да и нрава очень злого, но только что богат и ханский сын. «Отец мой, — прибавил он, — прельстятся сим, желая войти к хану в родство, принуждают Баяну за него выйти, и мы ежедневно ждем его приезда для совершения свадьбы; мне очень жаль сестру...» Сказав сие, Барлыбай улыбнулся. — «Что это значит?» — спросил Жилкичи. — Барлыбай, подумав несколько, сказал: «Друг мой! В семействе нашем есть тайна, которую всем нам от отца приказано хранить. Тебе, может быть, до нсе никакой нужды нет, но между друзьями ничего не должно скрываться. Сестра моя Баяна с младенчества просватана была за сына башкирского батыра Карабая, бывшего другом отцу моему. С возрастом сестры моей возростала красота ее и прославилась по всем нашим ордам. Многие батыры лучших родов приезжали ее сватать и богатый предлагали калым. От сего отец, возгордясь, всем отказывал, в том числе и сыну Карабаеву, который от отца своего остался мла-

долетним сиротою. А чтоб не иметь больше доуки от батырей и сына Карабаева, просватал за Султана Ай-кару и условился с отцом его, чтоб перекочевать сюда, в его орду. С тех пор Баяна Ай-кару возненавидела. Ей очень хотелось выйти за сына Карабаева, которого хотя она и не видывала, ибо он в кочевье нашем никогда не бывал, но много похвал слыхала о его молодечестве и проворстве. Сему-то, мой друг, я рассмеялся, что сестре моей и теперь хочется выйти за молодца, а не за уroda.

Жилкичи, оставя Барлыбая, радовался, что узнал расположение сердца Баяны в пользу сына Карабаева, но не знал, когда и как ей о том дать знать, ибо одну ее не мог он видеть. Долго ломал себе голову и напоследок выдумал способ. Кибитка друга его Барлыбая, с которым он жил, недалеко стояла от той, где была Баяна. Он оставался всегда тут один, когда все женщины расходились доить кобыл или заквашивать кумыс, что Баяна делывала редко, а всегда, сидя в кибитке, что-нибудь вышивала. Сей-то случай Жилкичи употребил в свою пользу. Он выдумал иносказательную песню, где поместил все свое странствование, обстоятельства и намерение свое, не упоминая ничьих имен. Он имел приятный голос и пел сию песню всегда, когда, оставаясь один, знал, что и Баяна оставалась так же одна в своей кибитке.

Я сказал уже прежде, что Баяна украдкой на иштяка любила посматривать, а слушать песню его уже не могла и отказать себе. Надобно только, чтоб девушка полюбила; а то уже сама, как ястреб, на руку летать будет. Привязчивость их подобна резвому коню, который чем далее скачет, тем больше прибавляет силы. Так и Баяне день ото дня Жилкичи казался молодеватее; приятный его голос и замысловатый склад песни приближал его к сердцу ее. Она, слушая песню, каждое слово в ней замечала и в памяти своей затверживала и нетерпеливо желала знать, к кому она относилась. Она в ней много находила сходства с своими и первого своего жениха обстоятельствами; но не могла принять его за сына Карабаева, полагая, что в столь отдаленное место один он не мог приехать, а того не знала: куда повлечет сердце, туда и поедешь.

Таким образом, Жилкичи пел свою песню дня по три сряду и довольно приметил, что Баяна внимательно слушала да и сама уже оную пела.

Вскоре по сем приехали трое ильчей от хана к Сарабаю с уведомлением, что он уже выехал из кочевья своего с женихом и со всеми своими родственниками для совершения свадьбы и, остановясь на половине пути, зовет его с сыновьями и со всеми родственниками на приготовленный джиин. Сарабай, ожидавший сего, давно уже к тому приготовился. На другой день созвал своих родственников, а на третий выехал с ними на пир ханский, оставя в кочевье своем женщин, троих пастухов и Жилкичи, который в сие время притворился нездоровым.

По отъезде Сарабаевом в тот же еще день, как женщины разошлись доить кобыл и нетерпеливая Баяна пошла в кибитку брата своего Барлыбая, как бы имея большую надобность до невестки своей, которой тут и не было, догадливый Жилкичи лишь дал ей войти в кибитку, то и начал говорить: «Прекрасная Баяна! Благодарю тебя, что меня навестила; когда буду здоров, не допущу тебя саму ловить кобыл, а всегда сам стану приводить их тебе к коновязи». — «Жаль мне тебя, Жилкичи, что ты занемог; уже не слышать больше и песни твоей». — «Какова она тебе кажется?» — «Хороша, да в ней конца нет; ты поешь, что батыр, оставя свою родину, заехал в дальнюю сторону уговаривать девицу убежать от отца и матери, и тем оканчиваешь». — «Да согласна ли девица с ним бежать?» — «Я этого не знаю». — «А если бы на месте этой девицы была ты и любила батыра, согласилась ли бы ты с ним уйти?» — «Нет! Я бы тем рассердила отца своего, и он бы во всю жизнь меня любить не стал». — «А если б и батыр любить не стал?» — «Это и еще хуже; и не знаю, что бы тогда сделала». — «А я знаю, что тебе делать». — «Что же?» — «Со мною бежать без всякого опасения, ибо я тот Куз-Курпяч, Карабаев сын, которому ты в младенчестве обещана в невесту; ты его любишь, и он тебя равномерно». — «Да правда ли это?» — «Вот твоего рукоделия подарки, присланные ко мне от тебя с отцом моим Карабаем». Потом батыр рассказал ей справедливое свое похождение и все происшествие в пещере Мяскяевой случившееся, коим до того растрогал Баяну, что она от радости заплакала и, поцеловав батыра, поклялась любить его вечно. Но прежде хотела, чтоб он ехал к отцу ее Сарабаю, сказался собственным своим именем и с помощью Барлыбая просил об исполнении слова, отцу его данного; на предлагаемый же им побег никак согласиться не хотела, опасаясь тем

прогневить отца своего. Карабаев сын долго старался ее уговаривать, но без успеха, и наконец сказал: «Хорошо, Баяна! Я исполню волю твою, но наперед скажу тебе, что Сарабай мне в этом откажет, вышлет меня из кочевья своего, и ты меня больше не увидишь». — «О! Нет, милый мой Куз-Курпяч! Не говори этого: всего тяжелее с тобой мне расстаться, — вскричала Баяна, обняв батыра. — Посмотри, как во мне забилося сердце от одного этого слова!» — «Другого нет способа, кроме побега, — отвечал догадливый любовник. — Я уеду и с тобой расстанусь; мы не увидимся во всю жизнь; ты будешь женою уродливого и злонравного Султана Айкары, а я стану искать себе другую невесту». — «Нет, нет! Ни слова больше об этом! — вскричала Баяна. — Смотри: я вся дрожу и едва дух перевожу от страха. Слушай! Если отец мой откажет тебе в требовании твоём и вышлет тебя вон из кочевья, тогда поезжай прямо на то место, где ты убил свирелого араслана, и там, засев в камышах, дожидайся меня. Известен, может быть, тебе обычай наш, что родственники оговоренных, разделясь один от других на два или на три сайдачных выстрела, в полном вооружении высылают жениха с невестою единоборствовать на конях. Жених во всю конскую прыть скачет за невестой, дабы на скаку обнять ее и тем приобрести неоспоримое на нее право; невеста же с своей стороны старается от него ускокать и сильно отмахивается плетью, дабы до того не допустить. Я надеюсь с уродливым Султаном легко управиться и буду иметь в тот день полную свободу гулять на коне вооруженная. В сем-то наряде, дорогой мой батыр, я к тебе приеду и буду твоя вечно; ничто нас разлучить не может. А если и будет за нами погоня, то, я надеюсь, что ты меня не отдашь даром». Карабаев сын весьма был доволен выдумкою Баяны и, обняв ее, крепко прижал к своему сердцу. Потом, сев на коня, сказал: «Прощай, дорогая Баяна, но прощай ненадолго!» — «Теперь прощай, — отвечала Баяна, — но я скоро с тобой увижусь и уже во всю жизнь с тобою не расстанусь». Молодой батыр ехал и часто оглядывался; Баяна глядела на него и не сходила с места, пока он уехал из виду.

Между тем продолжался ханский джиин, на котором не было пощады ни кумысу, ни мясу. Все гости и хозяева сидели в одном большом кругу, кроме хана и Сарабая, коим особо подавали лучшие части мяса. В сие время приезжает к ним Жилкичи. Первый при-

ветствовал его друг его Барлыбай, который встал из круга, подвел его к хану и Сарабаю на поклон. Хан спросил Сарабая о его роде и жизни, который отвечал ему, что это бедный иштяк, спасшийся из плена киргизских наездников, но оказал сыну его услугу на звероловстве; за сие он принял его к себе на житье. Хан, похваля добродушие Сарабая и дородство иштяка, продолжал есть и пить кумыс, а то же приказал делать и Жилкичи.

Когда все мяса были поедены и многие сабы с кумысом опорожнены, тогда хан приказал заводить борьбу. Тут много было батырей и наездников с обеих сторон. Многие показали в борьбе силу и ухватки. Но когда дошла очередь до Жилкичи, то ничто не равнялось с его молодечеством; всякого, кто с ним схватывался, не борол, а кидал, так что Сарабай и все зрители удивились его силе и проворству, и при каждом его поединке хвалить его не переставали. Но хан сим не был доволен, потому что Жилкичи, быв на стороне Сарабаевой, посрамлял в борьбе родню его. Он предложил Сарабаю, чтоб он из своей родни выставил против Жилкичи трех борцов, а победителю в награду ставил кармазинный кафтан в пятьдесят баранов и бархатную тубетейку, бобром опушенную, в двадцать баранов. Сарабай охотно на сие согласился; ибо имел у себя брата столь сильного, что во всей их орде никто не осмеливался с ним схватиться, и надеялся, что сей, поборов иштяка, окажет явно превосходство своего рода пред ханским. К нему прибавил он двоих сыновей своих, Буркутбая и Барлыбая, да не отказался бы и сам, по охоте своей к поединкам, вступить с иштяком в борьбу, если б тогдашнее время и обстоятельства не заставляли его показывать важный вид.

Поединщики выступили на средину круга и схватились. Широкоплечий киргизец, надеясь на силу свою, начал во все стороны таскать Жилкичи, как сердитый бык, на аркан пойманный. Сей давал ему волю; но, нашел минуту, когда киргизец исплошился, со всем проворством и силою поднял его выше головы своей и в полной красоте, обернув кругом шесть раз, показал его всем зрителям, как орла, плавающего по воздуху с распущенными крыльями и протянутыми ногами, и потом кинул на землю. Все зрители от удивления и радости вскочили на ноги и громко закричали похвалу победителю. Не меньше того и хан радовался, видя, что Сарабаевы батыры одинакую приемлют участь с

его родом и, одобряя Жилкичи, приказывает ему начать второй поединок с Буркутбаем, старшим сыном Сарабаевым. Жилкичи и сего без труда поборо. За сим в третьей схватке и Барлыбай захотел испытать силу друга своего. Но сей, любя его, не хотел взять над ним верху. И потому с большим искусством показывал зрителям обоестороннее равносилие, так что не только их, но и самого Барлыбая обманул неприметно. Иногда давал ему брать себя на бедро или приподнимать кверху, но вскоре, как бы от оплошности его, успевал становиться опять на твердую ногу и в свою очередь делать сильные приемы, но неповоротливые, и тем давал время ему оправиться. В таком споре провели они времени более, нежели во сколько три удалых батыра могут съесть сваренного с курдюком жирного барана и выпить на брата по турсуку кумысу. Хан и зрители, видя в обоих батырах равную силу, приказали им разойтись и присудили кармазинный азым отдать в награду иштяку, а тюбетейку, бобром опущенную, Барлыбаю.

Батыры на звероловстве, соперники в борьбе, друзья на пиру, окончив борьбу, обнялись и поцеловались. Все превозносили их похвалами. Хан, по почтению к батырству, сам надел на Жилкичи молодечеством приобретенный азым и потрепал его по плечу. Один только Сарабай не вставал с места и не говорил ни слова, а, искосив глаза, смотрел, как волк, которого добрый пастух гонит от стада, где он надеялся получить себе добычу. Сарабай не мог стерпеть, чтоб презренный, по его мнению, иштяк посрамил в борьбе Сарабаева брата и сына; но, видя хана и всех его и своих родственников, обнимающих его с уважением, принужден был скрыть свою досаду. Он подошел к сыну своему Барлыбаю, надел на него в награду полученную тюбетейку и, обняв, сказал: «Ты, мой сын, весь по мне; и ты будешь иметь старшинство над своими братьями».

По сем начались другие потехи по приказанию хана. Поставили мету для стреляния из луков. То была деревянная трубка, длиною в половину стрелы, которой отверстие, величиной с конский глаз, слабо закрывалось с одной стороны деревянным гвоздем. Стрельцы, став рядом против меты на сто шагов, начали в оную по очереди пускать свои стрелы, метя в середину трубки, дабы стрела, пролетев в отверстие, вышибла гвоздь. Но как уметить одним разом почиталось за невозможное, то и стрелы пролетали мимо. Жилкичи, стоя позади, смотрел на них молча, а дождавшись очереди своей,

вышел вперед, смахнул с правой руки ханский азым и, наложив на лук стрелу, пустил ее столь метко и сильно, что она, не пошевелив трубки, понесла с собою гвоздь еще шагов на сто. Столь редкое искусство привело всех в изумление. Все состязающиеся признали его таким стрелком, каких не бывало во всех ордах.

Хан, любя Жилкичи, хотел видеть еще удалство и проворство его на коне и велел поставить доску толщиной в четыре пальца, с тем, что кто на всем скаку стрелою пробьет ее насквозь, тот получит в награду серебром оправленную калту в пятнадцать баранов. Но сей подвиг кто, кроме Жилкичи, мог совершить? Все в доску стреляли, немногие могли попасть и редкие до половины пробивали. Но Жилкичи разгорячает коня, придает ему резвости ударами плети, поправляет на голове тюбетейку бобровую и, не торопясь, на тугой лук накладывает стрелу длинную и пробивает доску толстую. Стрела, пролетев насквозь, уходит по уши в землю. Жилкичи летит назад быстрее сокола, вынимает саблю острую, перерубает доску дубовую и берет калту богатую³³.

Рассказчик замолчал, ибо все слушатели произвели громкий смех, а потом спросили: «Что же подумали тогда кыр-казаки о нашем батыре?» — То же, что и вы, — отвечал он, — смеялись и не верили глазам своим. Одни мудрые курайчи, самовидцы дел батырских, на кураях своих правовещих довели до нас сию истину, изложили песню хвальную в честь и славу нашему батыру.

Сия песня и доныне известна во всех ордах под названием Жилкичи. Но оно еще не оканчивается. Хан хотел еще видеть ловкость и проворство стаскивать с коней и просил, чтоб он показал и сие удалство и тем окончил потехи. Батыр из почтения к хану готов был исполнить его волю, но со скромностью изъяснился, что не крепко сидит на коне и не надеется в сем заслужить его похвалу. Несмотря на сие, по данному приказанию вмиг все батыры изготовились, и отборная дружина, Сарабаем наученная, уговорила, чтобы вдруг ухватиться за иштяка и, вытащив из седла, тем посрамить его. Жилкичи, не ведав сего умысла, поскакал в свою очередь за другом своим Барлыбаем, с намерением доставить ему честь, дать себя высадить, но внезапно сговорившаяся дружина бросилась на него; все за него схватились и сильно потащили его вон из седла. Жилкичи, увидя хитрость их, осердился и, бро-

сив повод, схватил жилистыми своими руками за воротники по батыру, отделил их от седел, ударил резвого коня своего и полетел, как сокол, держащий в когтях пойманную утку. Так Жилкичи, сняв с седел двух батырей, нес их по воздуху, до земли не допуская, боясь сам, чтоб их не убить. Имея обе руки заняты, он не мог остановить быстрого коня своего, во весь опор скачущего, и уже с превеликим трудом с правой руки на левую переложил толстого батыра и освободив руку, остановил коня, а батырей поставил на ноги безвредных, но напуганных.

Сим кончились потехи башкирские, ханом заведенные. Когда сошли все с коней и, привязав к коновязям, собрались к ханской кибитке, тогда хан вынес богатый персидский кушак и, опоясав оным Жилкичи, при всех своих и Сарабаевых родственниках, сказал: «Батыр Жилкичи! Я не помню, кто бы за целую жизнь столько показал молодечества, сколько ты в один день. Мала тебе награда сия; все, что тебе надобно, проси от меня, и я исполню. Если ты хочешь жениться, то будь моим зятем и из пяти моих дочерей выбирай любую». Жилкичи отвечал, что он уже имеет невесту, сосватанную отцом его, и просит в том его ханской помощи. «Кто ж твой отец и сосватанная невеста?» — спросил хан. — «Отец мой — батыр Карабай, а невеста — Баяна, дочь батыра Сарабая, который отцу моему был друг и дал ему слово выдать дочь свою за меня». Вдруг вскочил Сарабай, как неистовый, и закричал диким голосом: «Как ты осмеливаешься, презренный иштяк и беглец, называться чужим именем, обманывать хана и тогда, как я дочь свою сговорил за Султана? Ты думаешь, бродяга, чтоб я, отказав ему, за тебя ее отдал?» — «Ты должен это сделать, — спокойно отвечивал Карабаев сын, — ибо, давши отцу моему дружеское слово, обязан его исполнить. А что я Карабаев сын, то доказывают твои подарки, отцу моему от тебя присланные. Вот, смотри их!» При сем Куз-Курпяч, вынув оные из пазухи, начал показывать. «Я вижу и знаю, — отрывисто сказал киргизец, — да хотя б ты и подлинно был сын Карабаев, которого я некогда знавал, что мне до того? Я отец и имею власть выдать свою дочь за кого хочу. Отец твой, знавшись со мною, многие получил милости, и этого довольно». — «И это несправедливо, — возразил Куз-Курпяч, — тому не нужны милости, кто все богатство имел в себе самом. Карабай никогда и никаких от тебя милостей не получал, да и не хотел оных, а сам

тебе оказал многие, двукратно спасая жизнь твою, — во-первых, от свирепого юлбарса, растерзать тебя готовившегося, а в другой раз от набега однородцев твоих, кои, отогнав весь твой скот, положили на месте жену и двоих сыновей твоих да не оставили бы и тебя живого, если бы отец мой не поспешил к тебе на помощь. Он наездников отогнал, скот твой возвратил, и тебя, всего изрубленного, вылечил, и не только не просил милости, но не хотел даже и благодарности твоей, кроме дружбы и исполнения твоего слова отдать за меня Баяну». — «Не раздражай меня больше, презренный иштяк, и сию минуту ступай вон не только из моего кочевья, но даже и из всей орды здешней и берегись попасться мне на глаза! Я тебя в куски изрублю». Сказав сие, киргизец сел на коня, поскакал в кочевье и велел сыновьям своим и всем родственникам за собою ехать, боясь, чтоб Карабаев сын не увез Баяну, а хана просил на другой же день к нему приехать и совершить свадьбу. Барлыбай хотел проститься с другом своим, но свирепый отец и сего не позволил, и тот только успел взглянуть на него и сказать: «Прости, мой друг и избавитель!» и, заплакав, поскакал за отцом своим.

По отъезде Сарабая хан всею силой старался уговаривать сына Карабаева остаться у него жить, обещая большие награждения и со временем примирить его с Сарабаем, но он, благодаря хана, отвечал, что ему нет нужды ни в дружбе, ни в ненависти Сарабаевой, когда он отказал ему в дочери своей. Остаться же у хана жить не может потому, что родина своя милей целого света: там осталась у него мать, много скота и друзей. Первую обязан он в старости успокоить и возвращением своим утешить, за другим, как хозяин, должен присмотреть, а с последними не может расстаться. Хан, выслушав столь справедливые причины, сказал: «Благополучна мать и счастливы друзья, с тобой живущие! Я не могу иметь детей, тебе подобных, но желал бы иметь таковых внуков. Прощай, мой добрый Куз-Курпач! Не забудь меня, от всей души тебя полюбившего!» При прощании хан подарил ему лучшего своего коня со всем убором и вооружением. Карабаев сын, поблагодарив хана и простясь со всеми его родственниками, поехал с двумя конями к месту, условленному Баяною.

Едучи путем своим, рассуждал он о добродушном и дружелюбном хане и о гордом и свирепом Сарабае, отчего бы столь великая противоположность могла

произойти, что от белой кости³⁴ первого родился уродливый и злонравный Ай-кара и, напротив, с простотою нрава и чистотою сердца произошла прекрасная Баяна от толико черной кости Сарабаевой. «О моя дорогая Баяна! — вскричал он. — Если бы ты была дочь добродетельного хана, ты была бы моею женою, и мы были бы счастливы! А теперь... Я не знаю, может быть, не допустят тебя до условленного места, где я ожидать тебя буду, и ты поневоле должна расстаться с твоим Куз-Курпячем и ехать с ненавидимым тобою Ай-карой. А может быть, ты сама не захочешь ехать со мною на мою сторону и, обещая мне то, меня обольщала. Но нет! Прости меня, Баяна, за это слово! Оно не от души, но от горести моею вылетело. Не может быть, чтоб иное язык твой говорил и иное чувствовало сердце. Это делают народы иностранные, изученные знанию всего подсолнечного. Так мне рассказывала Мяскай; но ни тебе, ни мне не дано сего в удел от Магомета. Итак, если пресекутся все способы мне с тобой увидеться, тогда я отважусь напуститься на весь аул Сарабаев и тут умру, или ты будешь моя». Так рассуждая, батыр приехал в условленное место уже на третий день к вечеру. Он стреножил коней своих и, привязав к приколу, пустил щипать траву, а сам, и пищи не вкусив, лег в камыш и уснул.

Между тем в кочевье Сарабаевом случилось совсем неожиданное и весьма несчастное происшествие. Уже кипели там котлы, над огнем повешенные; жирные мяса из них были вынуты, в большие чаши разложены и на разостланных коврах поставлены. Пар от них, по земле расстилающийся, валом шел в стретение едущего хана и запахом своим приглашал на пир Сарабаев. Гости ласково приняли вестника и торопились к хозяину. Вдруг из-за горы Ак-тау появились на резвых конях две большие артели наездников. Это были все женихи Баяны, обиженные гордым отказом Сарабаевым, которые, сговорясь, набрали большое число наездников и, разделясь на две артели, сильно напали на хана и Сарабая с намерением всех перерубить наголову. Хан, не ожидавший сего нападения, не успел приготовиться к обороне и едва с немногими из своих родственников на резвом коне ускакал в кочевье Сарабаево. Прочие же все, в том числе и Султан Ай-кара, были переколоты. Другая артель наездников, напавшая на Сарабая, нашла его с родственниками пеших, но с оружием в руках приготовившихся к отпору. Наездники их смяли, однако

и сами многие от них были побиты. Сарабай с отборною дружиной, став между двух кибиток, мужественно защищался, но превосходное число наездников начало его пересиливать.

Баяна, видя в опасности отца своего, братьев и всех родственников, отвязала резвого коня своего, приготовленного к единоборству с женихом ее, пустилась, как стрела, искать своего батыра, чтобы он подал помощь отцу ее. Прискакав, находит его, как уже сказано, спящего, и криком своим возбуждает. Обрадованный батыр вскочил и кинулся обнять ее; но Баяна, не допустив его до себя, с торопливостью говорит: «Остановись и слушай! Если ты меня любишь, садись на коня и спаси в опасности Сарабая; он твой враг, но мой отец». — «Дорогая Баяна! Когда ты моя, у меня нет врагов». — «Я твоя вечно!» — «И воля твоя исполнена!» С сим словом батыр вскочил на коня и полетел, как птица, так что и Баяна, скакав за ним, вскоре потеряла его из виду. Батыр, доскакав до кочевья Сарабаева, увидел множество побитых с обеих сторон батырей и наездников. Сарабая нашел на том же месте между двух кибиток с несколькими товарищами, всего израненного и едва саблею отбивающегося от нападающих наездников. Но сколь прискорбно ему было видеть добродушного хана наряду со всеми бьющегося, обесиленного и израненного. «Свирепые кыр-казаки! — с гордостью закричал он. — За что вы губите хана, доброго человека? Аксакала щадят и дикие звери». Со словом сим, направя копье свое на первых, осмелившихся на хана пускать стрелы, ударил, выбросил троих из седел и переломил копейное древко. Потом, схватя саблю свою, с таким проворством на обе стороны рубил ею, что примечающая Баяна после рассказывала:

Он чрез всю артель наездников
Проложил следы кровавые;
Перед ним летели головы,
За ним туловища падали,
Конь копытом их притаптывал.
От булатной сабли острья
По кольчугам и надглавиям
Искры, сыпались, струилися.

Наездники скоро почувствовали силу руки Куз-Курпячевой и, не могши устоять против ударов его, пустились в бег за гору Ак-тау. Батыр с жаром погнался за

ними. Тогда Баяна, трепещущая Баяна, скачет за ним, просит, приказывает ему, плачет и умоляет его воротиться назад и не отваживать жизнь свою, но без успеха. Тут в первый еще раз сила красоты уступает порыву батырскому. Куз-Курпяч, сделавшись свирепее льва, выскакивает на гору и видит, что еще до тридцати человек наездников, сгрудя все табуны и стада Сарабаевы, отгоняют в аулы свои. Тогда-то

Закипела кровь во батыре,
Загорелось сердце пылкое,
Ко Баяне сердце нежное,
Ко врагам ее свирепое;
По подгорью он заскакивал,
Выпереживал наездников
И встречал их с саблей острою.
Налетает горным кречетом,
Как на стаю лебединую,
Разбивает всех и нарочно
И, не дав им соединиться,
В одиночку управляется.
Не изменит рука сильная,
Без промашки сабля острая
Дает раны всем смертельные,
Летят головы наездничьи
Так, как в осень с дуба желуди.
Уж немного оставалось их,
Они бросили добычу всю,
Поскакали в свою сторону,
Запретя друзьям и недругам,
Сыновьям своим и внучатам
Баранты вперед не делати
На аулы Сарабаевы.

— Так воспевают курайчи нашего батыра,—прибавил рассказчик. Но сие пребыло бы неизвестным по скромности сына Карабаева, если бы тогда по следам его скачущая Баяна, оставя отца и братьев умирающих, не видала, стоя на горе, всего действия. Здесь-то насмотрелась она на своего сокола; то радовалась, то пугалась, смеялась и плакала попеременно; и не прежде успокоилось сердце ее, пока Куз-Курпяч разогнал всех наездников. Тогда она поскакала помогать израненным отцу и братьям своим и рассказала все происшедшее.

Между тем батыр, отбив все табуны и стада Сарабаевы, подогнал их обратно к кочевью его. Увидя хана,

лежащего без памяти и без помощи, сердце его облилось кровью и слезы покатались по щекам его. Мгновенно бросился с коня своего и, взяв чистой воды, опрыскивал его ею. Вскоре хан начал приходить в память, а батыр продолжал омыwać запекшуюся кровь около раны его и, ибо тогда не имел при себе и другого платка, кроме подаренного тайно Баяною. Но для любимого не жалеется любимое. Батыр подарком прекрасной Баяны перевязал рану добродушного хана, ибо хан и Баяна оба трогали его сердце, но только с разных сторон.

По некотором времени, когда хан совершенно опаматовался, то схватил руку у батыра и прижав ее к груди своей, сказал: «Обними меня, сын мой и избавитель! Всякая благодарность моя и награда была бы недостаточна для твоего мужества и добродушия. Один алла и великий пророк могут воздать тебе за оные. Предчувствовало сердце мое, ожидая от тебя столь великие услуги, и душа моя неразлучно желала быть с тобою. Я увидел тебя и полюбил, смотрел на мужество твое и удивлялся ему, слышал усердие твое к матери и друзьям твоим и завидовал им, а прощаясь с тобою, в душевной был горести. По сим чувствам суди, мой сын, о моей благодарности. Юное сердце сына Карабаева не могло не почувствовать сострадания к доброму хану-аксакалу, произносящему сие с сердечным чувством и слезами. Батыр не мог укрепиться и сам зарыдал. «Не беспокойся, отец мой, благодарить меня, — сказал он, — это есть более долг, нежели услуга, требующая благодарности. Я должен благодарить и усердно благодарю великого пророка за спасение твоей жизни и почитаю себя счастливым, что не иному, а мне было предопределено исполнить сие дело». Батыр обнимал его колени, а тот целовал его голову.

По сем хан захотел видеть Сарабая и просил Куз-Курпяча проводить себя к нему. Отец Баяны сидел между множеством убитых и раненых родственников и омывал водою раны свои. Увидев подошедшего батыра, сказал: «Мужественный батыр и великодушный избавитель! Я не достоин твоих благодеяний». — «Я это знаю, — отвечал батыр, — но ты отец Баяны». «Ты вместо мщения спас жизнь мою, детей моих, родственников и, не довольствуясь сим, возвратил мое имущество». — «Сарабай! Ты отцу моему некогда то же говорил». — «Я много перед ним виноват; чувствую свою неблагодарность, что не исполнил слова, другу моему

данного, но обычай наш, что иштяки у всех наших батырей в презрении, может оправдать меня; и я думал, что понесу укоризну, выдав за тебя дочь мою». — «Если ваш обычай, — возразил башкирский батыр, — сделал тебя лжецом неблагодарным и заставил презирать меня и ненавидеть, то наш обычай велит мне забыть злобу твою и презрение, и, видя тебя в опасности, избавить от оного». — «Избавитель мой! Благодетель мой! Чем тебя наградить за великодушие твое?» — «Оставь злобу, отдай Баяну и будь моим другом!» — «Баяна твоя, — вскричал киргизский батыр, — все табуны мои тебе; я твой друг и твой тесть, да будет сему свидетель великий пророк!» Потом батыры обнялись и возобновили дружбу. Буркутбай и Барлыбай, сыновья Сарабаевы, остались живы, но тяжело ранены; а когда они и родственники в здоровьи поправились, тогда Сарабай объявил им намерение свое выдать Баяну, дочь свою, за батыра и за избавителя их Куз-Курпяча. Все на волю его согласились и свадьбу совершили. Барлыбай, любя друга своего Куз-Курпяча и сестру свою Баяну, часто говаривал сей последней смеючись: «Спасибо тебе, сестрица, что ты батыра притянула сюда за ухо, а то бы, лежа в земле, не пировать нам и свадьбы твоей».

ПРИБАВЛЕНИЕ

Сим оканчивается рукописная башкирская повесть, курайчем собранная, по переводе которой отыскал я и начал уже переводить и вторую одной частью, в которой курайчи, окончив повесть о родоначальнике башкирского племени, начинает продолжать о его потомках. И если сия первая часть, мною переведенная и в свет изданная, читателями будет благосклонно принята, то и вторая вскоре за нею может явиться. Тот же, кому я приношу теперь немногий труд сей, есть помощь моя и воздание.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

МОИ ВЕЧЕРА. СКАЗКИ БАШКИРСКИЕ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА¹

Тебе! Почтеннейший мой Николай Николаевич, посвящаю я «Мои Вечера» как плоды одиночества моего. Конка глуп, а я [не] вития²; так чего доброго ожидать! Ты найдешь в них то, что уже слышал прежде в часы отдохновения твоего. Читая их, припамятуешь нравы и обычаи любимых моих Семиродцев, которых и ты любил; а они тебя и до сей поры любят и называют: «Ай джигит, Бахметев!»³

Или:

Не Кайлус⁴ повести восточные соплетает; не Шехразада⁵ здесь Султана усыпляет, но Конка с барином любя тебя душой, башкирские рассказы любимые тобой приносят в дар тебе, не ради красна слога, но благодать что твоя была всегда к ним многа. Башкирцы все тебя считают за джигита, и от Астендаминькимнин⁶ им была защита.

Я в шутках правду возвещу
Татарски[e] сказки не подспуду;
Державин.
Тебе, Бахметев, сообщу⁷.

[АЛДАР И ЗУХРА]

ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ⁸

В прежние времена⁹ отцы семейства были почитаемы от детей своих, а старики от юношей. А когда аксакалы (сиречь белобородые), сидя в собрании, рассказывали или что-нибудь советовали, то молодые, разиня рот, с прилежанием слушали и отнюдь не смели перебить их речи, считая себя перед ними невеждами, ибо тогда опытность многих лет занимала место наук. Если же и избирали себе иногда ханов, или наименовали кого Баш, т. е. голова, то было сие не для разбора их споров и тяжб, коих между ими по простоте житья и по нежеланию лишнего, а, может быть, и по невежеству, не было. Избран-

ный ими Баш, или Хан, никогда не употреблял во зло их выбор: никогда не считал себя начальником, а был защитником от нападения на стада их хищных зверей, или злобных пярив ¹⁰ и для того он должен был иметь все качества батыра. Заговорился я несколько о нравах и обычаях моих Семиродцев и слушателей заставил зевать. И так, послушайте моих рассказней.

Начин был, что горько бывает лишение чад, так и начну вам повесть одного почтенного из наших родов башкирца, именуемого Аллабирде. Он достиг за половину своего века, лишившись жены и трех сыновей, с помощью коих имел он много скота, а овдовевший впал в печаль и уныние. За скотом смотреть не мог, от чего оный стал уменьшаться и был добычею зверей. Хоты соседи и приятели старались его утешать, предлагая ему в жены дочерей своих, но он на то не соглашался и час от часу приходил в слабость и оскудение и кончил бы, конечно, в сих печалях жизнь, если бы с. пророк ¹¹ наш не поспешил к нему на помощь.

В одно утро, после обыкновенной молитвы, которую может быть он отправил с большим умилением, вздумалось ему сесть на коня, и ехать в степь, не располагая куда, а для того и дал коню своему волю. А он, не будучи понуждаем всадником, шел наклоня голову, а иногда щипал траву и не мог далеко увезти хозяина от кочевья его. Уже солнце показывало полдень, но старик не выходил из своей задумчивости, как голос ему незнакомый заставил его взглянуть. Он увидел перед собою с ног до головы вооруженного батыра; кольчуга на нем была так светла, как бы из чистого серебра сделанная, шишак был из чистой стали, на бедре висела кривая сабля, оправленная в серебро, лук натянутый и колчан со стрелами, а в правой руке длинное копье. Сидел он на прекрасном белом аргамеке, на коем убор и седло было серебрянное с бирюзами ¹². Отдавши салам старику, сказал ему: «Куда едешь, печальный Аллабирде?» Старик, приведенный в изумление, что незнакомый батыр называет его именем, отвечая ему на салам, сказал: «Почему известно тебе мое имя?»

— Я тебя знаю, — отвечал вооруженный батыр, — и знаю причину твоей печали. Смотри на меня и примечай все мое оружие, ты его когда-нибудь увидишь; теперь возвратись в ближнее кочевье, там ожидают тебя твои однородцы, они дадут тебе совет, последуй ему, на сие есть воля отца мусульманов. Выговоря сие слова, батыр поворотил коня и как пущенная стрела удалился. Старик

в сугубое пришел удивление от последних слов незнакомого. Не мог он почестъ сие призраком, ибо видел, говорил, слышал и рассматривал, а последние слова, возвещавшие ему волю Магомета, и паче его уверили, что сие было благоволение небес. И для того слезши с коня, принес он благодарную молитву и поехал в показанное кочевье. Приближаясь к оному, увидел собрание народа: по мере его приближения догадывался он, что должно быть какому-нибудь празднеству. Народ, увидя его, закричал во многие голоса; вот и Баш едет (я забыл вам сказать, мои слушатели, что Аллабирде был выбран головою от нескольких аулов), бегут к нему навстречу, берут лошадь за повод, приводят к разостланным коврам, снимают с коня и сажают на двух подушках. Старик, посидев несколько и помолчав, спросил их: «Какая причина празднеству сему? Я вижу, — говорит он, — наполненные с изобилием котлы мясом и турсуки со здоровым питьем нашим. Молодые люди приготавливаются к борьбе и скачке, и на всех лицах вижу радость. Поведайте мне, друзья мои, хотя мне радости никакой нет, но в вашей приму участие». Старшие из аула, севши по обеим сторонам Баша, велели одному сесть напротив его, который и начал к нему речь следующую.

ВЕЧЕР ВТОРОЙ

«Добрый наш родственник и Баш, со времени вдовства твоего и бездетства, видели и видим тебя всегда горююща. Ты удаляешься наших бесед, а на праздники наши тебя и заманить нельзя. Звероловство ты оставил и с нами на сунар не ездешь; лук твой не натянут, не воет тетива от руки твоей, стрелы твои в колчане не шумят, а копья позаржавели; добрый конь твой забыл рыскать по чисту полю; а резвый пес Муйнак забыл своего хозяина; кобыл твоих доить некому, а сам ты всегда горестью терзаешься и желаешь, чтобы смерть поспешила к тебе, дабы ею прекратить горести твои, а нас, твоих друзей, оставляешь беззаступными. Мы все вообще просим тебя ради любви твоей к нам умерить печаль твою и избрать из дочерей наших жену себе. Тебе известно, что кочевья наши могут похвалиться прекрасными женами и досужство их тебе известно, а притом не уступают они лучшим наездникам в езде на конях и стрельнии из луков. Неужели ни одна из них тебе не понравится?»

— Благодарен вам, друзья мои и родственники, — отвечал печальный Аллабирде, — уже не первый раз

даете вы мне сей благой совет, и я понимаю всю пользу оно́го. Но преклонные мои лета и удрученное болезнями здоровье не велят думать мне о младых дочерях ваших, толико красных как полный месяц.

«Когда так, — сказал один из сидевших подле его старейшин, — то я знаю для тебя невесту, от коей хотя у тебя детей не будет, ибо вдова лет пожилых, но честная, благодетельная, трудолюбивая и знающая хозяйство. Она особо кочует от аулов наших, между гор Ирентицких. Скота у нее много и за добродетельную жизнь ее никакой дикий зверь не касается стадам Зухры (так ее имя) ¹³. При сем слове все собрание как будто бы вдохновенно свыше закричало в один голос: «Ты правду говоришь, аксакал. Многие из нас честную вдову знают, а прочие наслышались. Она будет достойная жена нашему Башу».

Старики, приступя к нему, усугубили просьбу свою, дабы он согласился на ней жениться.

Аллабирде, как бы оглушенный криком и просьбами стариков и народа, не знал, что им отвечать, но вспомня сказанное ему незнакомым батыром, почел сие за исполнение предвещания. С трудом, однако же, согласился дать слово жениться на Зухре, а между тем аксакалы и народ, видя его согласие, и радуясь тому, начинали степные свои игры. Сделался великий круг, в коем сидели старики и среднолетние, а молодые начали борьбу; отличившимся раздавали дары. Потом начинали стрелять из луков, и кончили стаскиванием друг друга с лошадей. Время уже наступало, чтобы зрители и состязающиеся в борьбе, стрелянии и скачке успокоились. Первые, если можно сказать, от гляденья, а другие от напряжения сил своих. Снеди уже раскладены были по чашкам; а кымыз подносили старикам молодые люди. Башу поднесена была для почести опаленая баранья голова и часть жаренной грудинки ¹⁴. За сим следовало мелкое крошеное мясо, кои они, за неупотреблением ими ложек, ели пятью пальцами. От чего пища сия и имя свое имеет ... [бишбармак]. Наступившая ночь развела их на покой по кибиткам. Баша взял к себе в кибитку старик Елкибай, тот самый, который рассказывал ему о доброй вдове, был он в кошу своем из почтенных людей; семьянин и заживен скотом. Дети его кинулись прислуживать Аллабирде, подстилая ему ковры и подушки, а он с отцом их отправлял на сон молитвы. Помолившись, легли они на постели, а хозяин не оставлял Башу напевать в уши

о достоинствах вдовы и довел его до того, что он согласился наутро с ним к ней ехать.

ВЕЧЕР ТРЕТИЙ

Ржание кобылиц и жеребцов разбудило хозяина и гостя. Первый встал и велел приготовить воды на омовение, а потом и Баш встал. По омовении и молитве начал ему говорить Елкибай:

— Путь, в который мы с тобой пускаемся, не близок, надобно иметь добрых коней. Сей, на котором ты приехал, не способен вынести труда, я тебе дам лучшего коня из своих, а ты можешь своего пустить домой¹⁵.

Сказав сие, велел детям своим поймать двух лучших коней и оседлать их, а сами, вооружась луками, стрелами и, взяв с собою несколько припасу и призвав Магомета в помощь, пустились. Елкибай посматривал на своего товарища, и видя его задумчивость, хотел рассеять оную, а может быть и рассказать о будущей его невесте, чего он еще не слышал.

— Я тебе рассказывал, друг мой Аллабирде, о добрых качествах и хозяйстве будущей твоей невесты, а теперь еще скажу и о чудном житье ее. Живет она одна, среди великих гор Ирентицких, никем не вспомоществуема. Стада ее никто не пасет, никто не загоняет для доения кобылиц, а сами приходят в свое время к кибитке, а потом расходятся, и не бывают не только поедаемы ниже тревожимы от диких зверей, коими горы Ирентицкие наполнены. Редкие из батыров наших доезжали до ее жилища. Мне случилось несколько лет тому назад заехать к ней нечаянно (тогда еще минул только год, как она овдовела), я прожил у нее два дня и видел ее отправляющую пять раз в день молитвы. Мало говорит¹⁶, а если что начинает, то оканчивает скоро и разумно. Я говорил ей, что не могу надивиться ее одиночеству и советовал ей, чтобы для безопасности своей прикочевала к какому-нибудь аулу, но она отвечала мне, что ничего и никого не боится, и если случится от кого какое на нее нападение, то она себя и стада защитить может. И никакая посторонняя помощь ей не нужна. Проговоря сие, она замолчала, а я уже более изведывать у нее не смел.

Таким образом рассказывал Елкибай своему Башу, а сей не мог надивиться, слушая о будущей своей невесте, которую уже считал своею более по предвещанию, нежели по своему желанию. Иногда отвечал, иногда делал вопросы своему товарищу, кои кончались всегда.

удивлением и неизвестностью, что с ними будет. Уже день клонился к вечеру, а они проезжали лес, вдруг видят оленя необычайной величины к ним бегущего. Аллабирде вспоминает прежнее свое в стрельбном искусстве. С поспешностью вынимает стрелу, накладывает на лук и попадает в зверя между ребр по самые перья. Олень, почувствовав удар, делает скачок, падает на колени, а Елкибай другою стрелою поражает зверя в шею, потом, слезши с коней, с молитвою режут ему горло и начинают снимать кожу, и как они были в своей работе, то услышали крик, а взглянув, увидели в воздухе парящую птицу необычайной величины, перьями белую, а видом похожую на орла. Елкибай, посмотрев на нее, сказал своему товарищу:

— Послушай, Баш, это конечно, Давлетли-Куш¹⁷, и она требует от нас пищи; отдадим ей сего оленя, а мы сей вечер будем не голодны.

Аллабирде на сие согласился, и, оставя оленя, сели они оба на коней, и, отъехав недалеко, смотрели, что будет делать птица. Елкибай не солгал, ибо только что они удалились, то птица опустилась и стала пожирать оставленную ей снесь. А Баш, качая головою, удивлялся и сказал своему товарищу:

— Все правда, что ты ни говоришь, мой друг; увидим, что будет далее?

— А далее будут еще большие препятствия, кои с помощью великого пророка нашего мы преодолеем, и кончится свадьбою твоею на Зухре.

Потом, понудя коней своих, поехали вперед. Увидя пред собою большое озеро, на берегах коего расположились ночевать и успели настрелять себе несколько уток, коих изжаря, сделали для себя вкусный ужин, и спали спокойно до самого рассвета.

ВЕЧЕР ЧЕТВЕРТЫЙ

Шум и крик разных водяных птиц разбудил двоих друзей. Встают они, идут к своим коням, пасущимся близ их, седлают и пускаются в путь. Продолжают оный без всякого приключения до полудня. Солнечный зной понуждает их искать отдохновения под тенью деревес, и лишь только хотели своротить в сторону, как встречается с ними человек лет немолодых. Лицо имел постное, бранду седую, росту большого, в длинной зеленой одежде, на голове была чалма с белым повивалом, опоясан широким поясом, на коем изображены были слова им неиз-

вестные. В правой руке имел он длинную трость. Путешественники, увидя его, остановились, а он, подойдя к ним, приветствовал их саямом; они ему тем же отвечая, замолчали, ожидая, что он им скажет.

— Куда вы едете, добрые мусульмане? — спросил он, — И как заехали в сии места, из коих и сильные батыры с трудом выезжают; ибо места сии, кроме диких зверей, обитаемы еще и злыми пиярами. Надобно, чтобы вы покровительствуемы были небом и святым нашим пророком, дабы проехать сии места. Я рад, что вы со мною встретились и могу вам подать благой совет; последуйте за мной в мою хижину, которая отсюда недалеко. Там вы можете отдохнуть от жары, так же и кони ваши.

Выговаря сие, пошел он вперед, и хотя шел обыкновенным шагом, но всадники ехали за ним в большую рысь, не говоря друг с другом ни слова, влеклись за ним как бы были на аркане им ведомы, или как бы невидимая какая сила их за ним тянула. Проехав довольное расстояние лесом, вывел он их на тропинку, которая вела в ущелье каменной горы. Подъехав ближе, увидели они в горе пещеру; не доезжая до оной, незнакомый их остановил, показав им в правой руке сквозь густоту деревьев небольшой луг, на коем была трава весьма мягкая и испещренная цветами.

— Расседлайте и пустите своих коней на сей луг, — сказал пустынный, — и при них положите ваши седла и оружие, приходите к пещере и дожидайтесь меня у входа.

Путешественники повиновались; въехав на луг, нашли они траву и цветы столь благовонны, что никогда таких не видали и не обоняли. Аллабирде первый расседлал коня и, пустя его на пажить, сказал:

— Что за удивительные дела с нами делаются? И я вижу явное покровительство над нами отца мусульман.

Елкибай так же расседлал и своего коня, отвечал ему:

— Без сомнения, он нам покровительствует, а без него не встретился бы с нами сей благочестивый муж. Пойдем к нему, я надеюсь, что он нас ожидает!

И действительно, он их ожидал у входа пещеры, пред коей постлан был ковер отменной работы, а вход пещеры завален превеликим камнем. В правой стороне горы, от входа сажени на две протекал источник, а с левой стояло превеликое тополевое дерево, и густыми своими ветвями заслоняло вход от солнечных лучей. Пустынный, увидя их, сказал им: «Разуйте сапоги ваши и омойте ноги в сем источнике и вступите на сей ковер».

Они повиновались; и когда вступили на ковер, увидели его, читающего Дагуат¹⁸ невразумительными им словами, и при последних словах камень от входа пещеры отвалился, а хозяин ввел гостей во внутрь оной. Они шли при слабом свете, который светил во вход пещеры; потом поворота влево отворилась дверь, и они увидели себя в светлом месте. Это была также пещера, иссеченная в горе, а свет происходил от четырех камней, вставленных в каждую стену. Пол был устлан коврами, и к одной стене было небольшое возвышение, на коем лежали подушки.

— Садитесь, добрые мои гости, — сказал им пустынный, — и отдохните, пока я принесу вам, чем утолить ваш голод.

Он вышел вон и возвратился с небольшою чашкою крошеного мяса. Два друга, увидя так малую пищу, взглянув друг на друга помыслили, что сего и одному есть мало. Хозяин, как бы провидя их мысль, сказал им:

— Не сомневайтесь, добрые мусульмане, чтоб сей чаши вам было мало; если вы будете и целый день есть, то сего не съедите.

Да и подлинно было так; двое друзей ели с жадностью, пищу находили отменно вкусною, а из чашки не убывало. Удивление их было чрезмерно, и они просили хозяина, чтоб простил их маловерие. Потом он принес им чашку белого пойла. Они подумали, что сие кымыз, но он им сказал, что это вода из одного источника, ему только одному известного, и которым угощает только тех правоверных, кои живут благочестиво и ходят путем истины. Потом спросил их, сыты ли они? На что отвечали, что не только сыты, но и пресыщены и чувствуют в себе силу юных лет. — Когда так, — сказал им пустынный, — то и пора мне подать вам совет. Я знаю, — сказал он им, — кто вы таковы, куда и за чем едете. Ты, добрый Баш Аллабирде, хочешь жениться на Зухре, а ты, Елкибай, едешь с ним сватом. Намерение ваше благословляет наш пророк; и он, являсь мне, послал к вам навстречу, велел вас угостить сею пищею и подать вам следующий совет:

ВЕЧЕР ПЯТЫЙ

— Путь вам предлежит, хотя не весьма дальний, но опасный; всякий день вы должны будете терпеть нападение от хищных птиц, на вас летающих и желающих схватить вас своими острыми ногтями; или от хищных зверей, как-то юлбарсов, медведей и волков, кои будут

бросаться на вас, дабы растерзать вас и коней ваших. Все сие ни что иное есть, как чары двух братьев пярив. Один живет по сю сторону кочевья Зухры, а другой по ту сторону гор Ирентицких. Они оба ищут, чтобы ее взять за себя, но она, быв правоверною, на прелести их не соглашается и очарование их разгоняет пятью молитвами, отправляемыми на всяк день неленостно. К мужеству вашему присоедините и вы молитвы, мусульманам предписанные, а сим и истребить все препятствия, вам встречающиеся.

Потом сказал он им:

— Принесите ко мне ваши сабли и стрелы.

Батыры повиновались и принесли. Тогда, выслав он их из светлой пещеры, сказал: «Не входите ко мне, пока я вас не позову». И, затворив дверь, остался в пещере один. Недолго ждали два друга, как пустынный их к себе позвал и, показав им оружие, спросил: «Видите ли вы какую перемену в стрелах и саблях ваших?»

— Видим, — сказали они, — копыя у стрел наших блестят как золото, а так же и сабли наши сделались остры как бритвы.

— Это еще не одно достоинство в оружии вашем, но всякая стрела, пущенная вами из лука, не пролетит мимо, и поражение ее будет смертельно не только животным, но и самим пяривам. Но дабы и вас сделать невредимыми от ран, даю вам по платью и по шапке. Все удары, вам наносимые, будут недействительны и нечувствительны. Потом вынул он из-под подушки два кармазинных кафтана и две черных лисиц шапки.

— Нарядитесь в них, — примолвил он, — подите седлать ващих коней, и оседлав, возложите на себя оружие, приезжайте ко входу пещеры и дождитесь меня.

Два друга, нарядясь по повелению пустынного в кафтаны и шапки, опоясали свое оружие и, севши на коней, подъехали к пещере. И только лишь остановились, как увидели выходящего из пещеры хозяина, держащего в обеих руках по чашке белого пойла. Он, подав из них каждому по чашке, велел пить сколько можно больше. Батыры силились, пили и не могли опорожнить чашек, подавали ему назад.

— Что вы не допили? — спросил он их.

— Не можем, — отвечали они.

— Так поднесите же коням вашим, пусть они допьют, и им сила надобна.

Кони пили с великою охотою и опорожнили чашки.

— Теперь поезжайте, — сказал им пустынный, — да будет над вами благословение отца мусульман.

Батыры поблагодарили Авлию¹⁹. И исполнены надеждой сколько на защиту Магомета, столько и на очарованное свое платье и оружие, удалились от пещеры. Они ехали несколько дней сряду без всякого препятствия. Стреляли птиц и приготавливали себе брашно. Уже вдали показывались горы Ирентицкие, а они из предсказанных препятствий ничего не видали, и начинали уже сомневаться в словах Авлии, как вдруг в небе показалось черное облако. Батыры заметили, что оно идет прямо на них. Тут, рассматривая, увидели они, что сие было не облако, а птицы. И уже услышали их крик, тогда вспомнили они сказанное пустынным и, выхватя из наилучшей луки, а из колчанов стрелы и только что успели приготовиться к обороне, как начали сверху опускаться на них птицы, подобно как беркут ловит лисицу или зайца. Но смелые, а паче обнадеженные батыры начали в них пускать свои стрелы. Ни одна из них мимо не летела, а всякая убивала птицу и с нею падала вниз. А хотя и случалось иногда птицам касаться батыров, то ногти их притуплялись об очарованную одежду и они, оставя батыров, нападали на их коней. А сии, не быв очарованы, чувствовали боль и начинали под батырами биться, что и принудило их приняться за сабли; и, сидя на конях, защищать зад и голову конскую. Сия удивительная битва продолжалась даже за полдень. И, может быть, была бы не выгодна батырам, если бы не поспела к ним на помощь белая птица, которая, появсь в воздухе, начала побивать черных, а сие, устрашась, все разлетелось. Белая же птица летала около батыров, как бы сорадовалась их победе. Батыры слезли с коней своих и хотели собирать стрелы, но в какое пришли удивление, когда увидели, что стрелы их опять в колчанах, ибо прежде им не до того было, чтобы оглянуться на колчаны. Из сего они видели покровительство небес, и для того, оставя коней своих, принесли благодарное моление и, отдохнув несколько от трудов, поехали далее. Птица же, не оставляя их, летела над ними. Они, желая возблагодарить ей, посматривали в сторону, нет ли какого зверя убить ей на пищу. И, проехав некоторое расстояние, увидели бегущего лося. Они понудили коней своих за ним. Елкибаю посчастливилось заскакать вперед и так удачно выстрелить, что стрела попала в самое горло. Зверь упал; а они, прирезав его и сняв до половины кожу, отъехали прочь, крича птице, что они отдают его ей в снесь. Птица, как

бы разумея их слова, опустилась на лося и стала есть. А они слезли с коней и при ручье, в том месте случившемся, остановились ночевать.

ВЕЧЕР ШЕСТОЙ

На другой день пути встречены они были около полудня великим множеством волков. Но как путешественники наши были привычны к сего рода охоте, то и не трудно им было многих перебить, а остальных прогнать. Потом, проехав некоторое расстояние, услышали они страшный рев медведей. И, подъезжая ближе, увидели их на себя идущих, и с превеликою яростью бросающихся на них. Батыры, не робея, метали в них стрелы, и всякая стрела поражала медведя, но число их не уმაлялось. Они начинали окружать батыров, но птица, сопутствующая им всегда, не оставила их без помощи. Она опускалась с быстротою на каждого зверя и свистом крыл своих так их устрашала и ногтями наносила им раны, что сии дикие звери принуждены оставить батыров и бежать в лес. Не успели они избавиться от медведей, как увидели бегущих к ним двух юлбарсов. Сии были опаснее, нежели волки и медведи, хотя число их было и менее. Если бы два друга не были покровительствуемы свыше, то, конечно, погибли бы от лютости их. Аллабирде первый мечет стрелу и попадает в зверя на него бегущего в заднее лядвее. Юлбарс, не почувствовав раны, кидается на шею коня, а проворный Баш ударяет его саблею поперечь спины и разрубает ее до половины. Елкибай был более в опасности, ибо на него бросившийся юлбарс не дал ему времени пустить в себя стрелу, схватил его поперечь и стащил с коня, и неминуемо растерзал бы его своими ногтями и зубами, но очарованная одежда до сего не допустила, и он только мял его в своих лапах. Между тем Баш, избавившись от своего, бросился к нему с саблею на помощь, и с двух ударов поверг зверя мертво. Елкибай, издавленный лапами юлбарса, насилу поднялся на ноги, а друг его радовался, что его избавил.

— Отдохни, — сказал он Елкибаю, — а я между тем сниму кожи, они будут служить попонами нашим коням, а мясо отдадим птице.

— Обе кожи тебе принадлежат, — отвечал друг Аллабирде, — ты обоих убил зверей, и меня избавил от растерзания.

— К чему такая похвала; неужели ты думаешь льстить своему другу! Если бы мне случилось быть в та-

кой же опасности, то, конечно ж, и ты меня избавил, не щадя живота своего.

После того начал он снимать со зверей кожи, и лишь с первого снял, то птица кинулась на мясо и с жадностью пожирала. Кожи Аллабирде разостлал по земле, дабы высохли, и, расседлав коней, пустил пастись. Друг его между тем отдыхал; да и сам он лег подле него, положив седла в головы. Елкибай, отдохнувши, сказал своему другу:

— По предсказанию пустынного, остается нам еще подвиг с тобою, мой друг, совершить и самый трудный. Пяри отсюда живет недалеко; заутро около полудня мы близ кочевья его будем. Да поможет нам великий наш пророк; не забудь иметь в памяти иман, когда мы с ним будем сражаться.

— Быть так, — отвечал ему Баш, — когда начали дело, то не надобно ослабевать. Только сомневаюсь я, тем ли мы путем идем к кочевью Зухры?

— Без сомнения тем, — возразил ему Елкибай, — ибо птица летит перед нами, как бы показывая дорогу, и она, как видно, приставлена к нам от пустынного.

Таким образом, разговаривая, наши друзья уснули крепко, а поутру встали бодрее прежнего и пустились в путь, птица летела перед ними. С начала дня время было тихое, а около полудня настала сильная буря с дождем и громом, что и понудило батыров наших закрыть стрелы, дабы не помокли. Молния беспрестанно сверкала и громовые удары падали перед конями. А кони, быв менее храбры, нежели всадники, противились идти вперед. Тогда Елкибай сказал своему товарищу: «Сия воздушная перемена не есть естественная, но чары злого волшебника». Не успел он сего выговорить, как небо вдруг сделалось ясное, и они увидели себя у белой кибитки отменной величины. Не было близь ее никакого скота, однако ж место было утолчено. Не успели они еще опомниться от удивления, как выходит из кибитки исполинского роста человек, и грозным голосом спрашивает их:

— Кто вы таковы, куда едете и зачем?

— Мы — путешественники, и едем в кочевье Зухры.

— О, Зухра! — закричал он, — к этой прелестнице, которая пренебрегает мою любовь и не хочет быть женою. Я вас прежде не пущу, пока вы не изведаетесь со мною вашей силой в борьбе.

— Бороться мы с тобой не можем, — отвечал Аллабирде, — ты молод, а мы стары; а если хочешь стреляться, то мы согласны.

Пяри, услышав сие, закричал необыкновенно громко. На голос его прибежал к нему конь, совсем оседлан, и оружие лежало на седле. Пяри вскочил на него, не касаясь до стремян и, схватя лук и стрелы, вскричал батырам: «Разъезжайтесь, презренные мусульмане, и стреляйте по мне, вы увидите, могут ли мне вредить ваши веретена, ибо в колчанах ваших, верно, не стрелы, а веретена, кои вы везете в подарок Зухре».

На сии угрозы Елкибай сказал ему: «Мы наперед стрелять не станем, а начинай ты, ибо ты вызвал на бой».

Пяри, видя скромность батыров, которые непрестанно читали в уме иман, вынимает стрелу длиною в сажень, а лук был соразмерен оной, и пускает в Елкибая. Стрела с шумом летит и пробила бы гору, но от очарованного платья батыра отскочила, не причиня никакого вреда, ниже покачнув батыра на седле. Рассвирепел чародей, с поспешностью вынимает другую стрелу и пускает ее в неустрашимого Аллабирде и, видя такое же действие, как и от первой, скрежещет от ярости зубами. Тогда Елкибай вынимал свою стрелу, кричал ему: теперь отдаешь ты наших веретен. Очарованная стрела с такою силою попала в бок пярив, что он покачнулся, а пущенная в то же время стрела Аллабирде повергла его на землю. Упал он с таким шумом, как камень, оторвавшийся от горы, и земля, казалось, потряслась. Батыры, пользуясь его падением, выхватывают сабли и скачут к нему. Но конь его стал близь его и начал бить задними и передними ногами, не допуская батыров приближаться, пока чародей не оправится. Но птица, парящая над ними, и как бы все примечая, с быстротою орла налетела коню пяриву на голову и вцепилась в глаза. От чего конь, испугавшись, побежал прочь, птица же не оставляла царапать его глаза. А между тем пярив выхватил саблю и ожидал бойцов наших пеший. И казалось, что одним махом перерубит обоих и с конями; и хотя он был пеш, но ростом превышал всадников, но батыры с помощью имана и своего пророка избегают его ударов и острыми своими саблями наносят ему смертельные удары в голову, отчего пярив заревел и повалился. Они соскочили с коней; и Аллабирде отрубил у него голову. И как они знали, что тела чародеев должно сожигать, то и набрали хворосту и всякого сухого лесу, сделали костер и ввалили на него туловище и голову чародея. А между тем покладывали больше деревьев, дабы скорее развеять прах его; что и учинили. Потом, омывшись, принесли

благодарную молитву. И желали видеть, не осталось ли чего в кибитке, но в ней ничего не нашли. Лук, стрелы и саблю пяриву не сожгли, а вздумали отвезти их в подарок Зухре, жалели очень, что не смогли взять и коня, коего птица угнала. Но как они о сем подумали, то увидели его бегущего к ним, гонима птицею, и он, подбежав к батырам, остановился и дал себя взять за повод. Батыры привязали на седло лук, стрелы и саблю пяриву, отправились в кочевье Зухры, которое отстояло на день или на два езды.

ВЕЧЕР СЕДЬМОЙ

Следующий день ехали батыры покойно, и никаких противных встреч не было, а наутрие не более оставалось езды, как до половины дня, и так сват и жених захотели получше нарядиться. После обыкновенного омовения и молитв, чистили они свои платья, забрызганные кровью зверей и пярива, а также седлы и уборы конские, седлы накрыли юлбарсовыми кожами, а на коня пярива, как уже сказано выше, повесили лук, колчан со стрелами и саблю, дабы привести его в подарок вдове. Спутница же их и защитница птица от них отлетела, и тем как бы дала знать, что нет им более опасности. Наконец, выезжают они на равнину, где видно было озеро, так чисто как стекло, а по другую сторону оно были горы Ирентицкие, покрытые соснами и лиственницами. В горах сих видны были большие каменья породы яшмовой, и столь были гладки и чисты, что солнечные лучи, ударяя в них, отражали в воду, и делали великий блеск на берегу. У сего-то озера стояла кибитка Зухры, а на равнине паслись ее стада. Жеребцы, увидя приближение батыров, с громким ржанием окружа прежде свои косяки, поскакали к ним навстречу; и, подскакав, становились на дыбы, как бы приветствуя с приездом их, возвращались к косякам своим. Батыры подъезжали спокойно к кибитке, а подъехав близко, просили о позволении слезть с лошадей. На спрос их вышла Зухра, платье на ней было зеленого сукна, а кажбов²⁰ снизан из марьяну и украшен по местам золотыми и серебряными бляхами.

— Добро пожаловать, добрые мусульмане, — сказала она, — слезьте с коней и войдите в кибитку.

Аллабирде (у коего сердце уже было не на месте при приближении к кошу Зухры) остолбенел от удивления, видя в пожилой вдове столько еще красоты, и она ему показалась гораздо моложе, нежели о ней сказывали,

и потому остался на коне. Елкибай же, как сказано, быв прежде ее гостем, начал приветствовать, спрося, здорова ли она, назвав ее именем (ибо саям женщинам не подают). Она отвечала ему, что здорова и вторично просила их войти в кибитку. Елкибай, увидя жениха еще на коне и желая разогнать его застенчивость, начал к хозяйке следующую речь:

— Почтенная наша родственница²¹, не удивляйся дерзновению моему и моего товарища, что мы осмелились посетить тебя в твоём уединении. Слава о добродетельной твоей жизни несется по всем родам нашим и достигла высочайших гор Урала, под коим мы кочуем. Несколько лет тому назад был я у тебя гостем, тогда ты оплакивала еще первый год своего вдовства. А, возвратясь домой, рассказывал я о добродетельном житье твоём, и что ты, кочуя одна, не опасаясь никакого нападения, что стада твои не тревожимы от лютых зверей, и что ты истинная гурия на земле. Многие из собратий моих дивились житью твоём, многие хотели ехать, видеть, познакомиться с тобою и от тебя научиться, как жить благочестиво; но опасность от диких зверей, а паче от злобных пяривей их удерживала. Один наш Баш Аллабирде, которого ты здесь на коне видишь, пренебрег опасность, и, взяв меня к себе в товарищи, приехал к тебе. Он привез в дар две кожи юлбарсов, его рукою пораженных, и коня с оружием злобного пяривей, докучавшего тебе неистовою своею любовью. Он имел с ним страшный бой, сбил его с коня и отрубил голову. Я помог ему сожечь тело нечестивого пяривей, и прах его развеять, и теперь не осталось тебе никакой опасности.

Елкибай наговорил бы еще больше, если бы Зухра не прервала речь его, взглянув на Баша, сказала: «Слезь же, мой избавитель, и войдите в кибитку».

Аллабирде соскочил со своего коня и, взяв пяривей со вьюком, его подвел хозяйке, сказав:

— Вот тебе отдаю, почтенная родственница, коня и оружие твоего злодея.

— Ах! Я знаю сего коня и оружие, — отвечала она, — на нем видела я часто злобного чародея, подъезжающего к моим стадам и угрожающего мне. Но, быв покровительствуема небом, оставалась я и стада мои невредимы.

Взяла за повод коня, а также и их обоих коней, привязала к сосне, стоящей против ее кибитки, а потом ввела гостей и посадила их на урындык, который покрыт был богатым ковром и подушками. Елкибай смотрел на уборы и чистоту в кибитке. Все решетки были увешены:

богатым оружием: луки, стрелы, сабли были оправлены или золотом, или серебром. Баш же в кибитке кроме вдовы ничего не видел, и ее, может быть, считал украшением всего башкирского народа.

ВЕЧЕР ВОСЬМОЙ

Пока батыры рассматривали всяк свое, хозяйка поднесла им по чашке кымызу. Первую она подала Башу, а другую его товарищу. Аллабирде, приняв чашку, по обычаю подал ей назад, дабы прежде отведала сама, что она и сделала и возвратила ему чашку²²; что так же сделал и Елкибай. И хотя у них обоих был великий позыв на кымыз, которого уже давно не пили, однако ж, соблюдая учтивость, пили потихоньку, а хозяйка, между тем налив в кожаный сосуд кымызу, поставила перед ними, сказав: «Не прогневайтесь, дорогие мои гости, я пойду поймать вам на обед лучшую овцу из стад моих».

И когда она вышла, а гости чашки свои опорожнили, тогда Аллабирде начал речь к своему товарищу:

— Ты удивлял меня, мой друг Елкибай, рассказывая о добродетелях здешней хозяйки и о прочих ее добрых качествах, а не говорил ничего о красоте ее: по словам твоим, я считал ее старухой, но теперь кажется, что она в настоящей поре, и лицо ее показывает тридцатилетнюю.

— Таких лет я ее видел, — перебил речь Елкибай, — и тому уже пятнадцать лет, а признаюсь тебе, что она ничего не переменилась. Вот что делает воздержанная и благочестивая жизнь! Мне кажется, — примолвил он смеючись, — что ты так же обворожен стал вдовою, как пустынный обворожил наше платье.

— Признаюсь тебе, мой друг, — отвечал Аллабирде, — что я полюбил ее смертельно; мне кажется, что мы не успеем в нашем намерении, и что она по набожности своей, не захочет вступить во второй брак.

— Так, так, — продолжал насмехаться Елкибай, — ты, ничего еще не видя, уже стал и отчаиваться, добрый мой Баш, неужели пустынный хотел нас обманывать, предвещая нам, что ты женишься на Зухре.

В сие время услышали они блеяние овцы и видели вошедшую к ним хозяйку. Она, оборотясь к Елкибаю, сказала: «Старый мой друг, потрудись прирезать овцу²³, а я между тем разведу огонь и поставлю котел с водою».

И, не давши выйти Елкибаю, поднесла им еще по чашке кымызу, и вышла сама показать овцу. А Баш, не хотя остаться за турсуком один, пошел помогать своему товарищу, а между тем видеть Зухру, разводящую огонь.

Елкибай, прирезав овцу, освежевал ее. А хозяйка принесла воды омыть ему руки, и взяв мясо, пошла готовить гостям обед, прося их, чтобы они опять вошли в кибитку и пили кымыз. Они не дали себя два раза просить, и пошли опорожнить турсук. И как хозяйки с ними не было, то и пили они без застенчивости, и если что говорили между собою, то было все о Зухре. В таких разговорах скоро был выпит кымыз, и они поглаживали при всякой чашке свои полуседые бороды, как вошла к ним хозяйка с большою каповою чашей, в коей было крошеное мясо, и, поставя перед ними со всякою опрятностью и чистотою на постланном прежде коврике, сказала: «Покушайте, дорогие мои гости и родственники! Проехав так долгий путь, вы, верно, много раз имели нужду в пище». Батыры, поблагодаря за приветствие хозяйку, просили ее вместе с ними сесть; но она, отказывая, сказала, что будет им прислуживать и обязана сие им сделать для того: «Что вы ради меня, — примолвила она, — предприняли так дальний путь и избавили меня от одного из злейших моих неприятелей». Сии слова произнесла она, хотя и со скромностью, но на лице ее показался румянец. А Елкибай, примечающий все ее поступки, увидел, что она при слове «избавитель» взглянула умильно на Баша, что и почел хорошим предзнаменованием. Чашка как ни велика была, но они ее опорожнили, и друг Аллабирде спросил его: «Находишь ли ты разницы в естве пустытника и сей?» Баш, помолчав несколько, отвечал: «Та пища была духовная, и кто приготавливал ее, мы не знаем, а здесь угощаемся мы почтенною нашею родственницею, то и пища сия нам свойственная». Зухра, услыша о пустычнике, как бы обрадовалась:

— Так вы были у сего благочестивого мужа?

— Не только были, но и наставлены от него, — отвечал Аллабирде, — как поступать в пути и защищаться от разных нападений, которые мы встречали. Он учинил с нами великие чудеса, и, наконец, напутствовал нас своею молитвою.

— Праведный сей муж займет место в моей повести, — сказала она им, — которую должна вам рассказать. Но прежде, почтенные мои гости, скажите вы мне истинную причину вашего ко мне приезда. А между тем омойте ваши руки.

Сказав сие, подала им воду и полотенце. У Баша билось сердце, а Елкибай приготавливал употребить все башкирское красноречие, дабы рассказать прекрасной вдове причину их приезда.

ВЕЧЕР ДЕВЯТЫЙ

— Живущей тебе в твоём одиночестве, добрая наша родственница, может быть неизвестны введенные в кочевьи наши несколько лет тому назад по необходимости новые обычаи. В старину бывало, что всякий отец в своём семействе был начальник и глава оногo. Но два мусая по нашему счислению прошло, как семиродцы начали избирать некоторым числом аулов Баша, который бы с прочими аксакалами разбирал небольшие споры, между ими случавшиеся, ибо от больших сохранил нас великий Алла. По смерти первого нашего Баша Шайли, мужа крепкого силой, умного советами и благочестивого в житье, избрали мы на его место сего, тобою видимого Аллабирде в Баши; и сие избрание последовало в год юлбарсов, чему ныне минуло двадцать лет, в течение коих был он защитником стад наших от хищных зверей; и хотя в преклонных летах (как ты сама видишь), отличался всегда он смелостью от молодых наших батыров. Трудно было бы исчислить всех зверей, его стрелами пораженных, коих кожи никогда себе не брал, а разделял своим товарищам или дарил аксакалам. Такое его бескорыстие привлекло все наши к нему сердца. В советах он мудр, а в разборах ссор наших справедлив. Таковое его и наше счастье продолжалось восемь лет, и именно до змеиногo года. В сей несчастный год лишился он своей жены по имени Сулубика. Хотя горесть его была велика, но оставались в утешение три сына, которых по справедливости можно было назвать егетами и батырами. Они стреляли цельно из луков, усмиряли диких коней, и храбрость была их уделом. Но ангел смерти, не щадящий ни лет, ни возраста, ни красоты, ни младости, похитил их в следующие после смерти матерней четыре года.

При сих словах взглянул он на друга своего, который закрывал лицо свое обеими руками и всхлипывал от горести, что и понудило его в речи своей остановиться и сказать ему: «Я виноват, мой друг, что напоминаю тебе твой горести. Утешься, великий наш пророк приготовляет тебе награду за них, не только в сей, но и в будущей жизни».

Потом, давши уходитья горю, продолжал:

— Все мы видели, что он впал в печаль и уныние. Отстал от бесед наших; к джиинам²⁴ больше не приближался; звероловство бросил; хранение стад наших оставил и ходил как умалишенный. Два года был в сем пла-

чевном состоянии, как в один день неожиданно приехал он, или лучше сказать, привез его конь в наш аул.

— Не конь меня привез, — перервал его речь Аллабирде, — а приехал я сам по случаю непредвидимому.

Потом рассказал он встречу его с незнакомым батыром, о коей и сам Елкибай не знал.

— Вот как ты скромн, вскричал он — что о сем на джиине и не сказывал.

— На что было и сказывать. — Я ожидал исполнения совета, которому последовал.

— И так ты видишь, добрая наша Зухра, что все делалось по вдохновению свыше, — начал опять речь Елкибай, — по приезде его к нам в кош, стали мы просить Аллабирде, чтобы умерил свою печаль и вступил вторично в брак, предлагая ему дочерей своих, дабы выбрал себе по мысли. Он отрекся от сего неравенством лет, а мне пришла на мысль ты, и я начал говорить всему собранию о твоей добродетельной жизни, и чтоб если б ты согласилась идти в замужество за Баша, то лучше ему жены сыскать нельзя. Все закричали, что я говорю истину, и просили Аллабирде, чтобы он к тебе ехал. Он молчал, а молчание его мы почли за согласие, и я взял Баша к себе в кибитку, а наутрие пустились мы в путь. Ты знаешь многое из приключений, случившихся с нами в пути. Остается тебе сказать о бытии нашем у пустытника. Он нас привел в свою пещеру, и, к удивлению нашему, назвал нас именами нашими, не спросил куда мы едем, а сам нам сказал намерение наше и уверил, что алла благословляет оное, что мы не праздно возвратимся, и что ты, конечно, согласна будешь вступить в брак с моим другом, подарил нам платье и шапки, кои никакое оружие пробить не может. Стрелы и сабли сделал смертельными для тех, коих они поражать будут, даже и самих пярив, что мы уже и извели. Теперь остается одно узнать, правду ли сказал авлия, что ты согласна будешь с Башем вступить в брак?

Тут велеречивый Елкибай кончил речь, глядя пристально на друга своего и на Зухру. Сего видел он, томно взирающа на прекрасную вдову и ожидающа от нее да или нет, а сию, потупя глаза сидящую и вздыхающую. По некотором молчании сказала она с пролитьем нескольких слез: «Все сие делается, добрые мои посетители, не без предопределения, которое пишет на роковой доске огненной тростью бытия всех живущих на земле. Но прежде, нежели я соглашусь, выслушайте мою повесть, которая довольно продолжительна и имеет сношение

с тем, за чем ко мне приехали, а так как день клонится уже к вечеру, то и оставляю я повесть мою до утра, а вы успокойтесь от дальнего пути вашего».

Сказав сие, пошла приготовить гостям ужин, а Елкибай, видя успех, начал говорить Башу:

— Ну, на месте ли теперь твое сердце, мой верный друг?

— Кажется, дело идет на лад, — отвечал Баш, — но я весьма любопытен, что она нам про себя расскажет, и ночь мне кажется долга.

— Вот еще беда! — отвечал смеючись Елкибай, — какая нетерпеливость! Выпьем лучше по чашке кымызу и пойдем ходить по берегу озера.

Аллабирде его послушал. Чашки выпиты, и они из кибитки вышли. Ходя по берегу озера, увидели они в кустарнике небольшую кибитку, которую они прежде не заметили и заключили, что она поставлена для припаса, в чем и не обманулись; ибо увидели выходящую из нее хозяйку с ужином. Елкибаю более желалось походить по берегу и полюбоваться прекрасным положением места, но Баш звал его в кибитку и говорил, что хозяйка уже принесла ужин.

— Не бишбармак у тебя на уме, — отвечал всегда смеючись Елкибай, — а хочешь насмотреться на Зухру! Наглядишься, мой друг, время будет довольно. Дело теперь только за сказкой, которую она нам завтра расскажет.

Молодого жениха заставила бы сия речь покраснеть, а пожилой Баш огорчился немного на своего друга и сказал:

— Ты шутишь некстати, мой друг!

— Весьма кстати, — отвечал он, — как не радоваться, когда все идет по желанию.

Потом вошли в кибитку. Ужин таков же был, как и обед, ибо степные жители не знают переменных яств. После ужина постлала хозяйка гостям постели, пожелала сладкого сна, оставила их, а сама пошла в особую кибитку.

ВЕЧЕР ДЕСЯТЫЙ

Два друга спали долго и не прежде проснулись, когда дойные кобылицы прибежали сами, никем не гонимые к кибитке. С поспешностью встают, одеваются и видят уже хозяйку, доящую кобылиц. Она, увидя их, спросила, хорошо ли спали?

— Весьма хорошо, — отвечали они и пошли к озеру, дабы омывшись отправить обыкновенную утреннюю молитву, а между тем дать хозяйке управиться. Потом они осматривали табуны ее, в коих видели они отменных коней, и по приметам их узнавали тулпаров²⁵, а из сего и заключили они, что покойный муж Зухры должен быть знаменитый батыр. Посмотря довольно, возвратились они в кибитку, нашли в ней хозяйку, прибирающую их постели и готовящуюся потчевать их кымызом.

— Садитесь, добрые мои гости, — сказала она, — и выпейте по чашке.

Баш, сделавшись посмелее, сказал Зухре: «Я бы желал, чтобы ты меня гостем не называла». А шустрый Елкибай примолвил к сему: «А вот! После повести своей, может быть, и не назовет». Хозяйка усмехнулась, слыша забавные слова свата, и дабы сказать подобную же шутку примолвила она: «Конечно, после повести моей и некоторого вам поручения, которые вы непременно исполнить должны, не буду уже Аллабирде называть гостем». При слове «поручение» сват и жених потупили глаза в землю, а хозяйка поднесла им по чашке кымызу, села перед ними и начала свою повесть следующим:

— Да будет вам известно, добрые батыры, что кочевье отца моего, Кидрясом именуемого, отстоит отсюда на тридцать дней езды на добром коне. Места кочевьев родов наших занимают великое пространство, начиная от устья реки Уфы — впадающей в Ак-Идиль, и вниз по оной по обоим берегам до устья ее Чолман-Идиль. Не только берега реки сей занимают кочевья наши, но и на каждую оной сторону до пяти дней езды. В зимнее время живем мы в дремучих лесах, а при вскрывшейся весне выходим на просторные степи рек Ак-Идиля и Солман-Идиля, о которых упомянула. Оные так широки, что самый сильный батыр едва может перекинуть стрелу с одного берега на другой, в разлитии ж своем кажутся они морями. Быстрый наш Яик и Сакмара в сравнении их ручейки. Отец мой кочевал по рекам — Кармасану и Чермасану и доходил в половину лета до озера, именуемого Кандра. Окружность его на день езды; и столь глубоко, что пять длинных арканов, связанных вместе, едва достанут дно, но вода столь прозрачна, что брошенная казбовная чешуйка²⁶ на дно видна бывает. Ветры редко воздымают волны на сем озере, ибо берега окружены высокими деревьями. Птиц водяного разного рода такое множество на нем бывает, что крик их заглушал нас, а рыбу можно без всякого искусства в оном ловить. Отец

мой имел нас двух. Старшая сестра моя называлась Сылубика. Я не стану вам рассказывать о детских наших летах; но, пришедши в возраст, учились мы стрелять также из луков, к чему я имела больше склонности, а сестра моя к рукоделию. Езда же на конях нам была свойственна, но я была смелее многих; на играх девичьих²⁷ являлась я и смелее, и проворнее многих моих подруг. Сестре моей было осьмнадцать лет, а я годом ее моложе. Стали свататься к нам женихи из соседних аулов. Сестра моя была выдана замуж, а я, не ведая почему, имела к замужеству отвращение и, чувствуя в себе силу и проворство, не чаяла найти по себе жениха, и наотрез сказала отцу моему, что тот мне будет муж, кто превзойдет меня в стрельянии из лука, в борьбе, и кто стащит на скаку с коня. Многие удальцы из молодых людей, желали изведать со мною их силу и искусство в стрельянии, но уезжали с неудачею. Таковые мужчинам приличные упражнения, отвлекли меня от женских работ. Я не помогала матери моей ни в доении кобылиц, ни в делании крута, а иголку с веретенном и в руки не брала. С рассветом дня вставала я, опоясывала саблю и лук со стрелами, садилась на лучшего коня и пускалась в степь, объезжая стада отца моего, и защищала их от нападения лютых зверей, и сие и приохотило меня к звероловству. Мать моя часто меня журила, что я не свое дело делаю, отцу же моему напротив сие было приятно. Он, не имев сына, называл меня всегда своим батыром и потворствовал мне в моей страсти. Позволяя выбирать из резвых своих коней, и подарил лучшее оружие, которое и теперь показать вам могу.

Она указала на колчан, оправленный в серебро и саблю, у коей рукоятка осыпана была бирюзами. Вставши, сняла оружие, лук был натянут, она свободно наложила на него тетиву и, отдав в руки первому Елкибаю: «Отведайте, — сказала она ему, — туго ли сей лук?»

Он, взяв его в руки, хотел натянуть, но и на четверть не отделя тетиву, объят стал стыдом. «Нет, — сказал он, — не по плечу мне сей лук». Баш, видя сие и попросив от Зухры стрелу, хотел изведать тугость лука. Собрав все свои силы, вытянул только до половины стрелу, и, стыдясь, возвратил хозяйке. Она, приметя их смущение, и дабы их ободрить, сказала им: «Не оскорбляйтесь, мои избавители. Для натягивания лука сего надобна необыкновенная сила, но я в молодости своей вытягивала ее до копья». Потом, выбрав из других колчанов длинную стрелу, сказала: «Отведаю и теперь». Потом, наложив

стрелу на лук, с великою свободностью и без всякого напряжения не только вытянула до копья, но и перевела стрелу на другую сторону. Батыры от удивления вскричали: «Ай, мердес!» Потом хозяйка, положа лук в налучень, начала продолжать свою повесть:

ВЕЧЕР ОДИННАДЦАТЫЙ

— Я уже вам сказала, что отцу моему нравились батырские мои подвиги, а я радуясь сему, оставила и женский наряд. Длинные свои волосы обертывала я кругом головы, а на голове носила шапку мужскую, так же как и одежду, на джиинах же никогда не схватывалась со своими сестрами, презирая их слабость, а бывала всегда среди батыров и молодых людей. Силою и проворством моим принудила их бояться себя и почитать. В звероловстве была у них вожаком, и где более было опасности от хищных зверей, там видели меня впереди. В наших дремучих лесах много бывает медведей величины необыкновенной, с ними-то я всегда была победительницею. Но один случай, о котором расскажу вам, и более меня прославил: в один вечер, когда сидела я с отцом моим и матерью перед кибиткою, прискакали к нам двое пастухов наших, сказывая, что множество медведей, и один из них белый непомерной величины, разогнали стада наши. Я вскочила как бешеная, схватилась за оружие, и хотела садиться на коня, но отец мой удержал меня, сказав: «Любезная дочь! Хотя я надеюсь на твое мужество, но уже наступила ночь, и ты не можешь удачно поражать хищников стад наших. А наутрие ступай с богом». Я повиновалась; но коня своего не расседывала и не давала ему есть во всю ночь, дабы легче было. Между тем, как мы разговаривали с отцом моим, сошлись к кибитке нашей много молодых людей, сотоварищей моих в звероловстве; они тоже рассказывали и просили меня, чтобы я с ними ехала и примолвили, что без меня удачи им не будет. Я им сказала, что с ними еду и чтобы кони у них были готовы.

Восходящее солнце видело уже нас всех на конях. Я отличалась от моих товарищей одеждою, конем, убором конским и оружием. Сей-то лук, который я вам теперь показываю, был тогда на мне, а в правой руке твердое копьё. Пастухи, известившие отца моего о разогнании стад наших медведями, были нашими вожаками. Мы ехали уж довольно дня, но ни одного медведя не видали, и приближались уже к дремучим лесам реки Биря, как

вдруг увидели бегущие из села многие косяки кобыл, жеребцы же были позади, подняв хвосты, опрокинув гривы, и приложив уши, оглядывались назад, как бы хотели защищать косяки. Я и дружина моя тотчас заметили, что они гонимы зверьми, бросились к ним навстречу, а они, как бы обрадуясь нашей помощи, с громким ржанием забежали за нас. Тут увидели бегущее стадо медведей. Я закричала товарищам моим (коих было до двадцати), чтоб не стреляли из луков, а прежде напали бы на зверей с копьями, что они и учинили. Первый из моих товарищей Байегет ударил копьем медведя, и так удачно, что поверг его мертво. Прочие сделали то же, но число медведей тем не умалилось. Я заметила, что у многих моих товарищей переломлены были копья, кричала им, чтобы стреляли из луков, что и сама сделала, ибо и мое копье в третьем медведе переломилось. Уже половина колчанов стрел наших была выпущена, и медведи, как бы утраченные начали убегать в лес, как вдруг увидели мы из леса гордо выступающего белого медведя, а за ним множество других черных; которые хотя были и велики, но ему были только по брюхо. Сие новое полчище зверей, предводительствуемое белым медведем, привело в страх моих товарищей, да и сама я ужаснулась. И как медведи шли к нам тихо, то и дали время мне ободриться. Я, схватив копье у моего товарища, которое одно только и оставалось, сказала: «Друзья мои! Вы меня выбрали вожаком, то я вам и покажу первая путь, и прежде не начинайте, пока я чего не сделаю!» Со словом сим пустила я прямо своего коня на белого медведя, а он, видя меня к себе скачущею, стал на задние лапы, и хотел на меня броситься. Я ударила его копьем в самую грудь, но древко у самого копья переломилось. А он, как бы не чувствуя удара, ему нанесенного, кинулся прямо на меня и схватил коня моего за шею с такою силою, что оторвал прочь голову. Я, вскочив с упавшего коня и выхватив стрелу, пустила в зверя и всадила ему оную в бок по самые перья. Медведь, почувствовал удар, схватил зубами за перья, и хотя вытащить их, отгрыз стрелу. А я, пользуясь сим временем, поразила его другою, не менее опасною, как и первую. Зверь, пришед в ярость, кидается на меня, а я, имея уже саблю в руках, наношу ему сильный удар по морде. Он однако ж схватывает меня лапою за левое плечо и силится меня давить. В таком же положении не могла я действовать моею саблею, и, выхватив кинжал из-под пояса, вонзила его по самую рукоятку зверю в сердце. Он произнес страшный рев, зашатался, стал

валиться на меня, и если бы я не успела от него отско-
чить, то задавил бы меня тягостью своею. Я, схватя бро-
шенную саблю, ударила его еще два раза по голове, он
вторично заревел и испустил дух. Прочие же звери как
бы лишившись своего предводителя, с великим ревом
побежали в лес, товарищи же мои, видя меня, счастливо
окончившую битву, с радостью кинулись меня поздрав-
лять и все единогласно назвали меня батыр-кыз (т. е. бо-
гатырь-девка). И сие название имела я от всех аулов до
самого замужества. Я советовала товарищам моим оста-
новиться ночевать в сем месте. А дабы успокоить отцов
наших и уведомить об успехе нашем, послала я двоих
пастухов, нас провожавших, к отцу моему, дабы прислал
ко мне другого коня. А между тем некоторые из наших
товарищей раскладывали огонь, ибо уже осень была, а
другие снимали с медведей кожи. Я хотела снимать с бе-
лого, но они меня до того не допустили, а снявши сами,
поднесли ко мне, сказав, что хотя они не дрались со зве-
рем, да и не посмели бы с ним драться, но и то вменяют
себе в славу, что сняли с него кожу. Признаюсь вам, лю-
безные мои родственники! Что я по такой удаче, а паче
по молодости, гордилась моею победою. По снятии кож
со зверей, стреножа коней своих, легли мы при раскла-
денном огне отдыхать и спали как убитые до самого рас-
света.

ВЕЧЕР ДВЕНАДЦАТЫЙ

Солнце уже вышло из-за тенистых бирских лесов, и
сделало треть дневного течения своего, как посланные от
меня к отцу моему пастухи возвратились и привели ко мне
коня. Я, оседлав его, а товарищи мои совсем были готовы,
сели на коней, взяв с собою шкуры медвежьи, а белым
медведем покрыт был мой конь по приговору моих това-
рищей, не жалея коней спешили мы к кочевью своему.
И, подъезжая к оному, увидела я отца моего с народом
нас встречающего. Я, соскоча с коня, бросилась к нему,
а он, прижимая меня к себе, называл любезным батыр-
кызом, равно как и всякий отец радовался возвращению
своего сына невредимым. Товарищи мои спешили в свои
кибитки обрадовать матерей своих, а я шла с отцом моим
и по приходе обняла мать, которая также несказанно
была обрадована. Я должна была им обоим рассказать
нашу звериную битву и поражение белого медведя. Они
велели внести кожу в свою кибитку, и меряли ее ступе-
нями, коих сочли в ней шестнадцать. Наутрие был сде-

лан в нашем ауле джиин. Отец мой, как из всех богатейший, велел поймать для угощения шесть кобылиц, а отцы моих товарищей каждый привел по две. О празднестве сем извещены были и ближние аулы, и народу собралось великое множество. Когда уже приготавливались к резанию кобыл, в то время выбрав я из косяков отца моего лучшую белую кобылицу, и приведя оную пред аксакалов, сказала, что я в знак победы моей над белым медведем хочу старейшин угостить лучшею моею кобылицею.

— Ай, батыр-кыз, батыр-кыз, — вскричали все, — ты превосходишь мужеством и силою всех сыновей наших.

Я не буду вам, дорогие мои посетители, описывать джиина, который продолжался три дня, котлы с мясом не сходили с огня. Сабы с кымызом опорожнивались, скачка, борьба и стрельба из луков отправлялись по обычаям нашим, и во все сие время я заглушена была похвалами. А потом и из дальних аулов приезжали, чтобы только меня видеть и слышать о подвигах моих.

Недели и месяцы проходили, и я не переставала от моего упражненья. Женихи уже больше ко мне не сватались, боясь испытать силы свои со мною. Признаюсь вам друзья мои, что я иногда начинала скучать моею жизнью, и приходило мне на ум, какой будет конец оной. Пока еще молода, думала я, могу упражняться в звероловстве, а когда состарюсь, должна быть в обществе с старухами, чего я наперед ужасалась. Иногда намеревалась просить отца моего, чтоб выдал меня замуж. Но гордость выйти за менее сильного, опровергала сие мое намерение. В таком размышлении протекло много времени, и мне наступал уже двадцатый год. Я казалась скучною. Редко выезжала на звероловство, и отец мой, любя меня, начал сие примечать: старался много раз выпрашивать, но никогда от меня правды не выведал, как вдруг разнесшийся слух о некотором прорицателе по всем нашим аулам возбудил во мне новую смелость и заставил вдаться в великую опасность.

В один день, когда я сидела между собравшимися к отцу моему несколькими старейшинами, была о сем речь. Всякий говорил о прорицателе, что слышал. Иной называл Авлием, иной Пярием. Другой говорил, что это был Мяскай, четвертый говорил, что был Курезя, и о жилище его не знали наверно. Одни говорили, что он на хребте Уральском, у подошвы горы Иремели, другие при устье Ак-Идиля, одним словом, никто верно не знал, и только что раздражали мое любопытство. По нескольких днях случилось мне выехать осматривать табуны свои, но,

занимаясь разными мыслями о прорицателе, захотела я далее, нежели где табуны наши были, и, поднимаясь на гору, увидела я едущего всадника. Желая знать, кто он и откуда, понудила я коня своего, дабы подъехать к нему поскорее, а он, увидя меня к себе скачущую, остановился, и когда я была близко его, то приветствовала саямом, он мне подобно же отвечал. И как я увидела, что он был мусульманин, хотя одежда его не являла ему быть из родов наших, спросила его, кто он и откуда? «Я из великого царства болгарского, — сказал он, — путешествую по всем странам, дабы видеть народы и узнать их обычай, и притом и все, что есть любопытное, замечать, чтобы приехав назад, рассказать царю болгарскому, ибо я из его ближних»²⁸.

— Давно ли ты оттуда и каким путем ехал? — спросила я его.

— Ехал я, — отвечал он мне, — вверх по Чолман-Идилю до устья Ак-Идиля²⁹ и проехал я великие леса и горы.

— Не случилось ли с тобою каких препятствий или опасных приключений?

— Нет, мне никто в моем пути не препятствовал, а наводил на меня страх вой зверей, треск в лесах и неведомый мне какой-то голос, в ущельях гор при устье Ак-Идиля.

— Да что ж такое это было? И как ты о сем рассуждаешь?

— Рассуждаю я о сем по словам жителей, дни на два езды от сих мест живущих, что с некоторого времени появился тут прорицатель, который желающему вопрошать его о чем бы то ни было, сказывал как прошедшее, настоящее, так и будущее.

— Не имел ли ты любопытства ехать к нему и спросить его?

— Нет, я не находил в себе столько смелости, чтоб с ним познакомиться, — сказал он, усмехнувшись.

— Да не знаешь ли ты кого, друг мой, кто бы у него был?

— Я видел одного молодого человека, который мне рассказывал, что он был у прорицателя в пещере, и что он сказал ему о будущей судьбе его.

— Далеко ли отсюда сия пещера?

— Я не был близь ее, но от того места, где слышал голос, еду я пятнадцать дней, как ты видишь, на добром коне.

— Едучи туда, каких мест должно держаться?

— Нагорного берега Ак-Идила³⁰ до самого устья, тут будет слышан голос.

— Довольно сего, прощай — сказала ему, — я не мешаю тебе ехать.

Болгарец так же пожелал мне доброго пути, и мы после сего с ним расстались. Я остановилась. И долго была в недоумении, тот ли час мне ехать искать прорицателя, или ехать к родителю и просить от него на то позволение. Последнее казалось мне невозможным, ибо отец и мать моя, любя меня, никогда бы на сие не согласились и сие бы мое предприятие сочли сумасбродным. И так по долгом размышлении решилась я ехать домой, дабы выбрать самого резвого и сильного коня, взяв лучшее оружие и снабдя себя на несколько дней путевым припасом, ехать уже в путь, не сказав о точном намерении моем отцу моему. Возвратилась я домой горздо веселее, чем и утешился отец мой. Я же, дабы более его обрадовать, рассказала ему слышанное от проезжающих, что за день отсюда езды, видели стадо белых оленей, которых в здешних странах еще не бывало, то и просила его меня отпустить дня на два или на три.

— С богом, — отвечал он мне, — только выбери себе понадежнее коня и возьми на сие время в запас несколько крутин.

Весьма я радовалась, что и отец мой, не зная моего намерения, споспешествовал оному.

ВЕЧЕР ТРИНАДЦАТЫЙ

На другой день я была совсем готова. Простилась с моими родителями, пустилась в путь к Ак-Идилю. Никакая предыдущая опасность встречи меня не ужасала, но жалела очень о отце моем, который, не дождавшись меня в назначенное время, будет терзаться грустью. Но желание увидеть и спросить прорицателя, заглушили на время сию детскую любовь, на другой день я была уже на берегу Ак-Идила. Надобно было переправиться на другую сторону и, к счастью моему, нашла удобное к тому место. С обоих берегов реки были пески, и как сие было среди лета, в которое время воды в больших наших реках упадают и плыть мне не более было полтора-тора маховых сажень, для чего привязав оружие мое к себе на спину, пустилась на коне моем, который привычен был к плаванию и перенес меня весьма легко. Обсушив платье мое, искала я места, где б взъехать на крутой берег нагорной стороны. Наконец-то нашла тропинку,

хотя и весьма узкую, которая взвела меня на берег и привела в ущелье гор, и сими ущельями взобралась я к вечеру на поверхность оных, и тропинка, которою ехала, казалась мне уже шире. Не ведаю почему, почла я ее тою самою, по которой ехал болгарец, а после наиболее в том уверилась, ибо въезжая на высокие горы, увидела я всегда у себя в левой руке Ак-Идиль. Уже десятый день я была в пути, не встречая никаких препятствий, запас мой весь изшел, но я, стреляя птиц, имела всегда довольную пищу, а для коня моего, привыкшего пастись, пажить была под ногами. По рассказам болгарца надобно мне было ехать еще пять дней и так я ехала весьма спокойно, как внезапно увидела пред собою человека в разодранном рубище, ростом он был немного побольше обыкновенного, лицо имел смуглое. Голова обвита длинным замаранным повивалом, ноги босые и перевиты ремнями. В левой руке держал он длинный посох, а в правой плеть о многих концах. «Здравствуй, смелая мусульманка», — сказал он мне. Удивясь странной сей встрече, а паче, что он узнал мой пол, насилу могла отвечать на его приветствие и спросила потом его, почему он знает, что я не мужчина?

— О! Я весьма знаю тебя, батыр-кыз, и ведаю, куда ты едешь, и зачем. Но если я не дам тебе сей плети, то ты не доедешь, а, может быть, и погибнешь.

— На что мне она, и что я буду ею делать?

— Поражать чудовищ, которые с тобою встретятся.

— На то есть у меня оружие, ты видишь его.

— О! Твое оружие есть тростник против камня. Ты, молодая девка, не знаешь доброты моей плети, я ее тотчас тебе покажу.

Потом, отойдя от меня на некоторое расстояние, кричал мне: «Скачи прямо ко мне, и направь копье в мою грудь, не жалей меня ударить». Я удивилась его речам и почла его сумасшедшим. «Что ж ты не скачешь? — кричал он мне, — или ты думаешь, что я белый медведь, которого так легко поразила. Ступай скорее или ты не будешь иметь плети и не доедешь до прорицателя».

После сих его слов бросилась я на коне, направляя копье прямо в его грудь, а он поднял плеть кверху. Полагаясь на силу мою, думала я пробить его насквозь, как вмиг упала я с конем на землю, не почувствовав никакого удара, а старик засмеявшись спросил меня: «Что, храбрая девка? Где твое копье, и мужество, и сила коня твоего?» Я встала ничем невредима, а равно и конь мой вскочил и от великого стыда и удивления молчала.

— Что же ты молчишь и ничего мне не отвечаешь?

— Что отвечать мне, я вижу, что чрезъестественная сила меня повергла.

— Сего бы не было, если б ты поверила первым моим словам. Я отдал бы тебе плеть и научил, как достигнуть твоего намерения.

Я оставила мою гордость и просила с унижением, чтоб он мне в том помог.

— Ну так слушай же, мусульманка, я тебе не скажу, кто я и откуда, а знай только, как и когда употребить сию плеть. Бич сей сделан на прогнание всех очарований, никакое злое волхвование, даже и самая нечистая сила против него устоять не могут. Он кажется всему демонскому полчищу пламенным мечом, и, махнувши им, прогонишь целый ад.

Тогда подал он мне плеть, сказав: «Я даю тебе плеть на прогнание всех препятствующих тебе чудовищ к пещере прорицателя. Опасайся, девка, употребить против них свое тленное оружие. Сии бесплотные чудовища не почувствуют оного, и ты погибнешь. Махни только плетью, и они исчезнут. Подъехавши к пещере, спрячь ее за пазуху, ибо если конец ее увидит прорицатель, то и он пропадет, и любопытство твое не удовлетворено будет. Говори с ним смело и спрашивай, что хочешь, он на все тебе отвечать будет. Возвращайся назад по сей же тропинке, ты найдешь меня на сем же месте и возвратишь мне мою плеть».

— Позволь мне спросить еще, почтенный муж! Далеко ли до пустыни прорицателя?

— На третий день от сего ты там будешь.

ВЕЧЕР ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Выговоря сие, пошел он с поспешностью в лес, а я поехала по предлежащему мне пути. Дорогою рассматривала я плеть, не находила в ней отменной работы, ничем не была оправлена, сверху от столбца разделена была на двенадцать хвостцов. Если бы я не видела действия оной, то почла бы я ее сделанную для наказания малых детей. Потом спрятала ее за пазуху и продолжала мой путь в тот день без всякого препятствия, даже и другой до полудня. Леса становились дремучее, а горы утесистее, между коими тропинка меня вела, и я начала слышать завывание голоса. Прежде думала я, что сие делается от моего воображения, ибо голова моя наполнена была предыдущими чудесами, вдруг вместо узкой

стеzi явилась предо мной широкая дорога, по коей шли навстречу ко мне с воем и рыканием род известных зверей. Наперед были волки, а позади медведи, передние выли, а задние ревели. Едва я не забыла наставления полунагова моего старика и уже готова была вынимать лук и стрелы, как вдруг вспомнила о плети, выхватя ее из-за пазухи, махнула ею на обе стороны, и в какое пришла изумление, что зверей не стало, а из широкой дороги сделалась как и прежде узкая тропинка. «О! Добрый старик, вскричала я, спрятав мою плеть. — Ты прав, а я виновата, что тебе не верила». Хотя звери и исчезли, и действие плети меня успокоило, но воющий голос казался мне громче, и я увидела другое явление. Тропинка привела меня на просторный луг, на нем-то я увидела зверей мне неизвестных, о коих только слышала, что живут в местах, палимых солнцем. Иные были пестрые, иные полосатые, иные имели перед волосистый, а зад голый и множество других, о коих не упомяну. Чего не видишь, того и боишься, добрые мои гости! Признаться вам, я содрогнулась, но, вспомня о плети, махнула ею два раза и все миновалось, а из луга сделалась опять тропинка. Сей день, как пути моего, последний был к пещере прорицателя, то и чары свои он употребил почти на каждом шагу, чтобы меня утратить. Сверх голоса, который непрерывно выл, слышала я рычанье зверей, треск леса, и величайшие сосны, при пути моем стоящие, казалось, валились на меня и хотели подавить, но я маханием чудесной плети очищала пути. Мало сего, что чародей вооружил на меня все сущее на земле, захотел утратить меня явлением воздушным. Внезапно небо почернело. И так темно стало, как ночь, и я не могла видеть дороги. Не знала, что делать! Не полагала я, что чародей так же мог действовать в воздухе, как и на земле. Ударил сильный гром, молния блистала по всему небу и с превеликим треском падала около меня, от чего весь лес загорелся, и я, казалось, объята была пламенем. Страшный голос кричал мне: «Возвратись, нечистая мусульманка, ты погибнешь». И подлинно я была в великом страхе и отчаялась употреблять ли мне мою плеть. Горевшие деревья и искры от них падали на меня, я начинала уже от них уклоняться, как захотела напоследок изведать плеть, и, от страха зажмуря глаза, выхватила ее и стала махать около себя, и, может быть, махнула несколько раз лишних против наставлений доброго старика. Гром перестал, треск утих, и я, отворя глаза, увидела опять себя на стезе моей, и лес казался мне бо-

лее зеленеющим, только голос всегда продолжался. Путь мне оставался уже недалек и я ехала спокойно. Тропинка моя привела меня ко глубокой стремнине, в которую надобно было спуститься очень круто. Я смотрела в стороны, не было ли места где отложее, как вдруг из стремнины выскочило ко мне крылатое чудовище. Голова у него была звериная. Имело оно две передние лапы, а другая половина тела была змеиная, и покрыта чешуею. Он поднялся на воздух и с яростью хотел ринуться на меня, но при явлении чудесной моей плети, лопнул он над головою моею и исчез, и сие было последнее страшилище, которым чародей хотел меня в пути утратить и, к великой радости моей, стремнины не стало, а вместо него явился луг, покрытый мягкой травой и ручей, по нему протекающий. Сие прекрасное место как будто было приготовлено для моего отдохновения. И как я весьма обнадеежена была удивительною моею плетью, то, слезши с коня, пустила его пастись, а сама легла спокойно спать.

ВЕЧЕР ПЯТНАДЦАТЫЙ

— Поутру встала я рано и видела коня моего близ меня пасущегося. Омылась в ручье и, прочтя обыкновенные молитвы, поехала к пещере прорицателя. Голос час от часу становился слышнее, и сие было признаком, что она была не в отдаленности. Я уже не лесом ехала, но испещренною цветами долиной, которая, казалось, примыкала к величайшему каменному утесу. По мере моего приближения усмотрела я, что из-под подошвы горы выходит черный дым, а иногда и пламя выбрасывалось. И как я не видела другого пути к сему утесу, то и намерена была прибегнуть к моей плети, считая сие за чары волшебника. Чем ближе я подъезжала, тем пламя более являлось, так что закрывало весь утес. Подъехав в такое расстояние, чтобы оно меня не опалило, увидела, что тропинка, по которой я всегда ехала, идет прямо в пламя, и что тут конец моего пути. «О! — закричала я громко, — ты, видно, хочешь последним чудом меня употчивать?» И при этом слове махнула плетью. Пламя исчезло, и я увидела между собою и утесом ров в скок лошадиный, который бы без сомнения конь мой и перескочить мог, если бы на другой стороне рва была площадь, но ров был у самого утеса, он был так гладок, и на превеликое пространство в длину и вышину, что никак взлезть было нельзя. И казался из одного камня. Цветом он был черный с кровавого цвета по нем жилами. И ни-

какого отверстия на нем приметно не было. Я стала в превеликом недоумении, как и куда ехать? И пришло мне на мысль, что это опять чары волхва, который хочет заградить мне к себе путь, как вдруг услышала голос:

— Стой! Чего ты от меня хочешь, скажи?

— Я хочу видеть прорицателя и с ним говорить.

— Не употребишь ли ты против него пагубного своего бича? — отвечал голос, — нет? — Поклянись!

— Клянусь.

И только что я произнесла клятву, как каменная стена потряслась, и сделалось предо мною отверстие, из которого пошел дым, а потом пламя: но сие недолго продолжалось. Я увидела голову и плечи весьма престарелого человека. Лицо у него было тощее, брада редкая и седая, на голове высокая шапка, вместо повивала, обвита была шипящими змеями. Такой страшный вид заставил меня содрогнуться. Он, увидя меня, спросил:

— Чего ты желаешь от меня, дерзновенная мусульманка? Которую никакие опасности не могли удержать достичь до моего жилища.

— Кто идет с добрым намерением, тот опасности не знает.

— Я знаю твое намерение, оно мне не опасно, но встретившийся с тобою гонитель мой дал тебе пагубный для меня бич.

— Я знаю, когда его употребить, — отвечала я, — и если ты не станешь отвечать на мои вопросы, то бойся меня.

— Чего ж ты желаешь, чтобы я тебе сказал? Вопросай.

Тогда слезла я с коня, дала ему пастись, а сама, подойдя к краю рва, села, и посидя несколько, начала ему делать следующие вопросы:

— Кто ты? Откуда? И зачем пришел в сие место?

— Я из числа тех Мудрецов, — отвечал он мне, — которые некогда знанием своим наполняли всю вселенную, но я превзошел моих товарищей в искусстве чародейства, чем и продлил жизнь мою далее до сих времен. Я видел две тысячи раз Солнце, проходящее через двенадцать своих зодиаков. Сие слово тебе непонятно, добрая мусульманка? Ваш счастливый лесной народ³¹ живет еще в простоте и невинности, до которого не достигло еще пагубное просвещение наук. Проще тебе скажу, что я прожил без малого сто шестьдесят семь ваших мусалей, во все сие время углублялся я в изучение чародейства и достиг такой степени, что мог повелевать небом и зем-

лею и всем сущим в них, как ты и сама видела. Но пагубное желание сравняться с тем, кто сотворил вас, терзает мою долговременную жизнь и приготовляет мне мучение, коему конца не будет в продолжении оной. Посредством моего чарования возводил я и низлагал народы: строил града и населял оные, обогащал их и приводил в нищету — во всем том есть сила, меня превосмогающая, которой противиться не смею.

В сии хладные страны пришел я из Индостана, из земли самой жаркой, где неизвестны стужи и морозы. Жил я в превеликом граде, наука моя привлекла ко мне многих учеников, но я ни одному из них не хотел открыть всего того, что я знаю, и они отходили меня полуучеными или, лучше сказать, невеждами. Потом вздумалось мне переменить мое жильё. Я поднялся на воздух посредством повинующихся мне духов, и велел себя нести на полночь. Обозревая пространство земли, увидел я в здешних местах большие реки, из коих Идиль мне показалась удобнейшею из трех, великие по ней леса и пустыни и малое число почти дикого народа³². Я избрал место на берегах Идиля. Посредством волхвования моего привел народ из отдаленнейших мест, построил великий город и назвал его моим именем Брахим. Поставив в нем властелина над народом, избрав воинов, что вы называете батырами, но ваши батыры нападают на зверей, стада ваши поедающих, а мои воины изучались убивать себе подобных, желающих разрушить град мною построенный. Других заставил купечествовать, сие значит, посылать людей сухим путем и водою, дабы привозили разные богатые ткани на одежды и изделия чужих земель в свою. Сего злоупотребления, вы, добрый лесной народ, еще не знаете. Простая ваша одежда довольно вас украшает, и, не видя богатых наших одежд, думаете, что и целый свет одет подобно. Но будет время, в которое и вы заразитесь такими же желаниями, о чем (если хочешь) после разъясню, ибо я оное ясно предвижу. А теперь скажу на вопрос твой, зачем сюда я пришел, и обращаюсь к моей повести: «Город мой изобилен был всем, народы, близ его живущие, сделались его данниками, а кои не хотели платить дани, властелин, или как вы называете Баш, поставленный мною, ходил на них во многолюдстве, противящихся побивал, а остальных покорял и не находил себе противника, ибо волхвование мое служило ему всегда помощью. Долгое время стоял град мой невредим, но я, к несчастью моему, предвидел разрушение его. Какие не употреблял я чары, и все, что было возмож-

но в моей науке, препятствовал я сему печальному для меня событию. Туча белых воинов, из отдаленных полных стран, предводительствуемая белым бием, шествующим под непобедимым знаменем, с изображением, прогоняющим всякое волхвование, готово было напасть на град и страну мою. Я высылал против них моих воинов, огражденных моим чарованием, возмущал воздух, воды и землю, вызывал из преисподней всех чудовищ навстречу врагу моему, но все падало и исчезало, при воззрении на изображенного на знамени³³. О! Дочь моя, берегись вопрошать меня о сем изображении, ты и я погибнем.

Я ужаснулась от сих слов и просила, чтобы продолжал повесть.

— Войска наши бежали назад, и привидения мои, как выше сказал, исчезли. Властелин с народом прибежал ко мне и просил моей помощи. Я обнадежил его и велел утвердиться в граде, который был обнесен каменной стеною. Советовал, чтобы воины стерегли и днем и ночью приближение врагов и уверял их о победе. А сам помышлял, как бы удалиться из града тайно, и не дать народу узнать мое бессилие. Что и сделал в следующую ночь. Велел духам отнести себя в некоторое отдаленное и возвышенное место, дабы видеть несчастный конец любимому граду и, если возможно, то и подать помощь моим волхвованием.

ВЕЧЕР ШЕСТНАДЦАТЫЙ

— С рассветом сего несчастного дня я видел приближающееся белое войско и остановившегося стройно близ града, в коем видел я народ, бегающий во страхе. Но Оркан, властелин мною поставленный (коего имя теперь только упомяну), является без страха, удваивает стражу по стенам, избирает лучших воинов как пеших, так и всадников, повелевает отворить ворота и исходит на отражение врагов своих. Я хотя и знал гибель его, но вложил в него мужество и силу, дабы не пал без отмщения. Выводит он войско и учреждает его: пеших, вооруженных длинными копьями и широкими щитами ставит в средину, конников же устраивает по крылам. Сам с избранными всадниками, вооруженными метательными копьями и саблями идет вперед. Но белые воины были уже готовы к обороне. Ужаснулся я, увидя щиты их, блистающие как солнце. О кои ударяя мечами своими, производили звук, подобный грому: а появившееся знамя

среди их полчища прогнало все мои чары, сопутствующие Оркану, и оставили в нем только природное мужество и силу. Уже войска сошлись на расстояние метания стрелы, стрелы полетели как град, с обеих сторон, но дерзновенный Оркан, не желая сражаться издалека, с окружающими своими ударил на передовую дружину белых воинов. Рука его поразила первого с ним встретившегося, и в ярости кидается в середину дружины. Все низвергает, что ему противиться хочет. Войско его, увидя успехи начальника, с яростью бросилось на белых воинов, и казалось, что их опрокинет. Но сии стояли как твердая стена, защищаясь щитами и поражая мечами. Оркан же, в ярости прогоняя дружину, мечется в ряды противных воинов. И делает из них великую сечу. А сопутствующие ему воины не уступают в храбрости. Левое крыло белых воинов не только начало уступать, но и побежало, гонимо Орканом. Но правое, предводительствуемо воином, одетым в серебрянные доспехи, и с золотым на голове шлемом, столь жестоко ударило на левое наше крыло, что с первого раза сбило с места, расстроило ряды, и гнало, как овец, к граду. Я ужаснулся увидя, что от руки всадника в серебрянных латах слетали головы с воинов моих, иных разрубал надвое, иных повергал и с конем. Одним словом, половину войска, вышедшего из града, побил и вогнал во оной.

Оркан, в ярости не ведая, что большая половина войска погибла, гонялся за бегущими, но, получа вестника, что город в опасности, возвращается скрежеща зубами, и не щадит встречающихся, ни своих, ни противных воинов, подавляя тела убитых конем своим. Приближаясь ко граду, видит белых воинов стремящихся на стены, а своих, уже не находит. Тогда в бешенстве, один кидается на целое полчище, но видит навстречу к себе скачущего белого князя. Сей-то был тот воин, о котором я тебе уже сказал. Копья их друг на друга направленные преломляются от жестокости ударов о доспехи их, но всадники пребыли на конях нимало не пошатнувшись. Тогда мечи возблистали в руках их. Оркан, как разъяренный тигр, не щадит себя и в ярости своей ищет только наносить смертельные удары. Но белый князь больше защищается нежели поражает и как бы желает прежде утомить врага своего, нежели поразить. Противник его, приметя сие, бросил щит и, схватя меч в обе руки, с великою силою ударяет в шлем белого бия. Но сей успел подставить свой щит, который от сильного удара Орканова раздробился в мелкие части, а меч, тягостью своею

упал на шлем биев. И удар был столько силен, что почувствовал его белый воин. А лишась своего щита, сам пришел в ярость и не стал щадить Оркана. Тут виден был между ими страшный бой, и воинство, как победители, так и побежденные, оставя сражение, смотрели на них. Если доспехи белого князя были крепки, то и Оркановы были не хуже, ибо сделаны из самой чистой и крепкой стали, а шлем на голове в подобие крылатого змея. Оружие сие я сам делал, употребляя к тому волшебство мое, но меч белого князя разрубил его во многих местах. Оркан же не слабее поражал сопротивника, и видна уже была кровь, текущая по серебряным латам. Тогда-то расвирепел белый князь, и с великою силою ударяет Оркана по шлему. Очарованный шлем разрублен надвое, и Оркан без чувств падает с коня, в белом войске было слышно радостное восклицание, а во градском виден был страх и ужас. Белые воины окружают лежащего Оркана, но князь их, соскочив с коня, мечом их отдалает и, подошед к нему, голосом громким говорит: «Ты побежден, храбрый Оркан, и град твой уже в моей власти, я почитаю твою храбрость, будь мне другом и союзником и прими веру мою». При сих последних словах Оркан вскакивает как бешеный и, не имея в руках меча, выхватывает из-за пояса кинжал, крича в ярости: «Прими лучше ты мою!» — и ударил им в промежность лат белого князя. Невидимая рука ослабила смертоносный удар. Но князь оный почувствовал и, отскочив несколько назад, кидается на Оркана и единым ударом разрубает непокровенную голову его. Оркан упал, и вся моя надежда исчезла. Начальники белых войск окружили своего князя и, видя его израненного во многих местах, хотели ему помогать, но он, указав мечом на град, сказал: «Обладайте прежде градом, а мои раны не опасны, потом, призвав к себе единого от старейшин своих, повелел ему: «Сопротивляющихся вам убивайте, а щадите жен и чад». Потом двинулись поспешно войска к граду. И как врата оного отверсты были для бегущих от страха воинов, то победители с побежденными вместе в оной вошли. Я же употребил последнее мое отомщение. И вдохнул ярость в граждан, дабы с остервенением не только мужи, но и жены защищались, что они и сделали, и много погибло победителей, желающих щадить граждан. Князь же, пребывая за градом и увидев о сем, дал волю воинам не только грабить и убивать, но и весь град зажечь.

ВЕЧЕР СЕМНАДЦАТЫЙ

Вдруг показался дым в разных местах града, раздраженные воины, отомщая кровь братьев своих, не щадили ни возраста, ни лет, ни пола, и все предавали огню и мечу. Вой и плач доходил до ушей моих. Я от злости скрежетал зубами и клялся всем адом отомстить белым князьям и всему их народу. Потом удалился я от града и прибыл в сии места. Здесь совещаю я с подвластными мне духами пагубу белому народу. Рассылаю их во все страны, дабы возбудили желание в разных племенах придти поселиться на берегах Идиля, и, создавши грады и твердыни, наносить ужас в страны, мне противные.

Есть высокая гора, в некотором отдалении от Идиля, на левом одного берегу, на коей вскоре воздвигнут пришедшие народы из дальних стран обширный и крепкий град³⁴. Покорят соседние себе народы уар, мокшу и черемис, по берегам трех рек живущих. Сделают их своими данниками, и не только сих, но и ваш лесной народ подвергнется их власти, быв единого с ними толку Магометова, а усилясь, нанесут великий вред белому народу и несколько лет дани с них получать будут. А я, видя распространившуюся власть их, в образе старца явлюсь среди града в виде Авлии, они примут и почтут меня, а я буду давать им советы на истребление белых князей и враждебной нам их веры. Но настанет время, время для меня горестное и последнее! Конец моим волхвованиям, так как и жизни моей.

Произойдет из племени белых князей сильный и храбрый муж, коего признают себе главою и нарекут падшою. Сей в юности еще начнет владеть обширную своею страною, соединит всех белых князей воедино, свергнет с себя иго мусульманов, многократно побеждать будет силы наши, два раза возьмет град, но не разорит его, наложит только дани. Я, питая всегда ненависть к народу белому, к сильному их падше, а паче к вере их, воздвигну смятение в граде, дабы свергнуть иго белого властелина. Народ меня послушается, изгонит хана, поставленного белым падшою, возведет на место его другого и объявит вражду белому царству. И как я уже сказал, что белый падша два раза победит и два раза простит мятежников, но в третий к нам как взбунтовавшимся придет он с великою силою, несмотря на все усилия наши, опровергнет стены града, и я, стоя на бойнице со всеми моими очарованиями, подавлен буду упавшею на меня стеною.

Выговоря сие, прорицатель замолк и, потупя глаза,

пребыл надолго в размышлении, но я желая знать о судьбе моей и имея еще несколько вопросов ему сделать, прервала его молчание, сказав ему: «Предречение твое меня удивляет, а о разорении града твоего Брахима я слыхала от стариков наших, но не так подробно, как ты мне возвестил. Теперь прошу тебя сказать мне о собственной моей судьбе, что со мною будет?» Он, как бы от глубокого сна пробудившись, смутными глазами взглянув на меня, сказал:

— Батыр-кыз! По приличию тебе дано сие имя, ибо ни единого из мужей лесного вашего народа нет тебе равного ни в силе, ни в храбрости, ни в проворстве. Да не только нет, но и никогда не будет. Хотя теперь соотчичи твои, пребывая в спокойствии, добры нравами, меж собою не враждуют, единое их дело пасти стада, разводить пчел и ездить на звероловство. Но если бы ты могла прожить двадцать мусалей, то бы не узнала своих единоплеменных, не только по житью их, ниже по одежде. Стада их умалятся, звероловство оставят, вместо тугих костяных их луков будут загнуты из тонкого леса, наподобие коромысла, на чем старухи ваши носят воду; вместо тетив, из крепких конских жил сделанных, натянут они свои коромысла свитою из мочал, а стрелы их будут в подобие веретен; а что всего хуже, то и нравы их развратятся.

— От чего же это? — вскричала я в горести, которую начала уже чувствовать при начале его слова.

— Народы, о коих я тебе упомянул — уары, мокши и черемисы, избегая власти белого князя, великими толпами будут приходить к вам. Вы по доброте вашей, сжалясь над нищетою их, примете к себе в сожитие. Они, не привыкши же в подвижных ваших кошах, начнут себе строить жилища из дерева, станут снимать дерн с земли вашей от начала света еще не тронутый, посеют семена и будут ими питаться, чему и вас переучат. Вы, отстав от прежнего вашего хозяйства, сие новое худо поймете и будете в нищете. А они, видя вас расслабленных и не знающих, за что приняты, будут заводить между вами ссоры, и от того восстанете вы род на род, но не батырством или войною, а просьбою к поставленной над вами власти (что мы с тобою называем Астенда-мин-кымнин), которая отнимет от вас ваши земли и отдаст пришельцам, а вам оставит столько, что едва пропитаться можно. Но сего ты не дождешься, как я и прежде упомянул, тем менее отец твой и все ныне живущие. А чтобы тебя обрадовать в твоей жизни, то предвещаю тебе, что ты будешь

иметь мужем батыра из степного вашего народа, по ту сторону уральских гор живущего, почти равного тебе летами, равного мужеством, силой и проворством с тобою. Ты его полюбишь, оставишь дом отца своего...³⁵

... — Мне быть не за что, ибо я тебя первый раз вижу, и ты меня не обидел. И для того приемлю твой салам, и тебя подобным приветствую.

Он смотрел на меня со вниманием, равно и на коня моего, а потом сказал:

— Батыр! Надобно, чтобы ты сделал дальний путь, что конь твой так подорвался?

Я без всякого размышления сказала ему, не привыкши притворяться и лгать, что уже близко месяца, как выехала из дома.

— Близко месяца! — сказал он и смотрел мне прямо в глаза. — Не из Кидрясова ли ты аула?

При имени отца моего, я почувствовала, что вся покраснела, потупила глаза и терзалась совестью, что без позволения его уехала. Но как я молчать долго не могла, то прерывающимся и робким голосом спросила его, почему он знает Кидряса.

— Я тебе расскажу, почему я его знаю, — отвечал он мне, — а между тем слезем с коней, я тебя попотчиваю Кидрясовым кымызом, которого налила мне жена его на дорогу.

Признаюсь вам, добрые мои гости, что я в такой была робости от слов сего батыра, какой сражаясь с свирепыми медведями никогда не чувствовала. Слезаю с коня, треножу его, стою и ожидаю, что он велит. Он так же слез с коня и, вывязав турсук и чашку, сказал мне: «Сядем, батыр! Ты давно не пивал кымызу, а особливо того, который жена Кидрясова делала. Ах, добрая мать, отдавая мне турсук, проливали слезы».

Сие слово, как стрела, мне сердце пронзило. Он подал мне чашку кымыза, я, отпивши, отдала ему назад и, отвернувшись, стала утирать слезы, не давая однако ж сего ему приметить. Но от быстроты глаз его скрыть сего не могла. Он, выпив чашку, стал наливать для меня, а я между тем, ободряясь, спросила его, о чем Кидрясова жена плакала. Выпей наперед чашку, а я тебе расскажу после.

ВЕЧЕР ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

— Видишь ли ты по одежде моей, что я не вашего народа?

— Вижу, — отвечала я, — и барсовая на тебе доха и обувь доказывают, что ты из степного народа.

— Ты угадал, батыр, ибо мы с вами хотя и одного племени, но в одежде и в житье не одинаковы. Имя мое Алдар, я считаюсь батыром и наездником между нашими семиродцами. Не только на звероловстве против свирепых наших юлбарсов я себя отличил, но и злобные пяри меня трепещут. Я многих из них побивал и отнимал добычи ими похищенные. Аксакалы наши, желая каждый принять меня к себе в родство, предлагали мне в замужество красных дочерей своих, но я отговаривался от женитьбы, а принудить меня к тому было некому, ибо отец и мать мои оставили меня еще в малолетстве. И так продолжал я мою холостую жизнь в батырских подвигах и умножал к себе любовь и похвалу моих семиродцев, кои издалика приезжали и просили меня, чтоб я защитил их или от нападения на стада их хищных зверей, или от злобных пяриев. В один день как я был приглашен (с год тому назад) на джиин к одному из почтенных наших аксакалов по имени Айсюль, увидел подле хозяина сидящего гостя из вашего народа. Айсюль, приветствуя меня, сказал: «Подойди ко мне, мой сын, поздоровайся». Я подошел к нему с почтением, какое мы обыкновенно старикам оказываем. Он, держа меня за руку, сказал своему гостю: «Это наш молодой батыр Алдар, которому нет равного во всех родах наших». И велел мне сесть возле себя, что у нас считается за великую честь. После обыкновенного на джиинах угощения (как думаю и у вас водится) началась борьба. Гость, от вас к нам приехавший, удивлялся удальству и проворству наших батыров, и признавался, что в их лесном народе подобных им не видел. «А есть у нас, — примолвил он, — в кошу из почтеннейших наших стариков Кидряса, девка, дочь его, одарена такою силою, смелостью и проворством, что ни один из наших ни средолетних, ни молодых батыров с нею схватиться не смеют ни в борьбе, ни в стаскивании с коней, ни в стрельянии из лука. Лучшее ее упражнение — ездить по лесам и сражаться со свирепыми нашими медведями. Она одна убила белого медведя чрезвычайной величины, который растерзал коня ее. Но она, соскочив с коня, схватилась с ним и заколола его кинжалом. Таковые ее удачи в бою со зверями возгордили ее до того,

что она отвергает всех женихов за нее сватающихся. И сказала отцу своему наотрез, что тот будет ей жених, кто будет ей равен или превзойдет ее в батырстве». При сих словах Айсюль, взглянув на меня, сказал: «Алдар, вот тебе невеста. Мы все уверены, что ты ее поборешь». Потом обернувшись к гостю, спросил: «Скажи нам, хазрет, хороша ли она собою?»

— Красота ее равняется ее храбрости, и она от всех наших родов прозвана батыр-кыз.

Я слушал со вниманием все речи приезжего и отвечал Айсюлю³⁶, что я еще молод и жениться не думаю. Между тем, отличившийся перед всеми борец сидел в кругу и ожидал себе спорника. Сей был по имени и по силе палуан. Росту был высокого, в плечах укладывалась кленовая наша стрела, взор имел свирепый, бороду черную густую, но короткую, и все тело его поросло шерстью, так что походил он более на зверя, нежели на человека. Приехал он неожиданно с устья реки Яика, впадающего в Ак-Дингиз. Все собрание видя, что никто не смеет выйти на единоборство с палуаном закричало мне: «Алдар, неужели ты оставишь сего приморского батыра победителем в наших потехах?» Я встаю, подают мне кушак, опоясавшись им, подхожу к гордому палуану, и, быв ростом меньше его на целую голову, отчаиваюсь его побороть. Но дабы не оставить безнадёжных моих однородцев, схватываюсь с ним, испытываем свои силы, он меня поднимает, а я сжимая бока ему столь сильно, что он принужден был меня отпустить. Я же, пользуясь сим, принимаю его на бедру и ударяю о землю. Все собрание произнесло радостные крики, а палуан, опаматовавшись, встал и сказал собранию: «Двадцать лет я борюсь и никто меня не поборол, и батыр Алдар может хвалиться, что нет против него борца от вершин и до устья реки Яика».

ВЕЧЕР ДВАДЦАТЫЙ

Сии слова произвели во мне самолюбие и гордость, тем более, что я поборол сильного батыра, из столь отдаленных стран пришедшего, а между моими семиродцами равного мне не было. Одним словом, я столь же много возмечтал о себе, как и девка лесного народа, убивши белого медведя.

Услыша мое имя, я прервала его речь: «Я верю, батыр, что ты мужествен и силен и что нет тебе в твоих родах равного, но я бы желала от тебя услышать, о чем жена Кидрясова плакала?»

— О! Сколь ты, егет, нетерпелив, надобно выслушать себя старшего. Я еще в середине моей повести, а ты хочешь, чтобы я сказывал тебе конец. Молчи и дослушай.

Сии слова привели меня в робость, и я замолчала, а он продолжал:

— Батыр-палуан, сделав мне столь лестное приветствие, взяв меня за руку, сказал: «Будь мне другом». Потом Айсюль посадил меня с ним рядом. Нас потчевали по обыкновению кымызом, и джиин скоро кончился. На другой день поехал я к себе домой, нашел, что скот мой был весь здоров и всех жителей нашего аула в спокойствии. Но в себе оно не находил. Рассказы об удахой девке кружили мне голову. Я не мог поверить, чтобы женщина могла быть отменный батыр. Хотя и из наших есть удалые, но всегда найдется из молодых мужчин их сильнее. В таком размышлении был я несколько месяцев, и, наконец, вздумал ехать сюда, увидеть своими глазами и изведать самому собою. И для того пришел в один день к одному аксакалу из родственников моих, сказал ему мою думу, и что я непременно еду ее видеть, а если удастся, то на ней и жениться, и просил его, чтобы он не оставил моего скота. «Путь тебе добрый, мой сын! — сказал он мне, — поезжай». Я, простясь с ним, пустился в путь, и в этом снаряде, как ты меня видишь. Целый день я ехал без всякой встречи, а к вечеру, когда я избирал себе место для ночлега, встретился со мною в незнакомой мне одежде и на доброй лошади человек. Я поздравствовал его с добрым путем и по ответу его узнал, что он был мусульман. А как обоих нас пристигла ночь, то по нескольким словам и согласились мы вместе ночевать. Я его потчевал, что имел, а он вывязал из седла убитую им птицу и, ощипав, стал ее жарить. И ею меня потчевал. А между тем узнал я от него, что он путешествует, родом из Болгарии, что замечает разные диковинки и, приехав, будет рассказывать своему хану. «Что же за диковины видел ты на дороге?» — спросил я его. Он рассказывал мне о каком-то вещуне, прорицающем будущее. А я его спросил:

— Был ли он сам и видел ли его?

— Нет, — сказал он, — я сам не был, а слышал.

— Так мало же ты привезешь вестей своему хану! Хотя не знаешь ли ты по крайней мере того, кто бы туда ездил?

— Видел я одного из лесного народа батыра, — отвечал он мне, — на добром рыжем коне в кармазинном кафтане и в черной лисьей шапке, исправно вооружен-

ного копьем, саблею, луком и стрелами. Он встретился со мною так же как ты, и так же любопытен был знать о вещуне как и ты, и я ему рассказывал то же, что тебе, прибавя только о пути, который ведет к пещере, и он, выслушав все, — «Сего довольно, — сказал мне, — прощай, батыр!» И я думаю, что сей смельчак туда полетел. После сих слов Алдар замолчал и смотрел мне прямо в глаза, а я должна была внутренне признаться, что по словам болгарца он меня описал с ног до головы. Я хотела было перебить его речь. «Нет, подожди», — сказал он мне, — дослушай, а замолчал я для того, что хотел отдохнуть, ибо никогда столь много не говорил. В нашем народе в мои лета более слушают, нежели говорят. А ты меня помоложе, так и должен дослушать».

ВЕЧЕР ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Поутру расстался я с болгарцем и поехал к хребту Урала, который переезжая не случилось со мною никакой встречи. И короче сказать, нигде до самого вашего Ак-Идиля, который переправясь вплавь, начал встречать кочевьи ваши и спрашивал об ауле Кидрясовом, о котором сказали мне, что он близ озера Кандры.

— Зачем ты туда едешь, кыр-батыр? — спросил меня один, как видно, из почтеннейших ваших стариков, — не хочешь ли изведать силы батыр-кыза, дочери Кидрясовой?

Я признался ему, что затем еду.

— Ты не найдешь ее дома, — отвечал он мне.

— Где же она? — спросил я.

— Уехала на звероловство и домой не приезжала.

— Давно ли?

— Близко месяц, говорят, жаль нам будет, когда батыр-кыз погибнет, а она всегда была вожаком нашим молодым батырам в звероловстве.

От сих слов забилося у меня сердце, и жаль мне стало батыр-кыза, и узнал только тут, что я ее люблю. Сел на моего коня и поехал. Путь уже мне был недалек. И я увидел вдали озеро и кочевье Кидрясово. Большая белой кошмы кибитка стояла на пригорке, и множество жеребят было привязано близ ее. Первого встретившегося спросил я о Кидрясе, а он мне показал на большую белую кибитку. Подъехав к коей, увидел я у дверей сидящего почтенного старика в полосатом халате, держащего в руке палку, и голову приклоня на нее, смотрел в землю. Я подъехал к нему, но он не слышал ничего, я, по-

стояв, подал ему салям. А он, как бы от глубокого сна, поднявши голову, слезящимися глазами взглянув на меня, сказал: «Добро пожаловать, слезь с коня и войди в кибитку». А сам вошел прежде. Я, привязав моего коня, зашел за ним и увидел женщину немолодых лет, сидящую и также плачущую. Я спросил и ее, здорова ли она?» «Пока еще здорова», — сказала она мне, утирая глаза. Старик, посадив меня и посидев немного, спросил меня: — Ты видно издалека, батыр, и народа степного? — Так, — сказал я ему, — я с берегов быстрого Яика и приехал видеть соплеменный мне народ лесной. — Ах! — сказал он мне, — народ лесной в печали, а я наиболее. Молодые наши батыри лишились вожака в звероловстве, а я с женою лишился милой мне дочери батыр-кыза.

И, выговаривая сие, оба с женою зарыдали. Я, дав утешиться их рыданию, начал им говорить: «Не предавайся печали, почтенный старец! Может быть, дочь твоя жива и к тебе возвратится. Я признаюсь тебе, что я не только понимаю участие в твоей горести, но и сам от сердца скорблю, ибо для нее одной переехал крутые уральские горы, пространные степи и переплыл широкие ваши реки. Слава о мужестве ее и силе достигла и до наших степных жилищ». Потом рассказал я подробно как о ней на джиине слышал, примолвя, что когда я не нашел ее дома, то поеду искать и без нее к нему не возвращусь.

ВЕЧЕР ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

Старик, как бы обнадеженный сими словами, благодарил меня за доброе намерение, а жена его между тем подавала мне чашку кымызу, который (правду тебе сказать) я с жадностью выпил, давно не пивши, потом другую и третью. «В пути твоём ты, верно, проголодался, добрый батыр? — сказал мне отец батыр-кыза, а матери ее велел приготовить для меня пищу. Она вышла из кибитки, а я, оставшись со стариком, рассказывал ему о житье степного народа и о себе, и пока мы разговаривали, то старуха принесла мне в чашке пищу. Хозяин меня потчевал, а сам не касался оной, сказав: «Не стану я есть горячего мяса и пить кроме одной чашки кымызу, пока не возвратится моя любезная батыр-кыз». Во все сие время, как Алдар рассказывал об отце моем, я сидела закрывши руками глаза и плакала, а он, как бы не примечая, продолжал:

— Наевшись досыта состряпанного яства руками доброй старухи и выпивши почти целый турсук кымызу, почувствовал я превеликую бодрость. Хотел тотчас ехать искать батыр-кыза, но Кидряс, меня остановя, сказал: «Ночуй, мой добрый гость, а завтра рано поезжай с богом, привези мне батыр-кыза». Пока он сие говорил, старуха постлала мне постели, и я повалился на нее не раздевшись и спал до восхода солнца. Проснувшись, увидел я старика и старуху на молитве, а сам пошел — начал седлать коня, который был расседлан по приказу хозяйскому и пущен пастись. Возвратясь же, опоясав мое оружие, благодарил Кидряса за угощение, прося притом, чтобы на меня надеялся. «Погоди, — сказала старуха, — я тебе налью на дорогу турсук кымызу». И, наливши, подала мне и плачущи сказала: «Ах, добрый кыр-батыр, не забудь данного слова и найди мне мою дочь».

— Ну теперь, — прибавил он, потрепавши меня по плечу, — узнал ли ты, о чем жена Кидрясова плакала?

— Узнал, — отвечала я, — и поскачу к Кидрясу сказать ему добрую весть о батыр-кызе.

— Погоди, — отвечал мне грозно Алдар, — я тебя не пушу. Или ты должен со мною вместе ехать и при мне рассказывать ему сию хорошую весть, или я поеду вперед и скажу ему, что один молодой батыр едет сказать ему хорошую весть, а ты между тем недалеко от коша подожди. Я хотела ему противиться, а он, схватя моего коня за повод и вынув саблю, сказал мне, что он с одного маху отрубит коню моему голову и оставит меня пешую, и тогда легко ему будет упредить меня, я принуждена была с ним согласиться, а он сказал мне: «Ты поезжай тихо, и подъехав к кошу, стань на пригорке между деревьями, и когда увидишь меня делающего тебе маяк³⁷, поезжай тихо к кошу, а иначе я с тобой драться буду».

Сказав сие, ударил коня своего плетью и пустился как стрела, а я ехала шагом и укоряла себя в трусости против батыра. Уже подъехала я к кошу, где мать и отец меня оплакивали, сердце мое билось и чуть не поскакала, но помня данное мною слово, остановилась в назначенном месте и едва я увидела, что Алдар дает мне маяк, как я поехала в кош шагом. Он мне после сам рассказывал, что скорое его возвращение удивило отца моего и мать. И когда он рассказывал о батыре, везущем обо мне им весть, то старики приступили к нему и спрашивали: в каком батыр кафтане? В какой шапке? Какое оружие и на каком коне? На что им отвечал, что вы сами его скоро увидите. И, выехавши, подавал мне маяк. Я уже

въезжала в кош, как жители, увидя меня, закричали: «Батыр-кыз возвращается!» — и повторяли во многие голоса.

Отец и мать моя, не могшие ничего добиться от Алдара, вышли из кибитки, видели его подающего маяк и слышали имя батыр-кыза. Народ бежал ко мне навстречу. Всякий радовался, всякий поздравлял меня с возвращением. Многие желали знать, что я так долго ездила. А между тем Алдар, приблизясь ко мне, ехал со мною рядом к кибитке отца моего. Я увидела его, идущего ко мне с матерью навстречу. Забыв данное слово, поскакала к ним и, бросившись с коня, упала в ноги. «Ах! Дочь наша... любезная наша дочь! — возопили старики, бросились ко мне на шею и обливали меня радостными слезами. Я попеременно обнимала отца моего и мать. И сие бы, может быть, продолжалось долго, если бы Алдар, сидевший еще на коне, не закричал:

«Как, Кидряс? Это дочь твоя, батыр-кыз?!»

— Да, — мой друг, — отвечал он, — ты обещал мне ее привезти и сдержал свое слово.

— Я привел к тебе батыра, а не девку. А если это точно дочь твоя, то она великая притворщица.

Сии слова заставили засмеяться моего отца, и он сказал Алдару: «Слезь с коня, батыр, и поди сорадоваться моему счастью».

А между тем народ сбежался со всего аула и толпился около меня и отца моего. Заглушали нас поздравлениями и кричали: «Теперь, Кидряс, дашь ты нам большой джиин на радости».

— Охотно, друзья мои, — отвечал мой отец, и все соседственные и дальние аулы буду на него звать.

Потом, призвав к себе нескольких молодых людей, сказал им:

— Джигитляр! Поймайте из табунов моих лучших себе коней. Поезжайте на них не только в ближние аулы, но за день и за два отсюда езды. Зовите всех ко мне на праздник. Скажите, что батыр-кыз возвратился, что еще приехал ко мне гость кыр-батыр Алдар, прославившийся силою своею и проворством во всех семи родах, которого я хочу показать всем моим друзьям и однородцам.

ВЕЧЕР ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

По отправлении их велел отец мой наставлять котлы и готовить яства, которых и сам хотел на радости отвесть. Сказала я уже вам и прежде, что он не прикасал-

ся к горячей пище во время моей отлучки; а между тем подавали кымыз собравшимся к нам в кибитку ближним родственникам и старикам нашего аула. Всякий, приняв чашку, припивал, все молчали и ожидали, что я начну мою повесть. Но я еще не могла собраться с мыслями от радости и не знала начинать ли мне рассказывать или обнимать мать мою, которая, как и отец, не спускала с меня глаз своих. Но Алдар, выпив свою чашку, начал говорить отцу моему:

— Почтенный Кидряс и ты, добрая Бурамбика! Не мудрено, что вы удивились скорому моему возвращению. Ибо солнце не успело еще совершить треть дневного своего пути, как встретился я с вашим батыр-кызом. Остановя его, начал с ним разговор, осматривал его с ног до головы, а также и коня его, вспомня описание попавшимся мне болгарцем, узнал я в нем точно вашу дочь. Я просил ее слезть с коня и потчевал кымызом, которым снабдила меня на дорогу мать ее. Потом принудил ее выслушать причину моего приезда в вашу сторону. И когда довел речь мою до вас обоих, то увидел ее проливающую слезы, что и утвердило меня в моем подозрении, и узнал в ней настоящую батыр-кыз. Когда же выслушала она от меня все, то хотела скакать вперед и принести вам радостную будто весть о дочери вашей, но я ее остановил и хотел изрубить коня, если она меня не послушается. Остальное вы уже знаете, как мы приехали, и так не заслуживаю я от тебя благодарности, будто бы привез к вам дочь вашу. Она бы могла и без меня приехать тот же день. А я обязан счастливому случаю, который заставил меня так близко от аулов ваших ее встретить.

Отец мой, видя скромность Алдарову, не оставил сказать, что он все ему благодарен за добрые его намерения и считает его для себя самым любимым гостем, что и расскажет всем собравшимся к нему на праздник гостям. Во время сего разговора пришли сказать, что мясо готово и по чашкам раскладено. Мы вышли из кибитки и увидели разостланные ковры и поставленные на них снеди. Отец мой посадил меня на левую руку, а Алдара по правую, мне бы как девке и не следовало сидеть с мужчинами по обычаям нашим, но как я носила мужское платье и название батыра, то и сяду вместе с мужчинами. Ужин наш продолжался недолго, потому что были на нем только ближние наши родственники и почтенные старики из нашего аула, после которого скоро они разошлись. Отец мой пошел в свою кибитку

с Алдаром, а я пошла в другую с моей матерью. Ночь спали мы весьма крепко, ибо у всякого из нас были спокойные мысли.

Солнце уже взошло выше дерева, и набожные старики нашего аула давно уже отправляли свою утреннюю молитву. А в наших двух кибитках едва-едва продирали глаза, да может быть еще бы и спали, если бы не топот кобылиц, пригнанных для доения, нас не разбудил. Отец мой, вышедши из кибитки, велел поймать жирную кобылицу и созвав бедных из аула, сделал им угощение, а для питья поставил им три сабы кымызу. Между тем собирались к отцу моему старики и родные, дабы услышать от меня мою повесть, кою я вам начала рассказывать, прося прежде прощения у отца и матери моей, что не открыла настоящей причины моего отъезда и тем навлекла им печаль. Рассказы мои продолжались почти до вечера и тот день не кончила, ибо часто была прерываемая отцом моим и матерью, да и прочими любопытствующими, и так отложено было до другого дня, с наступлением коего должна я была начать рассказы о моем путешествии. Уже довела я мою повесть до последнего моего вопроса, как вдруг услышали конский топот и шум в ауле. Все вскочили с мест и побежали из кибитки узнать о причине. Я и Алдар были первые выбежавшие, тут увидели скачущих двух наших пастухов, у коих лошади так заръяли, что едва скакали. Я побежала к ним навстречу и спрашивала, что сделалось? А они, запыхавшись, едва выговорить могли, что два превеликих медведя разогнали табуны наши, и каждый, схватив по жирной кобыле, их терзали. Лишь только я от них сие услышала, как бросилась к моему коню, оседлала его и опоясалась оружием, села на коня и хотела спросить еще пастухов о месте, где они оставили медведей, терзающих кобылиц. Но так удивилась, что Алдар уже был вооружен на коне и их расспрашивал. К нам и пастухам подошел и отец мой. Я, обернувшись к нему, просила позволения, чтобы он не запретил мне показать удалство мое над хищниками табунов наших при кыр-батыре Алдаре. И, взглянув на него, сказала:

— Я уверена, что он будет мне товарищем.

— А зачем же я и на коне! — отвечал мне отрывисто Алдар.

— Так поезжайте же с богом, мои дети, — сказал нам обоим отец мой.

Алдар, услыша, что он назвал его сыном: «Для сего имени, — отвечал он, — я пойду против ста медведей»,

и мы, ударив по тебенкам лошадей своих, поскакали. И как места мне были известны, то вскоре мы были в той долине, где оставили пастухи медведей. Мы увидели их один от другого не в близком расстоянии, так что если на одного напасть, то другой сего бы не услышал, и не увидел, ибо разделял их небольшой лесок. Тут сказала я Алдару: «Постоим и сделаем уговор. — Ты первый ступай на медведя, убивай его каким хочешь оружием, я тебе мешать не буду, но прошу так же и тебя, что когда вступлю в бой с другим, то и ты не вмешивайся и не помогай мне отнюдь». Алдар, видя меня, с решимостью говорящую, согласился на мой договор, и мы поехали тихо к первому медведю, и, подъехав на полвыстрела стрелы, сказал мне Алдар: «Остановись и смотри». А сам, взяв копье свое под мышку, поскакал к медведю. Зверь, услыша топот, бросил свою добычу, и, став на задние лапы, ожидал батыра. А сей с такою силою ударил его копьем под переднюю лопатку, что пробил его насквозь, и зверь повалился почти без дыхания, а Алдар слез с коня и распорол ему кинжалом брюхо.

— Ты скоро окончил свой бой! — сказала я ему, — а я хочу тебя позабавить, дабы ты бою моему с медведем посмеялся.

— Да чем же ты хочешь драться? — возразил он мне, — у тебя нет копья, так возьми мое.

— Не надобно мне копья, — отвечала я, — а тебя только прошу, чтобы ты въехал на сей пригорок и с оного не съезжал, пока я не убью зверя. Возьми моего коня и верхнее мое платье.

— Что ты хочешь делать? — сказал мне удивленный Алдар.

— Это ты увидишь, — потом скинула я с себя кармазинный кафтан, оставшись в одном бешмете, скинула сапоги, а широкие шанхаевы шаровары подобрала в чулки. Из колчана своего вынула четыре стрелы и заткнула себе за пояс. Колчан же повесила на коне своем, но саблю опоясала на себе, все сие видя, Алдар говорил мне: «Что за чудеса хочешь ты делать? Ты, девка, с ума сходишь!»

— Ты увидишь, — сказала ему, — схожу ли я с ума, поезжай и смотри.

Он, вздохнувши, поехал прочь. А я, быв легка и проворна, надеялась, что успею в моем деле, и для того пошла тихонько к тому месту, где был медведь. И, подойдя на верный выстрел, стала за деревом и ожидала, чтобы медведь обернулся ко мне задом. Я недолго сего

ждала, ибо он, терзая и пожирая добычу свою, и поворачиваясь во все стороны стал ко мне спиною. А я, натянув стрелу, пустила ему в самую ляжку. Удар был удачен и стрела моя вошла до половины. Зверь, почувствовав внезапный удар, бросил добычу и схватил зубами за стрелу. В самое то время выбежала я из-за дерева прямо к нему и, схватив с головы моей шапку, дразнила его, а он, остервенившись, на меня бросился: я бросила шапку мою к нему под ноги, он же в ярости думал, что это я, стал рвать шапку, а я, между тем, пустила ему другую стрелу, в переднюю лопатку, от сего удара он бросил шапку и кинулся на меня. Я же, быв скорее на бегу, продолжала дразнить, бежала от него к близ стоящему дереву, на которое полезла с такою скоростью, как лазают наши белки, и желала привлечь за собою медведя, что и исполнилось, ибо он в бешенстве своем полез за мною на дерево, а я, дразня его, взбиралась на самую вершину. И как видела, что он уже от меня близко, то я соскочила с вершины на сук, могущий меня удержать, а для него он был тонок, чтобы приближаться ко мне. Я, сидя на сучке, дразнила его моею саблею, а он, не могши меня достать, ревел страшно, я же, качаясь на длинном сучке, опускалась книзу и без всякой опасности спустилась на землю и, подхватив оставленный мой под деревом лук, всадила ему еще стрелу под левую лопатку, отчего зверь не мог уже на вершине сучьев держаться и стал с дерева валиться, а я, видя сие, посчитала, что он не может сделать уже никакого вреда, вынув саблю, спокойно ожидала его нападение, что вскоре и последовало. Зверь упал, испуская последний рев, а я, подскоча, ударила его саблею по морде столь сильно, что отрубила ее прочь, чем и бой кончился. Я обернулась и хотела кликать Алдара, но он уже скакал ко мне и кричал:

— Ну, батыр-кыз, подлинно ты меня позабавила своею игрушкою с медведем, но спросила бы ты меня, каково было у меня на сердце, когда я видел гонящегося за тобою медведя. Я чуть не нарушил данного слова и едва не поскакал к тебе на помощь.

— Худо бы ты сделал, Алдар. И я бы на тебя осердилась.

Во сие время как мы с ним разговаривали, прискакали к нам поздно собравшиеся молодые батыры, но видя, что все уже кончено, только что лишь нас с добычею поздравляли. Я велела снять кожи с обоих убитых медведей, что было вскоре и сделано. А между тем, обувшись, надела свой кафтан и поехали в кош. И как путь

был недалек, то гораздо прежде акшама, туда возвратились. И только что подъехали к кибитке отца моего, то Алдар, скочив с коня, схватил шкуру убитого мною медведя, бросил ее к ногам отца моего. «Вот, — сказал он, — шкура хищника табунов твоих, которого убила смелая и храбрая твоя батыр-кыз». Потом рассказывал с удивлением мою драку с медведем и кончил такими словами: «Такой девушки во всех наших семи родах нет».

Тогда и я, взяв кожу убитого им зверя, сказала отцу моему: «Если Алдар с удивлением рассказывает о поражении мною медведя, то и я с неменьшим удивлением видела с какою силою и проворством убил он одним ударом сего страшного медведя». Тут стали мерять кожи, и нашли их обоих равными. И как отец мой так и аксакалы тут собравшиеся присудили, чтобы на будущем большом джиине сидеть каждому из нас на коже убитого нами зверя.

ВЕЧЕР ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

— Наступил уже тот день, в который званым на джиин собраться было должно. Посланные от отца моего, один по одному возвращались, извещая, что зов его приняли с радостью, и что ближние приедут около Ойлянамаза, а дальние поране Икинды-намаза³⁸. Отец им велел поближе подогнать табуны свои, как конные, так и рогатые, дабы из оных выбрать самых жирных кобылиц для угощения ожидаемых гостей. И только что сие исполнено было, как увидели едущую толпу народа и известили о сем отца моего, а он, вышедши из кибитки вместе с Алдаром и взглянув на приближающихся, сказал: «Это ближние мои соседи, кочующие по берегам Кармасана, степи у них просторные, и скотоводство великое. Овцы их приносят длинную и белую, как снег, волну, и для того видишь ты их одеянных в белую одежду, кони их крепки, но не рослы».

Потом с северной стороны показалась большая артель. Отец мой, всматриваясь, сказал: «Если глаза мои не ошибаются, то я вижу жителей быстрой и каменистой реки Бирь. Река сия берет начало свое из горы Урала и впадает в Ак-Идиль. Берега ее покрыты непроходимыми лесами, и она, протекая меж оных и в самые жестокие морозы не замерзает. И для того воды ее бывают покрыты зимою ак-кошами и прочими водяными птицами, кои, быв защищены лесистыми берегами, плавают спокойно через целую зиму. Жители сей страны — ве-

ликие пчеловоды, каждый из них имеет по сто и более бортей, и ежегодно их прибавляют, а пчелы не оставляют из праздными, прививаясь, приносят обильно меду. Но часто разоряемы бывают сии труды их от медведей, коих в лесах бирских великое множество. Нередко и жители сих хищников побивают, быв великие звероловцы, и для того видишь ты на всяком шапку, сделанную из молодого медведя. Сего почтенного аксакала, который им предшествует, называют Балтас. Он в молодости своей был сильный батыр, от его руки погибло множество медведей, разоряющих борти их. По правую его руку на серопегом коне едет старший сын его Тлевчин. Он наследовал силу и проворство отца своего и из первых борцов их аулов. По левую сторону на чубаром востром коне едет меньшей. Его сын Кинзя, хотя не достиг он совершенных лет, но явил уже много раз свое мужество и искусство в стрельнии из лука».

Пока Кидряс рассказывал Алдару, гости подъехали, и отец мой шел к ним навстречу. Джигитляры нашего аула принимали у гостей коней, а я, по приказу отца моего, пошла помочь слезать с коня почтенному Балтасу, который, увидя меня, ему помогающую, сказал с радостным видом: «Ай, батыр-кыз, здорова ли ты возвратилась?» Дав мне руку, потом отцу моему и здороваясь с ним, он сказал ему: «Поздравляю, старый мой друг, с возвращением твоего батыр-кыза. Много я скорбел, когда услышал, что она без вести пропала, и все наши жители о ней весьма жалели. Рука ее поубавила медведей в наших лесах».

Отец мой, был занят гостями, сказал мне: «Пока я принимаю приехавших, а ты поди с Алдаром на ближний пригорок и, увидя приближающихся еще гостей, рассказывай ему, из каких они мест, из каких родов и об их житье».

Признаюсь вам, добрые мои слушатели, что я не хотела отказаться от сего приказу, да и у товарища моего видна была радость на лице. Пригорок, на который мы пошли, был недалеко от кибитки нашей и открывал столько обширности, что можно было видеть и различных едущих. Не успели мы войти на оной, как увидели всадников в красных кафтанах. Я сказала Алдару: «Сей народ есть из богатейших в нашем краю. Он кочует на тучных пажитях глубокой реки Дим, она течет из степной вашей стороны и впадает так же в Ак-Идиль. Воды ее черны, и при устье своем отличаются они чернотой от белизны Ак-Идиля. По берегам реки сей растут дуб и

ильм. Она весьма рыбна, а жители богаты скотом. Кони их самые лучшие по росту, стати и доброте, на них-то догоняют они в степях своих волков и лисиц: приметь, что на каждом всаднике шапка из чернобурой лисицы. Народ сей, как я думаю, самому тебе известно, принадлежит к вашему, ибо кочуют они более по степям, нежели в лесах. Я знаю из них многих по проворству и силе, и теперь могу различить и сказать тебе о некоторых. Седок на рыжем коне, отличающийся ростом и осанкой пред прочими, есть Баш их, сильный Итбай. К силе своей присоединяет он великое проворство, нет столь сильного всадника, который мог бы его вытащить из седла. Я видела его скачущего во всю прыть и поднимающего с земли не только плетку, но и кажбовную чешуйку. По сторону его на вороном коне, покрытом серебряным убором, есть его меньший брат Чюрюбай. Хотя он не равняется ростом с Башем своим, но силою и проворством ему не уступит. Ты видишь резвящегося и скачущего около толпы сей на саврасом коне и в голубом кафтане дерзновенного Илсибая. Он на одном нашем джиине, поборов многих, дерзнул вызвать и меня — изведать со мной силы, но не успел бедный схватиться со мной, как уже лежал на земле, и, со стыда спрятавшись в народе, тотчас уехал». Алдар при сих словах смеючись сказал: «Неужели ты и меня положишь, как Илсибая, когда я дерзну вызвать тебя на борьбу». Я, покрасневшись, сказала ему, чтобы он не ожидал от меня пощады, когда до борьбы дойдет.

Потом увидели мы народ, кочующий около реки Уфы. «Сии наши единоплеменники, — сказала я ему, — меньше батыры, нежели все прочие. Звероловство их состоит в ловле куниц и в стрелянии белок. Их убивают такое множество, что на всяком увидишь кунью шубу. Лучших куниц ловят у них в роде Гайнинском, и скота у них не столько много, как у прочих жителей сего края». После сего сказала я Алдару, что не вижу еще жителей, кочующих от устья реки Ашкадара верх по Ак-Идилю. И только что сие выговорила, как увидела вдали густую пыль, подобно облаку, и по мере приближения рассмотрела я тех, о которых сказала, а пыль происходила от того, что вся толпа ехала скоро. И как они уже близко от коша нашего были и ехали тише, то и могла я их различить. «Вот, — сказала я, — на сером коне гордый Муйнак. Роста он, как видишь, исполинского, сила его чрезмерна, он одним ударом сабли отрубает самому большому волу голову. Всякого необъезженного коня ловит он не

укрюком, а, на скакав, схватывает за гриву и останавливает. Он приезжал на джиин, к отцу моему, когда мне еще было только двенадцать лет, сватал за меня мимо старшей моей сестры, но отец мой, отказав, сказал, что мы еще молоды. — О! Я умею подождать, — сказал гордый Муйнак и с тем от нас уехал».

— Ах! — примолвила я, — он и теперь не за добром едет!

— Не бойся, мой добрый батыр-кыз! Друг твой Алдар с тобою, хотя бы и вся их толпа были Муйнаки, нам ничего не сделают.

Такими-то нечаянно вырвавшимися словами давали мы знать, что друг друга любим.

— Нет ли у тебя еще какого Муйнака? — спросил меня Алдар смеючись, — который был бы тебе так страшен, как сей.

— Нет, — отвечала я, — когда взошла я в силу, то все сватающиеся ко мне и осмелившиеся изведать со мною силу бросаемы были мною как щепки.

— Уже я посмотрю, как ты Муйнака бросишь!

— Я с ним не пойду, — отвечала я, — а попрошу тебя, чтобы ты меня выручил, — и взглянула на него.

А он с радостным лицом потрепав меня по плечу, сказал:

— Благодарю тебя, батыр-кыз, за доверие и еще повторю, что тысяча Муйнаков нам ничего не сделают.

После сего искреннего и невинного объяснения хотели мы сойти с пригорка, как вдруг услышали близ озера крик и увидели поднявшихся с воды гусей и уток.

— Ах! Это верно, — сказала я, — едет старый Кушбай. Он с небольшим аулом кочует по реке Чермасану. Малая артель, его окружающая, состоит вся из его семейства. Он весьма тихого и кроткого нрава, набожен и почитаем во всех родах наших за честного, справедливого человека, а притом великий охотник до ловли птиц. Всех ты их увидишь с птицами, и сам старик, верно, явится с туйгуном на руке.

ВЕЧЕР ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

Сошед с пригорка, остановилась я близ нашей кибитки, а Алдар пошел к отцу моему, который был уже в кругу с гостями. По праву его руку сидел Балтас, а по левую — Итбай. Подле сего занял место и великорослый Муйнак. Когда появился в кругу Алдар, то отец мой, встав с места и взяв его за руку, сказал гостям своим,

что это кыр-батыр приехал из степного народа посетить меня и принять участие в моей радости. Потом Алдар со всеми здоровался. Я заметила, что Муйнак, как зверь, на него смотрел, и по сделании всем приветствия, отец мой посадил его на свое место, а сам сел по правую сторону Балтаса. Пришедши после всех Кушбай, занял место подле отца моего, а прочие гости поселились по обеим их сторонам. Я не стану вам, добрые мои посетители, описывать порядок угощения того вечера, оно было как и у всех нас ведется: ели мясо, пили кымыз, а по окончании ужина отец мой объявил аксакалам, что они уже знают через званых его причину джиина.

— Знаем, — сказали старики, — ты радуешься тому, что батыр-кыз возвратился, и мы тому радуемся.

— Но чем же мы начнем? — спросил Итбай.

— Начнем мы, если угодно будет собранию, — сказал мой отец, — скачкою, затем борьбою, а кончим стаскиванием с коней.

— А как далеко мы поскачем? — спросил свирепый Муйнак.

— От кочевья Кушбаева, — сказал мой отец.

— Ладно, — заключил Кушбай, — это будет полдневный путь тихою ездою.

Потом отец мой, обратясь к Алдару, сказал: «Батыр! Утрудившегося от дальнего пути коня твоегопустишь ли ты с нашими?»

— Я бы сделал себе и коню моему обиду, — отвечал он, — если бы его не пустил.

Я, стоя позади, слушала весь разговор и пошла в кибитку дожидаться отца моего, а батыры пошли седлать назначенных к скачке коней, старики же отправлять свой акшам. Заждавшись отца моего, я просила позволения быть также с ними на скачках, для чего и коня уже приготовила. И объявила намерение мое быть неизвестной скачущим. Надела на себя весьма поношенное платье, а на голову тюбетейку, подобрав волосы, а сверх оной обвязала платком так, что конец одного висел на лице.

— Да для чего сие делаешь? — спросил меня отец мой.

— Для того, чтобы не узнал меня Муйнак. Ибо другие все меня знают и если станут называть моим именем, то и Муйнаку я буду известна, а от сего злого человека я ожидаю всякой наглости. И никогда не забуду его слов, когда он приезжал свататься за меня, еще малолетнюю.

— Ты умно, дочь моя, рассуждаешь, и я советую тебе держаться Алдара. И не знаю отчего, на сего батыра я весьма надежен, и ты поезжай с богом.

Я пошла в другую кибитку, где была уже приготовлена мне одежда. Весьма поношенный ергак надела я на себя и выбрала оной в такие же шаровары. Вместо кушака подпоясалась ремнем, а за оный затинула кинжал и голову мою убрала, как уже сказала. Прибор на коне был не нарядней моего, и чтобы повеселить отца в сем наряде, вбежала я к нему в кибитку. А он, увидя меня, с сердцем сказал: «Что за дерзкий малый! Зачем ты пришел?»

Я, поднявши платок и взглянув на него, засмеялась. Он, узнав меня, также начал смеяться и сказал: из батыр-кыза ты сделалась байгуш. Посмеявшись с ним моему наряду, пошла я к коню моему, на которого севши вмешалась в толпу, отправляющуюся к кошу Кушбаеву.

— А сколько лошадей было на скачке? — спросил Елкибай.

— Тут я перечесть не могу, а наутрие, когда мы выравнялись, насчитала я больше ста.

— А какие были бейге и сколько? — спросил в свою очередь Аллабирде.

— Первая — косяк кобыл с жеребцом-иноходцем. Как жеребец, так и кобылы были саврасые. Вторая — резвый конь с седлом и со всем прибором. Седло убрано было серебром и марьяном. Третья — панцирь, четвертая — лук с налучнем и колчан стрел. Пятая — сабля. Шестая — кармазинный кафтан. Седьмая — черных лисиц летняя шапка. Восьмая — калта с серебряными бляхами. Девятая — копье.

— Ты еще забыла одну ставку, — сказал шутливый Елкибай.

— Какую? — спросила Зухра с удивлением.

— Прекрасную батыр-кыз, которая привлекала на себя всех глаза, сердца и желания на джиине, — шутил мой старый друг.

— Тебе рассказывает теперь уже старуха.

— Но лук ты вытягиваешь как молодая, — отвечал он.

Чтобы прервать сии замысловатые слова, Зухра встала и налила им по чашке кымызу, да и сама выпила, дабы промочить горло, которое засохло от долгих рассказов, потом продолжала:

ВЕЧЕР ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Я уже вам сказала, добрые мои гости, что я вмешалась в толпу едущих на скачку. А как заря еще не потухла и луна была полная, то и приметна я стала в моем ергаке между нарядными моими товарищами. Всякий, видя меня, кричал: «Ой, байгуш, только конь не по седоку» (ибо была подо мною прекрасная белая лошадь). Я попускала повод коню моему и потом удерживала, притворяясь не умеющею им править и сим наделала многим смех, которые кричали, что конь лучше седока. Я же, вертясь на коне между ними, желала увидеть Алдара. Но в толпе его не находила, а, отдалясь от оной, увидела я двух человек, едущих рядом, к которым, подбежав рысью, узнала Алдара и Итбая. И, поравнявшись с ними, заставила на себя оглянуться и произвела в них хохот.

— Куда ты, байгуш? — сказали они мне.

— Туда же, куда и вы, — отвечала я, притворяясь косяноязычною.

— Ах, зайка! — сказал мне Алдар, — да ты и сидеть не умеешь на этой прекрасной лошади.

— Да, не умею, вы увидите, что я возьму первую ставку.

Сие заставило их еще более смеяться. Я отвортила коня своего и ехала позади их, а что они говорили и не слыхала.

Хотя ночь была и весьма коротка, ибо сие было в середине лета, но мы, еще до восхождения солнца приехали на место. Всякий слез с коня и проваживал его. И лишь первые лучи солнца показывались из-за гор, то и начали мы выравниваться. Итбай и Тлевчин, которым поверили аксакалы учредить порядок скачки, выехали вперед и кричали всем, чтобы становились рядом, и когда они подадут знак, тогда бы и поскакали. Я, увидя Алдара, становящегося в середину, протеснилась к нему и стала с ним рядом.

— Ба, зайка, — сказал он мне, — не хочешь ли ты померяться с моим конем?

— И уйду еще, — отвечала я ему.

— Поскачем, зайка, поскачем вместе, — молвил он.

И как уже мы все были готовы, то Итбай и Балтасов сын, разъехавшись в обе стороны и остановясь, дали знак к скачке. Тут всякий завизжал и пустил коня своего; недолго скакали ровно, как великорослый Муйнак выдался вперед на сером коне своем на выстрел стрелы.

Итбай, Тлевчин и верный мой товарищ в звероловстве Байегет понуждают коней вслед за ним, догоняют его и равняются с ним. Он свирепо поглядывает на ту и на другую сторону. Я же с Алдаром скакала позади и заметила, что он не дает коню своему воли, а он, взглянув на меня, сказал: «Что ты, зайка, удерживаешь коня! Пущай», — и с сим словом послабил повод своего. Два сокола не так резво летят к гнезду своему, как мы пустились на конях своих. Уже догоняем мы равняющихся четырех батыров, и, как стрела, мимо их летим, кони наши скачут ухо в ухо, и ни на голову конскую друг друга не выпереживают. Алдар удивляется моему, а я его коню. Уже увидели мы кош отца моего, я вздумала ему открыться и подняв платок сказала: «Смотри на зайку». Он, услыша и узнав меня, вскричал: «Ах, батыр-кыз, что значит твой странный наряд?»

— Это известно отцу моему и тебе только. Послушай, Алдар! Я вижу, что кони наши равно резвы, и мы прискачем с тобою вместе к первой ставке. Подскакав к оной ты остановись и ожидай тех, кои схватят ставки, а я проскачу вперед: народ и весь аул и скроюсь.

Между тем уже прискакивали мы к ставке, и знающие в нашем кошу Алдара по обыкновению кричали: «Кыр-батыр впереди идет», а обо мне кричали: «Не знаем другого».

ВЕЧЕР ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Я, проскакавши весь аул, скрылась в кустах. Там дожидала меня знакомая женщина с моим платьем. Отдав ей коня и надевши мое платье, пошла в кибитку к матери моей, а оттуда вмешалась в толпу, дабы видеть скачущих к ставкам. Тут увидели мы двоих, это были Итбай и Тлевчин. Кони их, казалось спорили в резвости. Но Итбаев ко второй ставке высунулся вперед, оставя Тлевчина у третьей. Потом видны были вдали четверо, одного из них отличить можно было Муйнака, ибо он превышал ростом прочих трех. Двое из них к ставкам взяли перед, это были Байегет, сотрудник мой в звероловстве, и Кинзя, меньшей сын Балтаса. Байегет хотя и был позади, но к ставке оскакал Балтасова сына и взял лук с налучнем и колчан со стрелами. А Кинзе досталась сабля. Потом прискакал к ставке свирепый Муйнак, конь его был хотя силы чрезвычайной, но не мог снести своего всадника, и в то время как Муйнак схватился за ставку, конь споткнулся и, не могши удержаться,

повёрг на зѣмлю своѣго всадника, от чѣго во всѣм народѣ сделался смех и хохот. А Муйнак, пристыженный своим падением, рассвирепел и в ярости ударяет кулаком меж ушей коня, едва стоящего на ногах, и убивает его до смерти. Седьмую ставку взял Шункар, Кушбаев сын. Восьмая досталась Бикберде, приехавшему с вершин реки Уфы, наконец, девятую взял один из кармасанских жителей по имени Иткул. Все сие девять батыров, коих кони отличились, созваны были отцом моим вместе. У всех радость была на лицах, кроме Муйнака, который с огорченным видом сказал отцу моему: «Я один не счастлив на твоём джиине. Пристыжен падением моим и коня моего: я надеялся взять первую ставку и едва не взял из последних». Отец мой, прося его успокоиться, предлагал из табунов своих, чтобы выбрал лучшего себе коня, но он с гордостью отвечал, что во всех табунах нет ни одного такого, который мог меня возить. Сие хотя оскорбило отца моего, но он смолчал, как хозяин, и не отвечал ни слова. Я заметила, что Итбай искал глазами кого-то и, увидя Алдара, спросил его:

— Скажи мне, батыр, куда девался этот заика, коего конь равнялся с твоим.

— Не только равнялся, тогда как вы видели, но и до самой ставки скакал ухо в ухо. Я у ставки остановился, а он ускакал из виду вон. И я еще не знаю, мне или ему ставка принадлежит.

— Да, да, — сказали все аксакалы, — мы и весь народ видели, что он с тобою равно скакал и вольно ему было не остановиться у ставки, вы бы с ним поделили.

Отец мой предлагал садиться гостям. Батыры, получившие ставки, сели вместе с аксакалами в один круг, а прочие по родам своим, и всем гостям прислуживали люди нашего аула. Яств было много наготовлено. Отец мой не жалел скота, а также и родственники наши были участниками в угощении, кымыз лился рекою из сабов и турсуков. И как следовало после обеда быть борьбе, то и велел отец мой среди аула на ровном месте постлатъ ковры и сделать из них большой круг, дабы старейшины на них сидели, а средолетние и молодые за ними стояли как обыкновенно у нас водится. Не забыл также между коврами постлатъ кожи с убитых Алдаром и мною медведей. Пока сие приготавливали, гости уже насытились и благодарили хозяина. Я вам опять повторю, что все были веселы, кроме свирепого Муйнака, а он, вставши, ни к кому не подходил, и ни с кем не начинал ни слова и, казалось, как бы что замышлял. Алдар, вставши, подо-

шел к Итбаю и что-то с ним говорил, так как и прочие старики в ожидании начатия борьбы между собою поговаривали: аксакал Балтас, увидя, что место для борьбы уже приготовлено, подошел к отцу моему и прочим старейшинам, сказал:

— Хозяин угостил нас яствами и питьем, пора теперь посмотреть и на борьбу. Я хотя и стар, но люблю сию потеху и вспоминаю мои молодые лета, мало было борцов против меня, мне жаль, что не прежние мои лета, я бы с твоим батыр-кызом поборолся.

— Ба! Да где же она? Добрый наш друг Кидряс должен ее нам показать.

— Конечно, так, — закричали все старики, — мы ведь радуясь ее возвращению к тебе собрались.

— Извольте, друзья мои, покажу. И в прибавок к ее удалству будет она сидеть на коже убитого ею медведя, пред приездом вашим. Также и батыр Алдар будет сидеть на такой же, ибо они убили по страшному медведю.

Потом рассказал им, как сие случилось. Сии слова отца моего разнеслись по всему народу и сделали из сего общий разговор, а между тем шли к тому месту, где быть борьбе. Отец мой, увидя меня между народом, сказал: «Будь готова, я поведу тебя и покажу гостям». Я пошла и надела новый кафтан и новую шапку, обыкновенный мужской наряд и пошла искать отца моего, как увидела его стоящего с Алдаром.

— Поди-ко ко мне, батыр-кыз, — сказал он, — я покажу всем моим гостям победителей медведей. Каждый из вас сядет на коже убитого вами медведя.

Потом, взяв нас за руки, пошел в круг. Все собрание удивилось, что отец мой ведет меня с Алдаром и знающие меня закричали: «Вот батыр-кыз! Победитель медведя.»

Отец мой сел в середине и посадил Алдара по правую, а меня по левую себя сторону. Удивилась я весьма, что не видела в кругу великорослого Муйнака. А спросить было о нем некого, ибо сидела я между отцом моим и Кушбаем.

ВЕЧЕР ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

— Почтенные мои гости! — начинает речь отец мой. — Прожив шестьдесят лет не видел я столько почтенных аксакалов, столько сильных батыров и молодых юношей, как в сей день. А более веселит мою старость то, что они

приехали ко мне в гости для радости моей. Подлинно радость моя велика. Я считал дочь мою пропавшею или растерзанную от свирепых зверей. Но бог ее мне возвратил и для того созвал я вас, моих друзей и единоплеменников на празднество к себе. Вы меня почтили, приехали, начали ваши батырские подвиги скачкой, а теперь прошу начать борьбу. От вас, почтенные аксакалы всех родов (обратясь он к старикам, сказал), зависит избрать борца и поставить на середину. Собрание пребыло несколько в молчании, но простодушный Кушбай сказал громко отцу моему: «Ты ласковый и добрый наш хозяин, созвал нас для твоей радости, угостил нас пищею и питьем, ты и должен выставить первого борца, а кто может быть лучший борец, как твой батыр-кыз. Мы, соседи твои, знаем силу ее и проворство в борьбе, и мужество в убиении свирепых зверей. Теперь же собрались к тебе из мест отдаленных сильные батыры и молодые джигитляры, пусть они изведают с нею свои силы и прославят ее в своих родах». Сии слова, как я заметила, отцу моему не показались странными. И только что он хотел отвечать, как все в кругу закричали. «Батыр-кызу надо начать», а отец мой оборотился ко мне, сказав, чтобы я села в середине. Признаюсь вам, добрые мои слушатели, что мне самой того не хотелось, но я должна была повиноваться гласу народному. Не успела я сесть в середине, как подвели ко мне чернобородого и сутулого Бикберде. Он скинул с себя шубу, сшитую из куницы и покрытую путнею и, оставшись в синем бешмете, схватился со мною. Я, зная все ухватки борьбы, тотчас почувствовала, что я его поборю. И для того не стала долго ходить, а подняла его и, повернув два раза, бросила от себя прочь на землю. Весь народ возгласил мне похвалу. А поверженный борец встав, качая головою, пошел к своим, я же села и ожидала другого противника, и тут увидела пришедшего и занявшего место меж прочими Муйнака. Он глядел на меня очень быстро, как бы рассматривал, а я потупила глаза и не взглянула бы долго, если бы не подвели ко мне молодого Кинзю. Он был со мною одних лет, весьма статен и проворен, но силы его не могли равняться с моими. Схватился со мною, старался меня поднимать, но не мог. А я, подняв его, весьма легко, жалея больно ударить о землю, положила его тихонько на спину. Тогда старый отец его закричал мне: «Благодарен тебе, батыр-кыз, что ты не убила у меня сына. Он еще молод и бессилен, а я пошлю к тебе старшего».

— Поди, Тлевчин, — сказал он, если можешь, выручи брата и, поборов батыр-кыза, прославься в родах наших.

Сей борец достоин был меня. Был он ростом гораздо меня выше, плечист, силен и знающий все уловки. Схватившись с ним, мы много раз друг друга изведывали, подергивая и сжимая один другого. Наконец, он меня поднимает и повертывает около себя, я поднимаю ноги и жму его кулаками в бока и отнимаю у него дыхание. Он, повернув меня два раза, ставит на ноги. Потом, походя несколько, употребила и все свое искусство. Поднимаю его, и извертывая около себя три раза, кладу на землю, но как мне сие стоило великого усилия, то и распахнулся мой кафтан, под коим был ергак и шаровары, а Иткул, сидящий близ Алдара, тотчас сие заметил и сказал ему громко: «Ба! ба! ба! Да не она ли и зайка-то была». Если бы не было шуму в кругу, то бы, конечно, сии слова многие услышали, но, к счастью моему, слышали их только некоторые, близ сидящие из аксакалов. Я хотела идти из круга, поборов уже положенное число борцов, и, оглянувшись, увидела к отцу моему идущего Муйнака. Я села на место, а он с гордым видом начал отцу моему говорить:

— Кидряс! Восемь лет тому назад приезжал я к тебе и сватался за меньшую твою дочку. Но ты отозвался ее молодостью, теперь же я вижу, что она в совершенных летах и отличается батырством между сими маштаками. Притом же я слышал, что она избирает себе в женихи того, кто бы ее поборол или стащил с коня. Все таковые ее угрозы стращают, как я уже сказал, сих малорослых и бессильных. Но мне с моею силою стыдно вступать в борьбу с девушкой. Я ее хочу иметь женой, а не единоборцем, и для того требую от тебя, чтобы ты ее за меня выдал. Если же в том откажешь, то я могу взять ее силою и увезти к себе.

ВЕЧЕР ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

Сие нахальство и угрозы, никогда неслыханные между мирными племенами нашими, привели всех в негодование. Отец мой и почтенные аксакалы от сих слов ужаснулись, молодые же, а наипаче Алдар и Итбай, пришли в великую ярость, всякий стал требовать свое оружие. Я же, дабы их упредить, поспешила к себе в кибитку. Надела под кафтан мой панцирь, опоясала лук со стрелами и саблю взяла в руки и, севши на белого моего коня, прискакала в круг. Тут увидела я, что Муйнак

окружен множеством наших батыров, подобно сильному медведю, окруженному злыми и лающими псами. Все укоряли его в вероломстве, в дерзости, в нахальстве, а он оборачиваясь на них с сверкающими от злости глазами, не успевал отвечать. Почтенные же наши аксакалы, собравшись вместе и поднимая руки к небу, не знали, что начать. В сие время прискакала я в середину и, остановясь, громким голосом кричала: «Перестаньте, батыры, укорять изверга словами, а выслушайте меня, что я намерена сказать старейшинам и вам». От сих слов батыры и народ раздались и оставили Муйнака одного посредине, и все с молчанием и с превеликим удивлением смотрели на меня и хотели знать, что я им скажу. Тогда я, возвыся голос мой, начала говорить, обращаясь к аксакалам, которые и подошли ко мне близко: «Почтенные аксакалы, вы, прожившие уже столько лет, слышали ли от отцов ваших и видели ли сами, чтобы кто из родов наших в прежние и в наши времена нашелся столь дерзновенный, чтобы возмутил спокойные наши празднества, в коих не бывало ни свар, ни ссор, тем более насильств. А сей урод приезжает званым гостем, не только требует с гордостью меня у отца моего в жены, но и хочет еще взять силою, а притом и храбрых батыров наших, не изведав их мужества, с презреньем поносить. И так, прошу тебя, родитель мой, почтенных аксакалов и сих батыров позволить мне одним ударом пробить сие огромное туловище, дабы омыть нечистой кровью его обиду всем нашим племенам причиненную».

При сих словах схватила я копьё мое подмышку и ожидала слова, как вдруг выходит Итбай с Алдаром из среди народа и становится между мною и Муйнаком, скрежеща от ярости зубами.

— Стой, батыр-кыз, — сказал мне Итбай, — и удержи ярость гнева твоего, как он и не справедлив. Убиением изверга сего невооруженного нарушится право³⁹ гостеприимства, чего в мирных наших аулах не бывало. Да сохранит нас и впредь от сего великий наш пророк.

Потом, обратясь он к аксакалам и к народу, сказал:

— Угоден ли будет вам мой совет, почтенное собрание, чтобы я или храбрый Алдар вступили с Муйнаком в борьбу, несмотря на огромность его стана. Если из нас кто его поборет, то он должен тотчас из собрания нашего удалиться и остановить неистовое требование в жены себе батыр-кыза, никогда на джиины наши не являться. Если же он кого из нас поборет, то оставляем решить дело

самой батыр-кызу. Пусть она сама прольет нечистую кровь его, избавит племена наши от сего чудовища.

Все собрание содрогнулось от дерзости батыров, а особенно товарищи Итбаевы, которые хотя и надеялись на силу его и проворство, но в сравнении с Муйнаком считали его гораздо бессильнее, а о Алдаре жалели только отец мой и я, и если случится, думала я, что он поборет Алдара, в тот миг пробить его копьем.

На слова двух батыров собрание согласилось, но у них сделался спор: кому начать, и друг другу не хотели отдать первенство, а Муйнак, видя их спорящих, с злобною усмешкою сказал им: «Ползущая тварь! О чем вы спорите, идите на меня оба и призовите еще товарищей своих, я всеми вами покрою прах земной». Два батыра приходили от сих слов в ярость, но отец мой с прочими аксакалами, подошед к ним, сказал: «Смелее батыры и защитники наши! Вы одним вашим намерением вступить в борьбу с сим исполином привлекаете все наши сердца и мою благодарность. Прекратите спор ваш и киньте жребий, и кому бы из вас не вынулся, великий наш пророк, внемлящий, будет помощником».

Батыры соглашались, жребий положен в шапку, и набожный Кушбай, читая в уме имам, изъеялет жребий Алдару. Показывает его всенародно и возглашает, что Алдар вступит в борьбу. Я содрогнулась, а у доброго моего Алдара на лице написана была радость. Итбай с негодованием отходит.

Храбрый кыр-батыр с смелостью подходит к Муйнаку, подобно как дровосек к толстому и высокому пню. Муйнак был в полтора раза его выше. Поднимая правую руку и схватя за пояс Алдара, он с насмешкою сказал:

— И одной руки довольно, чтобы бросить тебя из круга вон.

— Возьмись обеими, — сказал ему мой батыр, — и в то же время схватив за пояс его жилистыми своими руками, так сильно к себе подвернул, что великана поставил на колени и сравнял его с собою. Народ, увидя сие, произнес радостные клики и получил надежду, а Муйнак в досаде сказал: «Негодный маштак, в тебе еще и сила есть». Потом взялся обеими руками и, походя несколько, поднял Алдара. Все ожидали, что он его бросит с плеча, но сметливый батыр обнимает его туловище ногами своими, и коленями так сильно жмет, как крепкий всадник сжимает необъезженного коня. Заревел уродливый Муйнак и опустил Алдара на землю. Я, зная все ухватки борьбы, видела, что Алдару невозможно бы-

ло столь тяжелую тушу поднять, он неминуемо упал бы под ним, ожидала, что он возьмет его на бедру, а Муйнак, надеясь на свою силу, как видно, и не думал сей предосторожности взять. Алдар, подобравшись под него, как бы хотел его поднять, а уродливый Муйнак, обманувшись сим и ослабив пояс, на него опустился, думая телом своим придавить его, но искусный Алдар, подвернувшись под него, принимает на бедру и с великою силою ударяет о землю. Потом, вскочив к нему на грудь, схватил его за руки и топтал коленами, крича: «Признайся, что ты побежден и что не только не будешь требовать батыр-кыза в жены себе, но и ноги твоей в ауле Кидрясовом не будет».

Неописанная радость была во всех зрителях, все превозносили Алдара, хвалили и кричали: «Нет другого батыра кроме его в наших аулах».

Я соскочила с коня и подошла ближе к поверженному Муйнаку, которого еще держал под ногами мой батыр. Ужаснулась я, увидя лицо лежащего. Глаза его закатились под лоб, во рту клубилась с кровью смешанная пена, зубы скрипели подобно ярящемуся вепрю, коего сильный пес держит, поймав за горло. После меня первый подбежал Итбай, а потом многие.

— Пусти его, мой друг! — сказал он Алдару, — Муйнак побежден тобою перед лицом всего народа, и не посмеет требовать батыр-кыза себе в жены.

Алдар послушался и оставил побежденного, но Муйнак не вставал и казался недвижим. Тут подошли к нему с ним приехавшие товарищи, стали его кликать, но он одним стоном отдавал голос. Стали поднимать огромное его тело, и насилу могли четверо посадить. Он, взглянув смутно на своих товарищей, сказал им: «Убит я больно, а что всего хуже, то и правая рука переломлена». Потом, опершись на левую руку, встал и пошел к своим. Алдара же окружили наши аксакалы и говорили ему: «Ты успокоил нашу старость и защитил от насильства дочерей наших. Ибо если бы случилось Муйнаку сделать насилие, то бы и другие у него переняли». У отца же моего не доставало слов благодарить его. Обнимал, прижимал к своей груди и называл любезным именем сына.

ВЕЧЕР ТРИДЦАТЫЙ

Когда Муйнак и ближние его удалились из круга, то аксакалы наши заставили молодых людей продолжать борьбу. Байегет, о котором я выше упомянула, многих

поборол. Но вышедший на него Тлевчин одержал над ним верх. Итбай выслал против Тлевчина брата своего Чюрюбая. Сие два равных между собой борца долго между собою спорили. Употребляли все ловкости и искусство, но не могли друг друга побороть и зрители велели им разойтись. И как круг остался пуст, то нахальный Илсибай вышел и сел среди него. Старый Кушбай выслал на него сына своего, Шункара, который с первой схватки поднял его выше головы, и, обернув два раза, бросил на землю. Причем не мог удержаться от смеха Итбай, как и все его товарищи, говоря, что Илсибай весьма смел вызывать на борьбу, но по большей части измеряет собой землю. Шункар еще оставался в кругу и ожидал соперника. Иткул, взявши на скачке девятую ставку, против его вышел, но не мог устоять. Шункар принял его на бедру, весьма больно ударил и, не дождав-шись более соперника, сошел с того места. День уже клонился к вечеру, и отец мой хотел пригласить гостей к вечерней трапезе, как взошел на середину круга рыжебородый Аслай из товарищей Муйнаковых. Роста он был среднего, но широк плечами и славился силою. Не знаю почему, никто против его не выходил, а он, привставши сказал:

— Разве нет уже никого, кто бы мог со мною побороться?

Сии его слова показались мне обидными, и я, не спросив отца моего, встала с места и подошла к борцу, сказав ему:

— Хотя и много здесь батыров, но я, девушка, хочу с тобою побороться!

А он, усмехнувшись моим словам, схватился со мною. Я чувствовала в нем силу, не проворство, и мне хотелось его побороть, так как поборол Алдар Муйнака, то есть с бедры бросить. Я давал ему волю поднимать и вертеть меня, быв уверена, что он меня не поборет. И, изноровя, подвернувшись к нему боком, так сильно бросила, что унизанная марьяном тубетейка его, далеко с головы свалилась. Весь круг возгласил мне похвалу, а Итбай, подошед ко мне и отцу моему, возле которого я уже была, сказал: «Видно Муйнаку и его товарищу суждено было с бедры быть брошенными». Алдар же, увидя, что все с круга встали и хотели идти с отцом моим, подошел к нему и сказал: «Мне хотелось побороться с батыр-кызом, но вы уже расходитесь!» А Итбай, услыша сию речь его, сказал ему: «Нет, мой друг, кыр-батыр! Я тебе бороться с батыр-кызом не советую, всякий из нас видел

твою и ее силу. И если бы позволили мне Кидряс и аксакалы нечто сказать о вас обоих, то я бы сказал перед ними самую истину. От сих слов отец мой, как и прочие старики остановились, и около Итбая, сделавши круг, позволили ему говорить, а он начал им следующее:

— Вы видели вашими глазами, почтенные старейшины, происходящее на джиине доброго нашего Кидряса, желающего нас угостить со всею искренностью, но кто слышал от отцов или дедов своих, чтобы невинные потехи наши возмущены были такою наглостью, сопровождаемою великою силою. Всякий должен признаться из наших батыров, что сила их не могла бы удержать дерзновенного Муйнака, или бы должно было приняться за оружие и быть кровопролитию, отчего да избавит нас великий наш пророк! Кто же унижил его гордость? Кто низложил его? Кто сделал его неспособным вперед делать подобные нахальства? Это Алдар! Знаменитый батыр степного народа. Он лишь услышал неистовые слова Муйнаком Кидрясу произнесенные, порывался вскочить и поразить его. Но я удержал его, и стыдясь, что ни один из батыров и юношей наших не вступает за твою, почтенный Кидряс, старость! Пошел с Алдаром предлагать уродливому Муйнаку вызов. Жребий избрал достойного! Я, хотя и желал занять его место, но не мог бы совершить сей подвиг. И так обязаны мы все Алдару, как храбрейшему и сильнейшему перед родами нашими, и можем не постыдно назвать его своим защитником. Какую награду воздадим мы ему? Стад наших он не требует, быв сам богатым, да и не для них проехал он один (ибо храбрые товарищей не требуют) высочайшие горы, пространные степи и переплыл широкие наши реки. Слава о храбрости и силе батыр-кыза возбудила в нем ревнование, изведать самим собою справедлива ли о ней она. Приехал, видел и узнал. И хотя сам не вступал с ней в единоборство, но над сильными нашими батырами оправдала она при нем разнесшуюся о себе молву. И так, почтенный Кидряс! И вы добрые аксакалы, не позволяйте вступать в единоборство Алдару с батыр-кызом. Ты, Кидряс, согласишься, а вы приговорите отдать батыр-кыза Алдару в жены, как достойному достойных.

Отец мой молчал, а аксакалы все единогласно одобрили Итбаев совет, и престарелый Балтас, взяв отца моего за руку, сказал:

— Старый мой друг, Кидряс! Нельзя лучше найти

жениха твоей дочери, как Алдара, а ему лучше невесты, как твой батыр-кыз.

Тогда отец мой сказал:

— Вы правы, мои друзья, нельзя не одобрить мнение Итбая, и я наутрие вам дам на сие ответ.

ВЕЧЕР ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Я побежала о сем сказать матери моей, а она, видя и слыша происходившее на джиине, сказала мне: «Далеко ты от нас будешь, любезная дочь! А жениха такого, как Алдар, из единоплеменных ты не сыщешь». От сих слов почувствовала я жалость к матери моей и стала ее обнимать. А потом села, как бы к чему приговоренная, и не выходила из кибитки и не знаю, как кончилось вечернее угощение. Уже отец мой возвратился к нам весьма поздно, и, призвав меня к себе, посадил подле себя и сказал:

— Добрый мой, батыр-кыз! Сей день мы видели то, чего никогда не видели. Я еще и теперь без ужаса не могу вспомнить злобного Муйнака, который неволею хотел взять тебя к себе в жены.

— О! Сего бы он не мог сделать, — отвечала я отрывисто, — копье мое пробило бы его насквозь.

— Но что бы из сего вышло! — отвечал мне с тихостью отец мой, — пролилась бы кровь единоплеменника нашего, и всяк бы сказал, что дочь Кидрясова убила хотя наглого, но безоружного батыра. Нет, любезная дочь! Алдар лучше сделал. Он не убил, а наказал гордое чудовище и защитил меня и тебя, а может быть и всех. Слышала ли ты, какую награду полагает народ за его услугу?

— Слышала, отец мой.

— Но что же ты о сем думаешь?

— Он еще не изведал моей силы.

— Это ребячество, дочь моя. Ты уже теперь в летах и должна рассудить о пользе своей и благодарности, какую мы все ему обязаны. Я думаю, что ты против воли моей и гласа народного не поступишь.

— Но, отец мой, всякий скажет мне, что я не устояла в своем слове.

— А я тебе опять повторяю, что это было хорошо прежде, а ныне не годится. Я знаю, что Алдар тебя любит и для того сюда приехал. Он видел силу твою и проворство, а ты видела его, да и весь народ был тому свидетелем. Не упрямясь, дочь моя! Я завтра

о согласии моем возвещу аксакалам и народу. Поди, спи с матерью, а я ожидаю к себе Алдара.

Ночь сию мало я спала, полюбя Алдара, желала выйти за него. Но гордость меня подстрекала, что, не изведав с ним силы, по воле родительской должна буду за него выйти. И так, не спавши всю ночь, встала я ранее обыкновенного. Выходила из кибитки, то опять в оную входила и тем разбудила мать мою, которая, видя меня встревоженною, смеючись, сказала мне: «Это всегда бывает, дочь моя, накануне свадьбы». А, между тем, услыша, что кобылиц наших подгоняли к кибиткам, сказала она мне: «Поди, помоги мне ловить и привязать жеребят». Я пошла за нею, и пока мы ловили и привязывали, гости наши уже начали собираться на середину коша. Отец мой, держа за руку Алдара, ведет его в собрание аксакалов и объявляет его женихом моим. Весь народ услышал сие с радостью, и поздравлял отца моего с зятем-батыром. «А тебя, — кричали, — Алдар, поздравляем с невестою батыр-кызом, от вас родится такой батыр, какого в обоих наших народах не будет».

Тут вздохнула Зухра и сказала: «Народ предвозвестил правду: но батыра сего нет. Надобно вам знать, мои добрые гости, что я за год до смерти мужа моего, родила сына с удивительными весьма знаками, ибо на груди у него было подобие сабли, а на спине полумесяц, но к вечной горести моей, которую муж и не перенес, через месяц после родов моих сей ребенок пропал, о чем пространнее расскажу вам, когда в повести до того дойду».

Состояние, в котором я тогда находилась, препятствовало мне надеть носимое всегда мною мужское платье и идти. Тут закричал мне мой отец и все аксакалы: «Стой, батыр-кыз!» Насилу я могла расслышать их крик от восклицания народного. Останавливаюсь и слушаю. «Аксакалы и народ, — говорит мой отец, — довольны твоим батырством. Теперь хотят они, чтобы ты схватилась с женихом твоим Алдаром. Повинуйся гласу народному и моему».

Сколь ни досадно мне было, что не допустили меня со всеми десятью кыр-батырами изведать мои силы, но я должна была послушать. А Алдар, подъехав ко мне, сказал: «Поедем, любезный батыр-кыз, выброси и меня из седла». Я с досады ничего не отвечала, а он, подъехав к отставшим своим батырам, велел им ехать вперед и смотреть, как и его батыр-кыз из седла выбросит.

Я не знала, за похвалу ли мне считать сие или за насмешку, и предприняла употребить всю силу свою и искусство, только не дать себя высадить из седла.

Уже пустили мы коней своих и схватили друг друга за пояс. Я пыталась его отделить от седла, но он был как прикован, равно и он не мог меня отделить. И уже подскакивали мы к сидящим аксакалам, как Алдар с такою силою поднимает меня, что подпруги у седла моего лопнули, и конь мой остался на свободе. Алдар, держа меня за кушак на воздухе, как орел малую птицу, с удивительною легкостью скакивает с коня и ставит меня рядом перед отцом моим, держа еще за кушак. Признаюсь вам, дорогие мои гости, что я от стыда и удивления упала бы, если бы он меня не держал. Но крик и восклицание тысячи голосов от сего невиданного подвига привели меня в себя. Отец мой, встав, стал обнимать то меня, то жениха моего, и всякий поздравлял нас наперерыв. А остроумный Итбай, подошед к Алдару, сказал: «Друг мой! Ты победил другого Муйнака, но только благонаправного и прекрасного».

— Моя ли ты теперь, любезная батыр-кыз? — сказал мне мой жених.

— Твоя, конечно, — отвечала я, потупя глаза, — но весьма жалею, что подпруги у седла моего лопнули.

После сих слов оставила я собрание и пошла к матери моей возвестить ей о всем происшедшем. А дождавшись уже позже отца моего, услышала от него, что наутрие будет свадьба, что на батыр-кызе повешены будут лук и стрелы, и сабля в знак, что она славится по всем родам нашим батыром. Сей лук столь туг, что один Алдар может его вытягивать. Не стану рассказывать о прочих подарках, доставшихся Алдару от отца его и нами привезенных, а он сам станет оными дарить.

ВЕЧЕР ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

Сибай закончил речь⁴⁰, а отец мой взял за руки Сибая и Буранбая и повел знакомить к старейшинам и батырам нашим, а потом с веселым видом сказал им:

— Дорогие мои гости! Приездом вашим вы подтвердили то мнение, которое я всегда об Алдаре имел. Чудная его храбрость и сила, и защита, показанная всему народу, а мне особенно, заставила меня дать ему в награду дочь мою батыр-кыз. О чем я уже объявил всем почтенным аксакалам, батырам и народу, собравшемуся ко мне на джиин.

Обращаясь к Алдару, сказал: «Позови, любезный сын, всех приехавших ко мне гостей твоих однородцев». А Алдар просил позволения поставить свои кибитки на пригорке между деревьев, где я с ним стояла, и рассказывала ему о приезжающих гостях. Алдар пошел, последуемый кучею народа, в которую и я вмешалась. Удивилась я, увидя приехавших. Они казались почти одинаковых лет, и по цвету своей молодости, и едва резался у них ус. Одеты они были все в кармазинных кафтанах, шапки опущены были чернобурыми лисами, оружие на каждом оправлено было в серебро. Порода коней совсем была отменна от наших пород и казались все аргамаками, так как всадники батырами. Я внутренне радовалась, что вхожу в семейство к храброму народу. Алдар велел некоторым слезть с коней и идти с ним, а прочим верблюдов вести и поставить кибитки, показав им место. Они пошли к отцу моему, а я, подбежав к оставшимся, сказала им: «Я вас поведу на то место, где Алдар показал и помогу вам поставить кибитки. Они, поверя мне, поехали за мною, а я взошла на пригорок между деревьев и сказала им: «Здесь ставьте Алдарову кибитку, ибо он сие место любит». Они тотчас принялись разовьючивать верблюдов, на коих лежали кибитки, были они другого образца. Я увидела отца моего, сидящего в середине. По правую его сторону занимал место Алдар со своими, а по левую Итбай и прочие аксакалы. Я, обращаясь к отцу моему, спросила:

— Чего требуешь, отец мой, от батыр-кыза?

— Слезь, дочь моя, и подойди ко мне.

Я соскочила с коня, забросив повод на луку, и подошла к нему. А он, взяв меня за руку, говорил мне: «Я призвал объявить тебе приговор аксакалов и народа, да и мою волю. Я просватал тебя за батыра Алдара, прославившегося храбростью как в своем степном, так и в нашем лесном народе». Потом, обращаясь к Алдару, взял его за руку и сказал: «Тебе вручаю я дочь мою! Да будет она тебе любезною женою и надежным помощником во всех батырских твоих подвигах и да благословит вас всевышний и великий наш пророк». Потом сложил наши руки вместе и обнял меня и Алдара. Тут-то явилась я женщина, а не батыр. Присев на колени и закрыв лицо мое руками, горько я плакала.

— Не плачь, дочь моя, — сказал мне отец мой, потрепав по плечу. Встань, товарищи Алдаровы желают из-

ведать с тобою свои силы в борьбе. Покажи им, что ты достойна быть женою храброго Алдара, и что ты не даром на себе носишь имя батыр-кыза.

ВЕЧЕР ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ⁴¹

Я повиновалась, сняла с себя оружие. Села в кругу, а коня моего отвели прочь. Первого, вышедшего со мною бороться и усиливающегося меня побороть, подняла я с великою ловкостью и положила на землю. Другого ударила с бедра, третьего бросила через себя и приготовилась схватиться с четвертым, как Алдар соскочил с места и, подошед ко мне, сказал:

— Довольно, любезный батыр-кыз! Я не имею более борцов против тебя поставить, а мне запретил с тобою бороться друг наш Итбай.

— Так пусть он со мною поборется! — сказала я с некоторым огорчением.

— А ему я не позволю.

Отец мой, вслушавшись в сии слова, подошел и сказал:

— Алдар говорит правду, довольно, дочь моя.

ВЕЧЕР ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

Я не стану вам, любезные мои гости, подробно рассказывать о свадебном обряде, он бы только продолжал мою повесть, и нового в прибавок к обыкновениям нашим в сем случае бывающим, ничего бы не сказала. Наутрие, около полудня, взял отец мой меня и Алдара и привел к собравшемуся народу. Призванный мулла прочел никах. И тем соединил нас с Алдаром. Потом муж мой дарил всю мою родню и старейшин наших, сколько упомянуть могу. Старый Балтас получил от него рысью доху, детям его подарил он по коню со всем прибором, кроме оружия. Другу своему Итбаю и спешнику в сочетании нас подарил он крепкую кольчугу с поясом, локотниками и нарукавниками, а на голову стальную сетку с серебряною наверху бляхою, присоединя к тому крепкий лук и колчан стрел с прибором. Набожному Кушбаю подарил два белых халата с золотыми травами и для повивала на чалму тонкую персидскую ткань, а сыну его коня с седлом. Короче сказать, ни один не остался от него без подарка. Отцу моему и матери множество надарил шелковых и бумажных тканей, которые (как я выше сказала) полу-

чают они на вымен от ногайцев. Да сверх того еще тестю своему подарил красный кармазинный кафтан с персидским кушаком, а Бурамбике серебряный каж-бов. Мне же подвел обещанного коня с серебряным седлом и убором, украшенным марьяном и бирюзами, а на седле висел тот лук и колчан, из которого я убила медведя и, подведя, сказал: «Любезная батыр-хатын и моя супруга! По удальству твоему и батырским подвигам я не смею тебя дарить женскими уборами, коих у меня хотя и много, но прошу тебя, чтобы ими не украшаться до тех пор, пока не родишь ты мне сына». Сии слова его заставили меня покраснеться, а отцу моему и гостям сие весьма полюбилось. Остаток дня все гости проводили в веселии и в обыкновенных степных забавах. Борьба, стаскивание с коней и стрельяние из луков продолжалось до самой ночи. А отец мой и Алдар с великою щедростью дарили состязующихся. Курайчи же в кругу аксакалов воспевали похвалу Алдару и мне, превозносили щедрость отца моего, а потом все собрание разошлось на покой.

— Разумеется, и ты со своим любезным Алдаром?— сказал усмехнувшись Елкибай.

— К чему эдакая шутка, мой старый друг! — сказала Зухра, — сии счастливые дни уже прошли, и я пятнадцать лет оплакиваю моего любезного Алдара.

— После слез бывает и радость, — возразил ей Елкибай, — во всех летах можно наладить утешение. Вы радовались с Алдаром друг другу как юноши, а с другом моим Аллабирде поживете и окончите дни ваши также в веселии. И, если не будет у вас детей, то может быть отыщется потерянный твой сын и утешит вашу старость.

— Ах, — завопила Зухра, — не обнадеживай меня сим счастьем. Уже шестнадцать лет, как о нем ничего не слышно.

— Да как и слышать тебе, — отвечал Елкибай, — когда ты никуда не выезжала, и у тебя никто не бывал.

— Ах! Окончим сей разговор, — прервала его речь Зухра. — Я хочу досказать вам мою повесть, если она не наскучила.

— Нет, нет, — вскричал до того молчаливый Аллабирде, — я рад ее слушать, почтенная хозяйка, — хоть бы довелось не пить и не спать.

— Когда так, то дослушайте же.

ВЕЧЕР ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Три дня продолжалось пиршество в ауле отца моего, а потом гости стали разъезжаться и при отъезде звали нас к себе, желая, всякий из старших в роде, угостить нас. И хотя муж мой спешил домой, но не мог отговориться от ближних, как-то Балтаса и Кушбая, а к Итбаю сам непременно хотел ехать, что мы и совершили в несколько дней. Быв от них щедро одарены, возвратились мы в кош отца моего и начали приготовляться к отъезду. Признаюсь вам, любезные мои гости, что дни сии были для меня тяжки. Любовь ко мне родителей и моя к ним столько мною обладала, что разлука с ними казалась мне невозможна, но Алдар в один месяц доказал мне, что она возможна, и мы уже назначили день к отъезду. Я не могу вам рассказать, с какою горестью прощались со мною мои родители: они попеременно меня обнимали и проливали слезы и думали, что последний раз со мною прощаются, да оно и было так. Ибо во время замужества моего за Алдаром ни они у меня, ни я у них не была, а посетили только меня сестра моя с мужем. Я насилу вырвалась из рук матери моей, и севши на коней с Алдаром удалились, а товарищи его и некоторые молодые люди из нашего аула гнали за нами подаренных коней, в том числе и косяк саврасых кобыл с жеребцом, которых мы с Алдаром выскакали. И как с нами было много скота, то и не рассудил Алдар ехать прежнею своею дорогою, а пустились мы вверх по реке Ак-Идиль, по луговой ее стороне, дабы более ехать степью, нежели лесом. И хотя по дороге могли бы мы встретиться с кочевьем Муйнаковым, но я, быв с Алдаром, его не боялась, и так пустились мы в путь, оставляя великое и камышистое озеро Ачелы вправо. Переехали реку Дим, близь ее устья. Приехали к черным водам Уршака и переправились через оной близь горького Узяна, в Уршак впадающего. Дорогою охотились мы звероловством. Олени и дикие козы нам стадами встречались, коих, убивая, употребляли мы в пищу. Уже приближались мы к реке Ашкадару. Алдар и я ехали впереди, а товарищи его гнали за нами скот в некотором расстоянии. Подъезжая к реке, увидели мы по другую сторону оной в правой стороне большое кочевье и пасущийся около его скот, как конный, так и рогатый. Пастухи, увидя нас, прискакали к нам и хотели знать, кто мы такие. Муж мой сказал свое имя, и что мы возвращаемся домой.

— А где ты был? — спросил один из пастухов.

— Был я в гостях у лесного народа.

— Не ты ли тот Алдар, который поборол нашего батыра Муйнака?

— Да, я тот самый, — отвечал мой муж, спрося при том, срослась ли рука Муйнака.

— О! Срослась, — отвечал пастух, — и он нетерпеливо хочет еще с тобой схватиться. И коль скоро узнает, что ты проезжаешь мимо кочевья его, то непременно к тебе выедет.

— Добро пожаловать! — отвечал мой муж, — лишь бы только было в поле, а не в коше его.

Не успел он выговорить сии последние слова, как пастухи поскакали в кош. Правду вам сказать, любезные мои гости, я содрогнулась. Не от того, чтобы не надеялась на силу и мужество Алдара, но боялась я коварства злого Муйнака. И для того уговаривала мужа моего, чтобы он в сем месте через реку не переправлялся, а спустился бы ниже и, ехав вниз по реке, переехал на устье. Алдар, взглянув на меня с усмешкою, сказал мне:

— Любезная Зухра! Неужели вышед за мужа-батыра пропала твоя неустрашимость и сила?

— Нет, — отвечала я, — имея тебя с собою она еще умножилась, но я боюсь, чтобы не употреблена была против нас подлая хитрость.

— Против хитрости поставим мы свою, — отвечал он мне, потом, дождавшись своих товарищей, равно и меня провожающих. Первых было числом двадцать, а моих пятнадцать человек. Все они были вооружены. Алдар, возвестив им о разговоре с пастухами и о желании Муйнака с ним схватиться, сказал:

— Храбрые мои товарищи! И вы, неустрашимые провожатые! С вами я не побоюсь не только одного Муйнака с его товарищами, но если бы их и во сто крат более было, только бы не вмешался тот обман и ухищрение, а чтобы предупредить оное я с любезною моею Зухрой и с вами степные батыры переправлюсь реку наперед, а потом вы, — сказал он моим товарищам, — переправитесь со скотом, и в не дальном расстоянии вниз по реке остановитесь.

Сказав сие, переправились мы реку и, выехав на чистый луг расстоянием от коша на два выстрела, остановились. Мы увидели, что в кочевье Муйнаковом пригоняют табуны, ловят коней и их седлают, из сего и заключили, что приготовляются на нас напасть. Всякий

из нас приготовил лук и скинул покрышки с колчанов. А дабы показать, что не мы хотим начать нападение, то всякий из нас слез с лошади и сел подле оной. Между тем переправились со скотом наши товарищи и, сгрудя оной, около его стали. Алдар, увидя сие, сказал: «Батыры! Я не знаю намерения Муйнакова, а слышу только, что он хочет со мной одним схватиться. Если оно так будет, то вы не делайте мне бесчестия и не помогайте мне. Если же он захотел напасть на нас со своими товарищами, с оружием, тогда уже я вам закричу что делать».

ВЕЧЕР ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Алдар лишь кончил речь свою, как увидели мы большую толпу народа, из коша к нам выехавшую. Пред коими являлся Муйнак, превышающий всех, и по сторону его ехал другой, малым чем ниже его. Увидя сие, вскочили мы на коней и лишь только сели, подсккал к нам с четырьмя людьми друг мой в звероловстве Байегет, и потрясая копьём, сказал мне с сердцем:

— Неужели, ты, батыр-хатын, думаешь, что я, помогая тебе в поражении свирепых медведей, не могу помочь против злого Муйнака и его товарищей.

— О сем я и не думал, удалый Байегет, — отвечал ему муж мой, — но оставил тебя с твоими товарищами при скоте, ибо и там люди надобны, а теперь вижу твою ревность, оставайся с нами. Жаль мне только, что польется кровь наших одноплеменников, но я не зачну, а зачинщик отвечать будет перед богом.

Между тем Муйнак с толпой приближался тихим шагом. Удивительно нам было, что мы не зрели никакого оружия, это казалось нам добрым знаком. Толпа приблизилась на полвыстрела или еще ближе и остановилась. Муйнак, которого мы ясно от других отличали, слез с коня, и трое еще с ним шли к нам рядом пешие. Алдар, увидя сие, слез сам с коня, велел мне, Буранбаю и Байегету, и пошли мы также вчетвером к Муйнаку навстречу. И, сошедши на несколько шагов, Алдар увидел, что ни на Муйнаке, ни на его товарищах не было никакого оружия, распоясал свой лук и стрелы, и мы сделали то же. Муйнак первый нас приветствовал салямом. А мы ему тем же отвечали. Алдар, держа его за руку, спросил гордо:

— Врага ли я вижу или единоплеменника своего?

— Если бы я был враг, — отвечал с такою же надменностью Муйнак, — я бы встретил тебя с оружием в руках или бы для пагубы твоей употребил какую хитрость. Но я только знаменитому батыру, каков ты, хочу быть другом. Благодарю тебя, что ты укротил мое буйство и унизил мою гордость. Я в дерзости моей против почтенного Кидряса весьма раскаялся и теперь поздравляю тебя, женившегося на батыр-кыз, и с позволения твоего хочу с нею поздороваться. Потом, подав мне рур, спросил: «Здорова ли ты?» И примолвил, что он счастливою меня почитает, что вышла за Алдара замуж. Я здоровалась и с прочими его товарищами. Признаюсь вам, добрые мои родственники, что таковая перемена в нашей встрече весьма меня обрадовала. А Муйнак, чтобы отвести всякое от себя подозрение, сказал моему мужу: «Я хочу тебя, Алдар, на сем же месте, на котором мы с тобою подружились, угостить». И, обернувшись к своим, сказал, чтобы привели шесть пойманных кобылиц и везли бы котлы и дрова, а между тем, обращаясь к Алдару, сказал: «Вели слезть своим кырбатырам и с нами поздороваться». Что услыша это, аксакал Сибай слез с коня, а равно и товарищи его слезли и приветствовали Муйнака, который оказал великое уважение к Сибаю. Потом сели все на разные круга. Муйнак и три его товарища и с ними Алдар, я, Сибай, Буранбай и Байегет сели в одном, а прочие, как наши, так и Муйнаковы смешались все вместе. Турсуки с кымызом показались в каждом кругу. Муйнак, налив чашку, подал Алдару, а тот возвратил ему назад, как то и у всех нас водится. Потом подал ему вторично. Муж мой выпил, а за ним и все прочие, и так опорожня несколько турсуков, Алдар начал говорить Муйнаку:

ВЕЧЕР ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

— Почтенный Муйнак! Подъезжая к кошу твоему, не ожидал я от тебя столь дружеского и ласкового приема, ибо один из пастухов твоих сказал мне, что ты меня не пропустишь и со мною схватиться намерен. И для того видел ты меня готового к бою. А теперь не знаю, что заставило тебя переменить свои мысли, или пастух сказал неправду:

— Батыр Алдар! — отвечал ему Муйнак, — слова пастуха моего имеют нечто справедливое. Останавливать я тебя не иначе хотел, как дружеским угощением, а схватиться с тобой хотел и хочу не с оружием в ру-

ках, а степными нашими забавами. Бороться с тобою не намерен, быв тобою преодолен. Стреляние из лука есть искусство, а не сила. А я хочу, чтобы то и другое вместе было, то есть стаскиваться с коней. А чтобы не нам двоим только быть на сем поприще, то выведу я сам четвертый, и ты выбери из своих стольким же числом товарищей.

Алдар на сие с радостью согласился и в товарищи взял к себе меня, Буранбая и Байегета. А Муйнак избрал племянника своего Куслюбая. Сей был тот самый, который подле него ехал, ростом был малым чем его, пониже, не старше двадцати лет и едва у него резался ус. Третий был рыжий и широкоплечий Аслай, которого я на джиине отца моего последнего поборола. А четвертый назывался Кутлугильде, проворный и удалой, казался батыром. А дабы виднее были сии подвиги, то положено было, чтобы не всем вдруг восьмерым выезжать вместе, а по двое, дабы остальные могли видеть и судить. Потом был брошен жребий, кому с кем из шестерых доведется стаскиваться. Первый вышел Байегет с Кутлугильдой, второй — Аслаю с Буранбаем, а третий — мне с Куслюбаем. Я весьма радовалась, что мне досталось с племянником Муйнаковым. Муйнак прежде хотел угостить пищею, а потом начать игры, но Алдар и Сибай присоветовали, чтоб начать играми, на что и Муйнак согласился. Обе толпы народа, как наша, так и Муйнакова разошлись на довольно дальнейшее расстояние, чтобы дать состязающимся место. Байегет сбросил с себя саблю и сел на коня, что и Кутлугильде сделал. Потом, отъехав на назначенное место, остановились и по данному знаку поскакали к нам. Мы видели их, стремящихся друг друга стащить, и казались они в силах равны, но, подскакивая к тому месту, где стоял Алдар и Муйнак, Байегет с таким проворством и силою подернул Кутлугильду, что высадил его из седла и бросил на землю. Лесные мои товарищи возгласили победу, а Кутлугильде со стыда спрятался между своими, ибо он считался проворнейшим в своем роде. После Куслюбая потом выехали дядя Алдаров Буранбай с Аслаем. Силы их казались равны: каждый из них старался своего противника отделить от седла, но не мог. Качались они оба, то на ту, то на другую сторону, и уже были близ конца поприща, как Буранбаев конь споткнулся, упал и уронил всадника. А сей так крепко держал за кушак Аслая, что и его стащил с собою с коня. Зрители возгласили обоим похвалу и

сочли их равносильными. Дошла очередь до меня и до Куслюбая. Он сидел на добром рыжечалом коне. Я оглядела как всадника, так и коня с ног до головы и заметила, что подпруги у коня его были слабо подтянуты. Сказала во услышание всем:

— Батыр! Подтяни подпруги, ты поневоле должен упасть.

— Не подпругами я держусь! — сказал он мне с насмешкою. Сие показалось мне досадно, и я предприняла не щадить его. Схвативши друг друга крепко, мы поскакали. Я тотчас почувствовала, что силы его слабее моих, и, подскакав к месту, где сидели Алдар и Муйнак, так крепко его дернула из седла, что оно свернулось, и в то время вкруте поворотила коня налево, тогда как он своему давал волю, и я его бросила на землю. Муйнак, увидя сие, закричал:

— Ай, батыр Зухра! Ты и здесь моих сбрасываешь с коней!

— Не могла бы я, может быть, высадить племянника твоего из седла, если бы он послушался и подтянул подпруги коню.

— Нет, нет, видно ырыс наш пропал.

Потом все хвалили мое проворство и силу. Дошло дело до Алдара и Муйнака. Садятся оба на коней. Муйнаков конь превышает коня Алдарова, так как и всадник его превышает Алдара и в том-то и видела я великое их неравенство. «Вы сами знаете, — примолвила гостям своим Зухра, — легче отделить всадника от коня, когда сидишь его выше, а посему и не ожидала я удачи Алдару, и для того со страхом и отчаянием смотрела, не спуская с них глаз». Муйнак схватил мужа моего за пояс, а Алдар его за ворот. Таким образом скакавши и подергивая друг друга, казались они в седлах неподвижными, но Алдар, соглася силу свою с силою коня своего, дернул Муйнака назад и в самое о время остановил своего, от чего Муйнак упал на спину коню своему, а конь от тяжести споткнулся задом и уронил всадника. Алдар же вскочил со своего коня и поднял Муйнака. Сколь ни стыдно великорослому батыру, но он признался, что не ожидал ни силы, ни уловки такой в Алдаре, и обнимая его, сказал ему, что он отдает ему первенство на играх наших.

ВЕЧЕР ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

Между тем как сие происходило, пришли сказать Муйнаку, что мяса уже готовы и раскладены по чаш-

кам, а он позвал Алдара и всех его товарищей, а также и Байегета со своими, а скот наш велел беречь пастухам из своего аула. И как мы шли к обеду, в то время Алдар сказал что-то на ухо одному из своих, чего я не вслушалась. Мы пришли к разостланным коврам, на коих лежали шесть подушек. Муйнак сел в середину, посадя по правую сторону Алдара, а по левую Сибая. Ко мне же обернувшись, сказал: «Хотя бы и следовало тебя, храбрая Зухра, угощать женам моим, но как ты не только носишь имя батыра, но и есть из храбрейших, то и прошу садиться с нами, подле Сибая. По другую сторону подле меня сел Буранбай, а там Байегет, а засим и все наши товарищи. Муйнаковы же не сидели, а только старались нас угощать. И как день клонился к вечеру, и мы гораздо проголодались, то и ели много, а поевши мясо, опоражничали турсуки с кымызом. В то время увидела я, что посланный от Алдара один из батыров, привел покрытого богатым ковром коня. Алдар, увидя его, велел ковер снять. Конь оседлан был седлом в серебряной оправе, и с таким же прибором. На седле висел лук с колчаном стрел, налучень и колчан украшены были серебряными бляхами, на левой стороне висела широкая и длинная сабля, и на правой привязан был сукмар стальной весом в три пуда. Потом, встав, сказал он Муйнаку:

— Почтенный батыр Муйнак! Благодарю тебя за сладкую твою пищу и в знак дружества моего к тебе прошу принять сего коня с седлом и все, что на нем привязано. Лук сей, стрелы и саблю отнял я у сильного ногайского батыра с жизнью. Он приезжал отгонять стада наши, а пал от руки моей. Сукмар сей было оружие злобного пярня, живущего в каменистых уральских горах. Я с ним сразился, убил его, освободил многих мусульман из его пещеры и взял сей сукмар. Да будет сие оружие в руках твоих на поражение наших врагов.

Муйнак смолчал от удивления, глядя на коня и прибор весь, а муж мой, обернясь ко мне, Буранбаю и Байегету, сказал: «Вы также должны подарить состоявшихся с вами, подите за подарками». Я сказала на ухо Байегету, что для меня привести, и они с Буранбаем пошли к кибиткам нашим, которые между тем расставлены были. Муйнак, вышед от удивления, сказал мужу моему: «Алдар! Ты храбр, силен и щедр в подарках. Приемлю их из дружбы к тебе. Да продолжится она не только в нас, но и в детях наших!» Потом снял

он лук и, наложив стрелу, велел одному из своих поставить тубетей, сказав, отведаю лук друга моего. И, вытянув до копья, пробил ее насквозь. «Силен был ногайский батыр!» — примолвил он, — «но сильнее тот, кто его убил». Потом отвязал сукмар и, махнувши им, сказал: «По плечу мне сие оружие». И, подойдя к близко стоящему дубовому пню, столь сильно в него ударил, что разбил его в щепки. «Видишь ли, батыр Алдар, — сказал он, — что во мне есть сила, но с тобою схватиться не намерен».

Потом обнялись они с Алдаром и принялись опять за чашки с кымызом. В сие время пришел Буранбай с Байегетом. Первый принес в подарок Аслаю кармазинный кафтан, шелковый халат и пегого коня, а Байегет подарил Кутлугильде саблю, оправленную серебром, и летнюю шапку чернобурых лисиц, я же подвела того белого коня Куслюбаю с седлом и прибором, на котором я была на скачке. И еще подали мне в персидском шелке завернутое.

— Это что такое? — спросил меня Алдар.

— Серебряный кажбов, — отвечала я, — которым хочу подарить жену почтенного Муйнака.

— Ай, ай, ай! — вскричал, качая головою Муйнак, — ты всем похожа на мужа своего Алдара, и теперь вижу, что тебе за ним быть гораздо лучше, чем за мною.

Я просила позволения у Алдара видетсья с женою Муйнака. И как кош был недалеко, то и пошли мы в провожении всех, куда и коней наших за нами повели. Кибитка Муйнака была отменной величины. В ней было чисто и опрятно. Жена его была молода и собою пригожа, просила меня сесть, так как и прочих гостей. Посидев несколько и опорожнив чашки с кымызом, простился Алдар с Муйнаком, прося его на другой день на обед с женою. Я же, позвав ее, просила, чтобы она и прочих женщин привела с собою.

ВЕЧЕР СОРОКОВОЙ

Возвратясь в стан наш, Алдар велел, чтобы рано поутру пойманы были восемь кобылиц для джиина, которым хотел он отплатить Муйнаку за угощение. Я сказала мужу моему, что наряжусь в женское платье для принятия моего пола гостей. Поутру встали рано, развьючили наших верблюдов, сняли ковры и разостлали их перед кибитками, а между тем спутники наши приготавливали мяса, а как кымызу с нами не было, то

прислал несколько сабов Муйнак и притом велел сказать мужу моему, что он приведет на скачку лошадей, то не хочет ли и Алдар пустить из своих, а ставки будет ставить от себя Муйнак. Алдар на сие согласился и сказал, что и он несколько лошадей пустит. А вскоре потом и приехал Куслюбай с пятнадцатью человеками на резвых лошадях. Сам он сидел на белом коне, мною ему подаренном, из наших готовы были Байегет и четверо из степных батырей. Муйнаков племянник, взяв их с собою, поехал к тому урочищу, от которого уговорились скакать, сказав, что они около полудня прискачут. Проводя их, недолго мы ждали Муйнака, который в провожании аксакалов и прочих молодых людей своего коша приехал. Муж мой принял их и посадил на разостланные ковры, а я в женском моем наряде встретила жену Муйнакову с женщинами и повела их в кибитку. Муйнак, увидя меня в женском наряде, не мог удержаться, чтобы не сказать мужу моему: «Кыр-батыр Алдар! Жена твоя сильна в батырах и прекрасна в женщинах».

Угощение началось наливанием из турсуков кымыза, пока мяса еще варились. А Муйнак между тем велел расставить ставки, коих числом было девять, я помню только две первые: конь с седлом и кольчуга. А во ожидании скачущих наши молодые кыр-батыры затеяли борьбу с Муйнаковыми, кою я, сидя с гостями в кибитке, не видала, а слышала только крик, обыкновенно при борьбе бываемый. Признаюсь вам, что мне скучна была женская беседа. Я желала бы хотя не бороться, но по крайней мере быть там и судить о борьбе. А с женщинами не находила я слов, что говорить, и очень рада была, когда закричали, что скачут, и несмотря на гостей, я выскочила из кибитки и увидела, что мой белый конь со своим всадником несется впереди, весьма далеко от прочих. За ним виден был седок на саврасом коне, которого вдалеке я рассмотреть не могла, а за ним близко и третий. Куслюбай же прискакал, взял ставку и слез с коня, а третий седок со вторым начал равняться и скакали ухо в ухо. Тут я узнала их обоих, были то Байегет и Кутлугильде. Еще было расстояние на полвыстрела, как Байегет оставляет позади своего товарища, и схватывает вторую ставку. А Кутлугильде, взяв третью, говорит с досадою: «Вчера ты стащил меня с коня, а сегодня оскакал». Остальные шесть ставок, сколько упомянуть могу, две взяли наши кыр-батыры, а остальные Муйнаковы.

Я после слышала от мужа своего, что Муйнак и все с ним бывшие удивлялись резвости белого коня, и что Муйнак, подойдя к нему и осматривая, сказал Алдару, что он коня сего где-то видел и, сколько припомнить может, был в скачке. И скакал рядом с твоим конем, но седока на нем я забыл. Муж мой открыл ему тайну и сказал о седоке, что заставило его удивиться и сказать: «Видно, у батыра Зухры много резвых коней, что она не пожалела сего подарить».

Потом сказано было, что мясо готово. Я же, не имея в прислужницах женщины, просила Байегета, чтобы помог мне потчевать моих гостей, а он, повинувшись, принес большую чашку крошеного мяса, и сам вышел из кибитки. Гости мои ели и я с ними отведывала, а Алдар между тем угощал своих, насытившись мясами и кымызом, мужчины встали и пошли смотреть лошадей и скот наш, который близко пасся, а я оставалась в кибитке. По возвращении же их услышала я, что Алдар меня вызывает. Я вышла, а муж мой сказал мне: «Прими подарок от спорника твоего». Куслубай держал за поводка доброго чубарого жеребца, у коего грива была до колен, и хвост тащился по земле и с ним еще такой же шерсти шесть кобылиц с жеребятами. А Муйнак мужу моему подарил серого жеребца с двенадцатью такими же кобылицами, сказав: «От сей породы был тот конь, который изменил мне у Кидряса на скачке». Муж мой благодарил Муйнака, а я Куслубая, примолвив, что он за одного коня дарит мне семь, и что подарок его больше, нежели мой. «Не больше, а меньше, — отвечал он, — ты, батыр Зухра, подарил меня таким конем, какого не только у нас, но и во всех соседственных аулах нет, а равно седла и прибору такого. На джиинах я на нем буду всех наряднее, а о резвости его уже и слова нет.

Буранбай и Байегет получили также от спорников своих подарки, подаренных коней велел мой муж вогнать в свои табуны.

Уже день клонился к вечеру и Муйнак собирался домой, сказав своим товарищам и женам, что они могут идти, а он останется еще у нас. И как они простясь со мною ушли, то он взяв Алдара за руку, вошел в нашу кибитку и говорил:

ВЕЧЕР СОРОК ПЕРВЫЙ

— Друг мой, Алдар! Прежде, нежели я с тобой прощусь, должен сказать тебе о пути, которым ты едешь. Оных два, один ближе, другой — далее. Первый лежит горами и ущельями. Если бы не было препятствий, то мог бы ты доехать со скотом твоим в десять дней. Надобно переправиться через реку Ак-Идиль, при устье Ашкадара, и ехать в сии горы, которые тебе видны, но сей путь опасен. Первое, от хищных зверей, хотя я и уверен в мужестве твоём, и силе, а также и товарищей твоих, но можете лишиться скота тем паче, что места лесные и защищать его будет трудно. Но положим, что ты преодолеешь сию опасность но есть еще почти непреодолимые. В самых вершинах Ак-Идиля, где ты должен будешь переправляться, там есть глубокая пещера или, лучше сказать, расщелина в горе, тут живет злобный пярй, противящихся батыров побивает, а робких берет в плен и употребляет их в работу: пасти скот свой, а иных держит взаперти в других ущелинах. И дает им самую малую пищу. Не знаю, — вздохнув, прибавил он, — между которыми брат мой, сильный батыр Қарабай! Он поехал сим путем, надеясь на силу свою и мужество, но назад не возвращался, и проходит тому уже третий год, как о нем никакого слуху нет. Сын его Куслубай хочет ехать его искать, но я его не пушу, а что всего хуже клялся Дью-Пярй истребить всех правоверных, которые ему попадутся. И так, любезный мой Алдар! Не советую я тебе сим путем ехать и подвергать себя, жену и друзей своих опасности. Другой же путь, хотя далее, но спокойнее и безопаснее. Он лежит вверх по реке Ак-Идилю. Места степные и к пастьбе удобные. В три дня поравняешься ты с горою Тюнтак-тау, а тут и начнутся кочевья твоих семиродцев».

— Благодарю тебя, добрый Муйнак, за твой дружеский совет, но звание батыра, которым почли меня семиродцы, обязывает меня ехать путем кратчайшим, какие бы опасности я не встретил. А тем более, когда есть случай избавить страждущих мусульман от злодеяния пярйя. Имея с собою товарищем храбрую Зухру, не побоюсь я сразиться с Пярйем.

Я молчала, а Муйнак старался отвратить Алдара от сего пути, но все его просьбы тщетны, и Алдар казался весьма довольным, что узнал о сей кратчайшей дороге, и благодарил Муйнака, дружески обнимая его, с ним простился.

ВЕЧЕР СОРОК ВТОРОЙ

Солнце еще не взошло, но Алдар уже меня разбудил и всех товарищей. Призывает к себе Сибая и дядю Буранбая, советует им ехать дальше путем. От того, что онный ведет степями, то и для скота будет кормнее. «А я, — примолвил он, — поеду с Зухрой прямой дорожкой, которою и прежде ехал. Дядя его и аксакал Сибай, не предвидя ему никакой опасности, в том не противоречили, но смелый Байегет непременно хотел нам сопутствовать, на что и Алдар согласился. Кош был наш снят, верблюды навьючены, а мы под себя выбрали надежных коней, с товарищами нашими распрощались. Дни с три ехали мы без всякого препятствия. Между разговорами спросил Алдар Байегета, знает ли он, что в дороге могут случиться нам опасные приключения?»

— Не знаю, — отвечал Байегет, — но когда я товарищем Алдару и Зухре, то никаких приключений не боюсь.

— Нам будут попадаться свирепые звери.

— Я при батыр-кызе их убивал.

— Но слышал ли ты о злобных пярях?

— Никогда.

— Ну так знай же, батыр Байегет, что все твоё мужество и смелость потребны, чтоб с ними сразиться. Сии злые духи, хотя смертны и могут быть поражены от сильных батыров, но потребна им помощь свыше.

— Я надеюсь, — отвечал Байегет, — что святой наш пророк защитит всякого мусульманина, закон его проповедающего.

— Хорошо, увидим, — сказал Алдар.

Про себя же, добрые мои гости, скажу, что я ощущала какую-то унылость, во все три дня нашей езды ничего не говорила и думала, что если что сделается с Алдаром, то я его не переживу. На четвертый день около полудня, переехав просторный луг, подъезжали мы к одному ущелью, как увидели из оногo выходящего отменной величины юлбарса, медленно к нам ступающего, бьющего по земле длинным своим хвостом и скрежещущего зубами. Алдар с усмешкою сказал Байегету: «Видал ли ты такого зверка?»

— Не видал, — отвечал он, — но познакомлю его с моей стрелою. И в самое то время пустил в него стрелу столь сильно, что вошла она под правую лопатку по самые перья.

Свирепый зверь, загнув голову, хватал за стрелу, а неустрашимый Байегет, пользуясь сим, пробил его копьем навывлет.

— Мердесь, батыр!— вскричал с радостью Алдар,— в опасных случаях можно на тебя понадеяться. Слезь и снимай шкуру со зверя, она должна быть покрывкою твоему коню и славою тебе.

Между тем слез и сам помочь ему. Солнечный зной скоро высушил шкуру, а Байегет, положа ее на седло, сел, и пустились мы далее. Не долго ехали мы узким местом, как выехали на довольно просторный луг, по которому тек прозрачный ручей, и по берегам его стояли тенистые ивы, под коими Алдару вздумалось дать отдых коням своим. Лишь только мы слезли с коней и хотели облегчить их, как увидели идущего к нам старого мужа в белой длинной одежде. В одной руке держал он посох, а в другой из крупного марьяна четки. Бороду имел длинную и, как лунь, белую. На голове тонкое белое повивало, коего один конец висел до пояса. Увидя его, мы объяты были благоговейным ужасом и сочли его небесным жителем. Он, подошед к нам, и видя нас стоящих с прижатыми к груди руками и с потупленными глазами (как бы не смея на него смотреть), подал нам салям и, услыша ответ наш, спросил: «Кто вас завел сюда, добрые мусульмане?»

Алдар, ободрясь, сказал, что он избрал кратчайший сей путь к кочевью своему.

— Но знаешь ли ты, смелый кыр-батыр, — спросил его незнакомый, — что ты себя, жену свою и товарища подвергаешь великой опасности?

Я ужаснулась от сих слов, услыша, что он узнал мой пол, хотя я одета была в мужское платье и был на мне панцирь.

— Я слышал, — отвечал мой муж, — что нас на дороге встретит злобный пярй. Но бог и святой его пророк от него нас защитит.

— По вере вашей с вами сбудется, — отвечал он, — распящите ваши оружия, снимите с себя доспехи, пойдите в разные стороны и сделайте омовение в сем ручье. Потом отправьте ваш акшам и возвращайтесь ко мне. Повинуясь ему мы пошли и все исполнили, а возвратясь увидели его еще отправляющего молитву. По окончании коей встал он, велел нам к себе подойти и разделя четки на трое, сделал из них ожерелье, а для коней наших подал три амулета. Первые велел нам надеть на шеи, а другие в плесь коням в гривы, при-

молвя: «Сие предохранит вас от ран, наносимых вам и коням вашим пярим. Вам, дети мои, предопределено сразиться с сим чародеем, превращающимся в разные виды чудовищ, убить его и освободить правоверных, томящихся в смрадных его пещерах. Действуйте с дерзновением, надейтесь на бога и его великого пророка». Выговоря сии слова, пошел он от нас к утесу горы. Прикосновением посоха его, гора дала отверстие. Он вошел в оное и гора сомкнулась.

ВЕЧЕР СОРОК ТРЕТИЙ

Встреча с сим святым мужем меня и Алдара не столько удивила, сколько Байегета, ибо я подобное сему уже видала. А равно и муж мой, сражаясь прежде с пярими, советы от благочестивых мужей слышал. Но Байегет остолбенел от удивления, и мы уже надели свои доспехи и вооружились, а он еще не спускал глаз с того места, куда скрылся пустынный. Алдар, обернувшись, спросил его, чего он еще ждет? А простосердечный Байегет отвечал, что он ожидает, не выйдет ли еще сей святой муж.

— Да на что он тебе? — спросил Алдар.

— Я бы желал от него знать, в какие чудовища превращаться будет пярим, и как с ним драться.

Муж мой, усмехнувшись простоте его, сказал ему:

— Добрый мой Байегет! Этот святой муж, который с нами беседовал, без сомнения послан от великого пророка нашего. Он (как ты сам слышал) не многоречив, но наставления его ясны, и предвещения не сомнительны. Довольно, что он предохранил нас от ран, а с какими чудовищами и как сражаться, это уже наше дело.

Выслушав сие, лесной наш батыр с поспешностью стал надевать на себя панцирь и оружие и садясь на коня, сказал нам:

— Нетерпеливо я желаю сразиться пярим или с одним из его чудовищ и на первого показавшегося ударю.

— Нет, погоди! — сказала я, — ты уже в свою очередь убил юлбарса, а теперь моя.

— Не спорьте, друзья мои, — сказал Алдар, — всем троим нам будет работа.

Таким образом, разговаривая, ехали мы целый день без всякого приключения, что и заставило нас с Алдаром думать, что Муйнак несправедливо рассказывал о

хищных зверях, в сих местах живущих. Уже проехали значительное расстояние от вершины Ак-Идиля, и как день клонился к вечеру, то и вздумал Алдар близ одной речки ночевать. Ночь провели спокойно, а поутру, вставши с восхождением солнца, омывшись отправили утреннюю молитву и пустились в путь. Мы ехали густым лесом и, казалось, что целый день оным проедем, как вдруг увидели перед собой на превеликое пространство степь и пасущиеся на ней табуны конские и рогатые.

— Что это такое? — спросил мой муж, увидя их, — здесь кошей у семиродцев не бывало. Поедемте ближе, не увидим ли пастухов!

Мы ехали, осматривались кругом и увидели одного едущего около косяков, который, казалось, что не видит. И для того и не спешили мы к нему, а он, обернувшись и увидя нас, остановился. Что и мы сделали, дабы его не испугать. Алдар стал ему кричать, чтобы он к нам подъехал и ничего не боялся. Что он и сделал. А мы между тем к нему подъезжали. И как уже он от нас был близко, то увидели мы человека в разодранном платье. Я вглядывалась и как бы узнавала его, а Алдар с удивлением вскричал:

— Ба, ба, ба! Я вижу ильчи царя Болгарского! К кому ты попал в пастухи? Что под тобою за кляча? И где твой добрый конь, на котором ты со мною встретился?

Он поглядел пристально на моего мужа и, вздохнув, сказал:

— Ах! Не смейся, батыр, моей участи. Да и вас зачем сюда занесло?

— Мы едем прямою дорогой, — отвечал мой муж.

— А я прямою возвращался от семиродцев. Да попал в плен к злому пярию.

— Экая беда, — сказал мой муж, — стало ты и не привезешь никакой вести своему болгарскому царю? И он, чать, глаза проглядел, тебя ожидая, и соскучился в ожидании твоих рассказов.

— Не смейся, повторяю я тебе, батыр, над моим несчастьем. Ты сам теперь и твои товарищи пленники пяриевы, ибо знай, что коль скоро кто въедет в сию степь, то уже не может из оной выехать, и оставшись пленником пяриевым, будет, как я, пасти скот. Если же найдется такой дерзновенный батыр, который захочет с ним сразиться, то он его или убивает, или приковывает к горе и томит его голодом и жаждою, давая ему самую малую пищу.

— Видно ты не хотел померяться с ним своей силой? — сказал Байегет, — и для того пасешь скот.

— Насмешка ваша обернется вам в слезы.

— Мы это увидим, — отвечал Алдар, — но скажи мне, добрый болгар, где живет пярй, и как мы его увидим?

— Ничего нет легче, — отвечал он мужу моему, — вам только ехать вперед, то он верно вас встретит.

— Так ты нас к нему и проводишь? — сказал мой муж.

— Хотя и по неволе, но должен сие сделать, ибо вам уже отсюда, как сказал, выехать нельзя.

— Да мы и не хотим, — отвечал ему с надеждою Алдар.

Я, в свою очередь, спросила болгарца: «Не случилось ли ему видеть, как он сражается с батырами, и под каким видом».

— Нет, — отвечал он мне, — я еще у него только с месяц. В сие время ни один батыр сюда не приезжал. А слышал я, что с год тому назад или более дрался с ним один сильный батыр, которого он встретил в виде крылатого змея огненного цвета, но батыр поразил его сукмаром, а чародей, оглушенный его ударом, исчез. Батыр изумленный стоял, не видя своего противника, но в воздухе показался необычайной величины беркут и с шумом, как буря, на него налетел. Но проворный батыр не дал себя когтями ухватить и сукмаром столь сильно его ударил, что он отлетел от него на несколько сажень и вторично исчез. Батыр думал, что битва кончена, и ехал прямо к его пещере, как вдруг увидел перед собой пярйя в виде исполина, и с превеликой дубиной в руках. И хотя батыр был и сам роста немалого, но пярйй превышал его и с конем. Отважный батыр не устранился, пускается к нему на коне и с великою силою ударяет его своим сукмаром, но неудачно. Батыра сукмар попадает по дубине пярйевой и раздробляется в куски. Чародей же, видя обезоруженного батыра, убивает под ним коня и, бросая дубину, схватывает его. Отважный батыр не лишается надежды, схватывается с пярйем и начинает бороться, употребляет всю силу и искусство. Но пярйй, наконец, превозмог. Ударяет батыра так сильно о землю, что он лишается чувств. А пярй снимает с себя пояс и связывает ему руки и ноги, кладет на плечо и уносит в пещеру.

— Великий ты рассказчик, — сказал ему Алдар, — так расцветил нам, как бы своими глазами видел. Те-

перь я вижу, что знает царь болгарский, кого посылать примечать чудеса на земле.

— Я уже тебе сказал, батыр, — отвечал болгарец, — что я не видал бою, а сего несчастного батыра прикованного видел, ибо пярій сам посылал меня, относить к нему малую пищу. От батыра слышал я о сем изустно.

— Но когда ты так памятлив, то расскажи и про нашу битву царю болгарскому.

Между тем, приближаясь к жилищу чародееву, слышали мы подземный стук, от чего кони наши стали пугаться и не хотели идти вперед, мы, понуждая их, увидели перед собою, что земля расселась и извергла дым и пламя. За сим вышел крылатый зверь, ростом с большого быка, голову имел наподобие птицы, с кривым носом и шею длинную. Передние лапы вооружены были долгими ногтями, задние тоже. Хвост длинный, а крылья как бы у летучей мыши. По извержении на свете сего чуда земля затворилась, и стук земной перестал. Мы все трое были в великом удивлении, а трусливый болгар поскакал прочь, крича нам: «Ну, батыр, посмотрим вашу храбрость».

Мне досадны были сии его слова. Я бросилась с копьем моим на чудовище и ударила его в шею. Рука моя не изменила: я пробила шею, но копье мое изломалось, и зверь кидается на меня. Я выхватываю саблю, рублю его, он дерет лапами коня моего и меня, платье и кольчуга моя раздирается, но я и мой конь невредимы остаемся. Сие придает мне смелости, я удваиваю мои удары, наношу ему раны и отрубаю переднюю лапу. Зверь заревел и стал невидим, оставя на месте своем густой дым. Я кидаясь в него, но и он исчез. Осматриваюсь и вижу страшного арслана, кинувшегося на Байегета. Казалось, что он пожрет его, но проворный батыр уже пустил в него стрелу и попал в самый зев. Зверь от сего падает, а товарищ мой ударяет его копьем и пробивает насквозь, и уже хотел скокить с коня, чтобы снимать с него шкуру, но араслана не стало. Алдар, стоя, примечал наши битвы и сказал: «Ну, товарищи, теперь моя работа приходит, стойте и смотрите, как я на вас смотрел, и отнюдь мне не помогайте». Не успел он сего выговорить, как увидели мы едущего к нам на вороном коне батыра, конь и всадник были роста необыкновенного, первый был покрыт барсовой кожей, а на втором доспехи из чешуи морских рыб, на голове шишак, изображающий крылатого змея, из челюстей коего исходило пламя.

— Дерзкий кыр-батыр! — закричал он моему мужу, — не думаешь ли ты, что поражением двух зверей твоими товарищами и кончилась битва? Нет, ты видишь перед собой сильнейшего из пярив, коему не только вы, презренные мусульмане, со лживым пророком вашим, но и никакая сила противостоять не может. Погибнете от руки моей, или отдайтесь в плен без бою. Я заставлю пасти вас двоих табуны мои, а жену твою возьму к себе в наложницы.

— Враг бога и великого нашего пророка! — отвечал ему с яростью Алдар. — Прежде нежели мы будем твои пленники, я исторгну нечестивую душу твою и сожгу смрадный труп твой и пепел его развею.

Выговоря сии слова, бросился он с копьем на чародея, который не дожидаясь его скакал сам к нему. Удар с обеих сторон был так жесток, что копья раздробились, но всадники остались на конях. Железо от копья Алдара осталось в броне пяривой, а муж мой не получил раны, сохраняем быв чудным ожерельем. Изумленный чародей, что копье и рука его, могущая разбить каменную гору, не нанесла батыру ни малого вреда, с яростью выхватывает длинную и широкую саблю и с остервенением бросается на Алдара, который также его встречает своею. Тут начался у них бой, какого потомки наши, конечно, не увидят. Стук от ударов их раздавался в горах и ущельях Ак-Идиля. При всяком ударе пярив думал рассечь мужа моего с конем. Но видел его невредимого, хотя с кольчуги и сыпались кольца. От ударов же алдаровых рассекалась крепкая броня чародеева, и он получал раны. Одного укрепляла надежда и мужество, а другого сила очарованная. По долгом сражении и по испытании всего искусства и сил, удалось, наконец, Алдару так сильно ударить по шишаку пярива, что разрубил оный надвое, а в сем-то и состояла вся сила чародея. Пока оный пребывал цел, пярив получал новые силы, но став без шишака защищался уже слабо. Муж мой, приметя сие, поднимает обеими руками тяжелую свою саблю, ударяет по голове злодея и рассекает ее надвое. Огромное туловище упадает, а конь его, быв свободен, скачет к его жилищу. Тогда-то я и Байегет поскакали к Алдару и поздравляли его с победою. А он слез с коня и начал совлекать доспехи с пярива, а нам велел принести сухих деревьев, дабы сжечь труп его. Лес был недалек. Мы, рубя его саблями, ломая руками, навязали в арканы большие связки и привезли. В то время увидели скачу-

щего к нам болгара в препровождении подобных ему пленников, которые, упав к ногам Алдара, благодарили его за избавление. «Оставьте ваши поклоны, — говорил им мой муж, — а носите ко мне дров. Сожжем поскорее злодея вашего».

Не успел он сказать, как кучи дров ими были натасканы, а мы, сложа превеликий костер, взвалили чародея и оный зажгли. Пока он горел Байегет, оборотясь к болгару, сказал:

— Ну, рассказчик царя болгарского, видишь ли, что Алдар устоял в обещании убить пярю, и горит уже, ты можешь о сем рассказать, когда возвратишься. Да не забудь сказать, что в сем бою ты нам помогал.

— Храбрые батыры, — отвечал болгарец, — теперь мне ваша шутка не обидна. Я рад ее сносить. Издевайтесь сколько хотите над моею трусостью. Вы избавите ли мои и многих мусульман, в пещере его содержащихся.

— А знаешь ли ты, — спросил его Алдар, — где сии несчастные содержатся?

— Знаю, — сказал болгар.

— Так поведи же нас туда, — прибавил он, — как скоро развеем прах вашего мучителя.

ВЕЧЕР СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ

От множества деревьев, коими костер был окладен, восходил густой дым кверху и расходился по всему лесу. Слышен был смрад, так что мы принуждены были отойти прочь и стоять от оногo на выстрел стрелы. Незаметно слышали пронзительный крик. Мы смотрели во все стороны, желая узнать откуда он происходит, как показались над костром две черные отменной величины птицы, кои, вившись кверху, пронзительным голосом кричали. Алдар, зная и наслышавшись о свойствах пярювых, заключил, что птицы сии, без сомнения, должны быть также чародеи, которые посредством волшебства, узнав о смерти его, прилетели о нем тужить и, если можно, спасти. «Посмотрим, — сказал он, — не достанут ли их наши стрелы». И в то же время, наложив стрелу на лук, проговоря имам, столь удачно пустил, что поразил одну из птиц в середину тела, и она упала со стрелою близ костра, а муж мой, подбежав, оторвал у издыхающей голову и, вынув стрелу, бросил птицу в огонь, примолвля: «Гори и ты с тем, о ком тужила».

Я хотела стрелять по другой, но она, увидя падение своего товарища, так взвилась высоко, что никакая стрела долететь не могла и слышен был голос: «Отомщу за брата над тобою и над потомством твоим». Сей голос, произнесенный чародеем, весьма меня истрашил. Я до сей поры себя упрекаю, что не успела пустить стрелу в сию злую птицу в то время, когда Алдар пустил свою. Муж мой, видя меня смущенную, уговаривал, чтобы я не верила сим пустым угрозам и что чародеи более страшат, нежели зло свое в действие произвести могут, и что он надеется на помощь магометову, коя в силах предохранить их от всех злых замыслов пяривых. «Оставь свой страх, храбрая моя Зухра, — примолвил он, — поспешим скорее освободить правоверных, томящихся в пещерах». И оборотясь к болгарцу, сказал: «Почтенный посол великого болгарского царя! Веди нас в пещеры и ущелья, где страдают несчастные».

При названии «послом» болгарец сам, засмеявшись, отвечал:

— С радостью поведу вас не в виде посла, но в виде тюремного караульщика. Сии отсюда недалеко, так как и жилище самого пярива. Куда вы хотите прежде? В жилище ли его, дабы видеть все, пограбленные им богатые доспехи и оружие от побежденных им батыров, или в пещеры, где заключены сии несчастные?

— Нет, — отвечал мой муж, — поспешим освободить узников, а то от нас не уйдет.

— Будет ли у вас столько силы, — спросил болгарец, — чтобы отвалить камень от хода пещеры, ибо один пярив только мог сие делать.

— Самый смешной ты человек, хотя и посол царя болгарского, и должен быть из всех болгарцев умнее! — сказал ему, смеючись Байегет. — Если пярив твой силою своею отваливал, наваливал камень то тот, кто убил пярива, без сомнения, уже может открыть себе путь в пещеру.

— Правда, правда, — отвечал болгарец, — радость или трусость так во мне действует, что я глазам своим не верю.

Потом сели мы на коней и поехали к пещерам. Путь был недалек, и мы увидели себя близь утесистых гор, покрытых дремучим лесом. Надобно было сойти с коней и идти по узкой тропинке. Болгарец шел впереди, а Алдар за ним. Тропинка привела нас к рассказанному камню. Он был четырехугольным, величиною в

две маховых сажени, а толщиной на сажень. Муж мой, посмотрев на него и обойдя кругом, сказал: «Надобно оправдать слова Байегета и отвалить камень». Подойдя к одной стороне онога, подпал плечом и, упершись руками, закричал нам: «Посторонитесь, товарищи, как бы вас не задавить». Потом с великою ловкостью и силою отделил от входа пещеры и отвалил прочь оный. Из отверстия пещеры выходил смрад, и мы должны были ожидать пока оный пройдет. Алдар, обернувшись к стоящему болгарцу, который от удивления поднимал руки кверху, сказал ему:

— Ну, что же ты стоишь, веди нас!

— Ах! — вскричал болгарец. — Надобно сыскать огня и принести сухих ветвей.

— Так что же ты мешкал до сей поры?

— Ох, батыр! Я все удивлялся твоей силе и не верил, чтобы можно было отвалить сей камень.

— Так полно же удивляться, скорее высекай огня.

Алдар обернувшись к нам, сказал: «Помогайте вы ему и наберите скорее сухих ветвей, этот приближенный царский умеет только удивляться». Хворост был набран, связан пучками и всякий из нас, кроме Алдара, зажег свой пучок и в предшестве болгарца вошли мы в пещеру. Пещера была сначала узка, а потом становилась час от часу шире, и мы слышали вопль и стон, который, как после узнали, происходил от того, что чаяли узники приход пярив, ибо он приходил иногда для истязания. Мучая их за то, что они осмеливались вступать с ним в бой, а не в плен отдавались. Я ужаснулась, увидя в первый раз в жизни моей заключенных людей в подземное жилище. При свете огня казались они полумертвыми, едва дышущими и почти полунагими. Алдар, отдав им салям, закричал громко, что пярив убит, и все находящиеся в пещере свободны. Звук голоса его раздался по всему пространству пещеры. Имеющие еще силу ходить поспешно шли к нему навстречу и падали к ногам его. Он, поднимая их, сказал Байегету, чтобы он вывел их вон из пещеры, а одному из пастухов велел пригнать скота, дабы поскорее сварить им пищу, а если есть у пярива кымыз, то прежде их оным напоить. Все с поспешностью, выходя из пещеры, друг друга давили, а слабых и не могущих идти выносили.

Алдар между тем в провожании болгарца спешит освободить скованных узников. Они идут далее в пещеру, имея в руках зажженные пучки огня. Чем далее они шли, тем пещера была ужаснее. Висящие над голо-

вами их камни, казалось, подавить их хотели. Ночные птицы, не могущие сносить дневного света, укрывались в сем подземном жилище, влетая в оное узкими расщелинами и видя его освещенным, летели прямо на огонь. Все сие смелого батыра не устрашало, а приводило в пущее нетерпение освободить поскорее храброго батыра. Наконец, подходят они к тому месту, где прикован был батыр. Алдар сказал ему саям; он, поднимая тяжелые цепи своими ослабевшими руками, томным голосом сказал:

— Кого из правоверных приводят еще страдать со мною?

— Не страдать, а освободить тебя я пришел,— отвечал ему Алдар и, схватя за цепи, ломал их. Потом, взяв его за руку, выводит из подземной пропасти. Освобожденный узник, сидевший долго в темноте, не мог снести солнечного света и упал от слабости. Я кинулась ему помогать, обливая его водою. Полежав несколько, он встал, и как бы от глубокого сна открывая глаза, спросил:

— Кто вы таковые и как могли меня избавить?

— Помощью аллы и его святого пророка ты нами избавлен,— отвечал мой муж.— Но прежде нежели я скажу тебе, кто мы, успокойся, прими пищу, омойся в источнике и оденься в прежнее твое платье, которое я к тебе тотчас пришлю. Ибо весь мюлькат пярив в моей власти. Он мною убит и сожжен.

Потом, взяв болгарца, пошел далее в пещеру, дабы и других прикованных освободить и, нашед их, разломал цепи, вывел и отдал в руки Байегета, а сам пошел со мною в пещеру, где жил чародей и где были его жены. Вход в пещеру был довольно просторен и, она казалась высечена была из одного камня. При входе встретился нам старик, немалого роста, держащий в руках длинную обнаженную саблю.

— Неужели ты хочешь защищать вход в пещеру? — грозно закричал ему мой муж, — когда сам пярив пал от руки моей.

— Если ты кыр-батыр Алдар, то я брошу мою саблю, — отвечал страж, — но если другой кто, то не войдешь сюда.

— Я тот самый, которого ты изрек.

— погоди еще, — сказал старик, — если ты точно Алдар, то покажи твое ожерелье, которое тебе дал на пути святой муж.

От сих слов сделались мы почти безмолвными, и муж мой, помолчав несколько, показал ему оное и спросил: «Вот оно! Да почему же ты меня знаешь?» Вместо ответа бросил он свою саблю и упал к ногам Алдара, а потом стал на колени, начал говорить:

— О батыр! Избранный небом для избавления правоверных от мучения злых пярив, тебе одному предопределено было избавить нас. Я сам мусульманин, — продолжал он, — и сторожу уже сорок лет, стоя на страже в сем подземном жилище богоненавистного дью-пярия. Быв еще молод, дерзок и невоздержного житья, заехал я сюда и хотел сражаться с чародеем, но силою ли своею или волхвованием он победил меня. Держал долго скованным, а потом приставил стеречь вход сей пещеры, вооружа руку мою саблею, от которой никто устоять не может, разве покровительствуемый святым нашим пророком. Я расскажу тебе, храбрый батыр, в коротких словах для чего спросил я тебя об ожерелье, которое вижу на шее твоей. Три дня тому назад снилось мне, что я стоял под великим утесом красной горы, вижу, исходящего из расселины оной некоего благочестивого мужа, держащего в руках своих длинные марьяновые четки. Он, подошед ко мне, сказал суровым голосом:

— Мряс! (так мое имя) грехи юности твоей изглажены из хартии греховной страданием, претерпенным тобою в постыдной службе злого духа. Великий наш пророк обратил к тебе свое святое лицо и повелел мне сказать тебе, что вскоре приедет в ваше пагубное жилище избранный кыр-батыр Алдар в провожании жены своей и одного еще лесного батыря. Он убьет злодея и избавит правоверных из его неволи. Узнавай его по четкам сим, из которых я сделаю ему и двоим товарищам его по ожерелью. Сабля твоя сокрушится от прикосновения к Алдару, и ты получишь от руки его смерть за свою дерзость. Сей день сбылся мой сон. Я слышал о битве вашей от приехавших ко мне пастухов, узнал, что убит сам пярив и что ты застрелил одного из братьев его в виде беркута, а другого жена твоя не успела, что ты их сжег, извел из подземных жилищ страждущих мусульман, и я ожидал тебя к себе, дабы узнать, точно ли ты имеешь на себе данное от святого мужа ожерелье. Теперь все сбылось, благодарю бога и его пророка за избавление наше, а ты имеешь полную волю над всеми нами.

ВЕЧЕР СОРОК ПЯТЫЙ

По выслушании от старика его краткой повести, спросил Алдар:

— Кто живет еще в сей пещере? Нет ли еще каких узников, и где все доспехи и платье, которое снимал чародей с батыров, с ним сражающихся?

— В пещере сей,— отвечал Мряс,— живет его жена и несколько дочерей ханских, украденных пярием, а панцири, оружие и платья лежат в особливом месте, если угодно, я тебе все покажу.

— Пойдем прежде к женщинам,— сказала я мужу моему.

— Хорошо,— отвечал Алдар.— Мряс! Веди нас к ним.

Мы шли недолго и остановились у одного камня, которым был завален вход.

— Здесь они живут,— сказал нам наш вожак,— пярій всегда заваливал их камнем, когда выходил с каким батыром сражаться, надобно иметь силу отвалить его.

— Об этом я тебя просить не буду,— отвечал мой муж, и от одного толчка ноги камень отвалился.

Пещера освещалась бледным светом, исходящим из каждого угла оной, отчего лица на женщинах были как бы мертвые, и они, увидя нас, подняли жалостный вопль. Муж мой, унимая их, спросил: есть ли из них мусульманки? «Все мы правоверные»,— отвечали они,— и держимся в неволе пярия».

Пока муж мой их о сем расспрашивал, я желала узнать, что такое светит в углах и, подошед, щупала рукою и к удивлению увидела, что это был чюрюк⁴². Потом подошла я к женщинам и, приветствуя их, поздравляла со свободою. Спрашивала, которая из них пяриева жена. «Я ношу сие имя»,— отвечала из них одна. Она была женщина лет двадцати пяти, весьма недурного лица, но уныла и печальна. Муж мой сказал мне, чтобы я вывела их из пещеры и там бы их расспрашивала,— а я,— сказал он,— пойду со стариком и вынесу платье и оружие батырам. Я взяла за руку жену пяриеву, а прочие пленницы, схватясь друг за друга, за нами шли. Вышед из пещеры, увидела я Байегета в кругу несчастных батыров, нами освобожденных, раздающим с болгарцем и прочими пастухами им чашки с кымызом. Я отвела женщин в сторону и объявила

им, что я женщина и жена батыра Алдара, освободившего их от неволи и убившего мужа ее пярйя.

— Ах! — вскричала жена его, — не называйте сим именем сего злодея, ибо я имела женихом одного из ханских детей молодого батыра, отменного вида и удальства. Отец его славный Узбек-хан кочует в вершинах Иртыша. Я была просватана за Аккубьяка, и уже наступило время взять ему меня к себе. Я с подругами своими выехала в поле по обычаю нашему поскакать на конях. Доброта коня, на нем убор и мой наряд отличали меня от моих сверстниц. Мы были в поле до полудня, резвясь и стаскивая друг друга с коней, и хотели уже возвращаться домой, как вдруг увидели мы волка. Все мы завизжали и поскакали за ним. Я, имея коня резвее всех прочих, была впереди и догоняла волка, как вдруг он пропал. Я думала сперва, что он ушел в нору, скакала кругом и искала норы, как передо мною расступилась земля, и оттуда пошел густой дым. Из коего вылетел на крылатом змее пярйй. Я ужаснулась и закрыла обеими руками глаза и в ту же минуту почувствовала схваченною себя с коня. Открывши глаза, увидела себя на воздухе в руках чародеевых. К вечеру мы уже были в сем месте, пярйй оставил меня до утра под присмотр старика, защищавшего вход. Пришел он ко мне на другой день и нашел меня в слезах. Я, увидя его, начала вопить, драть себе волосы и царапать лицо. Он, уговаривая меня прежде ласкою, потом угрозами, дал мне несколько дней на размышление. По истечение коих велел мне готовиться быть его женою. Я ужаснулась от сих слов, а он, оставя меня Мрясу, велел меня уговаривать. Сей добрый старик, хотя и сторож наш, говорил мне совсем обратное, велел надеяться на бога и его святого пророка и не забывать читать имам, а особливо тогда, когда пярйй ко мне придет, а также, чтобы я не оставляла пять раз молиться в день: и для омовения он всегда приносил мне воды. В назначенный день явился ко мне пярйй.

— Что, — сказал он мне, — одумалась ли ты и хочешь ли быть моею женою?

— Нет, — сказала я сердитым голосом, — я хочу лучше умереть от твоей руки, нежели согласиться быть твоею женою. И я надеюсь, что святой наш пророк не допустит меня до сего беззакония.

— О! — сказал он смеючись. — Я не стану спрашиваться твоего пророка и получу то силою, чего не мог добиться от тебя по доброй воле.

И в то время хотел он меня обнять, но как скоро коснулись руки его до меня, то он заревел, как раненый медведь, и отскочил от меня прочь.

— Ах, скверная магометанка, — вскричал он. — От чего ты так жжешься?

Я удивилась сама и не знала, что ему отвечать. А он, постояв, пытался опять меня схватить, но всякий раз с криком отскакивал прочь и, в бешенстве своем произнося хулу на бога и на святого нашего пророка, от меня ушел. Я, оставшись одна, сколько ни думала, не могла понять, что удерживало его сделать мне насилие. Добрый мой друг Мряс не оставил ко мне прийти, найдя меня спокойною, спрашивал, что значил крик злобного чародея. Я рассказала ему все, а он, качая головою, сказал мне:

— Счастлива ты, Гюльбика (так мое имя), тебя защищает святой наш пророк. Скажи мне, — примолвил он, — не носишь ли ты на себе дагуата?

— Ношу, — отвечала я.

— Так он-то тебя и спасает.

— Да как же он тогда меня не спас, когда чародей похитил?

— Тогда пярій сделал тебя только пленницею, ибо бог наказывает, но не погубляет, а теперь ты бы погибла, если бы согласилась с пярием, и для того тебя дагуат спас. Ради бога, не скидай его.

— Я весьма обрадовалась слыша сие, да к тому и вспомнила, что мать моя, отдавая мне его, говорила, что сей дагуат дал ей один святой муж, сказывая: кто сей дагуат носить будет, до того не коснется никакая неистовая рука! Да и подлинно так: в продолжение года, который я здесь в горе провела, ничего не мог он силою сделать, а добровольно я не соглашалась, сколько ни старался он меня уговорить, просьбы его были напрасны. Наконец дал он мне волю выходить из пещеры и ездить смотреть табуны его давая мне хороших коней. Таковая свобода подала повод думать пленникам, что я его жена. Я было покусилась один раз уйти, но к удивлению моему, не могла выехать, и всякий раз приезжала к пещере. Старик Мряс растолковал мне, что вся земля владения пяриева была заколдована, что въезжать в оную было можно, а выезд из оной не было. И я бы так же как и все наши узники скончалась бы здесь, если бы святой наш пророк не послал вас к нам на помощь.

ВЕЧЕР СОРОК ШЕСТОЙ

Так кончила свою повесть Гюльбика, и я была весьма рада, что она не жена пярива, для чего и спросила ее: «Разве у него жен не было?»

— Были, — отвечала она, — две, от коих у него детей не было, и за то чародей убил их обоих.

— А подруги твои также верно украдены были все злым чародеем?

— Они все похищены были или от женихов, или от отцов, и иные весьма недавно.

Я, заметя двух, отменно пригожих, спросила: «Откуда они, и кто были их отцы?» Одна мне сказала:

— Я из Золотой орды, дочь ногайского бия, кочующего вниз по реке Идиль, называюсь Гюльбустан. Меня похитил пярй из рук моей матери, с которою ездила в гости к своим родственникам. Он явился к нам в виде вооруженного батыра, остановил нас на дороге и с великим нахальством требовал, чтобы меня ему отдали. Мать моя, засмеялась сему, ибо сопровождаемы были мы восемью из наших мурз, исправно вооруженными, на которых надеялись, что уймут его дерзость. И один из них, не стерпев его слов, ударил плетью по лицу. Сей несчастный удар стоил бедному Кучуку (так звали сего мурзу) жизни. Пярй с превеликим зверством кинулся на него, схватил за шею и с такою силою ударил о землю, что он тут же испустил дух. Остальные семеро пустили в него свои стрелы. И хотя всякая стрела не миновала пярива, но они отскакивали от панциря его, как от камня. Храбрые мурзы наши принялись за сабли, но и они вдребезги рассыпались о кольчугу его. А пярй, подняв свой чокмар, с нескольких ударов перебил шестерых, а одному сказал: «Поезжай в свою Золотую Орду и скажи, что сильнейший из пяривов взял сию девку себе в невольницы». Потом оттолкнул мою мать, которая держала меня в руках своих, а меня схватил, как ястреб маленькую птичку, и поскакал со мною. Я не могу тебе рассказать, по земле или по воздуху он нес меня, ибо я была без памяти. И не прежде пришла в чувство, как увидела себя среди сих женщин. От страха и от горести сделалась я больна, так, что добрая моя Гюльбика и прочие подруги отчаялись о моей жизни. Но я благодарю великого нашего пророка, что он наслал на меня сию болезнь, а без того была бы я обещена злым пяривом, теперь хвала богу и

заступнику нашему магомету и вам, как бы от него посланным на избавление мое.

Выслушав ее приключение спросила я другую, подле нее стоящую: «Откуда она?» Сия девица была роста немалого, стан ее был подобен тонкому талу, волосы и брови имела черные, глаза такого же цвета и большие. На щеках был бледный румянец, и прежде, нежели начала мне отвечать, слезы покатились у нее из глаз. Потом, отерши их, начала мне говорить:

— Я самая несчастная девушка, дочь одного из богатейших туркменских мурз, которого, как и матери моей, лишилась еще в младенчестве и воспитана была теткою. Младенческие мои лета провела я кое-как, не зная и не желая ничего. Но как начала приходить в возраст, стали меня называть хорошею, и по богатству, которое мне после отца и матери принадлежало, стали ко мне свататься многие женихи, но тетке моей не хотелось меня отдать и искала такого жениха, который взял бы меня одну, а имение мое оставил бы ей. А как такого не находилось, мне никто из молодых наших батыров не нравился, с которым бы я могла тихонько уйти и выйти за него замуж. И так оставалась я без всяких желаний. Но с полгода тому назад приехал в кочевье наше один знатный и богатый каракалпак. Сей народ живет близ Аральского моря, от кочевьев наших дней на десять езды. Зачем сей гость в жилище наше приехал, мне было неизвестно, но я часто его видала приходящего к одному из дальних моих родственников. А потом стал ходить и к моей тетке. Несколько дней прошло, и я ничего не замечала, а в один день спросила меня моя тетка, каков мне кажется сей богатый и знатный каракалпак? Я, улыбаясь, сказала, что он мне кажется чертом.

— Как чертом? — с сердцем она сказала.

— Конечно, так, ибо что может быть чернее и гнуснее его, к тому же стар и безобразен.

— Да ты знаешь ли, глупенькая Тансылу (так мое имя), что он за тебя сватается? И я дала слово тебя за него выдать. Ты будешь счастлива, он чрезвычайно богат и знатен в своем роде.

От сих слов тетки моей пришла я в превеликое сердце, наговорила ей много дерзких слов, упрекала ее, что хочет похитить мое имение, что упускала выгодных для меня женихов, с которыми бы я, может быть, была счастлива. Сии мои справедливые упреки ей не понравились, и она, злясь, схватила меня за длинные мои

косы и била, пока устала. Я однако же не переставала ей говорить, что я лучше умру, нежели пойду за сего уroda. Но все сие было тщетно, и я была за него про-сватана.

Несколько дней спустя, когда я в один вечер была одна в кибитке и сидела за работою, вошла тетка в сопровождении Мурата (так звали каракалпака), двух еще стариков и одного муллы. Тетка моя их посадила и сказала им, что она племянницу свою выдает за Мурата и чтобы мулла читал никах. Сии слова как стрелой меня поразили, и я, подняв превеликий крик, бросилась было из кибитки бежать, тетка моя и двое стариков меня схватили. Завязали мне рот, дабы соседи не слышали мой крик, вывели из кибитки и посадили на верблюда, на которого сел со мною и сам Мурат. Верблюды нас понес с великою скоростью. Недалеко от кочевья нашего дожидались Мурата его товарищи, коих было человек до десяти. Некоторые ехали на конях, а другие на верблюдах со вьюками. Тут развязал он мне рот и сказал, что если я буду кричать, то он опять мне завяжет.

Я, быв в его руках, долженствовала повиноваться. А он, лаская меня, говорил, что я буду богатейшая и знатнейшая в его роде. И как свадебная молитва не закончена, то он намерен свадьбу сделать, приехав домой. Сии слова меня обрадовали, и я не знаю, какая-то надежда мне являлась избавиться от руки Мурата. И так посадя меня на верблюда одну, сам сел на другого, и, продолжая путь до полуночи, остановились ночевать.

ВЕЧЕР СОРОК СЕДЬМОЙ

На другой день надобно было переезжать песчаные места, от чего и езда наша была тиха. Каракалпак, видя меня спокойною, был сему весьма рад и говорил мне много ласковых слов, на кои хотя я и отвечала, но с потупленными глазами. Путь наш продолжался без всяких препятствий, и уже Сыр-Дарья была у нас в виду, как увидели мы на воздухе огненный шар. Он летел с полуночи прямо на нас, и над головами нашими с великим треском лопнул. Мурат и его спутники попадали на землю, иные с коней, иные с верблюдов. Я одна, не знаю почему, осталась на моем и увидела перед собою на крылатом вороном коне батыра во всеоружии. «Дев-ица, — сказал он мне, — я избавлю тебя от сего кара-

калпака, он не достоин иметь тебя женою». Я хоть и не упала с моего верблюда, но от страха не могла произнести ни слова. А между тем батыр на крылатом коне, схватив меня с превеликим проворством, посадил позади себя и закричал Мурату и его товарищам: «Ищите себе другую девку, а эта мне надобна». Выговорив сие, пустился он со мной. Я держала его за пояс так крепко, что руки мои онемели, и не привыкши летать по воздуху, была я без памяти. Долго ли были мы в пути, того я сказать вам не могу, но три дня тому назад была уже я в пещере, в которой вы нас нашли. От необыкновенного пути я весьма ослабла, и женщины сии привели меня в чувство. А я в сие короткое время не успела еще со всеми познакомиться и не знала, благодарить ли мне их, или нет за попечение обо мне, ибо я из одного зла попала в другое. Теперь же да воздаст им и вам, наши избавители, великий пророк. И да не подвергнет нас впредь подобной участи. Тем кончила Танысу свою повесть.

Я желала знать и о прочих женщинах. Одна из них постарее сказала мне со слезами:

— Не спрашивайте нас, мы, к несчастью, наложницы пяривы. Не имели мы столько твердости, ниже столько надежды на покровительство святого магомета. Иные были обольщены, иные уstraшены. И так просим: не заставляйте нас объявлять наш стыд. Несчастье бы наше усугубилось, если бы мы имели от пярив детей. И для того-то похищал он вновь девиц, дабы произвести свое мерзкое племя.

Я сколько могла старалась ее уговаривать, чтобы она не печалилась. Грех их невольный, что, бывши пленницами, нельзя им было противиться против столь злобного духа, и что бог, видя их раскаяние, конечно, их простит.

Пока я с ними разговаривала, подошел ко мне мой муж и старик Мряс, которому сказала я, чтобы он женщинам принес пить и есть. Алдар спросил меня, не хочу ли я посмотреть избавленных батыров, которые теперь несколько успокоились, надели свое платье и уже им роздано оружие, которое хранилось у пярив. Я пошла с ним и нашла их, сидящих в кругу. Радость являлась на лицах их. Алдар подвел меня к одному чернобородому батыру, лицо которого мне казалось знакомым. Роста он был весьма большого и не старее сорока лет.

— Вот, — сказал он мне, — добрая моя Зухра! Кого нам бог велел освободить. Это брат друга нашего Муй-

нака, так искренно нас угостившего. Это тот сильный батыр Карабай, от которого едва не пал пярй. Два очарования им были истреблены. Но сражаясь с самим чародеем, сокрушилось его оружие, и тем только превозмог враг его.

Я пожала руку Карабаю и поздравила его со свободою, а он, привставши, взял мою, жал крепко и сказал:

— Бог воздаст сауап мужу твоему и тебе за избавление меня и многих мусульман. Посмотри на них, как они все воссылают благодарные молитвы ко всевышнему и просят, дабы он сохранил вас от всякого зла.

Я просила его, чтобы он сел и отдыхал, а сама, отойдя от него смотрела на других. Глаза мои остановились на одном батыре в кармазинном кафтане. По левую сторону лежал его панцирь, по правую лук со стрелами, а сабля лежала перед ним. Вид он имел мужественный, отчаяние и печаль изображались на лице его, и он, как бы не чувствуя своей свободы, смотрел на свое оружие с негодованием. Я спросила мужа моего, знает ли он имя сего батыра, и каким случаем сюда попал?

— Я его расспрашивал, — отвечал он мне, — это удивительный человек! Он не радуется ни свободе своей, ни возвращенному оружию, а произнося имя жены своей, говорит: «На что мне оружие и свобода, когда не мог найти любезную свою Гюльбику».

— Ах! Я ему могу принести хорошие вести. Да как его зовут? — спросила я мужа своего.

— Аккубьяк, — отвечал он мне довольно громко.

Батыр, услыша имя свое, взглянул, а я спросила его: отдохнул ли он и в силах ли от меня выслушать хорошую весть?

Он, поглядев на меня пристально, сказал:

— Я не знаю, батыр, кто ты таков?

— Я товарищ Алдара.

— Вы уже принесли хорошую весть страждущим мусульманам, освободив от плена.

— Я хочу тебе особенно сказать.

— Нет для меня хорошей вести! Погибла моя любезная Гюльбика.

— А если я тебе скажу, что она жива?

От сих слов вскочил батыр и, схватив саблю, спросил меня отрывисто: «Где она? Пойдем ее освободить». Я, схватив его за руку, сказала ему: «Успокойся, ба-

тыр, Гюльбика избавлена, но еще не знает сей радости, что ты здесь».

— Она была во власти чародея! — и с сим словом сел, потупив глаза.

— Послушай, Аккубьяк! Хотя невеста твоя и была во власти чародея, но она так непорочна, как райская девица! Святой пророк наш защитил ее от насильства неистового врага ее. Собери силы свои, батыр! Пойдем, я ее покажу тебе.

Алдар слушал меня с удивлением и сказал:

— Подлинно, ты принесла ему хорошую весть! Поведи же его и покажи, что для него всего милее.

Алдар взял Аккубьяка под руку, ибо от слабости он не тверд был на ногах, а я шла перед ними и, не доходя до женщин, остановила их, чтобы меня подождали, пока я подведу к нему Гюльбику и, пришед к женщинам, сказала ей: «Бог сугубо награждает твою чистоту, он избавил тебя от врага твоего и возвращает тебя твоему любезному жениху. Пойдем, вон он с Алдаром тебя ожидает».

И лишь только я выговорила, она бросилась опрометью. Я не успела на нее взглянуть, как она была уже в его руках. Они схватили друг друга и плакали от радости. А мы с мужем радовались, что великий пророк наш избрал нас на освобождение сих супругов.

ВЕЧЕР СОРОК ВОСЬМОЙ

Аккубьяк и Гюльбика, видя нас, стоящих и с радостью смотрящих на них, кинулись к нам, первый обнимал моего мужа, а вторая меня, и мы бы долго не вырвались из их рук, если бы не подошли к нам Байегет и Карабай, которые, увидя Аккубьяка, обнимающего с женщиной, захотели узнать о сей внезапной их встрече, коим Алдар сказал, что батыр Аккубьяк нашел свою невесту, которую пять лет считал погибшею. Муйнаков брат и лесной батыр хотели знать, каким образом Аккубьяк потерял свою невесту, и просили его рассказать. Но муж мой советовал им, чтобы обождать несколько, пока сварят мяса, ибо время и нам после трудов поесть. Любопытные Карабай и Байегет согласились на сие, и последний поспешил приготовлением обеда. А велел Мрясу, болгарцу и прочим пастухам расстелить найденные у пярля богатые ковры и спешить подавать мясо.

— Да пора и вам, дорогие мои гости, обедать! — примолвила Зухра. Я столько расплодилась вам в моей повести, что и забыла вас оным потчевать.

— Правда, повесть хороша и удивительна, — сказал шутливый Елкибай, — но и поесть надобно. Ибо уже солнце гораздо за полдень.

— А мне совсем есть не хочется, — отвечал Аллабирде, — я бы трои сутки не ливши и не евши рад слушать рассказывающую Зухру.

— Твое дело женихово, тебе так и надобно, а мне поистине есть захотелось, и так заслушался, что и чашки кымызу не выпил.

Так разговаривали два друга, пока хозяйка ходила за обедом, но вошедшая с кушаньем Зухра прервала их речь. Она, подавши им по обычаю вымыть руки и длинное полотенце, просила их отведать ее стряпни. Елкибай, проглотивший горсти две бишбармаку, сказал:

— Обед, на котором повесть твоя, почтенная Зухра, остановилась, верно не так был хорошо приготовлен, как сей?

— Тот был для меня вкуснее, — отвечала она, вздохнувши. — Я сидела тогда подле храброго моего Алдара, которого считала сладостью моей жизни.

— Вот! Это уже и не по сердцу нынешнему твоему жениху, — сказал веселый Елкибай.

— По сердцу или нет, — отвечала Зухра, — я не хочу его обманывать и говорю ему в глаза, что если предопределено ему быть моим мужем, я буду ему послушна, но любить так, как Алдара, не могу. Да и он сам от меня сего требовать не может.

— Почтенная Зухра, — сказал Аллабирде, — сказанное тобою есть самая истина. Брак наш с тобою не есть от самохотения, а от предопределения. Я не хотел и не думал ни на ком жениться, что уже слышала. Батыр в серебряной броне велел мне последовать совету моих однородцев. А святой пророк-пустынник утвердил меня в этом и велел мне непременно к тебе ехать. Да и сама ты, добрая Зухра, в повести своей нам нечто о нем сказала.

— Да, сказала я, — отвечала Зухра, — что я его знаю, что он в печали моей после Алдара утешал меня и предвозвестил мне второй брак для какого-то чудного происшествия, о коем однако от меня скрыл.

— Да разве это не чудное будет происшествие, — возразил Елкибай, — когда мы убьем еще пярря, без чего Зухра и руки Аллабирде не дает.

— Правда, что это великое дело, — отвечала Зухра, — и прославит оно вас во всех семи родах. Однако же не то, что предвозвестил пустынный, и я сколько его не спрашивала, он открыть мне не хотел да и вопрошать запретил. И так повторяю вам, что брак мой с Аллабирде должен быть непременно, если вы убьете другого врага моего.

Оба друга клялись, что они затем приехали, чтобы защитить ее от врагов или умереть, разговаривая таким образом, опорожнили, однако же, всю чашу и выпили еще по нескольку чашек кымызу. Хозяйка спросила их, не хотят ли они отдохнуть, что де ей и самой надобно. Гости согласились, и Зухра, их оставя, ушла в маленькую свою кибитку.

Аллабирде и его товарищ спали бы еще долго, если бы не разбудило их ржание жеребят и кобылиц. Ибо наступило время Зухре отвязать первых и пустить к матерям. Аллабирде, вышед из кибитки, застал ее в сей работе, и упрекал ее, что она не заставила себе помочь. «Будет еще и вперед тебе время помогать мне», — отвечала она, покрасневшись.

Сии слова были вместо масла нашему пожилому жениху. А потом вышел Елкибай из кибитки. Они оба ходили около косяков и дожидались, покуда удосужится хозяйка. Она не замедлила вылить надоенное молоко в сабу и с турсуком свежего кымыза подошла к ним.

— Довольны мы твоею пищею, — сказал Елкибай, — брюхо сыто, но душа желает дослушать твоей повести. И так просим тебя оную продолжить и окончить.

— Извольте слушать, мои любезные гости. Помните, я остановилась, что велено было Байегету поспешить обедом. Ковры были разостланы, и большие чаши с мясом расставлены. И хотя освобожденные нами уже и насытились, однако же муж мой просил всех, чтобы побеседовали с нами, а также и женщин в особом от нас кругу посадили. Байегет и для них разостлал ковры и часто из нашего круга ходил к ним. Я же с Гюльбиной села с мужчинами, подле меня сел Алдар, а подле ее Аккубьяк, а Карабай сел подле Алдара, я уже вам сказала, почему вкусно мне было кушанье, и так я ела много. Муж мой, увидя болгарца, вскричал ему: «Подойди ко мне, ильчи!» И велел ему сесть против себя.

Кормил его, по обычаю нашему, из своей горсти и смеючись говорил ему:

— Не забудь же, ильчи болгарского царя, рассказать ему, как тебя угощал кыр-батыр, только лишнего не лги!

— Если я буду рассказывать то, что я видел своими глазами, то в том мне не поверят!

— Зачем же и посылать, когда не верить! — отвечал мой муж. — Да, нашел ли ты своего коня и свое болгарское платье и оружие?

— Конь мой пасется с прочими, — отвечал он. — А платье и оружие Мряс мне отдаст.

— Поди же поскорее нарядись и приходи сюда, дабы я тебя видел настоящим ильчою.

Мясо было съедено, и чаши унесены, а на то место поставлены тапяны с кымызом. Муйнаков брат держа в руках чашу сказал Аккубьяку:

— Житель быстрого Иртыша! Расскажи нам повесть свою и батырские подвиги. Как лишился ты невесты своей и как, наконец, подпал равному со мною жребию?

ВЕЧЕР СОРОК ДЕВЯТЫЙ

— Когда уже вы сами изрекли имя той реки, при которой отец мой кочует, — начал сим повесть свою Аккубьяк, — то и остается к сему прибавить и назначить место в лучшее летнее время кочевья нашего. В полуночной стороне видны от нас высокие горы, хребты коих покрыты дремучими лесами, изобильные разных родов зверьми. Из среди их истекает быстрая река, называемая Ульба. Иртыш, приемля в себя ее воды, выливается из гор в просторную долину, откуда видна степь сопредельных нам кыр-казаков. Народ, богатый скотом и с нами враждующий. Нередко делают они набеги на кочевья наши, и хотя сами богаты скотом, но из единой охоты к хищничеству отгоняют табуны наши. Правда, что редко им сие удается, и по большей части платят за то своею жизнью. Отец мой, Узбек-хан, составившись в батырском ремесле, поручил нам — двенадцати сынам своим — смотрение за скотом: Каждый день один из нас объезжал табуны, примечая по реке Сакмы не перешли ли кыр-казаки, и если сие из нас кем примечено было, тотчас даем знать в кош отца нашего, тогда остальные одиннадцать братьев садятся на коня, последуют молодыми людьми. Поспешают тоняться за ними.

— Есть ли из кыр-казаков батыры? — спросил Карабай.

— Есть весьма сильные и искусные в стрельбе из лука, а наиболее проворно действуют копьем. Я из них многих знаю, и могу назвать имена их. Сильнейший из них называется Каратау-батыр, Буранбай и Янузак, последние из них больше хитры, чем сильны. Сии батыры никогда не ездят на промысел во многолюдстве, а всегда одни. Я сие знаю потому, что с Каратау встретился сам и изведаль силу. И сие случилось за несколько месяцев перед сговором моим с Гюльбикою. Не стану я вам рассказывать о битве, которую с ним имел, ни о следствиях после оной происшедших. Это заняло бы много места в моей повести. А скажу только, что бой наш кончился в его неудачу. Он был мною изранен и взят в плен. Я, почитая его мужество и силу, отпустил его с позволения отца моего без выкупа. А кыр-казаки, видя своего батыра возвратившегося, дали нам слово, чтобы не делать набегов на нашу сторону.

— Я уже упомянул, — продолжал Аккубьяк, — что происшествие сие было за несколько месяцев до сговора с Гюльбикою, а теперь расскажу вам случай, как я ее увидел и полюбил. Мы были званы на джиин, в кочевье к одному из почтенных наших аксакалов по имени Кутлубай. Званых гостей было много, и после обыкновенного угощения начали мы степные свои игры, скакали и стаскивали друг друга с коней. Давлетбай, молодой и проворный батыр, сын Кутлубаев, видя подо мной резвого коня и что я нескольких джигитляров уже высадил из седла, подъехав ко мне, сказал: «Конь твой резв, и ты сам батыр. Я видел твое проворство и силу и желал бы тебе показать сестру мою Гюльбику, которая также бросает девок из седла, как ты мужчин. Если ты хочешь, поедем посмотрим. Отсюда недалеко все девушки собрались и, верно, уже начали свои игры».

Я с охотою согласился, и, ударив по тебенькам, поскакали мы на ближнюю гору, на коей остановясь, увидели мы рассыпавшихся по долине девушек. Платью их можно было уподобить разного рода цветам, колебляющимся ветром. Иные были в синих и красных, иные в голубых и зеленых кафтанах, а солнечные лучи, ударяя в их головные уборы, отражали блеск. Иногда разделялись они на две толпы, нападали друг на друга и стаскивались с седла. Иногда, собравшись вместе, скакали во всю прыть, дабы видеть резвость коней своих. Я заметил, что девушка на белом коне, в красном

кафтани была всех проворнее, а конь резвее, и для того спросил своего товарища:

— Не это ли сестра его?

— Ты угадал, батыр, — отвечал он мне.

— Ты правду сказал, много она побросала девок с седла. Нельзя ли поближе к ним подъехать и попробовать с ними силы.

— Очень можно, поедем.

И лишь только поехали мы к ним, то несколько девушек прискакали к нам и, окружая, спрашивали: не хотим ли мы с ними поскакать или изведать силы? Товарищ мой сказал, что он охотно принимает их вызов и для того привел с собою гостя. А между тем и прочая толпа нас окружила. «Скакать, скакать!» — закричали все. Я советовал выровняться и назначить место до коего скакать. «Видишь ли ты, батыр, — сказала одна из девок, — вон вдали дерево? Мы поскачем до него и оттуда назад». «Согласен», — отвечал я.

Потом выровнялись и пустились. Сначала скакали кучею, а затем иные начали отставать, иные брать перед. Белый конь со своею всадницею начал многих оскакивать и был уже первый впереди. Я пустил повод своему аргамаку, а он, бывши приготовлен к скачке, с такою резвостью скакал, что оставил всех позади, и я начал равняться с Гюльбикою. Она, увидя меня, с ней равнявшегося, ударила своего коня и по обыкновению гикнула. Конь прибавил резвости, но и мой не отставал. Мы двое далеко отделились от задних и прискакали первые к дереву.

— Надобно здесь остановиться, — сказала мне Гюльбика, — и подождать отставших, дабы они видели, что мы у дерева были.

ВЕЧЕР ПЯТИДЕСЯТЫЙ

Пока прискакали задние, смотрел я на Гюльбику, не говоря ни слова. Она также на меня поглядывала и, потупя глаза в землю, сказала, что резв твой аргамак и мой белый конь считается первым между всеми, которых ты видел. Я отвечал ей, что если бы я на него не надеялся, то бы и не пустил его с ней равняться. Таким образом, робея друг друга, мы разговаривали о конях, а на уме, может быть, совсем другое было. Но не доставало нам слов, ей от стыдливости, а мне от застенчивости, и мы промолчали бы долго, если бы не подскружили к нам задние, между коими Давлетбай спрашивал меня: «Уже вы давно здесь?»

— Давно, — отвечала Гюльбика.

— Что, сестра, — сказал он ей, — видно, игрений конь Узбекова сына не тупее твоего буз-аргамака?

— Теперь еще неизвестно, — отвечала она, — ибо прискакали мы вместе, а увидим, что будет в возвратный путь.

Выговоря сие, поскакала назад. Кони наши с Гюльбикою оторвались от прочих. Я заметил, что она понуждала своего, а мой еще был в силах, и мог бы уйти, но мне сего не хотелось, и я его удерживал, что, однако же, Гюльбика заметила. Уже близко было то место, где оканчивалось наше поприще. Мой бы конь верно ушел, но я не дал ему воли и прискакал вместе, слезли с коней и их водили. Вскоре прискакали к нам и прочие, и услыша, что кони наши вместе пришли, удивлялись одинаковой резвости. Я, не рассудя долго остаться в девичьей толпе, сказал своему товарищу, что пора ехать, и не заезжая к нему на джиин, поеду прямо в мое кочевье. Давлетбай удивился моей торопности и уговаривал меня остаться, но я поупрямился, и, севши на коня, поскакал. Домой приехал уже ночью, но ночь сию худо спал. И девушка на белом аргамеке не выходила у меня из ума. Вставши рано поутру, пошел я к отцу моему и сказал, что бывши на джиине видел Гюльбику, дочь аксакала Кутлубая, что она мне понравилась, и просил его ее за меня послать посватать. Отец мой весьма был рад, ибо давно мне предлагал о женитьбе, но я всегда отговаривался. Призвав к себе почетных из нашего аула, послал их к Кутлубаю сватать за меня дочь его. Посланные на другой день возвратились и привезли мне радостную весть, что Кутлубай соглашается выдать за меня дочь свою. Да и Гюльбика охотно за меня идет. Отец мой, не желая долго медлить, послал меня с большим числом людей нашего аула. Ведены были кони, везены были подарки. Кутлубай уже нас ожидал, встретил, угостил. Меня особенно приветствовал и говорил, что он радуется вступить в родство с ханом и иметь зятя батыра. На другой день призван был мулла для прочтения никаха. При нем и при прочих старейшинах объявила согласие свое Гюльбика. Молитва брачная была прочтена, и тем, как вам известно, кончилось. Но я, при всей моей радости, чувствовал какой-то страх и объят был ужасом, не понимая и сам отчего. Гюльбика, вставши, просила отца своего, чтобы он позволил ей с подругами ее, во-первых, оплакать свое девство⁴³, а потом, по обы-

чаям их, поскакать и порезвиться на конях. Отец ей сие дозволил. Она, встав, взглянула на меня и вышла вон, у меня же померк в глазах свет, увидя ее отходящую. Колени мои подогнулись, и я упал. Товарищи мои меня подняли и вывели из кибитки, а я, опомнясь, смотрел во все стороны и говорил: «Она уехала!»

Один из аксакалов, смеючись, сказал мне: «К ночи будет!» сия насмешка вывела меня из исступления, и я, хотя принужденно, но принял мой прежний веселый вид. Однако же не мешался в забавы, которые тогда отправляться начали, и как бы предчувствовал свое несчастье, ходил и все смотрел в ту сторону, куда уехала моя невеста.

День уже клонился к вечеру, а некоторые из подруг моей невесты не возвращались. Уже некоторые из празднующих начали говорить, что долго не едут, как вдруг увидели мы с той горы, куда я перед тем выезжал, скачущих в россыпь и необычайно кричащих девок. Празднующие сим были встревожены, все бегут им навстречу, куда и я побежал. Первые прискакавшие девки кричали: «Она пропала! Она пропала!» И сей крик повторяем был и прочими подскакивающими.

— Кто она, — вопрошает во многие голоса народ.

— Невеста, Гюльбика, — отвечали они.

При сем слове я остолбенел, а потом пришел в превеликую ярость. Сердце у меня билось, члены дрожали, но, опомнясь, кинулся я к одной скачущей девке, хватаю коня ее за повод, останавливаю, спрашиваю, куда они дели мою невесту и что с нею сделали?

— Ах, несчастный батыр, — сказала она мне, — среди игр наших и скачек, попался нам волк, за которым мы пустились. Гюльбика, сидевшая на буз-аргаме, резвость коего тебе известна, была всех впереди, и догоняла зверя, нам казалось, что она уже достает его плетью, как вдруг зверь пропал, и около Гюльбики сделался густой дым. Мы оробели и не знали, что делать? Скакать ли в дым или нет! Но вскоре увидели вылетевшее из дыму крылатое чудовище, на коем сидел батыр и, держа Гюльбику на руках, полетел с нею на полночь.

ВЕЧЕР ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ

От слов сих стоял я как громом пораженный. Приехавшие со мною товарищи и аксакалы меня окружили. Старались меня утешить, но я ничего не внимал. И

долго им не отвечал, наконец, опомнясь, сказал я: «Пойдемте к Кутлубаю». Пришед к сему почтенному мужу, нашли мы его в слезах, а мать Гюльбики рыдающую. Я, увидя его, упал к нему на шею и сказал: «Отец мой! Я еду искать Гюльбику и не возвращусь к тебе без нее».

Потом, вышед из кибитки, спрашивал мое оружие и коня. Товарищи мои ужаснулись от странного моего намерения. Старались мне отсоветовать или по крайней мере говорили мне, чтобы я ехал к отцу моему, и с его позволения предпринять сей неизвестный путь. Но все было напрасно. Я ничего не внимал и даже не хотел подождать до утра и сам пошел искать моего коня и оружие. А нашед оное, опоясал колчан со стрелами и саблю, сел на своего коня и просил аксакалов, со мною приехавших, чтобы они утешили моего отца, а если я и не приеду, то у него останется еще одиннадцать сынов. При сем слове ударил я своего коня и поскакал куда и сам не знал. Ночь была светлая, потому что тогда было полнолуние. Я вспомнил, что чудовище полетело на полночь и для того ехал я так, чтобы луна светила мне взад. Я ехал целую ночь, и солнце осветило меня в неизвестных мне местах, но сие меня не устрашало, в голове моей была только полночь. День весь также провел я в пути, не давая отдыха коню своему, и к вечеру почувствовал я голод, да и конь мой нагибался и хотел щипать траву. Я слез с него, дабы отдохнуть и провести тут ночь, и весьма удивился, увидя в тороках моих полный турсук кумыса, который я не заметил, садясь на коня, и кто его привязал, не знаю. «Сего турсука довольно мне!» — сказал я сам себе и больше одной чашки в день я пить не буду. Поутру встав рано, поехал я далее. Удивлялся, что никого не встречаю, и ни от кого узнать не могу, в каких я местах. А всего мудренее, что и никакой зверь не попадался. Таким образом продолжал я многие дни. Проезжал горы, леса, степи, и турсук с кумысом я опорожнил, и от голоду уже начал слабеть, что и принудило меня стрелять птиц и ими кормиться. Уже прошел месяц, как я был в пути, потому что в другой раз увидел я полную луну. В один день, проезжая густой лес, слышал я страшный звериный рев. Я смотрел вокруг, но в густоте леса ничего нельзя было видеть, а рев, казалось, ко мне приближался или я к нему ближе подъезжал, и выехав на поляну, представилось мне странное зрелище. Арслан дрался с крылатым джила-

ном. Сей последний имел кожу огненного цвета, а крылья черные, подобные нетопырю. Ноги звериные и острыми ногтями вооруженные, голову длинную, и нос кривой, как у беркута, только несравненно толще. Хвост же имел длинный с острыми чешуями. Сии два зверя дрались с остервенением. В арслане видна была сила и проворство. Он с великою легкостью бросался на змея, нападая на него и с головы, и с хвоста. И я заметил, что крылья змеиные лапами льва были разодраны. От чего сей последний потерял способность подниматься на воздух, а, становясь на задние лапы, схватывал передними льва и раздирал на нем кожу, а более наносил ему вред длинным своим хвостом, вооруженным острыми чешуями. Лев же хотя и терзал его сильными своими лапами, но как тело змеиное покрыто было также чешуею, то и не мог он раздирать его. Я, видя их бой, стал сожалеть об арслане, почитая его царем зверей, и вдруг пришла мне мысль, что батыр, увезший любезную мою Гюльбику, сидел на крылатом змее. Выхватываю из колчана стрелу, кладу на лук и, подскакав к бьющимся, пускаю стрелу в разодранное крыло змею, как бы зная, что под крыльями чешуи не было. Стрела вошла по перья, от чего змей спрыгнул кверху, а я успел другою стрелою попасть ему под другое крыло. Змей же, увидя меня, хотел броситься, но лев, кинувшись на него, остановил, а я, скочив с коня и выхватив саблю, бежал к змею и, не зная, для чего, кричал: «Прочь Араслан! Я один его убью!» Араслан, как бы разумея меня, отскочил прочь, а я, подбежав, ударил змея по голове и разрубил ее надвое. Змей, однако же, успел ударить меня своим хвостом, но уже без силы, а я другим ударом отрубил ему оный, также лапы и голову. Араслан, видя, что я врага его убил, подошел ко мне тихо, и ласкаясь, лег к ногам моим и лизал оные. Я почувствовал радость, что услужил столь сильному зверю. Гладил его и обтирал кровь с его ран и, вспомнив, что в турсуке моем была вода, вывязав его, обмывал ему раны. Лев казался столь признательным, что валялся передо мною и движениями своими как бы благодарил меня. Опорожня турсук с водою на львиные раны, вздумалось мне сжечь змея, и для того пустил коня моего пастись, пошел в лес, начал саблею моею рубить мелкие деревья и таскать в кучу. Лев, видя меня в сей работе, побежал сам к лесу и сильными своими лапами ломал сухие ветви и деревья и клал в один со мною костер, что весьма меня удивило. Наклавши довольно дров и вырубя огня, зажег снизу оный, а по-

том, брав изрубленные части змеиного тела, стал бросать на костер. А лев мой, увидя, что я истребляю и остатки его врага, начал около костра прыгать и, подбегая ко мне, ласкался. Хвост, голова и лапы сгорели, надобно было сжечь и туловище, для чего я подошел к нему и смотрел как бы лучше взять. Лев узнал мое намерение, подбежал, схватил за длинную шею змея и тащил к костру, а я уже и взвалил его на него. Лев начал опять около костра прыгать, изъявляя тем свою радость. А я от усталости отойдя от костра и сняв подушку с седла моего, лег отдохнуть. Лев подбежал ко мне и, полизав мои ноги, сделал еще несколько радостных скачков и побежал в лес, оставя меня в превеликом удивлении о происшедшем. Полежав несколько, уснул я первый раз по отъезде моем очень крепко и, пробудясь, увидел моего льва, принесшего ко мне молодого дикого козленка. Козленок был еще жив. Он положил перед меня и придерживал лапою, не трудно догадаться, что это принесено было для меня в пищу. С молитвою зарезал я козленка, сняв кожу и, отрезав заднюю ногу, стал для себя варить. А остальное отдал льву. Он однако не прежде съел свою часть, покуда увидел меня изжарившего и начавшего есть. Пообедав с новым моим знакомым, пошел я садиться на моего коня. Араслан, увидя, что я хочу ехать, стал ко мне ласкаться. И взяв потихоньку за кафтан мой, как бы хотел вести меня. Я же, не ожидая никакого зла от сего зверя, думал за ним ехать. А лев, делая прыжки, бежал передо мной. Он привел меня к чистому ручью, где я остановился, напоил коня, а сам молился. И коль скоро я сел на лошадь, лев, паки ласкаясь ко мне, побежал передо мною и почасти на меня оглядывался, за ним ли я иду. Он, видя меня, пошел вниз по ручью, который от прочих, в него втекающих, делался изрядною рекою. Потом довел он меня до пробитой тропы, на которой увидел я следы человеческие, сие меня крайне удивило и обрадовало. Ибо уже другой месяц, как я не видал человека. Подавшись несколько вперед, увидел я сквозь деревья большую поляну, а выехав на оную, представилась мне на берегу реки белая кибитка и не далее от нас, как на выстрел стрелы. Тут мой лев начал опять прыгать около меня и, побежав к кибитке, стал лапою царапать дверь, а я остановился и с коня не слезил. «Погоди, Араслан», — услышал я женский голос из кибитки.

ВЕЧЕР ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ

Дверь у кибитки отворяется, и выходит женщина лет весьма пожилых, в китайском еляне. Голова и шея обвиты были белым повивалом. Я, увидя ее, спросил, здорова ли она? А она мне тем же приветствовала и просила меня слезть с коня и взойти в кибитку. Взошед в оную, увидел я опрятство и чистоту. Хозяйка потчевала меня кымызом. Потом спрашивала меня, кто я. Откуда? И как к ним заехал? Я рассказал ей все то, что вы от меня уже слышали, прося притом, чтобы сказала мне о льве, меня к ней проводившем, и о удивительном его смысле.

— Лев сей, — начала она мне рассказывать, — есть хозяин здешних зверей⁴⁴, в лесах сих живущих. Он бережет меня и моих двух кобыл, питающих меня молоком своим. Не удивительно, что он к тебе приласкался и довел до моего жилища. Ты оказал ему великую услугу убиением зверя, сего адского исчадия, которое, прилетая, пожирало его львичищ. Может быть, без твоей помощи погиб бы он и сам. Пока я с ней говорил, услышал у дверей бляение козленка, старуха, услыша также, сказала: «Лев, верно, принес тебе пищу, поди зарежь, а я тебе сварю». Вышед из кибитки, увидел я льва, держащего в лапах молодого козленка и еще четырех молодых львят. Я взял козленка и, прочитав молитву, зарезал, а пока свеживал его, лев лизал мои ноги, львята же прыгали около старого. Потом отдал я мясо старухе, а сам пошел пустить коня моего пастись. Лев, как бы примечая за мною, сделал большой круг около коня моего, львята же, бегая за ним, каждый оставался в четырех сторонах круга, показывая тем, что они берегут коня моего. Тут я увидел наяву то, что слышал от стариков в ребячестве. Они рассказывали, что если араслан обежит какой лес или поле, то уже никакой зверь отсюда не выйдет, и я заметил, что конь мой лишь только доходил до того места, где шел лев, то возвращался назад. Между тем, пока я удивлялся льву, хозяйка принесла пищу и просила меня войти в кибитку. Поставя перед меня чашку с мясом, сама села поодаль. Я спросил ее, для чего не хочет со мною есть. На что она отвечала мне, что она давно уже не ест никакого мяса и питается только кымызом, которого и мне налила в большую чашку. Пока я ел и пил, старуха налила в большую чашку воды, поставила перед собой и, вынувши свой дагуат, читала над водою, и, читавши долго, смотрела в воду, потом взглянула на меня и увидела, что я уже обед мой кон-

чил. «Сыт ли ты?» — спросила она меня. Я благодарил ее за угощение и хотел выйти посмотреть моего коня.

— Пстой, батыр! — сказала она мне. — Сядь и выслушай, что я тебе скажу. Помощь, которую ты оказал льву убиением змея, сделала и мне великую услугу. Ибо если бы змей растерзал льва, то и мне не оставался бы живой от сего чудовища. Желая вознаградить тебя, прибегла я к таинственной моей книге и смотрела в воду, дабы сказать тебе, кончишь ли ты благополучно свой путь и найдешь ли свою невесту. Узнала только, что ты, по претерпении великого несчастья, покровительством святого пророка найдешь свою невесту и чудным образом возвратишься восвояси. Теперь ступай с богом, лев проводит тебя до хребта Уральских гор, но далее с тобою не пойдет.

Я благодарил старуху за обнадеживание, вышел из кибитки и пошел к моему коню, взнуздal его, сел, а старуха, видя меня готовым к отъезду, сказала мне: «Прощай, батыр!» Спутник мой, лев, побежал передо мной, я ехал целый день, а лев не забыл опять обежать круг меня и коня моего, и увидя, что я, сняв подушку с седла, лег, отойдя от меня, лег и сам. Ночь сию провел я спокойнее прежнего и уснул крепко в надежде на слова пустыницы. А поутру рано проснувшись, пустился я с товарищем моим в путь и не помышлял, что скоро должен буду с любезным моим спутником расстаться. Уже солнце казалось полдень, и мы подъехали к превысокой горе, я заметил, что лев мой переменил свою поступь, прежде он был весел и около меня прыгал, махая длинным своим хвостом, а когда поднимались мы на гору, шел он тихо, повеся голову и опустя хвост, часто ко мне оборачиваясь, испуская тихий вой. Я не знал сему причины, пока не выехал на вершину горы. Лев, доведя меня до камня, из-под которого бил ключ чистой воды, остановился и глядел на меня. Я сначала не знал, что о сем думать, махал ему рукой вперед, но лев, как бы меня разумея, качал головою. А я, вспомнив слова старухины, узнал, что я на самом хребте Уральских гор и что лев меня далее провожать не может. Слез с коня и стал обнимать льва, показывая тем, что я с ним прощаюсь, а он, разумея меня, лег у ног моих, вздыхал и, что меня более удивило: слезы капали из глаз его. Я очень тронут был признательностью благодарного моего спутника и сам с ним проливал слезы. И, обнявши его еще раз, сел на коня и с крайним сожалением от него поехал, а он, вскочив на камень, смотрел мне в путь и при всяком разе, как я на

него оглядывался, произносил он страшный рев. Вы не поверите, храбрые батыры! С каким унылым духом я ехал. Слова старухины о предстоящем мне несчастьи и разлука с добрым моим арасланом в такую ввергли меня задумчивость, что я не правил моим конем, а опустя повод, дал ему волю: в таком состоянии застала меня ночь и принудила опамятоваться. Я проводил оную не лучше дня и коня моего держал на чумбуре, давая ему пастись близь себя. На другой день и следующий потом был я несколько спокойнее, стрелял для себя птиц и утолял голод, а вода была мое питье. Наконец, в четвертый день по разлуке с львом приехал я в сии плачевные места, сразился также с чародеем, как и прочие, и так же заключен был с ними в пещеру и теперь освобожден твоею храбростью, сильный Алдар, увиделся с моею любезною Гюльбикою. Предсказания старухи сбылись, теперь остается мне довести мою невесту до нашей родины.

Не успел кончить Аккубьяк свою повесть, как увидели мы бегущего к нам Байегета, который кричал: «Он идет! Он идет!»

ВЕЧЕР ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ

От сих слов все повскакали со своих мест. Один муж мой, не вставая с места, спрашивал его: «Кто такой идет? И отчего он так испугался?»

— Сей святой муж, который предвещал нам победу и скрылся в горе.

— Добро пожаловать! — отвечал спокойно мой муж, и пошли мы все к нему навстречу.

Он уже был от нас недалеко. Алдар и мы все, увидя его, прижав руки к персям, приклонили головы. А он, увидя наше пред ним смирение, подавши нам салям, примолвил: «Здоровы ли вы, добрые мусульмане?» Потом, приступя к моему мужу, сказал ему:

— Тебя, Алдар, поздравляю с победою, ниспосланною от великого нашего пророка. А вас (оборотясь к прочим) с освобождением от неволи лютейшего врага правоверных. Я пришел к вам по воле пророка, дабы утешить несчастных, содержащихся в мрачных пещерах чародея, перенесением их каждого в свое место. Сие произвело радость на всех. Всякий кидался к ногам Авлии и верил словам его, да и нельзя было не верить. Он, поднимая их, говорил, что недостойно ему поклоняться, а приносили бы только благодарение посланнику божию, которого он исполнил волю. А шли бы все приготовиться

к икэнди-намазу, который он сам с ними отправит. Все повиновались, всякий пошел сделать омовение, а потом собирались на молитву и ожидали позыву от пустытника. Я, идучи с женщинами, видела мужа моего, стоящего с Байегетом. Мне казалось, что они о чем-то говорили, а как у них от меня тайны не было, то и хотела я быть участницею их разговора. И только что подошла, то Алдар, смеючись, мне сказал:

— Знаешь ли, что лесной батыр затевает?

— Не знаю, — отвечала я с удивлением.

— Задумал жениться!

— На ком? — спросила я.

— На ногайской девушке.

— Надобно знать, пожелает ли она.

— О том-то мы и говорим, — отвечал Алдар, — и просим тебя, чтобы ты у ней о сем выведала. А Байегет, угощая женщин, успел уже ей несколько слов сказать. Итак, послушай, Зухра: когда мы пойдем на богомолье, а вы, отправивши свое в некотором от нас отдалении, после молитвы можешь Гюльбустана спросить.

Не успел мой муж сего выговорить, как услышали голос, зовущий на молитву. Алдар и Байегет туда пошли, а я к женщинам, хотя по одежде моей могла бы я быть вместе с мужчинами, но пол мой верно бы открыл святой муж. Итак, все женщины, собравшись особо от мужчин, ожидали, как они начнут молиться. Мы увидели вышедшего на небольшой холм пустытника, а батыров наших, пастухов и прочих, стоящих перед ним рядами. Молитва их продолжалась долго, ибо Авлия после молитвы делал им поучения. Я, увидя, что молитва их кончилась, пошла к ним и увидела Авлию, стоящего посреди батыров и прочих, который начал им говорить следующее:

— Остается мне вам возвестить последнюю волю великого нашего пророка, который, как отец, печется о правоверных. Все, здесь в неволе находившиеся, увидят свою родину, кроме Гюльбустана и Тансылу. Сие две несчастные, отлученные от их родины в награждение за страдание их получают себе здесь мужей-батыров. Первая выйдет за лесного батыра Байегета, твоего, храбрая Зухра, сотрудника, а вторая за сильного Карабая, Муйнакова брата. Сие predeterminedено им при их рождении: быть отлученным навсегда от своей родины.

Потом, увидя старика Мряса, велел ему подойти к себе. А тот, подошед, повергся к ногам его.

— Встань, доселе бывший страж злобного пярня, — сказал ему Авлия, — ты обрел благодать нашего про-

рока. Грехи твои прощаются. Ты завтра узришь места, где ты родился и, напоминая свое заблуждение, обратись к богу, еще ты можешь умилоствовать молением, ибо ад-жалъ и нафяка твои продолжаются еще один мусаль.

Потом, увидя батыра Аккубьяка, сказал ему:

— Ты, храбрый Иртышский житель, с невестою своею увидишь завтра при восхождении солнца кочевье тестя своего Кутлубая. Потом найдешь отца, мать и братьев твоих здоровых.

Затем, увидя меня, стоящую позади Алдара, сказал мне:

— Храбрая Зухра, поди возвести ногайской и туркменской девушкам, что оне predeterminedены в жены сказанным от меня батырам.

Я с радостью повиновалась и, идучи в толпу женщин, увидела Гюльбустан и Тансылу, сидящих особо от прочих подруг. Я забыла вам сказать, почтенные мои гости, что я не успела спросить Гюльбустан, согласна ли она выйти за Байегета. И так, подойдя к ним, спросила их, о чем вы говорите?

— Ах, батыр Зухра, — отвечали они мне в один голос, — мы видели обе одинаковый сон, который разлучает нас с нашей родиной.

— Какой же это сон? — с удивлением я спросила, — расскажите.

— Я видела, — сказала Гюльбустан, — что сей святой муж взял меня за руку и подвел к батыру, нас угощающему, которого, как слышала, называют Байегетом, и сказал: вот тебе жена.

Я спросила, усмехнувшись, рад ли был батыр?

— Весьма рад, — отвечала она, покрасневшись, и от восторга упала к ногам Авлии.

— А ты довольна ли была своим женихом?

— Я не знаю, — отвечала она и закрыла лицо рукавом.

Сие было для меня добрым признаком, и я уже могла другу моему Байегету сказать, что он ей не противен. Потом Тансылу рассказала и свой сон:

— Я видела себя, стоящую одну близь Авлии, а он пошел в толпу мужчин, вывел оттуда великорослого чернородого и мужественное лицо имеющего батыра. Вот тебе, сильный Карабай, — сказал он, — туркменскую девушку в жены бери, она была на родине своей несчастлива, а с тобою счастливо поживет.

Я остолбенела от удивления, выслушав сны двух девок, и, помолчав, сказала им: «Поистине сны ваши спра-

ведливы. Я послана от святого мужа возвестить вам, что вы обе назначены в жены тем батырам, о которых говорите. Подойдите поближе, вы услышите его голос. «Потом пошла я сказать о сем Алдару; и не успела появиться перед пустынным, как он сказал громко Карабаю и Байегету: «Подите к невестам вашим, вон они стоят!»

Не знаю, как Карабай, а Байегет приметно с радостью побежал. Авлия же, помолчав несколько и обратясь к моему мужу, сказал:

— Алдар, останешься ты здесь с Зухрою, Байегетом, Карабаем, двумя невестами сих батыров и десятью пастухами и со скотом пяриевым, который тебе весь принадлежит. Ступай с богом в свое кочевье, соверши там при себе брак Карабая и лесного батыра и отпусти в дома их.

Только что кончил он сии слова, как подбежал к нему болгарец и, упав на колени, просил: «Как мне доехать до своего царя?» — «Так же, как и прочие».

— Мне бы хотелось еще поездить и посмотреть, дабы было с чем к царю явиться.

— О, суетность человеческая, — возгласил Авлия, — таскаться по свету и замечать происшествия, дабы по приезде рассказывать оные с прибавлением, чему, может быть, и не поверят.

Потом, обратясь ко всем нам, сказал:

— Не перенимайте сего, добрые кочевные народы! Оставайтесь в кочевьях ваших и без великих нужд не оставляйте дома ваши. Сей суетный царедворец (указал он на болгарца) может быть несчастлив перед царем своим, когда все рассказы его покажутся ему ложны (выговоря сие, Авлия стал невидимым).

ВЕЧЕР ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Удивление наше было несказанно, видя пропавшего из глаз наших Авлию. Всякий молча смотрел друг на друга, и как бы желал спросить, куда он девался. Алдар, которому уже не в первый раз видеть подобные чудеса, начал речь ко всем с нами сущим:

— Не удивляйтесь, батыры, о виденном вами, а возблагодарите всесильного аллу и его святого пророка за ниспосланные на нас чудеса и несомненно верьте, что все, святым мужем сказанное, с нами сбывается.

Потом велел он Мрясу, болгарцу и прочим пастухам все пограбленные пожитки пяриевы вынести из пещеры, где они хранились, и разделил оные всем поровну. Остав-

ляя себе только доспехи, совлеченные с пярива и коня его, а саблю, с которою Мряс защищал вход пещеры, подарил Карабаю. Сверх принадлежащих им коней он велел дать еще по несколько из табунов пяривых, которых бы они, перевязав арканами, и концы оных перевязали себе за пояс, и так бы легли спать. Остальной же скот, по слову Авлии, ему следовавший, велел десяти пастухам беречь до утра. Остаток дня провождали в питье кумыса и в радостных и дружеских разговорах, каждый себе предвещал радость, какую он причинит появлением своим дома. Солнце уже закатилось, и мы начали прощаться друг с другом. Аккубякова признательность была нескончаема, он, обнимаясь с Алдаром, проливал слезы и клятвенно уверял мужа моего, что он приедет навестить его и не посмотрит на дальний путь. Обещать было можно, но исполнить трудно, любезные слушатели, и мы Аккубяка у себя не видали.

— Повесть твоя, кажется, приходит к окончанию, добрая Зухра! — сказал Елкибай.

— Конечно, меньшее осталось, нежели вы выслушали, да разве вам она не наскучила.

— Ай нет, нет! — закричал Аллабирде, — для бога продолжай, а у друга моего, видно, чешется язык от молчания, и для того он перебил твою речь. Я же охотно желаю дослушать, как вы доехали домой, как отпраздновали свадьбу сильного Карабая и удалого Байегета и последующее потом.

— Хорошо, — сказала она, — когда так, но прежде выпейте по чашке.

И как оные были опорожнены, то Зухра продолжала:

— Уже я вам сказала, что мы друг с другом распрощались и пошли спать. Я взяла двух невест и легла с ними особо, а мой муж — с Карабаем и Байегетом. Спали мы очень спокойно и крепко и не прежде проснулись, как солнце начало нам светить в глаза. Встаем и с удивлением видим событие слов пустытника, и всех им назначенных ни одного с нами не было, ниже их скота, и сколько ни казалось нам сие непонятно, но мы сему верили. Один маловерный болгарец прибежал ко мне, запыхавшись, крича: «Их не стало, куда они девались?»

— Они теперь дома, — отвечал ему скромно муж мой, — а если бы и ты пожелал, то и ты был бы дома.

— Ах, батыр! Сказать тебе правду, я не верил сему старику, ибо видел многих при дворе царя болгарского подобных ему, с постными лицами, отправляющих пять намазов в день, но притом великие обманщики.

— Ты можешь называть обманщиками своих! — сказал ему сурово муж мой. — А нам явившийся не есть таков. Ты видел своими глазами, и если ты осмелишься о нем что-нибудь еще сказать, то я тебя как негодяя и неблагодарного запру в пещеру и привалю камнем.

Сии последние слова произнес муж мой столь грозным голосом, что болгарец задрожал и упал к ногам Алдаровым.

— Подлый царедворец, — сказал ему с насмешкою муж мой, — встань и поди лучше седлай коня своего.

Потом и мы начали седлать своих и убираться в путь до отъезда. Однако же проворный Байегет изготовил нам пищу, и мы, пообедав, а товарищи, навьюча коней оставшимся пяриевым мюлькатом, данным им от Алдара, пустились в путь, который и продолжали весьма весело. Разговаривая друг с другом о прошедшем, муж мой со мною и оба жениха с их невестами ехали всегда впереди, а за ними пастухи гнали скот.

В один день проезжали мы дремучий лес. Болгарец, ехавший с нами, забавлял нас своими рассказами о болгарском царстве, о богатом царе, о складенных из камней домах, о золоте и серебре, которым они убраны были. О почестях, какие воздают царедворцы царю, о великом числе войск и о батырах, в числе коих и себя помещал, и что царь болгарский поручил ему некогда войско против соседних народов, что он их разбил и своею рукою убил предводителя. Он сие рассказывал с таким жаром, как бы был из великих храбрецов. Вдруг услышали позади крик от пастухов. Мы остановились, а муж мой, обратясь к болгарцу, и таким же голосом, каким он рассказывал про своего царя, сказал ему:

— Я тебе поручаю узнать, что за шум позади!

А он, не опомнясь еще от своей похвальбы, поскакал туда, где слышан был крик. Между тем скот бежал нам навстречу и, казалось, как бы кем был гоним, и вскоре потом увидели скачущего болгарца, а за ним гонящегося страшного медведя. Медведь, догнавши, схватил коня за зад и повалил его, а болгарец вместо того, чтобы, скоча, стрелять в зверя, терзающего коня его, бежал пешком к нам навстречу, прося нас о помощи. Запнулся и упал и продолжал лежа кричать, как бы сам терзаем был от зверя. Сие происшествие произвело в нас смех, но Муйнаков брат, скоча с коня и выхватя саблю, побежал прямо к медведю. А сей, видя его бегущего, встал на задние лапы и показался мне отменной величины, конечно, не менее белого медведя, но сильный Карабай, как видно,

привыкший убивать зверей, не допустив его к себе, отрубает у него лапу и вторичным ударом разрубает голову, и как мы к нему подъехали, то он обернувшись к мужу моему, сказал:

— Я обновил твой подарок, храбрый Алдар. Сабля сия мне по плечу.

Мы попеременно хвалили его храбрость и искусство и притом заметили, что невесте его приятен был сей его подвиг. Байегет же, оглядываясь во все стороны, спрашивал:

— Где же храбрый предводитель царя болгарского?

— Вон он лежит, — сказала я, — и не знаю, — от страха жив ли он!

Потом соскоча с коня, подняв отрубленную лапу медведя и подражая голосом реву медвежьему, подошла к болгарцу и стала его царапать лапою. А он, думая, что царапает медведь, начал опять кричать, что произвело в нас великий смех, а я, схватя левою рукою за пояс, подняла и, поставя на ноги, показывала ему отрубленную медвежью лапу, сказав:

— Вот рука того предводителя, которую ты отрубил.

Мы продолжали смеяться, а он, глядя на нас, сказал:

— Вам смех, батыры, а медведь все мои кости перещупал.

— Ну, — сказал Байегет, — если все такие храбрецы у царя болгарского, то царство его долго простоит. Если не люди, то медведи их разгонят.

Между тем пастухи сгрудили скот и к нам подъехали и рассказывали, что сей свирепый зверь кинулся в середину табуна и разогнал их, который, однако же, они собрали. Кожа с убитого Карабаем медведя была снята, и он покрыл ею коня невесты своей. Потом продолжали мы путь до вечера и расположились ночевать при одной речке, выехав из леса.

ВЕЧЕР ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

На другой день с рассветом дня подняли мы свой кош и продолжали путь без всякого препятствия и около полудня появились на хребтах Уральских гор, откуда уже можно было видеть места кочевьев наших. Оставалось нам тихой езды со скотом дни на два или менее. Высочайшую гору из всех, Иремель называемую, оставили мы в левой стороне. Муж мой рассказывал нам имена всех гор и рек и означал места кочевьям семиродцев.

— Мой кош, — говорил он, — вниз по реке Яику, отселе на два дня езды на добром коне. Места степные и к пастьбе удобные, и мы послезавтра около полудня там будем.

И так продолжая путь, увидели мы на третий день вдали пространные степи и множество скота на нем пасущегося. И как страна сия известна была одному Алдару, то и показывал он нам разные аулы, называя каждый по имени своего аксакала ⁴⁵.

Подаваясь вперед, увидели мы едущих пастухов... ⁴⁶

Отвечала Зухра: «Лишение Алдара столь для меня горестно, что я забыть сего не могу, и чем приятнее мне тогда было время, тем для меня теперь горестнее, но не стану уже вам упоминать подобного до самой моей разлуки с Алдаром, итак послушайте».

Продолжали мы путь в кругу молодых людей, которые скакали около нас, резвились и стаскивали друг друга с коней. Муж мой, приметя, что у них есть и удалые, сказал им:

— Батыры! Не хотите ли изведать силы с бывшей батыр-кызом, а теперь моей женою.

— Весьма согласны, — сказали они, — если ты позволишь?

— Поезжай, любезная Зухра, — сказал мне мой муж, — покажи им, что ты достойна быть их родственницею.

Я сложила с себя лук и колчан со стрелами и с ними поскакала. Первый, с которым я схватилась, выброшен был мною из седла весьма легко, потом другого и третьего, и пока я таким образом их выбрасывала, число встречающихся с нами умножалось: все они останавливались и смотрели на мое удальство, как вдруг из середины подскакивает ко мне чернобородый батыр средних лет, немалого роста и широк в плечах. Я, с ним схватясь, сказала:

— Поскачем к Алдару, и там ты меня выброси.

Он согласился, я схватила его за ворот, а он меня за кушак. Чувствовала я, что он пытался меня вытащить, но не мог. И как мы близко были уже Алдара, то я, употребляя всю силу и проворство, стащила его с коня и бросила перед самым Алдаром. Муж мой от удивления остановил своего коня и вскричал: «Ба, сильный Рысбай и верный мой товарищ! Ты меня встречаешь не на коне, а под конем!» И скоча на землю, стал с ним обниматься. Батыр Рысбай, считавшийся из лучших наездников, при-

стыжен был падением и, не подавая салям Алдару, угрюмо спросил его:

— Какого ты удальца с собой привез, что и меня с коня сбросил!

— Это моя жена, — отвечал Алдар, — бывшая батыр-кыз.

— Как жена твоя?! — вскричал кыр-батыр веселым голосом, — так это мне не обидно, если бы она была слабее меня, то бы не годилась тебе быть женою.

Потом обнимал мужа моего, поздравлял и со мною здоровался, а равно с Карабаем и Байегетом и, сев на коня, ехал с нами.

Таким образом, едучи, приближались мы к кочевью Алдарову, которое стало быть видно на берегу быстрого Яика. Уже из оного шли и ехали к нам навстречу толпами, как с правой стороны увидели мы едущих человек до пятидесяти и более верхом. Байегет, всматриваясь, сказал:

— Это едут Буранбай и Сибай, вон и скот за ними гонится.

И, отдав коня пяриева Карабаю, поскакал к ним навстречу, и только что подъехал, то увидели мы, что и они все к нам поскакали. Алдар и я поехали к ним навстречу и с радостью обнялись с Буранбаем, Сибаем и прочими. Все сие было ввиду аула нашего, из коего выехал нас встретить Кинзябулат с аксакалами. Муж мой, увидя его, соскочил с коня, что и я сделала, и шли навстречу нашим аксакалам, которые, обнимая мужа моего, поздравляли с возвращением и радовались, что женился на той, на которой желал, а Рысбай, подошед к Кинзябулату, сказал:

— А меня поздравьте, что жена Алдарова выбросила, как ребенка, из седла.

— Ай, ай! — вскричал старый Сибай, — ты, батыр-Зухра, не ела нашего мяса и не пила нашего кымыза, а лучшего батыра из седла высадила.

Кинзябулат, удивляясь слышанному, вторично поздравя Алдара с женою-батыром, просил в кош, сказывая, что и обед был готов.

ВЕЧЕР ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

Хотя недалеко мы были от коша, но опять сели на коней и поехали к нему: встречены мы были всеми жителями аула, который, как я уже сказала, был при реке Яик и так велик, что конца его не видно было. И если я удив-

лялась прежде кибиткам, привезенным товарищами Алдаровыми к нам в кош, то усугубилось мое удивление, когда я увидела до ста им подобных и всякая из них окружена была множеством скота. Кинзябулат подъехал с нами к своей кибитке, слез с коня, что и мы сделали.

Жена Кинзябулатова встретила нас, а муж ее, указывая на меня, сказал: «Вот жена батыра нашего Алдара, а потому и родственница наша. Проси ее и с подругами к себе в кибитку. А между тем поведу в свою Алдара и его товарищей».

Вошед в кибитку, увидела я опрятство и чистоту, на урундуках были постланы разноцветные ковры, а по решеткам висели разные женские платья и кажбовы. Не успели мы сесть, как вошло множество женщин. Всякая со мной здоровалась, поздравляла с приездом, многие из них были любопытные знать, здоровы ли мы приехали. И не было ли в пути каких препятствий? Я начала было им рассказывать, как вдруг пришли сказать нам, что мясо уже поставлено, хозяйка, вставши, взяла меня за руку, а подруг моих взяли другие. Вышед на двор, увидела я в двух местах разостланные ковры и поставленные между ними яства. Одни для мужчин, а другие для женщин. Я искала глазами моего Алдара и наконец увидела его, идущего с Карабаем и Байегетом, последуема аксакалами. Потом сели мужчины и женщины в таком отдалении, что можно было друг друга видеть и узнать в лицо. Я опять вам признаюсь, добрые мои гости, что неприятна мне была женская беседа. Но уж нечего было делать, одна из женщин подошла ко мне с водою и полотенцем, а потом к Тансылу и Гюльбустану и к прочим. Яство наше состояло из бараньих мяс отменно жирных, а потом подавали кружками нарезанные казы. За ними следовал по обыкновению кымыз. Обед наш продолжался довольно долго, и уже солнце было гораздо низко, когда мы встали. По омовении рук благодарила я хозяйку за угощение и увидела, что мой муж и хозяин шли к нам. Последний спросил меня: «Сыта ли ты, любезная родственница?» Я его поблагодарила. Потом, обернясь к жене своей:

— Послушай, Балдыбика, — сказал он ей, — батыр Алдар пойдет со своею молодой женою ночевать к себе в кибитку. А ты возьми двух подруг к себе, пусть они проживут с тобою до свадьбы.

Я взглянула на невест, которые застыдились и закрылись рукавами и пошли с хозяйкою, а я осталась с моим Алдаром, который, привыкший меня видеть между муж-

чїнами, шёл со мною к ним, а они, увидя его со мной идущего, подходили к нам, и всякий заглядывал мне в лицо, а мужа моего на перерыв спрашивали, что с ним случилось во время его езды?

— Друзья мои! — отвечал он им, — вы знаете, что я не говорлив, тем меньше теперь, что еще не нарадуюсь на вас, найдя всех здоровыми, а я вам найду такого рассказчика, который целую неделю будет рассказывать да еще и с прибавкою, ибо он за тем и шатается по свету, чтобы все замечать и пересказывать.

Я готов, — услышан был голос позади Алдара. — Хоть теперь, если прикажешь.

Муж мой, обернувшись назад и увидя болгарца, сказал ему:

— Теперь погоди, великий ильчи болгарского царя, ты можешь им рассказывать завтра и после, а теперь пора отдыхать.

А подошедшим к нам Карабаю и Байегету сказал:

— Друзья мои, пойдите со мною, вам готова кибитка близь моей, а между тем войдите в мою и поьем еще кымызу.

Вошед в кибитку, я нашла ее отменной величины и убранства. Ковры в ней были постланы богаче, нежели у Кинзябулата, стены увешаны разным оружием. Сайдаки, сабли, чокмары, разные доспехи и панциры были украшением кибитки, два молодые егета взошли и принесли чистый тяпан с кымызом, который налили в каповые чашки. Первую подали Алдару, а он, припивши и поднеся мне, сказал:

— Ты, любезная Зухра, теперь у меня гостя, а завтра будешь хозяйка, выпей моего кымыза.

Потом подали Карабаю и Байегету, которые говорили, что такого давно не пивали. Опорожнивши чашки, сказал мой муж:

— Товарищи мои, храбрые батыры! Я не намерен долго томить ваши желания. Послезавтра отпраздную вашу свадьбу. А завтра подождем гостей, за которыми я уже послал. Я хочу, чтобы сильный брат Муйнаков и верный мой сотрудник Байегет видели моих однородцев и познакомились с ними, а равно и прочие лесные батыры, нас провожавшие.

— А где же они? — спросила я. — Я видела их, что они вместе с вами ели, но где ночевать будут?

— Не заботься... ⁴⁷

КУСЯК-БИИ

О существовании четырех родов; о том, как жили они, каждый выбирая своего батыра.

С старину жил хан по имени Масим¹,
Был прославлен среди всех умом своим;
Справедлив во всем, равно же и богат,
Пребывал во славе, правил в меру сил.

У него двенадцать биев под рукой:
Развлеченья, смех, веселье день-деньской;
В ханстве воинам отважным нет числа —
В том соперничать не мог с ним хан иной.

Мусульманин, сам из тюрков, — Масим-хан.
Султанат его обширней многих стран:
Бор сосновый, горы, зеркало озер —
Побережья Агидели — ханский стан.

Проводил он игры с воинством своим —
Все старались преуспеть в них перед ним.
Неспокойно было в мире в пору ту —
Войны правили обычаем мирским.

Друг у друга вырывали силой скот:
То один захватит, то наоборот;
Сильные над слабыми чинили суд,
Убивали и позорили народ.

Были в пору ту четыре рода, говорят,
Смута и вражда владели миром, говорят.
Каждый род себе батыра выбирал,
Так и жил на свой манер и на свой лад.

Каждый род свое название имел.
Предводитель рода был могуч и смел.
Тюрки все по языку, перед одной
Верой каждый из родов благоговел.

Тангаур² — так назывался род один;
Хлеб растили здесь, свозили на овин.
Выделялся среди всех Тимеркотло —
Вряд ли в силе кто-нибудь сравнится с ним.

«Род Тамьяна»³ — назывался род второй.
У него, как у других, батыр был свой.
Имя он такое же носил — Тамьян —
Постоять за род готов был головой.

Третий род имел название — кыпсак⁴.
В нашу повесть мы его и впишем так.
В том роду был знаменит один батыр —
Мощь слона в нем, сердце льва... Зовут — Бабсак.

Род четвертый звался «хаин»⁵. Их земля
По соседству с Масим-ханом пролегла.
Легковесен был характер тех людей —
Не прореха ли в их разуме была?

Главарем у них был Каракулумбет.
Хаиновский род берег от зла и бед.
У одних крадя добро, они другим
Продавали, наживаясь много лет.

Многолюден хаинов греховный род
(По числу он прибавлялся каждый год):
Огнестрельных ружей не было тогда —
Только лук да меч — вот воинов оплот.

Славу те четыре рода обрели
Средь племен их окружающей земли.
Но оставим их, и взор свой обратим
К Масим-хану — наша повесть так велит.

**О том, как в кочевье Масим-хана пришла беда; как
хан обратился за помощью к четырем родам, как послал
гонца с фарманом.**

Как-то вышел на охоту Масим-хан,
Разъезжал по малохоженным местам;
А вернулся по прошествии трех дней —
Видит: паникой объят родимый стан.

Весь народ к владыке тут же побежал:
Гнев небесный, мол, на голову нам пал.
«На охоте пребывали вы, таксир,
Здесь же кровь лилась вовсю», — один сказал.

Видя, что и ни живы, и ни мертвы
Его люди, чуть не спала с головы

Тюбетейка Масим-хана. Сам не свой
Стал он сразу от неслыханной молвы.

В это время появился, чуть дыша,
Человек один, от ужаса дрожа,
Слово молвить позволенья попросил
И рассказ повел, сбиваясь и спеша.

«На горе Муйынсаклы мой пасся скот.
Наши дети там резвились без забот.
Сорок пять — не меньше — было малышей,
Когда страшный появился хищник тот.

Тысячам верблюдов распорол
Животы, из трупов гору он возвел.
Сорок пять детей дрожали как один,
Перед хищником, что страшен был и зол.

Сорок чад убил без жалости злодей,
На пяти других оставил след своих когтей,
Вот они-то и вернулись домой,
Принесли страшнейшую среди вестей.

К Масим-хану обратился весь народ —
Каждый в страхе и смятенье слезы льет:
«Если что-то не предпримем мы, тот зверь
Завтра всех нас на кусочки разорвет».

От предчувствия опасности такой
Потеряли люди сон свой и покой.
И к батырам четырех родов решил
Обратиться хан наш собственной рукой.

Написал в письме своем он: «Сыновья!
К вам, батыры, обращаюсь с просьбой я:
Если вы нам не поможете в беде,
Будет смерти предана страна моя».

Тут Тимеркотло, в роду своем отец,
Средь батыров самый первый удалец,
Весть от хана получив, оставил дом,
Распростившись с ним, с родных уехал мест.

Был же возраст у батыра — двадцать лет,
Но успел узнать его весь белый свет.
Коль пешком шел — по колению уходил
В землю, яму оставляя там, где след.

Он решился в путь отправиться большой,
Чтоб помочь в чужой беде любой ценой.
И в повозку голубую в тот же миг
Запряжен был иноходец вороной.

Только вдруг промолвил слово — точно гром,
Оглушило всех оно на месте том:
«Не пристало нам в повозках разъезжать!..»
И решил он в путь отправиться верхом.

Он сто восемьдесят выбрал молодцов —
При оружии — проверенных бойцов;
И, с народом попрощавшись, вышел в путь
К Масим-хану — на его тревожный зов.

До Тамьяна весть Масима донеслась,
И душа его волнением зажглась.
Добрых воинов собрав сто пятьдесят,
Выйти в путь Тамьян решился в тот же час.

Полтора ста было воинов при нем,
Что отвагою берут, а не числом.
Вот с народом распростились, и затем
В путь отправились, родной оставив дом.

И до хайнов посланье донеслось,
Отклик вызвало оно и к зверю злость;
По рукам оно пошло: желали все
Прочитать — так обглодать желают кость.

Въехал Каракулумбет в толпу людей,
Хоть никто не говорил о вести сей, —
Догадался сатанинским он чутьем
О прибытии нерадостных вестей.

Великан-батыр был Каракулумбет:
Пять быков везли стрелу его вослед.
Если спал — то пять ночей и дней подряд —
В том соперников ему, наверно, нет.

Каракулумбет тут громко зарычал:
«Собирайся весь народ — и стар, и мал!»
Аксакалов он собрал, держал совет:
Надо ехать, мол, коль сам Масим призвал.

Кое-как успев посланье прочитать,
Он велел коня могучего седлать,

Лучших воинов из рода отобрал,
Чтоб друг другу были войны подстать.

Было воинов тех триста пятьдесят —
Каждый яростью недоброю объят.
Распрощался с домом Каракулумбет
И пустился в путь — таков его ответ.

Ураз-хан был с Масим-ханом наравне.
Род его башкирским был в той стороне;
Созывали ханы каждый год майдан,
Дружбой верною довольные вполне.

Хан любовь к кыпсакам давнюю питал,
Их подарками и лаской наделял,
И Бабсак-батыру мир своей земли
Охранять от чужеродцев доверял.

На коне лихом по кличке Карагир
Объезжал владенья ханские батыр.
Больше месяца с седла он не сходил,
Охраняя и спокойствие, и мир.

Ураз-хан благоволил ему во всем,
Верность, мужество и ум ценил он в нем.
«Выдам замуж за него я дочь, даст бог», —
Думу тайную носил в себе притом.

У него та дочь единственной была,
Луноликою красавицей слыла.
Только встретились они, и навсегда
Их сердца любовь великая слила.

Как увидятся — конца объятьям нет.
Грел сердца их обожанья жаркий свет.
Той любви предела не было... В слезах
Расставались, преданности дав обет.

Ямиля — так звали девушку. Огнем
Полыхала всякий раз она при нем.
Ураз-хан мечтал их вскоре поженить
И на свадьбу им поставить новый дом.

Вот Бабсака как-то раз к себе призвал,
Дал благословенье им, добро и мал.
Целый месяц продолжался пир горой —
Весь народ на этой свадьбе пировал.

На майдане силой мерились борцы,
Их подбадривали деды и отцы.
Состязались родовые скакуны —
Ими правили отважные юнцы.

Ямлю Бабсак домой к себе привез.
Был он счастлив, преисполнен светлых грез.
Бархат, золото, шелка и серебро,
Драгоценностей привез он полон воз.

А Бабсаку восемнадцать было лет.
На полях сражений равных ему нет.
Но нежданно и негаданно в их дом
Незнакомец вдруг пожаловал чуть свет.

Под гонцом был иноходец вороной,
В пене весь — видать, покрыл он путь большой.
Он письмо Бабсаку тут же протянул —
Сразу видно, человек он был чужой.

Был гонцом от Масим-хана тот седок.
Дни и ночи гнал коня как только мог —
Вез послание владыки своего,
Чтоб Бабсак в беде негаданной помог.

Прочитав письмо, Бабсак оцепенел.
В злую весть он долго верить не хотел.
При жене он дал согласие свое,
Ибо в помощи он видел свой удел.

Знал Масим: всегда откликнется кыпсак,
Если воинством главенствует Бабсак;
И, едва услышав клич, собрался он —
Издавна в роду кыпсаков было так.

Стал готовиться батыр в далекий путь
(Разве мог гонца с отказом он вернуть?):
«Коль призвал нас хан, то надобно помочь, —
Лишь в поддержке в час тяжелый — дружбы суть».

Он решил: «Алла велит нам помогать,
Родила на то меня батыром мать,
На веку чудовищ разных и зверей
Приходилось мне немало убивать».

О решении узнав его, народ
Опечалился: никто не ест, не пьет.

Говоря: «От нас уходит наш батыр», —
Тот и этот ненароком слезы льет.

Опечаленная, плачет Ямиля,
К Масим-хану не ходить его моля,
Чует, что уже обратно не вернет
Ей Бабсака чужеродная земля.

Обращается Бабсак к своей жене,
От смятенья не оправившись вполне:
«Ямиля моя, послушай, что скажу, —
Те слова пылают пламенем во мне:

Коль алла велит, вкушу я пыль дорог,
Испытаю все, что уготовил рок.
Ведь и дома человек умрет, когда
Истечет судьбы его последний срок.

Сына ты родишь два месяца спустя.
Свет прольет ему отцовская звезда:
В руки меч возьмет и бить пойдет врага,
Упорхнувши из родимого гнезда.

Утешеньем это будет, коль умру.
Быть всегда благополучью ко двору.
Пусть алла да не оставит этот дом,
Пусть он будет вечно добрым на миру!»

И, сказав слова те, собираться стал,
Чтоб направиться с друзьями в ханский стан.
Восемь воинов достойных взял с собой.
А потом час расставания настал.

Пред отъездом осмотрел всех восьмерых,
Снаряженье и коней проверил их.
Попрощавшись, в путь отправился Бабсак,
Уводя с собою ратников лихих.

**О том, как четыре батыра четырех родов приехали
к Масим-хану.**

Всех батыров Масим-хан оповестил
(Как быть, если мир ужасных полон сил!),
Сто верблюдов приказал резать он,
Чтоб привольно всяк приезжий тут гостил.

В час, когда встречать собрался он друзей,
Припекать стал жар полуденный сильней,
Заклубилась, закружилась пыль столбом,
Возвещая о прибытии гостей.

Донесли Масиму: «Видим мы вдали
Несколько существ, что движутся в пыли,
Великана — будет ростом с минарет...
Досточтимый хан, встречать его вели!»

Хан вгляделся из-под стянутых бровей,
Понял он: из четырех богатырей
Едет кто-то... Это был Тимеркотло,
И сто восемьдесят воинов-друзей.

Прибыл раньше всех Тимеркотло на зов,
Сел на место красное без лишних слов.
С Масим-ханом говорил батыр, когда
На дороге пыль вздыматься стала вновь.

«Хоть та пыль и далека, но все ж она
Для меня знаменья смутного полна.
Будь то вражье чье-то войско иль набег,
Воля божья в том небесная видна!»

Так промолвил и в клубящий ураган
Стал внимательнее всматриваться хан.
Видит: воинов числом сто пятьдесят,
И Тамьян среди них — могучий пехлеван.

Вот уж два батыра здесь из двух родов —
Рад Масим, он не жалеет сладких слов.
Так сидят они, беседуют втроем...
Но опять клубится пыль среди холмов.

Ближе, ближе пыль дорожная, и вот
Затянулся этой пылью горизонт.
Вот и всадники видны уже. Они
Подпирают черной тучей небосвод.

Каждый Каракулумбета тут узнал
(Важный миг рассказа нашего настал):
Под батыром был скакун из скакунов —
На лихом скаку он молнии метал.

На караковом тулпаре тот батыр —
Среди других батыров первый богатырь.

Рода хайнов вождь Каракулумбет
К ним подъехал, озирая гордо мир.

Так батыров стало трое, говорят.
Разговор у них пошел на общий лад.
Лишь Бабсака нет. Не ведает никто,
Что с ним: едет, или повернул назад.

Рады тем, что собрались в одном кругу,
Развлекались те батыры на лугу.
За весельем не заметили они,
Что стемнело на зеленом берегу.

В сон глубокий погрузился весь народ —
Стар и млад, уставши от дневных забот;
Но, нарушив вдруг покой и тишину,
Грянул гром — и ходуном земля идет.

Разбудил тот грохот всех. Смирняя страх,
Три батыра вознеслись на стременах,
Самых чутких, смелых выбрали бойцов,
Ну а слабых же оставили в шатрах.

«Подает ли снова хищник голос свой?
Кровожадный враг сюда ль идет войной?» —
Так гадают тот и этот. А один
Говорит: «Гора схлестнулась с горой».

Тут какой-то старец молвил: «Не беда!
То не враг, а верный друг идет сюда.
Погодите: будет здесь он на заре —
Сами вы его узнаете тогда.

Говорю вам: то не чудище, не враг
Наполняет громом-гулом ночи мрак,
То — в пути к нам однодневном рвется вскачь
Богатырь лихой и добрый — не чужак».

Прав был старец-прорицатель: ехал к ним
Богатырь Бабсак. Клубилась пыль, как дым.
И копыта Карагира тишину
Разрывали грозным топотом своим.

Слыша это, успокоился народ.
Ночь прошла, и вот рассвет уж настает.
Грохот страшный слышен уж совсем вблизи.
Даже час как будто длится целый год.

Все тут высыпали, чтобы посмотреть
На коня того, что был тяжел, как медь.
То — Бабсак был. Восемь с ним богатырей,
За него всегда готовых умереть.

Бьет копытом огнеокий Карагир.
А над ним могучий высится батыр;
Он к Масиму подъезжает и ему
От своих передает привет и мир.

«Ассаламаглейкум, хан мой! — говорит, —
Твоя слава по земле давно гремит.
Не серчай, что опоздал. Я искуплю
Ту вину хорошей службой», — говорит.

Так сказавши, поздоровался потом
Он со всеми, кто стоял на месте том.
И повел Масим батыров в ханский стан,
Что и золотом сверкал, и серебром.

В честь батыров он устроил пышный пир,
Где воспет был каждый прибывший батыр.
Верил хан, что с их прибытием опять
Установятся везде покой и мир.

Он велел шатры раскинуть на холмах,
Показал свой щедрый нрав не на словах.
«Слушайте меня, родные и друзья! —
Произнес, — и да простит меня аллах!»

Стал тревожен и печален его лик.
Головой в глухом предчувствии поник
Каждый, молча ожидая, что же им
Скажет хан Масим в тревожный этот миг.

**О том, как Масим-хан обратился к батырам, обещав
всенародно восславить того, кто убьет кровожадного
хищника; как обещал благородному мстителю полови-
ну своих ханских сокровищ.**

«На меня, батыры, гляньте, — он сказал.
— С нетерпением я всех вас ожидал.
Отыщите людоеда поскорей,
Где б он ни был — среди лесов, полей иль скал.

Выезжайте же в те доли и леса,
И на горы, что уходят в небеса.

Бродит хищник там чудовищный. О нем
Я в посланиях подробно написал.

Разыскать прошу я хищника того,
Острой саблей тушу распороть его.
Коль убьете — да поможет вам алла! —
Мир вернете в лоно ханства моего.

Если хищника убьете вы и мне
Принесете шкуру чудища, вдвойне
Одарю вас, не жалея ничего, —
Лишь народ бы жил в покое-тишине.

Громким пиром победителю воздам,
Поделю страну свою с ним пополам,
Выдам замуж за него я дочь Гаухар
И во власть ему двенадцать биев дам.

Пожелав батырам доброго пути,
Приглушил он боль сосущую в груди.
Вот батыры у развилины дорог
Собрались... Что путь сулит им впереди?

Едут четверьмя дорогами богатыри.
Спешился Бабсак в тени большой горы.
Духом мускуса был воздух напоен,
В красоте гора была светлей зари.

О том, как Бабсак-батыр убил льва-людоеда.

По горе той долго-долго он бродил,
Ел плоды лесные, если находил.
Как-то шел он вдоль ручья, и видит вдруг
Льва огромного, что сладким сном почил.

Льва завидев, вспыхнул яростью Бабсак,
Разгорелись гневом праведным глаза,
К людоеду приближаться начал он,
Мысленно у бога помощи прося.

Камень взял он со скалу величиной,
Запустил во льва могучею рукой.
Но пронесся мимо зверя камень тот —
В землю врезавшись, стал ямою большой.

И от грохота того проснулся лев,
Рык исторгнул, на батыра поглядев,

(Был громаден зверь, высок, как минарет)
Вспыхнул в хищнике тотчас ужасный гнев.

Мощь кипела в нем свирепая. Стремглав
Камни разметал вокруг он, зарычав.
В этот миг Бабсак пустил в него стрелу —
Лев взревел, на место прежнее упав.

Да, упал и захлебнулся в тот же миг
Кровью собственной, и стоном обернулся рык.
А стрела батыра, льва пробив насквозь,
В яр вошла, что нависал, угрюм и дик.

Подошел батыр к поверженному льву,
Видит: пал тот не во сне, а наяву.
Чтоб отметину оставить, он язык
Зверю надвое разрезал, как траву.

Постоял в раздумье, словно набираясь сил,
Надвое потом стрелу он расщепил,
Половину той расщепленной стрелы
Глубоко он в брюхо хищника вонзил.

Он другую половину взял с собой.
Несмотря на наступивший мрак ночной,
К Масим-хану он отправиться решил,
Чтоб обрадовать все ханство вестью той.

Двинулся Бабсак-батыр в обратный путь,
Не забыв полы одежды подвернуть
За свой пояс. Шел и дни, и ночи он.
Лишь дойдя, смог полной грудью он вздохнуть.

К Масим-хану он явился прямо в дом
И немедля рассказал ему о том,
Что ужасного он хищника убил
И оставил его тело под холмом.

Услыхав об этом, тотчас Масим-хан
Повелел собрать невиданный майдан,
Пригласил на этот праздник весь народ.
Веселился сам всюду от счастья хан.

О том, как Каракулумбет стрелял в мертвого льва и,
вернувшись, объявил всем, будто это он прикончил хищ-
ника; о том, как батыры Тимеркотло и Тамьян опроверг-
ли это утверждение.

Пусть же праздник свой проводит хан Масим
И гостеприимством радует своим.
Мы же, к Каракулумбету воротясь,
На его дела вновь взоры обратим.

Очень много он земель преодолел
И пришел его терпению предел.
Вот на льва, что был Бабсаком умерщвлен,
Он на всем скаку однажды налетел.

Льва лежавшего увидев, он решил,
Что тот спит, и тут же в руки лук схватил,
До предела натянул он тетиву —
В тушу зверя мертвого стрелу пустил.

Лев не вздрогнул и не бросился бежать —
Оставался неподвижно он лежать.
В грудь вошла наполовину та стрела,
Продолжая оперением дрожать.

Каракулумбет-батыр ко льву спешит.
Тот по-прежнему недвижимый лежит.
Понял тут батыр: алмазною стрелой
Людоед был до него уже убит.

Вырвал он стрелу, запущенную им, —
Мертвый лев лежал, как камень, перед ним,
Он отрезал зверю ухо, и затем
Поскакал туда, где пировал Масим.

Поскакал он в те края во весь опор,
С ходу в ханский завернул большой шатер
И с порога громогласно объявил,
Что он зверя застрелил на склоне гор.

Хан от слов его на месте подскочил,
Там, где в радости пред этим ел и пил,
И слуге немедля в ханский свой шатер
Пригласить Бабсак-батыра поручил.

Тот на ханский зов явился, и тотчас
Каракулумбета видит, и зажглась
В сердце у него тревога — у того
В его сторону косил недобро глаз.

Он в шатер вошел, и хану задает
Свой вопрос, что сердце мучает и жжет:

«Для чего ты пригласил меня, мой хан?
Что тебе опять покоя не дает?»

«Вот сидит батыр. Клянется, что убил
Зверя, что тобой убит недавно был.
Я подумал: есть секрет какой-то тут,
И тебя позвать поэтому решил.

«Я, — сказали оба вы, — убил стрелой
Хищника — могу поклясться головой».
Кругом голова моя теперь пошла.
Чтоб поверил я, представьте знак мне свой!»

Говорит Бабсак: «Пришел я на твой зов.
За слова свои ответить я готов.
Знак, который я принес, ты видел сам.
Что сказать — я не имею больше слов.

Ну, а если не поверили, тотчас
Поведу ко льву убитому я вас.
Убедитесь в правоте моей тогда
И поймете, кто обманщик среди нас».

За Бабсаком молвил Каракулумбет:
«И я тоже свой готов держать ответ», —
И прихваченный показывает знак —
Ухо льва, какого вряд ли видел свет.

Говорит: «Я льва убил своей рукой,
Срезав ухо, прихватил его с собой.
Кроме уха, что отрезал я, на нем,
Можешь верить, нету меты никакой».

Из шатра все трое вышли. Не в чести
Было споры бесполезные вести.
Взбаламутил Каракулумбет народ —
Небылицы стал он разные плести.

Масим-хан решил ту ложь разоблачить,
Победителем Бабсака объявить,
Над двенадцатью везирами его
Главным бием навсегда провозгласить.

«Прав Бабсак — правдивы все его слова, —
Молвил всадник, проверявший тушу льва.
Каракулумбет же всех нас обманул,
И, выходит, лжива вся его молва».

Забирает Каракулумбета стыд,
Черный пот с него потоками бежит.
Триста пятьдесят батыров тут его
Загалдели от позора и обид.

А Тимеркотло и богатырь Тамьян
Зверя мертвого нашли и в ханский стан
Возвращались, и вдруг видят, что народ
Колобродит — споры, ссоры и разброд.

Тут, поняв, в чем дело, два богатыря
Подъезжают, нетерпением горя,
И, Бабсака подтверждая правоту,
«Ты послушай и поверь нам», — говорят.

«Труп чудовища мы видели вдвоем,
Подошли к нему, и вот на трупе том
Знаки те нашли, о чем сказал Бабсак, —
Полстрелы, язык, отрезанный мечом.

Пасть в крови была. Раскрыв ее слегка,
Мы увидели всего пол-языка.
И торчало что-то в глотке там. Мы в пасть
Руку сунули — сполна ушла рука.

Оказалось: в тушу вбитая стрела
Не вместилась и наружу поползла.
И у хищника отточенным концом
Вышла в глотку, как огромная игла.

Услыхав про то, Масим возликовал,
Вновь на праздничный майдан народ созвал,
За Бабсака дочь свою решив отдать,
Сокровенную он думу загадал.

О том, как Каракулумбет стрелял в Бабсака, как истребил род кыпсаков.

Каракулумбет собрал своих людей
И отъехал от Масима поскорей.
«Мы должны убить Бабсака и лишить
Род кыпсаков вожака», — изрек злодей.

И, промолвив те слова, он лук берет,
Оставляет всех на месте, и идет
Прямо к тем, кто веселится на пиру, —
Отшатнулся от злодея весь народ.

Свадебный пир кипел вовсю, и Масим-хан, говорят, поставил Бабсака во главе двенадцати биев. Он выдал за него замуж дочь свою Гаухар и объявил о том всему миру.

И тут народ увидел, что Каракулумбет стал приближаться к счастливому своему сопернику. Глаза его были налиты кровью. Люди стали говорить Бабсаку: «Встань со своего места, батыр, иди ему навстречу! Он задумал что-то недоброе». Бабсак на это отвечал: «Вставать с места, где сидишь, — женское дело. Не поднимусь я с этого места, не взгляну на него!»

И еще он сказал такие слова:

«С места я уже не встану, где сижу,
Ваш совет исполнить я не поспешу.
Если выстрелит проклятый хаин, что ж,
Я без страха на судьбу свою гляжу».

Вот свой лук расправил Каракулумбет,
Стал он целиться — ужель спасенья нет?
С тетивы летит алмазная стрела...
И померк в глазах Бабсака белый свет.

Тело Каракулумбет ему пробил,
И в крови его навеки утопил.
Что бедняге было делать! Он поник
Головой, и на траву упал без сил.

Каракулумбет хвалился: «Я не за глаза
Силу грозную кыпсакам доказал!»
И, подобно ишаку, издавши рев,
Растерявшихся людей своих позвал.

Вот такое сотворил тот хаин зло.
Вероломство это всех огнем ожгло.

Посоветовавшись между собой, два батыра — Тимеркотло и Тамьян — решили сообща уничтожить Каракулумбета вместе со всеми его воинами. Но Масим-хан стал их отговаривать: «Видно, есть в этом деле божья воля, так не спешите проливать новую кровь!»

После этих слов никто не тронул Каракулумбета и даже слова единого ему не сказал.

Восемь воинов Бабсака решили похоронить своего батыра, но Каракулумбет не позволил им этого сделать: «Не дам рыть свою землю, несите тело куда хотите!»

Тогда войны Бабсак-батыра поехали в свою страну, отдаленную полуторадневым путем, и привезли оттуда землю в батманах, ею засыпали тело Бабсак-батыра...

А Тамьян и Тимеркотло явились в дом
К хану, чтобы о решении своем
Объявить: «Хотели сделать мы добро,
А на бойню угодили под шатром.

Ты позволь, таксир, уехать нам домой,
И живи своим умом и головой.
Каракулумбету другом иль врагом
Будь — у нас отныне путь совсем иной».

С ним батыры попрощались, и потом
В путь обратный собрались они вдвоем.
Во вражде со всеми Каракулумбет
Гарцевал в седле при воинстве своем.

Возвратились два батыра в край отцов —
В дебри гор, озер и девственных лесов,
О мытарствах рассказали там своих...
Мы ж с Бабсаком кончим дело парой слов.

Пал Бабсак-батыр. Остались сиротой
Сын, жена его и весь народ родной.
Гордым соколом вчера еще парил,
А сегодня в мир отправился иной.

Многим так судьба силки свои плетет,
Мало тех, кто от силков ее уйдет:
Будь ты баем, будь батыром иль царем —
Никого суровый рок не обойдет.

Словно женщина ревнивая, судьба —
То капризна, то сварлива, то слепа.
Мужем доблестным играя, иногда
На добро к нему бывает столь скупа.

Кто всевышнего забвенью предает,
Кто молитвы забывает, — жалок тот.
Паутиной нечестивцев оплетен,
Он без имени и веры пропадет.

Не обманывайтесь хитростью судьбы,
За сокровища не расшибайте лбы.

Пусть скота у вас немного, но зато
Честно добыт он — душой вы не рабы.

Каракулумбет-батыр вернулся от Масим-хана, прожил неделю на родной земле, всех людей своего рода — от шести до сорока лет — созвал воедино и отправился походом на кыпсакский род, чтоб до последнего истребить потомков Бабсака.

Черной мезтью налит Каракулумбет.
Он грозит кыпсакам морем зла и бед.
Норовит весь род Бабсака истребить —
И жестокости такой не видел свет.

Из-под палки он погнал своих людей
На кыпсаков. Утопил в крови, злодей,
Стариков, старух и женщин... Убивал,
Не жалея, даже маленьких детей.

На корню уничтожал он славный род,
По крови шагать заставил весь народ.
До последнего младенца вырезал.
Повелел своим угнать кыпсаков скот.

И уж, кажется, последнего добил.
Сделал все, чтоб мир Бабсака позабыл.
И, как пес, искал, где скрылась Ямиля.
И нашел ее — и страстно полюбил.

Как голодный зверь, к вдове ворвался в дом,
Страшный голос загремел его, как гром,
Всех заставил от испуга задрожать:
— Выходи!.. Иль разнесу я все мечом!

В страхе дверь ему открыла Ямиля,
О пощаде супостата не моля;
Тут, красу ее увидев, стих батыр,
Тайной страстью свою душу веселя.

— Одевайся, — Ямиле он говорит, —
Видишь, пламенем душа моя горит.
Заберу тебя к себе — ведь ты одна
Здесь зачахнешь от страданий и обид.

На тебе женюсь — избавлю от беды,
Коль младенца в животе не носишь ты.

Если скажешь: «Не пойду», — тебя я вмиг
Зарублю и за собой сотру следы.

Ямиля пред ним от ужаса дрожит.
И измучен, и растерян ее вид.
«На жене Бабсак-батыра я женюсь», —
Думает палач, и похоть в нем кипит.

Одевают Ямилю почти силком.
Богу молится несчастная тайком,
Слезы льет: «Ах, покидаю навсегда
Мужа милого, Бабсак-батыра дом!..»

Каракулумбет посадил Ямилю на своего тулпара и отправил на землю хайнова рода.

По истечении нескольких дней он и сам воротился к себе домой. Завидуя красоте Ямили, прежние жены Каракулумбета стали наговаривать на нее мужу: «Она же беременна, в ней остался плод от Бабсака. Смотри же: если она разродится его ребенком — не сносить тебе головы!»

И от тех слов душу Каракулумбета объял страх. Чтобы погубить зародыш в утробе женщины, он стал растирать ее тело волосяными вожжами. Не в силах снести муки воскликнула Ямиля: «Если убить желаешь, то убивай скорее, только не мучай меня понапрасну, я не беременная!»

Каракулумбет потребовал от нее доказательств. Не зная, что предпринять, Ямиля, на все махнув рукой, указала на двухгодовалую телку, бродившую во дворе: «Если вон та телка стельная, то и я тоже беременная. Если яловая, — я тоже без плода». Каракулумбет велел резать телку, которая, к счастью Ямили, оказалась яловой. И все тут в один голос стали у нее просить прощения, говоря: «Зря мы тебя так изводили!»

Вполне удовлетворенный доказательством Ямили, Каракулумбет взял ее себе третьей женой. Избавившись таким образом от смерти, стала жить Ямиля в доме Каракулумбета.

**О том, как родился Кусяк-бий, как он пошел дорогой
своего отца**

Когда со дня гибели Бабсака исполнилось два месяца, родился у Ямили сын. И назвали его Кусяком. Все

люди рода хайнов думали, что родила она от Каракулумбета. И только одна девяностолетняя старуха-знахарка знала о том, что это сын Бабсака, но никому о том не сказала.

Когда родился на свет Кусяк, снова напал на Каракулумбета тайный страх, сердце его объяли ужас и тревога. Не в силах перенести такое, он проболел три дня и три ночи подряд. А причина болезни была такова: когда Каракулумбет подошел к колыбели младенца и хотел его поцеловать, тот схватил ручонками его бороду и сильно его потряс. И случай этот вселил в душу Каракулумбета глубокое беспокойство, заставил его задуматься. Красота и удалство Кусяка были написаны на лице. В годовалом возрасте он уже имел силу десятилетнего мальчишки. Когда, подобно другим младенцам, бился в плаче, требуя материнской груди, вся одежда на нем трещала по швам, превращаясь в клочья. Поэтому и рубашки и штаны для него шили из шкуры старого быка.

Лишь Кусяк ступил на землю и шагнул,
Как к бедру уж меч алмазный пристегнул.
Ликом светел, станом крепок и могуч —
Будто облик вновь отцовский он вернул.

Лишь семь месяцев прошли, а он, грудной,
Уж не жметя к своей матери родной:
Выглядит намного старше своих лет —
Сразу видно: сын Бабсака удалой.

Вот исполнился ребенку ровно год.
Глядь — с мальчишками на улицу идет.
Даже тех, кто старше в пять иль десять раз,
На лопатки в состязаниях кладет.

Подрастал он не по дням, а по часам —
Сам красавец, богатырь сложеньем сам.
Он в четыре года многих силачей
Посрамил, не вняв их просьбам и слезам.

А в пять лет борол он всех богатырей —
С ним схватиться на майдане лишь посмей!
И его уже успели полюбить
Много девушек с огнем на дне очей.

А потом ему исполнилось шесть лет
(Был мальцом, теперь — батыр, какому нет
Равного на белом свете... Будет срок —
Станет бием и затмит он солнца свет!)

Как-то осенью Кусяк пошел играть
За аул, когда ушла из дому мать.
Слово за слово поссорились друзья:
Он — один, а ребята аульской — рать.

Но смеяться стал Кусяк и задирать
Всех подряд; трусливых вынудил бежать.
Затаив к задире смертную вражду,
Сговорились его дети отстегать.

Но Кусяк тут гневом вспыхнул, и тотчас
(То ли будет, коль продолжим мы рассказ!)
Он с мальчишками стал драться не шутя:
Тех пришиб ударом, этим выбил глаз.

Разбежались все скорее кто куда,
Зная, что похуже здесь их ждет беда.
Сын старухи из кыпсаковских кровей
Вдруг попался ему под руку тогда.

Искалеченный могучею рукой,
Обратился мальчик с жалобной мольбой:
«Если грех ты свой желаешь искупить,
Отнеси меня ты к матери родной.

Я у матери один. И если вдруг
Я умру, она не вынесет тех мук —
Вслед за мною встретит смертный час она...
Донеси ж меня до материнских рук!»

У Кусяк-батыра гнев мгновенно спал.
Сироту он поднял, нежно приласкал,
Расспросил, где проживает тот, затем
В руки матери мальчишку передал.

Льет старуха слезы горькие. Пред ней —
Сын-калека, неживого чуть живей.

И говорит она Кусяка: мол, нигде
Столь бездушных я не видела людей.

Говорит Кусяк: «Во всем я виноват.
Пред тобой вину загладить буду рад.
Не кляни меня, пожалуйста, прошу —
То, что было, не вернешь теперь назад».

Та: «Зачем обидел сына моего,
Исковеркал жизнь сиротскую его?
Лишь добро тебе дарила я, и что ж? —
Кроме злобы не вернул ты ничего.

Помогала Ямиле я, как могла,
Твоей бабкой повивальной была.
Но, конечно, ты не знаешь ни о чем —
Твое прошлое тебе — сплошная мгла».

Потом старуха сказала так: «Выслушай, дитя мое!
Если ты ничего не знаешь, я открою тебе одну ужасную
тайну».

А Кусяк ей: «Рассказывай, инэй, я ничего не знаю».

И тогда старуха ему говорит: «Дитя мое, если уж ты
такой сильный, отплати убийце кровной мстью за смерть
своего отца!»

Удивился Кусяк: «О какой кровной мести ты гово-
ришь, если отец мой жив и здоров? Ведь его никто не
убивал, никто не замучил!»

Старуха на это: «Нет, дитя мое, ты не сын Кара-
кулумбета, ты — наследник Бабсак-батыра».

«Какого еще Бабсак-батыра?» — еще больше удивил-
ся Кусяк.

И тогда старуха обо всем поведала ему во всех под-
робностях: о том, что отец его был славным кыпсакским
батыром Бабсаком, о том, как он погиб от руки Караку-
лумбета, как тот пошел на род кыпсаков и уничтожил его
до последнего человека, как принудил Ямилю выйти за
него замуж и как та доказала ему свою бесплодность,
и тем спасла себя и своего ребенка от неминуемой ги-
бели.

Рассказ старухи привел Кусяка в сильнейшее вол-
нение.

«Бабушка, откуда ты все это знаешь? Почему застав-
ляешь убить Каракулумбета?» — спрашивает он.

Отвечает ему старуха: «Я сама из кыпсакского рода, выдана была сюда замуж еще в прежние времена, когда роды жили в мире и дружбе. Теперь они жестоко враждуют между собой. Потому и мне отчий дом кажется желанным».

Так сказала старуха, а потом добавила: «Если не веришь мне, расспроси свою мать, она подтвердит мои слова».

Говорит Кусяк: «Что, если мама не захочет ничего мне сказать?»

«Если так, я научу тебя одной хитрости, — отвечает старуха. — Если она не захочет сказать тебе правду, попроси ее нажарить тебе курмаса. Она выполнит твою просьбу. Только пусть подает тебе курмас не в чашке, а в ладонях. Тогда ты сожмешь кисти ее рук и спросишь: «Кто мой отец — Каракулумбет или Бабсак? Говори правду!»

Кусяк простился со старухой, пришел домой и попросил мать нажарить ему курмас. Мать поднесла ему горячие зерна в ложке, но Кусяк их не взял. Тогда она подала их в голых ладонях, а Кусяк возьми да и сожми кисти ее рук, спросив при этом: «Кто мой отец — Каракулумбет или Бабсак? Говори только правду!» Жареный курмас так припекал руки Ямили, что она не выдержала: «Дитя мое, твой отец — Бабсак-батыр!» И после этого она поневоле вынуждена была рассказать сыну всю правду.

Таким образом, разузнав тайну своего происхождения, Кусяк сказал своей матери: «Мама, я убегу к дедушке своему Ураз-хану. Сделай вид, что ты ничего не заметила. На будущий год, в это же время, я вернусь обратно и сам буду знать, что мне делать!»

Очень не хотела Ямиля отпускать своего сына, но разве можно перечить такому богатырю! Вот и отпустила, проливая горючие слезы.

В это время Кусяку было всего шесть лет.

В один прекрасный день он исчез — сбежал к Ураз-хану.

Вот добрался он к Ураз-хану, прошел в его дворец и почтительно с ним поздоровался. Ураз-хан принял его приветствие и стал спрашивать, кто он и откуда. «Я сын кыпсакского рода батыра Бабсак-бия», — отвечал Кусяк. Ураз-хан посадил мальчика себе на колени и стал спрашивать про его мать — дочь свою Ямилю. Мальчик отвечал, что мать его жива и здорова и стал просить у Ураз-хана войско, чтобы отомстить Каракулум-

бету за убитого им отца. Радостью озарилось лицо Ураз-хана. «Поживи у нас с годик, и тогда возьмешь из моего рода часть войска и поедешь мстить за своего убиенного отца», — ответил хан.

А мы вернемся к Каракулумбету.

По прошествии трех дней после исчезновения Кусяка Каракулумбет спрашивает у Ямили: «А куда подевался наш сын?» Ямиля ему в ответ: «Не знаю. Вчера с сотней мальчишек пошел играть на поляну и назад не возвращался».

Множество людей вывел Каракулумбет на поиски мальчика. Искали его в горах и лесах, в оврагах и поймах рек, но нигде не могли отыскать. В конце концов, решили, что мальчика сожрал какой-нибудь дикий зверь, или сам он куда-то сбежал. На том и прекратили дальнейшие поиски.

О том, как Кусяк-бий отомстил за отца кровной мезтью, как от четвертого рода осталась одна единственная душа

Целый год прожил Кусяк-бий в доме Ураз-хана, затем отобрал себе восемьдесят лучших богатырей из его войска и начал истреблять жителей рода хайнов. Среди этих восьмидесяти воинов был батыр по имени Сигезяк.

В одну из черных ночей Кусяк тайно вошел в стан Каракулумбета и встретился со своей матерью. Он вывез ее вместе с девяностолетней старухой и ее сыном-кыпсаком из того стана и велел Сигезяк-батыру: «Проводи мою маму к Ураз-хану, и этих тоже отведи вместе с ней!» — и с теми словами передал ему двух женщин и мальчика, сына старухи. «Отомщу за отца и вернусь через пять месяцев!» — обещал он матери.

Пусть Сигезяк вместе с женщинами и мальчиком добираются до Ураз-хана, мы же с вами вернемся к Кусяк-бию.

Кусяк вместе с семьюдесятью девятью воинами кыпсакова рода стали поголовно истреблять людей рода хайнов. Но при этом семьдесят восемь батыров Кусяк-бия тоже сложили головы, сражаясь с войском Каракулумбета. И остался Кусяк с одним единственным батыром.

Но и вдвоем они нещадно уничтожали хайнов, рубили саблями, кололи копьями, пронзали стрелами. Убили

жен и детей Каракулумбета. Никого не щадил Кусяк-бий из рода своего кровника. И только Каракулумбета никак не мог отыскать.

Когда бродил он так, разыскивая Каракулумбета, повстречался ему мальчик. «Ты не видел Каракулумбета?» — спросил его Кусяк...

Истребил Кусяк ему противный род.
Сиротою лишь одно дитя бредет.
— Не приметил ли где Каракулумбета ты? —
Кусяк-бий вопрос мальчишке задает.

— Сирота я, — отвечает тот малец. —
От сраженья я сбежал с рассвета в лес.
Видел я, куда удрал Кара-акэ,
Сразу понял, что пришел его конец.

Я — пастух. Его баранов пас пять лет.
От лишений проклял я весь белый свет.
Ни копейки мне акэ не заплатил —
Пусть за все от вас получит он ответ.

Принуждал он дни и ночи спину гнуть —
До сих пор болит все тело, ноет грудь.
Начал пищу добывать я воровством.
Говорил себе: «Такое не забудь!»

Каракулумбет от вас сбежал стремглав,
Словно пущенная с тетивы стрела.
Видел сам я: он заполз под этот стог —
Не убьешь его — он причинит немало зла.

Я уверен, что вот в этот самый миг,
Словно мышь, под стогом он к земле приник.
Он под стог и девушку мою увлек —
Сам я слышал из-под стога ее крик.

Взор у Каракулумбета страшен был.
Я уверен, что, скрываясь, он решил:
«Коль умру — дитя оставлю от себя...»
Потому под стог ее и затащил.

У Кара-акэ коварный нрав, таксир.
Осторожней будь, ловя его, батыр.
Если сможешь ты живым его поймать,
Пусть душа его покинет этот мир.

Говорит Кусяк-батыр ему в ответ
(Его голос добротой, теплом согрет):
— Сирота, тебя не трону я. Ищи
Свое счастье сам — от нас запрета нет.

Я тебе дарую волю, — говорит, —
Вытри слезы и прими достойный вид.
Вольной птицей пусть парит твоя судьба —
Ты от нас не испытаешь зла и бед.

Ты сказал про Каракулумбета нам.
С благодарностью я внял твоим словам.
Попроси, что хочешь: если я смогу,
Все исполню — все, что хочешь, то и дам».

Отвечает сирота: «Тогда к тебе
Просьба есть — внемли, таксир, моей мольбе:
Ты моей подруге милость окажи —
Быть ей вечною звездой в моей судьбе.

Ей исполнилось недавно восемь лет.
Мне же десять. Дети горя мы и бед.
На лугу мы познакомились, когда
Пас овец я. Крепче дружбы нашей нет.

У Кара-акэ сосед есть. Его дочь —
Эта девочка. Хочу я ей помочь.
Помогите, если можете, в беде,
Без нее вся жизнь моя — сплошная ночь».

Говорит Кусяк: «Да будет, как сказал!
Ты большую нам услугу оказал:
За пять лет, что проработал в пастухах,
Позволяю, чтоб ее ты в жены взял!»

Гаркнул он, да так, что бог не приведи:
— Каракулумбет, а ну-ка выходи!
Вместе с девушкой явись передо мной! —
Громом рвался его голос из груди.

Вот он в руки меч отточенный берет,
Кумыса четыре сабы залпом пьет.
Каракулумбет лишь только высунул свой нос —
Вмиг поймал его Кусяк, как мышку кот.

Ухо левое вначале оторвал,
И, брезгливо морщась, в пальцах его смял.

И, другое вырвав ухо: «Это мечь
За отца, тобой убитого», — сказал.

Там, где уши были, — только кровь струей;
Затекли глаза кровавой пеленой;
Одеянье Кусяк-бий с него содрал,
И остался перед всеми тот нагой.

.
.

Как казахскому верблюду, ему нос
Продырявил и потом вдел два кольца.

Крепкими веревками его связал,
Лук и стрелы в руки жилистые взял.
«Где мальчишка-сирота?» — спросил потом,
«Подойди, со мною рядом будь», — сказал.

Мальчик тут же подошел, на зов спеша,
От испуга безотчетного дрожа.
А увидел Каракулумбета — вмиг
Мотыльком затрепетала в нем душа.

Говорит ему Кусяк-батыр: «Поди
К стогу сена и подружку там найди.
Пусть она тебе достанется за то,
Что пять лет не получал ты за труды».

Поспешил тот, услыхав такой приказ,
И исчез под стогом сена он тотчас.
Десять лет ему всего, но уследить
За мальцом едва ли мог бы чей-то глаз.

Повернул Кусяк врага к себе спиной:
«Знай, злодей, я за отца сочтусь с тобой!»
Охнув, Каракулумбет упал, когда
Кусяк-бий алмазной сбил его стрелой.

После этого Кусяк-бий сказал так, обращаясь к тому
мальчику:

— До сих пор при полном здравии б он был,
Если б некогда кыпсаков не казнил.

Будь «бер ян» — душой одной. От твоего
Рода я тебя оставлю, чтоб ты жил ⁶.

«Кончил я свои дела, — сказал потом. —
И теперь вернусь обратно в отчий дом.
С карымтой никто к кыпсакам не придет,
Будет род спокойно жить в краю родном».

Здесь кончается рассказ. Из тьмы веков
Те дела с людских сошли к нам языков.
А с признаньем власти белого царя
Улеглись былые страсти средь родов ⁷.

ЕК-МЭРГЭН

Когда-то очень давно на высоком берегу Агидели, где она делает крутой поворот ¹, вздумала устроиться на летовку старуха Тугызак-эби со своими детьми.

Вот раскинули они узорчатую белую юрту на возвышенном месте, откуда открывались вся прелесть и красота Агидели. Когда старуха Тугызак выглядывала из юрты, она видела сверкающую серебром гладь реки. То и дело на ней вспыхивали и, расходясь, исчезали круги и кружочки от шаловливых сорожек. Старуху пугало расположение их стана — место это было открыто всем ветрам и чужому взору. «Ох, дети мои, слишком уж на видном месте собрали мы нашу юрту, спаси нас бог от всевозможных последствий», — вздыхала она. Но дети ей отвечали: «Хэй, мама, мама! Пока мы живы и рядом с тобой, — глаза врагов слепы».

И хоть тревога не проходила в душе старой женщины, она верила в силу и ловкость своих богатырей.

И вот юрта была поставлена, а новое гнездовье — благословлено верховою родою. Старуха Тугызак вручила девятерым сыновьям десять лукошек и отправила их в лес.

Старуха Тугызак была женой знаменитого предводителя войск. В те времена испытания силы и сноровки богатыров происходили за реками Яик и Сулман. Вот и муж старухи, знатный бий, собрал однажды лучших воинов своих и отправился в дальний поход — в долины рек Агидели и Сулмана. С того похода он не возвратился домой. И тогда старуха Тугызак, словно курочка, собрав под своими крыльями девятерых сыновей своих, перекочевала в местечко по названию Корос. На той поляне

их кормили плоды черемухи, еле умещавшиеся на деревьях, смородина да калина, свежий липовый мед, добываемый трудолюбивыми пчелами; поил студеный ручей, чья прозрачная вода звенела по камням. И жизнь их, подобная тихому течению Агидели, текла так же мирно и спокойно.

Старуха Тугызак, почувствовав, что ее сыновьям приходит срок испытать богатырскую удаль, женила их одного за другим. С тех самых пор егеты стали отправляться в боевые походы — дорогами своего отца. И каждый выезд их был успешен. Нередко бывало так, что выезжали они на девяти аргамаках, а возвращались с девятью десятками лошадей. В те времена по всему течению Агидели из уст в уста передавались рассказы о девяти братьях-батырах, о них слагались хвалебные песни. Но на побережье Сулмана не было дома, не трепетавшего перед возможным наездом братьев, не просыпавшегося на рассвете в тревожном ожидании.

Прошли годы. В небольшом стане старухи Тугызак обитала семья, состоящая из девяноста человек. Всеми любимая бабушка с удовольствием наблюдала за шалостями своих внучат, от души радовалась их меткой стрельбе из луков.

Однажды девятеро сыновей старухи вернулись с берегов Сулмана с несметным числом захваченного скота. В честь столь радостного события был устроен праздничный пир.

Стояла летняя ночь. Раздольный луг, густой темный лес, спокойная Агидель погружены в мертвый сон; жидкий свет ущербной луны, только что выплывшей из-за кромки леса, тревожно переливается на водной глади. В огромной кроне раскидистой липы изредка пронзительно вскрикивал невидимый филин.

Тревогой было охвачено сердце старухи Тугызак, да обратиться было не к кому: сыновья ее, опьяненные хмельной брагой, выпитой в честь такого события, спали непробудным сном.

Чуткий слух старухи Тугызак уловил в ночи всплески на реке. Она вскочила на ноги и закричала во весь голос: «О, Тэнгри! Вставайте, дети мои, я слышу всплески весел — это враг приближается сюда!»

Но было уже поздно: белую юрту, оберегавшую покой девяти богатырей, тесным кольцом окружил отряд мстителей. Дорогой для сердца старухи Тугызак смысл жизни рухнул... Девять братьев-батыров, еще вчера наводившие ужас на все побережье Сулмана, о чьих под-

вигах слагали песни по всему Уралу, остались лежать на месте. Их золотые и серебряные сокровища, луки и стрелы были погружены в лодки и отплыли прочь. Над бездыханными телами внуков старухи, которая совсем недавно радовалась каждому меткому их выстрелу, теперь летали прожорливые вороны и всякая хищная птица.

И все же напавший враг не смог обрубить род старухи Тугызак по последнего корня: девятая невестка, проснувшаяся на крик своей свекрови, успела скрыться, захватив с собой двухлетнего младенца. Но и она не вынесла горя, вскоре умерла, оплакивая своего мужа-батыра. В живых осталось лишь ее грудное дитя, которое продолжало сосать грудь своей мертвой матери.

Кто знает, может быть, всевышний оставил его в живых, чтобы он мог отомстить за свой род, в позоре окончивший свое существование. А может быть, сберег ему жизнь в отместку тем, кто радовался безвременному концу девятерых братьев. Как бы то ни было, мальчик выжил. Благородные зайцы приносили ему пучки съедобных трав; добрые и мягкосердечные птицы кормили вкусными плодами и ягодами. Младенец рос среди лесных друзей — зверей и животных, вырастал, не понимая и не чувствуя своего одиночества. Его поднимала и ставила на ноги сама природа.

В свои десять лет он мог легко поднимать и бросать одной рукой матерых медведей. Лесной народ боялся одной его тени. Иногда он забирался на верхушку высокого дерева, озирая взглядом все окрест, и видел вокруг до самого горизонта одну только темень густых лесов; невесть откуда тянущаяся лента Агидели светилась в бесконечных излучах; вдалеке виднелись зеленые скатерти полян и лужаек, и лишь в немыслимом отдалении проступали в туманном мареве очертания гор. И страждущей все познать и почувствовать душе подростка хотелось побывать в этих таинственных местах; но ему было страшно двинуться туда без оружия.

Шли дни. Однажды он набрел на развалины своей родовой юрты. Он увидел там заржавевшие наконечники стрел, обломки луков и стремян, ржавые черепки котлов; тут же валялись выбеленные дождями и ветрами человеческие кости. И в голову ему пришла мысль — а уж не то ли это место, где находился стан его предков, близких и дорогих ему людей? Он уселся на траву, вытянув ноги, загляделся на черно-багровое солнце, уходящее за черту леса, и надолго о чем-то задумался. А вокруг не-

го, на липовых деревьях, на тысячи всевозможных мелодий распевало множество разных птиц; последние лучи заходящего солнца мерцали и трепетали россыпями золота в струях прозрачных вод; мрачное и тревожное величие таилось в дебрях густого бора. Неприкаянный малолетний батыр на месте бывшего своего родового гнездовья, возле костей своих предков, уснул глубоким сном. И предстал во сне его взору старый батыр на отменном аргамаче. На плечо его был подвешен тугой лук со стальными стрелами.

Старый воин подошел к сироте и сказал ему такие слова: «Эй ты, могучая рука долин Агидели, знаменитый батыр! Сын, рожденный на голову погубившего нас когда-то врага! Ты знал, где укладываться на ночь. Я — твой отец. Ты же — мой сын, рожденный накануне позорного сражения моего. Поднимайся, батыр! Под раскидистой липой ты найдешь стрелы и лук, оставшиеся тебе от отца. Вон на той поляне пасется аргамач, лишившийся своего хозяина — твоего отца. Ты возьми тот лук со стрелами, садись на коня и отправляйся на запад. Там ты найдешь и славу свою, и счастье. Но никогда не забывай, что здесь — место, где ты родился; здесь жили твоя любящая и любимая всеми бабушка, шаловливые братья и сестры, старшие и самые близкие родственники твои. Жизнестойкость свою они наследовали от предков. Так не потеряй же традиции своего рода, сынок, это тебе — и привет, и заповедь ото всех близких и родных. Будь здоров, храбрый мой сын Ек! Пусть имя тебе будет Ек², пусть тугим будет твой лук!»

Сказав эти слова, старый батыр на аргамаче исчез.

Проснувшись, Ек откопал под деревом лук и стрелы, отыскал одинокого аргамача и, забравшись на него, поехал в сторону запада. Дело в том, что в ту пору западные башкиры платили дань Казанскому хану. Вскоре Ек сплотил вокруг себя западных башкир и запретил им платить дань. Не раз и не два приводил он в смятение казанских ханов, делая на них внезапные набеги вместе с подчиненными ему воинами. Его стрела никогда не запускалась бесцельно. Если он хотел попасть в глаз врага и оставить его слепым, то непременно бил в глаз. Если хотел выбить передние зубы, обязательно выбивал единым выстрелом. Иногда на охоте взбрело ему в голову лишить летящего гуся всего лишь единственного пера, и он сбивал с него именно это перышко; а то бывало, стрела его входила в одно ухо и вылетала в другое, если метил он в лису. И за это великое мастерство

стрельбы прозвали его Мэргэном, что значило — Меткий.

Имя Ек-Мэргэна зазвучало в песнях. Это имя заставляло многих батыров вскипать к нему черной завистью. Но встречаться с ним они боялись. Его неотразимой стрелы страшились также киргизские батыры³ за Уралом, именитые яицкие бии, атаманы Казанского ханства.

Прошли годы. Воды утекли. Однажды Казанский хан собрал сильное войско и двинулся походом на Ек-Мэргэна. Но тот не стал его дожидаться — вместе со своими испытанными и верными егетами выступил ему навстречу. Началась кровопролитная битва. Видит Ек-Мэргэн, как редеют, падая один за другим, ряды его воинов, и поневоле продвигается вперед, увлекаясь пылом битвы. Ханские ратники осыпали его градом стрел, но он их не ощущал. Долго сражался так Ек-Мэргэн, а потом обернулся, чтобы взглянуть на товарищей, и увидел, что все они лежат на земле. Тогда Ек-Мэргэн по собственной воле сдался на милость хана. Его увезли в город Казань. Там хан велел его запереть в большом каменном помещении.

Однажды прошел слух, что на озеро, куда хан выезжал на охоту, опустился одинокий лебедь. Хан велел созвать лучших своих стрелков, приказал им подстрелить лебедя, оставив его в живых, и перенести птицу на дворцовое озеро. Хан сам приехал со своими стрелками к озеру, но опасение, что любая стрела может уложить лебедя замертво, пугало его. Боялись этого и сами охотники, и никто не решался пустить свою стрелу в одинокую птицу — все боялись необузданного гнева владыки.

И тогда из рядов стрелков вышел один и сказал так: «О, наш султан, падишах! Для такого тонкого дела в нашем Казанском ханстве не родился еще человек. В городе же есть прославленный охотник, прибывший с берегов Агидели. Если он задумает выстрелить в коршуна и сбить с него одно единственное перо, то так и сделает. Его стрела никогда не выпускается попусту и не ошибается. Это ваше великое поручение может исполнить только он!»

И тогда хан велел привести Ек-Мэргэна и высказал ему свою просьбу.

Тот, узнав, что у казанского хана нет человека, способного выполнить столь простое дело, рассмеялся. Потом взял в руки серебряный лук и стрелу со стальным

наконечником и промолвил: «О хан, я считаю для себя позором стрелять в неподвижную птицу. Велите ее вспугнуть и, когда она взлетит, скажите, в какое место мне следует попасть. И тогда я покорно исполню вашу просьбу».

Хан поблагодарил молодого батыра за столь смелые слова и приказал сбить с лебедя три его самых толстых пера.

Сидящую на воде птицу вспугнули. Как бы чувствуя смертельную опасность, лебедь рванулся в небо, собрав свои последние силы. И в этот самый момент Ек-Мэргэн изо всех сил дернул тетиву своего лука. Через некоторое время три лебяжьих пера, плавно паря в воздухе, опустились на поверхность озера. Бедная птица, не в силах лететь дальше, тоже опустилась на берегу озера.

Пораженный меткостью и выдержкой егета, хан даровал ему свободу и отпустил его на родные берега Агидели.

До далеких стран и земель прославился Ек-Мэргэн как отважный воин и несравненный стрелок. После этого он возвратился на родовой стан Корос, к праху своих отцов.

КОММЕНТАРИИ

Комментарии содержат сведения:

I. Когда, кем, где и от кого (фамилия, имя и отчество, год рождения, профессия информатора) записан публикуемый текст; затем указывается место хранения рукописи (или машинописи) и публикации (печатные источники). Оговаривается, по какому источнику осуществлен перевод текста для публикации в настоящем издании.

II. О творческой личности выдающихся сказителей (сэсэнов и кураистов) и об их репертуаре.

III. О вариантах. В случаях, когда их больше десяти, указываются лишь районы распространения и место хранения рукописей или машинописей (архивные источники).

IV. Примечания-пояснения исторического, этнографического и стилистического характера.

Дополнениями к комментариям служат глоссарий и указатель эпических персонажей.

Принятые условные сокращения:

АЗ — Алдар и Зухра: Башкирский народный эпос / Сост., предис. и коммент. М. М. Сагитова. Уфа: Башкнигоиздат, 1986.

АЭ — материалы археографической экспедиции Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР.

ББС — Башкирские богатырские сказки / Сост., вступ. ст. и подготовка текстов и коммент. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова. Перевод с башкирского. Уфа: Башкнигоиздат, 1981, 1986.

БВС — Былых времен сказания: Башкирский народный эпос / Предисл., сост. и коммент. М. М. Сагитова. Перевод с башк. Г. Г. Шафикова. Уфа: Башкнигоиздат, 1979.

Бессонов — Башкирские народные сказки / Зап. и перевод А. Г. Бессонова. Под ред. проф. Н. К. Дмитриева. Уфа: Башкнигоиздат, 1941.

БНП — Башкирские народные песни / Сост., вступ. ст. и коммент. Х. Ф. Ахметова, Л. Н. Лебединского, А. И. Харисова. Уфа: Башкнигоиздат, 1954.

БНТ, 1954 — Башкирское народное творчество. Т. 1 / Сост., ред., предисл. и примеч. А. И. Харисова. Уфа: Башкнигоиздат, 1954 (на башк. яз.).

БНТ, 1959 — Башкирское народное творчество. Т. 2. / Сост., ред., предисл. и примеч. А. И. Харисова. Уфа: Башкнигоиздат, 1959 (на башк. яз.).

БНТ: Байты — Башкирское народное творчество: Байты / Сост. М. М. Сагитов, Н. Д. Шункаров; вступ. ст. М. М. Сагитова и Г. Б. Хусаинова; ответ. ред. Г. Б. Хусаинов. Уфа: Башкнигоиздат, 1978 (на башк. яз.).

БНТ: Песни, кн. 1 — Башкирское народное творчество: Песни, книга первая / Сост., вступ. ст. и коммент. С. А. Галина. Уфа: Башкнигоиздат, 1974 (на башк. яз.).

БНТ: ПЛ — Башкирское народное творчество: Предания и легенды / Сост., вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надршиной. Уфа: Башкнигоиздат, 1980 (на башк. яз.).

БНТ: Сказки, кн. 3 — Башкирское народное творчество: Сказки, книга третья / Сост. Н. Т. Зарипова и М. Х. Мингажетдинова. Уфа: Башкнигоиздат, 1979 (на башк. яз.).

БНТ: Эпос, кн. 1 — Башкирское народное творчество: Эпос, книга первая / Сост., вступ. ст. и коммент. М. М. Сагитова. Уфа: Башкнигоиздат, 1972 (на башк. яз.).

БНТ: Эпос, кн. 2 — Башкирское народное творчество: Эпос, книга вторая / Сост., вступ. ст. и коммент. М. М. Сагитова. Уфа: Башкнигоиздат, 1973 (на башк. яз.).

БНТ: Эпос, кн. 3 — Башкирское народное творчество: Эпос, книга третья / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. Т. Зарипова. Уфа: Башкнигоиздат, 1982 (на башк. яз.).

БНЭ: Башкирский народный эпос / Перевод Н. В. Кидайш-Покровской, А. С. Мирбадалевой и А. И. Хакимова. Сост. А. С. Мирбадалевой, М. М. Сагитова, А. И. Харисова. М.: Наука, 1977.

БПЛ — Башкирские предания и легенды / Сост., вступ. ст., коммент. Ф. А. Надршиной. Перевод с башкирского Г. Г. Шафикова и Ф. А. Надршиной. Уфа: Башкнигоиздат, 1985.

БРЛ, т. I — Башкирия в русской литературе в пяти томах. Том I / Сост., предисл., коммент. и библиогр. М. Г. Рахимкулова. Уфа: Башкнигоиздат, 1961.

БФ АН СССР — Башкирский филиал Академии наук СССР.
ж. — журнал.

Лебединский — Лебединский Л. Н. Башкирские народные песни и наигрыши, издание 2. М.: Изд. Музыка, 1965.

НА — Научный архив Башкирского филиала АН СССР.

оп. — опись.

Руденко — Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки / Отв. ред. Г. В. Юсупов. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1955.

РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР.

СЛ — Сказание о любви: Башкирский народный эпос / Сост., предисл и коммент. М. М. Сагитова. Перевод Г. Г. Шафикова и Т. Беляева. Уфа: Башкнигоиздат, 1983.

ф. — фонд.

ФФ БГУ — Фольклорный фонд кафедры башкирской литературы и фольклора Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября.

ЭБ — Эпос о батырах / Сост. М. Бурангул. Уфа: Башкнигоиздат, 1943 (на башк. яз.).

УРАЛ-БАТЫР

Записано в 1910 г. Мухаметшой Бурангуловым от популярных сэсэнов-кураистов Габита Аргынбаева (1856—1921) в дер. Идрисово и Хамита Альмухаметова (1861—1923) в дер. 2-е Иткулово Орского уезда Оренбургской губернии (ныне Баймакский р-н Башкирской АССР). Рукопись не сохранилась. Машинописная копия — НА, ф. 3, оп. 12, д. 233, лл. 1—144. Впервые опубликовано с некоторыми сокращениями в ж. «Агидель», 1968, № 8; многократно в хрестоматии по башкирской литературе для VIII кл. башк. школ. Научное издание — БНТ: Эпос, кн. 1, с. 33—134. В переводе на русск. яз. И. Кычакова, А. Мирбадалевой, А. Хакимова с сокращениями — в серии «Библиотека всемирной литературы»: Героический эпос народов СССР, т. I / Сост., вступ. ст. и примеч. А. А. Петросян. М.: Наука, 1975, с. 67—115; научный перевод в полном объеме — БНЭ, с. 265—372; художественный перевод Г. Г. Шафикова — Урал-батыр, Уфа: Башкнигоиздат, 1976, 1981, 1986.

В настоящем издании предлагается новый вариант перевода Г. Г. Шафикова. 4506 стихов данного сказания условно разделены на десять частей с аналитическими названиями.

М. Бурангулов старался точно зафиксировать особенности диалекта и стиля обоих сэсэнов. В своем неопубликованном труде «Башкирская народная поэзия» собиратель сообщил, что Габит Аргынбаев хранил в памяти много башкирских эпических сказаний и песен, исполняя их с большим мастерством. В течение 1910—1920 гг. М. Бурангулов многократно встречался с Габит-сэном и записал от него, кроме кубайра «Урал-батыр», еще ряд эпических произведений: «Идель и Яик», «Акбузат», «Кусьяк-бий», «Тамьян», «Батырша», «Карасакал», «Салават», «Хары мулла» («Желтый мулла»). — НА, ф. 3, оп. 12, д. 445, л. 263.

О кураисте Хамите Альмухаметове и его репертуаре никаких сведений не сохранилось.

Варианты:

I. Урал-батыр. — Сказочный вариант. Записан А. И. Харисовым в 1956 г. — БНТ, 1959, с. 13—19; ББС, № 1.

II. Урал. Записано студенткой Г. Сафаргалиной в 1984 г. в дер. Габбасово Зианчуринского р-на Башкирской АССР от Шамсии Сафаргалиевны Сафаргалиной, 1929 г. рожд. — ФФ БГУ. Записи 1984 года.

Текст представляет собой этиологический миф об образовании Луны и Уральских гор. В старину на небе светили якобы два солнца. Когда одно заходило, другое восходило. Это мешало одному баю, который любил спать. Однажды он объявил: кто поразит одно из солнц — тому выдаст свою дочь. Только Урал-батыр сумел справиться с задачей. От попадания его стрелы солнце расколосось на две части. Из одной части образовалась Луна. Другая упала на Землю и превратилась в горный массив, названный в честь батыра Урал-тау.

¹ Янбирде, Янбика — имена старика и старухи имеют символическое значение: Янбирде — Йәнбирзе (букв.: давший жизнь) и Янбика — Йәнбикә (букв.: душа-госпожа) — намекают на то, что они были зачинателями человеческого рода.

² По древним верованиям башкир, мифическое существо Смерть — Ажал (Әжәл) зримо появляется и лишает жизни людей и другие живые существа. По более поздним, исламским представлениям, эту роль выполняет по поручению всевышнего — аллаха — ангел смерти Газраил, который является к своей жертве в отличие от Ажал невидимо.

³ Нечто похожее отмечено исследователями у папуасов, дети которых должны соблюдать «табу» на мясную пищу до прохождения обряда инициации (см.: Меликсетова И. М. Встреча с Океанией 70-х годов. М., 1976, с. 22). По древнему поверью, человеку, выпившему кровь зверя и съевшему его сердце, переходила его сила и ловкость.

⁴ Здесь сохранились отголоски легенд о всемирном потопе. — См.: Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М.: Наука, 1985, с. 63—159.

⁵ В башкирской мифологии небесные тела в большинстве случаев изображаются антропоморфными существами, в частности, их представляли в женском облике. К Солнцу обращались «Кояш апай» — «Сестра-солнце», планета Венера представлялась в образе девушки по имени Зухра (Зәһрә) или Сулпан, Вечернюю зарницу называли Шафак (Шәфәк). Такие имена, как Кунбика — Көнбикә (букв. Госпожа-солнце), Кунхылу — Көнһылыу (букв. Солнце-Красавица), Сулпан, Зухра, Шафак или просто Юндуз — Йондоз (Звезда) — не редкость среди башкирок и поныне. Распространенными женскими именами являются и Айхылу — Айһылыу (букв. Красавица-Луна), Айгуль — Айгөл (букв. Лунный цветок), Айбика — Айбикә (букв. Госпожа-Луна). Вместе с тем в некоторых космогонических леген-

дах Ай (Луна или Месяц) представляется и в образе мужчины. Так, в легенде «Девушка и месяц» Луна представляется красивым джигитом, который, якобы, забрал к себе влюбленную в него девушку, шедшую с коромыслом по воду (См.: Руденко, с. 315; БПЛ, № 6). По-видимому, с этими представлениями и связано то положение, что Ай часто является составной частью и мужских имен. Например: Айбулат (букв. Лунный булат), т. е. самая крепкая сабля в форме месяца, Айтуган (родственник Луны), Айсук (Ясный месяц) и т. п.

⁶ Хумай (Умай) — образ мифической птицы («птицы счастья», «богини плодородия») широко распространен в фольклоре тюрко-монгольских и ираноязычных народов Средней Азии.

⁷ Белобородый (седобородый) старик — справедливый (праведный) старец, эпический и сказочный персонаж, часто встречающийся в тюрко-монгольском фольклоре. См. примеч. 6 к сказанию «Акбузат».

⁸ Мирное сосуществование всех живых существ на земле — древняя мечта народов мира.

⁹ У каждого племени древних башкир был свой отличительный знак — клич, дерево, птица и тамга. Вероятно, черный ворон был одним из тотемов.

¹⁰ Эпизод выбора жениха посредством вручения яблока (платка, перстня и т. д.) встречается в сказках и других произведениях устного творчества разных народов мира (БНТ: Сказки, кн. 2, №№ 3, 5; кн. 3, № 34; кн. 6, № 6 и т. д.).

¹¹ Здесь отразились этиологические предания, объясняющие причины появления у быка парных копыт и изогнутых рогов, а также утраты верхних зубов.

¹² По древним представлениям башкир, змей, достигший ста лет, называется аждахой, достигший тысячи лет — юхой. Юха может принять облик красивой девушки, джигита или животного и т. д. См. Руденко, с. 316.

¹³ По мифологическим представлениям башкир, существовала иерархия змеев-чудовищ, которая определялась числом голов. Чем больше голов, тем более могущественный змей. Это же давало ему право на старшинство среди своего рода.

¹⁴ Сынсы (һынсы) — человек, способный разгадать чужие мысли, ворожей. Раньше ханы и крупные беи держали при себе сынсы в качестве советников. В их обязанности входило также предсказание погоды по приметам, выбор из табуна лучшего коня.

¹⁵ Етеган (Етегән) — Семиззвездие, Большая медведица. В легендах и эпических произведениях, отражающих космогонические взгляды древних башкир, созвездие семи звезд объясняется как скопление семи дивов или семи волков, которые пытались в небесах поймать Акбузата, но не смогли. По некоторым преданиям, созвездие «Етеган» образовалось из семи девушек, которые взвились с высокой

горы в небо, убегая от погнавшегося за ними царя дивов. См.: БНТ: ПЛ, № 4.

¹⁶ Аналогичные примеры можно встретить и в греческой мифологии, которая связывает приручение животных с именем Прометей. «Прометей смирил для смертных дикого быка и надел на него ярмо, — рассказывает миф, — чтобы могли пользоваться люди силой быков, обрабатывая свои поля. Прометей впряг коня в колесницу и сделал его послушным человеку» (А. Н. Кун. Легенды и мифы Древней Греции. Свердловск, 1960, с. 96).

¹⁷ Мусаль — У кочевых народов древности, занимавшихся скотоводством, применялись лунные календари, а с переходом к земледелию люди стали пользоваться солнечными и лунно-солнечными календарями. Последний у восточных народов состоял из повторяющихся двенадцатигодичных циклов (мөсәл). Каждый год мусалья имел зооморфное название: год мыши, год быка (коровы), год барса (тигра), год зайца, год лу (дракона, рыбы), год змеи, год лошади, год овцы, год обезьяны (маймун), год курицы, год собаки, год свиньи.

¹⁸ Песня, по-видимому, привнесена в эпос самими сказителями, от которых он записан. Во всяком случае ее текст буквально повторяется в башкирских народных песнях «Курай» и «Йәмле Ағизел буйзары» («Прекрасные долины Агидели»).

¹⁹ Идель (Агидель), Яик, Нугуш, Сакмар — реки на Южном Урале, получившие эти названия, якобы, в честь сыновей Урал-батыра.

АКБУЗАТ

Записано в 1917 г. в дер. Бабаларово Куюргазинского (ныне Кумертауского) р-на БАССР М. Бурангуловым от Гатиатуллы Биккужина. Рукопись не сохранилась. Машинописный текст (латинская графика) — НА: ф. 3, оп. 12, д. 294, лл. 1—67. Оpubл.: ЭБ, с. 3—81; многократно в школьных хрестоматиях по башкирской литературе; научное издание — БНТ: Эпос, кн. 1, с. 145—186. В переводе на русский язык — Акбузат: Башкирский народный эпос / Перевод с башк. И. Кычакова и Г. Г. Шафикова. Уфа: Башкнигоиздат, 1972, 1976; научный перевод — БНЭ, с. 373—417.

В наст. томе публикуется перевод Г. Г. Шафикова.

Сведений о сказителе не сохранилось.

¹ В Бурзянском районе БАССР есть старинные аулы Иске-Тараул (Старый Тараул или Тарыуал, ныне Староусманово) и Янги-Тараул (Новый Тараул или Тарыуал, ныне Новоусманово). По местным преданиям, основателем аула Иске Тарыуал был старик Тараул (Тарауыл).

² По территории Бурзянского р-на протекает река Иргизлы. При ее впадении в реку Белую (Агидель) находится дер. Иргизлы. По местным преданиям, в древности на этом месте было кочевье Иргиз-бия, который подчинялся легендарному Масим-хану.

³ Кремневка — кремневое ружье. Еще в XVI в. башкиры занимались кустарным производством оружия, изготавливали железные наконечники для стрел, сабли, копья. С огнестрельным оружием башкиры познакомились лишь в первой половине XVII в., когда они участвовали в обороне границ Русского государства, в Крымском и Азовском походах русских войск конца XVII в. Однако царское правительство, боясь активного выступления ясачного населения, запрещало ему иметь оружие. Такое запрещение сохраняло свою силу и в XVIII в. (см.: Очерки истории Башкирской АССР, Уфа: Башкирское книжное издательство, 1956, т. I, ч. 1, с. 102).

⁴ Обычай проведения поминок на третий, седьмой, сороковой дни после смерти человека вошел в традицию башкир под влиянием ислама.

⁵ В сказаниях и сказках башкир и других народов герой, расставаясь на время с чудесным конем — тулпаром, обычно выдергивает три волоса из его хвоста или гривы (по совету самого коня). Чтобы вызвать к себе тулпара, герой подпаливает волосы, и конь тут же предстает перед ним. Этот мотив связан с древними тотемическими представлениями о родстве человека и животного и о том, что часть таинственно связана с целым. У древних башкир бытовало поверье о том, что волосы, взятые у животного, магически обеспечивают власть над ним. Поэтому, продавая скот, обязательно выдергивали пучок волоса, дабы сохранить кот — благополучие оставшегося у хозяина скота.

⁶ Хызыр (от араб. хидр — «зеленый») — легендарный пророк, святой старик, который помогает заблудившимся путникам. Фигурирует в эпосе и сказках тюркских народов (особенно часто в фольклоре народов Средней Азии и Ближнего Востока), изображается обычно в белой чалме и с длинным зеленым посохом в руке. Нередко называется «Хызыр-Ильяс», является покровителем героя, обездоленных сирот, оказывает чудесную помощь и влюбленным. Соответствует Илье-пророку у христиан.

⁷ Чувствуется, что текст здесь прерван: отсутствует логическая связь с последующим действием героя.

⁸ Яик — сын Урал-батыра. См. примечание 19 к сказанию «Урал-батыр».

⁹ Тукляс или Баба-Тукляс — традиционный персонаж в фольклоре тюркских народов. Он обычно имеет облик святого старца — защитника и покровителя благородного батыра, рода, сирот и обездоленных. В сказании «Акбузат» Тукляс назван батыром яицких башкир, т. е. башкир долины реки Яик (Урал).

¹⁰ Об Алмас-батыре других упоминаний в фольклорных и исторических источниках нет.

¹¹ По местным преданиям, распространенным в Бурзянском р-не Башкирской АССР, известная во всем мире пещера Шульген-таш

(Капова пещера) является конюшней небесного коня Акбузата, прорубленной в скале дивами.

¹² Здесь имеются в виду легендарные родоначальники пяти крупных башкирских племен — кыпсаков, катайцев, тамьянцев, юрматынцев и табынцев.

¹³ У башкир существовало поверье о том, что пот лошади и пена помогают при многих недугах, оберегают от змеев, от сглаза и от прочих злых сил. Удар плетки, пропитанной конским потом, считался смертельным для змей.

ЗАЯТУЛЯК И ХЫУХЫЛУ

Записано в 1964 г. в дер. Микяшево Давлекановского р-на БАССР М. М. Сагитовым от 74-летнего сэсэна Бикtimiра Валнуллина. — НА, ф. 3, оп. 63, д. 6, лл. 18—30. Оpubл.: БНТ: Эпос, кн. 1, с. 187—196; БНЭ, с. 206—215 (на башк. яз.), 418—427 (на русск. яз.); БВС. с. 15—17.

В настоящем томе публикуется уточненный перевод Г. Г. Шафикова.

Другие опубликованные варианты:

I. Даль В. И. Башкирская русалка. — В. И. Даль. ПСС. Т. VII. СПб. — М., 1898, с. 328—353; БРЛ, т. I, с. 211—230.

II. Суходольский Л. Легенда о Туляке. — ВИРГО, ч. 24. 1858, № 12, с. 65—72; «Оренбургские губернские ведомости», 1858, № 46, с. 123—126.

III. Рыбаков С. Г. Музыка и песни Уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1897, с. 143.

IV. Султанов С. Башкирское предание «Зоя-Туляк и Су-Сулу». — Самарская газета, 1902, № 83, с. 3—4.

V. Гафури М. Заятуляк и Сусылу. Уфа, 1910, с. 1—24 (на татар. яз.); БНТ: Эпос, кн. 1, с. 197—209.

VI. Заятуляк. Запись 1921 г. в дер. Абдряшево Зилаирского кантона (ныне Абзелиловского р-на БАССР) от кураиста Гали Магадиева, 1864 г. рожд. — НА, ф. 3, оп. 12, д. 294, лл. 22—28, 31—36; БНТ: Эпос, кн. 1, с. 215—222.

VII. Заятуляк. — ж. Октябрь (Уфа), 1938, № 6, с. 38—41.

VIII. Запись А. Н. Киреева в 1960 г. в Александровском р-не Оренбургской обл. — БНТ: Эпос, кн. 1, с. 210—214.

Имеется еще более двадцати неопубликованных записей, сделанных в башкирских селениях Оренбургской обл. (НА, ф. 3, оп. 21, д. 3, лл. 104—107, 108—111, 112), в Бурзянском, Зилаирском, Зианчуринском, Хайбуллинском, Альшеевском, Давлекановском, Стерлибашевском районах БАССР. — НА, ф. 3, оп. 12, д. 294, лл. 22—28, 31—36, 37—43; д. 295, лл. 64—74; оп. 47, д. 1, лл. 2—5, 6—9, 10—11; оп. 65, д. 2, лл. 30—36; оп. 65, д. 7, лл. 25—28; ф. 59, оп. 1, д. 36, лл. 64—65; ФФ БГУ, д. 77, лл. 7—10; д. 37, лл. 15—16; д. 29, лл. 1—7;

д. 143, лл. 156—171; РФ ИИЯЛ, АЭ, 1974, с. 143—149, АЭ, 1980, лл. 9—12.

¹ По преданиям башкир, озеро Асылы вздымается и выходит из берегов в двух случаях: когда люди причиняют озеру вред, то его дух (хозяин — эйә) сердится и в отместку затопляет всю окрестность водой, или тогда, когда подводный царь хочет предупредить людей о грозящей большой беде. См. предисловие В. И. Даля к публикации своей записи «Башкирская русалка».

² Раньше башкирские деревни, кочевья основывались обычно в долинах рек, у озер. Люди, чтобы узнать человека, откуда он родом или из каких он мест, обычно спрашивали, воду какой реки или озера он пьет.

АКХАК-КОЛА

Записано в 1960 г. в дер. Кулманово Люксембургского р-на Оренбургской обл. А. Н. Киреевым (Кирей Мэргэном) от Гибадуллы Агишева, 1876 г. р. — НА, ф. 3, оп. 21, д. 3, лл. 58—65. Оpubл.: БНТ: Эпос, кн. 1, с. 223—228; в переводе на русск. яз. — БНЭ, 449—454; БВС, с. 39—49.

Другие опубликованные варианты:

I. Запись М. Бурангулова в 1907 г. в дер. Верхне-Ильясово Бузулукского уезда Самарской губернии (ныне Люксембургский р-н Оренбургской обл.) от сэсэна Хасана Бурангулова. — БНТ: Эпос, кн. 1, с. 229—233.

II. Запись Г. Сулейманова в 40-е гг. в дер. Большебасаево Баймакского р-на БАССР от известного кураиста Карима Диарова. — БНТ: Эпос, кн. 1, с. 233—238.

III. Запись Г. Сулейманова в 1943 г. в дер. Темясово Баймакского р-на БАССР. — БНТ, 1954, с. 192—193; БНТ: Песни, кн. 2, с. 163—164.

IV. Запись М. М. Сагитова в 1971 г. в г. Уфе от Зайнап Зубаировой, 1905 г. р. — БНТ: Эпос, кн. 1, с. 238—243.

Неопубликованные записи сделаны в башкирских селениях Оренбургской обл. (НА, ф. 3, оп. 21, д. 3, лл. 54—58, 66—71, 72—80, 81—85, 92—94; ФФ БГУ, Материалы фольклорной экспедиции 1983 г., лл. 79—81), в Баймакском р-не БАССР от К. Ильбаева (ФФ БГУ, Материалы фольклорной экспедиции 1965 г.), в Бурзянском р-не БАССР от М. Кадыргулова — личный архив фольклориста А. М. Сулейманова.

КАРА-ЮРГА

Записано в 1907 г. в дер. Верхне-Ильясово Бузулукского уезда Самарской губернии М. Бурангуловым от сэсэна Хасана Бурангулова. Оригинал записи не сохранился. Оpubл.: БНТ: Эпос, кн. 1,

с. 244—258; в переводе на русск. яз. БНЭ, с. 428—442; БВС, с. 83—120. Здесь публикуется перевод Г. Шафикова.

Другие опубликованные варианты:

I. Запись А. Н. Киреева в 1960 г. в дер. Каипкулово Оренбургской обл. от Усмана Сайтова, 1898 г. р. — БНТ: Эпос, кн. 1, с. 259—264; БНЭ, с. 455—473.

II. Лоссиевский М. В. Из суеверий и легенд мусульман Оренбургского края. — Оренбургский листок, № 38, с 2—3.

III. Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерками их быта. — СПб., 1897, с. 138.

IV. Уммати Зия. Башкирские и татарские песни и байты. — Уфа, 1909 (на татар. яз.).

V. Мирасов Сагит. Образцы художественной литературы периода башкирских биев и ханов. — ж. Сэсэн, 1928, № 11, с. 11—12 (на башк. яз.).

VI. Запись Г. Сулейманова в 1943 г. в дер. Темясово Баймакского р-на БАССР от Бикбирдина. — БНТ, 1954, с. 292; БНТ: Песни, кн. 1, с. 165.

Неопубликованные записи сделаны в башкирских селениях Оренбургской обл. (НА, ф. 3, оп. 21, д. 3, лл. 113—124, 125—126), в Баймакском, Зианчуринском р-нах БАССР. — ФФ БГУ, материалы фольклорной экспедиции 1965, 1966 и 1977 гг.

¹ У кочевых скотоводческих народов существовал обычай держать при себе, поблизости самого лучшего коня-скакуна.

КОНГУР-БУГА

Записано в 1969 г. в дер. Аскароро Абзелиловского р-на БАССР Рашифом Шакуровым от Мугаллима Мирхайдаровича Мирхайдарова, 1900 г. рожд. — БНТ: Эпос, кн. 1, с. 274—292; БНЭ, с. 455—473; БВС, с. 83—120.

Другие опубликованные варианты:

I. Игнатъев Р. Г. Канур буга. — Оренбургские губернские ведомости, 1865, с. 218—219. В варианте рассказывается о переходе Конгур-буги во главе стада коров по Уральскому хребту, даются сведения о названиях местности.

II. Валид Батыр. Конгур-буга. — Батыр Валид. Годы мои — песни мои. — Уфа, 1965, с. 30—31 (на баш. яз.). Литературная обработка поэтической части сказания.

III. Запись песенной части в 1938 г. в дер. Исмакаево Белорецкого р-на БАССР Г. Саямом от Нугмана Тайбанова. — БНТ, 1954, с. 193, легендарная часть в кратком пересказе — в комментариях, с. 291; то же — БНП, с. 98—99.

IV. Запись М. Бурангулова в 1907 г. в дер. Верхне-Ильсово Бузулукского уезда Самарской губернии от Хасана Бурангулова. — БНТ: Эпос, кн. 1, с. 265—273.

V. Запись А. Н. Киреева в 1960 г. в дер. Кулманово Люксембургского р-на Оренбургской обл. от. Гибадуллы Агишева, 1876 г. р. — БНТ: Эпос, кн. 1, с. 293—296.

Неопубликованные записи: НА, ф. 3, оп. 12, д. 294, лл. 13—14 (запись М. Бурангулова без паспорттики), лл. 15—17 (запись 1938 г. без паспорттики), лл. 18—19 (без паспорттики); там же, ф. 3, оп. 21, д. 3, лл. 132—134; оп. 21, д. 6, лл. 49—50 — оба текста записаны А. Н. Киреевым в Люксембургском и Медногорском р-нах Оренбургской обл.; там же, ф. 3, оп. 26, д. 2, лл. 1—303 — запись самого информатора М. М. Мирхайдарова (см. паспорттику публикуемого текста) с широкими историческими, этнографическими и лексическими толкованиями; ФФ БГУ, д. 194, лл. 218—223 — запись 1981 г. в дер. Тавакачево Архангельского р-на БАССР от Рахимы Хисматуллиной, 1903 г. рожд.

¹ По историческим сведениям, древние гуннские кочевые племена (гунны) жили в III—II вв. до н. э. на территории современной Монголии и в Южном Прибайкалье и образовали сильный военно-племенной союз. По китайским источникам, это объединение известно под названием «Хунну». В I в. н. э. начинается «великое переселение» гуннов на запад. Они увлекают за собой и другие племена. Во II в. гунны доходят до Волги, проникают в Донские степи. Многие лингвисты и археологи полагают, что гунны и хунны были тюркоязычными племенами. В башкирском эпосе «Конгур-буга» гунны названы хуннскими тюрками (һун төрөктәре) и изображены как завоеватели.

² По поверью древних башкир-скотоводов, в каждом табуне лошадей или стаде коров имелось одно животное, в котором заключалось благополучие, плодовитость всего табуна или стада.

³ Вершины горы Матери Дивов (Дейеү инәһе) и Бисуры, согласно сказанию, находятся на Южном Урале.

АЛПАМЫША

Записано М. М. Сагитовым в 1968 г. в дер. Новомусятово Бурзянского р-на БАССР от Кулдавлетовой Уммухаят Яныбаевны, 1982 г. рожд. — БНТ: Эпос, кн. 2, с. 26—36. В переводе на русск. яз. — АЗ, с. 17—46. Здесь публикуется перевод Г. Шафикова.

Другие опубликованные варианты:

I. Запись А. Г. Бессонова в конце XIX — начале XX века. — Бессонов, № 19.

II. Запись М. Бурангулова от сәсәна Хасана Бурангулова под названием «Шестилетний Алпамыша» («Алты йәшәр Алпамыша») — НА, ф. 3, оп. 12, д. 218, лл. 127—132; БНТ: Эпос, кн. 2, с. 37—41.

III. Запись С. Мирасова. — ж. Сәсән, 1928, № 11—12, с. 10—11.

IV. Запись А. Н. Киреева в 1938 г. в дер. Старомунасиново Бурзянского р-на БАССР от сәсәна Хайруллы Ишмурзина под назва-

нием «Алп-батыр». — БНТ, 1959, с. 155—156; БНТ: Сказки, кн. 3, № 1; ББС, № 2.

V. Сводный вариант, составленный А. Н. Киреевым. — ж. «Эдэби Башкортостан», 1956, № 8.

VI. Запись С. Ф. Миржановой в 1971 г. в дер. Салихово Кугарчинского р-на БАССР от Нагимы Байгазаковой, 1917 г. рожд. — БНТ: Эпос, кн. 2, с. 42—59.

Имеется еще более двадцати вариантов, записанных в башкирских селениях Оренбургской, Саратовской и Куйбышевской областей, в Абзелиловском, Аургазинском, Бурзянском, Давлекановском, Зианчуринском, Зилаирском, Краснокамском и Кугарчинском р-нах БАССР. — НА, ф. 3, оп. 12, д. 247, лл. 174—182; оп. 21, д. 3, лл. 19—26, 27—34, 35, 36—42, 43—45, 46—53; д. 6, лл. 20—22, 23—25; оп. 65, д. 7, лл. 1—5, 6—9; д. 8, лл. 6—16, 17—19; оп. 73, д. 68, лл. 106—107; ФФ БГУ, ед. хр. 10, лл. 345—367; ед. хр. 138, лл. 543—562; ед. хр. 194, лл. 1—2; Материалы экспедиции 1965 г., ч. 1, лл. 158, 165.

УЗАК-ТУЗАК — ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОДА БАЛАБАШНЯКОВ¹

Записано на магнитофонную пленку в 1981 г. Н. Д. Шункаровым от Рашита Мингажевича Ахтарова, 1931 г. рожд., в дер. Юнусово Мечетлинского р-на БАССР. — Кабинет фонозаписи ИИЯЛ БФ АН СССР, инв. № 4279, рукопись — НА, ф. 3, оп. 73, д. 68, лл. 91—105. Оpubл. в ж. «Агидель», 1982, № 4, с. 122—125, В переводе на русский яз. Г. Шафикова — В кн.: Башкирский фольклор: исследования последних лет. Уфа, 1986, с.

Запись 1980 г. студенткой З. Яйкаровой-Казыевой от того же сказителя — ФФ БГУ, запись 1980 г.

Р. М. Ахтаров (род. в 1931 г. в семье учителя, образование высшее, филологическое) еще в период учебы в Башгосуниверситете занимался собиранием башкирского фольклора. Сказка «Ишяле и Суябика» в его записи опубликована в БНТ, 1959, с. 109—111, перепечатана в БНТ: Сказки, кн. 1, № 82. Вместе с тем Р. Ахтаров является и носителем фольклорных традиций своего края. Он сообщил Н. Д. Шункарову, что ему в разные годы приходилось слышать сказание об Узак-Тузак в исполнении сказителей Мечетлинского района: старика Мухаматуллы и старухи Гайниямал в дер. Ишяле, Загафурана Загидуллина (1880 г. р.) в дер. Аюпово, Юсупа Мухамадеева (1884 г. р.) в дер. Абдрахимово и Галляма Сибагатуллина в дер. Айгырьял Белокатайского р-на. Но лучше и наиболее цельно запомнил он поэтический текст, рассказанный конюхом Загафуранбабаем Загидуллиным, с которым они, деревенские мальчишки, выезжали в ночное и он часто слушал его сказки и сказание «Узак-Тузак — последний из рода Балабашняков».

¹ В сказании различаются две группы башняков: балабашняки — малые печенеги и олобашняки — большие печенеги.

Печенеги (башняки), родственные огузским и куманским племенам, известны по письменным источникам со второй половины I тысячелетия нашей эры. Печенежские племена рассеялись на огромной территории от предгорий Алтая на востоке и до Балкан на западе. Они сошли с исторической арены в XI в. Печенеги принимали участие в формировании ряда тюркоязычных и славянских народов, а также венгров.

С печенежско-огузским миром тесно связано происхождение башкирских племен айле, туркмен, кудей и др. См.: Кузеев Р. Г. Урало-Аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и формирование башкирской народности. — В кн.: Археология и этнография Башкирии. Т. IV, Уфа: Башкнигоиздат, 1971, с. 237—238.

² Балаусаны — вероятно, кипчаки (половцы).

КУЗЫКУРПЯС И МАЯНХЫЛУ

Записано в 1938 г. в дер. Таскино Кунашакского р-на Челябинской обл. башкирским поэтом Г. Саямом от матери Уммугульсум Галимовой, 1891 г. рожд. Опубликовано в сб.: Башкирские народные сказки. Уфа: Башкнигоиздат, 1939 (на башк. яз.). Научное издание — БНТ: Эпос, кн. 2, с. 124—140. В переводе на русск. яз. — СЛ, с. 47—92. Публикуется по этому изданию.

Опубликован еще вариант, записанный в 1959 г. А. Н. Киреевым в дер. Сарт-Абдряшево Сафакулевского р-на Курганской обл. от 118-летней сказительницы Бадерниси Афлятуновой. — НА, ф. 3, оп. 21, д. 1, лл. 1—14; ж. «Агидель», 1962, № 6, с. 85—91; БНТ: Эпос, кн. 2, с. 141—150.

В фольклорных фондах республики имеется еще около сорока записей, сделанных в башкирских селениях Курганской, Челябинской, Оренбургской, Куйбышевской и Саратовской областей и Баймакском, Бурзянском, Зианчуринском, Зилаирском, Ишимбайском, Салаватском, Учалинском, Хайбуллинском районах БАССР — НА, ф. 3, оп. 32, д. 31, лл. 44—45, 56—76; оп. 12, д. 203, лл. 3—7; оп. 21, д. 1, лл. 1—15, 110—112; оп. 21, д. 3, лл. 135—141, 142—144, 146—149, 150—156; оп. 21, д. 6, лл. 40—44, 45—48, 141—145; оп. 21, д. 8, лл. 21—25, 26—31, 32—34, 35—39; оп. 65, д. 7, лл. 17—21; ф. 59, оп. 1, д. 36, лл. 60—63; ФФ БГУ, ед. хр. 26, лл. 64—86; ед. хр. 87, лл. 60—61; Материалы экспедиции 1963 г., ч. 1, лл. 75—79; ед. хр. 194, лл. 13—16, 30—38, 148—170.

¹ В башкирском фольклоре олень (олениха) часто изображается покровителем сирот и обездоленных. Он выступает также покровителем рода, спасает людей, попавших в беду. Белый олень считается символом благополучия. В легенде олень помогает спасти солнце от старухи-обжоры (убыр эбей): БПЛ, № 95.

² «Семь раз откушу, один раз проглочу» («Ете кабып бер йотам») — мифический образ чудовищного волка. В эпосе «Урал-ба-

тыр» созвездие Большая Медведица (Етегән) образовалось из семьи дивов, которые, превратившись в волков, в небе преследуют тулпара Акбузата (см. примеч. 15 к «Урал-батыру»).

³ По древним верованиям и суевериям башкир, крылья мифического летящего тулпара никто не должен видеть, ибо конь может погибнуть от сглаза. Обычно тулпар расправлял крылья в темноте. Поэтому башкиры при приближении ночью к табуну давали голосом знать о себе. Так, герой легенды «Туратский косогор», чтобы посторонние люди не сглазили его крылатого скакуна, держал его в шатре. Свояченицы нарушили его запрет: вошли к тулпару без оповещения. Тулпар не успел прибрать свои крылья и умер. (БПЛ, с. 18). В сказаниях перед тем, как раскрыть крылья и взлететь, конь предлагает герою закрыть глаза и открыть только тогда, когда будут преодолены все трудности пути.

⁴ У башкир был очень развит культ матери. Существовало поверье: если мать, распустив волосы, плача, проклинает своих непутевых детей, то последние либо погибнут (легенда «Гора старухи Бухар», зап. в 1970 г. в дер. Байназарово Бурзянского р-на БАССР А. М. Сулеймановым от Юмагужи Амирханова, правнука старухи Бухарбики, проклинавшей своих детей, кроме самого младшего, Амирхана. Личный фонд собирателя), либо превращаются в птиц и улетают из дома (см. баит «Сак-Сук». — БНТ: Баиты, с. 37—42). Считалось, что проклятие матери невозможно снять человеку не только при жизни, но и после смерти. Поэтому каждый старался заслужить и получить благословение матери, почитал ее.

⁵ См. примеч. 4 к сказанию «Акбузат».

⁶ В Кунашакском р-не Челябинской обл. у дер. Мур находится озеро Маян. По местным преданиям, на берегу этого озера погребены Маянхылу и ее возлюбленный Кузыкурпяс.

КУЗ-КУРПЯЧ

Своеобразная версия сказания «Кузыкурпяс и Маянхылу» издана в 1812 г. Тимофеем Беляевым в типографии Казанского университета под названием «Куз-Курпяч, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на российский в долинах гор Рифейских, 1809 года». Перепечатано: БРЛ, с. 346—422; СЛ, с. 93—261, в обратном переводе на башк. яз. с некоторыми сокращениями — Кузыкурпяс / Редакция Ахнафа Харисова. Переводчики Баязит Бикбай и Нажип Идельбай. — Уфа, 1965. Научное издание — БНТ: Эпос, кн. 2, с. 60—123.

В наст. томе публикуется по изданию 1812 г. с сохранением предисловия, послесловия Тимофея Беляева, а также «Приношения курайча». Постраничные примечания Т. Беляева перенесены в наст. комментарии.

В трудах В. В. Вельяминова-Зернова, Л. И. Климовича, А. Н. Киреева, А. И. Харисова, С. А. Галина, М. А. Мамбетова Т. Беляев считался переводчиком и комментатором текста. Новые поиски доц. БГУ М. Г. Рахимкулова привели к иной оценке его роли. Он полагает, что «курайча» (или сказитель, сэсэн), написавший «башкирскую повесть», и ее переводчик — одно и то же лицо, т. е. Тимофей Беляев. См.: Рахимкулов М. Г. Встречи с Башкирией. Уфа: Башкнигоиздат, 1982, с. 162, 168; его же, Любовь моя — Башкирия. Уфа: Башкнигоиздат, 1985, с. 308, 314.

Другой вариант данной версии под названием «Корман-батыр» записан в 1961 г. в дер. Бейсово Архангельского р-на БАССР Н. Д. Шункаровым от 56-летней Закии Кутлуахметовой. — НА: ф. 3, оп. 61, д. 2, лл. 8—11. Текст состоит из прозы и из двух строф стихов, публикуется в III томе («Богатырские сказки») настоящего издания.

¹ Курайчи (курайсы) — кураист, тот, кто играет на курае — национальном духовом музыкальном инструменте из тростника. В своем примечании Т. Беляев правильно охарактеризовал общественную роль кураистов в башкирской действительности: «Курайчи были у башкирцев то же, что в древности у греков песнопевцы, которые до изобретения письмен слагали песни на достопамятные происшествия и похвалу героев своих и передавали оные потомству».

² Сын Осмиродца — в значении «башкир», представитель восьмого башкирского рода. Известно о существовании на Южном Урале в эпоху ногайского господства или раньше союза семи башкирских племен — ете ырыу. (См.: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974, с. 115—116). Историческое предание «Семьрод—ете ырыу», записанное М. Бурангуловым в 1920 г. от сэсэна Хамита Аргынбаева. — БНТ: Эпос, кн. 3, с. 149—153.

В статье «Башкирская повесть крепостного грамотея» М. Г. Рахимкулов, основываясь на комментарии академика В. В. Вельяминова-Зернова к шестому академическому тому сочинений Г. Р. Державина (СПб., 1871, с. 250), а также на основе логического анализа переписки Н. И. Тимашева с Г. Р. Державиным и «Приношения курайча», пришел к убедительному выводу о том, что «Сын Осмиродца» — это не кто иной, как Н. И. Тимашев, оренбургский губернский прокурор, богатый помещик, господин Т. Беляева (Рахимкулов М. Г. Моя любовь — Башкирия, с. 311). Т. Беляев мог назвать своего господина «сыном Осмиродца» не только из своего уважения к нему, но и из желания возбудить уважительное отношение самого Н. И. Тимашева к «башкирцам», к их духовной культуре. Об этом в известной степени свидетельствуют вторая и седьмая строфы «Приношения курайча».

³ В подлиннике написано: «Мне радостней питательного лета», означая тем радость свою, что по претерпении зимней стужи и го-

лода, начинают пить кумыс, т. е. кобылье заквашенное молоко. (Примечание Т. Беляева).

⁴ Кош, аул или кочевье, называется то место, где степные народы провожают лето в переносных, кошмами покрытых решетках или кибитках. (Примечание Т. Беляева). «Кош» скорее всего означает кочевье и произошло от «күс» — место кочевания. «Кош», возможно, образовалось от «кыуыш» (шалаш).

⁵ Раньше, до Октябрьской революции, башкиры казахов часто называли киргизами или кыр-казаками.

⁶ Караташ — Гора сия называется так по большому черному камню, на ней лежащему. (Примечание Т. Беляева). В Абзелиловском р-не БАССР имеется гора такого названия.

нам никогда. (Примечание Т. Беляева).

⁷ Здесь описывается обычай барымты (см. словарь).

⁸ Салям — приветствие, делаемое только мужчинам, а женщины-

⁹ Мусульмане верят предопределению таким образом, что всякому мусульманину есть определенное число лет жизни и определенное количество пищи. Первое называется аджаль, а последнее нафьяка. И когда умирает мусульманин, то обычно говорят: аджаль его исполнилась и нафьяка кончилась. (Примечание Т. Беляева).

¹⁰ В издании 1812 г. здесь стихи разделены звездочками, что, однако, противоречит логике.

¹¹ Башкирцы верят, что чародеи могут снова оживать, если тела их не истребятся огнем. (Примечание Т. Беляева).

¹² Знамение магометово — Луна. (Примечание Т. Беляева).

¹³ Путь, по которому Магомет проезжал на златорогом овне, — Млечный путь. (Примечание Т. Беляева).

¹⁴ Из четырехлетних кобылиц сих лет кобылы почитаются у башкирцев лучшей пищей. (Примечание Т. Беляева).

¹⁵ Добродушные семиродцы — башкиры, вошедшие в союз семи башкирских племен. См. примечание 2.

¹⁶ Куз-Яшляр — слезы. В данном случае означает глубокую реку или беспокойное («волнующееся») озеро, образовавшееся из слез матери, которое невозможно переплыть. (См. примечание 4-ое к Кузашакской версии сказания о Кузыкурпясе и Маянхылу).

¹⁷ Башкирцы почитали славою и молодечеством убивать свирепых зверей; и чем сильнее и свирепее был такой зверь, тем больше приносил чести зверолову. (Примечание Т. Беляева).

¹⁸ Силкин, итым, силкин (һелкен, этем, һелкен) — отряхнись, моя собака, отряхнись.

¹⁹ Курмак — кушанье из пшена, приправленное маслом и куркутом. (Примечание Т. Беляева).

²⁰ Бурзян (Бөрйән), Усярган (Уҫәргән), Тамьян, Кыпчак (Кыпсак), Бушмас, Кара-Кыпчак (кара кыпсак), Тенгаур (тәнгәүер) — башкирские племена и роды (см. примечание 2). В башкирском эпо-

се племена и роды обычно называются по имени легендарного родоначальника.

²¹ Магомет ... предположит поработить их единовластием белого хана — имеется в виду присоединение Башкирии к Русскому государству, что произошло в 1555—1557 гг. по просьбе самих башкирских родов.

²² Бурзянцы — башкирцы. (Примечание Т. Беляева).

²³ Вдовствующая падиша, великою наименованная — имеется в виду Екатерина II.

²⁴ ... возродится изуверство, к которому и сей мятеж приобщится — имеется в виду Крестьянская война 1773—1775 гг. под водительством Е. И. Пугачева, в которой башкиры приняли активное участие во главе с Салаватом Юлаевым. Политическая интерпретация исторических событий XVIII в., продемонстрированных Мяскай на волшебной доске-экране, не соответствует идейному содержанию сказания. «За многознающей, но неправильно оценивающей общественные явления Мяскай, — писал А. И. Харисов, — стоит не свободолюбивый башкирский народ с его бодрым мироощущением, а феодальная верхушка и испытавший ее влияние кураист, ... и, наконец, переводчик Тимофей Беляев.» (Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа ...», с. 95).

²⁵ ... на двух вертящихся кругах — башкирцы употребления колес тогда еще не знали. (Примечание Т. Беляева).

²⁶ Речь идет о генерал-губернаторе И. И. Неплюеве, который по указу Екатерины II усердно строил укрепленные линии и крепости по реке Яик.

²⁷ Имеется в виду город Оренбург, построенный на караванном пути из России в Среднюю Азию.

²⁸ К*** — речь идет о деятелях культа и купцах. Относительно этого, очень показательного диалога между Мяскай и Куз-Курпячем А. И. Харисов делал справедливое замечание: «... Хотя суть критической мысли Мяскай в данном случае объективно отражает взгляды простого человека, тем не менее эта резкая, разоблачающая мусульманство критика не может быть отнесена к авторству народа, творца эпоса. Едва ли подобное осуждение духовенства и татарских купцов можно считать также за творчество кураиста, записавшего эпос в своей редакции. Столь острая критика, высказанная Мяскай, по существу не ограничивается только осуждением «плохих» мусульман, у которых «аллах — корысть», «вера — обман», она всерьез задает и исламскую религию. По всей вероятности, здесь устами Мяскай говорит переводчик Беляев, выступая в данном случае с монархической и христианско-миссионерской позиции.» (Харисов А. И. Указанная работа, с. 97—98).

²⁹ Река С**** — река Сакмара.

³⁰ Караван-Сарай — постоянный двор, построенный в Оренбурге в середине XIX в. на средства башкир.

³¹ Башкирцы верят, что конский глаз никакое волшебство очаровать не может. (Примечание Т. Беляева).

³² В старину думали, что у молодого мужчины и девицы делалось сострастие оттого, когда пили воду из одного ручья. (Примечание Т. Беляева).

³³ Сие действие в подлиннике описано стихами. (Примечание Т. Беляева).

³⁴ Древнее башкирское мнение было, что у добродетельных были белые, а у порочных черные кости. (Примечание Т. Беляева).

АЛДАР И ЗУХРА

Рукопись сказания в русском переводе под названием «Мои вечера. Сказки башкирские» обнаружена в 1961 г. в рукописном отделе Ленинградской библиотеки им. М. А. Салтыкова-Щедрина в личном фонде Р. Г. Игнатьева М. Г. Рахимкуловым. Фотокопия рукописи — в Научной библиотеке Башкирского филиала АН СССР: ф — 107808. Оригинал сказания на башкирском языке не известен. Впервые опубликовано в обратном переводе на башк. яз. Рами Гарипова с характерным для башкирского народного эпоса названием «Алдар и Зухра» в кн.: БНТ: Эпос, кн. 2, с. 151—292. На русск. яз. — АЗ, с. 13—206.

В 1870-е годы Р. Г. Игнатьев (1829—1886) собирал на Южном Урале, в Троицком и Верхнеуральском уездах, рукописные книги. Некоторую часть найденных рукописей он опубликовал в пересказе на русском языке в работе «Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края» (Записки Оренбургского отдела Русского географического общества, 1875, выс. 3). Рукопись же «Мои вечера...» поступила в библиотеку, по-видимому, в 1887 г. вместе с другими рукописями Р. Г. Игнатьева после его смерти. Об этом свидетельствует надпись на последнем листе: «В оной рукописи сто тридцать шесть (136) листов. Библ.». (Подпись неразборчива). Там же на правом углу косо: «1887» и под черточкой — «№ 96».

По-видимому, еще до поступления в библиотеку не было начальных и последних страниц рукописи: пагинация 136 листов (исписанных начиная с 3 листа с обеих сторон) сделана библиотечным работником; текст сказания начинается на странице 3а.

Текст написан каллиграфическим почерком, содержит орфографические и пунктуационные ошибки, а также стилистические шероховатости. В настоящем издании орфографические и пунктуационные ошибки исправлены. Стилистические изменения внесены только в самых необходимых случаях. Транскрипция башкирских имен и названий приведена в соответствии с современными научными требованиями.

¹ От переводчика — без оглавления помещено на отдельном (втором) листе.

² Вития — в рукописи без отрицательной частицы «не», что нарушает логику всего предложения.

³ Бахметев — так в рукописи. Н. Н. Бахметьев — оренбургский генерал-губернатор в 1798—1803 годы.

⁴ Кайлус — видимо, неправильное написание башкирского слова «көйләүсе», что означает исполняющий напевом.

⁵ Шехразада (Шахразада, Шехерезада) — мудрая девушка — героиня арабских сказок «Тысяча и одна ночь», спасшая себе и другим девушкам жизнь, рассказав злему царю сказки в течение тысячи одной ночи.

⁶ Астындаминькымнин (кемден кул астында мин) — под чьим покровительством или под покровительством которого.

⁷ Вынесен на отдельный (третий) лист как эпиграф. К фамилии Державина дана следующая сноска: Певец Фелицы сказал: Как луч потомству сообщу. Но я сказки мои не считаю лучом и не хочу предать оные потомству, а только тебе Единому.

⁸ Текст рукописи разделен на 56 «вечеров», что, однако, не имеет композиционного значения. Но это, как и упоминание имени героини арабских сказок «Тысяча и одна ночь» дают основание утверждать, что переводчик-интерпретатор был хорошо знаком с восточной литературой. В настоящем издании нумерация «вечеров» сохранена. Постраничные примечания перенесены в комментарии с пометкой в скобке «Примечание переводчика».

⁹ Четвертый лист рукописи, помеченный в пагинации литером «За», начинается с последнего слова предыдущего предложения «равными».

¹⁰ Башкирцы думают, что есть злобные духи, которые видимо и невидимо нападают на мусульманина, превращаясь в человека, зверя, птицу и змея, что они могут посягать, иметь детей и быть убиваемы от мусульманов. (Примечание переводчика).

¹¹ С. Пророк — святой пророк. Имеется в виду Магомет.

¹² Батыр на коне, вооруженный с головы до ног, своим внезапным появлением, добрым советом напоминает образ святого старца Хызыр-Ильяса. См. примечание 6 к сказанию «Акбузат».

¹³ Зухра — имя героини в оригинале транскрибировано неверно «Джюгра».

¹⁴ По старинному обычаю башкир и других тюркских народов, сваренная баранья голова и жирная грудинка подавались самым уважаемым людям.

¹⁵ Башкиры обычно летом ездят на жеребцах. И когда путь недалек, приехав в гости, расседлают жеребца, снимают узду и пускают, а он возвращается домой к своему косяку. Хозяин дает гостю также жеребца. Гость, вернувшись, отпускает его на волю, тот тоже возвращается к своему косяку. (Примечание переводчика).

¹⁶ Мало говорит... — У мусульманских народов говорливость женщины считалась признаком невоспитанности.

¹⁷ Давлетли-Куш (дәүләтле кош) — птица счастья. Примечание переводчика: Башкиры верят, что есть милостивые птицы, которые помогают в нуждах и бедах; они иногда говорят человеческим языком.

¹⁸ Дагуат — молитвенная книжка, которую мусульмане носят на себе под левой подмышкой. Они думают, что сие деяние спасает их от болезней и злых сил. (Примечание переводчика).

¹⁹ Авлия — сим именем называют святых и угодливых богу пустынников, которые иногда являются мусульманам, подавая благие советы. (Примечание переводчика).

²⁰ Кашмау (в рукописи «кажбов») — старинный головной убор у незамужних женщин.

²¹ Почтенная наша родственница — по учению ислама, все мусульмане являются друг другу родственниками.

²² Башкиры считают за неучтивость поданную им чашу кымыза выпить, не поднеся прежде ее хозяину: иногда гость просит, чтобы всю выпил сам, а ему подал другую. (Примечание переводчика).

²³ По обычаю ли то, или по закону магометанскому, женщины никакой скотины не режут. (Примечание переводчика).

²⁴ Джинн (йыйын) — сборище, пиршество. Пиршества, на которые созываются из разных и из дальних аулов башкиры, кроме угощения мясом и кымызом, бывают скачка, борьба и стаскивание с лошадей. Есть также у них пиршество, называемое туй, от глагола происходящее туйдыр. (Примечание переводчика).

²⁵ Башкирцы думают, что тулпары есть выродки из коней. Им приписывают отменную резвость, проворство и силу, и что тулпар, познав седока, одному ему и служит. Понимает его язык и исполняет все его приказания. (Примечание переводчика). См. примечание 3 к тексту «Кузыкурляс и Маянхылу».

²⁶ Чешуйка кашмау — тонкая серебряная пластинка величиной с копейку.

²⁷ Игры девичьи — башкирские девки устраивают скачки-соревнования в стаскивании друг друга с лошадей, к чему пристают также и молодые мужчины. (Примечание переводчика).

²⁸ Здесь речь идет о булгарах, которые в VIII веке пришли с Приазовья на Среднее Поволжье и нижнее течение Камы. Булгары стояли во главе различных по этническому происхождению кочевых и оседлых племен. В конце IX и в начале X вв. они создали свое государство, получившее название Волжской Булгарии. Западные башкирские племена, населяющие территорию близ Волжской Булгарии, находились в политической зависимости от царя булгар. Язык надмогильных памятников, обнаруженных в Среднем Поволжье и в Прикамье, как утверждают ученые, близок к современному чувашскому языку. Булгарское государство вело оживленную торговлю

с русами, хазарами, башкирами, народами Средней Азии. Булгарские купцы проникали даже в Иран, Китай и в Западную Европу. / См.: Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, ч. 1, Уфа: Башкирское книжное издательство, 1956, с. 19—22; Денисов П. В., Иванов Л. А. Чуваши // В кн.: Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. М.: Наука, 1985, с. 176—177; Мухамедова Р. Г. Татары // Там же, с. 202—206; Бикбулатов Н. В. Башкиры // Там же, с. 238—243/. Татаро-монгольское нашествие нанесло разрушение Булгарскому государству.

²⁹ Вверх по Сулман-Идели до устья Ак-Идели — вверх по реке Каме до устья Агидели (Белой).

³⁰ Нагорный берег Агидели — в нижнем течении Белой это больше правый ее берег.

³¹ Лесной народ. В старину башкирцы, хотя и одноплеменные, разделялись на два народа. Живущие на севере от пояса Уральских гор назывались лесным, а на полдень — степным народом. (Примечание переводчика). Речь, вероятно, идет о двух союзах башкирских племен.

³² Речь идет, видимо, о возникновении Булгарского царства на слиянии трех рек — Идиля (Волги), Камы и Оки.

³³ Рассказ двухтысячелетнего старца-чародея о разрушении «белыми воинами» основанного им города «Брахим» ассоциируется с завоеванием Казани войском Ивана Грозного. Но как бы предугадав такое, переводчик текста на 43-м листе сделал примечание: «Смотри Географический словарь Российского государства 1801 года, часть 1, стран. 585 под словом Брахимов». А там сказано следующее: «Брахимов — древний главный город Болгарский, был на правой стороне реки Волги, по косоугору при устье реки Суры, впадающей в Волгу. Великий князь Андрей I, в 1164 г. одержав победу над болгарями, взял сей город и несколько других сжег. На самом оном месте, по мнению господина Татищева, построен нынешний Васильсурск — город уездной Нижегородской губернии. Имя сие, как он же гос. Татищев повествует, черемисы и истолковать не знают, а сказывают по преданию, что тут жилал их великий святой волхв, а понеже у них вера принесена была из Индии: то, может быть, от некоего знатного Брахмина и имя сие получил».

³⁴ ...Крепкий град — речь идет, по-видимому, о постройке Иваном Грозным укрепленного города Свияжска для облегчения борьбы с Казанским ханством.

³⁵ Последние страницы семнадцатого вечера и начальные восемнадцатого утра.

³⁶ Айсюль — транскрипция имени непонятна.

³⁷ Знак — в рукописи «маяк».

³⁸ Магометане отправляют ежедневно пять молитв, кои называются: иртя-намаз — утренняя молитва, ойля-намаз — полуденная молитва, икинды-намаз — перед заходом солнца, акшам-намаз — по за-

ходе солнца, ястык (точнее — ясту, ястиг — ред.)-намаз — перед тем как ложиться спать. (Примечание переводчика).

³⁹ Обычай — в рукописи *право*.

⁴⁰ В начале 32-го вечера или в конце предыдущего говорилось, по-видимому, о прибытии гостей из рода Алдар-батыра. Однако рассказ об этом пропущен.

⁴¹ В нумерации вечеров допущена ошибка: данный «вечер» должен был быть тридцать третий.

⁴² Чюрюк (сөрөк) — гнилое светящееся дерево, что у нас называется «мышинный огонь». (Примечание переводчика); светляк.

⁴³ Оплакивать свое девство — древний обычай башкир, который называется «сенляу» (сенләу) — причитание девушки, выдаваемой замуж. В составе этого обычая водилось прощание девушки и с полем, где проходило ее детство.

⁴⁴ Башкирцы думают, или думали прежде, что звери имеют своего начальника или хозяина, которого они называют иясы (эйәһе — ред.). По большей части отдают они сию власть льву, как сильнейшему из зверей. И что сей иясы может превратиться по желанию многих и в человека, и что они так же духи, как пярри, но по большей части благие, и что могут посягать с женщинами, иметь от них детей, и сии дети по нуждам тоже превращаются также в львов. (Примечание переводчика).

⁴⁵ Башкиры называют деревни свои по именам стариков, и если старик умрет, коего имела деревня, то уже дают ей имя другого старика, по нем оставшегося. (Примечание переводчика).

⁴⁶ Здесь, на конце листа 134, прерывается рассказ Зухры. Далее на стр. 134а (лицевая сторона следующего листа), начинается рассказ Зухры о другом.

⁴⁷ Здесь, на конце 136 листа, обрывается текст сказания.

КУСЯК-БИЙ

Распространено в двух версиях — кипчакской и бурзянской, которые отличаются противоположной интерпретацией образов главных героев сказания — Бабсак-бия, батыра кипчакского рода, и Каракулумбета, батыра бурзянского рода.

Публикуемый текст относится к кипчакской версии. Сохранился он в двух списках. Первый составлен в 1910 г. Сабирьяном Мухаметкуловым (уроженцем д. Узян Орского уезда Оренбургской губернии — ныне дер. Абдулмамбетово Бурзянского р-на БАССР) на основе старинных записей в шежере (родословных) кипчакских и бурзянских родов. / НА, ф. 3, оп. 12, д. 303, лл. 60—90. Листы исписаны с обеих сторон; рукопись на арабской графике, растрепана, к первой странице приклеена картонная обложка, последняя — истерта, не-

возможно читать. Второй списан с рукописей С. Мухаметкулова Ахметом Исламгуловым в 1924 г. Рукописную копию, снятую в 1936 г. на латинском шрифте, А. Исламгулов представил в Институт языка и литературы (ныне — Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР). — НА, ф. 3, оп. 12, д. 247, лл. 1—59. Текст по представлению А. Исламгулова с небольшими сокращениями и с предисловием Г. Давлетшина опубликован в жур. «Башкорт аймагы», 1929, № 7, с. 72—88; в литобработке—БНТ, 1954, с. 83—104; научное издание — БНТ: Эпос, кн. 2, с. 293—319; в переводе на русск. яз. Г. Шафикова — АЗ, с. 207—244.

В настоящем томе публикуется уточненный перевод Г. Шафикова.

Другие опубликованные варианты кипчакской версии:

I. Изложение содержания варианта, вписанного в «Шежере башкир рода карагай-кыпсак племени кыпсак». — Башкирские шежере / Сост., перевод текстов, введение и коммент. Р. Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960, с. 110.

II. Лебединский Л. Н. В бурзянских горах (Из дневника собирателя башкирского народного творчества) // В его кн.: Башкирские народные песни и наигрыши / Под ред. С. В. Аксюка. М.: СП, 1962, с. 236—242. (Пересказ содержания по повествованию учителя Тагира — спутника Л. Лебединского в его поездке по Бурзянскому району БАССР в 1939 г.).

Неопубликованные записи кипчакской версии сделаны в Бурзянском, Баймакском, Абзелиловском р-нах БАССР: НА, ф. 3, оп. 10, д. 32, л. 16; оп. 12, д. 299, лл. 1—19; оп. 12, д. 300, лл. 8—48, 57—74; оп. 12, д. 303, лл. 3—30; оп. 12, д. 456, лл. 19—40; 89; оп. 23, д. 5, лл. 1—18, 19—22; оп. 23, д. 7, лл. 8—9, 10; оп. 63, д. 6, лл. 31—36, 36—41; ФФ БГУ. Записи 1962 г., лл. 23—27; ед. хр. 137, лл. 292—293; ед. хр. 20, лл. 615—616; ед. хр. 194, лл. 7—12, 101—107.

Опубликованные варианты бурзянской версии:

I Бабсак-бий и Каракулумбет-бий. Записана писателем Али Карнаем в 1939 г. в дер. Старосубхангулово Бурзянского р-на БАССР (имя исполнителя не указано). — НА, ф. 3, оп. 12, д. 300, лл. 1—7. Оpubл.: БНТ: Эпос, кн. 2, с. 320—324. Текст — прозаический.

Хан собирает вождей родов своих подданных и объявляет, кто на охоте добудет для него шкуру лучшего из лучших зверей, того он сделает своим приближенным. Бабсак присвоил рысь, убитую Каракулумбетом.

Неопубликованные варианты (9) записаны больше в Бурзянском, единично в Баймакском и Кугарчинском районах: НА, ф. 3, оп. 10, д. 32, лл. 16, 17, 22 (краткий пересказ сюжетной схемы); оп. 12, д. 300, лл. 75—77; оп. 12, д. 456, лл. 11—18; 41—44, 46—50, 51—53; оп. 23, д. 7, лл. 5—7, 14—16; ФФ БГУ, ед. хр. 39, лл. 154—157; ед. хр. 137, лл. 294—296.

¹ Масим-хан — легендарный персонаж. В эпосе «Акбузат» — хан-угнетатель. Во многих вариантах сказания «Кусяк-бий» и в преданиях Масим изображается ханом семи, иногда двенадцати башкирских племен и характеризуется только в положительном плане. Местные предания гласят, что курганная могила Масим-хана находится в устье реки Қана в Бурзянском районе. Здесь, в Бурзянском районе, имеется гора Масим (Мәсим тауы), на которой, согласно преданиям, жил Масим-хан. — Габбас Давлетшин. «Масим-хан» / «Башкорт аймагы», 1929, № 7, с. 72—73.

² Тангаур — древнее башкирское племя, обитавшее в юго-восточной части Башкирии.

³ Тамьян — древнее башкирское племя, обитавшее больше на территории нынешнего Белорецкого р-на БАССР.

⁴ Кыпсак (кипчак) — одно из самых крупных и древних тюркских племен. В исторической литературе — «половцы», «кумане». Кипчаки вошли в этнический состав ряда тюркоязычных народов, в том числе и башкир.

⁵ Хаин — изменник, предатель. Сэсэнны из племени кыпсак, стараясь принизить достоинство враждебного им племени бурзян, называли его в сказании хаиновым племенем. По арабским средневековым источникам, бурзяне известны с VII века нашей эры.

⁶ Здесь повторяется смысл преданий, согласно которым древнее башкирское племя бурзян (бөрйән) якобы ведет свое происхождение от одного человека (или от одной души — бер йән), спасшегося от истребления кыпсаков. БНТ: ПЛ, № 39, коммент. к нему с. 343. Конечно, такая трактовка не соответствует исторической действительности. Бурзяне известны в истории гораздо раньше, чем кыпсаки. В VII—VIII вв. на Сырдарье и в Приуралье, помимо крупных этнополитических объединений печенегов и огузов, сложились и самостоятельные родо-племенные объединения, к числу которых относились б а д ж г а р д ы (башкорттар — башкиры) и б у р д ж а н ы (бөрйәндәр — бурзянцы), родственные печенегам и входившие в этническую среду предков печенежских племен в период их расселения в Восточном и Центральном Казахстане, в долине р. Или и верховьях Иртыша. В IX в. часть бурджан и баджгардов, захваченная волной общих передвижений, уходит на запад, часть — в Волго-Приуральские земли. См.: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 426—427.

⁷ С признанием власти белого царя — имеется в виду добровольное присоединение большинства башкирских племен к Русскому государству, состоявшееся почти одновременно — в 1555—1557 гг. См.: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 504.

ЕК-МЭРГЭН

Записано в начале XX в. башкирским писателем Файзи Валеевым (1892—1940). Рукопись не сохранилась. Неизвестным остался и исполнитель эпического сказания. Под названием «Жик Мэргэн. Халык хикэйәсе» («Джик-мэргэн».) Народный рассказ опубликован в Казани в журнале «Ан» («Знание»), 1915, № 14, (на татар. яз.). Затем несколько раз перенздался. Научное издание — БНТ: Эпос, кн. 3, с. 63—66.

¹ Крутых поворотов Агидели множество. Самый значительный из них — поворот с юга на северо-запад — в среднем ее течении, у горы Кунгак (Көнгәк) — в нынешнем Мелеузовском р-не БАССР.

² Ек — от древнетюркского «ег» — хороший, благородный. Имя героя воплощает надежду рода, которую он связывает с батыром нового поколения.

³ Киргизские — речь идет о казахах, которых башкиры называли киргизами, или «кыр-казаками».

ГЛОССАРИЙ

- Агай, акэ (агай) — старший брат, дядя; почтительное обращение к мужчине, старшему по возрасту.
- Ажаль (эжэл) — смерть.
- Азак (Азак) — Азовское море.
- Азамат — воин, мужественный, бесстрашный человек.
- Азраил, газраил (газраил) — рел. азраил, ангел смерти.
- Азям (сэкмэн) — кафтан.
- Айран (айран, эйрэн) — кислое молоко, разведенное водою, употребляемое в качестве прохладительного напитка.
- Ак-дингиз (Ак дингез) — букв.: Белое море. В башк. эпосе — Каспийское море.
- Ак-Идель, Ак-Идиль, Агидель (Ағизел) (Ағизел) — река Белая; левый приток Камы, самая большая река БАССР.
- Ак-кош, Аккуш (аккош) — белая птица, лебедь.
- Аксакал (акһакал) — букв.: белобородый; почтенный старец, также предводитель рода, племени.
- Ак-тау (Ак тау) — Белая гора. Горы такого названия имеются в Бурзянском, Баймакском, Зианчуринском, Кугарчинском, Мелеузовском, Чишминском районах БАССР.
- Акшам (Акшам) — сумерки, вечерняя заря. Название намаза (молитвы), который мусульмане совершают по заходе солнца.
- Алатау — Пестрая гора. Горы такого названия имеются в Ишимбайском, Гафурийском районах БАССР.
- Алкоран — устар., то же, что коран.
- Алып (Алп) — исполин, титан.
- Аманат — завещание.
- Аму-Дарья — река в Средней Азии.
- Арал дингиз (Арал дингезе) — Аральское море.

Аргамак (Арғымак)	— рослый, выносливый, быстрый верховой конь.
Аркысак-Торкосак	— созвездие Рака.
Араслан, арслан (арыслан)	— лев.
Ассалямаглейкум	— традиционное мусульманское приветствие. — Букв.: Мир вам!
Асылыкуль, Ачелы-куль, Ачулы-куль (Асылы күл)	— букв.: Кислое или Сердитое озеро. В Давлекановском районе БАССР.
Аул (ауыл)	— деревня, кочевье.
Ашкадар (Ашказар)	— левый приток Агидели (Белой) в среднем ее течении.
Баит (бәйет)	— двестишие, заключающее законченную мысль. Своеобразный лиро-эпический жанр башкирского и татарского фольклора.
Бай	— букв.: богатый человек. Кулак, богач; крупный землевладелец; скотовод.
Байга, байги, бейге (бәйге)	— состязания батыров в скачке на лошадях; ставки-призы для первых. Количество байги (ставок) зависело от богатства устроителя состязаний и от количества участников.
Байгуш (байгош)	— нищий, странник.
Балкантау (Балкантау)	— гора в Давлекановском, Федоровском р-нах БАССР. Одноименная гора есть и в Кунашакском р-не Челябинской области.
Баранта	— см. барымта.
Барымта	— набег на территорию иноплеменников с целью угона скота и ответное нападение на грабителей.
Басымта (баһымта) диал.	— ответный набег (см. барымта).
Батман	— древняя, нестандартная мера веса на Ближнем Востоке и Средней Азии, колебавшаяся в разных местах от 2 до 10 пудов.
Батша	— царь.
Баурсак (бауырһак)	— мелкие шарики из теста, замешенного на яйцах и сваренные в масле. Приготавливают по случаю больших семейных праздников, например, свадьба.
Баш	— глава; главный; старшой.
Бешмет (бишмәт)	— стеганный полукафтан.
Бий (бей)	— знатный богатый человек; предводитель племени, рода. В книге употребляется больше во втором значении.

Бирь	— река в северо-западной части Башкирии, правый приток Агидели.
Бисура	— мифическое существо, кикимора.
Брахим	— город волжских булгар (см. примечание 32 к сказанию «Алдар и Зухра».
Брашно (др. рус.)	— яства, кушание.
Буз-аргамак (буз аргымак)	— сивый конь-аргамак.
Бузат (бузат)	— сивый конь; название звезды из созвездия Большой Медведицы.
Булгарская кожа	— сафьян.
Буляк (бүләк)	— подарок.
Визирь, везир (вәзир)	— ближайшее лицо, советник хана (царя).
Выи (ст. славянское)	— шеи.
Гурия	— райская дева необыкновенной красоты. Согласно мусульманской мифологии она предназначена праведным, попавшим в рай.
Джигитляр (егеттәр)	— джигиты, молодцы.
Джинн (йыйын)	— сход, народный праздник.
Джилан (Йылан)	— змей, змея.
Джин (ен)	— мифическое существо, бес, черт.
Дим	— река в юго-западной части Башкирии, левый приток реки Белой.
Дингиз (дингез)	— море.
Дунэн (дүнән)	— четырехгодовалый жеребенок.
Егет	— джигит, молодец.
Елян, зиян, зилень (елән)	— домотканая летняя верхняя одежда, кафтан.
Енгей (енгә)	— почтительное обращение к жене старшего брата, дяди.
Епанча	— длинный и широкий старинный плащ.
Ергак	— верхняя одежда из сыромятной козьей кожи.
Етеган (Етегән)	— созвездие Большая Медведица.
Жилкичи (йылкысы)	— конный пастух.
Зилаир (Йылайыр)	— река в Южной Башкирии, правый приток реки Сакмары.
Зиндан	— тюрьма, темница.
Идиль, Итил, (Изел)	— старинное тюркское название реки Волги.
Икинды-намаз	— название молитвы, совершаемой перед заходом солнца. См. намаз.
Иль (ил)	— край, родина.
Ильчи, ильче (илсе)	— посол, посланник, посланец.

- Имам — мусульманское духовное лицо.
- Иман — вера, религиозное убеждение, совесть.
- Иняй (инэй) — мать; бабушка; почтительное обращение к женщине, которая старше матери обращающегося.
- Иргиз (Ыргыз) — левый приток Агидели в верхнем ее течении.
- Иремель (Ирэмэл) — гора в северо-восточной Башкирии.
- Ирендик, Ирентик, Ирентицкие горы — горный хребет в юго-восточной части Башкирии.
- (Ирэндек)
- Иштяк (истэк) — так в старину называли казахи башкир.
- Кагыташ (Кагыташ) — гора на территории Белорецкого р-на БАССР.
- Кадир-тюнь (Кэзер төнө) — 26-я ночь Рамазана (девятого месяца лунного календаря), когда по утверждению ислама, Коран был ниспослан пророку Магомеду. По мусульманскому поверью в эту ночь открывается и сияет купол неба, и кто увидит это сияние и успеет высказать свое желание, оно сбудется.
- Кажбов (кашмау) — женский головной убор, украшенный коралловой сеткой и подвесками, с длинной лопастью из ткани, расши-тый бисером и раковинами.
- Казак — Аральское море.
- Каз-куле — гусиное озеро.
- Казы (казы) — конское сало.
- Каймак (каймак) — сметана.
- Калка — река, впадающая в Азовское море.
- Калта (калта) — дорожная сумка.
- Камар (кэмэр) — ковровый, бархатный или шелковый мужской пояс, шириной 6—7 см., ук-рашенный драгоценными камнями, серебряными бляхами.
- Камсы (камсы) — плеть, плетка, нагайка, хлыст, бич.
- Кандра (Кандра) — озеро в Туймазинском районе БАССР.
- Карагас-гора — небольшие горы такого названия име-ются в Балтачевском, Бурзянском, Ду-ванском, Зианчуринском, Ишимбай-ском, Караидельском, Кигинском, Ку-гарчинском, Кумертауском, Мечетлин-ском, Салаватском р-нах БАССР.

Каралык (Каралык)	— правый приток реки Ирғиз, впадающей в Белую.
Кара-река, Кара-су (Карайылға)	— рек такого названия много в юго-восточном Зауралье.
Кара-тау (Кара тау)	— горы такого названия имеются в Салаватском, Абзелиловском, Бурзянском, Зианчуринском, Кугарчинском р-нах БАССР.
Кармасан (Кармасан)	— левый приток Белой в нижнем ее течении.
Карымта (Карымта)	— кровная месть.
Катай (Катай)	— башкирское племя, обитавшее больше в Восточном Зауралье.
Катык (Катык)	— разновидность варенца.
Каф-тау (Каф тау)	— мифическая гора на краю света, где (или за которой) обитают мифические существа — персонажи сказок, эпических сказаний Ближнего Востока и Средней Азии.
Кирэгэ	— деревянный остов юрты (кибитки), собираемый из раздвижных решетчатых стенок.
Корос (корос)	— сталь.
Крут	— см. курут.
Крутин	— от слова курут.
Кук-тулпар (күк толпар)	— мифический сивый крылатый конь.
Кунак (кунак)	— гость.
Кунан (конан)	— трехгодовалый жеребенок.
Курай (курай)	— башкирский народный духовой музыкальный инструмент из тростника.
Курайсы, курайчи (курайсы)	— музыкант, играющий на курае, кураист.
Курбаши (кор башы)	— предводитель войска, отряда.
Куржын (куржын)	— переметная сума.
Курмас (курмас)	— жареное зерно (пшеница, ячмень)
Курук (корок)	— длинный шест с веревочной петлей на конце для ловли лошади в табуне, лассо.
Курташ (Курташ)	— гора в юго-восточной Башкирии.
Курут (корот)	— высушенный на солнце сыр из вываренного кислого молока.
Курезя (күрәзә)	— ворожей.
Кут-тау (Кот тауы)	— букв.: гора благополучия. Мифическая гора во владениях Азраки-царя дивов.
Кыз (кыз)	— девушка.

Кымыз	— кумыс.
Кыр-казак	— казах (в старину башкиры так называли казахов).
Кыркты (Кыркты)	— горный массив в Абзелиловском р-не БАССР.
Ляйсан (лэйсэн)	— первый весенний дождь.
Мажары	— мадьяры, венгры.
Майдан (майзан)	— площадь, место проведения праздников, гуляний и спортивных состязаний.
Мал	— скот, богатство.
Мар	— могильная насыпь, курган.
Марьян (мэрийэн)	— коралл, коралловая бусина .
Мокша	— мордва.
Мохак-река (Моһак)	— река в Абзелиловском р-не БАССР.
Муйынсаклы (Муйынсаклы)	— гора в Бурзянском районе БАССР.
Мурза (мырза)	— человек знатного происхождения; обращение к младшему по возрасту.
Мусаль (мөсәл)	— двенадцатигодичный цикл солнечного календаря, в котором каждый год имеет зооморфное название: сыскан (мышь), һыйыр (корова), барс (тигр), куян (заяц), лу (дракон, змей, крокодил, рыба), йылан (змея), йылкы (лошадь), куй (овца), маймыл (обезьяна), тауык (курица), эт (собака), дуңғыз, суска (свинья).
Мэргән (мэргән)	— меткий стрелок.
Мюлькят (мөлкәт)	— имущество.
Мярдяс, смярдяс (мэрзәс)	— возглас одобрения: исполать!
Намаз (намаз)	— молитвенный обряд мусульман, совершаемый пять раз в день: утром (иртэнге намаз), в полдень (өйлә намаз), вечером до заката солнца (икенде намаз), после захода солнца (акшам намаз) и перед сном (ястиг намаз).
Никах —	— акт бракосочетания по мусульманскому обряду.
Нугуш (Нөгөш)	— правый приток Агидели (Белой) в среднем ее течении.
Ойля (өйлә)	— полдень.
Олатай	— дедушка.
Оран	— боевой клич, пароль.
Осмиродец	— представитель восьмого башкирского рода.

Падиша	— царь.
Пярий, пяри (пәрей)	— демоническое существо, злой дух.
Пехлеван, палуан (бәһлеуән)	— исполин, силач.
Раа	— река Волга.
Рифейские горы	— Уральские горы.
Роксад (рөхсәт)	— разрешение, позволение, дозволение.
Рязь (Рәз)	— правый приток Белой в верхнем ее течении.
Саба (һаба)	— кожаный сосуд с узким горлышком, сделанный обычно из лошадиной шкуры для хранения и перевозки кумыса и других жидкостей.
Сайдак, садак (һаҙак)	— то же, что и саадак (сайдак), колчан со стрелами — набор вооружения конника.
Сакмар, Сакмара (һакмар)	— река в Южной Башкирии и Оренбургской области, самый большой правый приток Урала.
Сакма	— приток реки Иртыша.
Салям (сәләм)	— приветствие, привет.
Сандау (сандау)	— место, где в знойное время содержится скот; загон для скота.
Сарат	— мифический конь желтоватой масти; название звезды из созвездия «Большая медведица».
Сарты (һарттар)	— родовое подразделение башкир.
Сарык (сарык)	— старинная башкирская обувь с кожаным носком и суконным голенищем.
Сауап (һауап)	— благословение, дозволение.
Сахра (сәхрә)	— живописная местность, простор. В эпосе — благодатное место, благодатный край.
Семиродцы	— представители союза семи родов или семи племен.
Солман-Идель (Чолман)	— река Кама.
Суенсе (һөйөнсө)	— обычай обращения с доброй вестью. Тому, кто приносит добрую весть, дают подарок.
Сук-тиряк (сук тирәк)	— кудрявый, раскидистый тополь.
Сукмар, чокмар, чакмар (сукмар)	— палица.
Сунар (һунар)	— охота.
Сурегей (сүрәгәй өйрәк)	— дикая утка, чирок.
Сынсы, хынсы (һынсы)	— прорицатель; человек, наделенный способностью отгадывать чужие мысли,

	предсказывать погоду, по приметам выбирать из табуна лучшего коня. В старину ханы держали сынчи при своем дворе.
Сырт (һырт)	— горный хребет.
Сэсэн, сэсен (сэсэн)	— сказитель, создатель и исполнитель эпических сказаний.
Табын	— накрытый для еды стол; название восточного башкирского племени.
Таксир (тәксир)	— почтительное обращение к представителю высшей власти или высшего духовенства.
Тал	— ива, тальник.
Тамъян	— название древнего башкирского племени.
Тапян (тәпән)	— деревянная кадка для хранения воды и молочных продуктов.
Тархан	— человек, освобожденный за особые заслуги от податей, что свидетельствовалося тарханной грамотой. Такие грамоты выдавались Волжско-Камскими болгарскими и татаро-монгольскими ханами.
Тенгри, тэнгри (тәңре)	— верховный бог неба древних тюрков и монголов.
Тимерказык (Тимерказык)	— Полярная звезда.
Тугай (Туғай)	— кустарнико-луговая пойма реки.
Тузлук (тозлок)	— навар, подливка; соленая вода.
Туй	— свадьба, народное гуляние.
Туйгун (тойгон)	— белый ястреб.
Тулпар (толпар)	— мифический крылатый конь.
Турсук (турһык)	— сосуд, изготовленный из конской кожи, для хранения кумыса или воды.
Тюнгак-тау (Төнгәк-тау)	— гора в Южной Башкирии.
Уар	— удмурты.
Узень-река, Узян (Үзән)	— название небольших рек-притоков Белой в Белорецком и Бурзянском р-нах.
Улем (үлем)	— олицетворение смерти; ангел смерти.
Улькяр (Өлкәр)	— Стожары.
Ульба	— правый приток реки Иртыш.
Урал	— река, впадает в Каспийское море. Прежнее название — Яйык.

Урындык (урындык)	— место для сидения; нары.
Уршак (Өршәк)	— левый приток Белой в ее среднем течении.
Урус (урыс)	— русский.
Уфа	— река, самый большой правый приток Агидели; другое название—Караидель. На ее устье находится город Уфа (Өфө) — столица Башкирской АССР.
Хазрет (хәзрәт)	— религиозный сан у мусульман, мулла; обращение к почтенным; господин, высочество.
Хаин	— изменник, предатель.
Хатын (катын)	— женщина; жена, супруга.
Хулджур	— сафьян.
Черемис	— марийцы.
Чермасан (Сәрмәсэн)	— река, левый приток Агидели.
Чилига (селек)	— колючий кустарник, вид желтой акации.
Чумбур	— чембурь — повалец, третий, одинокий повод уздечки, за который водят верхового коня, привязывают и дают валяться.
Шешлык (шешлек)	— деревянный вертел, шампур.
Шульган (Шүлгән)	— небольшое озеро и речка, протекающая в Каповой пещере на территории Бурзянского р-на.
Ырыс (ырыс)	— счастье, благополучие.
Эбей (эбей)	— бабушка, уважительное обращение к пожилой женщине.
Юлбарс (юлбарыс)	— тигр.
Юлдуз-юлаучи	— мифический конь, скачущий по звездам.
Юрматы	— название башкирского племени.
Яик (Яйык)	— река, которая в 1775 г. переименована в Урал.
Яйляу (йәйләү)	— летнее кочевье, летовка.
Яман-тау	— Букв.: Плохая гора. Горный массив на Южном Урале.
Яр	— берег.

УКАЗАТЕЛЬ ЭПИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ И УПОМЯНУТЫХ ЛЕГЕНДАРНЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ

- Абляй (Әбләй) — эпический герой. — «Қара юрга».
- Авлия (Әүлиә) — святой, посланник Магомета, покровитель героя. — «Куз-Курпяч»; «Алдар и Зухра».
- Аждаха (аждаһа) — мифическое существо, дракон.
- Азрака (Әзрәкә) — царь дивов, хозяин живой воды. — «Урал-батыр».
- Айдар (Айҙар) — пастух, сын героя. — «Алпамыша».
- Айкара (Айкара) — султан, за которого Сарыбай хотел отдать Маянхылу. — «Куз-Курпяч».
- Айляр (Әйләр) — хан, отец Барсынхылу. — «Алпамыша».
- Айсюль (Айсүл) — аксакал-советчик, посоветовавший Алдару жениться на Зухре. — «Алдар и Зухра».
- Айхылу (Айһылыу) — дочь царя птиц Самрау. — «Урал-батыр»; дочь Масем-хана. — «Акбузат».
- Акай (Акай) — Акай Кусюмов — один из предводителей башкирского восстания 1735—1736 гг. — «Куз-Курпяч».
- Акбузат (Акбузат) — мифический белый конь. — Урал-батыр»; «Акбузат».
- Акбулат (Акбулат) — друг Масем-хана, один из убийц Сура-батыра. — «Акбузат».
- Аккубьяк (Аккүбәк) — хан, отец героя. — «Алпамыша»; батыр. — «Алдар и Зухра».
- Акхак-кола (Акһак кола) — хромой саврасый конь, в одноименном сказании.
- Алгыр (Алғыр) — освобожденный из неволи батыр. — «Урал батыр».
- Алдар — эпический герой. — «Алдар и Зухра»; батыр, друг героя. — «Куз-Курпяч».
- Аллабирде (Аллабирҙе) — батыр, Глава (Баш) нескольких башкирских кочевьев. — «Алдар и Зухра».
- Алмас-батыр — один из родовых батыров. — «Акбузат».

Алтыша	— жена Карабая, мать Куз-Курпяча. — «Куз-Курпяч».
Алпамыша	— эпический герой одноименного сказания.
Аралбай	— пожилой наездник, товарищ Карабая. — «Куз-Курпяч».
Арслан	— лев: а) в функции коня. — «Урал-батыр»; б) свирепый зверь. — «Кузыкурпяс и Маянхылу», «Куз-Курпяч», «Алдар и Зухра»; в) зверь-людоед. — «Кусяк-бий».
Арсланбай	— борец на состязаниях. — «Куз-Курпяч».
Аслай	— борец на состязаниях. — «Алдар и Зухра».
Бабсак (Бабсак)	— батыр-предводитель рода кыпсак. — «Кусяк-бий».
Байский сын	— эпический герой. — «Акхак-кола».
Байегет (Байегет)	— батыр-зверолов, наездник. — «Куз-Курпяч»; «Алдар и Зухра».
Балдыбика (Балдыбикә)	— жена Киньябулата. — «Алдар и Зухра».
Балтас	— аксакал. — «Алдар и Зухра».
Барлыбай	— сын Курпяча и Баяны. — «Куз-Курпяч».
Барсын, Барсынхылу	— девушка-богатырка, жена героя. — «Алпамыша».
Батый (Батый хан)	— хан Золотой орды в 1243—1251 гг. — «Куз-Курпяч».
Батыр	— безымянный всадник-советчик. — «Алдар и Зухра».
Батыркул (Батыргол)	— борец. — «Куз-Курпяч».
Батырша	— Батырша Алиев — мулла, предводитель башкирского восстания 1755 года. — «Куз-Курпяч».
Баяна, Баян-сылу (Баяннылыу, Маяннылыу)	— нареченная героя. — «Куз-Курпяч».
Белая птица (Ак кош)	— помощник героев. — «Алдар и Зухра».
Белый Змей (Ак йылан)	— змеиный царь. — «Урал-батыр».
Белый медведь	— «Куз-Курпяч», «Алдар и Зухра».
Белый тулпар (Ак толпар)	— конь героя. — «Заятуляк».
Беркуты (Бөркөттәр)	— огромные мифические птицы-враги, нападающие на героя с воздуха. — «Куз-Курпяч».
Бикбирде-батыр	— наездник и борец. — «Алдар и Зухра».

- Брат Дью-пярия — мифическое существо, убийца Карабая. — «Куз-Курпяч».
- Будяр (Бүзэр) — хан, враг героя. — «Алпамыша».
- Бурамбика (Бурамбикэ) — мать Зухры. — «Алдар и Зухра».
- Буранбай — борец на состязаниях. — «Алдар и Зухра».
- Бурзян (Бөрйән) — легендарный родоначальник, внук Курпяча и Баяны. — «Куз-Курпяч».
- Буркутбай (Бөркөтбай) — борец на состязаниях. — «Куз-Курпяч».
- Бурейбай (Бүрейбай) — батыр. — «Куз-Курпяч».
- Бушмас (Бошмаç) — внук Курпяча и Баяны. — «Куз-Курпяч».
- Бык (Үгез) — свирепое животное у Катил-батши. — «Урал батыр».
- Водяной царь (Һыу батшаһы) — отец Хыхылу. — «Заятуляк».
- Воробей (турғай) — вестник. — «Кузыкурпяс и Маянхылу».
- Ворон (козғон) — представитель «лесного населения». — «Урал-батыр».
- Ворона (карға) — птица, к которой обращается герой за помощью. — «Кузыкурпяс и Маянхылу».
- Восемь батыров — безымянные батыры, проглоченные змеем. — «Урал-батыр».
- Глава рода — безымянный персонаж-старейшина рода. — «Конгур-буга».
- Гаухар (Гәүһәр) — дочь Масем хана. — «Кусяк-бий».
- Гулистан (Гөлөстан) — девушка, освобожденная из рабства у Кажкахи, одна из жен героя. — «Урал-батыр».
- Гульбустан (Гөлбостан) — дочь ногайского бия, освобожденная Алдаром из неволи у Дью-пярия. — «Алдар и Зухра».
- Гюльбика (Гөлбикэ) — дочь аксакала Кутлубая, освобожденная Алдаром из неволи у Дью-пярия. — «Алдар и Зухра».
- Гюльхылу (Гөлһылыу) — вдова брата Тандысы. — «Конгур-буга».
- Давлетбай (Дәүләтбай) — брат Гюльбики. — «Алдар и Зухра».
- Два брата Маянхылу — «Кузыкурпяс и Маянхылу».
- Двуглавый див (Ике башлы дейеү) — злое мифическое существо. — «Акбузат».
- Девятиглавый змей (Туғыз башлы йылан) — хранитель царских покоев. — «Урал-батыр».

- Джигилбай (Ягылбай) — борец на состязаниях. — «Куз-Курпяч».
- Див (Дейеу) — враждебное людям мифическое существо, традиционный (больше сказочный) персонаж в фольклоре народов ближнего Востока и Средней Азии.
- Дикий гусь (кыр-казы) — вестник. — «Алпамыша».
- Дью-пярий (дейеу парейе) — мифическое существо, злой дух, способный превращаться в разные виды, в т. ч. и в человека. — «Куз-Курпяч».
- Ек-Мэргэн (Ек Мэргэн) — герой одноименного сказания.
- Елкибай (Йылкыбай) — друг Аллабирде. — «Алдар и Зухра».
- Жанузак (Йэнозак) — батыр кыр-казаков. — «Алдар и Зухра».
- Жена Карагула — отрицательный персонаж. — «Кузыкурпяс и Маянхылу».
- Заркум (Зэркум) — мифическое существо, сын Кахкахи. Имя персонажа, видимо, произошло от арабского слова «зарк», обозначающего хитрость, лицемерие. «Заркум» обозначает также ядовитое дерево, смертельную горечь. Во всяком случае образ Заркума вполне воплощает и лицемерие двуликого человека, и ядовитость злобного мифического существа. — «Урал-батыр».
- Заятуляк (Заятүләк) — эпический герой. — «Заятуляк и Хыу-хылу».
- Заяц Длинное ухо (Озон колак куян)
- Звери — помощники Дью-пярия. — «Куз-Курпяч»; «Алдар и Зухра».
- Зухра (Зөһрә) — героиня. — «Алдар и Зухра».
- Идель (Изел) — сын Урала и Хумай. — «Урал-батыр».
- Ильчи (Илсе) — посланник Булгарского царя. — «Алдар и Зухра».
- Илсебай (Илсебай) — батыр. — «Алдар и Зухра».
- Искандер (Искәндәр) — Александр Македонский. — «Куз-Курпяч».
- Итбай — батыр демских башкир. — «Алдар и Зухра».
- Иткул (Иткол, Эткол) — батыр-наездник. — «Алдар и Зухра».
- Иш-кары (Ишкара) — батыр, родственник Алдара. — «Куз-Курпяч».
- Казанский хан — враг героя. — «Ек-Мэргэн».
- Каланбай — сын Сарабая. — «Куз-Курпяч».

- Камень (таш) — олицетворение. — «Узак-Тузак...»
- Карабай (Карабай) — брат Муйнака, пленник Дью-пярия. — «Алдар и Зухра».
- Карагир (Карагир) — богатырский конь темно-мухортой масти. — «Кусяк-бий».
- Карагул (Карагол) — слуга Кусяр-хана, убийца Кузыкурпьяса. — «Кузыкурпяс и Маянхылу»; Упоминается. — «Акхак-кола».
- Каракулумбет (Карагөлөмбэт) — батыр рода бурзян. — «Кусяк-бий».
- Карлугас (Карлугас) — сестра героя. — «Алпамыша».
- Кара Кыпсак (Кара-Кыпсак) — сын Барлыбая. — «Куз-Курпяч».
- Караман (Караман) — пастух Карабая. — «Куз-Курпяч».
- Карасакал (Караһакал) — «Черная борода» — прозвище руководителя башкирского восстания 1740 года; настоящее имя — Миндигул (Миңнегол). — «Куз-Курпяч».
- Каратау (Каратау) — батыр кыр-казаков. — «Алдар и Зухра».
- Кара-юрга (Кара юрга) — карий иноходец; чудесный боевой конь. — «Кара-юрга».
- Катай (Катай) — легендарный родоначальник, батыр одноименного башкирского племени. — «Акбузат».
- Катил (Катил) — от арабского «убийца». В эпосе — злой дух, коварный царь. — «Урал-батыр».
- Кахкаха (Кәһкәһә) — от персидского «хохотун», язвительный смех. В эпосе — царь-змей. — «Урал-батыр»; 12-головый змей, первый батыр у водяного царя Шульгена. — «Акбузат».
- Кильмяк (Килмәк) — Кильмяк Нурушев — один из руководителей восстания 1735—1736 гг.
- Кинзя (Кинйә) — батыр. — «Куз-Курпяч»; сын аксакала Балтаса, батыр. — «Алдар и Зухра».
- Киньябулат (Кинйәбулат) — друг Алдара. — «Алдар и Зухра».
- Колтоба (Колтаба) — дядя Алпамыши, хочет жениться на Барсынхылу. — «Алпамыша».
- Кольерән (Колйерән, Кылйерән, Каниерән) — кличка коня-друга Алпамыши. — «Алпамыша».
- Конгур-буга (Куңыр буға) — букв. бурый бык: кличка телки, о которой повествуется. — «Конгур-буга».
- Красивая девушка (Ғылыу кыз) — безымянный персонаж. — «Акхак-кола».

- Крылатый зверь — огромное мифическое существо, помощник Пярия. — «Алдар и Зухра».
- Куз-Курпяч, Кузыкурпяс кузы (Кузыйкурпэс) — баран, курпяч, шапка: батыр в бараньей шапке. Эпический герой. — «Кузыкурпяс и Маянхылу»; «Куз-Курпяч».
- Кук-тулпар (күк толпар) — сивый тулпар — крылатый конь Кузыкурпяса. — «Кузыкурпяс и Маянхылу».
- Кулюбай (Көслөбай) — борец на состязаниях. — «Куз-Курпяч», «Алдар и Зухра».
- Кусмяс (Күсмәс) — хан, отец Курпяса. — «Кузыкурпяс и Маянхылу».
- Кусяк (Күсәк) — от древнетюркского «Каусяк» (Кәүсәк) — благородный; сын Бабсак-батыра. — «Кусяк бий».
- Кусярбай (Күсәрбай) — отец Айляр-батыра. — «Кара-юрга».
- Кусяр (Күсәр) — хан, отец Маянхылу. — «Кузыкурпяс и Маянхылу».
- Кутлубай (Котлобай) — аксакал кыр-казаков, отец Гюльбики. — «Алдар и Зухра».
- Кутлугильде (Котлогилде) — наездник, товарищ Муйнака. — «Алдар и Зухра».
- Кучербай (Күсербай) — зверолов и наездник. — «Куз-Курпяч».
- Кчук (Көсөк) — мурза, убитый Дью-пярием. — «Алдар и Зухра».
- Кушбай (Кушбай, Кошбай) — старик, глава семейства (или небольшого рода). — «Алдар и Зухра».
- Кыдрас, Кидряс (Кызрас) — отец Зухры. — «Алдар и Зухра».
- Кыпчак (Кыпсак) — легендарный батыр-родоначальник башкирского племени кыпсак. — «Акбузат», «Куз-Курпяч».
- Кыр-батыр — букв. степной батыр, прозвище Алдара. — «Алдар и Зухра».
- Магомет, Мухаммед, Мухаммад, Мохаммед (Мөхәммәт) — основатель исламской религии; «посланник аллаха на земле», «главный и последний пророк мусульман». Жил в 570—632 гг. н. э.
- Мактымхылу — дочь Масим-бая. — «Кара-юрга».
- Мальчик (малай) — безымянный персонаж, единственная недобитая душа из рода Каракулумбета. — «Кусяк-бий».
- Масем-бай (Мәсем бай) — отец Мактымхылу. — «Кара-юрга».
- Масим-хан (Мәсем-хан) — враждебный хан-тиран. — «Акбузат»; хан, объединивший несколько башкирских племен. — «Кусяк-бий».

- Мать Алпамыши
Маянхылу
(Маянхылу)
Мэргэн-батыр (Мэргэн)
- Миняй-батыр
(Минэй батыр)
Младшая дочь хана
Мряс (Мерэс)
- Муйнак (Муйнак)
- Мукаш (Мокаш)
- Мурат (Морат)
- Мяскай (Мэскэй)
- Нугуш (Нөгөш)
- Нэркэс (Нэркэс)
- Овца (куй)
Одиннадцатиглавый
змей (ун бер башлы
йылан)
Озеро
- Олень
- Оркан
- Палуан
- «Алпамыша».
- нареченная Курпяса. — «Кузыкурпяс и Маянхылу».
- эпический герой сказания «Мэргэн и Маянхылу», упоминается в «Акбузате».
- муж Тандысы. — «Конгур-буга».
- помогает герою. — «Алпамыша».
- батыр-старик, охранивший вход в пещеру Дью-пярия. — «Алдар и Зухра».
- пожилой зверолов-наездник — «Куз-Курпяч»; батыр, претендовавший взять в жены Зухру. — «Алдар и Зухра».
- человек, который по велению Мактымхылу украл Кара-юргу, коня Абляя. — «Кара-юрга».
- каракалпакский батыр, попавший в плен к пярию. — «Алдар и Зухра».
- характерный башкирский сказочный персонаж: мифическая старуха-кровопийца, людоедка, иногда — старушка-советчица и дарительница волшебных предметов; в эпосе — прорицательница. — «Куз-Курпяч»; «Алдар и Зухра».
- сын Урала и Гулистан. — «Урал-батыр»; бай, сын которого хотел жениться на Мактымхылу. — «Кара-юрга».
- от персидского «нарцисс», русалка; дочь водяного царя, жена Хаубана. — «Акбузат».
- вестник. — «Кузыкурпяс и Маянхылу».
- мифический персонаж — хранитель тайн в пяриевом царстве. — «Алдар и Зухра».
- олицетворение — «Кузыкурпяс и Маянхылу».
- символический предвестник. — «Кузыкурпяс и Маянхылу».
- легендарный батыр-предводитель болгарского войска, погибший в войне с «белыми воинами». — «Алдар и Зухра».
- борец-богатырь. — «Алдар и Зухра».

Пастух Сарабаев	— извещает о рождении Баяны. — «Куз-Курпяч».
Пастухи	— традиционные эпические и сказочные персонажи. — «Кузыкурпяс и Маянхылу».
Предводитель воинства	— извещает Заятуляка о смерти Самархана и желании народа поставить ханом Заятуляка. — «Заятуляк и Хыухылу».
Птицы (коштар)	— огромные мифические птицы-чародеи, помощники Пярия. — «Алдар и Зухра».
Пярий (пэрей)	— мифическое существо исполинского роста, злой дух, который держит девушек и мужчин в плену. — «Алдар и Зухра».
Река	— олицетворение. — «Узак-Тузак».
Рысбай (Ырысбай)	— батыр-наездник из степных башкир. — «Алдар и Зухра».
Сагазак (Сағызак)	— предводитель грабителей аула Сарабая. — «Куз-Курпяч».
Сакмар (Һакмар)	— сын Шульгена и Айсылу. — «Урал-батыр».
Самар (Сәмәр)	— хан, отец Заятуляка. — «Заятуляк и Хыухылу».
Самрау	— мифическое существо, повелитель птиц, отец Хумай. — «Урал-батыр».
Саракул (Сарығол)	— казахский батыр. — «Куз-Курпяч».
Сибай	— аксакал, друг Алдара. — «Алдар и Зухра».
Сигезяк (Һигезәк)	— батыр-воин из кипчакского рода. — «Кусяк-бий».
Смерть (Әжәл)	— олицетворение. — «Урал-батыр».
Сорока (Һайысқан)	представитель «лесного населения». — «Урал-батыр», «Кузыкурпяс и Маянхылу».
Старик-советчик (Карт кәңәшсе)	— «Урал-батыр», «Кузыкурпяс и Маянхылу», «Алдар и Зухра».
Старик-чародей (карт күрәзәсе)	— «Алдар и Зухра».
Старуха-прорицательница (карсык күрәзәсе)	— «Алдар и Зухра».
Старуха-советчица (кәңәшсе карсык)	— «Кузыкурпяс и Маянхылу».
Султан Айкара (Айкара солтан)	— сын хана, который хотел жениться на Баяне. — «Куз-Курпяч».
Сура-батыр	— внук Урал-батыра. — «Акбузат».

- Сылубика (Ҡылыубикә) — умершая жена Аллабирде. — «Алдар и Зухра».
- Сын Нуғуш-бая — безымянный персонаж, соперник Абляя. — «Кара-юрга».
- Тамъян — легендарный батыр-родоначальник одноименного башкирского племени. — «Акбузат», «Кусяк-бий»; внук Курпяча. — «Куз-Курпяч».
- Тандыса (Тандыса) — хозяйка Конгур-буги — «Конгур-буга».
- Тараул — старик-даритель. — «Акбузат».
- Тансылу (Таңһылыу) — дочь богатого туркменского мурзы, пленница Пярия. — «Алдар и Зухра».
- Тенгаур (Түңгәүер) — внук Куз-Курпяча. — «Куз-Курпяч».
- Тимер-Аксак, Аксак-Тимер (Аҡһаҡ Тимер) — Среднеазиатский хан Хромой Тимур, Тамерлан (1336—1405). — «Куз-Курпяч».
- Тимеркотло (Тимеркотло) — батыр, друг Масим-хана. — «Кусяк-бий».
- Тлявчин (Теләүсен) — борец и наездник на состязаниях. — «Алдар и Зухра».
- Тугызак (Туғызақ) — жена знаменитого предводителя войск, бабушка Ек-Мэргэна. — «Ек-Мэргэн».
- Тукляс (Төкләс) — легендарный святой старец, покровитель благородного батыра. В эпических сказаниях соответствует образу Хызыр-Ильяса. В эпосе «Акбузат» — батыр горных башкир.
- Тулькубай (Төлкөбай) — борец и наездник на состязаниях. — «Куз-Курпяч».
- Убыр-карсык (Убыр карсык) — букв.: старуха-обжора, отрицательный мифический женский персонаж, характерный для сказочного эпоса, часто соответствует образу Мяскай. В эпосе «Акбузат» это прозвище дано матери Хаубана — пленнице подводного царства.
- Узак-Тузак — эпический герой одноименного сказания.
- Узбекхан (Үзбәкхан) — хан Золотой орды 1312—1342 гг., отец Аккубяка. — «Алдар и Зухра».
- Улем (Үлем) — олицетворение смерти. — «Узак-Тузак...».
- Улькар (Өлкәр) — отец Тандысы. — «Конгур-буга».
- Ураз-хан — дедушка Кусяка, отец Ямили. — «Кусяк-бий».

Урал	— эпический герой. — «Урал-батыр».
Уралбика (Уралбикә)	— мать Узак-Тузака. — «Узак-Тузак...».
Усярган (Үсәргән)	— внук Курпяча. — «Куз-Курпяч».
Ухэбика (Өһәбикә)	— мать Тандысы. — «Конгур-буга».
Хаубан (Һәүбән)	— эпический герой. — «Акбузат».
Хозяин (эйә)	— безымянный персонаж — хозяин коней. — «Акхак-кола».
Хумай (Һомай)	— дочь повелителя птиц Самрау от Солнца (Кояш), появляющаяся на Земле в облике белой лебеди. — «Урал-батыр».
Хыхулы (Һыуһылыу)	— водяная красавица, дочь подводного царства. — «Заятуляк и Хыхулы».
Царь Болгарский	— имеется в виду царь Волжской Булгарии.
Четыре великана (дүрт батыр)	— батыры-исполины, служащие у Катилла. — «Урал-батыр».
Чултук-куш (Солтоккош)	— кличка пса Мяскай. — «Куз-Курпяч».
Чюрюбай	— батыр, младший брат Итбай-батыра. — «Алдар и Зухра».
Шесть братьев (алты туған)	— старшие братья Заятуляка. — «Заятуляк и Хыхулы».
Шульген (Шүлгән)	— старший брат Урала, переметнувшийся в стан врага. — «Урал-батыр»; злобный подводный царь озера «Шульген». — «Акбузат».
Шункар (Шоңкар)	— батыр-наездник, сын старика Кушбая. — «Алдар и Зухра».
Юлбарс (юлбарыс)	— тигр, поверженный Карабаем. — «Куз-Курпяч».
Юлдуз-юлаучи	— мифический конь, скачущий по звездам. — Конь героя. — «Куз-Курпяч».
Яланбай	— младший сын Сарабая. — «Куз-Курпяч».
Ямиля (Йәмилә)	— жена Бабсака, мать героя. — «Кусякбий».
Янбика (Йәнбикә)	— мать героя. — «Урал-батыр».
Янбирде (Йәнбирҙе)	— отец героя. — «Урал-батыр».
Янузак (Йәнөзәк)	— отец героя. — «Узак-Тузак...».
Яик (Яйык)	— сын героя. — «Урал-батыр».

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Комментарии
От редколлегии	5	
<i>Н. Т. Зарипов, М. М. Сагитов.</i> Башкирский		
народный эпос	7	
1. Урал-батыр	35	499
2. Акбузат	135	502
3. Заятуляк и Хыухылу	177	504
4. Акхак-кола	187	505
5. Кара-юрга	193	505
6. Конгур-буга	208	506
7. Алпамыша	227	507
8. Узак-Тузак — последний из рода балабаш- няков	239	508
9. Кузыкурпяс и Маянхылу (Кунашакская версия)	247	509
10. Куз-Курпяч (версия Т. Беляева) *	267	510
11. Алдар и Зухра *	331	514
12. Кусяк-бий	464	518
13. Ек-Мэргэн	491	520
Комментарии	497	
Глоссарий	522	
Указатель эпических персонажей и упомя- нутых легендарных и исторических лич- ностей	531	

Все произведения, за исключением отмеченных звездочками, переведены на русский язык Г. Г. Шафиковым.

Б—33 Башкирское народное творчество. Том I. Эпос. —
Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. —
544 с.

В первом томе башкирского народного творчества представлены наиболее популярные героические сказания «Урал-батыр», «Акбузат», «Алдар и Зухра», «Алпамыша» и другие.

Б $\frac{4702110000-193}{M121(03)-87} 96-87$

82.3 баш.

Печатается по решению
ученого совета ордена «Знак Почета»
Института истории, языка и литературы
Башкирского филиала АН СССР

**БАШКИРСКОЕ
НАРОДНОЕ
ТВОРЧЕСТВО**
ЭПОС

Редактор *Ю. Андрианов*
Художник *А. Дианов*
Художественный редактор *В. Ковалев*
Технический редактор *Н. Зарипова*
Корректоры *Э. Сулейманова,*
Л. Сулейманова, Н. Кудрявцева

ИБ № 3426

Сдано в набор 11.05.87. Подписано к печати
29.07.87. П00035. Формат бумаги 84×108^{1/32}. Бу-
мага книжно-журнальная. Гарнитура литератур-
ная. Печать высокая. Условн. печ. л. 28,56+0,42
вкл. Усл. кр. отт. 30,56. Учетн.-издат. л. 31,65+
+0,40 вкл. Тираж 50 000 экз. Заказ № 120. Цена
2 руб. 90 коп. Башкирское книжное издательство.
450000, Уфа-центр, Советская, 18. Уфимский поли-
графкомбинат Госкомиздата Башкирской АССР.
450001, Уфа, проспект Октября, 2.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Этой книгой Башкирское книжное издательство открывает выпуск многотомного издания на русском языке «Башкирское народное творчество».

В 1987 году увидит свет 2-й том:
«ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ»;

В 1988 году — 3-й том:
«БАШКИРСКИЕ БОГАТЫРСКИЕ СКАЗКИ».

О выходе последующих томов издательство проинформирует читателей дополнительно.

